

COBBE
ADATEUR

Расс

Ирландские

Детектив

3 4 5 7

0

36

01975

ENGLAND

0

Факт. Приключение. Детектив.

В зоне риска

Анатолий Безуглов

Горькие плоды

Виктор Пронин

В зоне риска

Октем Эминов

Считать подвигом

Перевод с туркменского Валерия Аушева

Юрий Пшонкин

Следы в тумане

Василий Шукшин

Охота жить

Валентин Федоров

Инок белой пустыни

Виктор Пронин

С утра до вечера вопросы

Ростислав Самбук

Криминальный марафон

Перевод с украинского Игоря Захорошко

Леонард Фесенко

Шесть пуль

Факт. Приключение. Детектив.

В зоне риска

Выпуск первый

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1991

ББК 84 Р7
Ф 18

Составитель
Л. П. ФЕСЕНКО

Художник
АЛЕКСАНДР КОЛОМАЦКИЙ

4702010201—332
Ф ————— 365—91
083(02) — 91

ISBN 5—265—02063—2

© Издательство «Советский писатель», 1991

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга о людях с сильным характером, их мужестве и стойкости. Герои произведений Василия Шукшина, Виктора Пронина, Октема Эминова, Ростислава Самбука, Юрия Пшонкина, Валентина Федорова и других авторов ведут напряженную, рискованную борьбу со злом во имя добра и справедливости.

За первым сборником последуют другие выпуски. Их будут представлять известные советские писатели, журналисты. Надеемся на сотрудничество зарубежных авторов. В частности, в освещении деятельности Интерпола, в который вступил Советский Союз.

Не случайно в названии сборника на первое место вынесено слово «факт».

Достоверные сведения о событиях, происходящих в нашей стране и за ее пределами,— основа книги, которая увлекательно расскажет о людях, проявивших в экстремальных условиях волю, силу духа, мужество.

Без крутого сюжета, логических загадок, оригинальных версий и неординарных решений нет детектива. В представленных произведениях читатель станет участником и свидетелем захватывающей борьбы с преступным миром, с отечественной и зарубежной мафией.

Особенностью сборников является и то, что в них будут представлены произведения национальных писателей.

Борьба за общество социальной справедливости не ослабевает ни на минуту. Наша бурная, до предела

насыщенная сложными проблемами и кризисными ситуациями жизнь — тому свидетель. Она же подняла на поверхность и темные силы. Высветить художественными средствами негативные явления, помочь людям обрести душевную щедрость и покой, направить их на верный жизненный путь — вот цель, которую ставят перед собой составитель сборника и авторы. И если кто-либо найдет в книге ответ на терзающие его вопросы, мы будем искренне рады и сочтем, что наше скромное начинание одобрено.

Леонард Фесенко

Безуглов

Анатолий Безуглов после окончания Московского юридического института работал прокурором уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР.

В настоящее время — доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей СССР, заведующий кафедрой Московского юридического института. Широкую популярность получили романы и повести: «Инспектор милиции», «Змееловы», «Следователь по особо важным делам», «Хищник», «Черная вдова» и другие.

А. А. Безуглов — лауреат конкурсов МВД СССР и Союза писателей СССР. За литературное творчество удостоен Золотой медали имени Н. Кузнецова.

Пронин В.

Известный писатель и публицист Виктор Пронин в документальной повести «В зоне риска» рассказывает о сложной судьбе талантливого организатора производства Леонида Кучеренко.

В свое время публикация очерка Пронина «Дело началось с письма» помогла Кучеренко избавиться от долгих преследований мстительных людей.

Эминов

Октем Эминов окончил педагогическое училище и Туркменский государственный университет. Работал в городе Чарджоу в областной газете. Последние 20 лет на творческой работе.

Издal несколько сборников стихов и прозы. Известен по книгам «Дело возбуждено», «Будь начеку, Бенизор», «Высокое напряжение», «Клевета».

Лауреат всесоюзных конкурсов МВД и Союза писателей СССР.

Александр

Горькие плоды

Дачный поселок Быстрица жил размеренной, спокойной жизнью. На улицах было много детворы. С волейбольной площадки доносились азартные возгласы играющих и гулкие удары по мячу. Пожилые дачники чинно гуляли по поселку. Кое-кто возвращался из леса с лукошком, где лежали ядренные подберезовики и боровики.

В начале восьмого Александр Карпович Ветров, директор мастерских по изготовлению школьных пособий, уважаемый всеми человек, пошел поработать в свой сад. Сначала он хотел позвать в помощники сына — студента шестого курса медицинского института Бориса и одиннадцатилетнюю дочь Ларису, но те увлеченно читали что-то, и он решил не мешать им. А так как жена, Надежда Федоровна, задержалась в городе, Александру Карповичу пришлось возиться на участке одному.

Через час Ветров вернулся в дом с ведром собранных яблок. Сын по-прежнему сидел в своей комнате на кровати с книгой в руках.

— Где Лариса? — спросил Александр Карпович. — Надо бы компот поставить варить.

— Не знаю, — ответил тот. — Может, пошла к Фая?

Это была подруга сестры.

Александр Карпович выглянул во двор. Калитка отворена — значит, дочь вышла погулять. Время еще не позднее, волноваться нет причин. Правда, несколько дней назад у девочки было пищевое отравление, что всполошило всю семью, но Лариса уже поправилась и дала слово ни у кого ничего не есть.

Вечер стоял прекрасный. Здесь, в Быстрице, вдалеке от шумного города, отдыхали, как говорится, душа и тело. За разговором с сыном Ветров не заметил, как за окнами постепенно сгустились сумерки. Александр Карпович любил беседовать с Борисом. Сын был начитан, разбирался в политике, литературе, искусстве.

Лариса что-то задерживалась, и это начало беспокоить отца, так как с наступлением темноты девочка обычно была уже дома.

— Сбежал бы ты к соседям, — попросил Александр Карпович сына.

Борис сходил к подруге сестры. Но там ее не было. А Фая, одноклассница Ларисы, сказала, что виделась с ней около полудня.

Сообщение сына встревожило Александра Карповича. Когда из города

приехала Надежда Федоровна, уже совсем стемнело, тревога за дочь еще больше возросла. Все трое — отец, мать и Борис — пошли по соседям, расспрашивали о Ларисе, громко звали ее. Но никто не видел девочку вечером.

Вернувшись домой, обнаружили, что нет Ларисиных красных туфелек, в которых она обычно уходила играть на улицу. Александр Карпович вспомнил про отворенную калитку и про ключ от нее, который лежал на крыльце дачи. Борис на всякий случай осмотрел весь участок, даже слазил на чердак: может, сестренка решила пошутить и заснула там? Но Ларисы нигде не было. Дело принимало серьезный оборот.

Никто из Ветровых даже не помышлял об ужине. Думали-гадали, куда могла пойти Лариса. Вечером, когда отец уходил в сад, а Борис находился в своей комнате, девочка читала в гостиной — так именовали Ветровы большую общую комнату на даче. Раскрытая книжка осталась лежать на столе.

И снова все трое отправились на улицу. Опять ходили по поселку, звали девочку. К поискам подключились участливые соседи. Кто-то высказал предположение, что Лариса, никому ничего не сказав, отправилась в город и заночевала у кого-нибудь из родных. Это предположение оставляло единственную надежду в том отчаянии, которое все больше охватывало Ветровых.

До утра никто не ложился спать. Александр Карпович и Надежда Федоровна пили сердечные и успокаивающие средства, а Борис не находил себе места. С первой электричкой он поехал в город, а с вокзала — сразу к бабе Мане, родной тетке матери, к которой Лариса была особенно привязана. Баба Маня всполошилась и заявила, что внучатая племянница у нее не появлялась. Борис обзвонил и объездил всех родственников и близких знакомых. Девочка как в воду канула.

Пока Ветров-младший искал Ларису в городе, в Быстрице была поднята на ноги местная милиция. С наступлением дня поиски девочки в поселке были продолжены. В них участвовали многие соседи Ветровых. Особенно тщательно прочесали примыкающий к Быстрице лес. Но все это не дало никаких результатов. Единственной находкой был носовой платок, обнаруженный в траве на перекрестке Баркановской и Красной улиц. Родители опознали его — платок принадлежал их дочери.

Давая объяснение работникам милиции по поводу исчезновения Ларисы, Ветровы отметили одну немаловажную деталь: из дома пропали две настольные игры дочери, в картонных коробках, которые обычно находились в гостиной. Вероятнее всего, Лариса отправилась куда-то с этими коробками, но куда и к кому — этого никто не знал.

Борис, вернувшись из города, первым делом спросил: «Нашли?» Ответ читался на заплаканных лицах родителей.

По инициативе инспектора уголовного розыска Быстрицкого отделения милиции был вызван проводник со служебно-розыскной собакой. Но и это ничего не дало.

Ларису не нашли ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день...

Работники милиции, занимающиеся поисками, опрашивали соседей по даче, родных. Все говорили, что Лариса не по годам крупная, с почти оформившейся женской фигурой — словом, акселератка. Это наталкивало на мысль: а не могла ли она стать жертвой насильника? Не исключалось,

что ее куда-то заманили, а потом убили. Тем более одна из соседок рассказала, что за несколько дней до исчезновения она якобы видела Ларису с незнакомым мужчиной.

Но и труп обнаружить пока не удавалось.

Был объявлен розыск. Размноженные фотографии девочки с ее словесным портретом разослали по всей области. Более того, об исчезновении Ларисы Ветровой было сообщено в областной газете, а фото показано по местному телевидению. К населению обратились с просьбой: если кто видел девочку или знает что-либо о ее местонахождении, пусть срочно сообщит об этом в милицию. Но сообщений не поступало. Зато в квартире Ветровых беспрестанно звонил телефон: знакомые и малознакомые люди выражали сочувствие. Каждый звонок рождал надежду: а вдруг это Лариса или человек, который сообщит, где она? Но всякий раз Ветровых ждало разочарование, что еще больше сгущало и без того гнетущую атмосферу.

Из газеты и телепередачи узнали о горе Ветровых сокурсники Бориса. Кое-кто звонил, а некоторые приехали на дачу, чтобы поддержать товарища.

Но хотя родные и близкие, соседи по дачному поселку и по городской квартире, сослуживцы и все знакомые окружили Александра Карповича, Надежду Федоровну и Бориса вниманием, это мало чем могло их утешить. Трудно было сказать, кто из них переживал сильнее.

Семья Ветровых жила дружно и счастливо. В ней царили согласие и любовь. Многие им завидовали. Как говорится, хорошей завистью. А завидовать, по мнению окружающих, было чему.

Ветров-старший имел неплохое положение, пользовался как руководитель авторитетом у себя в коллективе. Трудлюбивый, выдержанный, отличный семьянин. Сам не пил и не любил пьяниц, что не мешало ему быть хлебосольным хозяином. В доме Ветровых на праздники и торжества собирались многочисленные гости — солидные, уважаемые люди.

Под стать Александру Карповичу и Надежда Федоровна — любящая жена и мать, уважаемый человек на работе.

Что касается детей — родители были ими довольны. Дочь — послушная и ласковая, а Борис — гордость семьи. Еще бы, поступил в институт, в который так трудно попасть из-за большого конкурса. Учеба шла успешно. Ветров-младший был на хорошем счету у преподавателей, участвовал в работе студенческого научного общества. К пьянкам и пустому времяпрепровождению его не тянуло. При этом имел видную внешность. Неудивительно, что от невест не было отбоя.

Когда отец получил участок в Быстрице, дом поднимали сообща. Александр Карпович трудился над возведением дачи самозабвенно, не чурался никакой работы, даже самой черной. И не раз соседи корили своих лентяев-сыновей, приводя в пример Ветрова-младшего: тот и забор по своим лентам-сыновей, приводя в пример Ветрова-младшего: тот и забор поставит, и дом покрасит, и огород вскопает. Словом, помощник хоть куда.

Что говорить, дружная была семья. Труженики. Отсюда и достаток: отлично обставленная двухкомнатная квартира в городе, добротная дача. Говаривали, что Ветров-старший намеревался приобрести «Волгу». В этом имелся свой резон: у Бориса была невеста, симпатичная скромная девушка, Ольга Каменева. Ее принимали в доме как свою. По мнению родителей, дело явно шло к свадьбе. А какая свадьба без подарка, солидного и в то же время

нужного? С машиной поездки на дачу стали бы удобнее и менее хлопотны.

И вот на эту семью, которую многие считали образцовой, обрушилось несчастье.

Лариса была любимицей родителей и брата. Наверное, потому что младшая и девочка. Мысль о том, что с ней случилось страшное, была невыносима. Надежда, теплившаяся какое-то время после ее исчезновения, растаяла. Конечно, каждый из Ветровых старался поддержать, подбодрить другого, но отчаяние становилось с каждым днем нестерпимее.

Александр Карпович постарел лет на десять. Ничто его не радовало. Между тем приближался его юбилей — шестидесятилетие, к которому давно готовились дома и на работе. Теперь думы о том, что этот день он встретит без дочери, жгли душу. Дачный поселок постепенно пустел. Многие уже выехали в город, чтобы подготовить детей к школе: купить новую форму, учебники. И это еще больше растравляло рану. Первого сентября нарядные, с букетами цветов ученики придут к первому звонку, а Ларисы среди них не будет... Борис делился своими опасениями насчет отца с невестой и матерью. Сам Александр Карпович признался ему: «Я, конечно, держусь, но уж если споткнусь, то так упаду!.. Я чрезвычайно устал... Мне очень трудно выносить все это... Не знаю, как мне еще удастся держать себя в руках».

Наверное, то же самое могла сказать о себе и Надежда Федоровна. На грани отчаяния находился и Борис, что трудно было не заметить родителям и друзьям. Чтобы отвлечь его от мрачных мыслей, родители приглашали на дачу приятелей, просили Олю Каменеву чаще бывать с ним. Александр Карпович и Надежда Федоровна считали, что из всех знакомых девушек она лучше всех понимает Бориса, относится к нему внимательнее и нежнее. По их просьбе Оля находилась при женихе неотлучно.

Подошло 28 августа — день шестидесятилетия Александра Карповича. На дачу приехало несколько самых близких родных и знакомых семьи Ветровых. Не для того, чтобы поздравить юбиляра, — просто люди хотели быть рядом в тяжелую минуту. Кто-то остался ночевать, кто-то быстро уехал, не в силах вынести тягостную атмосферу.

В народе говорят: беда не приходит одна.

Наступило 31 августа. Вечером в поселке было тихо. Не доносились с улицы голоса: начинался учебный год, детей увезли в город.

На даче Ветровых находились Александр Карпович, Надежда Федоровна, Борис и Оля Каменева.

В половине четвертого утра, когда весь поселок спал крепким сном, к дому Бобринских, соседей Ветровых, прибежала бледная, на смерть перепуганная невеста Бориса и отдала им двуствольное ружье. Из малосвязного рассказа девушки соседи поняли только одно: сейчас произошла трагедия. Александр Карпович из этого охотничьего ружья убил свою жену и застрелился сам. Борис в таком состоянии, что Ольга боится, как бы он не сделал что-нибудь с собой, поэтому она решила унести ружье из дома.

Поспешившие на место происшествия Бобринские увидели страшную картину. Ужасные ранения головы у обоих не оставляли никакого сомнения в том, что они мертвы. Александр Карпович выстрелил в себя с помощью шнура, привязанного к спусковому крючку ружья.

Борис, как сомнамбула, бродил по дому в трусах и майке, не замечая вокруг никого и ничего, потрясенный случившимся.

Скоро о трагическом событии узнали и другие жители Быстрицы. Многие собрались в доме Ветровых. Кто-то позвонил в милицию. В поселок приехала дежурная группа из райотдела внутренних дел. Вместе с ней прибыли заместитель районного прокурора младший советник юстиции Речинский и судмедэксперт.

После того как место происшествия было осмотрено и сфотографировано, Речинский решил побеседовать с Борисом.

Молодой человек находился чуть ли не на грани помешательства.

— Я так и думал... Я все время боялся этого... — без конца повторял он. Его трясло — то ли от нервного шока, то ли от холода. Утро выдалось свежее, а на нем была легкая рубашка с короткими рукавами.

Зампрокурора района попросил Бориса рассказать о случившемся.

— Лег я в двенадцать часов, — начал Ветров. — Родители легли в своей комнате еще раньше, в начале одиннадцатого. Мне показалось, что они уже заснули... Вообще-то с тех пор, как исчезла Лариса, ну, сестра, они не обходятся без снотворного... Я тоже никогда не могу уснуть... И сегодня так же. Все время ворочался. Потом будто куда-то провалился. И вдруг — выстрел! — Борис замолчал и обхватил голову руками так, что побелели суставы.

— В котором часу это было? — задал вопрос Речинский.

— В половине четвертого. Это я потом посмотрел на часы, когда зажег свет. Ольга тоже проснулась. Моя невеста...

— Вы спали с ней в одной комнате?

— Да, в моей. Вместе. Понимаете, фактически мы уже муж и жена. Хотели подавать в загс. И поэтому...

— Понимаю, понимаю, — кивнул Речинский. — Продолжайте, пожалуйста.

— Ольга шепнула: сходи в их комнату, там что-то случилось. Хочу встать, пойти, но боюсь чего-то... Сам весь в поту... В последнее время отец был какой-то странный... Я сразу догадался, что в спальне родителей произошло что-то ужасное. Откуда-то появилась мысль: вот открою их дверь, а он в меня... Вдруг — еще выстрел... Тут уж я вскочил. Словно пружиной подкинуло... Бросился к ним. Распахнул дверь. Темно, почти ничего не видно, а включить свет — страшно... И, главное, тихо. Абсолютная тишина. Я сдернул с отца одеяло. Ружье упало на пол. Я стал на ощупь искать у отца рану и вдруг заметил, что вокруг его головы все темное. Это была кровь... И на маминой подушке тоже... Я выскочил из спальни. Включил в большой комнате свет. На часах — около половины четвертого.

— А точнее? — спросил Речинский.

— Не то двадцать четыре минуты, не то двадцать семь... Зашел к Оле. Говорю: отец убил мать и себя... Мы вместе прошли в комнату родителей... Я поднял ружье с пола, но Оля зачем-то отняла его у меня и выбежала из дома... Потом появились Бобринские, ну, соседи... Потом еще какие-то люди... Потом вы...

— Вы сказали, что ваш отец в последнее время был какой-то странный. Когда это началось и в чем выражалось?

Борис рассказал, как пропала сестра, как переживал Александр Карпович. Да и вся семья тоже.

— Вдруг он стал все прятать, — продолжал Ветров. — Никогда ничего не прятал, а тут... Раньше у нас в холодильнике или в буфете стояли бутылки с вином, коньяком. Для гостей. Вообще-то отец не любитель спиртного. Мама и я тоже не пьем. А отец зачем-то спрятал все бутылки... И еще. Ни с того ни с сего говорит мне: «Все равно Ларочка всегда будет со мной». Я стал успокаивать его: конечно, она, мол, найдется, и мы опять будем все вместе. Он как-то странно посмотрел на меня и тихо произнес: «Не с вами... Ларочка будет со мной»...

— Когда произошел этот разговор? — задал вопрос зампрокурора.

— Дней пять назад. Я передал его маме. Она очень расстроилась. Опять, говорит... Я стал допытываться, что она имеет в виду под словом «опять»? Мама расплакалась. Потом рассказала мне, что у папы было уже однажды душевное расстройство. Во время войны. Ты, говорит, Боря, медик, поймешь меня... Вспомни, мол, дядю Ваню...

— Кто такой дядя Ваня? — поинтересовался Речинский.

— Мой дядя, родной брат отца. Когда он умер, я был еще маленький. Ну а они скрывали, от чего умер дядя. Я узнал об этом совсем недавно. Папа проговорился. Оказывается, Иван Карпович покончил с собой. Тоже застрелился...

— Ваш отец находился на учете у психиатра?

— Не знаю, — пожал плечами Борис. — Спрашивать у него было как-то неудобно. Сами, наверное, понимаете: такие вещи скрывают. И маму не расспрашивал... Одно мне известно доподлинно: отец был освобожден от службы в действующей армии во время войны. По состоянию здоровья.

— Какая болезнь?

— Не могу сказать. Я видел его освобождение от военной службы. Но там только цифровые и буквенные обозначения. Что скрывается за этим шифром, понятия не имею.

— Где находится это свидетельство?

— В городской квартире. Оно всегда лежало в буфете. Могу вам привезти.

— Хорошо, если понадобится, я скажу, — кивнул зампрокурора. — Александр Карпович не говорил конкретно о намерении покончить с собой?

— Конкретно? — повторил Ветров и ненадолго задумался. — Что-то вроде этого было... После того как пропала сестра, отец все время твердил: «Зачем нам жить?»

— Кому это «нам»?

— Ну, ему, маме и мне. Раз, говорит, Ларочку не уберегли, то и жить не стоит... Особенно плохое настроение было у него в день рождения. Три дня назад. Смотрю — ходит по саду. К нам люди приехали, а он бросил всех и ушел на участок. Мы боялись оставлять его одного, поэтому я тоже вышел. Глянул на отца, а у него глаза какие-то безумные. Спрашиваю: «Что с тобой, папа?» Он тяжело-тяжело вздохнул и опять: «Зачем жить? Умереть ведь так просто. Один миг...» И так посмотрел на меня, что я испариной покрылся... Стал отвлекать его разговорами. А он словно и не слышит. Взял меня за руку и говорит: «Может, втроем? С тобой и с мамой?..» Честно говоря, я его понимал. Мне самому так тошно было... Тут нас позвали в дом.

— А об этом разговоре вы сообщили матери?

— Хотел, но не успел,— вздохнул Борис.— То гости мешали, то она приезжала поздно. Короче, случай не представился,— Ветров помолчал, глядя куда-то сквозь Речинского.— Если бы я знал!.. Надо было сказать маме, отвезти отца к врачу... Тогда ничего не произошло бы...

— Кому принадлежит ружье, из которого были произведены выстрелы? — спросил Речинский.

— Это папино ружье. Он иногда ездил на охоту.

— А где оно обычно висело? — продолжал зампрокурора.

— В их комнате. Прямо над кроватью. Не знаю, может, у меня было предчувствие... Позавчера я перенес ружье в большую комнату. Смотрю, вчера утром отец снова повесил его на прежнее место. У меня была идея спрятать ружье и патроны. У отца их целая коробка... Не успел,— сокрушенно закончил Борис.

— Когда вы переносили ружье в большую комнату, оно было заряжено? — задал вопрос Речинский.

— Нет, не заряжено. Это я хорошо помню.

Речинский хотел поговорить и с невестой Бориса, но девушку в нервном расстройстве увез в город кто-то из соседей — так сильно подействовало на нее пережитое ночью.

Приехала машина из морга. Трупы были отправлены в город для вскрытия и проведения судебно-медицинской экспертизы.

Сколько ни искали представители следствия посмертную записку, обнаружить ее так и не удалось.

На что обратил внимание Речинский, так это на заряженный патрон шестнадцатого калибра, лежащий на тумбочке возле изголовья кровати в комнате родителей Бориса. Патрон находился с той стороны, где было обнаружено тело Александра Карповича.

Выходит, зачем-то нужен был Ветрову-старшему третий патрон, если Александр Карпович держал его под рукой. Видимо, он предназначался для сына.

По факту гибели супругов Ветровых было возбуждено уголовное дело. Следствие вел следователь областной прокуратуры Рудковский.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть обоих наступила в результате ранения головы, причиненного огнестрельным оружием. И этим оружием явилось ружье, принадлежавшее Александру Карповичу Ветрову,— охотничья двустволка шестнадцатого калибра производства Тульского оружейного завода. Патроны были заряжены дробью.

Выстрел в Надежду Федоровну был произведен с расстояния приблизительно семидесяти сантиметров. К себе Александр Карпович приставил срез ствола ружья во время выстрела почти вплотную — на расстоянии 2—4 сантиметра. Спусковой крючок был спущен им посредством шнурка, перекинутого, скорее всего, через торцовую часть приклада.

Рудковский допросил Бориса Ветрова. Рассказывая о происшествии, тот повторил, правда более подробно, то, что сообщил ранее заместителю прокурора района Речинскому.

— Что же, по-вашему, толкнуло отца на самоубийство? — спросил следователь у Бориса.

— Пропажа сестры Ларисы,— ответил Ветров.— Папа очень переживал. Это подействовало на него чрезвычайно сильно... Понимаете, он считал себя в какой-то мере виновным...

— Объясните, пожалуйста, что значит «считал себя в какой-то мере виновным»?

— За несколько дней до исчезновения сестры у нее произошла ссора с папой.

— Из-за чего?

— В поселке ходили грязные сплетни... Как будто бы Ларису видели с каким-то взрослым парнем... Отец деликатно поговорил с ней, предупредил, что есть, мол, нехорошие люди... Сестра обиделась. Знаете, как бывает у детей? Они все воспринимают в преувеличенном виде. Лариса замкнулась в себе, не хотела разговаривать с родителями. Они к ней так и этак — безрезультатно. Отец попросил меня поговорить с Ларисой... Я решил подойти к ней ласково. Сестра расплакалась. Уйду, говорит, из дома, и все... Когда она пропала, я сказал о ее словах отцу. Конечно, не стоило... Теперь жалею об этом. Он страшно расстроился. Весь день вздыхал, потом признался: «Если Ларочка не найдется, никогда себе этого не прощу»...

— Когда состоялся этот разговор?

— Через день, кажется, после исчезновения сестры. Отец решил, что Лариса не простила ему того разговора и ушла из дома. Мы с мамой, разумеется, пытались разубедить его... — Борис вздохнул и замолчал.

— Дальше?

— Конечно, с его больным воображением...

— Что вы имеете в виду? — спросил Рудковский.

— Нормальный человек не натворил бы такого,— сказал Борис и пояснил: — Я уже говорил. Отец был душевнобольным. Понимаете, раньше я не особенно придавал значения его странностям. Все люди разные. Одни веселые, другие мрачные. Каждый, как говорится, чудит по-своему... За несколько дней до этого убийства с самоубийством мать призналась мне, что у отца было психическое заболевание. Честно говоря, для меня это не явилось новостью. Поймите правильно, я ведь без пяти минут врач. Изучал психиатрию, бывал в больницах. Симптомы знаю. По-моему, основная причина случившегося — его болезнь.

— Если это так, почему вы ничего не предпринимали? — спросил следователь.— Почему не заставили его лечиться?

— Легко сказать,— тяжело вздохнул Борис.— Ну, во-первых, психиатрия такая область, где случаи, подобные отцовскому, сразу распознать трудно. Надо принимать во внимание и возраст. В его годы у многих наблюдается старческий склероз. Во-вторых, речь шла о таком близком человеке, как отец. Согласитесь, нелегко признать, что твой отец — шизофреник. Хоть ум и требует признать, а сердце все равно сопротивляется. В-третьих, его болезнь прежде от меня скрывали. Как и то, что в их роду дурная наследственность. К сожалению, я узнал об этом буквально дня за два-три до случившегося.

— Что же вы узнали?

— То, что его брат — шизофреник. И что он застрелился. Моего деда по отцовской линии тоже признавали психически ненормальным. Он чуть в тюрьму не угодил... Как-то взял топор и стал на улице рубить столб. Это

было в тридцатых годах. Ну, его арестовали как вредителя. Правда, потом разобрались, что к чему, и выпустили. Поняли, что его лечить надо... И тетя, между прочим, ведет себя подозрительно. Сестра отца. Я ее люблю и не могу понять, почему она не пришла на похороны, хотя была очень привязана к папе...

— В чем, по-вашему, выражалось странное поведение отца?

— Неадекватность реакций... Простите, это научный термин. Постараюсь объяснить популярно. Настроение не зависело от видимых причин. Вдруг становился мрачным, замкнутым без всякого повода...

Борис рассказал следователю о появившейся у Александра Карповича перед самоубийством мании прятать деньги, вещи, в частности бутылки со спиртным, а потом забывать, куда спрятал. И о странных словах отца «Ларочка всегда будет со мной».

— И еще. Я стал замечать за ним какую-то непонятную ритуальность... Придавал большое значение тому, где что находится. Например, фотография деда должна была лежать в правом ящике письменного стола, а фото дяди Ивана — в левом. Мать случайно положила их в один ящик. Отец сделал ей настоящий выговор... Ружье на стене должно было висеть так, чтобы дуло было выше приклада. Перед сном он обязательно должен был дотронуться до серебра: ложки, подстаканника — в общем, что было под рукой. Явные признаки больной психики... Знаете, после всего этого я стал заниматься самоанализом: не передалось ли мне по наследству? — Борис печально усмехнулся. — Это вообще отрицательная черточка в нашей профессии — искать у себя симптомы всех болезней... Но, кажется, судьба меня помиловала. Победили мамины гены. Она с крепкой, здоровой психикой. Была...

— А ваша сестра? — поинтересовался Рудковский.

— Лариса еще маленькая, чтобы делать какие-то выводы. Шизофрения — болезнь, которая обычно проявляется в период полового созревания...

Раз уж разговор коснулся Ларисы, следователь расспросил подробнее о событиях, происшедших 21 августа.

— Знаете, — сказал Борис в заключение, — я не верю сплетням, будто бы ее видели с каким-то мужчиной. Злые языки... Не понимаю, зачем кому-то трепать наше имя...

Рудковскому было известно, что милиция продолжает поиски Ларисы Ветровой, но пока безрезультатно.

Конечно, исчезновение любимой дочери могло послужить поводом для решения Александра Карповича покончить с собой. Особенно если учесть его болезненное состояние.

Допрошенная невеста Ветрова, Ольга Каменева, показала: после исчезновения Ларисы Борис не раз говорил ей о том, что его очень беспокоит поведение отца, он боится, как бы Александр Карпович не сделал чего-нибудь с собой, и что лучше всего было бы поместить его в больницу для лечения. Она подтвердила, что во время выстрелов находилась вместе с Борисом в одной комнате.

О том, что у Ветрова пропала сестра, его приятели и сокурсники узнали из передачи областного телевидения. Теперь же они узнали и о другой тра-

гедии в семье Бориса — гибели родителей. Друзья старались не оставлять своего товарища одного в беде. Приходили к Ветрову домой, звали к себе в гости.

Студентам шестого курса, на котором учился Ветров, вскоре предстояло разъехаться на практику. Борис должен был отправиться в небольшой городок Средней Азии.

— Боря, — говорили ему друзья, — тебе нельзя сейчас отлучаться из города. А если найдется Лариса? Как она перенесет смерть родителей? И вообще, кто заменит ей отца и мать?

— Не могу я оставаться, — отвечал Ветров. — Хочу уехать куда-нибудь подальше, хоть немного забыться... Я уже не верю, что Ларису найдут. Разве что произойдет чудо...

— Нужно надеяться, — твердили товарищи. — Ведь в милиции еще не сказали ничего определенного.

В конце концов Ветров соглашается, да, надо надеяться.

Товарищи Бориса по курсу уговаривали его обратиться в ректорат института с просьбой, чтобы его оставили практиковаться в городе. Хотели даже направить целую делегацию. Ветров, уступив уговорам, пошел к проректору сам.

Проректор, профессор Петряков, отнесся к просьбе Ветрова очень внимательно.

— Мы обязательно что-нибудь сделаем для вас, — сказал он. — Правда, возможно, оставить в самом городе не удастся, но попробуем устроить вас на практику в области. Например, в районе, где, кажется, находится ваша дача. В Быстрице, так?

— Да, — кивнул Борис.

Петряков был осведомлен, где пропала сестра Ветрова.

А поиск Ларисы продолжался. Так как в области не удалось обнаружить ни девочку, ни ее труп, милиция объявила всесоюзный розыск.

В начале октября Борис женился на Ольге Каменевой. И хотя со дня смерти его родителей прошел всего месяц, никто не осуждал его: родные и друзья понимали, как трудно вынести горе в одиночестве. К тому же на плечи Бориса свалилась масса дел и забот по дому и даче. И год предстоял ответственный — преддипломный.

Ольга переехала жить на городскую квартиру Бориса. Знакомые, бывая у них, видели: молодая женщина делала все для того, чтобы он поскорее оправился от пережитого.

Вместе они разбирали бумаги и документы, оставшиеся от родителей. И как-то наткнулись на пожелтевший от времени листок. Это была выписка из истории болезни № 1062. В ней говорилось, что в 1943 году Александр Карпович Ветров находился на лечении в Свердловской психиатрической больнице с диагнозом «шизофрения».

Ветров-младший представил выписку следователю Рудковскому.

— Когда-нибудь раньше вы этот документ видели? — спросил следователь.

— Нет, никогда. Родители, по-видимому, не хотели, чтобы я знал о болезни отца, — ответил Борис.

Рудковский приобщил выписку к делу. То, что Ветров-старший дей-

ствительно страдал психическими заболеваниями, теперь было подтверждено документально.

Итак, на основании заключения судебно-медицинской экспертизы, подтверждающего, что Александр Карпович мог убить жену, а затем выстрелить в себя, и принимая во внимание болезнь Ветрова-старшего, которая привела его к убийству жены и самоубийству, следователь вынес постановление о прекращении уголовного дела.

Когда об этом известили официальным письмом Бориса, он, читая его жене, не без сарказма заметил:

— А еще юристы! Смотри, как неграмотно написали: «Дело о самоубийстве ваших родителей прекращено»...

— А как надо? — спросила Ольга.

— Надо было так: «Дело об убийстве жены и самоубийстве...»

Многих взволновала трагедия в семье Ветровых. И хотя дело было прекращено, в прокуратуру поступали письма, в которых выражались сомнения в том, что Александр Карпович убил жену и себя. Однажды раздался телефонный звонок в кабинете заместителя прокурора области. Какая-то женщина, не пожелавшая назвать себя, коротко сообщила:

— Ветровых убили. Ищите получше! — и бросила трубку.

Зампрокурора решил еще раз ознакомиться с делом. Взяв его из архива, скрупулезно, лист за листом, изучил документы. Сомнения, высказываемые в письмах, охватили и его. В частности, он понял, что осмотр места происшествия после обнаружения трупов Ветровых был произведен поверхностно. Имелись разногласия в показаниях свидетелей — соседей по даче. Но главное — с самого начала Рудковский фактически разрабатывал только одну версию — версию самоубийства Ветрова и убийства им жены.

Было решено отменить постановление о прекращении дела. Посоветовались с вышестоящим руководством. Была создана следственная группа во главе со следователем по особо важным делам Владимиром Георгиевичем Гольстом, приехавшим из Москвы.

Ознакомившись с документами, которые достались ему от предшественника, Владимир Георгиевич пришел к выводу: «белых пятен» в деле предостаточно. Что из себя представляли Александр Карпович Ветров и его жена Надежда Федоровна? Какие были у каждого из них взаимоотношения с родственниками, знакомыми, сослуживцами? Не было ли у Ветрова-старшего, помимо переживаний из-за пропажи дочери, и другой причины, толкнувшей на самоубийство? Может быть, женщина? Или он оказался замешан в темных махинациях? Бывает, человек так запутается, что видит один-единственный выход из создавшегося положения — смерть. И чтобы не обрекать на позор семью, убивает своих близких. То, что Борис остался в живых, могло быть случайностью. Недаром он опасался, что отец убьет и его, когда он вбежит в спальню родителей после первого выстрела. На тумбочке ведь лежал третий патрон. Все это требовало проверки.

Владимир Георгиевич рассуждал дальше. А почему обязательно самоубийство? Может быть, убийство? Ни милиция, ни Рудковский эту версию не отработывали. Между тем не исключено, что Ветровы пали жертвой убийцы (или убийц). Причем мотивы преступления могли быть самые разные. Первое — ограбление.

Ветровы слыли обеспеченными людьми. На даче имелись ценные вещи, возможно, и деньги. Охотничье ружье всегда висело в комнате, где спали Александр Карпович и Надежда Федоровна. Проникнуть в их спальню — дело пустяковое. Возможно, преступник не знал, что на даче помимо старших Ветровых в ту ночь находились Борис и его невеста. И этим вызвано то, что ограбление сорвалось. Убив супругов и услышав в соседней комнате шум, злоумышленник бежал через окно. Отпечатки пальцев на подоконнике, а также другие следы никто не искал.

Убить Ветровых могли и не с целью ограбления. Например, из мести. Не исключено, что Александр Карпович обидел кого-нибудь из своих подчиненных. Уволил, например, работника с плохой записью в трудовой книжке, и тот решил расквитаться.

Все осложнялось и тем обстоятельством, что за десять дней до гибели Ветровых исчезла их дочь.

А не было ли здесь единого, хорошо продуманного умысла: сначала убить Ларису, затем — ее родителей? Мог быть и такой вариант: человек, соблазнивший и убивший девочку, боялся, что ее родители что-нибудь припомнят или заподозрят, поэтому убил также их.

И еще. Не мог Александр Карпович сам убить свою дочь? Умышленно или по неосторожности. Труп спрятал. А раскаяние в содеянном довело его до убийства жены и самоубийства. Тогда становилось более понятным его странное поведение после исчезновения Ларисы. Правда, это поведение можно было объяснить и шизофренией.

Шизофрения... Гольст не мог понять, как человек столько лет скрывал свою болезнь, будучи начальником, а значит, на виду? Неужели никто ничего не замечал — ни подчиненные, ни его руководство?

Словом, вопросов, требующих ответа, имелось немало. И предстояло ответить на них.

При первой встрече Гольст отметил, что у Бориса Ветрова интересная внешность. Продолговатое лицо, внимательные умные глаза с чуть припухшими веками под черными бровями с красивым изломом. Глаза широко расставлены, что придает лицу мужественное выражение. Прямой нос, сжатые губы с ямочками в уголках, выдающийся вперед волевой подбородок. Лицо и вся его фигура — собранность и целеустремленность.

В начале допроса Гольст попросил Бориса рассказать об исчезновении сестры. Тот подробно изложил следователю события, происшедшие 21 августа на быстрицкой даче, поиски сестры и последующие действия милиции, родителей и его самого.

Так же подробен был рассказ Ветрова о гибели матери и отца. Гольст отметил про себя, что Борис хорошо владеет речью — говорит ясно и литературно грамотно и что это начитанный, интеллигентный молодой человек.

— Как относился к Ларисе ваш отец? — спросил следователь.

— Папа любил ее, — просто ответил Ветров. — Правда, она не всегда была послушна, особенно последнее время. Но папа всегда прощал Ларису. Их ссору перед исчезновением можно считать недоразумением.

— Александр Карпович никогда не бил дочь?

— Что вы! — искренне удивился Борис. — Чтобы папа поднял руку на Ларочку! Он был строг, это верно. Мог наказать — не пустить в кино, к подружке. Но ударить — ни за что! Уж если кто с ней дрался, так это я. — Ветров печально улыбнулся. — В детстве, конечно, и не во всю силу. Знаете, иной раз так допечет... Нашлепаю, а через пять минут уже сидим в обнимку. Она плачет, мне жалко ее, маленькая ведь, — Борис тяжело вздохнул. — Не знаю, что бы я отдал, только бы еще раз погладить ее по голове, обнять...

— Скажите, у вашего отца были враги? — задал вопрос Гольст.

Вероятно, этот вопрос был для Ветрова неожиданным.

— Враги? — переспросил он и после некоторого размышления ответил: — Не знаю... Не думаю...

— Может быть, кто-то завидовал ему или затаил обиду за что-нибудь? — уточнил следователь.

— По-моему, таких людей не было, — сказал Ветров. — Папа — честнейший человек. Труженик. И если делал что-то для знакомых и даже малознакомых, то только хорошее. Все уважали его.

— А на работе? Среди подчиненных?

— Отец не очень любил делиться со мной тем, что происходило на фабрике. А вот поговорить о политике, любимых книгах, кинофильмах — всегда пожалуйста...

Гольст попросил вспомнить, не слышал ли Борис, перед тем как в спальне раздались роковые выстрелы, подозрительного шума.

— Я спал, — ответил Борис. — Проснулся только после первого выстрела.

— А когда вбежали в комнату, не заметили, правильно ли висела занавеска, было ли закрыто окно?

— Мне было не до этого, — признался Борис. — Помню только, когда я толкнул дверь в спальню, то увидел темные пятна на подушках отца и матери... Вокруг головы...

— Как вы сумели разглядеть это?

— Через окно падал свет от фонаря на улице.

На вопрос следователя, что, по мнению Бориса, толкнуло отца на убийство жены и самоубийство, тот ответил:

— Исчезновение Ларисы. Отец ходил сам не свой. Это очень сильно подействовало на его психику...

Фабрика школьных учебных пособий, которой руководил покойный Ветров, ютилась на окраине города. Когда Гольст увидел неказистое двухэтажное здание, построенное, наверное, еще в прошлом веке, с темными стенами из красного кирпича и узкими окнами, он усомнился: тот ли адрес ему дали? Но сомнений не оставляла вывеска, подтверждающая, что это действительно фабрика.

Потом уже, в разговоре с новым директором, следователь узнал, что раньше здесь были мастерские, которыми заведовал Александр Карпович. Всеми правдами и неправдами он постепенно превратил мастерские в то, чем теперь является это предприятие.

Директор вздыхал и охал, что ему досталось тяжкое наследство. Производственная база никуда не годится, не хватает квалифицированных кадров, материалы приходится выбивать с боем.

— Только Ветров мог тянуть эту лямку, — со вздохом сказал он. — А я не умею бить поклоны начальству. Мне претит ловчить, хитрить... Дайте фонды, гарантируйте поставщиков — тогда я развернусь...

Директор знал Ветрова только понаслышке и мало что мог сообщить о покойном.

Поразмыслив, Гольст решил поговорить с председателем группы народного контроля. Тот работал в полуподвальном помещении. В здании витали запахи масляной краски, свежей извести, свежераспиленного дерева. И все это вперемешку со столярным клеем и ацетоном.

Проходя мимо одной из комнат, следователь увидел, что там трудятся маляры. Внизу, в цокольном этаже, стоял сырой холод.

— Саранцев, — представился Гольсту мужчина лет тридцати пяти, в синем халате, надетом поверх телогрейки. Это и был председатель группы народного контроля. Несмотря на холод, он был весел.

— Слава богу, начали ремонт, — сообщил Саранцев следователю. — Новый крепко взялся за дело. И правильно. Перво-наперво надо создать людям условия на рабочих местах.

— Да, атмосфера у вас, прямо скажем, неуютная, — поешился следователь.

— Ничего! — оптимистично заявил Саранцев. — Это временно. Через неделю поднимемся наверх. Хотя и негоже плохо говорить о покойнике, но Ветров больше думал о том, как бы поуютнее оборудовать дачу в Быстрице, а не цеха...

— Приходилось воевать с ним? — спросил Гольст.

— Еще как! — вздохнул Саранцев. — Ладно, что теперь вспоминать. Нет человека...

— И все же я хотел бы поговорить именно о нем, — сказал следователь.

Они поднялись наверх, в пустую, только что отремонтированную комнату.

Поначалу Саранцев говорил неохотно — чего, мол, ворошить прошлое. Но постепенно разговор наладился. Председатель даже начал горячиться — слишком много, как оказалось, накопилось обид от прежнего директора. Выяснилось, что Ветров злоупотреблял служебным положением — дача практически построена из материалов, добытых якобы для ремонта фабрики. Окружил себя людьми, готовыми делать все, что он прикажет. Вместе делили «навар».

— Какой? — поинтересовался следователь.

— Сам-то Александр Карпович в огонь за каштанами не лез... Все норовил чужими руками... Например, каждый год посылал своего «мальчика» — так мы называли его прихлебателей — в командировку во Владивосток. На целых два месяца. За счет фабрики. И чем, вы думаете, занимался этот «мальчик» на берегу Тихого океана? — спросил Саранцев и сам же ответил: — Фотографировал. На пляже. Привозил выручку до пяти тысяч. Куш, конечно, делил пополам с Ветровым.

— Как вы узнали это?

— Узнали, — усмехнулся Саранцев. — Помимо проезда, командировочных, материал тоже был наш, фабричный. Фотобумага и прочее...

Вскрывала группа народного контроля и другие «художества» прежнего директора.

— Ну и что вы предпринимали? — задал вопрос следователь.

— Ставился вопрос...

— Результаты были?

— А как же,— снова усмехнулся Саранцев.— Я получил выговор. у Ветрова была рука где надо...

«Честнейший человек»,— вспомнил Гольст слова Бориса, сказанные об отце. Неужели близкие не знали, откуда дача, дорогие мебельные гарнитуры, деньги на «Волгу»? Или Александр Карпович, как Янус, имел два лица: на службе — одно, а дома — другое?

То, что у Ветрова были доходы помимо зарплаты, следователь заподозрил, когда выяснил, какой оклад у директора фабрики. На трудовые деньги он не мог построить такой коттедж, который красовался в Быстрице на участке Ветровых, кстати, самом большом в поселке. Какими же чарами окутал Александр Карпович местные власти, чтобы получить лишние сотки? Это тоже предстояло выяснить.

Гольст побеседовал еще с несколькими работниками фабрики. Самое удивительное заключалось в том, что почти все хвалили Ветрова. Однако в похвалах умершему директору слышался один мотив: сам умел жить и другим давал. Например, когда не шел план, Александр Карпович знал, где можно надавить в верхах. Задание корректировали, и в результате коллектив получал премию.

Ветров покупал уважение и авторитет копейкой, полученной обманом, очковтирательством. Короче говоря, ореол «честнейшего и уважаемого» постепенно исчезал.

Как только Гольст пытался выяснить, не замечали ли сослуживцы у покойного директора признаков психической болезни, все таращили глаза: нормальный, жизнелюбивый человек и весьма себе на уме. Какая уж там шизофрения.

Врач из фабричного медпункта тоже была удивлена тем, что следователь интересуется психическим состоянием Ветрова. Единственное, с чем обращался он в медпункт раза два-три за все время своего директорствования,— с просьбой измерить давление, которое у него было чуть повышено. Это наблюдается иногда у многих в его возрасте — понервничал, вот и подскочило.

Откуда же диагноз, поставленный в Свердловской психиатрической больнице в 1943 году? Шизофрения не насморк. Она не проходит. Тем более если не лечиться. Но Ветров не состоял на учете у психиатра и не лечился.

Все это насторожило следователя.

...Бобринские в Быстрице не были дачниками, они жили там постоянно и задолго до того, как поселок оброс дачами. Когда-то здесь разбросанно стояло лишь несколько скромных домиков. Жилища старожилов резко отличались от появившихся позже коттеджей горожан, приезжающих отдыхать на лоно природы только в теплые месяцы. На зиму почти все дачи запирались.

Анастасия Петровна Бобринская не работала — из-за травмы ноги она имела инвалидность третьей группы и получала скромную пенсию. Муж «крутил» кино в клубе, то есть был киномехаником. Когда Ветровы строили дом в Быстрице, Анастасия Петровна подрядилась в летние месяцы убираться на их даче, а зимой приглядывать за ней.

Гольст решил побеседовать с Бобринской, надеясь, что она, как человек,

часто бывавший в доме Ветровых, может сообщить интересующие следствие факты.

Анастасия Петровна заметно хромала. Была она несловоохотлива, так что пришлось потрудиться, чтобы разговорить ее.

— Александр Карпович был хозяйственный мужик, — сказала она о Ветрове. — Что хошь умел достать. Не то что мой лопух... Крышу уж когда менять надо, все железо проржавело... А Ветров покрыл дачу черепицей. Двести лет стоять будет. И красотища какая! Я девчонкой в Прибалтике была, так там домики — что твои игрушки. А почему? Черепица...

Дача Ветровых, которую следователь видел из окна дома Бобринских — напротив, через улицу, действительно выглядела очень солидно.

— Правда, Александр Карпыч цену копейке знал. Прижимистый был... У их в доме строгий порядок: что заслужил, то и получай.

— В каком смысле? — не понял Гольст.

— Приучал детей к строгости и труду. К примеру, надобно забор покрасить. Другой бы со стороны нанял. А Ветров говорит сыну: хошь, мол, заработать — вот тебе краска, вот кисть. Кончил красить — получай заработанное...

— Вы хотите сказать, что Борис выполнял дома работу за деньги? — уточнил следователь.

— Ну да, — подтвердила Бобринская. — Вскопал огород — денежки на стол. У их, как говорится, все было на хозрасчете. Тряпку просто так не выбросят. Но это уже жадность, я так мыслю. Особенно Надежда Федоровна отличалась. Мы даже раза два поцапались с ней.

— Из-за чего?

— Да ладно, — отмахнулась Анастасия Петровна. — Что уж вспоминать...

— А все же? — настаивал Гольст.

— Обидно, — с горечью проговорила Бобринская. — Я уж у их старалась, как говорится, не за страх, а за совесть. Драишь полы, стекла — чтоб ни пылинки... Думаете, с моей ногой это просто? Пришла я однажды к Надежде Федоровне за месячным расчетом. Дала она деньги. Смотрю, пятерки не хватает. Я этак культурно, вежливо говорю: «Вы, Надежда Федоровна, наверное, обсчитались». А она: нет, мол, милая, все правильно. Забыла, что дала для твоей Фаи Ларочкино платье? Поверите, товарищ следователь, я чуть не села. Лариса из платья того выросла. Да и не просила я платье это. На что оно? Надежда Федоровна сама мне сунула. Ладно, думаю, пятеркой не озолочусь, нехай у Надежды Федоровны совесть заговорит... Правда, не сдержалась, пристыдила ее. Она отвечает: ежели не хочешь у нас работать, так и скажи. Ну, я и ляпнула: да, не хочу! Поцапались мы и разошлись. Дня через три Александр Карпович пожаловал. Нечего, мол, дуться, приходи, как прежде. Я уж остыла. Помирились. Но пятерку она так и зажилила...

— Давно это было? — спросил следователь.

— Года два назад. А этим летом?.. Валялся около сарая Ветровых кирпич — половинки, четвертинки. Остатки. Борис вывез за ограду, за деньги опять же. Мой, — так называла Бобринская мужа, — говорит Карпычу: сосед, можно взять кирпич? Нам аккурат надо было пристройку чинить. Ветров говорит: бери, коли надо. Ага. Перетаскали, починили пристройку.

Потом дает мне Карпыч расчет за месяц. Гляжу, опять пятерки не хватает. Надежды Федоровны как раз не было, она цветы продавать поехала в город. Спрашиваю: где пятерка? Ветров говорит: кирпич брали? Брали. Я ему: так ведь бой, вам все равно не нужен. А он на полном серьезе: раз вам нужен, значит, платить надо. Не у нас, так в другом месте купили бы. И пошло-поехало... Целую лекцию мне прочитал, что каждая вещь свою цену имеет. Ну, плюнула я, повернулась и ушла. Мой как узнал, тут же к Ветровым побег. Чуть не до драки дошло... Но куда моему-то с двоими? Борис за отца вступился. Я решила: все, ноги моей больше у них не будет. После той ссоры не ходила убирать.

— А это когда случилось?

— Да за неделю до пропажи Ларисы, — Бобринская вздохнула. — Вот сейчас все думаю: и чего мы так не бережем хорошее в жизни? Ну, поругались. Из-за чего? Из-за какой-то пятерки. А теперь их уж нет... Я их, конечно, не осуждаю сейчас. Плохо, что сына воспитали по-своему...

— А Ларису?

— Ларочка была золото, — растроганно протянула Анастасия Петровна. — Ласковая, добрейшая душа. Дружила с моей Фаей. То пирожок принесет, то шоколадку. Всем делилась. Надежда Федоровна недовольна была, сколько раз отчитывала Ларису. Нет, говорит, чтобы в дом, так ты из дома... Может, Ларочка поэтому и убежала? — Анастасия Петровна жалобно посмотрела на следователя. — Сердечко хорошее было у девочки. Сколько раз она плакала вот тут, — хозяйка показала на старенький диван.

Гольст попросил Бобринскую вспомнить о событиях в ночь на первое сентября. Та рассказала, как в половине четвертого к ним прибежала невеста Бориса с охотничьим ружьем и сообщила о трагедии в доме Ветровых.

— Я в первый раз пошла в ихний дом после ссоры. Борис ходит по дому в одних трусах и майке. А что было в спальне — ужас! — Анастасия Петровна передернула плечами. — Я месяц после этого спать не могла...

— Вы слышали выстрелы?

— А как же! Очень даже хорошо слышала.

— А не можете сказать, сколько времени прошло между первым и вторым выстрелом?

Бобринская задумалась.

— Да как вам сказать... Быстро время прошло...

— Ну сколько минут? Хотя бы приблизительно?

— Какие там минуты! Почти один за другим... Секунды три-четыре.

— Это вы точно помните? — переспросил Гольст.

— Не верите — можете у моего спросить. Он подтвердит. Зачем мне врать? — даже несколько обиделась Анастасия Петровна.

Допросив Бобринского, следователь получил тот же ответ: между первым и вторым выстрелами прошло не более четырех секунд.

— Ну и порядки были в семье Ветровых! — заметил старший следователь Сергей Михайлович Ворожищев, один из участников следственной группы, когда прочитал показания соседей. — Все оценивалось в рублях. А где же сердечность и доброта, о которой говорили все вокруг? Хлебо-сольство?

— Насчет доброты — это для посторонних. А хлебосольство... — Владимир Георгиевич усмехнулся. — Ветровы приглашали только нужных людей. Александр Карпович имел большой круг знакомых. Например, из стройтреста — чтобы доставать стройматериалы. Начальник телефонного узла — чтобы городской телефон провести на дачу. Зам начальника горторга — дефицит... Все как на подбор номенклатурные работники. За столом у Ветровых рекой текли коньяк, марочные вина. Само собой разумеется, икра и другие деликатесы...

— Ну, тогда понятно. И все же странно, человек с таким размахом, а мелочился. За какое-то старое детское платье удержал у домработницы пятерку. А история с кирпичом — просто курам на смех.

— Это что! — сказал Гольст. — В прошлом году скандал был. Пришли на дачу проверять показания электросчетчика. Дома была одна Лариса. Контролер заподозрил что-то неладное: огромный дом, разные электроприборы, даже электрическая пила, а расход энергии — на копейки. И обнаружилось приспособление для кражи электричества. Ветрову удалось замять дело через знакомых.

— Несolidно. Значит, скупердяй, да еще нечестный, — подытожил Ворожищев. — Хорошенький пример для детей. Вот так и вырастают хапуги да стяжатели.

Разговор зашел о ночи с 31 августа на 1 сентября.

— Мне не дают покоя показания Бобринских о выстрелах, — сказал Гольст. — Если они не ошибаются, версия о самоубийстве Ветрова и убийстве им жены представляется более чем сомнительной.

— Да, — кивнул Сергей Михайлович, — три-четыре секунды... Успеть в такой короткий срок убить жену, потом лечь в постель и выстрелить в себя вряд ли возможно.

Владимир Георгиевич пожал плечами.

— Вообще-то оценка времени субъективна. Зависит от состояния человека. В иных ситуациях и мгновение кажется долгим.

— Надо уточнить у кого-нибудь еще. Рядом с Ветровыми находится дача неких Цыплаковых. Борис говорит, что они прибежали к ним почти одновременно с Бобринскими. Они не спали всю ночь, сидели у постели тяжелобольного. Значит, тоже слышали выстрелы. Их сейчас нет в городе, отдыхают в Кисловодске. Скоро должны вернуться. Тогда и допросим.

— Не забывайте, что и муж и жена Бобринские одинаково определили интервал между выстрелами.

— Владимир Георгиевич, — задумчиво произнес Ворожищев, — если предположить убийство... Не мог это сделать Бобринский? Вы же сами говорите, что он едва не подрался с Ветровым из-за той пятерки, которую Александр Карпович вычел из денег домработницы.

— Не едва, а подрался, — уточнил Гольст. — Их разняли и успокоили Цыплаковы.

— Вот видите. Помимо обиды тут могла быть еще и зависть. Для Бобринского Ветровы кто? Барчуки. Заносчивые и к тому же нахальные.

— Обидели мужика крепко, это верно, — согласился Гольст.

— Что представляет из себя Бобринский?

— Несдержанный, вспыльчивый. Его в Быстрице побаиваются. Но чтобы пойти на убийство... — Владимир Георгиевич покачал головой. — На

меня он произвел неплохое впечатление. Прямой, справедливый, рассуждает трезво.

— А может, довели его эти Ветровы?

— Будем проверять,— сказал Гольст.

Допрос тетки Надежды Федоровны, бабы Мани, как называли ее в семье Ветровых, провел следователь Ворожищев.

Мария Ивановна была еще крепкой старухой. Простое крестьянское лицо, круглые щеки с мелкими розовыми прожилками, мягкий деревенский выговор.

Чувствовалось, что Мария Ивановна недолюбливала супруга своей племянницы.

— Бог ему судья,— сказала она об Александре Карповиче.— Но одно хочу заметить: до него Надя была другая. Это уж при Александре стала она такой жадной. У Ветрова ведь раньше была другая жена. Развелись сразу после войны. Я слышала, она сама ушла. Допек муженек своей скаредностью. А Надежда пошла за Александром — как в омут кинулась. Еще бы, мужиков вокруг мало, погибли на войне... Ветров был с положением, солидный. Сошлись они в сорок пятом, а через год Боря родился. Живут год, другой, третий, а все не расписываются. Я как-то спросила у Нади: почему не оформляете брак по закону? Не боишься, что он бросит тебя с сыном — и поминай как звали? Она отвечает: нет, не бросит. А не регистрируемся, потому что мне пособие платят как матери-одиночке. Это ее Александр подучил. Уж я срамила Надежду, так срамила. Не стыдно, мол, перед людьми? Да и негоже государство обманывать. Может, кому-то это пособие действительно нужно позарез, а с их доходами... Она говорит: как муж скажет, так и будет. Зарегистрировались аж в пятьдесят первом году! Ветрову смотреть на белый свет деньги глаза застили! Надя — солидный человек, заведующая детским садом, а до последнего времени цветы продавала, клубнику. Сама! — старушка покачала головой.— Или я чего-то не понимаю, или свет перевернулся. Не знаю...

— Как Александр Карпович относился к своим детям? — спросил следователь.

— Борьку в свою веру обратил. Деловой... Не чихнет за просто так. Отец сызмальства приучил: получит в школе четверку — деньги на мороженое, пятерку — на кино. В институт поступил — на тебе пятьсот рублей.

— За что? — удивился Ворожищев.

— Ну, потрудился, мол, заработал.

— Так ведь институт сыну нужен, а не отцу.

— Вот и я говорила: кого рóстите? — она сделала ударение на первый слог, отчего слово прозвучало как-то значительнее.— Он же сам потом, когда в старости будет ухаживать за вами, плату потребует...

— Это вы Александру Карповичу говорили?

— Наде. Она только молчит... Да и что с нее взять — на мужа как на икону молится,— баба Маня вздохнула.— Что вы хотите, сыну шестой годок шел, а ему бочонок подарили, чтобы деньги копил. Вот и вырос такой же, как папаша...

— А Лариса?

Мария Ивановна расплакалась. Внучатую племянницу она любила. Единственную из всех Ветровых. За ее приветливый нрав, доброту и бескорыстие.

— Поверите,— сказала старушка,— своих детей так не любила, как Ларочку...

Ворожищев поинтересовался, известно ли Марии Ивановне о психической болезни Ветрова-старшего.

— В первый раз слышу! — удивилась старушка.— По-моему, был отменного здоровья мужчина...

— А его брат, Иван Карпович?

— А что брат? — в свою очередь спросила баба Маня.

— Он ведь, говорят, покончил с собой. На почве шизофрении.

— С чего это взяли? Тоже был нормальный. На охоте погиб. Любил того,— она щелкнула себя по воротнику,— вот под этим делом нечаянно и выстрелил в себя. Ружье чистил вроде бы, или еще что произошло... Факт только, что по неосторожности это вышло. Вот до чего вино доводит,— она осуждающе покачала головой.

Проверкой было установлено: действительно, родной брат Ветрова, Иван Карпович, погиб в результате несчастного случая. Ни шизофренией, ни другими психическими заболеваниями он не страдал.

Беседы со знакомыми Александра Карповича также доказывали: никто даже не подозревал, что у бывшего директора фабрики была шизофрения.

Все это казалось более чем подозрительным. Гольст еще сильнее усомнился в болезни Ветрова, когда ознакомился из личного дела с биографией Александра Карповича. Из нее вытекало, что А. К. Ветров находился на фронте и после контузии был уволен в запас.

Тогда при чем тут Свердловск, психиатрическая больница? Откуда появилась выписка из истории болезни? Тут явное противоречие. Если его, контуженого, уволили в запас, зачем надо было освобождать от военной службы во второй раз, уже из-за шизофрении?

Чтобы разобраться в этом, Гольст сделал запрос в военно-медицинский архив. Ответ пришел буквально на третий день. И что же выяснилось. А. К. Ветров был призван в ноябре 1942 года в армию Бийским городским военным комиссариатом и прослужил четыре месяца в запасном полку. В 1943 году он был направлен в Свердловскую психиатрическую больницу. Там его признали больным шизофренией и уволили из армии по состоянию здоровья.

— Значит, сведения, сообщаемые в автобиографии,— ложь,— констатировал Ворожищев.

— Ну да! Фронтовик, контуженый — такое вызывает уважение. Но это далеко не первая и не последняя ложь Ветрова. Трудовой стаж, по его документам, начинается у него якобы с тысяча девятьсот двадцать четвертого года, то есть с пятнадцати лет. По другим сведениям, он в это время еще учился в школе. И вот я думаю: не организовал ли Александр Карпович себе шизофрению сам?

— Чтобы избежать отправки на фронт?

— Вот именно.

— Но ведь выписка из истории болезни подлинная, — сказал Ворожичев.

— А болезнь могла быть мнимая. Симуляция. Как видно, Ветров никогда не стеснялся в выборе средств. Обманы и подлоги — это стиль его жизни.

Чтобы выяснить, болел Ветров шизофренией или нет, Гольст вынес постановление о назначении посмертной судебно-психиатрической экспертизы.

Следственная группа, возглавляемая В. Г. Гольстом, работала в тесном взаимодействии с уголовным розыском. Непосредственное участие в расследовании принимал капитан Леонид Витальевич Самойлов, опынейший работник городского управления внутренних дел. С Владимиром Георгиевичем они встречались чуть ли не ежедневно.

Как уже говорилось, Гольст не исключал возможность, что к исчезновению Ларисы Ветровой и гибели ее родителей мог быть причастен один и тот же человек. Розыскное дело Ларисы было затребовано из Быстрицкого отделения милиции. Владимир Георгиевич попросил Самойлова обратить особое внимание на тот факт, что девочку незадолго до исчезновения видели якобы с незнакомым мужчиной.

Снова и снова были допрошены соседи Ветровых по даче. Где, когда видели Ларису с тем человеком? Как он выглядел? Из местных ли? Капитан тщательно изучил картотеку лиц, состоящих на учете в районной милиции.

Когда следователь поинтересовался у Самойлова результатами, тот ответил:

— По существу, Владимир Георгиевич, никаких определенных примет о том мужчине никто сообщить не может. Более того, я так и не нашел ни одного человека, который бы лично видел Ларису с ним. Короче, тетя Маша слыхала, что бабка Дарья видела...

— Считаете, сплетни?

— Похоже.

— И все же надо искать возможного соблазнителя.

— Разумеется, — кивнул Самойлов. — Но... — он улыбнулся. — У кого это из писателей: трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно...

— Если кошки там нет, — тоже с улыбкой закончил Гольст. — Однако, как говорится, дыма без огня не бывает. Лариса, судя по показаниям знакомых, была не по годам развита, с мальчиками заигрывала.

— Уж кто действительно не по годам вел себя с представителями противоположного пола, так это ее старший брат, — заметил капитан.

— Борис?

— А кто же еще. Родители, мне кажется, закрывали глаза на то, что их сын слишком рано узнал женщин.

— Есть факты?

— Судя по тому, что говорят соседи и знакомые... Когда родители и сестра бывали на даче, Борис приводил девушек на городскую квартиру. А когда пустовала дача — заявлялся с компанией туда. Причем женщины каждый раз были разные. Некоторые значительно старше самого Бориса.

— А может, родители об этом ничего не знали? — высказал предположение следователь.

— Трудно поверить,— ответил инспектор уголовного розыска.— Я понимаю, парень он привлекательный...

— Интересный,— согласился Гольст.

— Но ведь родители должны были как-то сдерживать его. Воспитывать, что ли, цельность, высокие нравственные качества.— Увидев, что следователь задумался, капитан спросил: — Появилась какая-то идея?

— Очередная. Я вот что думаю: а не замешана ли тут ревность? Точнее, месть на почве ревности?

— Возможно. Или месть за попорченную честь сестры, дочери...

— Вот-вот,— подтвердил Гольст.— Поработайте в этом направлении.

— Хорошо,— кивнул Самойлов.

Через несколько дней капитан сообщил Гольсту, что в прошлом году у Бориса Ветрова была какая-то неприятность, связанная с одной девушкой — Мариной Зубовой. А этой весной вернулся из армии брат Марины — Виктор и якобы обещал рассчитаться с Борисом. Более того, Виктора Зубова вроде бы видели в Быстрице незадолго до трагических событий на даче Ветровых.

Гольст решил побеседовать с девушкой. Марине только-только исполнилось девятнадцать лет. Она очень смущалась.

Тактично, без нажима, Владимир Георгиевич все же сумел добиться от нее показаний.

— В прошлом году я лежала в городской больнице...— начала рассказывать Зубова.

— А что у вас было?

— Ревмокардит. Там красивый двор, как парк. Гулять можно. Сажу я как-то вечером на скамеечке, смотрю, идет Боря Ветров. В белом халате...

— Вы были знакомы раньше!

— Ну да! Я знала, что Боря учится в медицинском. Он подошел ко мне, поздоровался, поинтересовался, что со мной. Я сказала, что лежу в четвертом отделении. А он в то время был на практике, и как раз в ту ночь у него было дежурство. Боря спросил, в какой я палате. Когда поужинали и легли спать, он пришел. Говорит — пойдем, послушаем музыку, а то, мол, здесь скучища. Я пошла. А что? Действительно, в больнице от тоски не знаешь, куда деваться. Он повел меня на другой этаж. Зашли в какую-то комнату. Там были только столик и лежанка, обитая дерматином, ну как в больницах бывает. В комнате находился еще один врач, вернее, практикант, как я потом поняла...

— Кто такой?

— По-моему, они с Борисом учатся вместе.

— Его имя, фамилия?

— Борис называл его фамилию... Полонский!

— А имя?

— Не помню. Еще там была медсестра Таня. На столе — две бутылки вина, бутерброды с колбасой. Я спрашиваю: где же магнитофон? Полонский смеется: еще, мол, не купили. И предлагает мне выпить. Я стала отказываться, потому что врачи категорически запретили мне пить спиртное. А Борис на полном серьезе заявил, что все это ерунда и никакой болезни у меня нет, просто издержка переходного возраста. В общем, уговорили выпить...

— Вы пили? — уточнил следователь.

— Все пили... Потом поиграли немного в карты. Ну еще выпили... Я опьянела... Полонский и Таня куда-то ушли... Борис опять заставил меня выпить, произнес тост за мое выздоровление... Потом стал целовать меня... А дальше я не помню...

— Еще пили?

— Кажется. В общем, когда я проснулась, то свет не горел и в комнате никого не было. Я одна и... и... ну, в общем, совсем без ничего... Без одежды...

Зубова замолчала, опустив голову.

— А где был Ветров? — осторожно спросил Гольст.

— Не знаю. Мне было очень плохо... И голова, и все тело болели... Страшно стало: вдруг узнают?

— О чем?

— Ну... — Зубова замаялась. — Борис имел со мной близость...

Из дальнейших ее показаний выяснилось, что о ночной попойке в больнице стало известно главврачу. Поднялся шум. Бориса грозили большие неприятности в институте, но как будто отцу удалось замять скандал. Пострадали Таня (она ушла с работы «по собственному желанию») и Марина, которую тут же выписали.

— Ну что ж, — сказал Гольст, обсуждая эту историю с Самойловым, — основания для мести у Виктора Зубова имелись серьезные.

— Правда, погибли родители, а не Борис, — заметил капитан.

— А до этого — исчезла Лариса. Может, око за око, зуб за зуб? Надо проверить, какие у Виктора друзья, где он был в день пропажи девочки и в ночь, когда погибли Ветровы-старшие.

— Проверим, — кивнул Самойлов.

— Было бы интересно также узнать, не случались ли у Бориса Ветрова и другие неприятности, подобные этой.

Сергей Михайлович Ворожищев еще раз допросил кое-кого из родственников Ветровых.

— Наша версия о том, что тут убийство, кажется, еще больше подтверждается. Косвенно пока, — сказал он, делаясь с Гольстом своими впечатлениями.

— Выкладывайте подробнее, Сергей Михайлович, — попросил Гольст.

— Интересные сведения сообщила сестра Ветрова-старшего, Аделина Карповна. Она была очень близка с братом. Говорит, что поражалась самообладанию Александра Карповича. В те дни, когда пропала дочка, он лучше всех держался в семье. Переживал, конечно, но духом не падал. Искал мастеров для камина...

— Что-что? — не понял Гольст.

— Хотел сделать на даче камин. Представляете?

— Да уж... — Владимир Георгиевич задумчиво чертил на бумаге замысловатые узоры. — Исчезла дочь, а ему — камин...

— Вы слушайте дальше, — продолжал Ворожищев. — В день своего шестидесятилетия, буквально за три дня до смерти, Ветров принимал гостей, пил вино...

— Может, хотел забыться немного, отвлечься от тяжелых дум?

— Не знаю, не знаю,— покачал головой Ворожищев.— Все может быть... Но при этом он опять же поделился кое-какими планами с сестрой. Повел ее на участок, показал, где собирается строить финскую баню...

— Сауну,— уточнил Гольст.

— Точно,— кивнул Ворожищев.— Говорит: будешь, сестра, приезжать париться. Радикулит твой, мол, как рукой снимет. Выходит, ни о каком самоубийстве он и не помышлял, если вел такие разговоры. Человек жить хотел! И жить красиво! И вдруг... Стреляет в жену, а потом в себя...

— Противоречие, конечно, явное,— согласился Владимир Георгиевич.— Но я вот чего понять не могу: одни свидетели твердят, что он потерял голову от горя, прямо-таки заиклился на этом. А родная сестра... Что-то здесь не то. Где правда? На людях, выходит, одно, а с Аделиной Карповной — другое. Зачем?

— В том-то и дело, Владимир Георгиевич... Может, Лариса действительно убита отцом? И его отчаяние — симуляция? А Надежду Федоровну и Александра Карповича убил кто-то другой...

— Вот и еще одна версия,— вздохнул Гольст.— Чем больше я думаю о Ветровых, тем сильнее утверждаюсь во мнении: как все-таки поверхностно судят окружающие о людях... Внешняя сторона, так сказать, фасад иной раз совершенно не соответствует сути.

— Это точно,— согласился Ворожищев.— Например, Надежда Федоровна распиналась перед знакомыми, соседями и сослуживцами, какие у нее замечательные дети! Прямо-таки лучше на свете не сыскать. А сама признавалась матери: Борис растет черствым, неблагодарным. Эгоист. Да и с Ларисой не могла найти общего языка. Жаловалась: еще совсем, мол, соплячка, а мать ни в грош не ставит...

— Надежда Федоровна не говорила с родственниками насчет амурных походов Бориса?

— Говорила... Пыталась якобы повлиять на сына, образумить. Но Борис категорически заявил: он уже взрослый и воспитывать его поздно... Между прочим, Ветрова считала, что цинизм Бориса — от ранней связи с женщинами.

— Цинизм? Так и выразилась? — переспросил Гольст.

— Да, Надежда Федоровна произнесла именно это слово. Еще удивлялась, почему Борис так меркантилен. Точнее, она называла его крохобором.

— Уж ей ли не знать, откуда весь этот набор,— усмехнулся Владимир Георгиевич.— Плоды воспитания родителей. Горькие плоды.— Он помолчал.— Ну ладно, давайте вернемся к вопросу: убийство ли это? Вопрос наиглавнейший. Жаль, конечно, упущено много времени. Но кое-что все же у нас есть...

И Гольст, и Ворожищев отлично понимали, какая это была помеха для следствия — упущенное время. Тускнеют отдельные факты, исчезают вещественные доказательства, в памяти свидетелей стираются или искажаются детали происшествия.

Повторный осмотр дачи ничего не дал. Комната, в которой погибли Александр Карпович и Надежда Федоровна, не раз уже была прибрана, вымыта, и какие-либо следы, которые как-то помогли бы следствию,

отыскать было чрезвычайно трудно. Но оставался протокол осмотра места происшествия и фотоснимки, сделанные оперативной группой, прибывшей в Быстрицу утром первого сентября. Они и явились объектом тщательного изучения. Следователи возвращались к ним еще и еще раз.

— Я вот думаю,— заметил Гольст, просматривая листы дела с фотографиями погибших,— могли человек остаться в такой позе после выстрела в себя?

— Мне самому не дают покоя снимки,— признался Ворожищев, разглядывая страшные документы, запечатлевшие трагедию.— Что-то здесь не вяжется с самоубийством.

— Смотрите, лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела,— Гольст листом бумаги прикрыл на фотографии голову погибшего.— Полная слабость, спокойствие. Словно спит человек. Если бы он стрелял в себя сам, то наверняка после отдачи ружья руки у него были бы откинuty в стороны, туловище несколько развернуто, что ли... В общем, тело лежало бы по-другому.

— Может, положение трупа изменили? — высказал предположение Ворожищев.

— Все свидетели, начиная от Бориса и Ольги и кончая соседями, которые прибежали на выстрелы, говорят, что никто ничего не трогал.

— А убийца не мог?

— Зачем? — в свою очередь спросил Гольст.

— Ну, чтобы инсценировать самоубийство...

— Но откуда убийце знать, как должен лежать самоубийца? Это во-первых. Во-вторых, в комнате было темно. Вернее, она чуть освещалась от фонаря с улицы. В-третьих, Ветров был укрыт одеялом.

Гольст нашел в деле нужное место — показания Бориса. По его словам, когда он вбежал в комнату, то стащил с отца одеяло, пытаясь разглядеть ранения. Ружье при этом упало на пол.

— Опять же ружье,— развивал свою мысль Гольст.— Могло ли оно остаться на кровати, если бы Александр Карпович стрелял в себя сам?

— Хотите сказать, что из-за отдачи оно должно было упасть на пол? — уточнил Ворожищев.

— Скорее всего. Хотя утверждать это категорически трудно. Надо, по-моему, выслушать мнение баллистов.

— Несомненно,— согласился Ворожищев.— Не понимаю, почему этого не сделал следователь, который первым вел дело.

— Мы должны точно знать,— продолжал Гольст,— под каким углом был произведен выстрел в Ветрова и где должно было оказаться ружье в результате отдачи.

— Да, да, баллистическая экспертиза необходима,— заключил Ворожищев.— Это поможет прояснить картину.

Проведение посмертной психиатрической экспертизы — дело весьма хлопотное и трудное. Психическое заболевание не оставляет явных следов на теле, подобных шрамам, рубцам, изменениям внутренних органов. Если умерший не состоял при жизни на учете в психиатрической больнице, то очень непросто установить, нормальный он был или нет. Для этого

требуется выяснить, как он вел себя в кругу родных, знакомых, сослуживцев. А это значит — опросить множество людей. Но и тогда истину установить сложно: сколько людей, столько и мнений.

Александр Карпович Ветров на учете у психиатров не состоял. Единственный раз его признали больным шизофренией в далеком 1943 году. Но чем с большим числом родственников, друзей и сослуживцев погибшего беседовали следователи, тем сильнее укреплялись во мнении, что у Ветрова была вполне нормальная психика. Так почему же в 1943 году его признали шифозреником? Врачебная ошибка? Симуляция?

Инспектору уголовного розыска капитану Самойлову удалось разыскать одного человека, знавшего Ветрова со времен войны. Это был Чичков, пенсионер и инвалид. Он служил вместе с Александром Карповичем в запасном полку. Чичков, в отличие от Ветрова, попал в действующую армию, воевал, был ранен. Встретился со своими однополчанами в конце пятидесятых годов, когда Ветров уже ходил в начальниках. Жилось Чичкову нелегко: часто болел из-за ранения. Он попросил Александра Карповича помочь ему в устройстве на подходящую работу. Тот пообещал и отделивался обещаниями несколько месяцев, так ничего для старого знакомого и не сделав...

— Как же это? — удивился капитан. — А воинская дружба?

— Нашли вояку, — горько усмехнулся Чичков. — Ветров только и мечтал о том, как бы застрять в тылу. Помню, случай у нас был на учениях. Одному пареньку из нашего взвода оторвало три пальца на правой руке. Патрон взорвался. Комиссовали, естественно. Ветров признался мне тайком, что завидует ему. Я говорю: вот дурья башка, чему завидуешь? Он засмеялся: для настоящего мужчины главное — голова. А что, мол, толку, если руки будут целы, а башку оторвет.

Почему Ветрова освободили от службы в армии, Чичков не знал.

Капитан Самойлов рассказал об этой беседе следователю Гольсту.

— Выходит, Ветров мечтал, чтобы его комиссовали, — прокомментировал свой рассказ Самойлов. — И нашел себе вполне подходящую болезнь: и голова, и руки целы остались.

— Как же его врачи не разоблачили? — покачал головой следователь. — Ведь в те времена были очень большие строгости.

— А может, подкупил кого. Тогда тоже продажные шкуры встречались. В общем, Ветров-старший — тот еще патриот! — Самойлов махнул рукой. — Интересно, что говорила ему совесть, когда он после войны каждый год Девятого мая принимал поздравления и подарки?

— Она, вероятно, шептала так тихо, что он ничего не слышал, — усмехнулся Владимир Георгиевич. — Ну что ж, для нас из всего этого важно сделать вывод: болел Ветров шизофренией или нет, мог покончить с собой на этой почве или не мог?

— По-моему, это такое же самоубийство, как и его шизофрения, — заметил капитан.

— Теперь о другом, Леонид Витальевич. О знакомых Ветрова-младшего. Вернее, о его бывших любовницах...

— Этот выкидывал фортели, — сказал Самойлов. — Есть у Бориса дружок, некто Полонский...

— Который был замешан в истории с Мариной Зубовой?

— Да. Знаете, Владимир Георгиевич, прямо противно рассказывать, — брезгливо поморщился капитан. — Обменивались девицами...

— В каком смысле?

— В прямом. Погуляет Ветров с какой-нибудь месяц-другой и передаст Полонскому. Тот тоже в долгу не остается.

— Значит, те девицы сами испорченные.

— Не все. Некоторые порывали отношения с такими кавалерами.

— Есть обиженные на Ветрова?

— Есть. Особенно некая Изольда Романова. Подробности пока установить не удалось.

— История с ней была до женитьбы Ветрова?

— Да. В начале этого года.

— Значит, до... — задумчиво произнес Гольст. — Интересно, сейчас он остепенился?

— Да вроде бы.

— Кстати о женитьбе, — продолжал следователь. — Странно. Все прочили Борису богатую невесту с высокопоставленными родителями. И недостатка в таких невестах, кажется, не было. Но почему-то Ветров выбрал Ольгу Каменеву. Скромная девушка, из простой семьи... Может, не такой уж он испорченный? А все его былые похождения — грешки молодости?

— Да, выбор Ольги — непонятная штука... Знаете, Владимир Георгиевич, если хотите лучше разобраться в Ветрове, поговорите с Олегом Турковым. Это, насколько мне известно, самый близкий его друг.

— А кто такой этот Турков? — поинтересовался Гольст.

— Учится с Ветровым на одном курсе. Часто бывает у него дома. В институте его называют «тенью Бориса». Говорят, он буквально боготворит Ветрова. И вообще якобы их водой не разольешь.

— Понятно. Значит, вы думаете, он знает сердечные тайны своего друга?

— А как же! Если они так близки... Наверняка в курсе, с какими женщинами бывал Ветров, какие у него случались неприятности из-за них.

— Что ж, возможно, — согласился следователь. — Попробую поговорить с Турковым. Но захочет ли он посвящать нас в секреты Бориса?

Капитан пожал плечами:

— Попытаться все же стоит...

Гольст встретился с Турковым в студенческом общежитии. Это был высокий, слегка сутулый молодой человек со светло-голубыми глазами, которые он все время щурил, глядя на собеседника, — видимо, по причине близорукости, но очков при следователе не надевал.

Сначала Владимир Георгиевич спросил его, как давно он знает Бориса Ветрова, что их сблизило. Выяснилось, что до института они знакомы не были, дружба их возникла на втором курсе, когда оба записались в студенческое научное общество.

— Борис — это голова! — не скрывал своего восхищения Турков. — Его ждет большое будущее.

— Почему вы так считаете? — спросил Гольст.

— Мы, простые смертные, что называется, грызем гранит науки. А он же его губами, словно пирожное.

— Круглый отличник?

— Круглыми отличниками бывают только зубрилы, — ответил Олег, — которые берут, извините, седалищем. А Борис — вот этим, — Турков постучал себя кулаком по лбу. — Да если бы он захотел иметь одни пятерки, это ему ничего не стоило бы. У нас многие закончили институт с «красными» дипломами. Вон сколько портретов висит в вестибюле. А кто из них стал знаменитым? — патетически спросил Олег и сам же ответил: — Что-то ни о ком не слышно... А о Борисе еще узнают, даю голову на отсечение. — Он вдруг замолчал и долго смотрел на Гольста прищуренными глазами. — Не верите? Думаете, преувеличиваю?

— Почему же, — спокойно сказал следователь. — Все может быть. Что, Борис мечтает стать большим ученым?

— Он имеет на то все основания, — безапелляционно произнес Турков. — Уверен, так оно и будет! Борис никогда не смирится с прозябанием где-нибудь в поликлинике или заштатной больнице. Планы у него — о-го-го! Правда... — Олег вздохнул, — не все понимают, какого это полета человек.

— Кто именно не понимает? — осторожно спросил Гольст.

— Да хотя бы в деканате... Это надо же было додуматься: Ветрова, представляете, Ветрова посылать на практику куда-то к черту на кулички! Да его надо в научный институт!

— Насколько я знаю, его оставили практиковаться в области, — заметил следователь.

— Это потому, что у него в семье несчастье. А то послали бы точно. Ладно, он еще докажет.

— Что?

— Какой у него талантище.

— По-моему, талант может проявиться везде, — сказал Гольст. — Это не зависит от того, где работает человек — в обычной поликлинике или же в самом лучшем научно-исследовательском институте.

— Конечно, — вяло согласился Турков. — Для таких людей, как Ветров, не имеет значения место прохождения практики или работы после распределения. Борис добьется своего при любых условиях. Он ни перед чем не остановится. Но зачем создавать лишние трудности? Для чего гению растрачивать свой ум и энергию на пустяки?

«Вот тебе и «тень Бориса»! — подумал Гольст. — Интересно, он высказывает свои мысли или же мысли самого Ветрова?»

А Олег продолжал:

— Обидно видеть, какие люди окружают Бориса, как ведут себя...

— Что вы имеете в виду? — спросил следователь.

— В каком он положении сейчас! Такое горе навалилось... Как он только держится, не представляю. А тут родственнички...

— Какие?

— Обыкновенные. Дяди, тети... Пользуясь случаем, тащат из дома вещи родителей и Бориса, даже заявляют права на дачу...

— Это говорил вам сам Ветров?

— Да нет, я видел. Одна тетя унесла шубу Надежды Федоровны, другая — туфли Александра Карповича, третья — фарфоровую вазу... А ведь Борису очень трудно материально. На стипендию далеко не уедешь. Да еще

молодая жена... Иной раз не хватает на еду. Борис вынужден сдавать вещи в комиссионку.

— Свои?

— Да нет. Кое-что из уцелевшей одежды родителей. Я сам ему помогал.

— А что вы можете сказать о жене Бориса?

— Об Оле? Как жена — хорошая. Любит Бориса. Но... — он замаялся.

— Что «но»?

— Понимаете, как бы вам объяснить?.. Между нами, конечно... Честно говоря, я был удивлен, когда Борис на ней женился. Мне кажется, она ему не пара.

— В каком смысле?

— Не понимает, какой человек с ней рядом. Не тот у нее уровень... Возможно, Борис женился на ней с отчаяния. Просто, когда случилось горе, она оказалась рядом, а ему надо было на кого-то опереться... Боюсь, он разочаруется. И скоро.

— Есть признаки?

Турков несколько смешался и, внимательно разглядывая свои руки, ответил:

— Мне так кажется. — Но тут же спохватился: — Это, разумеется, мои личные ощущения. В любом случае, будут они жить вместе или нет, Ольге надо поставить памятник при жизни лишь за то, что в самое тяжелое время она была с ним.

— А до Каменевой у Ветрова были девушки?

— Конечно, были. И какие! — воскликнул Турков. — Взять хотя бы Алису Макарову... Вам эта фамилия ничего не говорит?

— Нет, а что?

— Как же, Макаров — известный врач в Москве, член-корреспондент Академии медицинских наук.

— К сожалению, не слышал... Скажите, между Макаровой и Ветровым были серьезные отношения?

— Чуть не поженились. Это было летом. Борис ездил в Москву. Думали, вернется с невестой, то есть с Алисой. Или останется в столице. Но что там произошло, я до сих пор не знаю... Из Москвы он приехал один в середине августа. А вскоре пропала его сестра. А еще через десять дней, как вы знаете, — страшная гибель родителей...

Турков замолчал.

Гольст поинтересовался насчет других девушек, которыми увлекался Ветров. Турков назвал дочь заведующего кафедрой в их институте. На ней Борис тоже как будто хотел жениться, но быстро охладел. Как понял Гольст, видимо, потому, что появилась Алиса Макарова. Что же касается женщин, относительно которых Ветров не имел серьезных намерений, но с которыми проводил веселые ночи на даче в Быстрице и в городской квартире (разумеется, в отсутствие родителей), о них Турков ничего сказать не мог. Или действительно не знал эту сторону жизни своего друга, или не хотел его компрометировать. Во всяком случае, Олег уверял, что не принимал участия в похождениях Бориса.

Закончив допрос, Гольст предупредил Туркова, чтобы содержание состоявшегося между ними разговора не разглашалось. Олег твердо пообещал молчать.

— Вполне возможно, что Турков действительно не в курсе амурных походов Ветрова, — сказал капитан Самойлов, обсуждая с Гольстом допрос Олега. — Бывает... Борис держит его возле себя, так сказать, для души. Чтобы тот пел ему дифирамбы. А с женщинами он развлекается на пару с Полонским. Этот более подходит для такой роли.

— Возможно, — согласился следователь. — Вы узнали что-нибудь относительно Виктора Зубова, брата Марины?

— Узнал, Владимир Георгиевич. У него алиби. С пятнадцатого августа по восьмое сентября он был в доме отдыха под Одессой.

— Может, попросил отомстить за сестру кого-нибудь из дружков?

— Таких дружков у Зубова нет. Он не водится с сомнительными типами.

— Ну что ж, эта версия отпадает. Посмотрим, что даст встреча с Изольдой Романовой. Пока все не могу с ней встретиться: болеет. — Гольст заметил, что капитан слушает его рассеянно, и поинтересовался: — Вы еще что-то хотите сообщить?

— Думаю... Странно получается. Турков говорит, что Ветров бедствует, на еду не хватает. А Бориса в последнее время несколько раз видели в ресторане «Метрополь». В частности, позавчера. А ведь это один из самых дорогих ресторанов в городе.

— Да? — удивился следователь. — Может, его приглашают?

— Не его, а он. Сорит деньгами, словно купец. Заказывает икру, коньяк, шампанское...

— Откуда же у него деньги?

— Насчет комиссионки Турков сказал не всю правду. Борис перетаскал туда не кое-что, а всю одежду, которая осталась от родителей, вплоть до нижнего белья. Более того, продал весь хрусталь, ковры и даже кое-что из мебели.

— Кутит в «Метрополе» с женой? — спросил Гольст.

— Нет, она сидит дома. Он бывает там в основном с преподавателями из своего института. В частности, с неким Кирсановым. Это, говорят, правая рука ректора.

— Ну и порядки в их институте! — покачал головой следователь. — Пить в ресторане со студентами! Борис ничего, как известно, не делает просто так. Но они...

— Да, — кивнул капитан. — Ветров явно чего-то хочет.

— Это самое «что-то» разгадать, по-моему, нетрудно. На носу распределение. Метит попасть в аспирантуру или же получить теплое местечко в городе.

— Точно, — подхватил Самойлов. — И еще, Владимир Георгиевич. Ветров нанял адвоката, чтобы тот помог ему получить в сберкассе вклад, положенный родителями на имя Ларисы.

— Любопытно... Но как же так? Жива сестра или нет, неизвестно, а он уже тянется к ее денежкам. Сумма большая?

— Тысяча рублей. Но и это не все. После смерти родителей Борис подал заявление о признании его наследником их имущества, в частности дачи. Как вы знаете, положенный законом срок для установления наследников — шесть месяцев — еще не прошел. А тут поступает еще одно заявление на право наследования — от матери Надежды Федоровны.

— То есть родной бабушки Бориса, — уточнил Гольст.

— В том-то и дело, что не родной, — сказал капитан. — У Надежды Федоровны, так сказать, мачеха. Более того, с отцом Надежды Федоровны их брак не был зарегистрирован. Но фактически она воспитывала ее с двенадцати лет. И Борис это знает. Как только он проведал, что бабка претендует на часть дачи, тут же подал заявление в суд, чтобы ее претензии были признаны незаконными. Та, в свою очередь, тоже обратилась в суд, требуя признать ее законной наследницей. Не знаю, сама надумала или кто-то посоветовал... Словом, заварилась каша. Чем все кончится, неясно.

— В суде разберутся, — задумчиво произнес Гольст. — Выходит, Борис был уверен, что завладеет дачей один?

— Во всяком случае, очень бы хотел. Хватка у него как у родителей. Не желает выпустить из рук ни копейки. Уже имеет покупателя на дачу. Деловой!

— Не по годам, — заметил следователь. — Знаете, о чем я вас попрошу? Если можно, разузнайте, почему расстроилась женитьба Бориса на Алисе Макаровой.

— Это которая дочка московского врача-светила?

— Совершенно верно, — кивнул Гольст. — Выясните, какая кошка между ними пробежала.

— Можно, — сказал Самойлов. — Но откуда выяснять трудно. Вернее, не так быстро...

— Съездите в Москву, — предложил Гольст.

— Это очень важно? — на всякий случай полюбопытствовал инспектор.

— Как знать, — улыбнулся Гольст. — Смотря какие сведения вы привезете оттуда.

И они стали обсуждать, что именно должен был выяснить капитан Самойлов у несостоявшейся невесты Бориса Ветрова.

Вернулись из Кисловодска Цыплаковы, те самые, чья дача находилась рядом с ветровской. В роковую ночь на первое сентября они не спали, дежуря у постели тяжелобольного человека. Их показания о времени, прошедшем между двумя выстрелами, имели исключительно важное значение.

Правда, другие соседи, Бобринские, уже назвали интервал — 3—4 секунды. Однако Бобринские были разбужены выстрелами. А, как известно, разбуженный человек находится в заторможенном состоянии и не сразу может разобраться в происходящем.

И вот Цыплаковы на допросе категорически заявили: выстрелы со стороны дачи Ветровых прозвучали один за другим с интервалом не более чем 3—5 секунд. Показания соседей совпали.

Сомнительно, чтобы Александр Карпович за эти секунды, выстрелив в жену, успел обойти кровать, лечь, накрыться одеялом, перекинуть через приклад веревку, привязанную к спусковому крючку, и убить себя. Был проведен следственный эксперимент, чтобы выяснить, возможно ли такое. Он показал, что нет. Для всех этих операций пяти секунд было явно недостаточно.

Продолжая изучать фотографии с места происшествия, Гольст обратил внимание на еще одно важное обстоятельство. Как следовало из первого заключения судмедэкспертов, во время выстрела в А. К. Ветрова срез дульной части ружья находился от его головы на расстоянии 4—6 сантиметров.

Следовательно, если бы он стрелял в себя сам, то одной рукой держал бы ружье за дульную часть стволов, причем у самого среза. Попали бы в этом случае брызги крови на руку? Остались бы следы пороховой копоти? На фотографиях ни того, ни другого видно не было. В протоколе осмотра места происшествия эти детали тоже не были зафиксированы.

Чтобы внести ясность в этот вопрос, Гольст вынес постановление о назначении повторной судебно-медицинской экспертизы (для этого требовалось эксгумировать труп А. К. Ветрова), которую поручили группе авторитетных специалистов.

Тем временем Владимир Георгиевич получил наконец возможность встретиться с еще одной свидетельницей, Изольдой Романовой, и допросить ее.

Девушка выглядела неважно после только что перенесенного воспаления легких. Когда Гольст сказал, что хочет поговорить с ней о Борисе Ветрове, на ее бледных худых щеках выступил лихорадочный румянец.

— А при чем здесь я? — волнуясь, спросила она.

— Вы близко знали его? — в свою очередь задал вопрос следователь.

— Близко? — почти с испугом переспросила Изольда. — Нет... Впрочем... Ну, встречались с ним. Два или три раза. В компании.

— Где именно?

— Ну... У одного моего знакомого... Дома...

Она не знала, куда девать руки.

— Не надо так волноваться, — успокоил девушку Гольст. — Постарайтесь вспомнить, когда это было, кто еще присутствовал при этом.

— Хорошо, — тихо произнесла девушка. — Это было... в декабре прошлого года... Да, в декабре. Я тогда встречалась с другом Бориса Ветрова.

— Фамилия друга?

— Полонский. Его тоже Борисом зовут. Мы слушали музыку, танцевали. Ветров был со своей девушкой, Леной. Фамилию не знаю. Вскоре у нас с Полонским произошел разрыв. А поэтому с Ветровым я больше не виделась. Вот и все...

— Все? — повторил следователь, внимательно глядя на девушку.

Она опустила глаза и не ответила.

— А у нас есть сведения, что в январе этого года вы имели с Борисом Ветровым какие-то отношения. Так?

— Нет! — воскликнула девушка. — Нет! Не могла же я с ближайшим другом Полонского...

Она замолчала, нервно хрустя пальцами.

— Я прошу вас рассказать всю правду, — мягко сказал Гольст. — Это очень важно. Весной у вас были неприятности, верно?

Изольда молча кивнула.

— Вам было очень плохо, — продолжал следователь. — Даже жить не хотелось...

Девушка тяжело вздохнула.

— Ветров имел отношение к этому?

— Не Ветров. Полонский, — с трудом выдавила из себя Изольда и добавила: — Впрочем, Ветров тоже.

— Так в чем же дело? Я понимаю, вам трудно говорить. Это, вероятно, очень личное... Но, поверьте, я спрашиваю об этом только по долгу службы.

— Хорошо. Я скажу...— Девушка некоторое время молчала, прерывисто дыша.— Скажу... Полонский обещал жениться на мне... В общем, я забеременела от него. И тут выяснилось, что он и не собирается жениться. Я узнала, что он со многими поступал так. Уверял, что женится, а потом бросал... Кстати, Ветров не лучше. Правда, у него другой способ...

— Способ чего? — не понял Гольст.

— Чтобы переспать с кем-нибудь... Полонский как-то проболтался. Ветров обычно подсыпал в вино снотворное.

«Так, наверное, произошло и с Мариной»,— подумал следователь, вспомнив показания Зубовой.

— И многих девушек соблазнил Ветров? — спросил он.

— Не знаю.

— Ладно, продолжайте, пожалуйста, о себе.

— Я поняла, что с Полонским у нас все кончено. Но как быть с беременностью? Если это дойдет до моих родителей, я не знаю, что они сделают со мной и с Полонским,— в голосе Изольды послышались слезы.— Я вас очень прошу...

— Успокойтесь, пожалуйста. От нас никто ничего не узнает.

— Ну, я встретила с Полонским, попросила его помочь мне избавиться от ребенка. Ведь он будущий медик. Он пообещал что-нибудь придумать. А через несколько дней позвонил мне и сказал, что договорился с Борисом Ветровым, который сделает все, что нужно.— Изольда замолчала. Из глаз ее закапали крупные слезы. Она вытерла их ладошкой и продолжала: — Мы с Ветровым поехали к нему на дачу. Там никого не было... Борис сказал: «Я сделаю тебе три укола, но при одном условии... После каждого укола...» Ну, чтобы я легла с ним... Я была в таком отчаянии... Короче, согласилась... А Ветров обманул меня. Уколы не помогли. Я уверена, что он вводил дистиллированную воду, а не лекарство. Позже все равно пришлось обращаться в больницу. С трудом уговорила сделать аборт: времени-то сколько прошло... Сама, дура, виновата! — вдруг с иронией сказала девушка.— Надо было думать, с кем имеешь дело! Вы даже не представляете, как я зла на Ветрова. Низкий, грязный подлец! Ничего, ему это аукнулось! — уже со злорадством закончила Романова. И спохватилась: — Вы не подумайте, что я о несчастье в его семье. Не дай бог! Я о жене...

— Ольге Каменевой?

— Ну да. Ветров думал, что женится на дочке проректора института Петрякова. Дудки! Ольга никакого отношения к Петрякову не имеет!

— Погодите, я вас не очень понимаю,— сказал следователь.— Объясните, пожалуйста, подробнее.

— Ну, поговаривали, что Ольга Каменева — незаконная дочь Петрякова. И якобы он очень любит ее, опекает, помогает деньгами и прочее... А Борис Ветров ради карьеры готов пойти на что угодно. Еще бы! Отхватить дочку такого человека! Петряков очень влиятельный в институте и вообще в медицинских кругах... Выходит, Ветров остался с носом!

«Вот оно в чем дело,— подумал Владимир Георгиевич, вспомнив, как они гадали, почему из всех невест Ветров остановил свой выбор на Ольге.— Но может, Романова просто хочет очернить Бориса? Из чувства мести?»

— Простите,— сказал он,— а откуда вам это известно?

— Так все знают! Знакомые, друзья Ветрова. Спросите у кого хотите, подтвердят,— заверила девушка.

— Кто конкретно?

— Да хотя бы Полонский. Я видела его месяца полтора назад. Поинтересовалась, как там Борис. Ну он и рассказал мне... Можете узнать у него.

Гольст и сам хотел встретиться с Полонским: как-никак один из ближайших друзей Ветрова. Но тот находился на практике в другом городе.

— По-моему, это несерьезно,— заметил следователь Ворожишев, когда Владимир Георгиевич ознакомил его с показаниями Изольды Романовой.— Жениться на девушке только потому, что она, по слухам, внебрачная дочь проректора...

— Принимая во внимание принципы Ветрова...— начал было Владимир Георгиевич.

— То, что Ветров готов из чего угодно извлечь выгоду,— да! — перебил его Сергей Михайлович.— Но не такой он человек, чтобы поступать опрометчиво. Обязательно разузнал бы, убедился, действительно ли будущая жена — дочь Петрякова. Хоть и молод еще, но расчетлив.

— Да, в этом Ветрову отказать нельзя,— согласился Гольст.

— Сдается, Владимир Георгиевич, тут кроется что-то другое... Может, ему удобно иметь такую супругу? Все разрешает, на все согласна. Пусть муж гуляет по ресторанам, пусть даже ходит на сторону, лишь бы был с ней. Встречаются ведь такие?

— Встречаются, конечно. И все же отношение Ветрова к Ольге Каменевой для меня окончательно не ясно,— заключил Гольст.

Вернувшись из Москвы, инспектор Самойлов сразу же встретился с Владимиром Георгиевичем.

— В столице я, можно сказать, попал прямо с корабля на бал,— докладывал следователю капитан.

— В каком смысле? — заинтересовался Гольст.

— Ну, прибыл по нужному адресу. Неподалеку от Калининского проспекта, на Арбате. Подхожу к подъезду, а тут как раз выходят из дома невеста с женихом и садятся в «Чайку», увитую лентами. Народу — масса. Еле разместились по такси и поехали. Целый кортеж... Я не очень-то внимательно рассматривал всю эту кутерьму, так, мельком. Поднялся на второй этаж, позвонил. Открыла старушка. Спрашиваю: Алиса Макарова дома? А она мне: только что в загс отправилась. Вот, думаю, незадача! У человека такое событие, а я с расспросами. И о ком? О бывшем женихе...

— Да, действительно, положение щекотливое,— улыбнулся Владимир Георгиевич.

— Но,— развел руками Самойлов,— работа есть работа... прихожу на следующий день. Открывает мужчина, спортивный такой, в джинсах, водолазке. Оказался сам Макаров, член-корреспондент. Вежливый, попросил войти в дом... Ну я представился и деликатненько поинтересовался: можно, мол, побеседовать с его дочерью? Но оказалось, что дочка вчера после банкета сразу в аэропорт — и в свадебное путешествие. На целый месяц! Растерялся я, конечно. Не лететь же к морю? А с заданием как быть? Бе-

сидеть о Ветрове с папашей? А вдруг у Бориса с Алисой были тайные отношения? Положеньице, не правда ли?

— Затруднительное, — кивнул с усмешкой Гольст.

— Короче, решил-таки я заговорить о Борисе, — продолжал капитан. — Макаров, как только услышал его фамилию, нахмурился. Говорит: этот ваш Ветров еще тот деляга. Откуда только берутся такие? Слово за слово, и вот что выяснилось. Борис приезжал летом в Москву, официально просил руки Алисы, но... поставил кое-какие условия!

— Интересно, интересно, — все больше зажигался следователь.

— Во-первых, — капитан начал загибать пальцы, — будущий тесть должен устроить Ветрова после окончания института в ординатуру в Москве. Во-вторых, отдельная квартира для молодых. В-третьих, подарить автомобиль. Борис не прочь иметь «Волгу», но согласен и на «Жигули» последней модели. Губа не дура, а?

— Весьма... Но неужели Ветров прямо так все и выложил? — удивился следователь.

— Разумеется, не прямо в лоб, а намеками. Но вполне понятными. Что совершенно возмутило члена-корреспондента, так это разглагольствования Ветрова насчет того, что сейчас девушке трудно выйти замуж, особенно если внешность не яркая...

— А как она? — поинтересовался Гольст.

— Алиса? — Инспектор подумал, вспоминая. — Высокая, худая. Бесцветная какая-то. Впрочем, смотря на чей вкус...

— И все же странно, — заметил Владимир Георгиевич. — Вести себя подобным образом с отцом...

— Насколько я понял, мамаша, то есть жена ученого, поддерживала Бориса. Наверное, обворожил чем-то. Очень хотела его в зятя. И Алиса была сильно влюблена... Скажем прямо, Ветров может вскружить голову...

— Так почему же их женитьба расстроилась? — спросил Гольст.

— Отец уперся, Макаров. Сказал, что сразу раскусил Бориса. Не дочка ему нужна, а папаша. Вернее, его положение. А он мужик, видать, крутой. Ну и дал Ветрову от ворот поворот. По словам Макарова, Борис, когда уехал, тут же отписал большое покаянное письмо. Мол, что его не так поняли, что любит Алису без памяти и согласен жить с ней хоть в шалаше...

— Письмо сохранилось? — поинтересовался Гольст.

— К сожалению, нет.

— Если, как вы говорите, Алиса была сильно влюблена в Ветрова, почему же так скоропалительно вышла замуж за другого? — спросил следователь.

— Кто знает, — развел руками Самойлов. — Говорят, иногда клин клином вышибают.

— Кто муж?

— Инженер. Старше Алисы на пять лет. Да, — вспомнил капитан, — когда Борис был в Москве, то каждый день заявлялся к Макаровым с цветами. Лучший букет — матери. — Заметив усмешку Гольста, спросил: — Вы что, Владимир Георгиевич?

— Ну и хлюст! Знает, кого надо обхаживать. Между прочим, здесь мы тоже кое-что интересное узнали. Помните, вы раздобыли сведения, что Вет-

рова несколько раз видели в «Метрополе» с преподавателем института Кирсановым?

— Помню, конечно.

— Так вот, от старшего Ветрова остались золотые часы. Борис сделал на их крышке дарственную надпись и попросил Кирсанова передать подарок ректору института.

— Не теряется парень! — воскликнул капитан. — Кирсанов-то с ректором, как говорится, вась-вась.

— Вот именно.

— Ну и как? Принял ректор подарочек?

— Насколько нам известно, часы пока у Кирсанова. На днях пятидесятилетие ректора. Возможно, тогда и презентует...

То, что предполагали Гольст и его коллеги по расследованию дела Ветровых, подтвердилось и выводами экспертов.

Заключение посмертной судебно-психиатрической экспертизы Ветрова-старшего было категорическим: Александр Карпович никогда не страдал психическим заболеванием.

Сказали свое слово и члены комиссий, проводивших судебно-медицинскую и баллистическую экспертизы. Вот к каким выводам они пришли.

Во-первых, если бы А. К. Ветров стрелял в себя сам, то на руке, которой он держал дульную часть стволов ружья, обязательно должны были остаться следы пороховой копоти и брызги крови. Но ни крови, ни копоти не было видно на фотографиях, не было зафиксировано в протоколе осмотра места происшествия и не было обнаружено на кожных покровах трупа при эксгумации.

Во-вторых, ранение Александру Карповичу было нанесено в левую скуловую область. Эксперты отметили, что при таком направлении выстрела Ветрову было бы крайне неудобно стрелять в себя и после выстрела он обязательно принял бы другое положение в кровати.

В-третьих, на фотографиях труп Александра Карповича заснят в позе человека, спокойно лежащего на спине со свободно вытянутыми вдоль тела руками. Такая поза была бы невозможна, если бы Ветров выстрелил в себя сам. То есть смерть настигла Ветрова-старшего во время сна.

В-четвертых. Согласно показаниям Бориса, когда он прибежал в спальню родителей, ружье лежало на постели отца и упало на пол только после того, как сын сдернул одеяло. Но оно не могло лежать на кровати, если бы Ветров-старший покончил с собой. Судя по направлению раневого канала, ружье в момент выстрела находилось в таком положении, что все его ложе выступило за пределы кровати, и в силу эффекта отдачи оно непременно должно было упасть на пол сразу после выстрела.

Теперь сомнений не оставалось: супругов Ветровых убили. Но кто?

— Давайте еще раз подумаем, кому была на руку их смерть, — сказал Гольст, когда они с Ворожищевым обсуждали появившиеся за последнее время факты по делу. — Что же тут все-таки — месть, корысть или еще что-нибудь?

— Насчет мести, Владимир Георгиевич, пока не вытанцовывается. Сколько людей проверили — никто не причастен. Может, попытка ограбления?

— Не похоже. Мешает одно обстоятельство. Убийца, как вы помните, чтобы ввести в заблуждение следствие, привязал к спусковому крючку ружья веревку. Инсценировка самоубийства...

— Это была его ошибка,— заметил Ворожищев.

— Конечно. А главное — эксперты указали в своем заключении: для того чтобы выстрелить в себя, Ветрову не надо было прибегать ни к каким приспособлениям в виде веревки. Он мог нажать на спусковой крючок сам, так как легко доставал рукой. Так вот,— продолжал Гольст,— инсценировка самоубийства подготавливалась заранее. Выходит, убийца знал, где висит ружье, каким образом можно проникнуть в спальню Ветровых, и тщательно продумал, как покинуть дачу незаметно. Это был если не близкий, то во всяком случае хорошо знакомый в доме человек.

— Даже более того,— добавил Ворожищев.— Он был отлично осведомлен обо всем, что касалось этой семьи. Например, он знал, что Александр Карпович якобы болен шизофренией. Но ведь, кроме самых близких родных, об этом не знал никто.

— Значит, месть отпадает. Попытка ограбления — тоже. Значит, выгода? Кто получал выгоду в результате смерти супругов Ветровых?

— Если уж говорить о выгоде, больше всего досталось бы Борису,— сказал Ворожищев.— Квартира в городе, дача, все сбережения... Кстати, вас не смущает поведение Бориса после их смерти? Я имею в виду его активную деятельность по распродаже имущества и другие проявления меркантильности.

— И да, и нет,— подумав, ответил Владимир Георгиевич.— Конечно, с одной стороны, слишком ретиво устранивает он свои материальные дела. А с другой... Ну, характер такой у парня. Кстати, взлелеянный отцом с матерью. Честно говоря, Борис производит неоднозначное впечатление... Карьерист, нечистоплотен в отношениях с женщинами. Но ему нельзя отказать в уме, способностях. Говорят даже — талантлив... Если он смысленный парень, пошел бы он на убийство? Ведь должен был понимать, что рано или поздно его разоблачат. И потом, в момент гибели родителей он находился в другой комнате.

— Так утверждает Ольга Каменева,— заметил Ворожищев.

— Есть основания не верить ей?

— Пока нет,— пожал плечами Ворожищев.— Знаете, Владимир Георгиевич, у меня идея... Правда, сумасшедшая... А что, если это сделала Ольга?

— Зачем?

— Чтобы остаться полновластной хозяйкой квартиры в городе, дачи и так далее.

— Так ведь и Борис говорит, что они были вместе, когда прозвучали выстрелы. Если мы верим Каменевой, то почему не должны верить Борису? Конечно, мы имеем право сомневаться. Сомневаться, искать, думать... Но категорически утверждать пока ничего нельзя.

Буквально на следующий день после этого разговора Гольсту позвонили из милиции.

— Владимир Георгиевич,— взволнованно сказал зам начальника город-

ского управления внутренних дел, — тут к нам зашел один человек, оставив письмо. Касается дела Ветровых...

— Кто такой? — спросил Гольст.

— Говорит, близкий знакомый жены младшего Ветрова.

— Ольги Каменевой?

— Да, ее. Уверен, послание вас крайне заинтересует.

Через полчаса конверт лежал на столе Владимира Георгиевича. В нем была короткая записка, написанная от руки: «Если со мной что-нибудь случится, заявляю, что во время следствия я дала неправильные показания. В ночь на первое сентября на даче Ветровых в Быстрице в момент выстрелов я не была вместе с Борисом». И подпись: Ольга Каменева.

Действительно, сообщение чрезвычайно важное. Что хотела сказать своим обращением в милицию жена Бориса? Почему она не пришла сама? Почему сделала свое заявление именно теперь? Если она говорила неправду раньше, то с какой целью? А вдруг запоздалое признание — ложь, преследующая какие-нибудь неблагоприятные интересы? Все эти вопросы и сомнения овладели Гольстом, когда он прочитал записку Каменевой.

Прежде всего в прокуратуру был приглашен человек, доставивший конверт в милицию. Некто Реутов.

— Когда Каменева передала вам письмо? — спросил Гольст.

— Вчера.

— Она просила отнести его в милицию?

— Нет, ничего не просила. Пришла ко мне какая-то странная, тихая, словно пришибленная. Я, естественно, заинтересовался, что с ней такое. Она говорит: «Не спрашивай ни о чем. Если ты мне друг, вот тебе письмо. Пусть лежит у тебя». Я, конечно, удивился. А Оля объяснила: «Если что произойдет, тогда... В общем, сам, говорит, догадаешься, что надо делать...» Я долго уговаривал ее рассказать, что же все-таки случилось, но Оля молчала. Потом расплакалась и ушла.

— Письмо было запечатано? — спросил следователь.

— Да, — смущенно кивнул Реутов. — Виноват. Это, конечно, некрасиво, но я не удержался, вскрыл... Вы бы видели, какое у нее было состояние! Я подумал: не дай бог, действительно произойдет несчастье! Так зачем дожидаться?

По словам Реутова, с Каменевой они дружили с детства. Дружба эта была чистая и верная. Видно было, что происшедшее сильно подействовало на него. Он все твердил: «Что с ней может случиться? Что она имела в виду?»

Гольста и самого интересовали ответы на эти вопросы. Дать их могла только Ольга Каменева. Было решено срочно допросить ее.

Каменева пришла в прокуратуру бледная, подавленная. Глаза — как у затравленного зверька.

— Что вынудило вас оставить письмо у Реутова? — задал вопрос Гольст.

Ольга молчала. Следователь повторил вопрос.

— Я боюсь, — выдавила наконец из себя Каменева.

— Пожалуйста, объясните причину вашего страха, — Владимир Георгиевич говорил вежливо, мягко, но настойчиво.

— А Борис не узнает, что я была у вас? — чуть ли не шепотом спросила она.

— Это судя по тому, что вы сообщите нам, — уклончиво ответил Гольст.

— Я больше не могу! — с отчаянием выкрикнула Каменева. — Эти бесконечные разговоры о трупах... Намеки... Свихнуться можно, ей-богу!

— Конкретней, пожалуйста. Вы меня понимаете? Говорите подробнее.

Ольга кивнула. Попросила воды. Пока Гольст наполнял стакан, облизывала пересохшие губы. Залпом выпив воду, стала рассказывать.

— Понимаете, Борис считает, что Ларису убил отец. Александр Карпович... Боря говорит, что он сделал это потому, что ненормальный. Шизофреник. И в силу какой-то ритуальности закопал труп в погребе на быстрицкой даче. Почему именно в погребе? Он находится как раз под маленькой комнатой, где была спальня Александра Карповича и Надежды Федоровны...

— Простите, — перебил Каменеву следователь, — когда именно начались эти разговоры?

— Давно уже. Сразу после похорон родителей Бориса. А что?

— Нет, ничего... Продолжайте, пожалуйста.

— Я спрашиваю у Бори: почему ты так уверен, что Лару убил отец? Он говорит: психи на все способны. И еще, мол, подтверждением служит то, что Александр Карпович убил потом Надежду Федоровну и себя. Я опять спрашиваю: откуда ты знаешь, что Лариса закопана в погребе? Он ответил, что там в одном месте земля рыхлая. Он обнаружил это, когда зачем-то лазил в погреб. И именно под тем местом, где в спальне стоит кровать Александра Карповича. Знаете, после этого я перестала ездить в Быстрицу... Хотя, наверное, все это выдумки. Ну, насчет Лары...

— Вы не спускались в погреб на даче после того, как Борис рассказал вам о своих подозрениях? — спросил Гольст.

— Что вы! — испуганно отмахнулась Ольга. — Я же говорю: больше в Быстрице не была.

— А Борис ездил туда?

— Несколько раз. Он собирается продать дачу. Как только пройдет шесть месяцев и он по закону станет наследником. Покупателей туда возил, показывал. — Каменева обхватила голову руками. — Вы не можете себе представить, какая это пытка — слушать его разговоры! Зачем он на мне женился, а? Чтобы терзать? Я по ночам спать не могу, все думаю: может, он тоже шизофреник? — Ольга повертела пальцем у виска. — Как Александр Карпович? Не поверите, иной раз прямо ужас берет. Особенно ночью. Прислушиваюсь — спит Борис или нет. Кажется, сейчас встанет, возьмет ружье и... Как его отец Надежду Федоровну...

— У вас дома есть ружье? — спросил следователь.

— Есть. Борис иногда ездит на охоту. Вот я и пошла к Реутову.

— Помимо того, что якобы Александр Карпович убил Ларису, муж ничего не рассказывал вам об исчезновении сестры и смерти родителей?

— Для меня и этого достаточно. Я просто столбенею от ужаса. Наверное, уже сама становлюсь ненормальной...

— И все же? — настаивал Гольст.

— Вроде нет...

— Может, вы заметили еще что-нибудь странное в поведении Бориса? Каменева задумалась.

— Я уже не знаю, когда он странный, а когда нет. То нежный, со мной, внимательный, а то вдруг слова за день не скажет, словно не замечает меня. В последнее время все больше бирюком ходит. И пристаёт: мол, если будут спрашивать меня, вместе ли мы были в ночь на первое сентября, чтобы отвечала, что вместе.

«Ну вот, подошли к главному», — подумал следователь и спросил:

— А как было на самом деле?

— На самом деле? — как эхо, повторила Ольга. — Сначала мы действительно были вместе, а потом Борис ушел в другую комнату...

Она смутилась и замолчала.

— Прошу вас, говорите все начистоту, подробно, — мягко попросил Гольст. — Это очень важно. Когда в ту ночь легли спать родители Бориса, что делал он, вы, где кто находился во время выстрелов... Вы поняли меня?

— Да, — кивнула Ольга. — Александр Карпович и Надежда Федоровна легли раньше. Кажется, около одиннадцати. Мы с Борей посидели в большой комнате. Он постелил себе там. Обычно, когда я оставалась ночевать у них на даче, Борис спал в большой комнате, а я — в его. Так было и в тот раз. Потом я пошла спать...

— В котором часу?

— Около двенадцати. Потушила свет, разделась, легла...

— В комнате Бориса? — уточнил следователь.

— Да. В большой комнате тоже погас свет. Я думала, Борис лег спать. Но... — Ольга опустила голову. — Он пришел ко мне... у нас уже была договоренность, что мы поженимся... В общем, вы понимаете, что произошло между нами.

— Понимаю.

— Еще до того, ну, до нашей близости, я шепотом спросила у него: а как же родители? Вдруг что-то услышат? Вдруг кто-то из них встанет? Борис ответил, что они давно и крепко спят.

— Дальше?

— Ну, ушел Борис через час.

— Куда?

— В большую комнату. А я заснула. Сколько прошло времени, не знаю. Вдруг — выстрел. Я спросонья даже не поняла, что происходит... Потом — еще выстрел. Я аж подскочила на кровати. В доме везде темно. Хочу крикнуть и не могу... Тут вбежал Борис, зажег свет. В майке и трусах, бледный, растерянный. Спрашивает: слышала? Я спросила, что произошло. Он ответил, что Александр Карпович застрелил Надежду Федоровну, а потом себя... Сказал, чтобы я не ходила в спальню к родителям. Я вскочила, кричу: может, они еще живы, может, необходима помощь. Стала теребить Бориса, а он стоит истукан истуканом. Не помню уж, как мы очутились в спальне, кто зажег свет... Жуткая картина! Я как глянула, так и ноги подкосились... — Ольга закрыла лицо руками и замолчала.

— Дальше что? — осторожно спросил Гольст.

— Как в тумане... У меня все поплыло перед глазами. Показалось, что Борис потянулся к ружью...

— Где оно находилось?

— Где? — переспросила Ольга. — Когда я вошла, оно лежало на полу. Но Борис сказал, что сначала оно было на кровати, а когда он сдернул с

Александра Карповича одеяло, упало на пол. У меня мелькнула безумная мысль: а вдруг Борис сейчас и в себя тоже?..

— Почему вы так подумали?

— Вы бы видели, в каком он был состоянии!.. Я схватила ружье и решила унести его подальше от Бориса. Побежала к соседям напротив..

— К Бобринским?

— Да, к ним.

Дальше Каменева сообщила то, что уже несколько раз говорила на допросах.

— Почему вы на первом и последующих допросах говорили следователю районной прокуратуры, что в момент выстрелов Борис находился с вами в одной комнате? — задал вопрос Гольст.

— Борис попросил.

— Когда именно он попросил об этом?

— Ну... По-моему, когда я взяла ружье и хотела его унести.

— Значит, сразу после того, как вы вошли в спальню и увидели трупы?

— Да, — еле слышно ответила Ольга.

— А чем Борис объяснил свою просьбу?

— Сказал, что затаскают по милициям, будут трепать нервы. А у него скоро госэкзамены...

— Но ведь вы сказали неправду. Так?

Каменева, вздохнув, кивнула:

— Мне было очень жалко его. Он так переживал... В общем, я боялась за Бориса. Он сказал мне: рассказывай все как было в действительности, только не говори, что я ушел от тебя в другую комнату. Я выполнила его просьбу — все честно рассказала, только скрыла его уход.. Неужели это такая большая вина? — Ольга прижала руки к груди. — Просто я не хотела, чтобы его таскали на допросы, нервировали... Он и без того столько пережил!

«Похоже, она говорит искренне, — подумал Владимир Георгиевич. — Просто хотела уберечь любимого человека от лишних волнений».

— Как относился Борис к своим родителям? — спросил он.

— Очень хорошо! — с неожиданным жаром ответила Ольга. — Можно даже сказать, идеально. Уважал их...

— А как они относились к Борису?

— Любили... Правда, я не очень давно стала вхожа в их семью. Собственно, даже не успели по-настоящему сродниться, — Ольга вздохнула. — Но меня поразило то, как все они умели ладить друг с другом — Ларочка, Борис и родители...

— А после смерти как он о них отзывался?

— Переживал... Один раз сорвался.

— Когда? — насторожился следователь.

— Перед самыми похоронами. Я приготовила для Александра Карповича его новый костюм, чтобы одели его в морге. А Борис был против. Сказал: пусть в гроб кладут в старом костюме.

— Почему?

— Ну, мол, отец — убийца его матери... Потом, как мне показалось, ему было стыдно за то, что пожалел новый костюм.

Гольст уточнил еще кое-какие детали и закончил допрос. Подписывая

протокол, Ольга спросила, можно ли сделать так, чтобы о ее визите в прокуратуру и этой беседе Борис не узнал.

Владимир Георгиевич твердо пообещал, сказав при этом:

— Но и у меня будет к вам просьба. Вы также ничего не говорите мужу о нашей беседе.

— Конечно, конечно,— закивала Каменева.— Да его сейчас и нет в городе...

— Где же он? — любопытствовал Гольст.

— Сказал, что едет в деревню на охоту. К приятелю... А там ли он...— Ольга замолчала, печально глядя в окно.

— Вы сомневаетесь, действительно ли Борис на охоте?

— Не знаю,— Ольга перевела грустный взгляд на следователя.— В прошлом месяце тоже говорил, что на охоте. А потом я узнала, что он был у одной женщины.— Она махнула рукой: — Что с ним поделаешь? Испортили его всякие...— Каменева не договорила.

— Когда он обещал вернуться?

— Послезавтра,— ответила Ольга, поднимаясь со стула.

«Волга» мчалась по загородному шоссе. День выдался морозный, ясный. Снежный наст по обеим сторонам дороги вспыхивал мириадами искр. После вчерашнего допроса Каменевой Гольст решил произвести обыск на даче Ветровых. Вместе с ним в машине были следователь Ворожищев и капитан Самойлов. Впереди на газике ехали сотрудники райотдела внутренних дел.

В «Волге» продолжался разговор, начатый еще в городе. О том, насколько можно доверять показаниям Каменевой на последнем допросе, проведенном Гольстом. Действительно ли в момент выстрелов Борис находился в другой комнате?

— А что, если она по какой-то причине хочет насолить мужу? — высказал предположение Ворожищев.

— Мне показалось, что она была искренна,— ответил Владимир Георгиевич.— Видно, что любит его, жалеет.

— И ревнует,— добавил Сергей Михайлович.— А где ревность, там такое может быть...

— Зачем же ей доставлять Борису крупные неприятности? — возразил Гольст.— Тем более раз речь идет о таком серьезном, даже страшном деле. Зачем ей давать нам повод подозревать Бориса в убийстве?

— У женщин на первом плане эмоции, а уж потом логика, если она вообще кому-то из них свойственна,— усмехнулся Ворожищев.— Разве не было в вашей практике случаев, когда ослепленная ревностью женщина без рассуждений шла на что угодно?

— Почему только женщина? — заметил капитан Самойлов.— И мужчина из ревности может такого натворить — не приведи господь!

— Посмотрим,— неопределенно произнес Гольст.— Вернется с охоты Ветров — допросим.

— Удивляет, что Борис не поделился со следствием своими подозрениями о том, что Ларису убил отец,— сказал Ворожищев.

— Наверное, не хотел ворошить память об отце. Того все равно не

воскресишь и не привлечешь к ответу... Да и подозрения эти в любом случае бросают тень на самого Бориса. Каково ходить в сыновьях убийцы невинной девочки, а?

Ворожищев ничего не ответил.

Машины въехали в поселок. Газик остановился возле здания отделения милиции. Следом за ним тормознула «Волга».

К группе, отправляющейся на обыск, присоединились участковый инспектор и заместитель председателя исполкома поселкового Совста.

От Ольги Каменевой Гольст узнал, что у Бобринской имелись ключи от дачи, Борис за небольшую плату попросил соседку, как и в прежние времена, присматривать зимой за домом. Дачу открыли и вошли в нее вместе с понятыми, за которыми сходил участковый.

— Начнем с погреба, — сказал Гольст, предварительно объяснив понятым, какие функции они должны выполнять.

В погребе имелась электрическая лампочка. Выключатель находился наверху, в комнате. Вместе с Гольстом и понятыми в погреб спустился сотрудник райотдела милиции со специальным приспособлением — трупоскателем.

Пол был мягкий, посыпан песком. Щуп легко входил в грунт. Сверху, через люк, за происходящим наблюдали Ворожищев, Самойлов и другие.

Стояла мертвая тишина.

— Есть, — вдруг раздался спокойный голос сотрудника милиции, когда щуп в очередной раз погрузился в песок.

— Лопату! — негромко скомандовал Владимир Георгиевич. Он старался быть спокойным, но все-таки не мог скрыть волнения.

Через несколько минут откопали красную детскую туфлю, две коробки с играми. Все напряженно замерли. Когда из песка показалась рука, одной из понятых стало плохо.

Это был полуразложившийся труп Ларисы Ветровой.

Обыск вели почти до самой ночи. Была тщательно осмотрена вся дача, а также сарай на участке. В большом деревянном ларе среди рухляди Гольст обнаружил металлический ящик. Вскрыли его. Там, в частности, оказалась толстая общая тетрадь с записями — что-то вроде дневника или памятной книжки. Владимир Георгиевич изъясил эту тетрадь.

Тело девочки отвезли в морг.

Гольст успел еще провести допрос Бобринской и двух соседей Ветровых, оказавшихся случайно в поселке. Затем поехали в город. В дороге, хотя все изрядно устали, разговор не прерывался ни на минуту. Вертелся он вокруг одного: кто же убил девочку? Есть ли связь между ее убийством и последующими трагическими событиями на даче Ветровых?

— Надо же, — сказал Ворожищев. — Слова Бориса о том, что сестра убита и закопана в погребе, подтвердились. Интересно, он знал это наверняка или интуиция?

— Ничего себе вопросик, — усмехнулся Гольст. — Ответ на него может стать разгадкой ко всему преступлению.

— Вы хотите сказать: он знал потому, что сам убил? — уточнил Сергей Михайлович.

— Это одна из версий,— ответил Владимир Георгиевич.— Вторая — Ларису убил отец и проговорился сыну. Третья — Борис что-то заподозрил, когда обнаружил в подвале участок с рыхлой почвой, стал копать и увидел труп сестры...

— Но почему в таком случае он не сообщил в милицию? — задал вопрос Ворожищев.

— Возможно, боялся, что подозрение падет на него,— ответил Гольст.— Вспомните, кто находился на даче, когда исчезла Лариса? Только Борис и отец. Выходит, что убийца — один из них.

— Девочку могли убить и не на даче,— подал голос капитан Самойлов.— А потом уже перенесли труп и закопали в погребе.

— И это, конечно, не исключено,— сказал Гольст.— Хотя... Подумайте, какой риск нести тело в дом, лезть в погреб, рыть яму и так далее. Вспомните, что с момента исчезновения Ларисы на даче все время был кто-нибудь из Ветровых. Шли поиски девочки, люди в поселке были встревожены. К каждому подозрительному человеку или событию — особое внимание...

— Да,— согласился инспектор уголовного розыска.— Но после гибели Ветровых и их похорон дом пустовал. Поселок тоже обезлюдел, почти все дачники съехали.

Аргументы Самойлова были вполне убедительны. Но тогда вставал вопрос: кто же мог совершить такое страшное злодеяние? Совершенно посторонний человек — вряд ли, убийца должен был хорошо знать план дачи, иметь ключи. Значит, кто-то из родственников, знакомых, соседей?

Время в дороге пролетело незаметно. Перед тем как расстаться, наметили конкретные мероприятия, которые следовало провести на следующий день. Обнаружение трупа девочки круто меняло ход расследования.

В эту ночь Владимир Георгиевич так и не смог уснуть. Все думал, сопоставлял, анализировал. Его очень заинтересовала тетрадь, обнаруженная в сарае на даче. В том, что она принадлежала Борису Ветрову, сомневаться не приходилось: стоило лишь сверить его почерк в документах, находящихся в деле, с записями в тетради.

В своем дневнике Ветров записывал мысли, казавшиеся ему значительными, изречения, чем-то поразившие его, отражал в нем некоторые события из своей жизни. Борис не удосуживался, как правило, помечать, кому принадлежат те или иные высказывания. Могло даже показаться, что они — плод размышлений самого Бориса. Но, вчитываясь все глубже, Гольст понял: многие из мыслей не его. Некоторые Владимир Георгиевич уже где-то встречал, да и стиль афоризмов выдавал принадлежность их разным авторам.

Вот, например, какие перлы вычитал из дневника Владимир Георгиевич:

«Деньги — это то, что есть у других и что нужно добыть мне».

«Бескорыстно любите деньги».

«Нет такой высокой стены, через которую не мог бы перешагнуть осел, нагруженный золотом».

«Отсутствие денег у людей — порок. Человек без денег — просто не человек».

Гольст отметил, что деньги и все связанное с ними очень занимали воображение Ветрова. Это был его, если можно так выразиться, пунктик.

Заинтересовали следователя и такие записи:

«Дети начинают с любви к родителям, а потом судят их».

«Зачем надо работать на потомство, когда потомство для тебя все равно ничего не сделает?»

Чем больше Гольст углублялся в чтение, тем ярче представал перед ним человек, писавший этот дневник.

Ветрову нельзя было отказать в целенаправленности. Но что это была за направленность!

«Мораль — это выдумка человека, а не вывод из жизненного опыта».

«Совесть непобедима лишь для слабых духом. Сильные, быстро овладевая ею, подчиняют ее своим целям».

«Коллектив — это сброд, где каждый человек теряет свою индивидуальность».

«Народ — раб, лишь немногие призваны быть господами».

Владимир Георгиевич все больше поражался: откуда у молодого человека такое преувеличенное самомнение? То, что Ветров не считал себя «сбродом», заурядностью, было совершенно явно. Каждая строка его дневника вопила о том, что именно он, Ветров, — один из «немногих», которые стоят выше других. «Что это? — думал Гольст. — Больная психика? Бред?» Но на бред писанина Бориса не походила. Ход его мыслей, сами идеи — все отдавало холодной рассудительностью, трезвым, циничным расчетом.

«Времена святош и старинных добродетельных рыцарей миновали давно. Все, что становится поперек дороги — буква ли закона, чужая ли воля, — надо сметать или умело обходить». Тут же Борис делает запись, вероятно отвечающую его жизненным планам: «Жениться, чтобы сделать карьеру. Сделать карьеру, чтобы иметь независимость и власть. Иметь власть, чтобы иметь деньги». После этого откровения он добавляет по-латыни: «Ум кумо», что означает «любым способом». Владимир Георгиевич уже встречал это изречение: оно было выведено на обложке дневника крупными буквами...

Когда Гольст кончил читать дневник, он подумал: «Неужели все это писал молодой человек, только-только вступающий в жизнь? Ни одной светлой, романтической мысли. Ни единой строки, в которой бы проглядывали возвышенность устремлений, восторженность юности». Владимир Георгиевич словно прикоснулся к чему-то холодному — куску льда, железа... И еще. От автора дневника веяло опасностью. Ибо человек, вбивший себе в голову подобные идеи, готов на все. Даже на самое страшное...

Забрезжил рассвет. Гольст уже знал, что он обязан делать по долгу своей службы в самые ближайшие часы.

Бориса Ветрова арестовали около полудня, когда он появился в своей квартире. Ему разрешили сложить в кухне охотничьи доспехи (ружье в чехле, патронташ, сумку с кабаньим окороком — он действительно был на охоте), переодеться.

В машине, которая везла его в следственный изолятор, Ветров сначала возмущался, грозил, что будет жаловаться, но постепенно притих.

На допрос Владимир Георгиевич вызвал его лишь на следующий день,

с утра: дал ему время поразмыслить, все взвесить. Допрос состоялся в следственном изоляторе и велся с применением магнитофона.

Когда привели Ветрова, Гольст удивился: костюм на нем без единой морщинки, рубашка свежая, словно Борис надел ее только что. Сам он тщательно причесан, умыт. Лишь глаза усталые, но спокойные.

Следователь предъявил ему обвинение в убийстве сестры, матери и отца. Борис невозмутимо произнес:

— Это ошибка. Я никого не убивал.

— Значит, не признаете себя виновным? — спросил Гольст.

— Не признаю.

Владимира Георгиевича поразило его хладнокровие. Никакой растерянности или замешательства.

— Так кто же, по-вашему, убил Ларису?

— А разве она убита? — вопросом на вопрос ответил Ветров.

— Да.

Гольст положил перед Ветровым фотографии, сделанные в погребе быстрицкой дачи, где был обнаружен труп девочки.

Борис посмотрел на них. Лоб его слегка побледнел, рот сжался. Некоторое время он сидел молча. Потом медленно произнес:

— Я так и думал... Это отец...

«Ну и выдержка, — мелькнуло в голове у следователя. — Крепкий орешек. Такого голыми руками не возьмешь».

— Почему вы так думаете? — спросил Гольст.

— Я говорил раньше... Отец мне намекал... Простите, она, — Борис указал на фотографии, — была зарыта прямо под спальней, под тем местом, где стояла кровать отца?

— Примерно.

— Это все из-за его ритуальности, — вздохнул Борис. — Типичный признак. Шизофрения...

— Александр Карпович был совершенно здоровым человеком, — спокойно сказал следователь.

— Уж этого можете мне не говорить, — усмехнулся допрашиваемый. — Я как-никак врач. Могу разобраться, что к чему.

— Ну, положим, вы еще только студент, — заметил следователь без всяких эмоций. — А если вас действительно интересует мнение авторитетных специалистов — пожалуйста.

Гольст протянул Борису заключение посмертной судебно-психиатрической экспертизы А. К. Ветрова. Тот прочитал его, пожал плечами.

— Но я лично, своими глазами видел выписку из истории болезни. Отец лежал в свердловской больнице. Его признали шизофреником и освободили от армии. Чему же верить? — искренне удивился Ветров.

— Ваш отец тогда симулировал болезнь, — коротко объяснил следователь.

— Но для чего? — вырвалось у Бориса.

— Сейчас мы не будем вдаваться в подробности. Главное уяснили? Не было шизофрении.

— По-моему, все-таки была. Врачи не боги, простые смертные... Эраре гуманум эст. Простите, это по-латыни...

— Я понял. Человеку свойственно ошибаться, — перевел следователь.

Ветров пустился в пространные рассуждения о том, какая сложная и запутанная область медицины — психиатрия. Установить диагноз больному психическим заболеванием иной раз не под силу даже опытнейшему врачу.

— А тем более когда человека уже нет,— закончил обвиняемый.

«Вступать с ним в спор сейчас, пожалуй, не время»,— подумал Владимир Георгиевич.

— Значит, как вы утверждаете, у вас были подозрения, что Лариса убита отцом? — спросил он.

— Да,— ответил Борис.

— Вы делились ими с кем-нибудь?

— С женой.

— А почему ничего не сказали следственным органам?

— Подозрение еще не доказательство. А у меня никаких доказательств не было.

— На чем основывались ваши подозрения?

— На том, как вел себя отец после исчезновения сестры. Однажды у него вырвалось нечаянно, что виноват якобы он. И потом, эта навязчивая мысль о самоубийстве... Он был в ужасном состоянии... И в конце концов не выдержал...

— Но родные и знакомые говорят, что у него не было желания уйти из жизни,— возразил Гольст.— Наоборот...

— Интересно, кто мог сказать такую глупость? — усмехнулся Ветров.

— Ваша родная тетя, Аделина Карповна, еще близкий друг отца. Да и не только они...

Следователь дал Ветрову ознакомиться с протоколами, в которых указывалось, что Александр Карпович мечтал о благоустройстве дачи, строил планы на будущее.

— Эти люди не знали истинного положения дел. Но я-то — сын! Перед ними он мог играть, притворяться. С нами, то есть со мной и с мамой, отец не притворялся.

«Логично объясняет»,— отметил про себя Гольст.

— Вы догадывались, куда он мог зарыть труп сестры?

— Догадывался. Вернее, догадка возникла, когда я увидел в погребке, что под спальней родителей, рыхлый песок.

— Сказали кому-нибудь об этом?

— Жене. Ольге.

— И не пытались проверить свою догадку?

— Не дай бог! Хоть у меня и были подозрения, но я гнал их от себя.

Кстати, каким способом убита Лариса?

Следователь дал Ветрову заключение судебно-медицинской экспертизы. Врачи установили, что девочка была задушена.

Борис прочитал заключение, обхватил рукой лоб.

— Бедная Ларочка,— прошептал он.— Что она думала в тот момент?

— Ладно... Расскажите, пожалуйста, подробно о том вечере, когда исчезла ваша сестра,— попросил следователь.

Ветров долго и обстоятельно излагал то, что уже было рассказано им прежде и зафиксировано в документах дела. Только теперь он чуть-чуть подправил свои показания: по его словам, в то время, когда исчезла сестра,

Борис не только читал книгу в своей комнате, но и вздремнул в кресле. Выходило, что отец мог незаметно для него спуститься в подвал и сделать свое страшное дело. Люк находился на веранде и не был виден из комнаты Бориса.

— Уверяю, я совершенно не причастен к гибели сестры,— закончил он.— И вообще подумайте, зачем мне было ее убивать? С какой целью?

— С той же, с какой и родителей,— сказал следователь.

— Да вы что! — не выдержал обвиняемый.— Я зверь, что ли?!

— Как это у Шекспира, помните? «Лей кровь и попирай закон»,— процитировал Владимир Георгиевич выписку из дневника Ветрова.

Это был пробный камень, и он, кажется, попал в цель. Борис посмотрел на Гольста с испугом.

— Но при чем здесь Шекспир? — еле выдавил он из себя.

— Вам же нравятся сильные личности, не так ли? — спокойно спросил следователь.— «Убийство — это объективный акт, и смерть не различает, кто прав, кто виноват»,— снова процитировал Владимир Георгиевич из тетради, найденной в сарае в Быстрице.

— Не знаю, о чем вы говорите,— раздраженно пожал плечами Ветров.

Но было видно, что он отлично знал. Догадался, что его дневник побывал в руках следователя. По залегшей складке на лбу Ветрова Гольст понял: Борис лихорадочно соображает, какая информация из его личных, интимных записей может быть использована против него. «Пусть, пусть соображает,— подумал следователь.— Теперь уж, кажется, он выбит из колеи».

— Хорошо, поговорим о другом,— продолжал Гольст.— Вы ездили в конце июля в Москву?

— Ездил,— ответил Ветров, подозрительно глянув на следователя.

— Зачем?

— По личным делам.

— Поделитесь, пожалуйста.

— Это не представляет для вас никакого интереса.

— Почему же? — возразил Гольст.— Как раз очень интересно.

— Ну, если вы настаиваете...— пожал плечами Ветров.— Там у меня была девушка.

— Невеста, хотите сказать? — поправил Владимир Георгиевич.

— Вроде.

— Вы любили ее?

— Не любил — не ездил бы.

— Любили бескорыстно?

— Нет,— разозлился Борис.— Хотел жениться, обобрать и бросить! Как те брачные аферисты, о которых пишут в судебных фельетонах в газетах,— съязвил он.

— Я вас серьезно спрашиваю,— спокойно сказал Гольст.

— Извините, но вопрос ваш бестактный,— Ветров обиделся.

— Увы, такая у нас работа. Приходится порой задавать вопросы и похлеще.

— Понимаю,— примирительно сказал Борис.— Но подобный, мне кажется, не к месту.

«Ишь, задело,— подумал Гольст.— Очень хорошо, пусть беспокоится». И продолжал:

— А теперь давайте вспомним о событии в ночь на первое сентября у вас на даче.

— Пожалуйста, я готов,— поспешно согласился Борис. Даже слишком поспешно.

— Расскажите, что вы делали вечером, перед тем, как услышали выстрелы в комнате родителей, и что было дальше. Вопрос ясен?

— Вполне.

Ветров повторил то, что уже говорил раньше.

— Я хочу уточнить кое-какие детали,— сказал Гольст.— Значит, в момент выстрелов вы были с Ольгой Каменевой в своей комнате?

— Совершенно верно. Она это подтвердила. И не раз.

— Пойдемте дальше,— невозмутимо продолжал следователь.— Сколько времени прошло между первым и вторым выстрелом?

— Я же говорил. Полминуты, не менее.

— И сразу после второго выстрела вы вбежали в комнату родителей. Один или с Ольгой?

— Один.

— Дверь в их спальню была открыта или закрыта?

— Закрыта.

— Это вы хорошо помните?

— Отлично помню! — заверил Борис.

— Ну что ж, так и запишем,— спокойно сказал следователь, занося показания в протокол: — «Дверь в спальню родителей была закрыта...» Вы говорите, что ружье лежало на кровати отца?

— Да, на одеяле. По-моему, между ног...

— Точно на одеяле?

— Точно,— кивнул Ветров.— Потому что, когда я сдернул с него одеяло, ружье упало на пол.

Владимир Георгиевич записал в протокол и это показание.

— Пожалуйста, прочтите и распишитесь,— попросил он.— На каждой странице.

Ветров внимательно прочитал протокол, расписался.

«Волнуется. Не то что прежде,— констатировал Гольст.— Вон как рука дрожит». Он взял протокол. Помолчал. Ветров сидел прямо, выжидательно глядя на следователя. Пауза его тяготила, что также не ускользнуло от внимания Гольста. Через некоторое время Владимир Георгиевич спросил:

— Борис Александрович, вы считаете себя умным человеком, не так ли?

— В общем, не дураком,— ответил Ветров осторожно.

— И в институте о вас отзываются как о способном студенте, который мыслит логически, быстро схватывает материал, проявляет недюжинные научные способности...

— Приятно слышать,— усмехнулся Ветров.— Кто же так охарактеризовал меня?

— В частности, проректор.

— Петряков?

— Он самый. Таким образом, я могу апеллировать к перечисленным вашим качествам — уму, логике, умению мыслить аналитически?

— Как вам будет угодно, — чуть наклонил голову Ветров.

— Вы учитесь на врача, — продолжал Гольст. — А врачи, как известно, должны опираться на объективные, фактические данные... Вот, ознакомьтесь, пожалуйста, с последними показаниями вашей жены.

Он дал Ветрову прочесть протокол допроса Каменевой — то место, где она говорила, что Борис не был с ней в одной комнате, когда прозвучали выстрелы.

Следователь внимательно наблюдал за выражением лица допрашиваемого. Оно, увы, было бесстрастным.

— Я так и предполагал, — Ветров усмехнулся. — Мелкая, низкая месье! О женщины! — воскликнул он патетически и, прижав руку к груди, признался доверительно: — Конечно, в семейной жизни я вел себя не совсем безупречно. Но из-за этого сводить со мной счеты подобным образом!.. — он покачал головой.

— Вы хотите сказать, что Каменева сказала неправду? — уточнил следователь.

— Ложь чистейшей воды! — возмущенно произнес Ветров. — Она не раз грозила мне. Каждая женщина по натуре собственница. Мужчина для нее что вещь, должен принадлежать ей весь полностью, без остатка. Поверьте, она как-то даже пыталась отравить меня. Снотворным. И вот докатилась...

«На что он рассчитывает? — думал Гольст. — Надеется, что я поверю ему, или просто выигрывает время для подготовки к обороне? Нет, пора кончать игру в кошки-мышки».

— Во-первых, не она пыталась отравить вас, — жестко произнес следователь, — а вы чуть не довели ее до самоубийства. Более того, Ольга уже выпила смертельную дозу люминала, но вы испугались и промыли ей желудок. Даже «скорую» вызвали, но, когда приехали врачи, вы сказали, что сами справитесь с мнимым сердечным приступом жены. Об этом есть соответствующие показания Каменевой, — Гольст положил руку на папку с делом. — А также врача «скорой помощи». Зачитать?

— Нет, — глухо ответил Ветров.

— Дальше. Выстрелы в спальне ваших родителей были произведены с интервалом в три-четыре секунды, а не через полминуты, как вы утверждаете.

Следователь зачитал показания Бобринских и Цыплаковых.

— Ну и что? — хмуро заметил Борис.

— А то, что ваши родители были убиты.

Гольст дал Ветрову прочесть заключение повторной судебно-медицинской и баллистической экспертиз. Тот ознакомился с документами долго, несколько раз перечитывал отдельные места, видимо лихорадочно думая, как устранить противоречия между бесспорными фактами и своими прежними показаниями. Владимир Георгиевич терпеливо ждал. Наконец Ветров кончил читать.

— Что скажете? — спросил следователь.

— Ничего, — сквозь зубы процедил Ветров. — Вы хотите заманить меня в ловушку. Уверяю вас — не выйдет!

— Вы сами себя загнали в ловушку, — спокойно сказал Гольст. — Совершая преступление, вы допустили массу ошибок. А затем усугубили их

своими показаниями. Во-первых, вы сказали, что ружье лежало на одеяле, а оно не могло там лежать. Во-вторых, стреляя в отца, вы перепутали спусковые крючки...

— Как? — вырвалось у Ветрова. Но он тут же осекся.

«Не выдержал», — отметил Гольст.

Однако Ветров попытался исправить впечатление от своего неосторожного восклицания.

— Я... Я хочу сказать, при чем здесь крючки? И вообще я при чем?..

— Готовясь к убийству, вернее, к инсценировке самоубийства отца, вы привязали веревку к левому спусковому крючку, а выстрел произвели из правого ствола. Патроны были одного калибра, но разной маркировки. Состав вещества, из которого сделана дробь, различен. Можете ознакомиться с заключением.

— Это меня не интересует, — холодно произнес Ветров.

— Следующая ошибка. Вы утверждаете, что дверь в спальню родителей была закрыта. Но в момент выстрелов она была открыта.

— Какое это имеет значение?

— Имеет. На внешней стороне обнаружены брызги крови вашего отца.

Это обстоятельство следователь выяснил в самое последнее время, когда производил обыск на даче и допросил Бобринскую. Она-то и вспомнила про кровь. Соответствующие исследования подтвердили это.

— Вы отлично помните, — продолжал Гольст, — что дверь открывается вовнутрь спальни. Внешняя сторона двери в открытом положении как раз обращена к кровати, на которой лежал ваш отец. Если бы выстрел был произведен при закрытой двери, то кровь попала бы на внутреннюю сторону. Что вы на это скажете?

Ветров молчал. Минуту, другую, третью...

— Я вижу, сказать вам нечего, — констатировал Владимир Георгиевич.

— Значит, я ошибся, — неожиданно со спокойной дерзостью заявил Ветров. — Дверь действительно была открыта, когда я вбежал в спальню родителей. Но я был в таком состоянии... Неудивительно, что забыл...

«Ну и наглец!» — чуть не вырвалось у Гольста.

Он, ни слова не говоря, перекрутил пленку на магнитофоне, нашел нужное место.

«Дверь в их спальню была открыта или закрыта?» — раздался голос самого следователя.

«Закрыта», — прозвучал ответ Ветрова.

«Это вы хорошо помните?»

«Отлично помню!»

— Странное выпадение памяти, — заметил Гольст. — А о том, что на вашей майке и трусах были брызги крови, которые заметила при стирке Ольга, вы тоже забыли?

— Я мог нечаянно запачкаться, когда сдернул с отца одеяло, — парировал Ветров.

— Где вы стояли, когда сдергивали одеяло? — спросил Гольст.

— В ногах у отца.

— В какую сторону вы потянули одеяло?

Ветров задумался. Вероятно, почувствовал подвох в вопросе.

— Прошу вас ответить,— строго сказал Гольст.

— Ну, потянул на себя...

— На сей раз память вас не подводит?

— Нет,— не очень уверенно ответил Ветров.

Владимир Георгиевич нашел в деле фотографию места происшествия, ткнул в нее пальцем:

— Видите, ноги вашего отца торчат из-под одеяла. Выходит, что одеяло-то вы не трогали, Борис Александрович...

Ветров молчал.

Гольст закрыл папку.

— Я думаю, фактов достаточно,— спокойно сказал он.— Вы запутались.

— Вовсе нет! — Ветров вскочил со стула.— Все, что вы говорили и пытались доказать,— сущая ерунда! Я могу эти же факты истолковать по-другому! Да, да! И не думайте, что напали на сосунка! — он распалялся все больше.

— Уверяю вас, я так не думаю,— не повышая голоса, ответил следователь.— Вы тщательно готовились к преступлению. Все использовали. Мнимую распушенность вашей сестры, мнимую шизофрению отца... Вы даже изучали книги по криминалистике и другую юридическую литературу. Я ознакомился с ней у вас дома. В частности, с уголовно-процессуальным кодексом, что стоит в книжном шкафу. Он заложен на той странице, где говорится о прекращении уголовного дела. Кстати, день, когда дело о гибели ваших родителей было прекращено, вы пышно отметили в ресторане со своим другом Полонским. Не так ли?

— Не помню,— буркнул Ветров.

— Зато это хорошо помнит ваша знакомая, Стелла Виноградова. Вы тогда говорили, что теперь у вас в жизни есть все: деньги и свобода.

— Мало ли что можно наболтать, будучи под градусом. Знаете, если цепляться к словам...

— Слова словам рознь,— заметил следователь.— В тот же вечер той же Виноградовой вы заявили, что убийца часто попадается потому, что, совершив одно преступление, боится совершить другое. А своей жене как-то признались,— Гольст открыл дело на нужном месте и процитировал: — «Если мне понадобится убить своих врагов, я полгорода перестреляю. Мне убить человека ничего не стоит».

— Пустая бравада! — запальчиво произнес Ветров.

— Но вы пошли-таки на убийство.

— Господи! Подумайте сами, что я выигрывал в случае смерти родителей? Я ведь зависел от них! И материально, и, если хотите, морально... В конце концов, я по-настоящему любил их. Это подтвердит каждый, кто знает нашу семью. А Ларочка. Я в ней души не чаял!

— Вы говорили людям другое,— Гольст полистал дело.— Вот, например: «Мой отец как Плюшкин: тащит всякое барахло в дом. Над ним смеются».

— Кто это наклеветал?

— Это показания бабы Мани, тети вашей матери. Она же сказала, что вы свою родную мать называли курицей. Неумная, говорили, женщина, не

знает значения слова «утрировать»... И вообще ваши родители — цитирую — «глупые, тупые мещане, совсем не близки мне по духу»...

— Ну, знаете! — Ветров задохнулся. — А баба Маня, если хотите знать, вообще выжила из ума! Старческий маразм!

— Нечто подобное о родителях вы говорили еще Аделине Карповне, сестре отца, а также друзьям. Могу зачитать их показания.

— Не хочу слышать! — отрезал Ветров. — Завистники!

— О сестре вы тоже отзывались не очень-то нежно, — невозмутимо продолжал Гольст, листая страницы дела. — «Лариса — дура. Самое страшное, что с ней придется делиться дачей и всем, что останется после родителей».

— Кто?.. Кто все это выдумал? — Ветров от злости и волнения стал заикаться.

— Ваш приятель Геворкян. Эти слова вы сказали ему за три дня до убийства сестры.

— Врет! — выкрикнул Ветров. — Простить не может, что его девушка в меня влюбилась. Он меня ненавидит!

— Я этого не заметил. Геворкян уважает вас. Кстати, он помог вам организовать похороны, присутствовал на них. Правда, его удивило, что вы тогда не пролили ни слезинки...

— Слезы — бабское дело! — парировал Ветров. — Я вообще не помню, когда плакал. Говорят, в детстве я тоже не...

— Да нет, Борис Александрович, — перебил Гольст, — плакали. И даже рыдали.

— Это когда же? — подозрительно спросил Ветров.

— Может, вы действительно не помните... А ваша тетя, Аделина Карповна, помнит. Вам было шесть лет. Вас повезли в Ялту. Мама и тетя. Отец выдал матери тридцать рублей, в старых еще деньгах, на мороженое и конфеты для вас. Мать истратила их по назначению. Вы же потребовали эти тридцать рублей себе. Мол, отец дал их вам. Сколько Надежда Федоровна ни убеждала, что деньги истрачены на вас же, вы не хотели этого понять, кричали на мать, плакали...

— Я действительно не помню этого, — мрачно заявил Борис. — И не пойму, куда вы клоните.

— Все туда же... Объясняю: почему вы убили сестру и родителей.

— Из-за тех тридцати, простите, по-новому трех рублей? — усмехнулся Ветров. — Любой, даже малограмотный психолог посмеялся бы над такими выводами.

— Теперь сумма выражается куда более солидной цифрой. Одна дача сколько стоит! Кстати, какую цену вы запросили с Лебедянского?

— Кого-кого? — словно не расслышал Ветров.

— Лебедянского, — повторил следователь. — Который изъявил желание купить дачу.

— Да, я хочу ее продать, — с вызовом сказал Борис. — Что из этого?

— Странно. Если вы, как утверждаете, не убивали сестру и, естественно, не знали, жива она или нет, то как же могли начать переговоры о продаже дачи? Ведь Лариса по закону являлась такой же наследницей, как и вы.

— Во-первых, я еще раз повторяю, что никого не убивал. Во-вторых, сестра еще маленькая и, будь она жива, я стал бы ее опекуном...

— Допустим. Но ведь на деньги, положенные на имя Ларисы в сберкассу до ее совершеннолетия, вы не имели никакого права. Однако же изъявили желание заполучить их. Выходит, знали, что сестра мертва?

После долгого молчания Ветров произнес:

— Вы основательно покопались в моей биографии. Но почему-то прошли мимо того, что я всегда бескорыстно помогал другим. Спросите в институте, бросил ли когда-нибудь Борис Ветров товарища в трудную минуту? Сколько сил я потратил, занимаясь с Турковым, Геворкяном! Да мало ли? — он усмехнулся. — С чего вы взяли, что я мелкая, расчетливая личность?

— Не мелкая, — заметил Гольст. — Планы у вас были серьезные... «Жениться, чтобы сделать карьеру. Сделать карьеру, чтобы иметь независимость и власть. Иметь власть, чтобы иметь деньги», — процитировал Владимир Георгиевич из дневника Ветрова и закончил его же словами: — Ум кумо!

— А Ольга? — воскликнул Борис. — Какая уж тут карьера? Из самой обыкновенной семьи, скромное положение и достаток...

— Ну, вы думали, что она внебрачная дочь Петрякова, проректора.

— Ерунда! Я с самого начала знал, что это сплетни.

— А вы и не собирались на ней жениться, — спокойно заметил Гольст.

— Вот те на! — изобразил крайнее удивление обвиняемый. — Так зачем же, по-вашему, я все-таки женился на ней?

— Боялись, что она скажет правду.

— Какую?

— О том, что в действительности было в ночь на первое сентября. Вы держали ее при себе, зная: пока она рядом, вы сможете давить на нее. И постоянно напоминали ей, если будут спрашивать, где вы находились в момент выстрелов, чтобы она отвечала, что вместе с ней. Ольга — единственный свидетель, который подтверждал ваше алиби. А теперь доказано, что алиби нет. И все улики и факты свидетельствуют: убийца сестры и родителей — вы.

Ветров вдруг загадочно улыбнулся и твердо произнес:

— Это заблуждение. Вы никогда не добьетесь моего признания в убийстве. — Помолчал и добавил: — Никогда!

На последующих допросах Ветров продолжал категорически отрицать свою вину.

Была произведена очная ставка между Борисом и его женой. Следователей поразила наглость, с какой Ветров обвинял жену во лжи, называя ее ревнивой и мстительной. Ольга не выдержала и разрыдалась.

Большинство родных и знакомых Ветрова не могли поверить, что он совершил такое злодеяние. Некоторые считали, что следствие глубоко заблуждается и настоящий убийца или убийцы еще не найдены. По их мнению, Борис заслуживал не ареста, а отдыха где-нибудь в санатории или на курорте после потрясения. Но были и такие, которых не удивило, что Ветров совершил столь тяжкое преступление. Один из бывших друзей Бориса, одноклассник, видел, как Ветров-подросток зверски убил в лесу бродячую собачонку. После этого их дружбе с Борисом пришел конец.

И вообще выяснилось, что садистские наклонности в обвиняемом замечали давно. И не только по отношению к животным. Например, Вет-

рову доставляло удовольствие, когда люди испытывали перед ним страх. Он мог навести на человека заряженное ружье и смеялся, если это кого-то пугало. А однажды даже выстрелил поверх головы знакомой девушки.

С детского возраста Борис коллекционировал ножи, трофейные штыки, имел духовое, а потом мелкокалиберное и охотничье ружья. Как ни странно, увлечение сына холодным и огнестрельным оружием не вызывало у его родителей беспокойства. Более того, к совершеннолетию отец подарил ему охотничий нож и тульскую одностволку для охоты.

Когда Гольст на одном из допросов привел Ветрову примеры его жестокости, тот заявил:

— Насчет моих якобы агрессивных проявлений — вранье. А увлечение оружием естественно. Все пацаны в детстве играют в войну, в охотников. В этом нет ничего ненормального, порочного. Зачем тогда существует «Зарница»? Ну военная игра у подростков?..

Сколько обвиняемый ни упорствовал, Владимир Георгиевич чувствовал: под натиском улик и фактов, приводимых следствием в доказательство его вины, у Бориса все меньше и меньше аргументов для защиты. На одном из допросов он наконец сознался, что в момент выстрелов действительно находился в большой комнате, а не с Ольгой. Но тут же выдвинул версию, что его родителей убила... Каменева.

Допрос следовал за допросом. Почти ежедневно. Их проводили, сменяя друг друга, Гольст и Ворожищев.

Однажды среди ночи раздался звонок в гостиничном номере, который занимал Владимир Георгиевич. Начальник следственного изолятора взволнованно сообщил:

— Товарищ Гольст, у нас ЧП. Ветров пытался задушить своего сокамерника. Мы поместили его в одиночную камеру. Там он покушался на самоубийство...

— Каким образом? — спросил следователь. У заключенных под стражу в обязательном порядке отбирались все предметы, могущие послужить орудием убийства или самоубийства.

— Пытался повеситься. Разорвал тюфячный чехол и сделал из него петлю. Надзиратель увидел его уже висющим. Сейчас он в тюремной больнице.

— Жизнь его вне опасности?

— Приняли, естественно, меры...

После этого звонка Владимир Георгиевич так и не смог больше заснуть. Еле дождавшись рассвета, он тут же отправился в следственный изолятор. На месте узнал подробности ночного происшествия.

Оказалось, что на своего сокамерника Ветров набросился совершенно неожиданно, когда он лег спать. Хорошо, что тот обладал могучей физической силой и сумел справиться с Ветровым. А попытку самоубийства Борис совершил так: конец веревки из тюфячного чехла привязал к оконной решетке, встал на парашу, просунул голову в петлю и отшвырнул парашу ногой.

После случая с сокамерником надзиратель получил указание особо внимательно наблюдать за Ветровым, поэтому заглядывал в его камеру через глазок в двери чуть ли не каждые пять минут. И заметил висящего Ветрова буквально через несколько секунд после того, как он оттолкнул ногой

парашу. Хотя Борис уже успел потерять сознание, но принятые меры устранили угрозу его жизни и здоровью.

Гольст пытался понять, чем вызвано такое поведение подследственного, в частности попытка самоубийства. Что это? Мучает совершенное? Сдали нервы? Но как расценить тогда покушение на сокамерника? Может, между ними произошла ссора? Однако начальник изолятора, беседовавший с сокамерником Ветрова, сказал, что у них не было никаких трений. Все это Гольст намеревался выяснить на ближайшем допросе Ветрова.

Он вызвал его на следующий день, предварительно поговорив с тюремным врачом. Тот заверил следователя, что состояние подследственного удовлетворительное и его можно допрашивать.

Вид Бориса несколько удивил Гольста. И причиной тому были не синяки и ссадины, оставшиеся в результате борьбы с сокамерником. Выражение лица — вот что поразило следователя.

У Ветрова был какой-то отрешенный взгляд, спокойный и даже блаженный. Владимир Георгиевич еще не успел задать ему ни одного вопроса из приготовленных заранее, как Ветров заявил:

— Ларису и родителей убил я.

Это признание было настолько неожиданным, что Гольст в первое мгновение даже растерялся. Но быстро справился с собой, включил магнитофон и попросил:

— Пожалуйста, изложите все по порядку. Когда у вас возникло намерение убить своих близких? Почему? Как вы это сделали?

«Это же надо, — все еще не мог успокоиться Гольст. — Столько времени бился с ним, и вдруг...»

Неожиданность, с какой обвиняемый решил признаться, все-таки настрожила следователя. Что-то подсказывало ему: надо ждать какого-нибудь сюрприза.

— Я не могу сказать точно, когда возникло намерение, — начал Ветров. — К своей гениальной идее я шел давно. Года три. Окончательно она созрела этим летом...

— Не понял, — перебил его Гольст. — Какая идея?

— В двух словах не объяснишь... Уверен, она перевернет весь мир! Все представления человечества о смысле жизни, о ценностях знаний в области медицины, психологии, социологии, антропологии, истории будут пересмотрены. Я хочу изложить суть в специальной записке и отослать ее в президиум Академии наук. Надеюсь, вы не откажете мне в этом, — скорее утвердительно, чем вопросительно закончил Ветров. Говорил он спокойно, без всякой аффектации.

— Какое отношение имеет ваша, как вы говорите, гениальная идея к убийству? — спросил следователь.

— Самое прямое. Она объясняет, почему я избавился от родителей.

— В чем же, собственно, ее смысл?

«Это, кажется, и есть сюрприз», — подумал Владимир Георгиевич.

— Не знаю, поймете ли вы... — Ветров посмотрел в потолок, в окно, словно размышляя, стоит ли делиться со следователем. — Это слишком специальная область...

— Постараюсь понять, — заверил Гольст.

— Видите ли, — после некоторого колебания серьезно продолжал Вет-

ров, — я пришел к истине, которую давно бы уже надо было понять. Чтобы особенно не распространяться, попробую объяснить коротко. Я считаю, что человеческий род обременен ненужными особями, существование которых не только бесполезно, но и вредно. Как только человеком выполнена его видовая функция, то есть произведено потомство, родительский организм уже не нужен и должен сойти со сцены.

— Вы считаете, что пожилые и старики не имеют права на жизнь? — уточнил следователь.

— Если хотите, именно так. Кстати, в мире животных в естественных условиях у всех видов взрослые особи, как только у них завершится детородный процесс в организме, тут же погибают. В этом заложен главный экологический и эволюционный смысл. Упрощается конкурентная борьба за источники питания и обеспечивается своевременная смена поколений. А что у людей? Если раньше, ну еще каких-то двести — триста лет назад, средняя продолжительность жизни была ниже того возраста, когда организм прекращал свою детородную функцию, то теперь — значительно выше. Мужчины и женщины в цивилизованных странах живут семьдесят и более лет. В их руках находятся не только основные материальные ценности: деньги, движимое и недвижимое имущество, — но и реальная власть. Их взгляды, разумеется, консервативны по сравнению со взглядами представителей следующих, идущих им на смену поколений — детей и внуков. Я уж не говорю, что они должны есть, одеваться и так далее. Это само собой разумеется. Бремя для общества огромное. Но главное — их существование тормозит прогресс, что, пожалуй, трудно, даже невозможно оценить в деньгах. Самое страшное, что возрастной потолок все время поднимается. Из этого со всей очевидностью вытекает, что развитие общества будет замедляться. Естественная смена поколений становится все более и более мучительной, болезненной. Новые идеи, которые движут вперед нашу цивилизацию, все чаще натываются на сопротивление... Я выражаюсь достаточно ясно? — вдруг спросил Ветров.

— Вполне, — кивнул Гольст.

— Как я уже сказал, — продолжал Ветров, — в животном мире сход со сцены старших, отживших поколений заложен в генетическом коде. Выполнял свою функцию — умирай. Но то, что у животных регулирует сама природа, человечество должно делать с помощью разума. Можете себе представить, какие кардинальные перемены принесет то, что я предлагаю! С исторической точки зрения это будет настоящая революция! Во всем! В социальном плане, в промышленности, в искусстве... Мир резко двинется в своем развитии вперед.

Ветров стал рисовать перед Гольстом картину поистине неземного рая, который наступит, если его «идею» воплотить в жизнь.

«Бред какой-то, — думал Владимир Георгиевич. — Неужели он все это серьезно? Или это симуляция болезни? А может, он действительно сумасшедший?»

— Не думайте, что мои выводы не имеют научного базиса, — сказал Борис. — Геронтологию, то есть науку о старении, я изучил довольно основательно. Очень много дали мне труды профессора Аршавского. Это один из авторитетнейших наших ученых в области изучения возрастной физиологии человека и животных. Правда, Аршавский занимается пробле-

мой продления человеческой жизни. Но я пришел к выводу, что этого-то как раз и нельзя делать ни в коем случае, — Борис печально усмехнулся. — Достижения медицины имеют и обратную сторону медали. Я уверен — и это мое кредо: разрешать жить особям после выполнения ими основной задачи, то есть после того, как они родили новое поколение, — это значит рубить сук, на котором сидишь. — Ветров замолчал.

— Выходит, вы считаете, что всех людей после определенного возраста надо убивать? — спросил Гольст.

— Вы меня не так поняли, — спокойно ответил Ветров. — Я изложил вам суть, принцип, что ли... Надо вернуть человечеству то, что оно утратило в процессе эволюции. Короче, заложить в его гены то, что происходило с человеком раньше, когда он был животным, то есть умирание по окончании детородной функции. Воплощение моей идеи стало теперь возможным благодаря достижениям генетиков, в частности генной инженерии. Научную сторону вопроса я и хочу изложить в записке, чтобы послать в соответствующий компетентный орган — в президиум Академии наук. Для доказательства того, насколько я убежден в правоте и чрезвычайной актуальности своей идеи, я решил начать с себя...

— Не с себя, — поправил следователь, — а с родителей.

— Да, — кивнул обвиняемый. — Но сами понимаете, отважиться на такой шаг тоже непросто... Конечно, подобный метод груб и, разумеется, не может быть принят. Но еще раз повторяю: на основе самых последних достижений генетической науки вопрос можно решить самым гуманным способом. Особь будет умирать сама по себе. Кстати, моя идея по своей сути глубоко человечна. Старость ведь не что иное, как болезнь. Страдания старости тяжелы не только для окружающих, но и для самого индивида. Уж лучше уходить из жизни, минуя недомогания и мучения старости, чем угасать в болезнях и немощи. Так что, как вы могли понять, убил я родителей, сообразуясь со своими принципами.

— А сестру? Она ведь совсем еще ребенок, только-только вступала в жизнь. Как-то не согласуется с вашей концепцией.

Ветров не ответил. Владимир Георгиевич снова спросил, зачем Борису понадобилось убивать сестру.

Тот провел рукой по лицу и негромко произнес:

— Что-то неважно себя чувствую. Устал, наверное...

— Просто вам нечего на это ответить, — заметил следователь. — Скажите, когда у вас созрел план преступления?

— Я не считаю это преступлением, — возразил Ветров.

— Хорошо, когда вы поняли, что готовы воплотить в жизнь вашу «идею»?

— Окончательно — в начале августа.

— После вашего возвращения из Москвы и неудачного сватовства к Макаровой? — уточнил Гольст.

— В начале августа, — повторил обвиняемый, игнорируя замечание следователя. — А непосредственно осуществлять ее я начал семнадцатого августа.

— В каком смысле осуществлять? — спросил Гольст.

— Семнадцатого августа, за четыре дня до убийства Ларисы, я вырыл в погребке на даче яму. Дома в это время никого не было: мать и сестра уехали

в город, отец возился на участке. Я спустился в погреб, взял с собой лопатку-саперку и простыню, которую привез из города...

— Зачем простыню?

— Чтобы складывать на нее землю из ямы. Ведь на глубине она влажная и могла бы оставить на грунте в погребе мокрое пятно.

— Вы хотите сказать, что заранее приняли меры к сокрытию преступления?

— Еще раз повторяю, я не считаю это преступлением, — сказал Ветров и продолжал: — Я вырыл яму глубиной приблизительно метр двадцать. А когда закрывал крышку люка, то вставил в щель бумажку, половину листа из тетради...

— Для чего?

— Чтобы знать, лазил кто в погреб, видел ли мои приготовления или же нет, — спокойно объяснил Ветров. — Осуществил я свое намерение в отношении сестры, как вам уже известно, двадцать первого августа. Мать продавала цветы в городе, отец работал на участке. Я точно знал, что он будет там не меньше часа.

— Когда ваш отец вышел в сад?

— В половине восьмого вечера. Я позвал в свою комнату Ларису и... — Борис замолчал.

— Ну, продолжайте, — попросил следователь.

— В общем... лишил ее жизни...

— Задушили руками?

Ветров молча кивнул.

— Дальше?

— Убедившись, что она уже не дышит, я перенес ее в подвал и положил в приготовленную яму. Туда же бросил ее красные туфли, в которых она обычно выходила на улицу, и две настольные игры. Закопал яму песком, который лежал на простыне, а простыню свернул и отнес на чердак. Через несколько дней я отвез ее в город. Отец, как я и предполагал, вернулся через час, то есть в половине девятого...

Дальше следовал рассказ о том, что уже было известно: как вернулась из города Надежда Федоровна и начались поиски девочки. При этом, по словам Бориса, он умело разыграл нешуточную тревогу и сам активно участвовал в поисках сестры.

— Почему вместе с телом сестры вы закопали ее красные туфли и настольные игры? — задал вопрос следователь.

— Чтобы создать впечатление, будто она пошла играть к подруге, прихватив с собой коробки, — ответил Ветров.

— В тот вечер соседи нашли в поселке носовой платок Ларисы. Это вы подбросили его?

— Нет, — ответил обвиняемый, — он не принадлежал моей сестре. Но родители приняли его за платок Ларисы, а я не возражал. Даже обрадовался: это обстоятельство было мне на руку, так как выходило, что Лариса действительно гуляла вечером на улице...

Уточнив все детали, следователь перешел к выяснению обстоятельств убийства родителей. Борис признался, что сразу после «исчезновения» сестры стал склонять отца к самоубийству, старательно подогревал его отчаяние. Вел он подобные разговоры и с матерью. Доказывал, что после

гибели Ларисы им уже нельзя жить со спокойной совестью. Все они виноваты в том, что с ней случилось нечто страшное, и так далее и тому подобное...

— Если бы они действительно покончили с собой, — пояснил Борис, — то избавили бы меня от тяжелого бремени — совершить еще два убийства. Но они на это не пошли. И мне ничего не оставалось, как осуществить свое намерение...

Ветров подробно рассказал, как он готовил окружающих, в частности Ольгу Каменеву, к тому, что в его семье возможна еще одна беда. И все потому, что отец — шизофреник. При этом сам Борис не переставал играть роль убитого горем брата, совершенно потерявшего голову из-за исчезновения Ларисы.

За три дня до убийства родителей Борис перенес ружье в их спальню. Предварительно он попытался определить, как может человек выстрелить в себя из ружья? И пришел к выводу, что это можно сделать при помощи веревки, перекинутой через приклад. Веревку он приготовил тоже заранее.

— Вечером тридцать первого августа мы все играли в карты, — рассказывал обвиняемый. — Я, Ольга, отец и мать. Около одиннадцати часов родители пошли спать. Мать, как я уже говорил, в последнее время не могла засыпать без снотворного. В тот вечер я незаметно подсыпал ей в стакан с водой тройную дозу люминала. Отец засыпал и так. Значит, они ушли к себе в спальню, Ольга легла в моей комнате, а я — в большой, на диване. Скоро я услышал храп родителей и пришел к Ольге...

— Она уже спала?

— Задремала. У нас была близость, — спокойно и цинично рассказывал Ветров. — Я сделал это намеренно. В случае разбора милицией случившегося у Ольги могли взять соответствующие мазки. Это служило бы доказательством того, что мы были вместе. Затем я вернулся в большую комнату. В начале четвертого я зашел к родителям. Они крепко спали. Я снял со стены ружье, приладил веревку... Отца и мать я видел отчетливо: в окно падал свет от уличного фонаря. Первым выстрелом я убил отца, потом мать. Затем побежал к Ольге. Дальше вы знаете.

По словам Ветрова, утром он понял, что допустил несколько оплошностей. В частности, сказал следователю районной прокуратуры, что дверь в спальню была закрыта. Испугало Бориса и то, что на майке и трусах у него оказались брызги крови. Но его просчеты не были замечены... Не лучшим образом была проведена и первая судебно-медицинская экспертиза (позже это явилось предметом особого обсуждения в прокуратуре области).

Когда дело о гибели супругов Ветровых было прекращено, Борис уверовал в то, что ему удалось скрыть содеянное. Последующая отмена постановления о прекращении дела явилась для убийцы полной неожиданностью. Вот почему его больше всего беспокоило, не проговорится ли Ольга о том, что в роковой час он находился в другой комнате. Не давал Борису покоя и труп сестры в погребке. Он даже намеревался перезахоронить тело Ларисы где-нибудь в лесу.

После допроса Гольст выехал с обвиняемым на место происшествия. Ветров снова повторил свой рассказ об убийстве сестры и своих родителей, показав, где и как это произошло. Выезд на место происшествия сопровождался киносъемкой и звукозаписью.

Покушение на самоубийство, а также «идея» Ветрова ставили под

сомнение его психическое здоровье. Слишком уж бредовые мысли высказывал он. Возникал вопрос: это плод больного мозга или намерение ввести следствие в заблуждение? Ответ могли дать только специалисты. Гольст вынес постановление направить подследственного в Москву в Институт судебной психиатрии имени Сербского на стационарное обследование.

Комиссия врачей-психиатров пришла к единодушному выводу: Ветров здоров, а его «открытие» — попытка симулировать психическое заболевание. С этой же целью он покушался на жизнь своего сокамерника, а также якобы пытался покончить с собой. Потом Ветров признался, что полез в петлю, лишь когда услышал за дверью камеры приближающиеся шаги надзирателя. Расчет, что надзиратель увидит его висящим и тут же спасет, оправдался.

Таким образом, надежда Ветрова на то, что его признают невменяемым, рухнула.

— Назовите истинные причины и мотивы вашего преступления, — попросил Гольст на первом же допросе после возвращения Ветрова из Института имени Сербского.

— Вы их отлично знаете, — ответил обвиняемый. — В моем дневнике, который вы так хорошо изучили, есть ответ и на этот вопрос.

— «Жизнь питается жизнью», — процитировал Владимир Георгиевич. — «Ешь других или тебя съедят». Так?

— Вы правильно поняли меня, — подтвердил Ветров и привел еще одно выражение из своей тетради: — «В мире побеждает только сильный». У меня в жизни все было запрограммировано. Я отлично знал, что уже в тридцать лет буду жить в Москве, иметь ученую степень если не доктора, то кандидата наук обязательно...

— Ну а уж квартира, дача, машина — само собой разумеется, да? — подсказал Гольст.

— Естественно.

— Скажите, Борис Александрович, что означают следующие записи в вашем дневнике: «Фрау», «Днепр», «Рентген», «Каланча», «Цыганка»?

— Очень просто, — ответил обвиняемый. — Под шифром «Фрау» я имел в виду дочь заместителя заведующего облздравотделом. «Днепр» — дочь ректора нашего института. «Рентген» — это Ольга Каменева...

— Ваша жена, о которой вы сначала думали, что она внебрачная дочка проректора? — уточнил следователь.

— Да, — кивнул Борис. — «Цыганка» — дочь председателя горисполкома. А «Каланча» — Алиса Макарова. Прежде чем познакомиться с девушкой поближе, я узнавал, кто она, может ли быть кандидаткой в жены.

— Вы хотите сказать, будет ли выгодна для вас женитьба? — спросил Гольст.

— Совершенно верно: поможет ли мне этот брак продвижению по службе.

— Через будущего тестя?

— Да. Когда попытки жениться на «Фрау», затем на «Днепре», «Цыганке» и «Каланче» кончились неудачей, — продолжал Ветров, — я понял, что могу рассчитывать только на себя. Конечно, я не отбрасывал совсем мысль о выгодной женитьбе. Отнюдь. Но время подпирало. Как вы знаете, осенью я должен был поехать на практику в маленький провинциаль-

ный городок. Как правило, туда же распределяют на работу после окончания института. Чтобы вызвать к себе сочувствие и добиться отмены этого распределения, я решил первым делом убить Ларису. Но, совершив это, понял, что ее исчезновение не поможет мне в достижении намеченной цели. Тогда-то и возникла мысль убить родителей.

— А заодно стать наследником всего их имущества,— добавил Владимир Георгиевич.

— В общем, так,— не очень охотно подтвердил Борис.

Подтвердил потому, что деваться было некуда: об этом со всей убедительностью свидетельствовали факты. И все-таки смириться со своим поражением Ветров не мог.

— Я почти достиг своего,— после некоторого молчания заявил он.— Согласитесь, все было задумано и сделано точно. Если бы не мои отдельные промашки... — он досадливо поморщился.

— А вот в этом вы, Борис Александрович, глубоко заблуждаетесь,— возразил Гольст.— Ваши планы с самого начала были обречены на провал.

— Это почему же? — усмехнулся Ветров.

— Почему? Ваши жизненные установки в корне неверны. Не хотелось бы вспоминать ваших родителей... Они и так горько поплатились за свои ошибки...

— Они тут ни при чем,— нахмурился Ветров.

— Увы, очень даже при чем. Вы воспитывались в атмосфере меркантильности, поклонения деньгам, презрения к чести и совести... И все качества, которыми вы были наделены от рождения — недюжинный ум, воля,— подчинили губительной цели: стать выше всех, добиться заслуг и материальных благ за счет других,— сказал Гольст.— Но не вы первый... И дай бог, чтобы стали последним. Мораль, подобная вашей, приводит и неизменно будет приводить к краху всех, кто встанет на такой путь. Потому что вы — против жизни. А значит, и жизнь — против вас...

Дело по обвинению Бориса Александровича Ветрова в убийстве своей сестры, отца и матери было передано в областной суд. Ветров признан виновным и приговорен к исключительной мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

В зоне риска

Наступает однажды какой-то праздник, чуть ли не Новый год, идут с разных концов от полузабытых друзей поздравления, в киосках мелькают открытки с красными флагами, у нас почему-то все праздники неизменно сопровождаются красными флагами — Первое мая, серебряная свадьба, Парижская коммуна... Так вот, приходит открытка, и по обратному адресу я вижу, что отправлена она из-за колючей проволоки. Похоже, какой-то зек, истосковавшись по человеческим отношениям, решил поздравить меня с чем-то радостным. И тут же, в следующей строке, я узнаю, что зека зовут Леонидом Семеновичем, что фамилия его Кучеренко и что по случаю Нового года он желает мне счастья, здоровья, удачи в делах и прочих приятных вещей, которых мы чаще всего в обыденной жизни начисто лишены. И еще пишет словоохотливый зек, что пусть, дескать, этот год Зайца, по какому-то там диковинному календарю, не отразится на моей судьбе пагубно и необратимо. И в следующей строке намек свой поясняет, приводя в пример собственную судьбу, — как зайца, изловили Леонида Семеновича в далеких и, казалось бы, совершенно недоступных для правосудия Саянских горах, многомесячным этапом доставили через всю страну в Кривой Рог и поместили за ту самую колючую проволоку, из-за которой он и изловчился прислать свое поздравление на открытке, расписанной красными флагами, серпами, молотами и другими важными для нашего государства символами.

Так я узнал, что Леонид Семенович Кучеренко отбывает наказание, определенное ему заместителем председателя Днепропетровского областного суда Виктором Иосифовичем Липинским — в те времена и Липинский обитал еще на свободе, и был он молодой, красивый, порывистый, как бы устремленный в прекрасное свое будущее, в прекрасное общество, где уже давно ждут его с нетерпением и восторгом. Но коварная и безжалостная жизнь наша распорядилась так, что попал он в общество, которое можно назвать изысканным только весьма и весьма условно. Дело в том, что суровые приговоры не отражались на внешнем виде Виктора Иосифовича, а если на чем-то и отражались, то скорее на его благосостоянии. По каким-то странным законам бытия благополучие нашего судьи неотвратимо улучшалось с каждым годом. Да что там годом! Чуть ли не после каждого

приговора Виктор Иосифович хорошел и веселел. Опытные зеки знают, отчего такое происходит.

История взаимоотношений судьи и подсудимого, окончившаяся осуждением одного и второго, представляет особый интерес в наши дни, когда многострадальное общество решительно и даже с какой-то остервенелостью сдирает с себя наросты из глупых догм, надуманных запретов, всевозможных страхов и опасений, кровавых воспоминаний и радостно-надсадных воплей, сдирает с себя все, что делало жизнь унижительной и, простите, идиотской в самом полном и прямом смысле слова. А как еще прикажете называть существование, когда народ великой в прошлом державы не имеет возможности и права называть вещи своими именами, а здравый житейский смысл попросту карается законом? Впрочем, каким законом... Беззаконием карается, а это куда страшнее.

Да, сегодня мы призываем к ломке привычных представлений, к новому взгляду на жизнь, обращаемся к людям дерзким и смелым, к людям честным и самоотверженным, мы говорим с таким волнением в голосе, что, как нам кажется, должно сделать их счастливыми, мы говорим: «Смелее, ребята! Вас ждет успех! В ваших руках будущее великой страны! Вперед без страха и сомнения!»

А они, простые, искренние души, опять верят, опять устремляются... Но мы-то, всегда ли у нас самих, гордых на всяческие взволнованные призывы, хватает мужества, терпения, человеческого участия и той отчаянности, которая так нас восхищает в других, чтобы прийти на помощь этим людям, когда они попадают в беду? А в беду они попадают часто, поскольку действительно больше думают о деле, нежели о собственной безопасности. Поскольку наивны и доверчивы в своей невытравляемой приверженности к осмеянным ныне у нас человеческим ценностям — чести, достоинству, порядочности...

Да, борьба старого и нового продолжается. И это вот новое, привнесенное в нашу жизнь за последние семьдесят лет борьбы и свершений, отнюдь не собирается сдаваться и отказываться от своей упоительной и такой привычной власти над судьбами людскими.

Есть понятие — зона риска.

Такая зона существует в любой области человеческой деятельности — от детского сада до космических полигонов. И дело не в том, что опасна сама по себе та или иная работа, вовсе нет, — даже на наших замечательных дорогах ежегодно гибнет в четыре раза больше людей, чем в Афганистане погибло за девять лет войны. Дело в самом человеке. Он сам создает вокруг себя зону риска. Поступками, словами, поведением, той системой ценностей, которую он выбрал и которой придерживается.

Несмотря на многократные выкорчевывания и чистки, остались, слава Богу, люди, постоянно живущие в зоне риска. Что делать, так уж сложилось, что наше насквозь партийное общество не прощает человеку способностей, смелости, вызова. Даже бескорыстия не прощает. Потому что за всем этим стоят сомнения в общепринятых ценностях. А сомневающимся быть не должно. Едва ли не каждый день приходится читать в газетах о вновь открываемых «полезных ископаемых» — залежах человеческих черепов с дырочками в затылках. Впрочем, у многих дырочки как раз посреди лба. Это все были сомневающиеся, колеблющиеся, раздумывающие...

Совсем недавно зона риска была просто смертельной, а человек оказывался в ней из-за самых невинных и естественных своих качеств — здравого смысла, порядочности, честности. Обладание даже одним из этих качеств сразу переносило нас под пронизывающий ветер опасности, на свежий, бодрящий воздух нормальных отношений. Человек, вдохнувший в себя этот воздух хотя бы раз в жизни, постоявший на этом ветру, ощутивший озноб дерзости и риска, никогда уже не сможет забыть об этом.

Конечно, жизнь ломает и мнет многих, немало людей в конце концов предпочитают теплый воздух безопасности и покоя, но тот ветер, тот ветер не забывается.

1. ПУТЬ НАВЕРХ

Впервые серьезной, смертельной опасностью на Ленку Кучеренко дохнуло в 1943 году. Ему тогда было лет восемь. Представьте — война, оккупация, немцы на улицах, в домах Кривого Рога. Отец на фронте. у матери на руках трое детей. Доходов никаких. На что-то надо было жить. Чтобы хоть как-то продержаться, продала все, что можно было, и купила корову. На нее-то и была вся надежда. Летом, осенью по обочинам дорог, на заброшенных полях женщина выкашивала траву, сушила, собирала пучок к пучку. Будет зимой молоко — дети выживут. Только одна эта мысль давала ей и силы, и мужество. И была еще надежда, в которую боялась верить, чтобы не сглазить, — вернется муж, а все их дети живы и здоровы.

И вот однажды, уже глубокой осенью, придя с базара, она увидела самую страшную картину, которую только можно было вообразить в ее положении: посреди двора стоит немецкая грузовая машина, а солдаты в зеленоватой форме весело и споро грузят заготовленное на зиму сено. Половины копны уже нет, и на ее глазах быстро уменьшалась оставшаяся часть. Пройдет десяток минут, и от запасов не останется ничего, кроме нескольких травинок. И тогда неизбежно — голодная смерть.

Не помня себя, женщина бросается к первому попавшемуся на ее пути солдату, вырывает у него из рук вилы и длинной рукояткой замахивается, чтобы изо всей силы... Но кто-то успел в последний момент ухватить эту дубину сзади, удара не получилось. Однако перепуганный солдат в какой-то истерике бежит в угол двора, берет свой карабин, на ходу передергивает затвор, вскидывает ствол...

В немыслимой надежде спастись, защитить детей женщина прижимает к себе подвернувшегося тут же Ленку.

Выстрел.

Но опять происходит нечто непредвиденное — пожилой немец, только что сам грузивший сено, в прыжке дотягивается до карабина и уже в падении успевает ударить по стволу. Пуля в шаге от женщины впивается в землю, взбурлив маленьким и уже безопасным фонтанчиком. А ведь она легко бы прошила и Ленку, и его мать...

Потом Ленка нашел эту пулю, выковырял ее из земли, долго тешился, пока не затерялась она среди других пуль — мало ли их было во время

войны у каждого мальчишки. А немцы, потолковав о чем-то, поругавшись между собой, ушли со двора, оставив половину копны. Собрались, попрыгали в кузов машины и уехали.

В памяти у Леонида Семеновича до сих пор осталось увеличенное, смотрящее прямо на него дуло немецкого карабина. Черная круглая дыра, казалось, закрывала тогда все небо, всю землю — на него в упор смотрела смерть. И до сих пор, когда судьба устраивает ему очередную проверку на прочность, когда уже нет вроде бы никакого спасения, возникает перед глазами маленькое черное отверстие и, постепенно расширяясь, охватывает все пространство. Но и каждый раз появляется почти несбыточная надежда, что найдется человек и в немыслимом прыжке успеет ударить по стволу судьбы. И надежда эта, в общем-то, сбывается, оправдывается. Но все-таки чаще отводить удар приходится самому.

После войны Леонид Кучеренко закончил школу переростком, несколько лет были потеряны. Потом пошел в рабочие каротажного отряда, в первое же лето рванул с другом в Грузию — поступать в институт. Провалился. Однако удача улыбнулась ему — приняли в авиационное училище. Там же, в Тбилиси.

Наметилось неплохое будущее. Красивая форма, надежная специальность, взгляды девушек и все такое прочее. Началась учеба. Все шло отлично — прыжки с парашютом, изучение техники, полеты. Появились новые друзья, новые интересы...

Но, видимо, все-таки у судьбы были на него другие виды.

В первый же отпуск поехал домой, в Кривой Рог. Вроде и немного свободных дней выделило ему руководство училища, что-то около десяти, но этого вполне хватило, чтобы влюбиться без памяти, как говорят. Куда деваться, было тогда Ленке Кучеренко без малого двадцать лет. Звали ее Валей. Валентина. Хорошее имя. И влюбился Ленка в нее настолько, что все остальное попросту потеряло значение — Тбилиси, Грузия, училище, летная судьба...

Пропади оно все пропадом!

Бросил все и вернулся в Кривой Рог.

И снова оказался в бурильщиках.

Роба, руда, карьер...

Где ты, нежно-голубое обмундирование? Где учеба, полеты, прыжки?.. В прошлом. И нет туда возврата.

Началась сменная работа — ночная, дневная, а в карьер еще добраться надо, после смены вернуться надо, а дорога в один конец десятки километров. Предприятия Кривого Рога разбросаны по широкой украинской степи так, что и воображению не поддаются. Маршрут троллейбуса куда длиннее ста километров. Километровые провалы в земле. Одновременно подрываются сотни тонн взрывчатки. А рядом грохот и жар металлургических гигантов. Ни один рубль не дается легко, ни один шаг не дается просто. Удержится в этих условиях далеко не каждый, далеко не каждый уцелеет. Здесь образуется особый человеческий характер — жесткий, добродушный, наивный до беспомощности в дружеском общении, бесстрашный в любых схватках, от хулиганья до начальства. Здесь слабаки не держатся, а сильным положено быть великодушными. Мастера горных профессий, бурильщики, подрывники, экскаваторщики, собравшись вместе, хвалятся

домашними консервами, выращенными помидорами. При встречах принято хорошо пить и держать форму...

К таким людям попал Кучеренко.

И ничего, прижился.

Дальше — институт. Работая в криворожских карьерах, закончить институт — это на грани подвига. И этот подвиг Леонид Семенович совершил как бы играючи. Он получил диплом Криворожского горнорудного института и стал узаконенным специалистом по разработке месторождений. И в двадцать семь лет, минуя сразу несколько должностных ступенек, из бурильщиков переходит в технические руководители буровзрывного цеха Новокриворожского горно-обогатительного комбината.

Круто все-таки, а?

Да, очень важное обстоятельство — к этому времени он уже мастер спорта по боксу. Полезное оказалось мастерство. Потому что, когда из бурильщиков переходишь в большое начальство и начинаешь руководить коллективом из трехсот отчаянных, самолюбивых и прошедших через все людей... Хватка и реакция хорошего боксера частенько оказывается весьма кстати. Объясняешься ли ты с подчиненными или с еще более высоким начальством.

Но об этом как-нибудь в другой раз.

Рассказать есть что.

Продолжим. Через два года Леонида Кучеренко назначают начальником отвального хозяйства. Еще через два года — начальником карьера. Здесь уже подчиненных — за тысячу. Дня без чрезвычайного происшествия, без события не бывало. Драка, простой, запой, авария, несчастный случай, задержка зарплаты, семейный конфликт — все на шее начальника.

Но как бы там ни было — работа шла и продолжался неудержимый, безостановочный путь вверх. Знания, энергия и, да простятся мне эти заезженные слова, любовь к своему делу, к своей работе делали свое. Кучеренко нередко попросту бросали на прорыв, на тот или другой загубленный участок, да он и сам прекрасно чувствовал свою силу, возможности и не возражал. Даже появился какой-то азарт — сделать то, что другим не под силу. И делал. Решения нередко принимать приходилось на грани риска.

Один пример. Карьер задыхался — вывозить руду машинами не успевали, а проложить железную дорогу было нельзя, поскольку пришлось бы делать слишком кругой поворот, невозможный по техническим условиям. И Кучеренко проложил этот слишком крутой поворот, и пустил по нему железнодорожный состав, пустил. Правда, перед составом шел человек с ведром и тряпкой и смазывал рельсы, иначе колеса вагонов соскальзывали от этой невероятной крутизны. Но уже через неделю появилась возможность чуть распрямить рельсы, еще через неделю больше распрямили — и пошло. Маленькая деталь — все это проделалось втайне от руководства комбината, потому что ни один руководитель не взял бы на себя ответственность за возможные последствия. А если сказать еще точнее, то это делалось якобы втайне от руководства. Директор знал, ежечасно звонил — не сошел ли состав с рельсов, не загремели ли вагоны в отвал. Но ему нельзя было знать об этой технической авантюре официально.

А были случаи покруче, порискованней. Были случаи, когда руковод-

ство действительно ничего не знало о кучеренковских затеях. А он, он на каком-то переломе решил, что мог бы двигаться вверх и побыстрее... — Дурак! — так он определяет давнишнее свое решение уйти с родного Новокриворожского комбината, уйти на Северный. — Круглый, безмозглый, тщеславный дурак! И больше никто! Переманили! Должность главного инженера рудника посулили! И я ушел. Хитростью, лукавством, обманом ушел. Когда директор Мигуцкий, золотая душа, вернулся из отпуска, я уже работал на Севгоке. Он нашел меня по телефону в первый же свой рабочий день вызвал в кабинет и... Если я сейчас о чем-то и жалею, так это о том, что маловато он мне тогда всыпал. Но дело было сделано, дело было сделано... — заканчивает он с тяжким, сдавленным вздохом.

К тому времени Кучеренко был известен в Кривом Роге многими подвигами на производственной ниве. А едва перейдя на Севгок, он прославился тем, что впервые в истории бассейна взорвал в карьере временно тысячу тонн взрывчатки. Тысячу тонн! А чего стоило лишь пробить эту идею! Боялись, что весь котлован будет засыпан рудой, что город будет снесен с лица земли, что погибнет техника, пострадают люди...

Обычно в карьере взрывали двести тонн, изредка триста. Отколотой руды хватало на несколько дней работы. Подготовка одного взрыва тоже занимала несколько дней. В результате получалось, что карьер больше простаивал, нежели работал. Кучеренко предложил: взорвать тысячу тонн взрывчатки, чтобы потом можно было месяц работать без остановки. Предложение соблазняло, все понимали, что производительность карьера сразу возрастет не на какие-то доли процента, а в несколько раз, что металлурги будут обеспечены рудой, что неизбежны награды, повышение, премии и прочая, и прочая...

Но никто не брал на себя смелость дать «добро» такому взрыву. Изучали, просчитывали, советовались... И все. Документа, разрешающего взрыв, так никто и не дал. Специальные институты, комбинатовские лаборатории, технические отделы, профессора и доценты, начальники и заместители...

Все попросту уходило в сторону.

И тогда Кучеренко все взял на себя. Опыт был, дерзость всегда при нем, знания тоже получил, а к тому времени он уже готовил диссертацию кандидата технических наук... И дал команду — бурить и закладывать взрывчатку. Комбинат замер. Все говорили только о предстоящем взрыве. Тревожные звонки из министерства, из партийных и, как говорится, советских органов.

— А что им беспокоиться, — смеется сейчас Кучеренко. — На плахе-то моя голова. Расчеты я представил, схемы нарисовал, перспективы изложил... И, кроме самой обыкновенной человеческой трусости и перестраховки, никто ничего противопоставить мне не мог. Но и на разрешение тоже мужество, конечно, требовалось от начальства... В общем — взорвал.

— Тысячу тонн?

— Тысячу тонн. Правда, применил небольшую инженерную хитрость — взрыв разбил на несколько, и они прогремели один за другим цепочкой, с паузами в одну-две секунды.

Город уцелел.

Карьер надолго накормил ненасытную металлургическую промышленность края, а на комбинат зачастили гости, делегации, научные сотруд-

ники — изучать передовой опыт. Привез своих специалистов и директор Новокриворожского комбината Мигуцкий.

— А ведь ты мог бы и у нас такой взрыв сделать, — с укором сказал он Кучеренко.

— Мог бы... Должность не позволяла.

— Далась тебе эта должность!

— Ну нельзя же было вечно затыкать мною все дыры!

— Так уж и затыкали... Бросали на прорыв. Зная, что справишься. Понимая, что больше некого. Так стоял вопрос. Ты шел на должность куда более высокую, чем тебе дали здесь.

— Здесь мне ее дали сегодня. А у вас... На мою жизнь дыр хватило бы.

— Напрасно ты так, Леня, напрасно. Да ты и сам знаешь, что неправ.

— Может быть.

— Назад не тянет?

— Пока нет.

— Потянет — скажешь. Понял?

— Спасибо.

— Ты к нам вернешься, так и знай. По этой причине или по другой...

Так вот, я хочу, чтоб ты знал: приглашение тобой получено.

— Добро.

Трудно сказать, какую причину имел в виду директор Мигуцкий, но она появилась гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Дело в том, что бросать Кучеренко на прорыв или не бросать — это зависело не от директора, это зависело от него самого. Когда появлялся прорыв, вспоминали именно о нем.

На комбинате резко возросло количество несчастных случаев, за год гибло больше десятка рабочих. Где-то в верхах задумались о том, насколько руководство Севгока соответствует своим должностям. И тогда Кучеренко сделали заместителем главного инженера комбината по технике безопасности. Отныне ему предстояло решать, почему отказывали ручные тормоза у грузовиков, почему сходили вагоны с рельсов, почему глыбы руды катились не туда, куда им положено катиться.

Он начал с того, что сам вышел в карьер, стал на самой оживленной трассе и не допустил к работе ни один грузовик, у которого барахлил ручной тормоз. Таких оказалось несколько десятков. Жалобы, звонки, рапорты в тот же день посыпались на его голову. Но руководство, над которым нависла реальная угроза снятия с работы, его поддержало. Оказалось, что отрегулировать ручные тормоза вполне под силу отечественной технике. Потом уже доходило до того, что водители, встретив Кучеренко на крутом подъеме в карьере, сами останавливали груженные самосвалы и, оставив его на ручнике, выходили покурить, словечком переброситься, как говорится, «поздоровкаться».

Через год на комбинате не было ни единого смертельного случая. А ведь случалось — вдовы на похоронах своих кормильцев плевали комбинатовскому начальству в лицо.

— Вот тогда-то я и набрал девяносто килограммов, — говорит Леонид

Семенович. — Но вскорости пришлось опять все лишнее сбросить, да и не только лишнее.

Свои жизненные успехи и поражения, а они у него чередуются с неизменным постоянством, в полной мере отражая колебания в общественных ценностях и устремлениях, Кучеренко измеряет еще и собственным весом. Налаженная работа карьера — девяносто килограммов. Выкинули с работы — шестьдесят. В десять раз поднята добыча золота на участке в Забайкалье — восемьдесят килограммов. Тюрма, камера смертников, допросы, психушка и этапы — пятьдесят. А сегодня, когда государственный банк Удмуртии одалживает у бывшего зека два миллиона рублей для зарплаты рабочим, у него около восьмидесяти.

Но это так, к слову.

В очередной раз ощущение черной дыры возникло у него во время разговора с директором Северного горно-обогатительного комбината Василием Михайловичем Елисовым.

Чтобы вполне понять происшедшее, нужно сказать несколько слов о самом комбинате. Расположенный в пригородах Кривого Рога, он представляет собой маленькое государство с десятками тысяч подданных. Здесь свои законы морали и нравственности, своя система ценностей и подчинения, бюджет комбината вполне сравним с бюджетами небольших европейских государств. Заминка в его работе немедленно отражается во всей металлургической промышленности страны.

А директор комбината, глава этого государства, если и не министр по должности, то уж наверняка один из первых его заместителей. На эту должность неизменно попадают люди крутого, волевого склада, готовые не задумываясь распорядиться чужой судьбой, да и своей тоже. Они готовы бросить все на выполнение правительственного задания, а других заданий у них не бывает, готовы для пользы дела выпить бутылку водки, а если положение требует, то и вторую, третью, а потом позвонить министру, провести совещание, рвануть в карьер на чрезвычайное происшествие. На эту должность приходили, да и приходят поныне, люди той особой советской породы, которая возникла за последние десятилетия, — сентиментальные и властные одновременно, жесткие и угодливые до безобразия. Невысоких обычно умственных способностей, не больно образованные и начитанные, они поступали с великой убежденностью в собственном превосходстве и в собственном праве поступать как угодно. И это превосходство действительно было в наличии, потому что в них ценились и от них требовались не тонкость суждений и благовоспитанность, не проницательность и изысканность инженерного мышления, нет. Ценились властность, твердость, умение держать в кулаке тысячи горняков, металлургов, водителей, экскаваторщиков, строителей, умение поощрять и наказывать, оскорблять и награждать, причем настолько уверенно, что человек должен был чувствовать себя осчастливленным, поскольку начальство обратило на него внимание, заметило, выделило из прочих, похвалило и покрыв самым жестоким матом.

И вот Елисов, директор комбината, вызывает Кучеренко к себе в кабинет.

— Ну что, дрогнуло сердце? — спрашиваю у Леонида Семеновича.

— А как же! Еще так дрогнуло, что... Но тогда по глупости своей и самонадеянности я рассчитывал на повышение и думал, что вызывают меня, чтобы сообщить столь приятную новость. Наивный был, дурной, бестолковый...

— Ну, Леонид Семенович! Такой уж и бестолковый!

— Конечно! Сегодня я бы в минуту просчитал, зачем он меня вызывает. Тогда же мне казалось, что начальство заинтересовано в деле, как и я... А сейчас... Сегодня я ясно вижу отсутствие интереса к делу на самых высоких должностях в нашем государстве. Понял? На самых высоких! — Он поднял вверх указательный палец, глядя на меня шало и дерзко.

Ну ладно, вызвали.

В кабинете сам Елисов и с ним секретарь парткома комбината. Вот только в этот момент и екнуло сердце у Кучеренко. Если бы речь шла о новом назначении, в кабинете сидел бы начальник отдела кадров. Если секретарь парткома — дело плохо.

— Присаживайтесь, Леонид Семенович, — Елисов величественно махнул рукой. Был он невысок, плотен, краснолиц.

— Спасибо.

— Что хорошего в жизни?

— Да так... Все хорошо.

— Похвально, похвально... Последнее время, как я заметил, вы довольно плотно общаетесь с главным инженером, с Дмитрием Ивановичем, так?

— Да вроде.

— И не только по работе?

— В общем-то не очень...

— Не скромничайте, Леонид Семенович, — вмешался в разговор секретарь. — Мы все знаем. В ваших отношениях нет ничего предосудительного, мужская дружба — это прекрасно.

— Да и дружбы-то особенной нету... Мы с Дмитрием Ивановичем только на работе и встречаемся...

— Не надо! — досадливо махнул рукой Елисов. — Не надо темнить, Леонид Семенович. Случается вам и выпивать вместе, и по бабам, как говорится, шастаете... Контакт у вас куда более плотный, чем вы хотите нам показать.

— Ничего я не показываю! — вскинулся Кучеренко, начиная постепенно понимать, куда клонится разговор, — о напряженных отношениях директора и главного инженера знали на комбинате все. По нравам, принятым на Севгоке, он должен был чувствовать себя польщенным этим разговором. Сам директор беседует с ним и даже вроде собирается кое о чем попросить. Это значит, что его приглашают в команду, он становится человеком доверенным и, естественно, растущим.

— Значит, так, — Елисов положил на холодное стекло стола плотную красную ладонь. — Значит, так... Вы сейчас сядете и напишете обо всем. Где бываете с главным инженером, с кем пьете, с кем спите... Про себя можете умолчать, это нам неинтересно. Но про Дмитрия Ивановича, уж будьте добры, подробнее. С датами, именами, адресами и так далее. Понятно? Вот бумага, ручка... Хотите — идите к себе, чтобы никто не мешал вам сосредоточиться. И вам воздастся. Вы меня поняли? Ведь место глав-

ного инженера освобождается... Ваша кандидатура не бесспорна, но очень перспективна.

— Но, Василий Михайлович... Дело в том, что... Боюсь, я просто не знаю всех тех сведений, которые вам нужны.

— Всех сведений никто не знает.

— Но как же тогда...

— Но вы можете о чем-то догадываться, что-то предполагать, о чем-то слышать... Поделитесь с нами своими опасениями, своей заботой о производстве...

— Но это будет... оговор.

— Вы отказываетесь? — спросил Елисов с нескрываемым изумлением.

— Видите ли...

— Должен вас предупредить, что одновременно вы отказываетесь и от многого другого. Вы это понимаете?

— Да. Понимаю.

В разговор вмешался секретарь парткома:

— Леонид Семенович... Вы можете пожалеть о своем упрямстве.

— Пожалеть?

— Вы отвергаете дружбу людей, которые могли бы вам очень помочь в жизни.

— Что делать, — Кучеренко развел руками. — Везде не поспеешь.

— Не будете писать? — угрюмо спросил Елисов.

— Донос? Нет, не буду.

— Тогда вон отсюда!

— С удовольствием.

Плотно закрывая за собой дверь, Кучеренко уже знал — пощады не будет. Здесь не привыкли церемониться с непокорными.

События не заставили себя ждать. Через две недели Кучеренко вызвали в партком комбината. Уже по первым вопросам, по содержанию разговора он представил себе, какая громадная работа была проведена за эти две недели. Прощупали всю его личную жизнь, соседей, жену, подчиненных и только тогда вызвали. Секретарь сидел за своим столом внушительно и непоколебимо, как бы олицетворяя мощь и справедливость государства. Он благожелательно посмотрел на Кучеренко, предложил сесть, позвонил куда-то по телефону, зачем-то вызвал секретаршу и передал ей пачку документов, судя по всему очень важных, и наконец обернулся к Кучеренко.

— Ну как, Леонид Семенович, вспомнили, где время проводили с главным инженером?

— Нет. Не вспомнил.

— Ясно... Может быть, вы, Леонид Семенович, не совсем правильно поняли просьбу директора... Речь идет вовсе не о вашем времяпрепровождении, совсем не о вашем. Вы человек подчиненный, вы просто выполняли поручения своего руководителя, в данном случае главного инженера... Вы вообще здесь ни при чем. А после того как напишете заявление или, скажем, обращение в партком, с вас все снимается, даже та малость, которая была... Более того, вы оказываетесь человеком, которого просто необходимо поощрить...

— За что?

— Гм... За верность, за преданность тем нравственным принципам, которые...

— Которые?

— Мы все должны отстаивать.

— С помощью доносов?

— Леонид Семенович, я вижу, что этот разговор продолжать нет никакого смысла. Ну что ж, я по-дружески вас предупреждал — как бы не пожалеть... Помните?

— Прекрасно помню.

— Отлично. Вы сделали свой выбор, мы — тоже. Теперь вам предстоит отчитаться уже за свои собственные поступки.

— Какие?

— Скажу, не торопите меня. Вам предстоит отчитаться о том, как вы построили гараж из ворованного кирпича, как использовали государственную технику в личных целях по благоустройству опять же своего гаража... Короче, Леонид Семенович, напишите о всех тех преступлениях, которые допустили вы.

— Каких?!

— Вы нарушили этику руководителя, нравственность человека коммунистического общества, — секретарь улыбался все шире, — вы нарушили и обыкновенную финансовую дисциплину.

— И все это за то, что я отказался писать донос?

— Ну что вы, Леонид Семенович, о каких доносах речь... Доносы — это ваше личное дело. Хотите — пишите, хотите — нет... Куда отправлять, тоже, надеюсь, знаете... Речь в данном случае о вас.

— Не ко двору, значит?

— Разберемся.

Секретарь был человеком опытным, через многое прошел в своей жизни и ценил то, чего добился. И потому старался отвечать, как бы заранее предполагая, что в кабинете есть третий человек, есть записывающее устройство или еще что-то в этом роде, и его слова могут быть истолкованы ему во вред. И потом, давала себя знать многолетняя практика поведения на трибуне, в президиуме. И нельзя было не заметить, что эти вот ускользающие его слова, неуязвимость доставляли ему какое-то неизъяснимое наслаждение.

Он понимал, что есть в его словах второй смысл, торжество безнаказанности. Все это и грело его продажную душу.

Прекрасно понимаю, что слово «продажная» в приложении к душе партийного секретаря как бы вываливается, нарушая беспристрастность повествования. Но я подумал: а нарушу-ка эту притворную отстраненность и да простится мне это. Тем более что слово это неплохое само по себе, да и употреблено достаточно точно, поскольку в полной мере передает суть происходящего и авторское отношение к этому человеку. И потом, давайте согласимся с тем, что наши партийные руководители так привыкли ссылаться на всевозможные факторы мирового значения, важность текущего момента, так привыкли беззастенчиво спекулировать всем этим, что выслушать отдельного человека кажется им чуть ли не унижительным. А следовательно, души у них все-таки продажные. Поскольку сегодня, с

изменением опять же текущего момента, они готовы выслушивать кого угодно с утра до ночи — лишь бы в кресле уцелеть.

— Послушайте, кирпич я оплатил. У меня есть документы, есть квитанция, платежка...

— Не будем сейчас об этом. Создадим комиссию, введем в нее авторитетных товарищей, они во всем разберутся и доложат. А мы примем решение. От вас требуется немного — объяснение. Вот и все. Больше вас не задерживаю, Леонид Семенович.

Такие дела.

Все мы прекрасно знакомы с ритуалом уничтожения личности, он отработан до мельчайших подробностей, и даже круглый дурак, усевшись в соответствующее кресло, может блестяще справиться с этой задачей.

Скажу сразу — ничего не помогло Леониду Семеновичу. Дошло до того, что он силком приволок к своему гаражу начальника ОБХСС района. Они вместе пересчитали несчастные кирпичи, которые пошли на стенку, — оказалось, что построен не весь гараж, а лишь поставлена разделительная стенка. Пятьсот штук насчитали, о чем и составили справку.

— Нет, — говорил секретарь улыбаясь. — Вам не удастся нас провести, дорогой Леонид Семенович. Ведь мы прекрасно знаем, что вы уложили в гараж тысячу кирпичей, а документы у вас только на полтысячи. Следовательно, пятьсот кирпичей похищены. Это позорно для члена партии. Оставлять такие вещи безнаказанными нельзя. Партия должна свято хранить чистоту своих рядов, иначе ее перестанут уважать, ей перестанут доверять, Леонид Семенович.

Второе обвинение — использование экскаватора в личных целях. Что произошло? Личные гаражи каждый раз после дождя заливало водой. Это продолжалось довольно долго, пока однажды Кучеренко не подогнал обыкновенную поливалку и не промыл канаву, по которой дождевая вода уходила в овраг.

Вот и все. Вроде и говорить не о чем.

— Позвольте! — орал Кучеренко на парткоме, взывая к здравому смыслу. — Никакого экскаватора там не было. Не войдет он между двумя рядами гаражей! Габариты не позволят!

— А как же вам удалось прорыть канаву? Ведь вы не отрицаете, что именно вы ее прорыли?

— Струей воды! Остальное сделали дожди! Без меня уже другие люди ее забетонировали!

Он оглядывался по сторонам и с ужасом видел каменные лица, озабоченные чистотой партийных рядов. Непреклонность была на этих вроде бы таких знакомых физиономиях. Все они чего-то ждали, на что-то надеялись — большое или маленькое повышение, очередь на квартиру, на машину, на дачный участок... И упреки он их сейчас в продажности — возмутятся. Искренне возмутятся.

— Ну что, товарищи, — поднялся Елисов. — Мне кажется, положение ясное. Мы не можем допустить, чтобы в руководстве комбината были люди такого вот пошиба. Прикрываясь интересами дела, Кучеренко, как выяснилось, больше всего озабочен личным благополучием. И я затрудняюсь сказать, чего он принес больше нашему производству — вреда или пользы. Мне кажется, в партии таким не место. Мне кажется, и вы, надеюсь, со мной согласитесь...

И так далее.

Все мы таких речей наслушались, каждый может продолжить слова директора по своему усмотрению, и вряд ли кто ошибется.

Проголосовали.

Почти единогласно. При одном воздержавшемся. Главный инженер воздержался. Только на воздержание его и хватило. Хотя из-за него и разгорелся весь сыр-бор.

А дальше все автоматически. Снятие с должности, увольнение. И годы, потраченные на постепенное продвижение по службе, самоутверждение, опыт руководителя, знание производства — все перечеркнуто.

Надо признать, что честность — черта весьма опасная для нашей системы. Но в том, что система разваливается, что из партии люди бегут, как с обреченного корабля, сомнений нет. Один только пример с Кучеренко, помноженный на миллионы подобных случаев, все объясняет. Оказывается, партии нужны отнюдь не специалисты, не думающие и ищущие, нужны доносчики, стукачи, подхалимы. Именно на этих людей была сделана ставка, именно их поощряли и плодили все семьдесят лет, одаривая должностями, властью, жратвой. В результате сегодня мы видим разваливающуюся страну, полуголодное, озлобленное население, духовно опустошенную молодежь. Мы видим страну, победившую в крупнейшей войне человечества и тем не менее попрошайничающую у той страны, которую разгромила, чем и гордится до сих пор. Смещены человеческие ценности, нравственные, экономические, социальные, политические. И сидят в кабинетах секретари и думают неустанно, как бы им повысить авторитет партии, возбудить доверие к ней и любовь народных масс...

Ну пусть думают. Авось.

Да, а над Кучеренко сжалились.

Электриком оставили.

И на четвертом десятке лет один из лучших специалистов комбината вынужден был лазить по столбам в поисках неисправностей.

И лазил.

Обидно? Да. Но сожаления не было.

А казалось бы — чего проще? Напиши, чего просят, и жизнь твоя сразу обретет значительность и перспективу. И перестанешь быть белой вороной. Да и человек-то, которого ты спас, как выяснилось, не больно того заслуживал — сам потом шарахался от Кучеренко как от прокаженного, хотя и должность, и положение позволяли Дмитрию Ивановичу вмешаться в события. Не вмешался.

Вот в таких вроде бы невинных положениях и определяется окончательная цена человека. Когда на кону и все, и ничего. Ведь совсем нетрудно себе представить, что произошло бы, напиши Кучеренко доклад, который от него требовали. А ведь при некоторой ловкости изложения он мог написать чистую правду, но так, что она оказалась бы убийственной. И перед собой можно было бы остаться чистым и честным. И занять высокую должность, и войти в круг приближенных, и получить Звезду Героя — горнякам звезды давали охотно...

Не написал.

Спрашиваю: почему?

— А черт его знает! Что-то в этом предложении было нехорошее. Это

сейчас я могу говорить разные слова... Дескать, для меня оскорбительно прозвучало, дескать, как вам не стыдно предлагать мне такое, и так далее. Тогда было проще. На подсознании все прошло. Я их послал, они меня послали... И все. Это потом уже, сидя на столбах, я произнес для себя все нужные слова и все расставил по местам. Но скажи они мне в любой момент: напиши — и все вернется... Нет. Честь имею.

После отбытия наказания на электростолбах кое-что забылось, простилось, да и время сгладило конфликт, но работать после этого на Северном горно-обогатительном комбинате под руководством Елисова, работать выкладываясь, не считая часов, суток, недель... Это было уже невозможно. И Кучеренко уходит главным инженером на Савровский карьер — недалеко от Севгока.

А дальше начинается в его жизни какая-то чехарда.

Через полгода он получает приглашение стать директором Волновского карьера в Донецкой области. И уезжает туда.

А тут удар с самой неожиданной стороны — жена.

— Да и кто выдержит, — пытается объяснить самому себе Леонид Семенович. — Из каждого месяца я всего несколько дней дома... А у нее на руках два сына, двойняшки... Никому это не нужно. И я рванул так далеко, так далеко, что дальше, наверно, и не бывает, — в Северную Якутию. Золото добывать. Есть там такой рудник с красивым названием — Омолой. Взяли начальником производственного управления, то есть фактически заместителем главного инженера. Работы хватало — больше десятка шахт в управлении. Позвал жену с детьми... Поначалу вроде согласилась, но не приехала. Детей отправила самолетом, а от себя письмо прислала. Очень обиженное письмо. И несправедливое. И тогда оно мне несправедливым показалось, и сейчас я его таким считаю. Ну да бог с ней... Дети и тогда со мной работали, и сейчас, в 1990 году, они со мной. И слава Богу. К приезду в Якутию они уже армию отслужили, им надо было на свою дорогу выходить, да и подзаработать нужно...

Все бы хорошо, но чехарда продолжалась. Опять сорвался Леонид Семенович. И зарплата высокая, и квартиру дали со всеми удобствами, и уважение тебе... Но не выдержал. «Много дурной работы» — так он объяснил. Отчетность, ожидаемая добыча золота к концу месяца, ожидаемая добыча золота к концу квартала, к концу года... Все управление лихорадит — кто среднее по отчетам выводит, кто по шахтам шастает, кто просто на кофейной гуще гадают. Работа с семи до семи, а потом приходилось нырять в шахту и там до двух ночи. Сорокалетие уже за плечами, а на тебе добыча, техника безопасности, аварийность, производительность, запчасти, запой бригады, запой специалиста...

И — неожиданная встреча с Юрием Михайловичем Тхориком. Когда-то работали вместе, а теперь, как оказалось, тот руководит золотодобывающим управлением в Забайкалье. В коридоре столкнулись лицом к лицу.

— Юрий Михайлович! Дорогой! Забери меня отсюда ради бога! Нет больше сил! С ног валюсь! — взмолился Леонид Семенович. А в скобках, кстати, замечу — Юрий Михайлович Тхорик тоже в тюрьме оказался, там и погиб. Уголовники вбили ему в ухо остро отточенный карандаш, есть

такой невинный способ расправы. Легкий удар ладони — и ни человека, ни следов убийства.

— Да ты что?! — изумился Тхорик. — С такой высоты! Ты же здесь заместитель главного, вот-вот главным станешь, десяток предприятий в подчинении...

— Забери!

— Кем?!

— Не важно! Обрыдло! Не могу. Участок дашь?

— Начальником участка в артели? Леонид Семенович! Опомнись!

— Берешь?

— Ну... Раз так... Если отпустят. Тебя ведь просто так не отпустят, я знаю.

— Пусть попробуют.

И ведь попробовали.

Рвали заявления, теряли их, предлагали все, что могут предложить нужному человеку на севере Якутии. И долго не могли поверить, что заявление Кучеренко об уходе — это не лукавый ход, что не вымаливает человек таким вот образом благ и льгот, нет, действительно рвется уехать. Около месяца шла отчаянная борьба, но в конце концов Леонид Семенович настоял на своем. Уехал.

И — как из огня да в полымя.

Золотодобывающий участок оказался в районе Таратушихи, чуть ли не в тысяче километров от Читы. Места глухие, можно сказать, дикие. Приехал, а на участке бунт. Прежний начальник, отсидевший незадолго перед тем в заключении, довел людей, что называется, до ручки — голодные, холодные, есть нечего, работать нечем. А артельщики все бросили и сбежали. Застал Кучеренко только повара, шофера да самого начальника.

И начинай как знаешь.

И снова зона риска, снова все на грани возможного, на предельном напряжении сил.

Тринадцать человек удалось найти, уговорить, вернуть. Представьте: июнь, на Шилке разлив, несколько месяцев упущено, скоро осень, а она здесь наступает рано, развернуть работы в полной мере уже не удастся, а тут еще надо строить общежитие, доставать питание, инструмент, организовать хоть какую-то добычу...

План — тридцать килограммов золота на участке, который никогда не давал больше трех килограммов. Почему тридцать? А потому. И весь ответ.

Увеличить добычу золота за один сезон в десять раз? Упустив несколько месяцев и не имея достаточно рабочих? Возможно такое? Без базы, техники, без запчастей и горючего, без питания и жилья...

Результат... В него попросту не хотели верить. План был выполнен. Государство получило более тридцати килограммов золота самой высокой пробы. А кроме того, были сданы общежитие, мастерские, завезено оборудование. В это действительно не хотели верить.

— Когда убедились, объяснили просто: хохлу повезло! — смеется Кучеренко. — Дескать, жилу золотую нашел! А участок-то уже выработанный, брошенный за негодностью, признанный бесперспективным. Только потому мне его и дали!

— Что же произошло? — спрашиваю.

— А то произошло, что мы перемыли песка в десять раз больше, чем обычно перемывали. И естественно, получили золота тоже в десять раз больше. Вот и весь секрет. Ответ один — кровь и пот. Скажу больше: на следующий год мы утроили добычу: получили центнер золота. Повторяю — на участке, где ежегодная добыча составляла три килограмма. А через год дали уже более двухсот килограммов... Но это была работа, — он покачал головой.

Небольшое сравнение. Рядом, на свежем участке, работал государственный рудник, шестьсот человек. Они были обеспечены всем необходимым — жилье, питание, одежда, фонды, техника. И этот рудник давал в год сто двадцать килограммов золота. При том что здесь был шагающий экскаватор, мощные американские бульдозеры, две драги, каждую из которых можно сравнить с целым кораблем, да еще около тридцати малых бульдозеров. На участке у Кучеренко, на отработанном, снова повторяю, участке трудилось пятьдесят пять человек, никаких фондов, а из техники — лишь полтора десятка малых бульдозеров. А добыча в полтора раза выше. Производительность выше в семь раз. Зарплата — в четыре раза. Три зарплаты — экономия государства. Та самая экономия, которая сегодня оборачивается полным разорением.

Еще одна маленькая подробность о нашем перевернутом мире. По установленному положению артельщики обязаны были сдавать добытое ими золото соседнему карьере по шесть рублей за грамм. Сам же карьер сдавал это самое золото государству уже по пятнадцать рублей за грамм. Где тут здравый смысл, где коммерческий расчет — неизвестно. Но налицо расчет другой — экономически задушить тех самых артельщиков, которые давали больше всего золота, причем самое дешевое золото.

2. КАМЕРА СМЕРТНИКОВ

И вот только тут, несмотря на все обилие приключений, в жизни Кучеренко наступает настоящий перелом. Это с ним происходит постоянно — после успехов и побед обязательно подстерегает срыв. На каком-то своем витке забывает, кто он есть, забывает об осторожности, о смещенных ценностях и перевернутом мире, в котором живет.

Чуть крылышки расправит — и на тебе!

Ну в самом деле — на брошенном, списанном участке поднять добычу золота с трех килограммов в год до двух центнеров... Это ли не успех! Благодаря его участку карьер, к которому он был приписан, стал выполнять план, на него посыпались премии, награды, ордена! И в ликовании, в радостном угаре все как-то и забыли о том, что половину плана дали артельщики, хотя и было их в десять раз меньше, не говоря уже о нищенской технике, которую они использовали...

Когда через год Кучеренко решил удвоить добычу золота на своем участке, понадобилась землеройная техника. Сообразили — достать списанные, брошенные бульдозеры, отремонтировать и пустить в дело. Руководство управления командировало его в Кривой Рог, на Северный горно-обогатительный комбинат, где он когда-то работал, преуспевал и откуда его, как непокорного, выгнали. Однако друзья остались, и с их помощью

удалось найти два устаревших, списанных бульдозера Т-180. Договорились, купили, оплатили, доставили. С их-то помощью он и удвоил добычу золота. Но когда на участке затеяли новый рывок, этой техники оказалось недостаточно.

И Кучеренко снова едет через всю страну в свой Кривой Рог, как он говорит иногда. И на каких-то складах Севгока находят шесть списанных бульдозеров ТД-25С. Это была польская техника, изготовленная по лицензии какой-то западной фирмы. Наши закупщики, соблазнившись звонкими титулами фирмы и названием бульдозера — «Сталева воля», сотню закупили их для карьеров. И через два-три года все списали за негодностью — бульдозеры оказались совершенно непригодными для скальных пород. Но на сыпучих грунтах Забайкалья могли еще поработать.

Так вот, из этой сотни Севгоку досталось шесть штук. Когда Кучеренко нашел их на свалке комбината, первые из бульдозеров уже начали резать на металлолом.

— Я взвыл! — рассказывает Леонид Семенович. — Как дикий зверь! Что вы делаете?! Остановитесь!

Остановились.

Высокие договаривающиеся стороны оформили покупку, обменялись необходимыми бухгалтерскими формальностями, и два бульдозера отправились в далекое Забайкалье. Остальные четыре спасти не удалось. Благодаря им комбинат поправил свои показатели по сдаче металлолома.

— С этими двумя мощными бульдозерами мы в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году дали государству более семи миллионов рублей в твердой валюте, — говорит Кучеренко, но тут же спохватывается: — Прощу прощения — участок дал. Уже без меня. Сам я к тому времени сидел. Шло следствие.

Первое, что пришло в голову, когда я узнал об этом, — может быть, личные доходы Кучеренко превысили разумные пределы? Нет, он, как и прежде, получал плановую свою зарплату, и многомиллионные валютные поступления, которые дал участок государству, никак не отразились на его благосостоянии.

Дело было в другом — донос.

Поступило в УБХСС Кривого Рога лукавое письмишко — так, дескать, и так, мотается тут один, технику скупает, тыщами ворочает, надо бы присмотреться.

Это у нас просто — только намекни.

Присмотрелись к Леониду Семеновичу.

Вам никогда не приходило в голову, какой необузданной гипнотической силой обладают доносы для некоторых наших должностных лиц? Что-то такое произошло в их душах, какие-то зловещие смещения, вызывающие в них прямо-таки сладострастный трепет при виде бумажки, подписанной очередным благожелателем. В доносах чувствуют они необъяснимую привлекательность, и, естественно, доверия к доносам больше, и чувство признательности к доносчику неизменно ощущается в том усердии, которое проявляется в поисках доказательств, в поисках крамолы, криминала и компромата. И в голову усердным сыщикам не приходит, что за доносом чаще всего стоит обыкновенная зависть, ненависть, злопыхательство, нежелание мириться с тем, что сосед получает на десятку больше...

Откуда это идет, с каких таких двадцатых, тридцатых, сороковых, пятидесятих годов, мы знаем. Но возникает прямо ошарашенность, когда время от времени убеждаешься в том, что ничегошеньки с тех пор не изменилось.

Что произошло...

Собирается в отпуск кладовщик артели. И на его беду, а скорее на беду начальника участка, Леонид Семенович, проходя мимо, обратил внимание: что за мешки грузит кладовщик в машину?

Подошел. Спросил. Поинтересовался, так сказать.

— Да, знаете, Леонид Семенович, то-се... За год набралось...

А сам юлит, торопится, чтоб скорее отъехать и от неприятных объяснений уйти. И Кучеренко в очередной раз подводит плохое воспитание. Вместо того чтобы деликатно поверить и пойти своей дорогой, он берет один из мешков и вытряхивает содержимое на землю. Глазам изумленных артельщиков предстают связки их постельного белья. Новенькие простыни, пододеяльники, наволочки. Со штампиками, бирочками и прочими опознавательными знаками.

Ну что, дальше все ясно. Составили акт, вскрыли остальные мешки — а там крупа, продукты и прочее артельное имущество. И выгнали бедолагу. А был тот кладовщик родом из Кривого Рога, половина артели была криво-рожской.

Дальше рассказывать?

Дальше все ясно.

Вернувшись и осмотревшись, бывший кладовщик садится и пишет письмо: «Считаю своим долгом сообщить...»

Нет, он не просто подличает, он выполняет гражданский долг. Куда деваться, несколько поколений выросли, ежедневно слушая заверения в том, что доносить — священный долг каждого советского человека. На соседа, на папу и маму, на сынишку и доченьку... И естественно, все службы государства горячо и охотно откликаются на проявления патриотических чувств своих граждан.

И как откликаются!

Начальник ОБХСС Терновского района Кривого Рога майор Л. И. Здор, тогда он еще был майором, сейчас звезд у него заметно прибавилось, и следователь по особо важным делам Г. И. Пистрюга развернули дело с невиданным размахом. «Золотаря прихватили», — прошел шепоток по правовым коридорам. Среди подозреваемых, а потом и обвиняемых оказались высокие должностные лица Северного горно-обогатительного комбината, замелькали цифры хищений со многими нулями, замелькали взятки, подкуп и вредительство. Речь пошла о сотнях тысяч рублей ущерба, а потом уже и о миллионах. «Расстрельное дело!» — прошел очередной шепоток по правовым коридорам Кривого Рога и Днепропетровска. Да, Кучеренко по первоначальным обвинениям действительно тянул на расстрел.

И ведь до чего талантливыми следователями оказались Здор со своим Пистрюгой — психологии не чурались, смело вводили ее в практику допросов. Приглашают, к примеру, в кабинет жену Леонида Семеновича, вводят его самого, отощавшего и издерганного, и зачитывают вслух выстраданное свое заключение. Так, дескать, и так, расстрел положен за содеянное вашему супругу, да еще сорок два года заключения, если суд отнесется к нему по справедливости. С выражением зачитали, сурово, с непреклонностью во

взгляде и даже с некоторым сочувствием. Ожидали бабьего визга, ведь знали, что у Ларисы на руках двое детей чуть ли не младенческого возраста. И от самого Кучеренко ожидали хорошей такой, убойной и полезной для дела реакции. Мол, подпишет все, что ни подсунем. А требовалось от него действительно немного — подмахнуть кое-какие бумажки, впрямую его даже не касающиеся, кое в чем признаться, кое-кого оговорить слегка, лет этак на семь-восемь, вот и все. Да, опять потребовался оговор. Похоже, у нас не много в стране дел, где можно без этого обойтись.

— Вопрос можно? — спросила Лариса.

— Конечно! Пожалуйста! — зачастили Здор с Пистрюгой. Они прямо вытянулись на изготовку, чтоб успеть записать нечто важное.

— Скажите, а как у вас принято... Сначала вы его расстреляете, а потом посадите на сорок два года, или же вначале он эти годы отсидит, а уж потом будет расстрел?

— Вон! — заорали Здор и Пистрюга в один голос.

С психологией накладка вышла.

Но давили не только на психику. Целая бригада следователей, бухгалтеров, финансистов, мастеров поиска и сыска выезжали в далекое Забайкалье ревизовать деятельность Кучеренко. Их похождения там достойны отдельного романа, но надо признать — ничего не нашли. Кроме самого Кучеренко. Его-то с собой и привезли. Обманом и посулами заманили. Мол, надо поговорить, надо кое-что выяснить, кое в чем разобраться. И тот по простоте душевной согласился с ними ехать, хотя мог, имел право и не делать этого. Не было оснований, предписаний и постановлений. Но подумал: решу все сразу, одним махом — и опять за работу.

А в аэропорту Кривого Рога отряд встречает. Машины, охрана, конвой, начальство в «Волгах». «Золотаря привезли», — прошел очередной восторженно-опасливый шепоток. И тут же Кучеренко под стражу и на девять месяцев. Причем последние три месяца он отсидел без всяких санкций. Просто так. На усмотрение следователя Здора и следователя Пистрюги. Заметьте, посадили человека, вина которого ни в чем не доказана, когда даже обвинения предъявлено не было.

Девять месяцев.

Но мне известны случаи, когда вот так же, в предварительном заключении, люди сидели годами, три, четыре года. А потом их просто выпускали. За отсутствием состава преступления. За отсутствием самого факта преступления. То есть люди не просто невиновны, но и винить-то их, оказывается, не в чем.

А девять месяцев... Везунчиком оказался Леонид Семенович.

Но может быть, Здор и Пистрюга впали в искреннее заблуждение? Ничуть.

— В первый же день, как только из аэропорта меня доставили в ОБХСС, Здор велел всем из кабинета выйти и сказал мне таковы слова: «Двадцать тысяч на стол — и отправляйся в свою артель». Дурак я был, глупый дурак! Мне бы по ребятам пойти, собрать эти деньги и отдать! Гори они синим пламенем! А я начал спрашивать за что да почему... Вот они мне и ответили.

Началось следствие. По всем фронтам, как говорится. Так можно работать, когда убежден — виноват каждый, ворует и расхищает каждый и

дело лишь в том, чтобы доказать. Похоже, наши мастера сыска, Здор с Пистрюгой, действительно уверовали, что посадить они могут каждого, было бы желание и этот, как его... донос. А желание у них было, донос тоже в папочке.

Узнав, что в адрес Забайкальской артели ушел вагон с запчастями для бульдозеров, следователи тут же дают предписание вернуть вагон, хотя он к тому времени уже прибыл на станцию назначения. А казалось бы, зачем возвращать? Сделайте опись содержимого — этого вполне достаточно для доказательства. Нет, через всю страну, через семь часовых поясов, через треть земного шара погнали Здор с Пистрюгой вагон обратно в Кривой Рог.

Пригнали.

Вскрыли.

Действительно, запчасти. Бывшие в употреблении. Что с ними делать? Ссыпали в откос, где они и поныне валяются, заросшие бурьяном. Фотографии в деле есть — очень красивые снимки получились. Украинская степь, высокие травы, цветы, чертополох... и запчасти.

Задумаемся: неужели следственные органы не обязаны думать об экономической стороне своей деятельности? Или же Здор с Пистрюгой полагали, что сама сумма потраченных ими средств говорит о значительности дела? Вот, дескать, какие мы усердные да старательные — сотни тысяч израсходовали, уличая преступников. Протянись следствие еще год, глядишь, они запросто потратили бы те миллионы в твердой валюте, которыми так гордится Кучеренко.

В заключении, не имея возможности никак себя защитить, Леонид Семенович прибегает к единственному доступному в его положении средству — дает отвод Пистрюге, как «вымогателю и садисту». Были у него основания так назвать следователя, но это отдельная тема. Прокурор, естественно, отклоняет отвод, поскольку доволен Пистрюгой, а Пистрюга доволен прокурором.

Есть еще один очень хороший, действенный способ получения важных показаний — отправить человека в психиатрическую больницу, якобы на обследование. Здоров ли, разумен ли, вменяем ли, может ли отвечать за содеянное.

И этот способ применили. Месяц был Кучеренко в психушке. Незабываемый месяц.

— Привезли меня на Игрень под Днепропетровском. Врач встречает. Ласковый, заботливый, в белом халате, улыбается сочувственно. Что беспокоит, спрашивает, на что жалуетесь, нет ли видений, сновидений... Да нет, говорю, все слава Богу. Ну что ж, ответствует, разберемся... Голос негромкий, взгляд почти отеческий... И прописывает — серный укол в задницу. Как же меня ломало, как крутило! Выл! — Кучеренко смотрит на меня в упор не видя. — Как я выл! Я не знал, что вообще возможна такая боль, такие мучения человеческие... А врач, ну этот, который в белом халате и с заботливым взглядом, уже бумажку подсовывает. Знает, сволочь поганая, когда наступает момент, что человек уже не владеет собой. Подпиши, дескать, тут вот вышла срочная надобность подписать, именно в этот момент. А я только глянул на бумажку — Здор с Пистрюгой изготовили и сюда прислали.

— Подписали?

— Не подписал. Послал я этого... в белом. Часов через шесть меня отпустило. Только в себя пришел, только испарину со лба вытер, а меня снова на укол. И опять серу в ягодицу... Месяц я там у них был, все они никак убедиться не могли в моей вменяемости. Но в конце концов здоровеньким признали и в Кривой Рог вернули. А там уж меня Пистрюга ждет не дождется.

От полной безнадежности Леонид Семенович идет на крайнее средство — в кабинете следователя в присутствии адвоката глотает металлическую ложку, унесенную из камеры. Думал, операция будет, перемена обстановки, передышка... Ничего подобного. Просветили его в тюремном лазарете, убедились, что ложка на месте, не вся правда, только остро обломанная ручка, и повезли в днепропетровскую тюрьму на операцию.

— Если бы операция состоялась, я бы не встал со стола. И начал дурака валять. Мол, какая ложка, о чем речь, я здоров как бык! Это меня в камере с кем-то перепутали, и вообще я есть придурок, недавно с Игрени выпустили... Санитары посомневались, опять засунули меня в машину и покатали снова в Кривой Рог. До сих пор с ложкой живу. Иногда болит, после нервного трепки. Напоминает мне, чтоб не забывался, чтоб помнил, где живу...

— А еще была камера смертников в днепропетровской тюрьме. Ниже всех этажей, глубже всех подвалов и казематов есть небольшой коридорчик с камерами для этих самых смертников.

— Утром слышу вопль... «Братишки... Прощевайте...» Повели, значит, одного...

— На расстрел?

— А черт его знает, может, и на расстрел. Сидишь в подвале неделю, вторую, третью... Никаких сведений, никто тебя никуда не вызывает, никаких тебе вопросов не задают... А Пистрюга свое заключение о расстреле уже зачитал... Что мне думать? И не мне ли на следующее утро придется орать дурным голосом «Прощевайте!»?

— Но ведь суда еще не было?

— А какая у меня уверенность, что он будет? После всего... Какой суд, на суд я уже и не надеялся.

— И сколько вы были в этой камере смертников?

— Около месяца. Больше б продержали — умом бы тронулся. А когда, натешившись, привели в общую камеру... Ну вроде как в Большой театр на премьеру попал... Люди, голоса, движение какое-то... Свет в окошке... Поначалу уголовники попытались меня приструнить, но когда выяснилось, откуда я, из какой такой камеры... О! Почет и уважение. Первый человек в камере. А нас там было около шестидесяти. По их правилам, любой каприз бывшего смертника положено исполнять... Кстати, Здор с Пистрюгой не имели права меня в этой камере держать, они вообще обязаны были меня отпустить, поскольку все санкции прокурора кончились несколько месяцев назад. И эти месяцы они просто куражились, показывали мне настоящую цену нашего закона. А сейчас большие люди, оценили их мастерство и усердие... Уже на перестройку работают.

Трижды откладывался суд — все не находилось у следствия доказательств. Но оправдательный приговор и не обсуждался. Не принято у нас выносить оправдательные приговоры, даже если следствие после годичных отчаянных усилий не может найти вины подсудимого. В таких случаях суд

возвращает дело на доследование и требует: «Ищите!» И те снова ищут. А поскольку все, что можно было найти, уже давно найдено, начинают попросту создавать доказательства, фабриковать их...

Вот еще один из примеров того, как усердие превозмогает разум. Убедившись в полном отсутствии доказательств вины Кучеренко, наши мастера поиска и сыска решают снова отправиться в Забайкалье. И снова летит туда неутомимый Пистрюга. И что делает...

Была в артели такая затея, она у нас в стране по бедности довольно распространена, — с каждой зарплаты люди скидываются по десятке, к примеру, а когда у кого день рождения или еще какая надобность в деньгах, из общей суммы ему выделяют сколько-то там рублей. Черная касса, так это называется. В артели деньги для этой самой кассы собирал механик, Кучеренко вроде бы к этим деньгам не имел никакого отношения. Но Пистрюгу это не смутило. За дело он взялся круто и, как говорят, засучив рукава. Вызывает человека в отдельный кабинет и говорит суровым голосом: «Или ты сейчас подпишешь показания о том, что Кучеренко обирал вас на сколько-то рублей ежемесячно, или же ты летишь со мной в Кривой Рог и там уже с тобой начнут работать наши ребята».

И что вы думаете? Дрогнули рабочие. Дрогнули, как это ни прискорбно. А когда бумажку подпишет один, второй, третий... Дальше легче.

Торжествующий Пистрюга летит в Кривой Рог, на Украину, и лежат в его портфеле несколько десятков показаний, уличающих Кучеренко в поборах.

— Ущучил золотаря! — хвалился он начальству, и начальство смотрело на него благосклонно и поощрительно, прикидывая — не пора ли ему звезду новую на погоны, не пора ли кабинет попросторнее?

Но надо отдать должное рабочим участка — приехав в отпуск, они плотной толпой в несколько десятков человек отправляются в ОБХСС, и устраивают самый настоящий скандал, и отрекаются от всех своих показаний, добытых, как они выразились в своем заявлении, «методом угроз и насилия».

А с Пистрюги как с гуся вода. Оказывается, такой способ добывания доказательств — норма, дело привычное. Не получилось — и ладно. Следующий раз получится. И получается.

Но был один факт в многотомном деле, который в конце концов и сыграл свою роковую роль. Речь о тех самых польских бульдозерах «Сталева воля». Два бульдозера отправили в Таратушиху, а четыре на переплавку, как вы помните. Так вот, приобретенные они были без должной технической документации, необходимой для грамотного их использования, ремонта, замены отдельных узлов отечественными. И Кучеренко договаривается с тремя сотрудниками Севгока о том, что в нерабочее время они все необходимые документы и рекомендации подготовят, помогут с восстановлением бульдозеров и укомплектацией. Чтобы оплатить эту работу, Кучеренко ведет ежедневные ведомости. В общей сложности на троих было выписано 7700 рублей. Эту ведомость Кучеренко отправляет в управление. Но там выдать деньги отказались на том основании, что работники Севгока не представили справки о том, что им разрешено работать по совместительству. Сейчас вроде такие справки уже не очень нужны, а тогда отсутствие их

произошло многими бедами. И ребятам сказали: присылайте справки — вы тут же получите деньги.

Вот и все.

И — суд.

Не буду описывать во всех подробностях, хотя их было немало, и довольно забавных, опустим их. Приведу лишь несколько выдержек из приговора — они позволяют в полной мере насладиться мастерством Здора и Пистрюги.

«Обвинение в разукomплектовании бульдозеров подлежит исключению из общего обвинения... И этот эпизод подлежит исключению из обвинения... Переданные по расходному ордеру деньги нельзя расценивать как взятку... Судебная коллегия не усматривает хищения и дачи взяток... Нельзя согласиться с квалификацией, предложенной следственными органами... Обвинение подсудимых в части злоупотреблений по службе при ремонте и отгрузке бульдозеров подлежит исключению... Обвинение в получении взяток является несостоятельным... Доказательство своих выводов следственные органы не привели... В результате проведенной инвентаризации недостачи не установлено. Трубы, задвижки, втулки были найдены на свалке, и поэтому хищение указанных ценностей подлежит исключению из обвинений... Потерпевший в судебном заседании заявил, что свои показания он писал под диктовку работников ОБХСС... Какие-либо доказательства виновности Кучеренко... следственные органы не добыли...»

Подобные выдержки можно приводить страницами.

Хороши работнички, а! Лишили государство многих миллионов рублей в твердой валюте, сломали судьбы десяткам людей, получив за это новые звезды на погоны; пересев в новые кабинеты, они продолжают свои усилия с новой силой. На кого же работают эти талантливые мастера поиска и сыска?

И что же это за система такая, при которой один служака с усердием не по разуму может вот так запросто лишить государство миллионов, а его честных граждан — свободы?

Среди обвиняемых был начальник горнотранспортного цеха Севгока Давид Данилович Попиашвили. После третьего инфаркта он лежал в больнице, но обманом его выманили в зал суда. Заверили, что заслушают как свидетеля, а когда привезли, посадили на скамью подсудимых. Его оправдали. Но лучше бы ему получить срок. Когда огласили приговор и суд закончился, к нему подбежала прокурорша Силенина.

— Ах, Давид Данилович, Давид Данилович! Я вас поздравляю! Но как же мне домой добраться? Может быть, подбросите, а? Не в троллейбусе же мне сорок километров трястись!

— Как подбросите?! — взревел Кучеренко. — Он после третьего инфаркта! Вы же сами дали команду из больницы его привезти! Он умрет по дороге!

— Нэ надо, Леонид, — Попиашвили отвел рукой Кучеренко в сторону. — Поехали, — великодушно сказал он Силениной.

И он отвез прокуроршу домой.

Сорок километров туда и сорок километров обратно.

И вернулся.

Переступил свой порог... И умер. На пороге упал и умер.

Во время похорон шел дождь, но собралось более пяти тысяч человек. Попиашвили любили на комбинате. Это был красивый и благородный человек.

Подумали ли хоть тогда охваченные охотничьим азартом Здор с Пистрюгой о социальной, нравственной стороне своего безумного усердия?

Вряд ли.

Они до сих пор уверены, что исполняли свой священный долг. Как и прокурорша Е. Г. Силенина. Бабья капризность и недалекое бабье тщеславие оказались в ней куда выше милосердия, сочувствия. Господи, да откуда им взяться в душе мелкой и недоброжелательной!

А Кучеренко осудили.

Вот как это звучало: «Подсудимый путем учинения служебного подлога из корыстных побуждений совершил хищение 7700 рублей общественных средств артели «Южная».

Хочется высказать догадку: не потому ли осталось это дурацкое обвинение, что требовалось хоть как-то оправдать многомесячные усилия следствия, невероятную его стоимость, многочисленные правовые нарушения... Оправдать после всего этого... Неловко.

И потому — шесть лет строгого режима.

Все-таки не расстрел.

Но что происходит дальше!

Получив свои шесть лет... Кучеренко отправляется домой. Его не взяли под стражу в зале суда. Ограничились подпиской о невыезде. Как это понимать — никто толком объяснить не мог. И он, поразмыслив, нарушает подписку, отправляется в Киев, в республиканскую прокуратуру.

И опять начинается нечто странное.

Ходит человек по высоким правовым коридорам, заглядывает в кабинеты, извиняется и говорит, что, мол, так и так, он есть осужденный к строгому режиму Кучеренко, и надо бы с кем поговорить на предмет отмены этого самого режима. А ему отвечают, что он ошибся кабинетом, что надо подняться на следующий этаж, прийти на следующий день, а он опять за свое...

Но добился — Верховный суд Украинской республики снизил ему наказание до трех лет.

Уже легче, но за что?

Возвращается Кучеренко домой, в свой Кривой Рог, прописывается, как положено, и продолжает недоумевать. Больше всего хотелось сломать затянувшееся недоразумение, включиться в работу. Опять же ждали его в Таратушихе, слали телеграммы, звонили, ходоков присылали — хватит тебе, мол, дурака валять, у нас работать некому, добыча упала, а ты там со своим правосудием никак не разберешься...

Да, совершенно верно. Звали его в ту самую артель, которую он, по мысли суда, наказал на семь с лишним тысяч рублей. В чем же дело? А дело в том, что Леонид Семенович родную артель не наказывал и даже не собирався этого делать. Никак не мог он похитить общественные деньги по той простой причине, что они остались в кассе, он их не получал. И никто их не получал. А люди, заработавшие эти деньги, сказали в конце концов: «Катитесь вы со своими деньгами, уж коли столько с ними хлопот, столько допросов, арестов! Уж коли хороший человек Попиашвили в могилу раньше

времени сошел, а Кучеренко после бесед с Пистрюгой чуть было умом не тронулся, если угрозами шестьдесят человек к оговору склонили... Катитесь!»

И отказались.

Что же получается?

Суд знал, что деньги на месте? Знал. Председатель суда Липинский Виктор Иосифович лично получил из артели «Южная» заверенные всеми возможными подписями и печатями документы, подтверждающие этот факт. Знали это и Здор со своим Пистрюгой — такие же документы сами подшили в дело. И прокурорша Е. Г. Силенина знала — утром, перед самым судом, на ее стол легли документы из артели. Кроме того, целая бригада криворожских экспертов за полчаса до суда заверила прокуроршу, что хищения нет, деньги на месте. И несмотря на все это, в приговоре было записано: «Взыскать в пользу артели «Южная» 7700 рублей, похищенных Кучеренко».

На этот раз в недоумение впадает руководство артели — им предписано взыскать с Кучеренко деньги, а деньги вот они. Как быть? Не выполнить требование столь строгого суда опасно. Выполнить? Но как? И принимается отчаянное решение — перевести деньги с одной статьи на другую, а в суд сообщить, что указание выполнено, не извольте беспокоиться.

Чем больше знакомишься с этой историей, тем больше охватывает ощущение, что многие действующие лица откровенно валяли дурака, уверенные в полнейшей своей безнаказанности. Ведь все знали, что деньги на месте, в кассе, никем не получены и потому не могут быть похищены. Но признать — это значит признать преступность многомесячного следствия. И потому — взыскать. А подвернувшемуся по неосторожности Кучеренко — шесть лет.

Вчитайтесь в этот документ и задумайтесь, кем надо быть, чтобы не понять его сути...

«Согласно акту встречной проверки, составленному главным контролером-ревизором Министерства финансов УССР по Кривому Рогу т. Вишней А. П., на момент проверки у Кучеренко Л. С. имелся перерасход по авансовым отчетам на сумму 7761 рубль, и эта сумма числится в бухгалтерии артели как невыплаченная и Кучеренко Л. С. не получена. Из пояснения к акту усматривается, что выплата зарплаты задержана по указанию руководства артели, хотя авансовый отчет у Кучеренко Л. С. был принят в полном объеме, включая ведомости на выплату заработной платы с росписями в получении этой заработной платы. Выплата же была задержана в связи с тем, что работниками Севгока не представлены правлению артели надлежаще оформленные разрешения на работу по совместительству с основного места работы. В старательской артели не числится никакой другой суммы, кроме 7761 рубля, являющейся кредиторской задолженностью по подотчету Кучеренко Л. С. Им правильно составлены ведомости на получение зарплаты. Именно по этим ведомостям Кучеренко Л. С. должен был получить деньги в сумме 7761 рубль для выплаты указанным работникам, но не получил их по указанной выше причине — отсутствие справок-разрешений дирекции Северного горно-обогатительного комбината на работу по совместительству».

В этом тексте немало явных повторов, но они вызваны тем, что руководители артели пытались втолковать криворожским юристам очевидное. Не удалось, не втолковали. Кстати, далее за этим письмом следуют подписи руководства артели — председателя и главного бухгалтера, даты, гербовые печати.

Можно было бы допустить, что друзья-приятели пытаются выручить своего товарища... Но письма-то писались в суд, в прокуратуру — тут уж не до шуток, тут десять раз проверишь каждое слово, прежде чем подпись поставить.

А Леонид Семенович Кучеренко все еще на свободе. Как человек деятельный, наступательного склада, он, не теряя времени, рванул по высшим инстанциям, пытаясь доказать очевидное — деньги в кассе. Но его быстро охладили. Причем обратите внимание, как спесиво и самоуверенно отвечают юридические чины...

Прокурор управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры УССР М. А. Тулин: «Вина ваша в совершенных преступлениях подтверждается. Ссылка на то, что денег в сумме 7700 рублей вами не похищалась, не соответствует материалам дела».

Первый заместитель председателя Верховного суда УССР П. Г. Цупренко: «Преступные действия Кучеренко квалифицированы правильно, а мера наказания соразмерна содеянному и личности виновного».

Прокурор по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры УССР В. И. Жуков: «За хищение, служебный подлог и соучастие в злоупотреблении служебным положением Кучеренко Л. С. осужден обоснованно».

Замечаете, как с каждым ответом его вина вроде как увеличивается и уже возникает ощущение, что шести лет ему явно маловато для полного исправления и перевоспитания.

Но продолжим...

Начальник управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры УССР А. А. Болабольченко: «Кучеренко составил фиктивные ведомости... но денег не выплачивал, присвоил».

Заместитель начальника управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры УССР В. Л. Кулеба: «Жалоба рассмотрена и заместителем прокурора УССР оставлена без удовлетворения по основаниям, которые сообщались ранее».

Какое единодушие! Ни у кого ни единого сомнения! И что самое интересное — все эти люди читали те самые документы, которые приведены здесь же...

Если, конечно, читали.

И вот мы с Леонидом Семеновичем Кучеренко идем к прокурору Днепропетровской области Анатолию Леонидовичу Андриевскому. Солидное, добротное здание прошлого века, голубые ели у входа, залитый солнцем зеленый проспект имени Карла Маркса — бывший Екатерининский, и Леонид Семенович с толстой папкой ответов, полученных им из самых различных правовых инстанций. То, что приведено здесь, — сотая часть. А сколько надежд и упований таила в себе каждая из этих бумажек!.. Впрочем, надежды на избавление были в самом начале, а когда пошел уже второй десяток ответов, все стало ясно — ворон ворону глаз не выклюет.

И мы в кабинете Андриевского. Радущие, доброжелательность, широкий жест — прошу садиться. Садимся. Объясняем, показываем, подчеркиваем, обращаем внимание...

— Да,— сказал Анатолий Леонидович через час.— Действительно... Здесь что-то не то...

— Конечно, не то! — срывается Кучеренко и тут же смолкает, боясь испугнуть надежду.

— Что-то надо делать, Анатолий Леонидович,— осторожно нащупываю я безошибочную тональность.

— А что делать — буду писать представление в Прокуратуру республики.

— А суть представления?

— Снятие обвинительного приговора.

— Это было бы прекрасно,— говорю я.

— Разумеется,— кивает Андриевский,— но предупреждаю сразу: в Киеве на подобные представления идут неохотно. Очень неохотно. Зайдите к Липинскому, он сейчас на месте... Может быть, он что-то подскажет.

— Виктор Иосифович? — переспрашивает Кучеренко.— Так ведь он же и приговор выносил.

— Ну и что? — улыбается Андриевский.— Ну и что?

Идем к Липинскому. Действительно, Виктор Иосифович на месте. Кабинет его небольшой, залит солнцем, в распахнутое окно видны пирамидки цветущего каштана, легкая штора чуть колышется под весенним ветерком, и сам Липинский под стать кабинету — легкий, моложавый, улыбчивый. Руку жмет крепко, в глаза смотрит прямо, улыбается открыто и широко.

— Нехорошо получилось,— говорит, и легкая тень озабоченности пробегает по его лицу.— Нехорошо. Ведь нужное дело человек делал, а? Сколько же золота страна потеряла! Уму непостижимо. А знаете, ведь мы можем освободить вас по амнистии,— обращается он к Кучеренко.— Но тут сказано...— Он взял брошюрку, полистал, озадачился.— Но тут сказано: «Подлежит освобождению». А ведь вы на свободе... Значит, вы не подлежите освобождению... А если мы сделаем так... Вы сядете в тюрьму на недельку-другую, посидите, поскучаете... А мы, как находящегося в заключении, вас освобождаем, а?

— Простите,— говорю,— но речь идет не о прощении за совершенные преступления, речь идет о снятии обвинения вообще.

— Действительно,— сокрушается Липинский.— Как это я сразу не подумал?... Бывают издержки в любом деле, бывают... Знаете, мой вам совет — найдите хорошего, боевого адвоката. Должно получиться. А?

— А может, лучше все-таки сесть? — спрашивает Кучеренко, и дьявольские огоньки мелькнули в его глазах. Липинский в это время смотрел на свое отражение в оконном стекле и ничего подозрительного в вопросе не услышал.

— Сядьте! — подхватил он.— А что? Я могу помочь...

— Да нет, спасибо... Один раз уже помогли,— проворчал Кучеренко поднимаясь.

Оставался еще один кабинет, куда мы намеревались зайти,— кабинет председателя областного суда Надежды Гавриловны Меркуловой. Она могла многое прояснить, уточнить, расставить по местам. И, встретив сочувствен-

ное отношение у прокурора области, у заместителя председателя областного суда, я надеялся нечто похожее увидеть и здесь. Но ошибся.

Кучеренко остается в приемной, меня пропускают в кабинет. Сухонькая, решительная женщина с несколько мужской манерой поведения. Видно, хотелось ей выглядеть человеком, не знающим колебаний и сомнений в борьбе за справедливость и счастливое будущее для всех граждан Днепропетровской области.

— Кучеренко? — резковато переспрашивает Надежда Гавриловна. — Знаю. Это злостный нарушитель режима.

— Он не может быть нарушителем режима, поскольку оставлен на свободе, — успеваю вставить я.

— Он третий год скрывается от правосудия. Вот вы, вы можете сказать, где он сейчас?

— Могу. Он в приемной. Вот за этой дверью. Любезничает с вашей секретаршей. А перед этим провел около часа у Липинского. А до этого мы вместе с ним заглянули к прокурору области Андриевскому Анатолию Леонидовичу... Так что он не очень хорошо скрывается. Позвать его?

— Зачем? — поспешно спросила Надежда Гавриловна. — Совершенно незачем. Мне нечего ему сказать, а все, что скажет он, я хорошо знаю. Вовсе незачем его сюда звать... Еще чего не хватало... Злостный нарушитель в кабинете председателя областного суда... Даже странно как-то... Не хочу я его видеть. Нет-нет.

— Но вы говорите, что он скрывается... И поэтому я, чтобы снять подозрение...

— Объявлен розыск. Его ищут. И обязательно найдут, будьте уверены. Но я не хочу, чтобы его нашли в моем кабинете. Вы меня понимаете?

— Но я не понимаю, зачем его вообще искать? Живет в Кривом Роге, по месту прописки, там, где он и давал подписку о невыезде, где прожил почти всю свою жизнь...

— Я не хочу знать, где он живет. Пусть этим занимаются службы, которым положено заниматься подобными вещами.

— Значит, вы считаете, что он осужден правильно?

— Конечно! Ведь не думаете же вы, что в нашей стране может быть вынесен несправедливый приговор?

— А разве это такая уж редкость?

— Ну знаете, ну знаете, — по ее худеньким щечкам заходили маленькие, остренькие желвачки. — Говорить такое в кабинете председателя областного суда...

Похоже, она никогда не забывала, в каком кабинете находится и кто она такая есть. Согласитесь, нелегкая участь.

На том мы и расстались.

Анатолий Леонидович Андриевский выполнил свое обещание и отправил в украинскую прокуратуру представление об отмене приговора Кучеренко. Ответ пришел довольно быстро — где-то на втором или третьем месяце. Подписал его все тот же Болабольченко. «Представление по делу осужденного Кучеренко Л. С. заместитель прокурора УССР тов. Прик В. Н. не поддержал. Суд правильно признал хищение государственных средств в крупных размерах оконченным преступлением».

Маленькая подробность: если суд назвал «похищенные» деньги общественными, то Болабольченко уже именует их государственными и потому вина Леонида Семеновича уже вроде бы во сто крат тяжче.

Поистине — хоть волком вой, хоть на стенку лезь! Смотрят на белое и говорят, что черное! Что же произошло в мозгах, в душах, в совести этих людей? На кого они работают? Какому бесу служат? Неужели не понимают, что один несправедливый приговор — это тысячи отшатнувшихся и проклявших все коммунистические идеалы и светлое будущее, к которому не устают призывать большевики! Это все то, что мы пожинаем сегодня, в 1991 году...

Разговариваю с милым моему сердцу Болабольченко. Объясняю, что так, мол, и так, показываю акты ревизии, письма из артели, представление Андриевского тут же на столе лежит...

— Чует мое сердце, — отвечает Болабольченко, — здесь что-то неладно.

— Конечно! — подхватываю я.

— Давайте сделаем так, — Болабольченко внушительно задумывается, и я, кажется, чувствую, как в эти секунды напрягается в мыслительной работе все здание украинской прокуратуры. — Давайте сделаем так... Мы запросим дело, внимательно его изучим от корки и до корки и... Я уверен, что-то обнаружится. Можете поверить моему не столь уж бедному опыту.

— А что может обнаружиться?

— Ну мало ли чего... — Мой собеседник дает мне понять, что я лезу туда, куда мне лезть не положено.

— Когда мне подъехать к вам?

— А зачем ко мне ездить? Не надо. Если все начнут ко мне ездить, то прокуратура превратится в зал ожидания.

— Думаете, еще не превратилась?

— Звоните, — холодно закончил Болабольченко. И придвинул к себе важные бумаги в красных папках. — Большие люди пострадали, — пояснил он, показывая на папки. — А вы со своим Кучеренко.

— Да он больше ваш, чем мой!

— Звоните, — повторил Болабольченко.

Звоню через месяц, через два, через три...

— Ну что, обнаружилось, Анатолий Андреевич?

— Рановато об этом говорить.

— Годы идут, Анатолий Андреевич!

— Что делать...

— Но дело-то изучили?

— Мы отправили его обратно в Днепропетровск.

— А как же быть с Кучеренко?

— А как... Очень просто — его надо посадить. Ведь решение суда не выполнено? Не выполнено. Это плохо. Так нельзя. Страдает авторитет суда. Кучеренко надо посадить. Обязательно.

И посадили.

Нашли в Саянских горах, на рабочем месте, — дорогу строил. Да и искать-то особенно не пришлось, не скрывался человек. Половина Кривого Рога прекрасно знали, где Леонид Семенович Кучеренко, чем занят, откуда письма пишет. И мне в своем письме он сообщил, что отсиживать ему придется все три года от звонка до звонка, поскольку девять месяцев от-

сидки в предварительном заключении во время следствия ему не зачли.

Не зачли, и все. Не сочли.

Потому как мог пострадать авторитет суда. Теперь этот самый авторитет на недосягаемой высоте.

Я тоже послал ему открытку. Пожелал здоровья, мужества, терпения. Написал, что на свободе происходят большие перемены, что общество наше смело и решительно рвет с прежними догмами, как никогда поощряется деловитость, предприимчивость при решении производственных и прочих проблем. Написал, что сейчас в отечестве нашем очень ценятся люди дерзкие, готовые рискнуть, взять на себя ответственность... И так далее.

Да, а что касается Липинского Виктора Иосифовича... Сидит. За взяточничество. Якобы двенадцать лет получил, потому как взятка оказалась в особо крупных размерах. К тому же выяснилось, что была она не случайная, не единичная. Узнав об этом, Кучеренко горько усмехнулся...

— Он же и у меня просил двадцать тысяч.

— Как?! И он?

— Да, и Здор, и Липинский... Все одним миром мазаны. Двадцать тысяч, говорит, на стол, и оправдательный приговор у тебя в кармане.

— Что-то их всех именно на двадцать тянет? Что за цифра такая роковая?

— О! Объяснили... И один объяснил, и второй, поскольку любознательным я оказался, — рассмеялся Леонид Семенович. — Извини, говорят, но даже пятнадцать мы с тебя взять никак не можем, не только себе берем, нам, говорят, лишь малая часть останется, мы только звенья, с нас и спрос невелик... Заметь, это говорили заместитель председателя областного суда, начальник ОБХСС района крупного города... А я, дурак, в Киев все писал, ответов ждал. Да когда ответы они мне готовили, десять раз по телефону перезвонились, чтоб друг другу не навредить!

Знаете, что еще написал Леонид Семенович в своей новогодней открытке? «Караюсь, мучаюсь, але не каюсь». Строку из Шевченко привел. Надо же, подумал я, до стихов ли ему сейчас...

А выйдя на свободу, пообвыкнув маленько среди вольных людей, к Липинскому съездил. Да, посетил того в лагере. Передачу отвез, он хорошо знал, что нужно везти человеку в лагерь, беседу имел. Очень подробную беседу. А вот о чем — не говорит.

— Да ладно, — махнул рукой. — Поговорили. И Бог с ним.

3. СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ?

И вот сходит с поезда бывший зек с небольшим чемоданчиком, в котором мыло да полотенце. Освобожден по амнистии, судимость не снята, документы испачканы далеко не престижными записями. Бесправный и безденежный. Просится переночевать в гостинице. Его, естественно, гонят. Но он человек тертый, на ночь все-таки где-то устраивается. А через год, ровно через год, представитель государственного банка Удмуртии приходит к нему и, дождавшись приема, просит два миллиона рублей в долг, поскольку рабочим зарплату платить нечем. И бывший зек, да-да, это все тот же Кучеренко, эти два миллиона не моргнув глазом дает.

— Там еще кто есть ко мне? — спрашивает у секретарши, уже забыв о предыдущем посетителе.

Каково?

Жив, оказывается, курилка, жив!

Сколько же сил потратила наша самая справедливая народная власть, чтобы его уничтожить, стереть с лица земли или хотя бы сломать! Сколько десятков тысяч рублей потратили криворожские следователи, мастера поиска и сыска, ведомые Здравом и Пистрюгой, чтобы усадить, невзирая ни на что усадить в тюрьму, в камеру смертников, в лагеря! Сколько усилий приложил тот же Болабольченко со своей высокопоставленной компанией, чтобы удержать его в лагере как можно дольше! И все это притом, заметьте, что все прекрасно знали — человек невиновен. Но долг свой понимали столь странным образом, что и невиновных надо было содержать в лагерях. Нутром чуяли — за это не накажут. Да что там накажут — Здор уже командует ОБХСС всего города, Пистрюга тоже в чести... Подозреваю, есть такая государственная цель: каждый человек должен твердо знать, что он запросто может оказаться за колючей проволокой, несмотря на все свои доблести и нравственные совершенства. Иного объяснения не нахожу.

Что же изменилось с тех усердно проклинаемых тридцатых годов? Думаю, немного. Разве что манеры. И еще — раньше на жалобы не отвечали, а теперь отвечают исправно. Но ответы и жалобы на судьбы заключенных нисколько не влияют. Более того, они могут ухудшить их положение. Я вполне допускаю, что мои хлопоты вокруг дела Кучеренко заставили наше замечательное правосудие встrepенуться и все-таки изловить его в Саянских горах, куда и заключенных-то не посылают по причине слишком уж суровых условий. А его — с рабочего места сорвали...

Но до чего мстительность и злобредность доходит — узнав, что Кучеренко на свободе, что в удмуртском городке Глазове добился каких-то там успехов, криворожские наши следователи снаряжают гонца — за государственный, естественно, счет. И носится тот гонец по начальникам, по приемным и республиканским кабинетам, пытаясь привлечь внимание к Кучеренко, подробно рассказывая, какой Кучеренко плохой и отвратительный, что, дескать, он и в тюрьме сидел, и деньги воровал, и срок получил за свои злодеяния. Слава Богу, хватило у руководителей здравого смысла, сообразили, что к чему, и погнали гонца в шею с позором, как клеветника и злопыхателя.

Уехал не попрощавшись.

Ну да ладно, возвращаемся к Кучеренко.

Простило его государство за все его прегрешения и провинности.

Приехал домой. За плечами пятьдесят три года. Пора кое-какие итоги подводить. Шесть лет с гаком ушло на выяснение отношений с правосудием. Жена, двое малых детей. На серьезную работу не берут. Снова на столбы лезть? Здоровье не то, сноровка не та... Да и семью не прокормишь.

— И тогда решил я для начала разбогатеть, — рассказывает Леонид Семенович. — А разбогатеть посредством разведения арбузов и продажи оных за большие деньги. Посоветовались с женой и... Был у меня участок земли в Кривом Роге, хата. Купили козу, назвали Белкой. Мать когда-то во время войны, спасаясь от голода, купила корову, а мы козу. Неплохая оказа-

лась коза — три литра молока в день давала, как приличная колхозная корова. А что касается арбузов... О эти арбузы! — Кучеренко обхватывает голову руками и горестно покачивается из стороны в сторону. — До сих пор перед глазами стоят как живые.

— Чем же они так запомнились?

— Прежде всего оказались эти арбузы не ранними, как мы надеялись, а поздними. Кроме того, не сладкими, а какими-то кислыми, этот сорт якобы для соления хорош. Сначала они не желали всходить, потом, выбросив чахлые цветочки, не хотели расти...

— А вы?

— А мы над ними уродуемся, а мы ползаем, пылинки сдуваем, а мы вокруг них все лето пляшем и поем...

— Большой доход получили? — спрашиваю я, уже догадываясь об ответе.

— Двести рублей чистой прибыли принесли нам арбузы в то лето. На нашу беду, вся Украина была завалена арбузами. По пять копеек за килограмм шли, представляешь? Моя Лариса мужественно выстаивала за прилавком на базаре с утра до вечера, но... Этих арбузов больше коза съела, чем удалось продать. Но Белка их полюбила, молоко получалось отменное. Сладкое!

Первая попытка разбогатеть окончилась полным крахом.

Куда дальше направить стопы бывшему зеку?

Следует отчаянная попытка организовать дорожный кооператив в самом Кривом Роге. Кучеренко и устав сам написал, утвердил его в исполкоме, но местные власти сумели нагородить столько условий, ограничений и требований, что исчез всякий смысл работы. Кооператив захирел и умер, так и не родившись.

И тут на глаза Леониду Семеновичу попадает газетная статья, где первый секретарь Удмуртского обкома партии Петр Семенович Грищенко делится с читателями своими болями и надеждами. Оказывается, Удмуртии выделены большие деньги на дорожное строительство, а вот строить эти дороги некому.

— То есть как некому?! — гневно изумился Кучеренко. — А я?!

И, сунув в карман двести арбузных рублей, а в портфель мыло и полотенце, он мчится в Ижевск. Нетрудно себе представить отчаянную решимость человека, которому совершенно нечего терять. Нет у него ни положения, ни должности, ни денег. Есть только семья в Кривом Роге на обеспечении у козы Белки.

Но как бы там ни было, одной решимости все-таки маловато. Требуется и четкое понимание своего положения, и достаточно ироническое к нему отношение, требуется и уважение к своему опыту, к своим возможностям. Да, и хорошая доля здорового авантюризма. В самом деле, чтобы вот так, внаглую, отправиться к первому лицу республики...

— Вы к кому? — спросил его милиционер у входа.

— К Грищенко.

— А пропуск?

— Наверно, не успел заказать.

— Но вы договаривались о встрече?

— Он пригласил меня через газету, — и Леонид Семенович бесстрашно

показал милиционеру номер газеты со статьей первого секретаря. Тот удивился, но, увидев подпись под статьей, пропустил.

Какая же неопределенность и бестолковость у нас на всех уровнях государственной власти, если достаточно сослаться на газетную статью, на личную договоренность с высоким лицом — и открываются любые двери!

И вот уже Кучеренко ведут по алым коврам дорожкам из приемной первого секретаря в кабинет второго, поскольку самого Грищенко в этот момент на месте не оказалось. А второй, выслушав и проникшись важностью проблем, отвозит Леонида Семеновича к министру автомобильных дорог. А министр, узнав, что прибыл человек на обкомовской машине от Самого, посвящает ему весь свой рабочий день. Да, это сказано не для красного словца — с утра до вечера провел Кучеренко в кабинете министра Александра Васильевича и до сих пор благодарен ему за тот день, отданный столь щедро и проведенный увлеченно. Но надо признаться — слушая Александра Васильевича, думал он про козу Белку, про сотню оставшихся денег, про сынишку, которому пошел третий год...

Уже стемнело, когда он расстался с министром. Тот подает машину, Леонида Семеновича везут в гостиницу, там его привечают, находят неплохой номер — все как у порядочных. А министр сказал на прощание: жди, позвоню.

День ждет Кучеренко, опасаясь выйти из номера, второй день... Надежды тают, и появляется даже уверенность в том, что все сорвалось, никакого звонка не будет, что пора сматываться, пока есть еще чем расплатиться за гостиницу.

И вдруг — звонок.

— Все в порядке, — говорит Александр Васильевич. — Я обо всем договорился. Вам надо ехать в Глазов. К автобусу вас подвезут. В Глазове встретит представитель воинской части, которая занимается строительством дорог. Начнете с ними, а дальше будет видно.

Все произошло именно так, как сказал министр. И машина была подана, и автобус отошел в нужном направлении, и майор стоял в Глазове на остановке, поджидая Кучеренко.

Но как же все это на грани срыва, риска, в зоне риска!

В самом деле, прояви милиционер чуть больше твердости, и вернулся бы Леонид Семенович ни с чем. Не попал бы он в обком, не встретился бы со вторым секретарем, и к министру бы не пробился, и не было бы в Удмуртии кооперативного объединения, которое сегодня дает республике четверть всех сооружаемых здесь дорог — около сотни километров в год. Как же все случайно у нас, как все необязательно! Оказывается, результат часто зависит не от грамотности и четкости расчета, а от везучести, от примет и суеверий, от лукавства и авантюры. Повезет — хорошо, не повезет — сливай воду, дорогой товарищ.

И вот с устным напутствием министра предстает наш авантюрист перед ясны очи председателя Глазовского исполкома. Так, мол, и так, хочу строить у вас дороги, испытываю к этому делу горячее стремление, а то вы тут совсем в грязи утонули. Председатель кивает, действительно утонули, он счастлив такому повороту событий, верит обещаниям и заверениям этого решительного, хотя и совершенно незнакомого ему человека. И в конце концов отпускает ненадолго — чтоб тот сколотил себе команду, штаб

кооператива, у которого нет пока ни денег, ни оборудования, ни людей, у которого есть лишь председатель по имени Леонид Семенович Кучеренко.

— А вы сказали ему, что были в заключении? — спросил я у Леонида Семеновича.

— А зачем? Ведь он не спрашивал.

— И об этом — ни слова?

— Нам было о чем поговорить, — улыбается Кучеренко.

— И о том, что нет у вас ни денег, ни людей?

— Мы о деле говорили, — солидно произносит Кучеренко. — Планы намечали, первоочередные работы... Хорошо, что я лысый, — смеется он, — в колонии остричь не смогли, а то бы меня сразу разгадал председатель.

— Хоть в чем-то повезло!

— Да, в везучести мне не откажешь, это уж точно.

На самолет — и в Кривой Рог. Задача простая и почти невыполнимая — найти людей, уговорить, заставить, вынудить ехать в далекую, неведомую Удмуртию строить дороги. А нужен был главный инженер, главный бухгалтер, хороший снабженец. Причем не какие-то проходные фигуры, а под стать самому Кучеренко, люди грамотные и смелые, чтобы на голом месте, с нуля начав, сразу же себя и прокормить, и обустроиться, и работы развернуть.

Он таких нашел. Уговорил. И на двух «жигуленках», прихватив еще двух своих старших сыновей, своим ходом — в Удмуртию.

О, это была поездка! Как говорится, как жаль, что нас не было с ними!

Куда? Кто ждет? На носу холода, октябрь, где зимовать? На какие, простите, шиши?

Но два «жигуленка» мчатся по прекрасным нашим дорогам все дальше и дальше на восток. В кармане у Кучеренко три сотни одолженных денег, остальные тоже кое с какими средствами, но полные сомнений и готовые при первых же затруднениях вернуться. Уговорил-то их Кучеренко не на битвы, нет, на работу. Будет работа, пойдет дело — останутся. Не получится — до свидания. Что у них было? Невнятное, устное обещание председателя исполкома, но все мы знаем цену начальственным обещаниям. Какие же силы душевные нужны, какая безнадежность должна охватить человека, чтобы вот так рвануть за тысячи километров в нечто неизвестное, неуютное, настораживающее...

Приехали.

В свете фар уже прочитали на дорожном указателе — «Глазов». Стали подыскивать площадку, остановились. Прямо в машинах и заснули — весь день за рулем сидели, сменяя друг друга. Просыпаются — уже рассвело. Выходят из машин, оглядываются. И застывает у всех на лицах смешанное чувство ужаса и растерянности — вокруг кладбище. Могилы, кресты, холмики, венки...

— Однако же нас угораздило, — проговорил Кучеренко.

Таким было начало.

Но, на их счастье, не отреклись от своих обещаний ни воинская часть, посулившая немного техники и денег, ни исполком. На решающее заседание, на котором должны были утвердить устав и зарегистрировать кооператив, собралось человек тридцать, вопросы сыпались как из мешка, но больше запомнился вопрос самого председателя...

— Скажите, Леонид Семенович, а из чего, собственно, вы собираетесь строить дороги?

— Как из чего? Песок, щебень, асфальт, битум... В основании земляная насыпь... Как обычно.

— Насыпь — ладно, земли у нас достаточно, битум тоже есть, а как насчет щебня, песка? Где вы все это возьмете?

— Карьер откроем, Олег Леонидович!

— Карьер — это хорошо, но где?

— Постараемся поближе... Чтобы транспортные расходы нас не задавили.

— Леонид Семенович, дорогой, да будет вам известно, что в нашем районе, а возможно, и во всей республике нет ни щебня, ни камня, ни песка... Равнинная местность. После Саянских гор это может показаться для вас непривычным, — народ в зале весело зашумел, оценив шутку председателя, — но это так. Нет у нас полезных ископаемых, даже строительных. К сожалению.

— Этого не может быть, — как можно тверже ответил Кучеренко, но внутри у него все оборвалось. Такого удара со стороны матушки-природы он никак не ожидал. Однако повторил еще тверже: — Этого не может быть.

— Почему?

— Потому что не может быть никогда.

В зале рассмеялись уже не сдерживаясь. Но упорство новичка понравилось.

— Что ж, такая уверенность приятна, похоже, мы имеем дело с человеком твердым, но щебня у нас все-таки нет. Я, слава Богу, прожил на этой земле пятьдесят лет и знаю, что говорю. Может быть, кто-то из присутствующих меня поправит?

Никто из присутствующих Олега Леонидовича Чиркова не поправил.

— Хорошо, вы все здесь старожилы, — заговорил Кучеренко, постепенно приходя в себя от столь печального открытия, — а я — горный инженер. И я хорошо знаю то, чему нас учили в институте, — нет на земле мест, где бы не нашлось никаких полезных ископаемых. Давайте так договоримся — я приглашаю вас на открытие первого же песчаного карьера в вашем районе, на открытие первого щебеночного карьера... И мы устраиваем торжественное открытие — с оркестром, шампанским, красными лентами и бантиками... За ваш счет, разумеется. Договорились?

Кучеренко знал — это будет принято. Когда вот так вызывающе ставишь под удар свою репутацию, когда дело идет на спор, трудно удержаться, чтобы не принять пари.

— Ну что ж, договорились, — сказал Чирков.

Устав утвердили, кооператив зарегистрировали. Это сразу дало право вступить в деловые отношения с воинской частью, арендовать технику и даже получить небольшой аванс, что-то около двухсот тысяч рублей. К своим ребятам Кучеренко вернулся, что называется, на коне. Хотя и невелика победа, но дело сдвинулось.

Запомнился первый визит в банк. Разговор там получился забавным. Наверно, и в самом банке его запомнили надолго. Вам денег? А вы кто? Ваш адрес? А его нет. Приютились пока в общежитии техникума. У вас есть хотя бы печать? Ах, нету... Ах, будет через год, раньше не обещают... Вы

честные, порядочные люди? Вполне возможно, но это не дает вам право получать у нас десятки тысяч рублей...

Вот так примерно.

А Кучеренко, отчаянная душа, уже оповестил о создании кооператива, и в Удмуртию потянулись люди со всех концов нашей необъятной родины — из закарпатских лесосек, с криворожских горно-обогатительных комбинатов, с золотодобывающих артелей Забайкалья... Потянулись люди, которые знали Леонида Семеновича, работали с ним или просто были о нем слышаны. Как бы там ни было, их надо расположить, устроить, обеспечить питанием, работой. А тут еще приезжает жена с двумя малыми детьми...

И завертелось.

Это было рискованное время.

Арендвали в колхозе какую-то заброшенную школу, построенную из бревен еще в начале века, законопатели, чтоб не дуло сквозь стены, переложили заново рухнувшие печи, кое-как разместили несколько десятков человек. Военская часть, спасибо ей великое, не подвела, выделила несколько «КамАЗов», бульдозеры...

Кстати, помните сомнения председателя исполкома, прожившего в этих краях более полувека? О карьере договор помните? Так вот, песчаный карьер работал уже через месяц. Еще через несколько месяцев в соседнем районе обнаружили залежи щебня, а вскоре такой же щебень нашли и в Глазовском районе. Правильно учили Кучеренко в горнорудном институте — нет на земле бесполезных мест.

Работали без выходных. Двенадцать часов в сутки. И в суровых условиях сухого закона.

Первый договор — строительство двух дорог общей длиной десять километров. Это дало право на аванс, и довольно серьезный — уже около ста тысяч. Но и требовалось не меньше — питание людей, зарплата, отопление дырявой школы, горючее...

Выбили. Получили. Осмотрелись.

Слегка перевели дух.

И пошло.

И если сейчас, спустя всего два года после тех рискованных дней, кооперативное объединение «Дорожник» делает четвертую часть всех новых дорог республики, то лишь немногие могут сказать, как это далось, какими силами и жертвами. Из первых семи человек, высадившихся на глазовском кладбище, осталось трое — Кучеренко и два его сына. Остальные ушли. Или же ушли их.

— Не понимаю! — Леонид Семенович с силой бьет кулаком по столу. — Как можно соблазниться лишней сотней общественных денег, получая в месяц две, три тысячи рублей! Что делает с людьми система! Куда идем... Просматриваю документы бухгалтерии и вижу — сто рублей положены в карман. Вызываю — как можно?!

— И что отвечает?

— А что он может ответить... Виноват, говорит, не удержался... Бес попутал.

— И уходят?

— Какой там... Гнать приходится. От трех-то тысяч оторвать человека непросто. Ведь он знает, что, устроившись на государственное предприятие,

больше трех сотен получать не будет. Некоторые очень переживают, каются... Но если таких оставлять, то через месяц наш кооператив прекратит свое существование, войдя в плотные слои воровства и безответственности.

Хочу рассказать об освоении древних стен несостоявшегося кирпичного завода. В десятке километров от главной конторы, да, есть уже главная контора, двухэтажная, с общежитием, столовой, баней, связью и всем прочим, так вот, в десятке километров от главной конторы, кооператоры, рыщущие в поисках полезных ископаемых, наткнулись на кирпичные стены невероятных размеров. Судя по всему, затевалось нечто грандиозное. Но крыши не было, внутри выросла целая березовая роща, судя по возрасту деревьев — лет двадцать здесь не ступала нога человека. Впрочем, нет, нога все-таки ступала. Стоявшие когда-то в стенах рамы вынули местные умельцы — неплохие получились оранжереи, а заодно они растащили все, что было возможно в человеческих силах. Со стенами только не успели справиться. Но выковыривание кирпичей из стен уже потихоньку шло, от этого страдали, как известно, все великие памятники древних цивилизаций. Ведь и при нашей жизни разбирали храмы на свинарники, из кладбищенских плит сооружали постаменты вождю мирового пролетариата, в национальных святынях прямо на Красной площади устраивали общественные туалеты, вроде больше нашим строителям светлого будущего и погадить негде, вроде дерьмо у наших строителей столь ценное, что только в святое место его и положить можно...

О том, как выбивал Кучеренко эти стены, можно писать отдельное повествование. Да, история превращения занесенных снегом стен в современное ремонтное производство — это целый роман с судьбами, характерами, конфликтами, драмами и трагедиями человеческими. И алчность, и бескорыстие, и самоотверженность, и еще черт знает что — все схлестнулось здесь и перемешалось.

Но — добились своего. Получили «добро» местных властей. Стали владельцами. Истинных хозяев стен обнаружить не удалось. А сами те не объявлялись, опасаясь, видимо, что за потраченные впустую миллионы придется отвечать.

— Наивные люди! — смеется Кучеренко. — За миллионы в нашем государстве не судят. А вот в лагере мне приходилось встречать людей, отсидивших сроки за десятку-другую.

Не буду излагать все увлекательные подробности освоения этих древних стен, скажу сразу: сейчас здесь утепленные гаражи, ремонтная база, электромастерские, ведь многое действующее ныне в кооперативе оборудование подобрано на свалках, на обочинах дорог, в завалах металлолома — и до этого доходило в период становления. Это были дни, наполненные настоящими приключениями, бумажными и словесными схватками, лукавством и авантюризмом — назовем вещи своими именами.

Но не было обмана. Это точно. Об этом заботился сам Кучеренко, наученный собственным горьким опытом. А подталкивали, соблазняли легкостью получения больших прибылей. Не пошел. И как это было мудро — многие соблазнительщики ушли, иные предали дело, иных пришлось выгонять... И послушайся он их тогда, сейчас они бы крепко держали его в руках. А

так — свободен. В поступках, в решениях, в мыслях — свободен. А это дороже любого состояния, важнее любых прибылей. Ему ли этого не знать...

Так вот, в кирпичных стенах сейчас тепло в любой мороз, в любое время суток здесь полыхают огни электросварки, здесь удобное общежитие, бани и парные, какие дай Бог иметь Москве к концу нынешнего тысячелетия! Здесь кухня и столовая, а на столах то, что дай Бог иметь москвичам в ближайшую пятилетку, — мед, масло, варенье, в меню мясо, овощи, рыба... Питание от пуза и бесплатное — расчет в конце года.

При мне на общем собрании, проходившем в этих же стенах, выгнали двоих — начальника строительного управления и главного диспетчера. Напились. И мало того, дальше повели себя довольно подловато — чтобы уменьшить собственную вину, пытались напоить и других.

Проголосовали. Единогласно. И уволили. За месяц-полтора до окончательного расчета. Порядок такой: ежемесячно все получают ставку триста рублей. А к концу года, когда с кооперативом рассчитаются заказчики и в кассе появляются хорошие деньги, делается окончательный расчет. Так вот, эти двое его не дождались.

— Сколько же они потеряли? — спросил я у Кучеренко.

— На двоих, — он подумал, — тысяч двадцать.

— Не жалко?

— Кого? Чего? Денег? Пьяниц? Я уже говорил тебе, что недавно государственный банк Удмуртии одолжил у нас два миллиона. Дали. А почему бы и нет? Надо выручать друг друга. Так что эти двадцать тысяч для нас не очень существенны. Мы на них не разбогатеем. Жалко ли этих людей? Жалко. Специалистов не хватает. Но если бы мы их сегодня простили, завтра напились бы десять человек, к празднику весь кооператив... И мы превратились бы в настоящее стопроцентное государственное предприятие. Со всеми его особенностями и преимуществами. Только дотации за убыточность нам бы уже никто не платил. И вскоре можно было бы разъезжать по домам.

— Сурово!

— А что делать? Мы не можем жить по тем законам, которые воцарились в нашем благословенном отечестве. Отечество тоже не может жить по этим законам, но мается, терзается, все боится лишиться какой-то идеологической девственности. В свое время большевики выкинули меня из своей партии, обвинив в хищении нескольких сот кирпичей. А теперь я взял, прости мне это «я», действительно я настоял на этом решении, взял брошенный, разгромленный сезонный кирпичный завод, и каждый год мы выпускаем несколько миллионов кирпичей. И на Украине нашли такой же завод, и он дает пару миллионов кирпичей в год... Да, эту продукцию выпускает кооператив, но в домах-то живут наши люди, советские. Верно? Нет, мы не зря небо коптим.

— Хороший доход дают кирпичи?

— Думаешь, наживаемся? Все расценки у нас государственные.

— А могли бы и повысить?

— А что нам мешает? Своя рука владыка. Но с нашей стороны это было бы... нехорошо. Да и не нужно нам это. Вот смотри... Рядом с нами работает государственное строительное управление. С партийной и профсоюзной ор-

ганизациями, освобожденными секретарями, администрацией и прочими, и прочими важными службами. У них управленцев на то же самое количество работающих...

— Вдвое больше, — подсказал я.

— В десять раз больше! — воскликнул Кучеренко. — В десять раз. У нас восемь человек в пересчете на двести работающих, а у них больше восьми-десяти. И дорог они делают в несколько раз меньше, чем мы. Усек? В несколько раз меньше. При том что они на полном государственном обеспечении, снабжении, при фондах на технику, горючее, материалы. Существуют целые снабженческие и управленческие службы, которые опекают наших соседей, завозят им необходимое, увозят ненужное... Для народа, для хозяйства мы в десять раз полезнее, чем они. Но мы — презренные кооператоры, а они — уважаемое государственное предприятие.

— Да ну, Леонид Семенович, так уж и презренные!

— Почитай газеты!

— А вы их читаете?

— Разве что на сон грядущий, сквозь сон грядущий, — смеется Кучеренко. — Я знаю все, что там будет написано в ближайший год, — отчаянно заявляет он и улыбается своей самоуверенности. — Кадровые перемены предугадать вряд ли смогу, это непредсказуемо, а что касается сути...

— Да, лучше о сути.

— Если мы все-таки вертимся, если наши люди зарабатывают не меньше полусотни в день, то только благодаря ответственности, дисциплине, четкости. Мы никого не воспитываем. Оказывается, в этом никто не нуждается, оказывается, все от рождения прекрасно знают, что такое хорошо, а что такое плохо. А если в ком-то обнаруживается невоспитанность, значит, ему так выгоднее. Наш главный бухгалтер, тот самый, который приехал сюда на первом «жигуленке», украл сотню, зарабатывая в месяц несколько тысяч. Его надо воспитывать? Нет, его надо гнать. Что я и сделал.

Еще один монолог Кучеренко. Он произнес его в телефонную трубку, когда один из его снабженцев нашел где-то старую машину и собрался ее купить. И звонил по телефону — брать ли? Кучеренко ничего не спросил о самой машине, о цене, он говорил о другом:

— Если у них в гараже грязь, а механики пьяные, машину не бери. Если секретарша не знает, где начальник, — не бери. Если в конторе хамят и матерятся, — не бери. Если увидишь хорошую деталь в ломе — не бери машину. Все понял? Будь здоров.

Рассказ председателя исполкома Олега Леонидовича Чиркова:

— Две недели заседаем в полном составе — решаем, как быть с дорогой через деревню Понино. Дело в том, что Кучеренко проложил дорогу до деревни, а дальше все остановилось. Никак не можем решить, где именно проложить дорогу — то столбы мешают, то изба на пути, то колодец, то ширина не по проекту... Представляете, две недели ежедневно вот за этим столом собирались. Пригласили Кучеренко. Сел он с краю, послушал, ничего не сказал и ушел. Мы продолжаем утрясать, а он иногда интересуется, готов ли проект, принято ли решение, мы, естественно, отвечаем, что работа идет, еще немного — и все согласуем... Вдруг — бац! Телефонный звонок. Кучеренко. Приезжай, говорит, принимай дорогу. Какую

дорогу?! Через Понино, отвечает. У меня, честно говоря, сердце екнуло. Оказывается, убедившись в нашей бестолковости, он той же ночью бросил всю свою бульдозерную мощь, все кразы-мазы, сделал насыпь, покрыл щебнем и заасфальтировал. До чего доходило — старые женщины из деревни разувались, выходя на асфальт, в чулках шли, боясь дорогу запачкать...

А дальше было вот что. Удмуртские автодорожные власти отказались принять дорогу через Понино по той причине, что, дескать, она уже, чем предусматривал проект. Ей положено быть семиметровой, но на деревенской улице она вместилась только шестиметровой. О том, что с ней хлопот было вдвое больше, никто не хотел и слушать. И оплачивать выполненную работу власти отказались.

— Ну нет и нет! Черт с вами! — крикнул в сердцах Кучеренко.

Но к концу года приехали гонцы из столицы республики и выразили желание подписать документы о принятии понинской дороги. Как выяснилось, они готовы были принять не только шестиметровую, но даже тропинку в лесу. В чем же дело, что случилось? А случилось то, что год кончился. И настало время отсылать в высокие инстанции отчет о проделанной работе. А чем дорог в республике построено больше, тем ближе ордена и слава. Да и премии ближе, да и просто быть на хорошем счету у начальства полезно и для дома, и для семьи.

Что же происходит, товарищи дорогие?!

Когда надо признать чью-то работу, когда надо за нее заплатить, руководящие товарищи тут же вспоминают о строгих технических требованиях, вспоминают о правилах и параграфах, разводят руками и цокают языками. Когда же речь заходит о собственных небогатых заслугах, они с легкостью необыкновенной готовы отменить все требования — и финансовые, и нравственные.

Оглянитесь по сторонам, окиньте взором Отечество — вот вам результат такого двойного подхода.

Ну что, пора заканчивать.

О ежедневных схватках Леонида Семеновича Кучеренко за право жить и работать по-человечески можно было бы рассказывать еще долго. Можно было бы рассказать о том, как во вред всем своим коммерческим показателям он строил дорогу в пионерский лагерь, который всем был хорош, кроме одного — невозможно было к нему проехать. Можно было бы рассказать о том, как кооператив «Дорожник» проложил дорогу к местному храму, не взяв за это ни копейки, как вступил в деловые переговоры с итальянцами, с испанцами и как законы родного государства все соглашения сделали невозможными. Кучеренко не сдался, но сегодня похвастать тем, что лучшим в мире итальянским камнерезным оборудованием разрабатывает гранитные карьеры на Украине или на Урале, а у него есть такие карьеры и на Украине, и на Урале, этим похвастать он пока не может. Нет у него итальянского камнерезного лучшего в мире оборудования. Хотя было так близко, так доступно. И кирпичный завод, лучший в мире, испанцы пока ему не поставили, хотя очень хотели. И южнокорейские бизнесмены...

Да что говорить!

О многом еще можно было бы рассказать, и возможно, я когда-нибудь это сделаю, но сейчас хочется задать вопрос самому себе: куда идем, ребята?

Давайте согласимся, что уничтожение деловых, хватких людей — это не случайность, это не досадное недоразумение, это направленная, жесткая, целеустремленная политика. Когда Кучеренко начал перечислять разгромленные золотодобывающие артели, когда он начал перечислять посаженных в тюрьмы их руководителей, у него не хватило пальцев на руках. Он как-то прикинул, сколько золота потеряло государство в результате этой волны репрессий в начале восьмидесятых годов.

— Десятки тонн. Если не сотни.

И сейчас, когда наши экономисты, мыслители и премьеры всех рангов бьются в горькой беспомощности, обижаются друг на друга и плачут по телевидению, не в силах остановиться ни на одном дельном решении, я подумал... А что, отдать бы Леониду Семеновичу Кучеренко самую слабую республику, пусть бы он навел там какой-нибудь порядок...

— Взяли бы, Леонид Семенович? В качестве Председателя Совета Министров?

— А почему бы и нет? Это было бы ничуть не сложнее, чем организовать кооператив «Дорожник».

— И поправили бы дело?

— Конечно. В месяц, может, и не уложился бы, но за год... Через год люди бы у меня уже дух перевели. А там, глядишь, и рюмку бы подняли за мое здоровье... Какого-нибудь испанского или итальянского вина. У них, я слышал, неплохие вина. И было бы у ребят чем закусить. И холодные бы закуски нашлись, и овощные, и горячие... Через год, — сказал Кучеренко уже без улыбки.

Считать подвигом

Из дневника Халимы

«Я пришла к строгому выводу — непримиримо бороться с несправедливостью, за то, чтобы ни один человек не страдал без вины».

11 ФЕВРАЛЯ 1987 ГОДА.

За дастарханом не раз говорили о делах, о жизни вообще, о ценах на ба-
зарах, о погоде. На этот раз речь зашла о новом прокуроре. Начал Салает-
дин:

— Экелер, убейте, честное слово! Никак не доходит до меня суть
одного обстоятельства. Вот позавчера один парень с помощью двух дружков
украл любимую девушку. С ней ничего плохого не произошло. Мы мигом
их задержали. А эта... новая прокурорша, взяла и всех их посадила в ИВС.
Хотя не было необходимости в подобной мере пресечения. Я не выдержал и
зашел к ней. Хотел сказать ей, что не права. И что вы думаете? Она выста-
вила меня за дверь, оскорбив всю милицию и обозвав нас нахлебниками.
Чуть не задавила меня «гусеницами» неумеренного гнева.

— Может, к такой мере пресечения Джепбарова прибегла не от хоро-
шей жизни? Представьте, что родственники девушки вдруг решили бы отом-
стить ребятам? — Халима Джораевна хотела докопаться до истины.

— В таком случае я бы не стал хлопотать за них. Не было такой
угрозы. Я ведь знаю их всех как свои пять пальцев!

...Если вести отсчет от этого дня, то Халиме Джораевне жить остава-
лось всего 7 месяцев и 2 дня! Самое обидное и несутрадное заключалось
в том, что ее дальнейшая судьба отныне была крепко связана именно с этим
происшествием и зависела от того, как и чем оно кончится.

Сейчас никто о последствиях не думал. И думать не мог.

Кража была только началом. Небольшим эпизодом. Остальное произой-
дет через 7 месяцев и 2 дня.

Сидящие за столом у старого следователя время от времени возвраща-
лись к началу этой истории. Обычные застольные беседы. Разговоры

разговорами и остаются. От них болит голова. Будоражится душа. Они могут разгорячить человека, пробудить в нем дух сопротивления, воодушевить на борьбу. Но бессильны в том, чтобы получить продолжение в виде самой — реальной борьбы.

В данной ситуации решала все борьба. Лишь схватка с несправедливостью могла бы пресечь приближающуюся трагедию.

О предстоящих неприятностях и несчастьях собравшимся у Палты Ачиловича намекал уже Кыямов. Было ясно, что с тремя ребятами поступили самоуправно — неверно была использована мера пресечения. Это сделано по воле прокурора. Необоснованное решение и последовавшие противоправные ее действия взволновали всех четверых, сидящих за столом. Бюрократические инстанции и инструкции связывали им руки: Палта Ачилович — пенсионер. Хаиткулы — отставник. А Кыямов — лишь старший инспектор местного угро, его возможности ограничены в данный момент.

Одна лишь Розыбаева имела большие полномочия. Да и то применить их она могла в случае, если поступит жалоба в обком и проверку этого заявления поручат ей.

— Аксакал, — Салаетдин Кыямов резко расстегнул замок джемпера с длинными рукавами и, стуча кулаком по левой стороне груди, показал:

— Вот здесь, где сердце, покоятся еще не проверенные, но уже народившиеся думы о прокуроре. Хотите, поделюсь? Но с условием — ни одному слову, что скажу, — не верить. Но и не забывать. Хоп? Джембаров, прежде чем сделать шаг, заранее его сто раз обдумает и взвесит. Почему она применила к ребятам такую меру пресечения? Барану понятно. Только чтобы припугнуть родителей! Она знает, как это делать в местных условиях. Стоит лишь слегка потрепать предполагаемую жертву, помять ее, провести по глотке вместо лезвия хотя бы волоском — и эффект будет потрясающим. Один сослуживец сострил на ее счет: мол, видел, как берут на «лапу», и сам брал по мелочам, но такие взятки, какие гребет она, вижу впервые.

Хаиткулы, тряхнув головой, будто очнулся ото сна, потянулся к телефону. Поднял трубку, набрал нужный номер, через секунду спросил:

— Прокуратура? — Смех тут же прекратился. Все сидящие за столом взглядом устремились к нему. — Прокурор у себя? Пусть поднимет трубку. Кто звонит? Мовлямбердыев просит... Здравствуйте, это я, отставник, беспокою. Да ничего, пока не жалуюсь. Нормально. Да, как же... что вы... Ну и что, кандидатский? Я-то остаюсь тем, кем был, а вот о других трудно сказать... Разлучая влюбленных, берут на себя грех... Да, речь о трех молодых. Да нет, откуда знать мне этих ребят? Я вот сижу и ругаю своего бывшего сотрудника... Это же, говорю я ему, работа не прокуратуры, а милиции. Хорошо, если так убедил. Ну и прекрасно...

Полковник в отставке, положив трубку на рычаг, размашисто занес было кулак над аппаратом, но в последний момент плавно опустил его на телефон:

— Хитрая баба. Не успел заикнуться, как услышал в ответ: «Есть, товарищ Мегрэ».

— Что, освобождает ребят? — вмешался Салаетдин Кыямов.

Хаиткулы утвердительно кивнул и потребовал от Салаетдина рассказать обещанный анекдот.

— В противном случае,— решил он шутливо припугнуть,— позвоню снова и потребую, чтобы задержали ребят...

Когда все уже собрались уходить, затрезвонил телефон. Хаиткулы поднял трубку, передал хозяину дома. И Палта Ачилович ненадолго задержал ее в руке, слушая звонившего, позвал Розыбаеву. Халима, закрыв мембрану ладонью, вскинула брови, как бы спрашивая у Палты Ачиловича, с кем имеет честь говорить. Старый следователь назвал имя звонившего.

Лицо Халимы потемнело.

На другом конце провода басил тот самый, кто ровно через семь месяцев и два неполных дня перешагнет через порог квартиры Халимы, чтобы лишить ее жизни...

ПОЯСНЕНИЕ АВТОРА

В один из летних дней (точную дату не помню) я выехал в Керки в творческую командировку. После полудня заглянул в межрайонную прокуратуру. В приемной разглядел двух женщин.

Они меня не знали, и я их тоже. Поэтому вначале чувствовал себя неловко, даже в первый миг ступешался, не решаясь обратиться к кому-либо. За дверью, обтянутой коричневым дерматином, гулко звучал на повышенных тонах голос Джембаровой, властный и сильный, не терпящий никаких возражений. Слова ее, словно камнепад в горах, падали тяжело и раскатисто, так что спокойно можно было расслышать все, о чем она полуговорила-полукричала, выйдя на площадь Дашсарая¹.

— ...Тот, который утверждает подобное, пусть отведаст моего говна. Так и передай.

В ответ взвизгнул тонкий, не желающий ни в чем уступать хозяйке кабинета, женский голосок:

— Чего лепечешь? То, что услышала, подтверждаю я сама, поняла? А говно твое тебе самой пригодится, сперва сытно поешь сама, потом, если останется, предлагай другим.

— Ах, вот как? Сама, значит... сама...

— Ты им потчуеть, значит, сама и ешь свое дерьмо! Ешь вдоволь. Не ты ли закрыла дело? Капитан Янгибаев в КПЗ ударил наганом моего брата и пробил ему голову. А ты прикрываешь его. Знаю, вчера съездила к нему домой. Ты не за спасибо покрываешь зверства капитана... ты...

— Не тыкай, баба!

— Ты сама баба... Смотри, как бы твоим же дерьмом не заткнула тебе рот...

После диалога, с точностью здесь воспроизведенного, мне стала понятна напряженная скованность двух застывших по соседству со мной женщин, их неподдельный испуг на неподвижных лицах. Головой кивнув в сторону двери прокурора, я обратился к женщине, одетой по-местному:

— Что там происходит?

¹ Караван-сарай, построенный отцом Файзуллы Ходжоева. Дословно — каменный двор.

— Да одна скандалистка пришла, — ответила она.

— И давно? — После того как произнес эти слова, до меня самого дошла их очевиднейшая несуразность, и я попытался быстрее уточнить: — А надолго ли?..

Кто была заговорившая со мной женщина, я узнаю не скоро. И уж никак не предполагал, что жить ей оставалось даже меньше, чем Халиме Розыбаевой. Она пока не чувствовала приближавшейся трагической развязки. Без стеснения, в присутствии незнакомого человека, прислонясь к стене ухом, переминаясь с ноги на ногу, подслушивала, ловила каждый звук, доносившийся из кабинета. Быть может, прокурор, имея в виду озлобленность посетительницы, сама попросила ее быть начеку?!

Я не докучал ей расспросами, кто и что она, да и сам не спешил представиться. У меня оставалось ровно тридцать минут на разговор с прокурором, после чего собирался немедленно выехать в Халач.

Я попросил незнакомку позвонить мне, как уйдет посетительница, и отправился к заместителю прокурора. Его кабинет был в другом крыле здания с автономным входом.

Оказалось, что заместитель и прокурор не ладили меж собой.

— Если вы хорошо знакомы, посоветуйте ей поскорее убираться отсюда. Иначе ей здесь откроют глаза...

Я возьми да и ляпни:

— Куда?!

Он, будто забыв, кто сидел перед ним, не в себе закричал:

— Да-да, хоть в ад.

Хорошо, что в этот момент позвонили из приемной.

Джепбарова была взбешена. Она выглядела так, словно пекла чурек в тамдыре, ее круглое лицо опухло, расплылось, пошло пятнами: серо-черными, красно-синими. Кивнув на мое приветствие, осталась стоять за рабочим столом.

Мы давно не виделись. За минувшее время она заметно похудела. И это ей вроде бы пошло на пользу.

С 1958 года, после окончания университета, я, наверное, всего раза три встречался с нею. Раз — на каком-то приглашении места наши оказались рядом. Два других состоят из случайных, мимолетных встреч. Удивительно мало за столько лет для живущих в одном городе и знакомых еще с университетской скамьи.

Чернявенькой, густоволосой, застенчивой девчонкой в красном кетени¹ запечатлелась Хаитгюль Джепбарова в моей памяти. Ее ровесницы даже в те годы редко одевались в кетени. Жила она в одной комнате и дружила с Сельби Солтановой, боевой, хлебосольной, с хорошо подвешенным языком студенткой из Керкинского района. Обе девушки поступили в университет на два года позже, чем я. Окончили альма-матер и разлетелись, как птенцы из гнезда. С Сельби Солтановой позднее встречаться не доводилось. Года три или четыре назад дошли до меня слухи об убийстве Сельби и ее матери...

Еще в университете говорили о том, что Сельби — богатая невеста.

¹ Ткань, из которой шьют национальную женскую одежду.

Парень, наш односельчанин, друживший с нею, дразнил ребят-сокурсников, хвастливо показывая на наручные часы:

— Вы дарите своим любимым подобные драгоценности? А мне вот возлюбленная преподнесла золотые часы на день рождения. Учитесь, как надо жить...

Случай с Сельби, убитой в один день вместе с матерью, все это время не давал мне покоя. Расспрашивал следователей разных рангов, работников угро, задавая им один и тот же вопрос: есть ли что новое?

Так и ухлопал три года.

На четвертый невыясненная участь Сельби привела меня к конторе, где работала Джепбарова.

— Как тебе здесь? — спросил я и очень скоро убедился, что лучше было бы прикусить язык. Она как будто ждала моего вопроса:

— Как? Как? А вот так — во всех Керках, оказывается, нет ни одного приличного мужчины. Разве это мужики? Они слезливые бабы. Только на подметки годятся. Трусливые зайцы. Тряпки! — Она распалялась все больше, бросая в мою сторону очередные ругательства, как куски жира на раскаленную сковороду, словно во всем был виновен не кто иной, как я. Джепбарова, перегибаясь через стол, чуть не навалилась на меня огромной грудью.

Сейчас нельзя было ей возражать. Я не имел в виду озлобленность и ярость Хаитгюль, просто теперь она могла завестись от нечаянно оброненного слова. Потом ее не удастся остановить. Я все ждал, когда она запнется. Но Джепбарова тараторила без умолку. Ее тарабарщина сводилась к одному: здешние мужчины — не мужчины, а базарные бабы.

Я держал язык за зубами, боясь сказать что-либо невпопад. Но вышло так, чего опасался больше всего, — вопрос все-таки сорвался, как спелый абрикос от слабого вздоха ветерка:

— Так, значит, ты впервые здесь?

Она горько усмехнулась, кусая мясистые губы:

— Нашел новичка. Пусть крыша упадет на голову тому, кто бы лучше, чем я, знал Керки. Я тут педучилище окончила. Стажировку после университета здесь прошла, проживая у Сельби.

Моему удивлению не было границ. Все студенческие годы она кормилась за счет Сельби. Всегда и всюду шла по ее следам... Но о том, что и после университета Хаитгюль год жила и кормилась здесь, у Солтановой, не знал и думать не думал.

Эту информацию я тут же осмелился пустить в ход:

— Если так, то, Хаитгюль, ты тройной должник Сельби и ее матери. Все в твоих руках. Почему бы тебе не заняться всерьез, основательно изучением этой семейной трагедии? Если верить слухам, у них ничего не взяли. Даже золотые кольца и серьги... ковры ручной выделки... ровным счетом ничего.

Джепбарова криво усмехнулась:

— Ну и простак же ты, Октем. Что такое сережки-мережки, кольца-мольца по сравнению с вылитым из чистого золота чайником и пиалушками, ха? Зачем вора мелочь — серьги-перьги, когда все это богатство под руками?

— Да брось ты. Скажешь тоже.

— Зачем бросать, когда я сама вот этими руками держала за ручку золотой чайник, а из золотых пиалушек пила чай, и не раз. Солтановы от меня ничего не держали в секрете. И ничего не прятали. Если ты такой смелый, пошли со мной к тому дому, где и сейчас пьют чай из бесценных пиалушек и чайника. Назови мне хоть одного «героя», у которого бы хватило духа заняться расследованием обстоятельств этого во многом загадочного убийства.

Я назвал двоих.

Лицо у прокурора передернулось, приняло серьезный, озабоченный вид. Она уже не кривила, а лизала кончиком языка пересохшие губы. Я отметил про себя, как у Хаитгюль почему-то опустились плечи. Оторвав цепкий взгляд от меня, перевела его на дверь. Ей, очевидно, померещилось, что названные мною люди могут вот-вот постучаться и войти. Джембарова попыталась подавить внезапно обуявший ее испуг.

С первым прозвучавшим в ее кабинете именем она согласилась:

— Да, Хаиткулы Мовлямбердыев — это личность с большой буквы. Но его уже, считай, нет.

— Как нет?

— Я хотела сказать, что он больше не существует для розыска. А Халима, Халима сильна на проверки, а в оперативной работе кругленький ноль. В этом деле нужна не она, а Мегрэ. Считай, его уже нет. Его съели со всеми потрохами...

Мне показалось, Джембарова хотела убедить прежде всего себя, а не меня в том, что Хаиткулы безвозвратно потерян для розыска. И ее горечь по поводу этой потери исходила не от души, была показной. Она явно кривила душой.

— Жаль, что недооцениваешь Халиму. Плохо ее знаешь. Она на своем посту — второй Хаиткулы! Если к кому прицепится, не отпустит, как слепой блоху.

— Не преувеличивай. Я знаю эту бабу. Она сухарь. Бессердечная. Вчера уехала. Была здесь. Я посадила одного злостного алиментщика. Халима же возразила, что это, мол, противозаконно. Обещала, что выговор мне обеспечит. А я послала ее подальше. Напомнила, что против каждого ее верблюда у меня есть слон. Если в области все верблюды — ее, то в Ашхабаде все слоны — мои. Ты знаешь первого заместителя прокурора республики? Ты же должен его знать, вместе учились.

— Нет, — отрицательно покачал головой, — не помню такого. И не за этим я приехал сюда. Меня интересует тайна убийства Сельби и ее матери, о котором, к удивлению, ходят самые нелепые слухи, строятся самые противоположные версии. Как же могло такое случиться не замеченным для ушей и глаз горожан? Кругом же соседи...

Керки — город, любящий посплетничать. Керкинцы из сырой глины слухов мастера лепить и колоссов на глиняных ногах, и маленькие свистульки-шептульки. Мастера и приукрасить, и приуменьшить. С ножницами в одной руке, с иглой — в другой. Не успеешь глазом моргнуть, как перекроют, перешьют, такого насвистят, что хоть падай. Новости в Керки распространяются с быстротой вируса гриппа, вмиг. Словоохотливый городок всегда во всем осведомлен, в курсе всех дел и событий. И если

здесь не нашли, не ухватились за нить убийства, значит, просто не хотели. Могли, но не хотели.

Ровно через семь месяцев и два дня я начну подозревать тех, кому посчастливилось держать в своих руках вылитый из солнечного металла чайник, пить чай из золотых пиал.

В чайханах Керки разное судачили об этой трагедии, разные фамилии и адреса называли. А кому это надо?

— Ты что, собрался написать о Сельби?

Не помню, что скалambuрил я в ответ Джембарово́й. Ее вопрос не сразу дошел до моего сознания, потому что волны раздумий уже уносили меня в море опасных приключений, в неумолкающую стихию человеческих страстей...

Сильный удар захлопнувшейся дверцы сейфа, а также скрежет крутящихся ключей в замке штормовой волной выбросили меня на берег происходящего.

— Уволят — уйду... Что хотела, я уже взяла... От прокуратуры...

Что вложила Хаитгюль в свои слова — не понял тогда, и сейчас для меня они остаются загадкой. Но в одном я убедился окончательно — зря потерял полчаса драгоценного времени: здесь, в государственном здании, которое лихо приспособили под второй личный дом, напрочь отсутствует заинтересованность в раскрытии чудовищного преступления.

ИНТЕРВЬЮ

с Бабамурадом Назаровым, старшим помощником по кадрам облпрокурора.

А в т о р: Бабамурад, мне стало известно, что ты участвовал в первоначальном расследовании по поводу дачи взятки Джембарово́й. Верно ли это?

Б а б а м у р а д. Халима Джораевна первой начала расследование. Я был вроде помощника. Вас интересуют подробности или рассказать коротко?

А в т о р. Если можно, то поподробней.

Б а б а м у р а д. В первой половине июня 1987 года меня пригласил к себе прокурор области Борис Леонидович Кадер и сказал: «В обкоме есть жалоба на Джембарову. Предстоит обкомовская проверка. Едет Халима Джораевна. Ты будешь там. Окажи помощь. Хоть проверка по их линии, но кадр-то наш».

А в т о р. Что означает фраза Бориса Леонидовича: «Ты будешь там»?

Б а б а м у р а д. У нас намечалась плановая проверка — кадровое положение в межрайонной прокуратуре Керкинского района. Предполагалось направить туда меня. Вот что имел в виду прокурор области. Я и выехал в Керки днем раньше. На следующий день мне позвонила Халима Джораевна, сообщила, что находится в райкоме партии: «Ждем тебя, приезжай». Оставив дела, поехал. В кабинете кроме Розыбаевой находились муж и жена Рахманкуловы. Халима Джораевна познакомила их со мной и немешкая приступила к делу. Показала письмо, присланное в обком без подписей: «Здесь ссылаются и на вас!» — и подала его Рахманкуловым. Они хотя и не стали вчитываться в содержание, но, подержав в руках аккуратно

согнутый пополам лист бумаги, вернули его на стол. Потом последовал первый вопрос: «Не вы ли писали это?»

Оба, одновременно щелкнув языками и качая головами, дали понять, что не они авторы: что вы!..

В этой ситуации Халиме Джораевне пригодилось все: и приобретенная за время работы в прокуратуре профессиональная сухость, мелочная дотошность, кропотливость, скрупулезность и сердечность партийного работника, умение убеждать. И в данном случае... с мужем и женой Рахманкуловыми, только что наотрез отказавшимися от письма, сумела найти общий язык.

А в т о р. Известно, что наружность, характер, привычки, даже голос определяют само поведение человека. Немаловажное значение имеют порядочность и умение оставаться самим собой. Для людей вашей профессии важно не поддаваться искусственному, наносному, а значит — ложному представлению. Вот такое, по-моему, естественное поведение сглаживает натянутые отношения, сокращает расстояние между людьми.

Б а б а м у р а д. Вы правы. Я впервые стал очевидцем, как Халима Джораевна преодолевала то расстояние, о котором только что шла речь. Мне не приходилось работать с нею в одном коллективе. Слышал, что она крутая, мало думающая о том, как будет воспринята оппонентом ее нелицеприятная правда. Открытая прямота обычно вызывает у человека ответную твердость, замкнутость. Нет, не твердость, а упрямство. На этот раз я стал свидетелем, что это не всегда так.

А в т о р. Ты взбудоражил и мою память: словно слышался мне ее голос. Он до сих пор звучит в ушах. Лицо Халимы хоть и было не из улыбчивых, но ее голос сразу располагал к себе, как бы просил извинения за ту самую прямоту, был низким, бархатно мягким.

Б а б а м у р а д. Верно подмечено. Наши коллеги, беседуя с ней, не раз незаметно переходили на неофициальный тон и обращались к ней: «Халима-апа»¹. Это ей самой нравилось. В таких случаях она по-своему улыбалась.

Обычно, когда идешь к начальству, придирчиво осматриваешь себя, стараешься быть подтянутым, контролируешь каждый жест, слово, чтобы вдруг не к месту лишнего чего не ляпнуть. Начальники бывают разные: одним не хватает терпения выслушать до конца, другим обязательно нужно перебить или же оглушить окриком, третьим предпочтительней пронзить тебя вечно недовольным взглядом. У Халимы-апа можно было отвести, излить душу, не боясь последствий.

А в т о р. Не раз видел, встречал таких, которые клещами рады выдернуть из тебя нужную им мысль или слово, а в необходимый момент твоими же словами заткнут тебе рот. Почти нет таких людей, кто не знал бы Ходжаназарова. Был такой. Случалось, придешь к нему один, без свидетелей. Посидишь, поболтаешь, уйдешь. А он после ухода поднимает трубку, набирает номер твоего друга или большого начальника, симпатизирующего тебе, и начинает так: «Уважаемый, хоть режьте, хоть казните, я разочарован. Как же так? Вы хвалите, ласкаете, продвигаете его, а он кусает ваши пальчики...» Тот, на другом конце провода, конечно, захочет узнать, о ком идет

¹ Уважительное обращение к старшим; старшая сестра.

речь. Но Ходжаназаров назовет его не сразу, где-то в середине разговора, после впрыска в вену собеседника двойной дозы наговора-лжи. Никуда не денешься — был у Ходжаназарова? Был. Сидел? Сидел. Говорили? Говорили. О чем? Здесь уже каждый может полагаться на свою совесть. А совесть как раз есть не у всех... Все знают, что нельзя положить дрова на натянутую во дворе веревку. Знают, да с удивительной легкостью и обезоруживающей наивностью верят и в иной вариант. Этот Ходжаназаров. Ну, да ладно, хватит о нем, не стоят он и ему подобные стольких слов и времени. Халима Джораевна таких не переносит. Ей знакомы их приметы: уши — локаторы, нос — пылесос, вынюхивает, ловит и собирает сплетни из общественного мусора...

Да, чем завершилась беседа с Рахманкуловыми?

Б а б а м у р а т. Они подтвердили факт дачи пяти тысяч рублей в виде взятки через посредника Рахманову прокурору Хаитгюль Джеббаровой для освобождения сына.

А в т о р. Плакали их денежки. Считай, что сидят они теперь на пяти тысячах иголок...

Б а б а м у р а т. Верно. Представляю. Халима Джораевна с такой легкостью смогла «добыть» показания. Без нажима. Просто Рахманкуловы поверили, что дело принимает с самого начала бесповоротный ход.

А в т о р. Не всегда этому верят в наш век. И не оттого ли все наши беды? Я имею в виду несовершенство, вульгарный примитивизм методики следствий, дознаний, которая почти целиком построена на обмане, страхе, грубом давлении и физическом воздействии. Это подтверждает слабость, бесталанность, неспособность работников правоохранительных органов, полностью не соответствующих принципам построения в нашей стране правового государства. Посредственные люди или люди, севшие не в свои сани. Потом, знаешь, ни для кого не секрет, что обком партии — далеко, прокуратура — рядом. Работник обкома не сажает, с прокурором же шутки плохи. Он может и посадить, и освободить. Обком партии — для простого народа большой авторитет, но слишком любят там отфутболивать... От кого исходила мысль о даче взятки? Кто-то, наверное, им предложил, подтолкнул на столь рискованный шаг?

Б а б а м у р а т. Это Ашировы.

А в т о р. Они что? Признались, что подтолкнули, навели Рахманкуловых на мысль о взятке?

Б а б а м у р а т. Беседовали и с ними. И с Караевыми. Они будто сговорились, отказываются наотрез. Злятся: «Все это ложь. Клевета. Наговоры». Халима Джораевна пришла к выводу — проверку вести до конца следствия. Я, вернувшись из Креки, все это доложил прокурору области. Борис Леонидович Кадер через некоторое время снова пригласил меня в кабинет и сказал: «Езжай в Керки. Разберись. Если надо будет, возбуждай дело!»

На сей раз я сразу поставил в известность о цели своего приезда Джеббарову. Она словно взбесилась: «Я не брала ни копейки. Иди проверяй!» И я приступил к работе в одном из кабинетов райотдела милиции. На этот раз признались и Караевы, на которых тоже подействовали слова Халимы Джораевны. Они показали, у кого, когда заняли пять тысяч рублей. Нашлись и те, кто подтвердил время и сумму, данную в займы Караевым. Но Ашировы

не сдавались. И с заведующей канцелярией прокуратуры Рахмановой у нас тоже не получилось «разговора». Однако нить показаний не прервалась. Председатель Керкинского районного народного суда Назар Розиев подтвердил, что ему звонила прокурор Х. Джембарова: «Ты помоги этим ребятам. Если не поможешь, они завалят тебя жалобами». Она хотела напугать судью, но Розиев ответил, что будет действовать по закону.

А в т о р. Сколько дней пришлось потратить тебе, чтобы прояснить картину?

Б а б а м у р а т. Два дня. Возвратившись в Чарджоу и посоветовавшись с облпрокурором, я возбуждал уголовное дело и передал в следственный отдел.

А в т о р. Как видишь, сбылись мои предсказания. Еще раньше из некоторых достоверных источников просачивались слухи о получении взятки Джембаровой. Узнав, что в расследовании принимаешь участие и ты, помнишь, Бабамурат, я позвонил тебе, попросил зайти. Я тогда первым делом спросил: нужно ли твое участие? Ты подтвердил. Я не стал уточнять, чем грозило тебе это? Как товарища, быстро продвинувшегося по служебной лестнице, но недостаточно опытного в жизни и вообще в юриспруденции (эта быстрота могла оказать плохую услугу), я считал своим долгом предупредить: смотри в оба, не поддавайся никаким воздействиям — дело Джембаровой не из тех, которые легко приостановить.

Я был просто старшим товарищем. Уважал тебя, поэтому, не желая, чтобы ты, малоопытный, но честный парнишка, по мягкости характера не наломал дров, поспешил дать совет. Мои предостережения, конечно, строились на прямых фактах, имели под собой почву. Джембарова и ее муж были вхожи в круг твоих родственников, могли оказать влияние по неожиданным для тебя каналам — родственным.

К счастью, ты, Бабамурат, все понял.

Мой непринужденный совет был необходим еще и потому, что в то время мало кто верил в наказуемость людей, подобных Джембаровой. Даже опытные следователи, работники прокуратуры отмахивались. Решались держать пари. Ставили коньяки: ничего с ней не случится. У нее крепкие корни в Ашхабаде и в Москве. Работники следствия и прокуратуры говорили так неспроста. Их многолетний опыт свидетельствовал, что такие случаи попустительства и закрывания глаз на творимые беззакония не единичны, что раньше действительно было так. Но времена те бесповоротно ушли в прошлое. Я в своих доводах исходил лишь из быстрых перемен старого ритма жизни. Мои же оппоненты оставались при своих убеждениях.

Немного погодя некоторые из моих собеседников поехали в Достлук — к Солтанову, мужу Джембаровой, как в Мекку, на искупление грехов...

Б а б а м у р а т. Вы оказались правы.

ВТОРОЕ ИНТЕРВЬЮ

с Бекназаром Хайдаровым, старшим следователем по особо важным делам при прокуратуре области, юристом первого класса

— Бабамурат Назаров возбуждал уголовное дело, но... не в отношении Джембаровой, а против взяточдателей. Я собирался уйти в отпуск, но прокурор области Борис Леонидович Кадер почему-то меня попросил заняться этим делом. То есть всего за три дня до отпуска. Изучив материалы, дела, выехал в Керки. Известил Джембарову о цели своего приезда. «Вам здесь делать нечего, работники облпрокуратуры бездельничают: приезжает-уезжает один, появляется второй, за ним — третий. Вам не хватает плети», — Джембарова не стеснялась в подборе выражений.

Первыми я допросил Караевых и Рахманкуловых. Они подтвердили данные ранее ими показания. Затем пригласил взяточдателей. Все собранные материалы до меня, таким образом, вторично перепроверил. Не оставалось и капли сомнения в том, что две семьи, по пять тысяч каждая, всего десять тысяч рублей, вручили Ашировым, чтобы те, в свою очередь, передали их через заведующую канцелярией межрайпрокуратуры прокурору Джембаровой. Но Ашировы клялись, плакали, утверждая обратное: не было этого. Возводят на них напраслину. Гнусная ложь. Ни одной копейки не брали, никому ничего не передавали...

Утверждение четверых — супругов Караевых и супругов Рахманкуловых: собрали эти деньги для спасения своих сыновей. Совпадение всех прочих имеющихся данных по материалам расследования не оказали никакого воздействия на Ашировых. Они прочно стояли на своем. Казалось, ничто не могло их поколебать, хотя очная ставка нанесла и по мужу и по жене Ашировым ощутимый психологический удар. В какой-то момент они стали допускать неточности, которые, как катящийся снежный ком с горы, все увеличивались, росли, превращаясь в отдельные промахи и ошибки. В результате — сбивались, терялись, путались в показаниях.

В конце я повторил им:

— То, что Караевы и Рахманкуловы дали вам десять тысяч рублей, не вызывает у меня никаких сомнений. Если вы не переадресовали эту сумму по назначению, значит — оставили ее у себя.

Ашировы парировали мои доводы контрфактами:

— Нас злостно оклеветали. Вся грязь исходит от Маметкулы Мамедова, заместителя прокурора. Джембарова и ее зам враждуют меж собой. А Караевы и Рахманкуловы дальние родственники Мамедова. Как тут не понять, что Маметкулы подговаривает своих сородичей, а они по его прямой указке и затеяли свару...

Я вдруг засомневался, будучи в курсе неприязненных, открыто враждебных отношений, сложившихся у Джембаровой с Мамедовым. Она возненавидела Мамедова, и Мамедов отвечал ей тем же. Однажды мне даже пришлось специально приезжать по сигналу и внести ясность в их накалившиеся взаимоотношения. «А что, если это организованная клевета, чтобы отомстить Джембаровой?» — подумал я. Ведь все трое похитителей невесты привлечены к суду. Наказаны. Если б Джембарова действительно получила те пятнадцать тысяч рублей от родителей, что бы ей стоило освободить ребят, добиться мягкого наказания? Однако сын Караевых продолжал сидеть до сих пор...

А в т о р. Перед выездом в Керки вы виделись с Розыбаевой. О чем говорили с ней, какой наказ она дала вам? В чем его суть?

Х а й д а р о в. Первый раз, когда Розыбаева сама ездила в Керки, я находился в Достлукском районе. На обратном пути случайно встретились и вместе выехали в Чарджоу. Тогда и зашел разговор о факте взятки, в котором фигурировала Джепбарова. «Хорошо было бы,— сказала Халима Джораевна,— если бы следствие вел ты. Попади это дело в нечистоплотные руки (она назвала фамилию одного моего коллеги), все пропало: он сдерет тридцать тысяч рублей, а взяточница останется невредимой». Мой приближающийся отъезд в отпуск Розыбаеву явно разочаровал. «Жаль»,— с сожалением произнесла она. Теперь я думаю, в моей командировке сюда есть ее содействие. Сердцем чую, что, несмотря на ограниченный срок, это дело не без вмешательства Розыбаевой было передано мне. Неспроста перед моим выездом она позвонила мне и напутствовала: «Бекназар, докажи еще раз, что ты ученик самого Хаиткулы Мовлямбердыева. В случае чего, ставь нас в известность. Соблюдай законность. Будь осторожен и объективен, как туркменский Мегрэ».

А в т о р. Вот как! А дальше?

Х а й д а р о в. Ее напутствие меня подтянуло. На месте я ознакомил супругов Ашировых со статьей 196 УК ТССР. Дал им прочесть. В случае принуждения дачи взятки взятокодателя, обратившиеся в соответствующие органы добровольно, освобождаются от уголовной ответственности. Еще раз напомнил ситуацию — им придется ответить на вопрос: куда делись десять тысяч рублей супругов Караевых и супругов Рахманкуловых? Думать, что они клеветают на Ашировых, нет оснований — между ними отсутствует вражда. «Так что пока не докопаемся до истины, от вас не отстанем. Идите, пожалуйста, домой, подумайте над этим. Завтра я уезжаю, но между 15.00 — 16.00 буду в Дашсарае». Этими словами я завершил разговор с Ашировым и попрощался.

На следующий день, ближе к назначенному времени, заехал в прокуратуру. Пока факт получения взятки Джепбаровой из-за отсутствия необходимых доказательств не подтверждался, о чем я и хотел в письменной форме поставить в известность пославших меня сюда.

Зашел в кабинет Джепбаровой. Ей не терпелось узнать о результатах следствия. Я не утаил:

— Пока топчемся на месте.

Она успокоилась.

Как только выехал со двора, неподалеку, за воротами Дашсарая, увидел Ашировых. Я вылез из машины. Они подошли и спросили:

— Вы хотите знать правду?

— Да.

— Вот вам — правда, получайте. Если вам удастся за нее постоять до конца...— Аширова подала мне вчетверо сложенную бумагу.

Мы вернулись в райотдел. Надо было официально оформить допрос, получить ответы на несколько неясных вопросов.

— ...постоять до конца! Как это понимать? — спросил у Ашировых, рассаживая их поудобнее в кабинете заместителя начальника отделения районной милиции.

— Это означает, что однажды Джепбарова вызвала меня и других взятокодателей и предупредила, что завтра приедут из Чарджоу Розыбаева и Назаров. И будто бы они звонили ей, сообщили о цели командировки,

что, мол, будут проверять жалобу и что мы должны опровергнуть факт взятки. «И Назаров и тем более Розыбаева не скажут вам «не признавайтесь». Ясно? Они оба — мои люди. Приедут, спросят и уедут. Поняли?»

И нам подумалось: Назаров и Розыбаева, так и есть — ее люди, раз предупредили заранее о своей командировке в Керки, о цели приезда. Все равно они нам не поверят. Останемся в дураках...

— О моем приезде она тоже сообщила вам? — задал я следующий вопрос.

— Нет. Наверное, вы не оповестили ее?

— Почему же тогда были не откровенны со мною?

— Не хотели еще раз остаться в дураках. В первый раз, когда мы шли к вам, она перехватила нас и заявила: «Этот следователь — сопляк. Соплячок! Я могу, не выходя из кабинета, оставить его без хлеба. Достаточно одного звоночка. Поняли? И вы сами тоже держите язык за зубами. В противном случае раздавлю, как спичечную коробочку, каждого из вас, поняли? Посажу обоих». Мы и поверили. А как нам было не верить ей. Она — прокурор района. А мы кто такие?!

— Тогда что? Начнем заново?..

Письменное показание Ашировой

В феврале 1987 года троих парней, участников похищения невесты, в том числе и нашего сына, привлекли к уголовной ответственности. В тот день, когда их начали допрашивать, мы с мужем были в Дашсарае. Там находились и Караевы, а также Рахманкуловы. Мы все думали, что, как окончится допрос, наших детей отпустят домой. Но ошиблись. Следователь Агагельдыев по настоянию прокурора задержал их в ИВС. Мы боялись, что их посадят вообще. Впервые мы имели дело со следствием.

Я и раньше знала Рахманкуловых и Караевых, но не так хорошо, чтобы быть с ними на короткой ноге. Так себе. В тот день они тоже были растеряны и подавлены. Уже стемнело. Тянуло холодом. Бил озноб. Поэтому я пригласила супругов Рахманкуловых и Караевых к себе домой. Примерно в 22 часа они пришли. Все мы были наслышаны, что Джембарова после назначения прокурором несколько месяцев проживала у своей заведующей канцелярией Хамранияз Рахмановой, знали и об их близких отношениях. Я посоветовала: «Может, к заведующей канцелярией обратимся, а?!» Гости поддержали меня и убедили переговорить с нею.

С Хамранияз я была знакома. Сходила к ней и попросила помочь нам. Она обещала завтра выяснить все у Джембаровой и результат сообщить к вечеру. Я вернулась домой и рассказала обо всем ожидавшим меня Караевым и Рахманкуловым. На следующий день, как было условлено, к вечеру, пошла опять к Х. Рахмановой. На этот раз Хамранияз сообщила, что настроение наших ребят на «пятерку» и, значит, с каждой семьи надо собрать по «пятерке». То есть по пять тысяч рублей. Я пришла домой и намекнула обоим супружеским четам: мол, нужно от каждой семьи (считай — за каждого парня) по пять тысяч прокурору — всего пятнадцать тысяч рублей. Все согласились. В назначенное время Караевы и Рахманкуловы принесли десять тысяч, я добавила пять тысяч рублей — долю за своего

сына — и отнесла домой зав канцелярией прокуратуры Рахмановой, вручив лично ей в руки всю сумму. Хамранияз взяла деньги и заверила, что к такому-то часу сыновья будут дома. И правда, в означенный час наш сын пришел домой. Вернулся и сын Рахманкуловых. Сын же Караевых почему-то не был освобожден. Возмущенный Караев-старший примчался к нам с претензией: «Я ведь тоже отдал пять тысяч рублей, так почему моего сына задерживают?!» Я ответила ему: «Деньги ваши отданы кому надо, идите требуйте у нее!» Он, Караев, пошел к завканцелярией Х. Рахмановой, а та переадресовала его к прокурору: деньги, пояснила она, у нее. Караев зашел к Джембаровой: «Я ведь тоже внес пять тысяч рублей, раз взяли, будьте добры освободить и моего парня!» Джембарова возразила ему, что Караев-младший — организатор преступления, посему его в данный момент придется задержать, но причины для беспокойства нет, сын будет освобожден на суде.

Однако Джембарова и на суде не сдержала своего слова. И вообще она не помогла нашим детям, всех их осудили. После процесса мы затребовали у нее или действенной помощи, или возвратить деньги, ну хоть половину, ну хоть четверть... Прокурорша отделалась отговорками, что поможет через облсуд, но деньги так и не возвратила...

Из дневника Халимы

«Натянутые отношения с руководством стали поводом для моего ухода из областной прокуратуры. Я не могла пойти на уступки, против совести...»

ТРЕТЬЕ ИНТЕРВЬЮ

Я никогда не предполагал, что этот человек, у которого брал интервью, мог ненавидеть Халиму. Нет, слово «ненависть» он не произносил. Возможно, даже не знал, что питал к ней чувство неприязни. Он был, по его же словам, не близок к ней. При встрече просто кивали друг другу. И когда на свадьбах или на совещаниях места оказывались рядом, их диалог ограничивался лишь ничего не значащими фразами: «Как здоровье?» — «Да не жалуюсь».

А в т о р. Может, нечаянно, где-то, когда-то, вскользь говорили о ней плохо?

И н т е р в ь ю и р у е м ы й. Клянусь хлебом, никогда, нигде не обмолвился ни словом. Ни хорошим, ни плохим. Впервые в жизни завел разговор о ней только с вами. Впервые. Я давно усвоил и зарубил себе на носу — ни о ком не высказываться вслух. А то как получается — проронишь одно слово, тут же найдутся доносчики, которые из него испекут тысячу небылиц.

Впервые нарушаю давний обет, а все потому, что перед вашей писательской просьбой не мог устоять. Вы должны мне дать слово писателя, что оставите нашу беседу в тайне, между нами. И еще одно неременное условие — во время интервью не спорить, не высказывать свою точку зрения. Я сам сторонник однажды сложившегося мнения и на чужое стараюсь никогда не оказывать давления.

А в т о р. Считайте, что условие принято. Значит, между вами и Халимой Джораевной ни разу не пробежала черная кошка, верно?

И н т е р в ь ю и р у е м ы й. Не только между нами, между нашими отцами, дедами, прадедами не было и быть не могло размолвки. Клянусь хлебом. Я считаю Халиму обиженной, обойденной природой. В отношении наружности, красоты. Зато ума ей было дано вдвойне. Красота — не такая уж большая потеря только в том случае, если у тебя избыток человечности. Ум и человечность не одно и то же. Ей именно не хватает последнего. Посему так ярко выделяется ее некрасивая наружность. Человечность многогранна, я говорю об одной не принятой и не понятой мной грани ее, Халимы, характера — она режет правду в глаза. И хорошее, и плохое — все в глаза. Конечно, более-менее терпимо, когда слепого обзывают слепым, рябого — рябым. А попробуй скажи проститутке — проститутка, вору — вор...

А Халима запросто может сказать. Ее голая прямота — это следствие той самой обойденности, о чем я уже говорил. Почему-то мне кажется, что она свою обиду, затаенную против природы, вымещает на людях. Убей, если знаю, умышленно или неосознанно она поступает так. Хотя, в принципе, это не имеет большого значения.

А в т о р. Говорят же туркмены: у правдоискателя нет друга.

И н т е р в ь ю и р у е м ы й. Не все зеркальца одинаково отражают человека. Плохое хочется ударить о землю, разбить вдребезги. Зеркальце-то можно разбить, заменить другим. Не смотреть, наконец, если оно искажает, портит настроение. А у людей... людей остается избегать. Хорониться подальше. Обходить стороной.

А в т о р. Как по-вашему, кто необходим в первую очередь нашему времени: такие, как мы с вами, или такие, как Халима?

И н т е р в ь ю и р у е м ы й. Если вы, говоря о нашем времени, имеете в виду перестройку, то по логике вещей до зарезу нужны такие, как Халима, а для приятной, размеренной, спокойной жизни — мы.

Приветственная телеграмма

Уважаемая Халима, поздравляем Вас с наступающим праздником Октября. Мы горды тем, что знакомы с Вами, будучи жителями города Чарджоу, мы узнали Вас близко. Вы неподкупный работник прокуратуры и преданный товарищ.

Масленникова¹

Красноводск

Из беседы

с Бекназаром Хайдаровым, старшим следователем при прокуратуре области, юристом первого класса

— Решил допросить Хамранияз Рахманову, заведующую канцелярией Керкинской межрайонной прокуратуры, вызвав ее в Чарджоу. Сразу,

¹ Жена бывшего прокурора Чарджоуской области.

вернувшись из Керки, коротко обо всем доложил Кадеру. Вечером с Хаиткулы-ага зашли домой к Халиме Джораевне. Она, услышав наш разговор на лестничной площадке, открыла дверь. «Кого не узнаю по голосу, тому вечером не отворяю», — призналась нам. Хаиткулы-ага попросил теперь быть особенно осторожной, даже к голосам знакомых. Розыбаева как-то застенчиво-грустно улыбнулась и показала на «глазок»:

— Если голос кажется сомнительным, то всматриваюсь через эту видео-систему. Что поделаешь, трудно ходить по улице, оглядываясь по сторонам, спать по ночам прислушиваясь... Одному-то, каким бы он машиной ни был, не поддамся. Разве только из-за угла или удар в спину... Спасибо Хаиткулы-ага, он почти каждый божий день между девятью — одиннадцатью вечера непременно заглянет. Иногда жена его — Марал-гелнедже¹ позвонит. Тогда я узнаю, что Мегрэ нет дома. Солмазджан радуется. Обязательно найдет какой-нибудь повод. Вот вчера звонит мне и говорит: «Заходите, тетя Халима, у Мегрэ «Дети Арбата» есть, с автографом автора. Возьмите почитать». Я-то знаю, что книга служит лишь поводом для приглашения.

Хозяйка уютной квартиры старается улыбаться, казаться веселой, чтобы успокоить нас, своих друзей. Хаиткулы-ага тоже пытается скрыть от нее и меня тягостные мысли, но это плохо получается, почти не удается. И улыбки ее не те, и чистый звонкий смех его не тот. Нет, отсутствует у обоих внутренняя сосредоточенность, уверенность в себе. Видно, где-то посередине у обоих надломился душевный стержень. Поэтому и стремятся всеми силами воспрянуть духом. Попытка их не выглядит неестественной. Искусственность одинаково противна и ей и ему.

Халима Джораевна предложила нам кофе. Но Хаиткулы-ага попросил чаю, зеленого, девяносто пятого. Хозяйка смущенно оправдывалась:

— Я бы сама... но, ребята, приличных сладостей к чаю у меня нет.

Пока чайник закипал, она показала нам недавно приобретенные книги. Поинтересовалась, читали ли мы что-либо из новинок. На ее вопрос Хаиткулы-ага огорчительно-беспомощно улыбнулся. Он поднял правую руку и, выпятив пальцы, приблизил ладонь к глазам Халимы. Три пальца, которым больше всего достается от много пишущего человека, почернели от мазей.

— Но могу похвастаться в одном — ни строчки Ваксберга, Гамаюнова, Щекочихина, Борова из «Литературки» не пропускаю. Убедился: продлись застой еще лет на пять, мы оказались бы в пропасти. Точно, правоохранительные органы загнали бы туда, это нам доподлинно известно. Гниение происходило на наших глазах. Единственное, что мы сумели, — это не участвовать в процессе разложения, дискредитации органов. Боролись как могли, твердо зная о бесполезности нашего бунтарства.

Вот вам один лишь факт.

Имя Худайберена Солтанова в Чарджоу никому ничего не говорило. Он тогда был инспектором БХСС. Талхат Хасьянов работал с ним. За короткое время я много наслышался о крутом нраве Солтанова. Когда же мне в отдел потребовались новые сотрудники, то пригласил к себе

¹ Тетушка.

Талхата Хасьянова. Он тут же согласился. И сразу объяснил причину быстрого согласия. Оказалось, однажды он и Худайберен Солтанов пришли в какой-то магазин на проверку — то ли по жалобе, то ли на плановую, подробностей уже не помню. Пришли, рассказывает Талхат, а завмаг вертится перед ними как волчок. То предлагает чай, то еще что-то, все обхаживал их, пытаясь угодить. Три дня продолжалось так.

«На четвертый день,— говорит Талхат,— завмага будто подменили. Меня он не приветствовал, как раньше, заискивая, а просто кивнул головой. Его оптимистическое настроение трудно было чем-либо объяснить. Что же могло произойти всего лишь за сутки?»

Гадать ему долго не пришлось. Его коллега Солтанов, почуяв подозрительность Талхата, предложил ему сделку. Начал виртуозно, издалека: «Слушай, брат, со временем тебе и мне нужны будут деньги. Для содержания семьи. Ну чтобы не жаться в железобетонной «хрущевке», ну чтобы одеть жену и детей, как все нормальные люди. Деньги сами плывут к нам в руки. И не из мозолистых рук. У торговцев денег — куры не клюют! И богу будет угодно, если мы их карманы немного облегчим. Бог, говорят, дает один лишь раз».

Разъяренный Талхат притащил Солтанова к секретарю парторганизации. Я сам участвовал в рассмотрении персонального дела Худайберена, предложив исключить его из рядов КПСС и уволить из правоохранительных органов. Предложение было поддержано, правда, немногими. Сам Солтанов вскоре исчез. Года через три опять откуда-то вынырнул, уже с погонами старшего лейтенанта. Да с такой чистой, безупречной характеристикой, что я невольно подумал: «А что, человек, возможно, исправился. Сделал соответствующие выводы. Нашел в себе силы. Ну и молодец. Хорошо, что тогда меня не все поддержали,— сделал я себе внушение,— а то зазря пропал бы талантливый кадр».

В комнате у Халимы было прохладно. Бесшумно работал кондиционер на закрытой веранде, но все равно сохло во рту. Хотелось пить. Очень кстати пришелся чай, заваренный каждому гостю в отдельном чайнике. И неожиданно в центре внимания оказался я.

— Хамранияз Рахманову вызвали на завтра, да, Бекназар? — обратилась ко мне Халима Джораевна. Очевидно, она хотела показать этим свою осведомленность.

Я кивнул.

— Она сделает все, чтобы открутиться. Потому что у нее опытные учителя. И много повидавшие, на все способные. Ты это учти, Бекназар. А что, если она не признается? — спросила Халима, сняв очки и салфеткой протерев стекла.

— Тогда придется ее задержать.

— Задержать следует ее в любом случае... Положение Рахмановой не из легких. Как в песне поется: «Если скажу — убьют, если не скажу — подохну сам». Подумай, Бекназар, и об остальном. Но я должна тебя предупредить — никаких звонков к ней. Не дай бог, пальцем дотронуться до Хамранияз. И так столько разных слухов о пытках доходит до нас!.. Смотри, Бекназар, тогда пеняй на себя. До этих самочинных методов дознания все никак руки не доходят. Но доберемся и до них. Смотри сам лично...

Недозволенные методы дознания... К несчастью, упреки Халимы имели основание... Давно пора навести порядок...

Ее предупреждение заставило меня призадуматься.

Хамранияз Рахманова, как я и предполагал, не призналась в своем соучастии в преступлении. Заявила, что ни одной копейки не брала и никому ничего не передавала. Все это чушь, клевета и так далее. Тогда я выложил перед нею показания, написанные свидетелями взяточдателями. Она прочла их.

— Хамранияз-апа, мне приходилось бывать у вас, сидеть за дастарханом. Поверьте, я желаю вам только добра. У вас дети. Если вы те пятнадцать тысяч рублей никому не передавали, значит, вы их оставили себе. Понимаете? Почему вы взваливаете всю вину на себя? Вас привлекают, как... как привлекают, не мне вам объяснять. Столько лет работаете в прокуратуре.

Потом я напомнил Хамранияз, что в этом деле ждать от кого-то помощи — гиблое дело.

Не помогло.

Я уже убедился, как настойчиво поработали с нею «учителя». «Ни слова. Язык держи за зубами. В противном случае...» Эти слова я читал — они были написаны в ее взгляде. Но сама Хамранияз еще находилась под гипнозом. Она была спокойна.

Пришлось отбросить деликатность:

— Вы пропадете. Вами жертвуют. Когда очнетесь, будет поздно. Еще раз напомню: ждать от кого-либо помощи — заблуждение. Не от кого. Помочь себе можете вы сами. Признанием правды. Я уверен, убежден, вы не смогли присвоить пятнадцать тысяч. И зная это, не могу оставаться посторонним наблюдателем. Не могу спокойно взирать, как вы на себя надеваете петлю. Если завтра ваши дети, увидев меня, спросят: «Она ведь простая женщина, как вы не сумели ее убедить? Вы же профессионал — убеждать ваша обязанность. Как же вы после этого ходите, не боясь, что однажды земля провалится под вашими ногами? Вы же, Бекназар-ага, когда-то считались учеником Хаиткулы Мовлямбердыева, как вас теперь величать?»

Что я отвечу? Скажу, что старался, но ваша мать сама ничего не желает понять и изменить в лучшую сторону?

Вы будете отбывать срок, а взяточники насмехаться над нами, над вами, над истиной...

Я вас знаю. Не могу не повторяться. Я уеду не со спокойной совестью, но все же могу оправдаться перед другими. Я ведь действительно старался добиться от вас правды. Вы не поддаетесь. Вас одурачили... Вашим доброжелателям не останется ничего другого, как сказать: «Пусть пеняет на себя. Сама хотела того, что получила». И они будут правы. В каком-то смысле.

Не помогло.

Под конец спросил:

— Они вас подвезли?

— Да.

— Обещали и обратно увезти?

— Да.

— А вы спросили, что делать, если мы задержим вас?
— Да.
— Каков был ответ?
— Сказали, что не посмеют.
— Вот и посмеем. Для вашего же благополучия,— заключил я нашу беседу.— Мне тоже еще жить да жить, и не хочу ходить по земле, пряча глаза, не хочу топить невинного.

Написав постановление, выпроводил Рахманову в ИВС.

Вечером того же дня я посетил Рахманову. Предупредил работников, чтобы не возникало нежелательных конфликтов, чтобы относились к ней вежливо, ни в чем не ущемляли. А ей, Хамранияз-апа, если, конечно, она скажет, кому отдала те 15 тысяч рублей, гарантировал освобождение, так как по статье, по которой ее должны были привлечь к уголовной ответственности, Рахманова попадала под амнистию.

В воскресенье позвонили из ИВС. Меня требовала задержанная. Хамранияз-апа вцепилась в мои руки и, глядя их, запричитала:

— Бекназар-джан, меня напугали... издевались... У них всесильная рука... есть свои люди в верхах... Я это узнала... когда она жила у меня... Ты меня убедил... Я готова дать показания...

Я допросил ее в специальном кабинете. Записал на видеопленку. На следующий день для очной ставки вызвал из Керки Джепбарову.

Она шла по коридору как в былые времена, когда работала здесь, высоко держа голову, шпильками гвоздя шаткие полы облпрокуратуры, выпятив широкую грудь. И вошла в мой кабинет, как бы делая одолжение. Не торопясь, с достоинством села на стул. Ни волнения, ни какой-то напряженности и скованности я не заметил. Или она была чересчур уверена в себе, или мастерски владела собой, скрывала свое состояние от чужих глаз. Закинув ногу на ногу, глядя совершенно в другую сторону, Джепбарова сразу же стала бросать камни в мой огород:

— Что вы натворили с Хамранияз? Ее не узнать, лицо без кровинки, будто семь лет пролежала в больнице. Что вы наделали с нею? — Затем с неподдельной горечью и болью обратилась к Хамранияз Рахмановой:— Это бывший милиционер, привыкший к незаконному глумлению над жертвами. У, беззаконники! Костоломы! Если тебя кто-нибудь обидел, хоть пальцем тронул — скажи, я на них найду управу. Посмотришь, как их вздернут вверх ногами. Только скажи!

Рахманова подняла голову — на ней лица не было. Она то белела, то краснела, то все оттенки перемешивались: чувствовалось, что внутри нее шла борьба — смятение противостояло гордости и достоинству, не уступая своих позиций. В конце концов она посмотрела на меня, наклонясь в мою сторону, словно ища поддержки и заступничества.

Я принял официальный вид и потребовал от Джепбаровой соблюдения приличий. Просил ее не забывать, где и в качестве кого она находится здесь в данный момент. Хаитгюль презрительно скривила губы. Таков был ее ответ.

Кажется, до нее дошел смысл сказанного мною или она не хотела, чтобы предупреждение повторилось, но больше не перебивала, не кривлялась, до конца слушала меня о причинах и доводах очной ставки.

Она ожила, когда стала говорить Хамранияз. Рахманова обличала ее, а Джембарова будто отгоняла мух, размахивая руками:

— Что ты, Хамранияз, что лепечешь?.. Это не твои слова... Они тебя напугали... Это ты их слова повторяешь. Приди в себя, Хамранияз. Ой, что они наделали с тобой?

Очерняя нас самыми неприличными словами, районный прокурор между тем давала знать Рахмановой, что пугаться нас нечего, что она очень скоро даст всем по зубам, найдет на нас управу. Главное, не терять надежды, — всем своим невозмутимым видом убеждала она Хамранияз. И украдкой пальцем показывала на кончик высунутого языка — молчи, и все будет в порядке! За двадцать восемь лет Джембарова многих таких, вроде нас, якобы ставила на место. Она хотела своим славословием оглушить Рахманову, тараторила впопад и невпопад — то тихо, под нос, то внушительно громко, прокурорским голосом.

— Давно прошли те годы, когда могли запугиванием добиться признания, — твердила Хаитгюль.

Надо признаться, временами ей удавалось как бы заново загипнотизировать свою жертву, заставить Хамранияз замолчать, призадуматься.

Мое предупреждение, как просроченная таблетка, не оказывало почти никакого действия на райпрокурора. Сейчас она просто не могла совладать с собою. Мне по-человечески стало вдруг ее жаль. Кем была, какой станет? Неплохой работник. Гордая! Знающая себе цену. Старалась не портить репутацию. Растила детей в том же духе. В семье есть студент вуза. Сына пора женить, дочерей выдавать замуж. И вот в момент, когда она, может, больше всего им нужна, Джембарова так «прокололась», почти себя угробила. Жаль. Каждый раз, когда отрываюсь от дела, ухожу в свои мысли, вспоминаю слова Хаиткулы-ага: «Все бери под сомнение. Пусть сомнение не покинет тебя даже после суда: а не больше ли, чем положено, он, осужденный, получил? И еще. Если ты берешься за дело, будучи твердо уверен в его исходе, тогда считай это уже не следствием, а подтверждением твоих убеждений».

Наверное, поэтому я не особо усердствовал, чтобы вмешаться, перебить тираду Джембаровой, робкие ответные вспышки Рахмановой. Пусть говорят друг другу что угодно. Зернышко истины часто отыскивается и в шелухе.

Весы правды заколебались.

Хамранияз всегда мешала природная стеснительность, сменявшаяся робостью перед начальством. Порядочность, стремление принести себя в жертву ради кажущегося благополучия, принять, взять весь удар на себя в данной ситуации тоже ослабляли ее позицию. Но упорная бездушная стена, бесстыдная наглость Неправды, чудовищное нахальство Лжи, кажется, начали щекотать ее нервы, пробуждать в ней чувство собственного достоинства и справедливости.

Рахманова, словно стряхнув с себя сонное оцепенение, уже не отнекивалась, не мямлила, не дрожала, а убедительно рассказывала, как райпрокурор Джембарова определила сумму взятки, где и когда преподнесла ей 15 тысяч рублей. Исповедалась Хамранияз без утайки, без оглядки, глядя мне прямо в глаза. Но я видел, с каким трудом давались ей эти горькие раскаяние и признание. Чего нельзя было сказать о райпрокуроре.

Не знала Джепбарова жалостливой струнки. Возможно, не было и души. Она без двух годиков тридцать лет как у власти — большой человек! За эти годы не счесть семинаров-совещаний, на которых она побывала в разных городах, на разных уровнях. А сколько знакомых заимела, скольких начальников республиканского, союзного масштаба приходилось ей встречать, принимать у себя, сопровождать по области, провожать, оказывать им большие и малые услуги?! Теперь многие из них продвинулись по службе, получив повышение, встали у руководящего руля. Механизм дружбы, взаимной выручки должен был сработать и на этот раз, прийти в движение, если, конечно, никто и ничто не помешает...

А кто такая Хамранияз?

Ее навряд ли отличишь, выделишь среди женщин. Ничем не примечательная, обычная, простая и по одежде, и по манерам держаться, вести себя. Не все на улице, где она проживает, даже знают ее, замкнутого, скромного технического работника.

А кто такая Джепбарова?

В области мало таких, кто бы не слышал о ней. Среди республиканских юристов — заметная личность. Ее чин работника юстиции соответствует званию полковника. И в Ашхабаде, и в Москве рады были при встрече поцеловать ей руку.

Кто пострадал бы после ухода Хамранияз?

Двое ее парней. И место зав канцелярией райпрокуратуры опустело бы ну, скажем, на срок не больше недели.

А кто пострадал бы после ухода Джепбаровой?

Пятеро детей. И должность райпрокурора могла бы быть незанятой несколько месяцев. Стало бы меньше на одного опытного работника, прокурора республиканского значения. Командированные начальники из вышестоящих инстанций потеряли бы в лице Хаитгюль щедрого, общительного сопровождающего и провожающего.

Как видите, в любом случае уход последней будет ощутимей. Предположим, Рахманову и Джепбарову пригласили на свадьбу. Где бы оказались их места? Хамранияз попросили бы помочь обслуживать гостей, а Хаитгюль усадили бы на почетное место за столом. Или предоставить им обоим возможность выступить, допустим, с одной трибуны. Кого наградили бы аплодисментами? Чьему выступлению поверили бы больше? Конечно, Джепбаровой.

Нет, не Хаитгюль возвела в абсолют житейский принцип: «Каждый сверчок знай свой шесток», отвела каждому место по чину, а почести — по должности. Такой распорядок существовал и до ее появления на этот свет. Она одна из продолжателей непреложного правила. Сторонница раз и навсегда принятых субординации и иерархии, обособленности и неприкасаемости высшего эшелона, противница нарушений, изменений в закоренелой, старой, но устойчивой пока еще системе сложившихся людских отношений. Джепбарова одна из тех, которым кажется, что малейшее вторжение в привилегии круга избранных привело бы к концу света. Таких, как она, тысячи. Может, десятки, сотни тысяч. И система круговой поруки.

А в т о р. Вы даже немного снизили общественную значимость подобного поступка и того небывалого резонанса, который бы он получил, если

бы... Джембарова не из-за денег, а просто по-человечески, по-матерински делала то, на что отважилась ради трех парней. О ней долго бы еще разносилась благодарная молва, если б даже она вышла на пенсию, ушла из жизни... Простые люди никогда не забывают доброты. Говорили бы как о героическом поступке, как о небывалой доброте души. Правда, и сейчас будут говорить, но иначе...

Х а й д а р о в. Верно. Прокуратура ведет следствие. Передает дело в суд. На суде поддерживают обвинение. Ошибки в следствии можно исправить на судебном процессе и после суда. К сожалению, это редкое явление, пожалуй, исключение, чтобы прокуратура признала свои ошибки и исправляла их на суде. Обычно стараются закрепить, довести до утвержденных законом статей.

Очная ставка хоть и дала кое-что следствию, но, надо честно признаться, Джембарова не «раскололась». Она со слепым неистовством продолжала твердить, что лжесвидетели организованы прокуратурой, ее врагами. Ничем не брезговала. Все эти приемы привычны для нас. Джембарова, пользуясь тем, что я занят оформлением протокола очной ставки, обрабатывала Рахманову:

— Держись, Хамранияз, хотя бы еще денек. Послезавтра утром добьюсь твоего освобождения. Сама приеду за тобой. Ты только не поддавайся, держись, поняла?!

Вначале я подумал, может, все-таки в ней проснулось чувство сострадания. Подходя к Хамранияз, она гладила ей плечи, вытирала лицо, подавала пить.

По логике вещей, принимая во внимание показания и обвинения, выдвинутые Рахмановой против нее, Джембарова не должна была оказывать подобные услуги жертве, тем более — непослушной, нарушившей данное слово, не удержавшей язык за зубами. За это следовало бы облить отступницу кипятком, вцепиться и разодрать ногтями лицо, вырвать ей волосы. Хамранияз дала показания. Совсем не те, которые, по уговору с Хаитгюль, должна была дать. Перед ее глазами она обличала, срывала маску лжи.

Почему же Джембарова мурлычет как кошка? Все показания Рахмановой и подписанный ею протокол райпрокурор валит на следователя, делая вид, что не винит в этом Хамранияз. «Они тебя заставили, это не твои слова, — произнесла она. — Зачем? За что?»

Может, райпрокурор в эти минуты вспомнила, как сидящая перед ней женщина, ее бывшая завканцелярией, в течение нескольких месяцев давала ей приют, кормила, стирала ее многочисленные платья?

Может, Хаитгюль понимала, что Рахманова под натиском обрушившихся бед не сможет устоять перед опытными следователями и далеко не райскими условиями в ИВС, что все же она простодушная, бесхитростная, слабохарактерная женщина и потому призналась не от сладкой жизни, не по своей воле. (Может, Джембарова все эти обстоятельства учла?!)

Ясное дело: факт взятки налицо и без ее признания. Разве это не доказано показаниями свидетелей — взяткодателей Караевых, Рахманкуловых, Ашировых, негодовавших у Рахмановой по поводу того, что сыновьям не дали обещанной свободы? Разве не Хамранияз, сказав им: «Все ваши деньги мною переданы Джембаровой — зайдите к ней, от нее

и требуйте!» — направила их в кабинет райпрокурора? И наконец, разве не Джепбарова обещала им содействие через областной суд?!

Сколько бы я ни распускал, то удлинняя, то укорачивая, цепочку раздумий, все-таки добраться до истинной дальнбойной цели Джепбаровой не удалось. Это я понял потом.

На следующее утро истекал трехдневный срок задержания Рахмановой в ИВС. На очной ставке она во всем призналась. Теперь не было необходимости держать ее здесь. Пусть сидит дома. Но почему-то мне не хотелось отпускать Хамранияз. И это инстинктивное чувство не было беспричинным. Рахманова в тот раз, когда, по ее же требованию, должны были ее повезти на допрос, бросилась под колеса машины. По счастливой случайности осталась невредимой.

Прокурор области Кадер не принял всерьез этот случай.

— Отпускай. Ты что, не читаешь прессы? — обрушился он на меня.

Конечно, я имел право не согласиться с его мнением. Но не устоял под нажимом начальственного авторитета, таким образом перечеркнув всю школьную программу Хаиткулы Мовлямбердыева, всю преподанную им науку.

«Нет, Борис Леонидович, я считаю по-иному — случай с Рахмановой дает мне полное основание, ради нее же, держать ее здесь», — должен был я настоять на своем. Пусть бы ее отпустили из-под стражи под ответственность Кадера. Не настоял. Просто высказал, что я думаю на этот счет. Уступил начальнику. Значит, плохо усвоил я уроки Мавлямбердыева.

Хамранияз Рахманова бросилась под колеса, не владея собой, после первых необдуманных мыслей. Пусть будет так, но теперь, освободившись, она вернется в Керки и в чьи руки попадет? Что ждет ее там? Разве не меня предупреждала Халима Джораевна? Сказать, что я не думал об этом, было бы неправдой. Думал. Но не смог постоять за Рахманову.

Знали бы, как вскочил с места Хаиткулы-ага, когда я ему поведал про все. Думал, что ударит. Я даже не отпрянул, не отшатнулся, подставив щеку, но удара не последовало. Лишь услышал, как у него заскрежетали зубы. Целую неделю он не здоровался со мной.

Рахманову освободили. Но перед этим я побеседовал с нею. Опять не преминул напомнить, что статья, по которой она будет привлечена, подпадает под амнистию. В случае шантажа, угроз, нажима со стороны небезызвестных нам лиц попросил немедля сообщить.

На этом и расстались.

Увезла ее, как и обещала, Джепбарова сама лично, на «Жигулях» своего брата, капитана милиции.

Вскоре во все инстанции посыпались жалобы, подписанные Рахмановой, будто бы в течение трех суток в отношении ее в ИВС были применены меры физического воздействия, показания добыты недозволенными методами...

Допросили всех работников ИВС: жалоба не подтвердилась.

А Джепбарова, как и прежде, незыблемо восседала на райпрокурорском месте, чувствуя себя чуть ли не победителем. Ну как тут Рахмановой не поверить было словам Джепбаровой?!

Во время очной ставки та просила свою жертву продержаться всего один денек. «Я добьюсь твоего освобождения, чего бы мне это ни стоило!» — клятвенно заверила она тогда Хамранияз. И вышло на самом деле так, как она обещала.

В означенный день мы ее освободили? Да.

Она обещала лично приехать за Хамранияз и забрать ее? Обещала. Сдержала слово? Сдержала.

Подумайте, как после всего этого Рахмановой не верить Джепбаровой? Как не поверить, что Хаитгюль всеильна, что есть у нее и в Чарджоу, и в Ашхабаде, и в Москве свои люди, могущественные, всеильные дяди, что ей стоит только звякнуть им?.. Как тут Рахмановой отказаться строчить жалобы под ее диктовку? Да она пикнуть не посмеет!..

В тот день я передал материалы дела следователю прокуратуры республики по особо важным делам Чарылы Эсенову и стал готовиться к отъезду.

Вернулся я обратно через десять дней. Приехать-то приехал, но сообщения о событиях, таинственно происходивших в городе Керки, на улице Аэропортовской, в доме под номером 11, квартире № 3, камнепадом обрушились на меня...

Из дневника Халимы

«Главное: мне надо быть еще жестче к себе. Не нервничать, быть собранней».

4 ИЮЛЯ 1987 ГОДА

Розыбаевой осталось жить 52 дня, Рахмановой — 1 день.

Халима в Чарджоу, миновав 374-й квартал и кинотеатр «Туркменистан», шла на службу. Хамранияз, сидя на топчане, завтракала с детьми во дворике в Керки.

А на пристани в Керкичи, городке на правом берегу Амударьи, с трапа пассажирской моторки (так называют в просторечии речной пароходик, совершающий несколько рейсов в день между правым и левым берегами реки и перевозящий керкинцев и керкичинцев) первым сошел на берег среднего роста, плотный, упитанный, с набрякшими мешками под узкими масляными глазами человек в белой, с короткими рукавами сорочке. Остановился, заметив в толпе черного как смола знакомого пассажира с кожаной папкой под мышкой.

Обладатель папки был не выше сошедшего и, пожалуй, тоже не мог бы посетовать на свой легкий вес. Впереди идущего, а теперь поджидающего кого-то внизу он увидел издалика, но, лишь спускаясь по трапу, перед тем как прыгнуть на землю, поднял на первого глаза и, соскочив со ступеньки, убыстряя шаги, наклоняясь, скорее по привычке, с протянутыми руками подскокил к узкоглазому человеку, долго ждал ему руку, тряс ее:

— Очень рад... очень рад... Как мы не встретились на палубе? Безмерно рад вам, Худайберен-ага.

У того, как черный суetyщийся человек с кожаным портфелем под мышкой назвал Худайбереном-ага, глаза еще больше сузились, а мясистые подглазники покрылись сеткой морщин, как у спелого вахармана¹. Скулы, обтянутые лоснящейся кожей, заблестели как от сливочного масла, тонкие губы зашевелились:

— Хорошо, что встретились. Хотел тебе звонить. Заходи, попьем чаю.

— А как же, с удовольствием. Непременно зайду. К такому человеку... непременно... сочту за благо... Только скажите когда.— Суетливый весь будто высветился изнутри. От предвкушения удовольствия не замечал, как плечи возбужденно вздрагивали, а ноги легко несли его от пристани. Улыбка, как дальний огонек, то вспыхивала, то гасла на его высохших губах...

Худайберен Солтанов, полковник милиции, с недавних пор занимавший пост участкового инспектора Достлукского поселка, в условленный час радужно встретил младшего помощника юстиции у входа своего особняка.

Хозяин дома предстал перед заискивающим гостем в новой полосатой пижаме, шаркая домашними тапочками.

Кто же он? Обыкновенный жулик, рожденный эпохой застоя. Все, к чему он стремился в жизни, добывалось застольем, щедрым гостеприимством, по принципу «я — тебе, ты — мне». Невежда безграмотный получал чины и должности без опоздания, ежели не досрочно. Продлись застойное время, мог бы получить генеральское звание, стать министром.

Он был предан своему времени, своей тепличной среде, откуда Худайберен родом. Без них не могло быть его. Должностного апогея Солтанов достиг в Марыйской области.

В Чарджоу его недооценили. Полковник приехал сюда на должность капитана. Если бы остался там, в Мары, если бы его жену Хаитгюль Джепбарову не назначили прокурором Керкинского района, если бы — и это главное — 9 февраля двое парней, помогая другу Караеву, не увезли девушку, рядовой застойщик с должности участкового инспектора, возможно, ушел бы на пенсию.

Если бы жена-прокурорша не польстилась на взятку... рядовой застойщик превратился бы в нерядового преступника. Не имело никакого значения, что из Джепбаровой не вышло настоящего прокурора. Она даже не достигла уровня хорошей домохозяйки.

...Посудачив о погоде, новостях, хозяин будто нечаянно, непреднамеренно, мастерски связав конец беседы с началом сплетни о взятках супруги, вдруг обронил:

— Все беды исходят от тебя. Главный враг нашей семьи — ты! Младший советник юстиции замер с костью во рту.

Полковник, не вставая, нагнулся, вытащил заранее припрятанную под топчан двустволку.

— Слазь с топчана! — приказал он, коснувшись дулом покрывшегося мгновенной испариной лба гостя.

Гость слез. Скорее всего, опустился.

— А теперь вперед, по-пластунски! — скомандовал полковник милиции,

¹ Сорт дынь.

приставив дуло к затылку младшего советника юстиции.— Вперед, марш! Смотри, патроны с картечью, не медли и не зли. Ты меня знаешь.

Младший советник юстиции лег и пополз.

Двор сейчас казался ему шире, чем прежде.

А сама прокурорша, согласно сценарию, перед тем как муж окриком сдернул гостя с топчана, встала и ушла в кухню под предлогом заварить чай. Теперь же через окно, тихо смеясь и иногда ударяя ладонью о ладонь от удовольствия, смотрела на происходящее во дворе. Ее злейший враг, тяжело виляя задницей, двигался по-пластунски среди мусора на земле. Когда гость пополз по третьему кругу, Хаитгюль вышла с заварным чайником и, нарочито изумляясь и недопонимая, что это, мол, такое происходит — то ли по правде, то ли в шутку,— свободной рукой схватила мужа за локоть:

— Вот мужички, а... напиваются, как... а потом творят бог знает что. Хватит, Худайберен, кончай шутить! — вырвала из его рук двустволку и нарочно громко закричала на супруга:— Иди налей гостю воды, пусть умоется, а потом приглашай к столу — я заварила крепкий чай... Ты же серьезный человек, полковник! Где же святой закон гостеприимства? Ты пикнуть не должен, хоть бы гость колотил тебя по голове молотком. Мой коллега молод, горяч... шуток не понимает... Знать надо, Худайберен!..

Младший советник юстиции поднялся, кряхтя словно старик, отряхнулся и, горько улыбнувшись, начал жалостливо объяснять Хаитгюль, с чего началась «шутка».

— Я тоже сперва думал, что Худайберен-ага шутит, Гуля-дайза¹. (Гуля — так звали Джеббарову в той среде, где она вращалась.) Откуда я предполагал, что та-ак...— Гость осекся, увидев, как Солтанов, сидя на топчане, заворачивал в газетный кулек стаканчики, из которых пили водку. Язык у младшего советника юстиции уже не поворачивался. Человеку с юридическим образованием не трудно было догадаться, что затевал хозяин дома.

Угостив гостя крепким горячим чаем, его выпроводили.

Он ушел без обиды, выдавив напоследок что-то наподобие улыбки, обескураженно кивая головой и не раз протягивая руку для прощания.

Когда простыл его след, Худайберен спросил у сияющей от радости жены:

— Чему радуешься? Как ты думаешь, пожалуется?

Райпрокурорша цокнула языком:

— Ты что? Ни в коем случае! Он ждет повышения. Не такой уж он дурак, чтобы теперь затевать ссору. Ну как ты здорово поддал ему жару, отвесив по заднице пару пенделей, а?!

Говорит

Пальван-ага, отец Хамранияз Рахмановой, ветеран Великой Отечественной войны

— В тот день, когда я увидел ее, мне стало не по себе. В другое время я бы не сдержался, возможно, сделал бы ей замечание. Потому что пришла

¹ Тетя.

как на свадьбу или на парад, вырядилась в самое лучшее, что было у нее. Но будто что-то застряло в горле, и я не смог произнести ни одного грубого слова. Может, и впрямь, подумал про себя, приглашена на той¹. Она угадала мои мысли и ответила вежливо, но грустно: «Нет». При этом как-то неестественно улыбнулась. И улыбка ее мне не понравилась. Показалось, словно она через силу старается быть веселой, пытается улыбнуться и к месту и не к месту. Смеялась так, будто задыхалась. Или ей было не по себе, или я сам встал не с той ноги. И как ни чесался мой язык ляпнуть что-то обидное, но сдержал себя. Раньше без оглядки делал дочери замечания, грубил, несмотря на то что она сама давно стала матерью.

Короче, пришла она не одна — с детьми, моими внуками. Посидели, все вместе поели арбуз. Потом ребята выскочили из дома повидаться со своими друзьями. Остались мы одни. Вот тогда она и зарыдала без стеснения, содрогаясь плечами, как от смеха.

А я, старый пень, не сразу понял: смеется они или плачет. Думал, что смеется, с трудом повернул ее голову к себе и увидел, что по щекам текут слезы.

— Райпрокурорша... ежедневно заставляет писать две-три жалобы на следователя... Теперь и перед чарджоуским следователем я виновата... не могу в глаза человеку смотреть... Сколько раз его оклеветала: будто он меня избивал, будто хотел... Я уже теряю голову... Запуталась... Если не будешь писать... сказала Джепбарова мне...

Голос, как затравленная птица, вырывался наружу, надтреснутый и придавленный. Губы аж посинели.

— Никогда больше не клевети на людей, доченька. Чего ты боишься этой толстосумки? Ты ведь тоже не одна на свете. Что из того, что она прокурорша! Что она — пуп земли? Пусть впредь хоть словечком обидит тебя, я сам с ней поговорю как следует. Эти сволочи все успевают: и деньги гребут, и житья не дают. Кончай писать под ее диктовку. Пусть еще раз сунет к тебе свой крысиный нос, я ей и нос и челюсть выкручу, этой грязной бабе. Где они только обучались? Кто только дал образование подобным чудовищам, ненасытным монстрам? Когда их всех разгонит Горбачев? Скажи, доченька, чем это прокурорша припугнула тебя?

«Если не будешь писать...» — лишь и проронила Хамранияз, как вернулись дети.

Прежде чем попрощаться, он сказала мне, что завтра пойдет в райком и все расскажет там о деяниях прокурорши и ее мужа Солтанова. «Я сдерну с них маску, папа, вот увидишь...»

6 ИЮЛЯ 1987 ГОДА

Рано утром нашли ее повешенной...

ИЗ РАЗГОВОРА В ЧАЙХАНЕ

— Говорят... в полночь черная «Волга» подъехала к ее дому... Соседи видели. Но они никому ничего не скажут. Боятся. И свидетелями быть не собираются...

¹ Свадьба.

ИЗ ГАЗЕТ

«Смерть Х. Рахмановой... сокрыта тайной. Слишком много вопросов, чтобы поверить в это...»

ИЗ ЧАСТНЫХ БЕСЕД

— Она знала, что ее убьют. Знала и будущих убийц. Она не скрывала своего мрачного предчувствия и говорила об этом везде и всюду.

Версии Хаиткулы Мовлямбердысва:

«Последние пять дней жизни Рахмановой были переполнены испытаниями.

Если бы Хамранияз полностью отказалась от прежних показаний, если бы те были спокойны и уверены, что она на судебном процессе не «расколется», лишь в этом случае ей дали бы жить.

Пять дней душевных мук и метаний показали ее неустойчивость, незащищенность.

После всего случившегося представляю себе такой диалог двух всполюшившихся полковников:

Полковник милиции. Я стал сомневаться, что при народе Рахманова растеряется. Раз растеряется, значит, и рта не раскроет. А вдруг откроет? Тогда знай: мы пропали. Со мной здесь творили такое, скажет. Обязательно скажет! Запугивая, заставили писать жалобы. Били, пистолет к виску приставляли, над головой стреляли, скажет.

Полковник юстиции. В таком случае что делать?

Полковник милиции. Надо исключить участие Хамранияз на суде.

Полковник юстиции. Как? Каким образом?

Полковник милиции. Как? Будто не знаешь как... Ты догадываешься, надеюсь, что станет с тобою, если она протреплется на суде?

Полковник юстиции. Догадываюсь. Подсказать, под какую статью подгонят?

Полковник милиции. Повешусь, если хуже, чем ты, изучил кодекс. Если тебя сцапают, то знай: мы пропали. Меня не снимут — вышвырнут с этой должности, детям юрфак даже сниться не будет. Здесь и от нас требуется жертва, поняла?!

Полковник юстиции. Кем? Кем жертвовать?

Полковник милиции. Или сами, всей семьей, так подзалетим, что уже никогда не выкарабкаться, не отмыться, или...

Полковник юстиции. Что ты лепечешь? Пусть ветер сдует с твоих уст дурные пророчества.

Полковник милиции. Или... остается принести в жертву главную свидетельницу. Мне нелегко произносить эти слова. Поверь, очень трудно. Тысячу раз предварительно взвесил, прежде чем их сказать, но что поделать — приходится. Да, хорошая женщина. Оба сына уже подросли. Есть бабушка, дед. Есть кому присмотреть за ними, сиротами не останутся... Решать нужно быстро, без малейшего промедления. Иначе поезд уйдет...

Давай сперва уточним, кто главный свидетель по твоему делу? Не Хамранияз ли?

Полковник юстиции. Она.

Полковник милиции. Данные ею показания шатки? Или нет?

Полковник юстиции. Шатки.

Полковник милиции. Доказывается это или нет ее жалобами после выхода из-под стражи?

Полковник юстиции. Доказывается.

Полковник милиции. Ха-ха-ха... Очень хорошо. Потом... там в ИВС она сделала первую попытку к самоубийству?

Полковник юстиции. Была попытка.

Полковник милиции. Прекрасно! Вот что и подсказывает нам, как с ней поступить.

Полковник юстиции. Не зря ты работал в седьмом отделе милиции.

Полковник милиции. Пригодилось, скажи! И если эти причины подгоним к фактам издевательств со стороны следователя, то...

Полковник юстиции. Организуем записку, не так ли? Напишет ли?

Полковник милиции. Напишет, куда денется. Заставим. Собственной рукой. Объясним, что надо припугнуть прокуратуру, поняла? Ну чтобы ее оставили в покое, иначе она покончит жизнь самоубийством. Поняла?

Полковник юстиции. А что, если не напишет?

Полковник милиции. Если жизнь дорога, напишет. Вот посмотришь...»

Текст записки, найденной при осмотре трупа Х. Рахмановой:

«Я ошиблась. Пусть моих ошибок не повторят мои дети...»

«...Вот каковы мои версии, Халима Джораевна, в кратком изложении. Конечно, сразу пришедшие в голову мысли не проверены и не отработаны.

Давайте представим, что вы — прокурор области, а я — руководитель уголовного розыска. На вас возложено следствие, а на меня — розыск преступников.

Только что изложенные мной соображения назовем изначальными контурами версии. И все, о чем мы с вами тут беседовали, допустим, наша первая маленькая оперативка...»

Разговор этот начался только что, прямо у подъезда Халимы Джораевны. По непреложному правилу служебные дела не должны быть предметом уличной беседы. Им место — кабинет, а формой проведения могла бы стать маленькая оперативка. Конечно, подошла бы и гостиная, охлажденная кондиционером. Вдобавок ко всему этому не помешал бы чайник зеленого чая с двумя пиалушками.

Так и задумывала инструктор обкома встречу с Хаиткулы. Но не получилось. И виной этому — не она, а сам Мовлямбердыев. Халима позвонила ему, Хаиткулы не оказалось дома. Мать сказала: «Марал ушла

жижурит»¹. А на вопрос, где Хаиткулы, ничего ясного ответить не смогла, пообещала лишь передать, как только появится, что его разыскивают.

К вечеру зазвонил телефон. Халима подумала, что это наверняка Хаиткулы, и, собираясь с мыслями, подняла трубку. Но звонивший, нарочито бая, представился комиссаром, заместителем Мегрэ. А после, хотя и стал говорить естественным голосом, продолжил шутя:

— Я не папа. Он работает даром. Я же могу раскрыть тайну не бесплатно. С вас плитка шоколада, с меня — точный адрес и телефон. Устраивает? Тогда слушайте, тетя Халима: во время обеда бабушка за ушко потянула папу за то, что он слишком длинные отрастил волосы. Папа пообещал сходить сегодня же к дяде Италмазу. Только что он позвонил и передал свои координаты. Запишите: телефон 3-63-72, 374-й квартал, 4-й дом, 17-я квартира. Ёлдашев Италмаз Ёлдашевич.

«Ой, это же рядом, соседний дом», — сначала обрадовалась Халима, но что-то удержало ее от немедленного звонка. И дом — рукой подать, и Италмаза Ёлдашева знает. Но он ведь никакой не парикмахер. Он заместитель председателя областного общества по охране культурных и исторических памятников. Здесь что-то не так. Задумавшись, она все-таки набрала названный номер. К удивлению Халимы, трубку снял не кто иной, как сам разыскиваемый. В свою очередь и он немало был удивлен, что на другом конце провода оказалась Халима. Неожиданность за неожиданностью!

Спустя полчаса Розыбаева, выскочив на улицу в домашних тапочках, встретила Хаиткулы.

— Что-то случилось, Халима?

— Да, случилось. В Керки. Разве вы не в курсе, Хаиткулы-ага?

Хаиткулы был не только в курсе. В какой-то мере даже считал себя причастным к смерти Хамранияз. Именно поэтому он получил полнейшую, какая была доступна, информацию.

Бекназар, оказывается, еще раньше распорядился обеспечить безопасность Рахмановой вне дома, предупредив местную милицию. И та приняла меры. После того как Хамранияз с детьми вернулась домой, примерно к десяти часам вечера пост был снят. Хаиткулы, позвонив Салаетдину Кыямову, уточнил время снятия поста.

Мгновенно долетела до Мовлямбердыева весть о том, что ни в записке, ни на конверте не обнаружили отпечатков чужих пальцев. Это подтвердила экспертиза.

В конце телефонного разговора Хаиткулы, не называя имен, задал Кыямову вопрос:

— Не связано ли то событие, о котором идет речь, с двумя болкой-неками²?

Через секундную паузу последовал ответ:

— Наши успокоились, положившись на текст записки. Посему без нажима сверху не станут связывать трагическое событие с теми, о ком вы говорите.

Ответ Салаетдина не удовлетворил полковника милиции в отставке,

¹ Искаженное слово от «дежурить».

² Полковник.

и, как в былые времена, будучи начальником угро области, Хаиткулы посчитал себя вправе тоном, не терпящим возражения, спросить, потребовать, приказать:

— Ты кто? Работаешь инспектором угро или пасешь там баранов? Непременно увяжи событие с двумя теми болкойнеками, понял? Проверь алиби. О малейшем подозрении сообщи мне. Не жди никаких указаний ни сверху, ни снизу. Действуй!

Дерзкая мысль молнией пронеслась в голове инструктора обкома. Халима сперва не хотела говорить собеседнику, но потом подумала, что, пожалуй, этим обидит Хаиткулы, и открылась ему:

— Хаиткулы-ага, как бы вы посмотрели на то... могли бы вы взять розыск на себя? Иначе ничего не выйдет.

Хаиткулы, хоть и отказался от прямого, официального руководства розыском, все же изъявил желание быть личным консультантом Розыбаевой. Тогда-то Халима и попросила его обрисовать возможные версии «самоубийства» Хамранияз Рахмановой. И вот уже полчаса Хаиткулы выкладывал свои предположения, непроверенные, но и не взятые с потолка.

Очередную версию он излагал, когда они с Халимой вышли на улицу имени Героя Советского Союза Лагутина, а затем свернули на Ворошилова. И лишь на углу огромного здания новой зубопротезной поликлиники он поставил точку в последней версии.

Халима ограничилась тем, что про себя отметила, как затруднит, свяжет по рукам и ногам следствие записка, оставленная Рахмановой перед смертью, а вслух призналась Мовлямбердыеву, что почти не реально перепроверка тех фактов, доводов, доказательств, на которые он опирался в своей версии:

— Жаль, что Хамранияз оставила записку, она бьет по рукам! — заключила Розыбаева.

Из частных бесед

— Ты слышал, сама райпрокурорша взялась обмывать тело покойницы Хамранияз?..

— Как же так? Этот обряд совершают лишь близкие родственники или мурдашуйам¹.

— Будто бы потому, чтобы людям не бросались в глаза синяки на ее теле...

5 АВГУСТА 1987 ГОДА

Ашхабад. Несколько высоких домов старого типа, построенных сразу после землетрясения, стояли, утопая в зелени, за парком культуры и отдыха. В одном из них расположилась, заняв весь второй этаж, республиканская прокуратура.

У ее подъезда примерно между десятью и одиннадцатью часами остановилось такси, из которого выбрались двое — высокая, полная, с гордо

¹ Старуха, обмывающая тело покойника перед погребением.

поднятой головой женщина и круглолицый, с длинной шевелюрой, спортивного телосложения парень.

Бросался в глаза их несобранный, растерянный вид. Выдавали их обоих нервозность, неуверенность, скованность движений, хотя внешне они делали отчаянную попытку казаться этакими бодрячками и даже деланно шутить, чтобы, не дай бог, кто-либо не заметил испуга, смущения на лицах.

До сего дня никому из них не доводилось, внутренне содрогаясь, стоять перед этим подъездом. Подобного не припомнят ни она, ни он.

Сколько раз прежде эта женщина в красном велюровом платье, без вышивки, вельможно поднималась по ступенькам офиса, не удосуживая, хотя бы ради приличия, кивком головы работников нижних чинов, сколько раз заходила в кабинеты как к себе домой — уверенно, без тени смущения — и выходила с видом победителя.

Ей никогда не приходила в голову мысль, что однажды вот так, в убийственно жутком настроении, придется трепетать у входа в республиканскую прокуратуру. Даже во сне не снилось.

Женщина в красном платье, вдохнув полной грудью, с возвратившейся решимостью обратилась к парню:

— Эркек бол!¹ — и, хлопнув его по плечу, ступила на парадную лестницу. Поднималась тяжело.

Привычные ступеньки, широкий прохладный коридор, знакомые двери кабинетов... Здесь раньше лишь перед назначением ощущала она трепетное волнение, лишь на приеме у первого лица, а сегодня словно семиглавые чудовища точили зубы за дверями... Ноги подкашивались, не слушались.

Еще не так давно, в прошлый приезд, дежурившие у входа девушки радушно встречали ее:

— О, с приездом, Гуля-дайза! — и поднимались в знак внимания и уважения, как при появлении высоких начальников. Так было раньше. А сейчас как встретят ее?

Женщина в красном не помнила, как прошла мимо сидевшей у входа дежурной. Встала ли та с места, поприветствовала ли? Может, сделала вид, будто не видит, а может, приподнявшись, как всегда улыбнулась? А сама она кивнула ли ей? Не знает. Не помнит. В ее ли теперешнем положении снисходить до таких мелочей, думать — радоваться ли, волноваться ли из-за них?

Теперь все мысли совсем о другом. О большем, нежели те мелочи. Не более чем через полчаса она или спустится по лестнице легкими привычными вкрадчивыми шагами, или ее поведут...

Об ином исходе даже подумать боялась.

Но ответ ей был дан немного раньше, чем предполагала.

Заместитель прокурора республики Николай Николаевич Бродницкий принял ее незамедлительно. Следом вошел следователь Чарылы Эсенов с папкой, еле умещающейся под мышкой. Прошел к столу и положил перед Бродницким пухлое дело.

Ни Чарылы Эсенова, ни его непомерно разбухшей папки она не боялась. Он ей не враг. Доброжелатель. В самом начале делал все от него зависящее,

¹ Будь мужчиной!

чтобы прекратить следствие. Если бы он желал ей плохого, разве помогло бы перетаскивать мебель, ковры, когда пришлось покинуть Керки? Но тот самый Чарылы Эсенов прямо в ее присутствии не моргнув глазом раскрыл дело, взял оттуда листок бумаги и положил перед Николаем Николаевичем.

Вот когда она чуть не вскрикнула.

Значение этого бланка было еще как знакомо. Ей приходилось неоднократно подписывать подобные бланочные листки. Голова пошла кругом, глаза окутала плотная, непроницаемая пелена.

Она вспомнила, что и на ее стол вот так же примерно клали документ на подпись, как сейчас происходит в этом кабинете. Следователь приносил, как пасьянс раскладывал перед ней бланки, а сам стоял в почтительном ожидании, когда прокурор соизволит черкнуть подпись. Прежде она никогда не думала, что стоит за ее подписью, что произойдет после. Зато нравилось в подобных случаях смотреть в лицо подследственного, если он присутствовал сам. Как правило, подследственный не понимал, что с ним происходит в данный момент... и тем самым попадал впросак. Ей не нравились люди гордые, привыкшие высоко держать голову, хотя сама себя причисляла к этой же категории.

Говорят, бараны инстинктивно чувствуют смерть при виде мясника. Некоторые подследственные тоже при виде бланка то смертельно бледнели, то краснели до корней волос. Она, районный прокурор, не могла лишиться себя такого удовольствия, как созерцать превращение человека то в покойника, то в реанимированного, но чья жизнь все еще висела на волоске. Именно в такие минуты торжествовала: насколько всесильна должность прокурора — лишать и дарить... свободу!

Черкнет — сиди за решеткой, не черкнет — ходи на воле, дыши свежим воздухом.

Теперь, по иронии судьбы, сама в таком же положении.

Все зависело от того, кто сейчас сидел за столом.

Контроль над собой она потеряла всего лишь на какую-то долю секунды. Не больше. В следующий миг ее глаза расширились и впились в руку сидящего за столом человека, который, казалось, вот-вот потянется к авторучке.

Крепко держась за подлокотники кресла, она откинула голову назад.

Заместитель прокурора республики заранее ознакомился и с содержанием дела, и с тем, что было написано на бланочном листке. Он этого и не скрывал. Машинально разглаживая морщинки на лбу, бросил пристальный взгляд на знакомую женщину, недавно переведенную с поста районного прокурора Керкинского района в Фарабский район помощником прокурора, и призадумался. Теперь он видел и не видел ее. Может, он, Николай Николаевич, припоминал, как райпрокурор встречала, сопровождала, провожала их? Или, быть может, перед его глазами возникли пятеро ее детей? Перед ним сидела не кто-нибудь, а его коллега, и не бесталанная. Известная.

Этой тишины Джепбарова не смогла вынести, пережить, преодолеть. До сих пор сидевшая как сжатая пружина, неожиданно жалобно заныла, заскулила, но внутренней своей позиции не сдала, держась как кобра, готовая в любое мгновение ужалить:

— На меня клеветают... Дело состряпали мои завистники... И этот

следователь тоже продался чарджоуским татарам¹. — От жалобного нытья она кинулась в атаку, когда рука заместителя зависла над ручкой, чем ближе рука к ручке, тем громче и яростнее звучал ее голос: — Вы тоже, Николай Николаевич, бессердечный человек, нет у вас души... человеч...

Парню, маячившему внизу у подъезда, сказали: «Можете не ждать!»

Он вскочил. Плюнул на пень, на котором только что сидел. Пнул его несколько раз ногой: вот тебе, вот тебе... получай. Парню хотелось сорвать зло, прорвавшееся наружу.

24 АВГУСТА 1987 ГОДА

Рассказывает **Х. Рахманов**, бывший заведующий отделом государственно-правовых органов обкома КП Туркмении:

— К концу работы Халима Джораевна зашла ко мне. На днях она собиралась в Болгарию, руководителем группы. Приказ о трудовом отпуске был подписан.

Коротко доложив о результатах командировки в Дарган-Атинский район, инструктор обкома встала. Прошла к двери и обернулась:

— Знаете что, Хамид Маджидович, до меня дошли слухи, будто бы Худайберен Солтанов хочет рассчитаться с некоторыми товарищами в случае, если его жену лишат свободы. Говорят, он составил список тех, кому будет мстить. В том списке будто бы имеется и моя фамилия.

Я потянулся было к трубке телефона, но Розыбаева воспротивилась:

— Хамид Маджидович, это я сказала так, к слову. Для беспокойства нет причины. Я привыкла к угрозам. Вот уже десять лет меня пугают. Не беспокойтесь, Хамид Маджидович, я просто сказала то, что слышала. Она ушла, успокоив меня.

Говорят коллеги Халимы

— Неужели сама она безгрешна? Может, работала без ошибок? На других собрала компрометирующие материалы, а брат ее ведь тоже сидел...

— Не слышали, как она, будучи прокурором города, угробила машину, служебную? Сама сидела за рулем. После того случая ей было запрещено водить служебную машину.

— В бытность Халимы прокурором ее широкий рабочий стол был завален бумагами, делами, газетами, журналами, на полках книжного шкафа царил невообразимый беспорядок. Трудно догадаться, что хозяин кабинета — женщина, настолько он казался неудобным. Даже на креслах для посетителей лежали какие-то бумаги, папки-скоросшиватели, справочники...

С самого порога человек, входя в кабинет, убеждался, что он попал именно в рабочий кабинет. А прежние хозяева блюли здесь абсолютную чистоту — ни пылинки, ни соринки, ни газеты, ни журнала не увидишь. Лишь в шкафу за раздвижными стеклами стояли книги, написанные современными «классиками» марксизма-ленинизма: Л. Брежневым, К. Черненко и другими духовными отцами эпохи застоя.

До Розыбаевой не рабочий кабинет был, а кабинет отдыха!

¹ Оскорбительное выражение.

Продолжение рассказа Х. Рахманова, бывшего заведующего отделом
государственно-правовых органов обкома КП Туркмении:

— Утром следующего дня, войдя в кабинет, набрал номер телефона Комитета государственной безопасности. Нихезина на месте не оказалось. Позвонил заместителю Эмису Мухитдиновичу Хаятову. Попросил его зайти. Он сослался на занятость и сказал, что, как только освободится, позвонит. До обеда, не дождавшись звонка, сам набрал его номер. Хаятов не ответил.

Халима Джораевна готовила справку о своей командировке в Дарган-Атинский район. В конце рабочего дня опять зашла ко мне:

— Завтра я буду после обеда. У меня дела в городском партархиве.

— Добро.— Я передал ей жалобу одного профсоюзного работника о незаконном снятии его с должности.— Заодно проверьте, как он ушел с прежней работы.

На этом мы с ней...

Мнение официального работника

— Вначале на должность заведующей отделом административных органов обкома КПТ рассматривалась и кандидатура Халимы Джораевны. По неизвестным мне причинам она не прошла. Кажется, на Розыбаеву писали анонимки. Завотделом утвердили Хамида Маджидовича Рахманова. Эта кандидатура самой Халимы Джораевны.

25 АВГУСТА 1987 ГОДА

— Последний день жизни Халимы. Последняя страница ее биографии. Последний полдень. Последний плов матери для дочери. Последний.

Страшное слово — последний. Горькое. Беспощадное. Оно перечеркивает все, что было оставлено на завтра. На послезавтра. На год. На десять, двадцать лет. Все разом, одним махом. И незавершившаяся борьба — тоже перечеркнута.

Смерть опередила любовь. Она шла по следам в Дарган-Ате и, притаившись до времени, подкарауливала свою жертву у кривой деревянной калитки по правой стороне улицы Комсомольской, возле дома № 29.

Садат-Дайза, мать Халимы

— Она позвонила и сказала, что из Дарган-Аты вернулась. «Хорошо, что вернулась. Заходи, доченька, на плов», — позвала я ее. Халима сказала, что зайдет немного погодя, что она должна срочно написать отчет. «Хорошо, доченька, — сказала я, — только не забудь...» Кажется, она пришла в полдень, в три часа дня... Вот здесь, — мать Халимы, высокая, сухоощавая, от горя почерневшая, как смола, показала старую железную кровать, на которой вместо пружин лежали неровные доски, — дочка села и, глубоко вздохнув, призналась, что в последние дни невыносимо устает.

«Почему всегда и всюду ты? Где трудно — посылают тебя. Где воп-

рос посложней — поручают тебе. Жалобы тоже проверяешь ты. А обиды, как град на хлопок, валятся на кого? Опять на тебя. Кроме тебя, нет, что ли, там, в вашем обкоме, никого? А мужчины где? И мужскую работу на тебя ввалили», — не смогла сдержаться я и на этот раз. Просто обидно стало за дочку — все она, всюду она. А жить-то когда? А любить-то кому?!

Халима и теперь резко ответила мне: «Ну что ты, мама, вмешиваешься опять не в свое дело, лучше бы скорее подавала плов, проголодалась я...»

— А вот здесь, — мать Халимы махнула рукой в сторону перекрестка двух улиц — Комсомольской и Карла Маркса — и рукавом платья вытерла выкатившиеся из уголков глаз темные слезинки, — вот до этого места я провожала ее каждый раз... Здесь мы прощались... И я, вопреки ее колким ответам, просила следить за собой, быть осторожной... А в последний раз только отвернулась, чтобы уйти, как дочка руками вцепилась в мой локоть:

«Мама, ты что, не хочешь чмокнуть в щечку? Нарушаешь!..»

Я обняла ее, отпускать не хотела... Халима меня поцеловала, я ее... Потом она завернула за угол направо и исчезла из глаз моих... а я стояла, не зная, куда деть себя...

* * *

Послеобеденный час.

В такое время люди стремятся укрыться в спасительной тени, которая под высоким солнцем истончалась как проволока.

Мать осталась стоять где-то за перекрестком, а Халима, в легком ситцевом платье с вышитым воротником, пересекла улицу и шла по тротуару, где, хоть и с большими проплешинами, росли деревья, отбрасывающие на асфальт пеструю тень. Любой клочок ее воспринимался как дар судьбы... Идя по этому относительно прохладному коридору, Халима думала о своем, искала в памяти хоть один год, прожитый ею, как говорят, лично для себя. Не спеша стала листать страницы школьной жизни. С начала, с первого класса. Их воспроизвела как кадры кинохроники — с мельчайшими подробностями и достоверными деталями, которые даже время не могло стереть из памяти... Все ожило перед глазами... Светлые дни. И дни печали, нераскрытой грусти... Растерянные, а потому тревожные мысли девочки: почему даже самые хорошие, самые добрые, самые, самые... из учителей не всегда выслушивали сокровенное, чем хотелось с ними поделиться, не всегда воспринимали правду, сказанную в глаза. Этого она не могла понять... Сами же учили никогда не лгать, не изворачиваться... и сами же обижались и замыкались в себе, когда кто-то говорил им правду о них самих. Может, себя они причисляли к лику «неприкасаемых», «святых», мохих. Может, себя они причисляли к лику «неприкасаемых», «святых», мохих. Может, считали, что всю правду они могут говорить только о своих учениках?!

С золотой медалью после школы Халима приехала в Ашхабад, выбрав Государственный университет имени А. М. Горького. Она нисколько не сомневалась, что поступит и будет учиться в нем. Халиме предстояло лишь сдать экзамен по специальности. По ее тогдашним понятиям, чтобы поступить в университет, человек должен прекрасно знать свой предмет. Но ей вернули документы прямо из окошка, где их принимали, с нелепым дово-

дом, что для поступления на юридический факультет нужны не ее знания, а годичный трудовой стаж.

А шустрые середнячки, не имевшие золотых медалей, а всего-навсего годичный трудовой стаж, прошли. С каким-то подавленным настроением ушла она из приемной комиссии. Это состояние души хорошо знакомо тем, кому приходилось терять год из-за нехватки отдельных справок.

За черноволосую, в очках, девушку-толстушку из Чарджоу ухватились в другом вузе — политехническом. Чемпионка республики по шашкам, медалистка... Здесь сидели люди, совсем не похожие на членов приемной комиссии государственного университета. Они больше всего заботились об авторитете своего института. Такие студенты им нужны — чемпионка! медалистка!

Но сама Халима считала, что окончила школу не для того, чтобы быть строительным инженером. Ну поступит она, защитит, получит диплом. Кем она окажется после? Обыкновенным, рядовым, посредственным инженером. Как же оценить поступок с ее стороны, если она, может, займет место будущего талантливого строителя?!

Взвесив все «за» и «против», Халима пошла и забрала документы. Занять место другого студента можно, окончить можно и работать можно. Можно, если тебе все равно кем быть. Если ты прошел адаптацию на чужом месте.

— Уважаемый ответственный секретарь! Я поняла, что собираюсь занять чужое место в жизни, — сказала она, когда пришла за документами.

До ответственного секретаря не сразу дошел смысл ее слов. Но когда уяснил, пожал девушке руку:

— Молодец, доченька. И дальше живи так, только так!

Через некоторое время, правда, она все-таки узнала, что в приемной комиссии университета обманули черноволосую, в очках девушку-толстушку из Чарджоу, отказавшись принять ее документы на юридический факультет. Оказывается, золотые медалисты имели право поступать и без годичного трудового стажа.

Из-за нечистоплотности, а может быть, из-за корыстных побуждений отказавшийся принять документы отодвинул давнишнюю мечту Розыбаевой ровно на год.

Из дневника Халимы

Готовилась к вступительным экзаменам. 2-го августа сдала историю СССР — на «отлично». Спокойно поехала домой.

Время! Куда оно девается?

Ну вот хотя бы взять июль — август. Сорок, пятьдесят дней. Куда их дела, Халима?

Потратила на преумножение и без того немалого числа своих врагов. Скажут: «Тратила» — это не то слово».

И взаправду, три-четыре дня тому назад была в командировке в далеком Дарган-Атинском районе. Ездила туда не для вручения знамени побе-

дителям социалистического соревнования. И не для раздачи премий или наград.

Халима там готовила вопрос о работе правоохранительных органов района, который должен был рассматриваться на ближайшем заседании бюро райкома.

Проверяя все тщательнейшим образом, скрупулезно и досконально, она вскрыла многие нарушения законности среди сотрудников районной прокуратуры. Вывела на чистую воду районного прокурора, который неправомерно держал человека под стражей. Могла бы сделать вид, что не заметила, равнодушно, не вдаваясь в подробности, детально не разбираясь в этом, пройти мимо. Нет, не прошла, не могла не обратить внимания, не вникнуть в суть дела. Хотя, впрочем, могла бы, если бы захотела. Но Халима — человек иного склада: ни в чем не давать себе даже малой слабинки, никогда не идти поперек своей совестливости, честности, порядочности. Такова природа ее духа, который никому не было дано сломить или поколебать.

Теперь дадут ли соответствующую оценку своеобразному пониманию и исполнению своих правомочий этим прокурором? Халима не сомневалась: дадут. Не он ли — прокурор Абдулла Ибрагимов — просил ее не включать прискорбный сей факт в справку? Просил. Умолял. А Халима вняла его просьбам? Нет.

АНОНИМНЫЙ ЗВОНОК

— Розыбаева, уймись! Будь человеком. Не то — уничтожим! Попадешь нечаянно под машину. Ты же близорукая. Не уймешься, примемся за твоих — мать, отца, братьев, сестер... Подумай хоть... У них дети... Уймись! В последний раз предупреждаем!

* * *

Коричневый «жигуленок» обогнал ее уже в самом переулке. Халима стояла посреди шоссе, уступая дорогу машине, и не спеша почти было перешла на другую сторону, как вдруг «Жигули», только что обогнавшие ее на большой скорости, резко затормозили и задним ходом подскочили к ней. Халима, не обращая внимания на автомобиль, искала узкое место, чтобы перепрыгнуть через арычок, протекающий вдоль тротуара, но сделать этого ей не дали...

— Эй, Халима-джан, душенька ты наша, — пронзительный с издевкой женский голос будто камнем больно ударил в затылок. — Как ты поживаешь? Довольна ли тем, что моих детей лишила отцовской ласки? Теперь, наверное, прокурорское самолюбие удовлетворено и спокойно спишь, а?

Розыбаева обернулась. Женщину, высунувшую голову через опущенное боковое стекло и заговорившую с ней, она не знала. Видела впервые. И бесстыдный, поносящий, визгливый голос раньше тоже слышать не доводилось — услышала в первый раз...

А та распалялась все злее, все яростнее, срываясь в истеричный крик:

— Радуйся, змея очкастая, что оставила нас без кормильца. Если тебе, крыса обкомовская, и этого мало, сажай нас всех! Сажай, яловая корова!

Тебе все равно горя моего не понять. Бог, услышь меня! Лиши навсегда ее счастья быть матерью... Услышь меня, о аллах!..

Каждое слово, выкрикиваемое женщиной, обжигало мозг. Нестерпимая боль, вспыхнувшая в голове, передалась сердцу. Последнее, что услышала Халима, — это проклятия и рыдания. Они, казалось, заполнили все пространство вокруг инструктора обкома и доносились до ее слуха даже тогда, когда коричневая машина, преградившая минуту назад путь Халиме, будто провалилась сквозь землю. Лишь выхлоп желтого дыма медленно рассеивался на том месте...

Трудно было поверить в происшедшее. Уж не страшное ли видение возникло перед Розыбаевой и извивалось перед ней в течение десяти — пятнадцати секунд, обнажая змеиные жала? Эта короткая встреча превратилась в незабываемую жестокую, суровую и беспощадную схватку для обеих сторон.

И без того щемящее сердце Халимы сжало клещами. Она проклинала себя за то, что не свернула раньше, как хотела, в Чарджоуский переулок, и ничего бы такого не случилось...

Она, держась за сердце, перепрыгнула через арычок.

Кто эта истеричная женщина?

Не жена ли бывшего заведующего складом треста столовых и ресторанов? Когда его судили, Халима Джораевна была прокурором города. Она взяла на себя поддержание обвинения на суде. Ей было ясно: если этого не сделать — завскладом осудят одного. На протяжении всего судебного процесса Розыбаева сама не знала покоя и не оставляла в покое лиц, в отношении которых следствие ранее было прекращено. Она добилась у суда вызова их на процесс, задавая многочисленные вопросы и требуя исчерпывающих ответов, выяснила все до мельчайших обстоятельств, выявила степень вины каждого. В результате — дело послали на доследование, после которого на скамье подсудимых очутились трое из руководителей треста.

Может, та женщина — супруга одного из трех?

Если все так на самом деле, то ей должно быть известно содеянное мужем. Почему она не вцепилась, не схватила за руку, когда он тайком привозил домой неоплаченные продукты питания, пачки незаработанных денег?!

А не Розыбаева ли, старшего оперуполномоченного, жена это?

Если действительно она, то наверняка слышала, как ее муж избил подследственного. Супруга бывшего начальника отдела уголовного розыска? Он стал своим среди воров. Скрыл, прекратил уголовное дело отъявленного негодяя и мошенника, за что и был арестован Халимой Розыбаевой. Она тут же, без промедления, без малейшего угрызения совести, подписала ордер на арест. Разве можно быть милосердной за счет несчастий других? Сколько можно прощать? И так результаты безнаказанности видны на каждом шагу...

Тогда, после принятого ею небывалого, неслыханного по тем временам шага, многие старались повлиять, нажать на Розыбаеву, переубедить ее, изменить отношение к арестованному сотруднику милиции. Но сломить Халиму было невозможно. Нет, не удалось! Бывший начальник отдела, скрыв преступление, хотел ударить топором под самый корень законности.

«Бог с тобой, свирепая незнакомка. Пусть нас рассудит время. Я уверена — когда-нибудь ты поймешь, что была не права, и расскаешься в этом.

После твоих страшных слов проклинать тебя не собираюсь, не приучена... Я все-таки полагаюсь на твое материнское сердце. Разберешься сама, поймешь, что к чему...

А рану, нанесенную тобой, буду носить всю жизнь. Прошитое картечью несправедливости сердце мое я постараюсь не засорять проклятьями. Вылечить не смогу, но сделаю все, чтобы оно не кровоточило... Сделаю ради твоих детей... Нет моей в том вины, что они остались без кормильца, отца...

Пусть тебя, не знаю, как величать по имени-отчеству, мучают угрызения совести!»

Говорит Ш. Ташов, преподаватель школы № 23 Достлукского района:

— В апреле 1985 года доставив меня из Достлука в Дейнауский район, месяц продержали под стражей. Я, впервые столкнувшись с этим, удивился, раньше не верил, что можно любого человека посадить без никакой вины. Потом я письмом обратился в партийные органы... Проверку фактов, указанных мною в заявлении, поручили... Халиме Розыбаевой. Меня вскоре освободили. Устроили на прежнюю работу. Справедливость восторжествовала...

* * *

У самого подъезда Халиму опять остановили. Она не скрыла, что не узнала личности, возникшей перед ней.

— Извините, кто вы? — смущаясь спросила Розыбаева и, виновато глядя на молодого человека, то снимала очки, то надевала их.

А незнакомец вел себя более чем странно. Потупив взгляд, водил носком сандалии по бетонной плите, лежавшей у входа в подъезд, и не знал, куда деть руки. Он походил на придавленного судьбой, совестливого должника, неожиданно оказавшегося лицом к лицу с кредитором. Переступая с ноги на ногу, долго не мог отважиться произнести хотя бы слово, а потом... его будто прорвало — заговорил так, словно поезд тронулся, а он еще толком ничего не сказал, — торопливо, отрывисто, взволнованно:

— Я... перед вами... виноват. Мне легче сейчас провалиться сквозь землю, чем стоять здесь... Противен самому себе... Стыдно. Я сам хотел... но не мог. А... а... вчера родители зажали меня в угол. «В чем дело? — спросили отец и мать. — Что случилось? У тебя, сынок, больной вид. Ты таешь на глазах. Откройся, не держи камень за пазухой...» И я выложил все как есть, рассказал про тот случай... без утайки... Признался, что сделал подлость... Я подлец! Извините, если можете! Я иш-шак, кретин, я...

Халима, на секунду закрыв глаза, задумалась. Внешне ничего не изменилось в ее лице, но внутри, в душе, поднималась волна ликующей радости:

— Да, да, теперь припоминаю, это были вы...

Однажды, это случилось не вчера, но и не так давно, чтобы забыть, бывшие коллеги Розыбаевой зашли поздравить ее с днем рождения. Среди них был и этот парень. Халима не знала его, не полюбопытствовала, кто он, приняв за родственника одного из сослуживцев. Лилась музыка, зачитыва-

лись поздравления, затевались шумные беседы. Халима угощала гостей пловом, не успевала разливать по чашечкам ароматный, приготовленный по собственному рецепту кофе, а когда проводила их... Этот момент она отлично помнит, как вернулась в дом, как устало опустилась в свое любимое кресло, опустила руку и... задев пальцами длинную коробку, вскочила как ужаленная с места. Как она здесь оказалась? В таком укромном месте — откуда?

Продолговатая низенькая коробка с японскими нероглифами... И по рисунку легко было догадаться, что это. Халиме стало не по себе от промелькнувшей мысли... Подавив минутную слабость, она подхватила коробку, надела в коридоре что попало на ноги и кинулась догонять гостей. Бегать она умела! У ворот городского ДОСААФ настигла их. Опередила на шаг и загородила дорогу. Халима прерывисто дышала, еле сдерживая гнев, чтобы ненароком не обидеть кого-либо. Бывшие сослуживцы не успели понять, в чем причина столь странного поведения именинницы, как вдруг парень шагнул к ней, ударил ладонью о ладонь и, широко улыбаясь, полушутливо-полусерьезно произнес:

— О, пардон, Халима-дайза! Коробка моя. Я эту вещицу задвинул под кресло, в котором сидел, чтобы не мешала, и... забыл.

В тот день его вид был иным, чем сейчас. Он держался уверенно. Весело. Независимо. И его обращение к ней, как показалось, несколько фамильярное, и это непривычное слово «пардон» не покорило тогда Халиму. Все выглядело правдоподобно, вполне правдоподобно. Парень сумел с ловкостью индийского укротителя — заклинателя змей быстро загнать в кэди¹ кобры неожиданный гнев Розыбаевой, принявшей боевую позу, чтобы ужалить обидчика...

— Да, верно, это вы сидели в кресле...

И кобра невыплеснувшейся ярости смиренно улеглась в кэди.

Впервые Халима удержалась от мгновенной контратаки, ее так и подмывало высказать правду в глаза, но всегда и всюду, в любых обстоятельствах, она старалась не изменять главному принципу — доверять людям.

Впервые она не стала разбираться в том, что толкнуло парня, разъярившего ее, на этот, мягко говоря, двусмысленный поступок, но, расставаясь, предупредила:

— В дальнейшем постарайтесь быть повнимательнее... вы же еще очень молоды...

Теперь здесь, у входа в подъезд, откуда оставалось всего-навсего шесть метров — шесть метров, отделявших Халиму от роковой черты, ее обуяла радость. Перед ней, в последний раз сделавшей остановку на 39-летнем жизненном пути, в шести метрах от трагической развязки, человек искупил вину. Снял, сбросил с души черный камень. Признался в том, что соврал тогда. Оставил японский магнитофон умышленно, по чьей-то команде... Кому-то очень не терпелось подкупить Розыбаеву, поймать ее на малом... Не удалось!..

В другой раз она вряд ли отпустила бы парня, не докопавшись до истины, но сегодня главным для нее была не причина, а искупление вины. Она искренне рада за него. За его очищение. За его прозрение. Уверена, что от-

¹ Тыква; здесь — гнездо.

ныне он никогда не будет марионеткой в чьих-то руках. У него появился спасительный шанс — собственная совесть...

Ноги Халимы стали почти невесомыми, шаги чересчур легкими. Оставшиеся шесть метров преодолела на одном дыхании, как раньше, когда занималась спортом и тренировалась постоянно. Быстро щелкнул, открываясь, первый замок, а когда в замочной скважине второго ключ готов уже был повернуться, словно кто-то тряхнул ее за плечи: «Куда торопишься? Не спеши. Возвращайся обратно. Спустись вниз. Выйди на улицу, посмотри вокруг. Надышись вдоволь!..»

Халима обернулась — никого не было. Ни единой души. Тишина. Рука, держащая ключ в замке, почему-то дрогнула, расслабилась, чуть было не опустилась... Повернуть ключ не хватало силы...

Там внизу она могла продлить свой путь еще на четыре километра. Повод для этого был: срочно требовали справку. Вначале Розыбаева так и думала — зайти домой, не раздеваясь взять папку с документами и пешком отправиться на работу, но там ей не дали бы спокойно подумать. То телефонные звонки, то вызовы наверх и вниз по этажам, то совещание у заведующего... Нет, там, пожалуй, справку за два дня не напишешь... Лучше поработать над ней здесь, дома... Приняв окончательное решение, Халима воспрянула духом и окрепшей вмиг рукой открыла второй замок...

Последний, сотый ее шаг оборвался за порогом... навсегда.

26 АВГУСТА 1987 ГОДА

Рассказывает *Х. Рахманов, бывший заведующий отделом государственно-правовых органов обкома партии:*

— Свой рабочий день начал со звонка в областной Комитет государственной безопасности. Нихезин был на месте. Я сказал ему шутя: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе сам» — и предупредил, что загляну к нему. Поставил Нихезина в известность о своем вчерашнем звонке, о разговоре с его заместителем, с которым договорились встретиться, но встреча так и не состоялась по неизвестной причине. Сообщил ему также об угрозе в адрес Халимы Розыбаевой со стороны Худайберена Солтанова.

Нихезин поспешил меня успокоить:

— Узнайте у Халимы Джораевны, от кого ей стало известно о намерении Солтанова. Она скажет. Потом побеседуйте с тем, кого назовет Розыбаева. Тот укажет, кого надо... Затем у того... таким образом, станет известен источник...

Халима Джораевна обещала быть во второй половине рабочего дня. Решил обратиться к ней, по совету Нихезина, в отношении источника... Обеденный час закончился... Жду, не спускаю глаз с циферблата... Уже 15.00. Розыбаева никогда не опаздывала, а в случае непредвиденной задержки непременно ставила меня в известность... Что могло случиться? Нет, никакого внутреннего беспокойства я не ощущал. Позвонил в партархив. Сотрудница Регина сообщила, что Халима Розыбаева звонила ей вчера, просила подготовить некоторые документы, обещала зайти утром, но до сих пор не появлялась.

Значит, подумал я, задержалась в облпрофсоюзе. Звоню председате-

лю, который по внутреннему телефону связался со всеми отделами, я слышу их ответы. Нет, она и там не была.

Набираю номер телефона Зылайхи, младшей сестры Розыбаевой, инструктора городского комитета партии. Неявку Халимы на работу она восприняла спокойно. С таким же спокойствием обещала навестить сестру после работы и все выяснить.

Не ограничиваюсь этим, звоню Розыбаевой домой. Куда она запропастилась, на самом-то деле? Ответа не последовало. Опять созваниваюсь с младшей сестрой. Зылайха старалась успокоить меня:

— Возможно, телефон неисправен, Хамид Маджитович. Не волнуйтесь, пожалуйста, я после работы наведуясь к ней и сразу же позвоню вам...

Но ждать до конца работы я уже не мог. Нет, не потому, что закралось какое-то мрачное предчувствие, нет, подобной мысли вовсе у меня не было, беды я не чувствовал и не предполагал.

— Что-то Халима Джораевна опаздывает... звонка нет, дома телефон не отвечает. Может, она заболела, а ее аппарат не работает, отключен? Съездили бы к ней? — попросил я своего инструктора Базарова.

— А тактично ли будет с нашей стороны мешать ей? Все же человек готовится к поездке, притом у женщин в такие моменты всегда хлопот по горло, — возразил инструктор.

Действительно, Халима Джораевна могла превратно истолковать этот приезд. Но и выяснить, что с ней, не терпелось.

— Тогда поезжайте к ней с ее сестрой, — посоветовал я Базарову. — Возьмите машину...

Он уехал.

И позвонил спустя сорок минут сильно изменившимся, срывающимся голосом...

Говорит Зылайха Розыбаева, инструктор горкома партии:

— ...За мной приехал товарищ Базаров. Мы отправились с ним домой к сестре. Приехали. Стучимся. Никто не отвечает. Нажимаем на кнопку звонка, снова стучимся в дверь. Бесполезно. Дома ни души. Наконец я взялась за ручку и стала трясти дверь. Вот тогда заметила, что нижний замок не заперт. Дверь держалась на одном английском замке, который захлопывается щелчком, без ключа. А Халима всегда закрывала оба замка. Всегда. Я попросила товарища Базарова съездить к нам домой за запасными ключами. Халима их оставила у матери...

Съездили. Открыли. Дверь в гостиную была прикрыта. Почувствовав недоброе, Базаров сам не вошел и меня не впустил внутрь. Мы заглянули через входную дверь и, ошеломленные, застыли, увидев хаотично раскиданные вещи на полу... Это было знаком беды. Я не помню, как оперлась на стену, не помню, как опустилась на бетонные ступеньки. И слезы лились, лились... а после...

Рассказывает Х. Рахманов:

— ...Я поднял на ноги областную прокуратуру, УВД. Первым в работу включился кинолог. Собака не смогла взять след — преступники, оказы-

вается, полили пол одеколоном. Открываем дверь гостиной и видим... Халима Джораевна сидит в кресле с телефонным шнуром на шее... Почему-то перед моими глазами возникла картина казни Зои Космодемьянской — точно с таким же наклоном головы...

Из дневника Халимы

«Обо всем, о чем можно было говорить, я написала. Об остальном — пока еще рано!.. Прощай!»

27—28 АВГУСТА 1987 ГОДА

Марал сообщила о случившемся несчастье в Москву. Хаиткулы с застывшими слезами в глазах долго не мог произнести ни слова. Так и не сомкнув глаз, утром он позвонил по телефону, попросил принять его.

Затем сдал ключ от номера, вызвал лифт и через минуту, подтянутый и строгий, вышел из гостиницы по направлению к Центральному телеграфу, что на улице Горького. Еще через несколько минут телеграмма соболезнования ушла по адресу: Чарджоу, ул. Комсомольская, 29. Розыбаевым.

Полдня бродил пешком по Москве. Никого и ничего не замечая, поглощенный сумрачными мыслями.

Преодолев подземный переход, очутился у входа в белокаменный дом, на левом углу которого красовалась табличка: Житная, 16.

А еще через день он расписался в получении следующего документа:

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Министерство
Внутренних дел СССР
«.....».....19...г.

Полковника милиции в отставке Хаиткулы Мовлямбердыева командировать в Чарджоускую область Туркменской ССР сроком на 30 дней с 1987 г. по 1987 г. на оперативное задание.

Начальник
М. П. Гл. управления
уголовного розыска МВД СССР /подпись/

ВЫПИСКА ИЗ ПАРТИЙНОГО ДОКУМЕНТА:

«В обком Компартии Туркменистана.

О факте злодейского убийства инструктора отдела административных органов обкома партии Розыбаевой Х. Д.

...Предварительным расследованием установлено, что убийство организовано мужем Джеббаровой Х., сотрудником органов внутренних дел, полковником милиции Солтановым Х., по сговору с ранее неоднократно суди-

мым, находившимся под административным надзором Худайкуловым А., помощником машиниста локомотивного депо города Чарджоу Шаммевым Ч., автослесарем СМУ-1 по газификации Солтановым Б. Х. — сыном организатора преступления...

...Это убийство, как и другие преступления и злоупотребления, имеющие место в области, явились следствием крупных упущений и провалов в работе УВД облисполкома и его подразделений (тов. Анохин Н. И.), прокурора области (тов. Кадер Б. Л.), суда и юстиции (тт. Маметназаров К., Омиров Т.), неудовлетворительного контроля за их деятельностью со стороны партийных и советских органов...»

(Областная газета «Чарджоуская правда», № 233 от 25 ноября 1987 г.)

ОТ АВТОРА

В феврале 1988 года в городе Керки состоялся суд над Х. Джембаровой, межрайпрокурором, обвиняемой в получении взяток в крупных размерах.

В марте в Чарджоу проходил также суд над убийцей и соучастниками злодейского преступления — убийства инструктора обкома партии Розыбаевой Х. Д.

Х. Джембарова лишена свободы на 9 лет.

Х. Солтанов, полковник милиции, организатор убийства Халимы Розыбаевой, приговорен к 15 годам лишения свободы, его сын Б. Солтанов и машинист депо Ч. Шаммев — соответственно к 10 годам каждый.

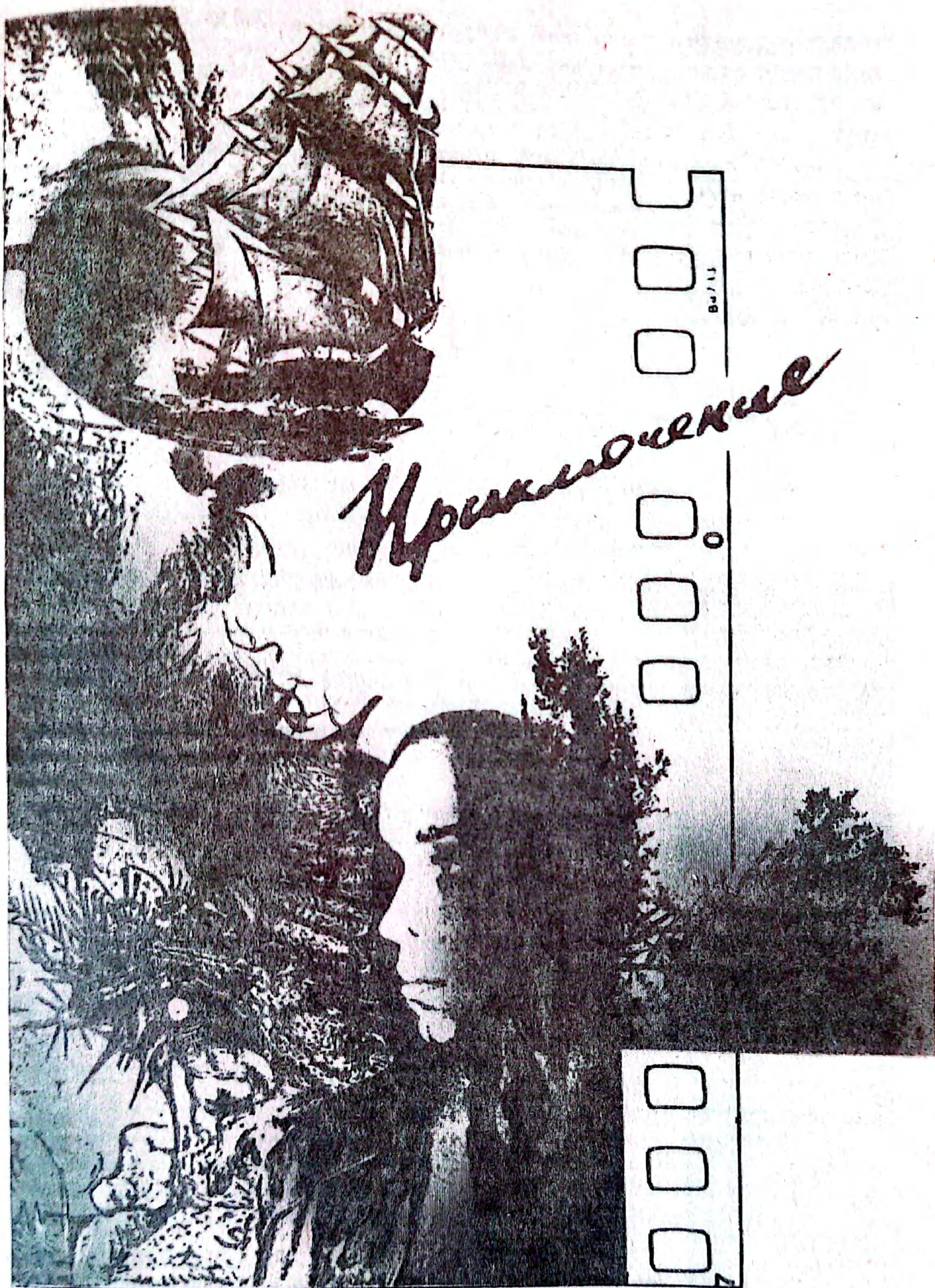
К убийце А. Худайкулову применена исключительная мера — расстрел.

...В эти дни отец Халимы Розыбай-ага занят распродажей книг, которые дочь собирала в течение многих лет. Деньги нужны для того, чтобы поставить на ее могиле памятник.

А трудящиеся республики ежедневно раскрывают свежие газеты в надежде прочесть указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Х. Розыбаевой звания (посмертно)...

Да, они хотят и требуют признать подвигом смерть Халимы.

...Хаиткулы Мовлямбердыев занят розыском двух «дипломатов» с документами, тайно и бесследно исчезнувших в день трагедии из квартиры инструктора обкома партии.

Юрий Пшонкин родился в Подмоскowie. Работал на Крайнем Севере землекопом-бетонщиком, слесарем на московских заводах. После окончания факультета журналистики МГУ — редактор, затем собственный корреспондент Гостелерадио СССР по Камчатской области.

Публиковаться начал с 1972 года. Автор романа «Чистые души», сборников повестей и рассказов «На Камчатке березы каменные», «Пленник волчьей стаи», несколько детских книжек. Основная тема творчества Юрия Пшонкина — Камчатка, ее люди, природа.

Пшонкин

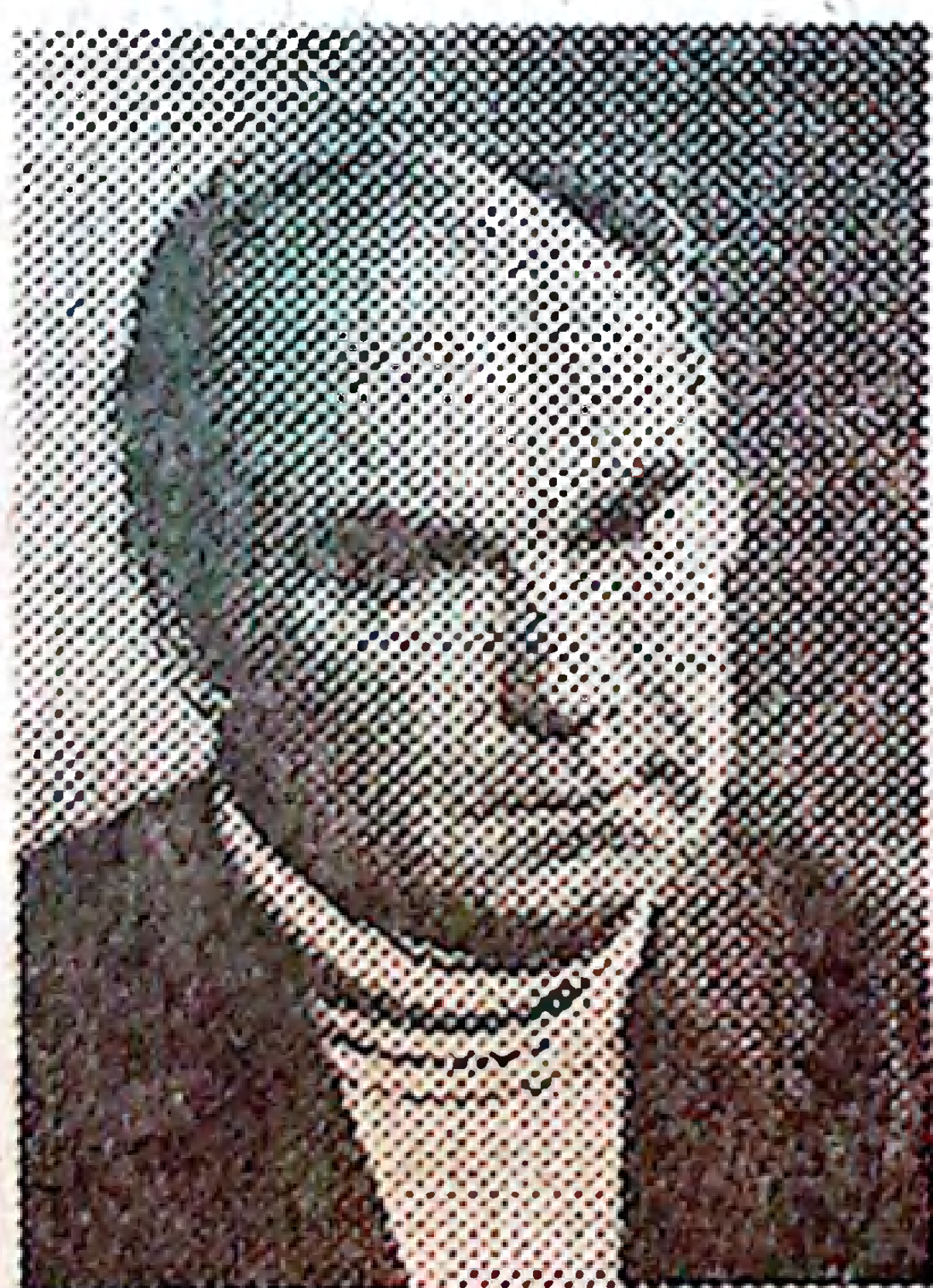

Писатель, актер и режиссер Василий Шукшин родился на Алтае.

«Люди! Давайте любить друг друга!... Мы один раз, уж так получилось, живем на земле! Ну так и будь ты повнимательнее друг к другу, подбробнее». С этим жил, в это верил, это проповедовал Шукшин.

Книги лауреата Ленинской премии Василия Шукшина — романы: «Любавины», «Я пришел дать вам волю...», повести: «А поутру они проснулись», «До третьих петухов», сборники рассказов: «Характеры», «Беседы при ясной луне» — хорошо известны читателям.

В. Шукшин

Валентин Федоров живет в Хабаровске. Работал в геологических партиях, был художником-оформителем, прошел школу районного газетчика, разъездного корреспондента радио. Его фельетоны и очерки печатались в «Правде», «Советской России», журналах «Смена», «Советская женщина» и других центральных изданиях.

Федоров — автор четырех книг прозы, член Союза писателей СССР. В настоящее время главный редактор журнала «Дальний Восток».

В. Федоров

Гимон

Следы в тумане

Утро пришло на остров нехотя. Свет с натугой пробился сквозь тяжелую шапку облаков и плотную накидку тумана. Мгла таяла медленно, открывая эту гранитную глыбину в океане. Темные, угрюмые утесы, смотревшие в колыхающуюся пучину океана, тускло заблестели: всю ночь над островом сеялся редкий холодный дождь. Не перестал он и на рассвете.

Старый песец вылез из подпола полуразвалившегося деревянного дома и, припав на передние лапы, по-кошачьи прогнулся, зевнул. Отряхнувшись, песец повел желтоватыми зрачками на лайду. По ней лениво ковыляли грудастые, словно гусыни, чайки. Иные стояли неподвижно, уставившись в воду. Старый песец понял, что здесь ему не разжиться: когда океан выбрасывает съестное, чайки редко бывают вторыми при дележке. То ли с досады, то ли от голода песец твякнул раз-другой. Впрочем, это был не лай, а скорее кашель. Откуда-то сверху, из тумана стоящей рядом сопки, таким же кашлем отозвался собрат. Песец повел носом, но пропитанный влагой воздух гасил все запахи. Хозяин подполья постоял немного, словно раздумывая, а потом затрусил мимо чаек, не желая на голодный желудок встречаться с собратьями. Впереди, спрятав маковку в тумане, стояла тоже сопка, за которой находилась крохотная бухточка. В ней старому песцу везло чаще всего: во время приливов и штормов океан оставлял в камнях, в трещинах скалы морских ежей, дохлых рыб, кости морских зверей с остатками мяса.

Песец торопился — про ту бухточку ведал не он один.

В это время из длинного зеленого дома, огороженного зеленым штакетником, вышел человек. Увидев пробежавшего через тропинку песка, человек громко позвал его:

— Ванька, бродяга, а ну стой! Рано ты, браток, на охоту. Спал бы да спал. Это нам, служивым, пора.

Песец лишь покосился на солдата и невозмутимо продолжал трусить своей дорогой. Сейчас, в мае, он не боялся людей. Не будет бояться и все лето — до тех пор пока его облезлая, темно-грязная шкура будет такой. Инстинкт предков. А вот когда отрастет и станет мягким, серебристым новый мех, тогда он и его пушистые собраты будут только ночью шастать по лайде, по заброшенному поселку, держась подальше от длинного зеленого

дома и от двух других, что стоят рядом. В них живут люди. Кроме людей, песцам бояться было некого.

Старый песец стал взбираться на сопку, но неистребимое любопытство, что просыпается у песцового народа по весне, остановило его. Он уставился мутновато-желтыми глазами на человека, который медленно поднимался вверх по тропке. Зверь знал, куда шел человек: тот поднимется сейчас по лестнице, в небольшой домик. Стоял маленький домик почти у края обрыва на четырех железных столбиках. Оттуда спустится другой человек. Люди в одинаковой зеленой одежде всегда так делают. Старый песец все смотрел и смотрел на шагавшего человека. Тот, словно чуя на себе мутноватый взгляд песца, обернулся. Крикнул:

— Ванька, беги скорей. Не то опоздаешь. Ишь любопытный какой ты сейчас. Да ничего ты от меня не получишь. Ты у нашего повара поклянч. Глядишь, и повезет, хоть на довольствии не стоишь.

Старый песец в ответ твякнул и снова потрусил вверх, в туман.

Ефрейтор Вениамин Парамошкин, шедший менять на сторожевой вышке, или НП, первогодка Григория Тнальхута, посмотрел вслед песцу и, засунув в рот два пальца, громко, протяжно свистнул.

— Давай топай, ценный пушной зверь, любимец женской публики.

Дверь на вышке отворилась. Тнальхут, кареглазый худощавый брюнет, покачал головой. Крикнул сверху:

— Тебе бы к моему отцу в табун. Хороший, однако, пастух из тебя выйдет. Хороший. Поезжай после дембеля, а? Я напишу.

— Ну ты, дитя камчатской тундры, не отвлекайся. Я за такие штучки могу тебя и на губу отправить,— очень серьезно пригрозил Парамошкин, занеся ногу на ступеньку.— Не посмотрю, что, может, в самый последний раз заступаю.

Гриша Тнальхут, очень исполнительный, добросовестный солдат, испуганно заморгал и захлопнул дверь «скворечника». Все-таки Парамошкин был ефрейтором.

Парамошкин поднялся на площадку, окинул «владения» — бухту, кекур¹ справа и кекур слева, пробежал взглядом по кромке океана и только тогда вошел в «скворечник». Тнальхут будто и не заметил прихода сменщика, старательно всматриваясь в океан.

— Во-во, старайся, товарищ рядовой.— Парамошкин усмехнулся.— А то надумал — пост оставлять. Чего узрел?

— Каланов,— буркнул рядовой.— Вон парочка интересная на кекуре,— пояснил он и все же улыбнулся.— Ты, Вень, только посмотри,— он протянул Парамошкину бинокль. Ефрейтор солидно поднес его к глазам и сразу же расплылся в улыбке.

Картина действительно открылась забавная. Метрах в ста от берега на камне отдыхала пара морских выдр — каланов. Самка дремала, свернувшись, как собака, клубочком. Самец же привалился к подруге спиной и лежал в позе, напоминающей человека, облокотившегося на диван. Для полного сходства калану не хватало лишь газеты да сигареты в зубах.

— Прямо помещик старосветский возлежит на турецком диване,— усмехнулся Парамошкин и вдруг согнал улыбку, насторожился.— А ну,

¹ Небольшой, невысокий камень, выступающий из воды возле берега.

Гриша, посмотри, посмотри, — сказал он, протягивая Тнальхуту бинокль. — По горизонту посмотри.

Тнальхут торопливо поднес бинокль к глазам.

— Кажется, — он запнулся, — кажется, лодка.

Вдалеке по небольшим волнам, параллельно берегу, мелькал темный предмет. Его спокойно можно было принять за бревно, за сивуча, если бы не едва заметный пенистый след. Лишь острый, натренированный глаз мог распознать в «бревне» моторную лодку. Чего-чего, а движущиеся живые и неживые предметы парни научились распознавать.

Парамошкин выдернул у Тнальхута бинокль.

— Точно, лодка. Во шпарит. Фу, дьявол! — ругнулся Венька.

— Ты чего? — встрепнулся Тнальхут.

— Пропала лодочка, Гриня. В туман ушла. Видно, почуял. — Он кинулся к телефону. — Дежурный! Валера, тревога! — кричал он в трубку. — Срочно доложи начальнику заставы: вдоль берега на север движется моторная лодка. Да не подводная, а моторная. Где-где! В тумане скрылась.

Сверху было видно, как дежурный — сержант Рябов — бросился к домику начальника заставы старшего лейтенанта Посохина. Домик стоял совсем рядом с казармой, через дорогу. Вскоре лейтенант уже бежал вверх, к будке.

— Докладывайте, Парамошкин, — загнанно дыша, прохрипел Посохин, вваливаясь внутрь.

— Лодка прошла на север. Моторка. В пяти-шести кабельтовых примерно. Мы вот видели, — отчеканил Парамошкин, кивая на Тнальхута.

— Ага, видели, — кивнул слегка испуганный Тнальхут, совсем забыв про устав. — Она в туман ушла. Будто испугалась, что мы ее заметили.

— Лодка, говорите... — водя биноклем вдоль берега, проговорил Посохин. — Откуда здесь может быть лодка? Судов-то поблизости нет. — Он посмотрел на солдат.

— Так точно, товарищ старший лейтенант, — лодка. Вы не думайте — у меня глаз острый. Я еще в тундре к биноклю привык, — загорячился Тнальхут, огорченный недоверием командира.

— Ладно. Продолжайте нести наблюдение.

Застава ожила, поднятая по тревоге. По настоящей тревоге, которую столько раз репетировали ребята и в учебном отряде, и здесь.

В кабинет Посохина вошел длинноногий, поджарый, с неистребимым даже здесь, в туманном краю, румянцем прапорщик Виктор Соколов. Посохин рассматривал у стены крупномасштабную карту острова.

— Что делать-то будем? — чуть фамильярно спросил прапорщик. (На таких заставах подобное часто встречается.) Может, парни спросонок бревно опознали?

— Не думаю. Парамошкин — воробей стреляный, а Тнальхут — охотник с рождения. — Посохин достал пистолет, привычно вогнал в него обойму. — Иди, Виктор, лодку готовь. Со мной пойдут Смолин и Антоненко.

— Есть, — пожал плечами прапорщик, всем своим видом показывая, что в лодку он все-таки не верит.

Посохин в душе тоже сомневался. Бакланий, небольшой островок в океане, уже давно считался тихим участком в отряде: ни военных объектов, ни населенных пунктов на нем не существовало. Правда, был здесь раньше ма-

ленький рыболовецкий колхоз и отделение районного госпромхоза, но их закрыли пять лет назад из-за полной убыточности: один траулер нынче ловит и обрабатывает рыбы больше трех-четырех подобных колхозов. Опустел поселок. Часть рыбаков перебралась на соседний остров — Двугорбый, где круглый год работал большой рыбоконсервный завод. Остальные подались на «большие земли» — Сахалин и Камчатку. Однако лодку видели двое, и он, начальник заставы, должен им верить, какой бы невероятной новость ни казалась. В таком случае лодка могла прийти только с соседнего острова, Двугорбого, а до него — семьдесят километров. Но океан играет нешуточной волной... Какая необходимость заставила отчаянную голову идти? Роились в голове вопросы, будоражили: «Если с Двугорбого, то почему не сообщил о ней сосед? Почему она миновала заставу? И вообще, кто мог на простой моторке отважиться плыть по океану, да еще в туман? Ради чего такой риск? Ради яиц с базаров? Чепуха. На Двугорбом свои колонии. Правда, котиковых лежбищ там нет, а в остальном — полная аналогия: и птичьи базары, и песцы, и лосось. Лежбище... котики... А что, если неизвестная лодка с известного пока что судна? А может быть, все-таки браконьер? Сейчас как раз на мыс Сивучий самцы котиков приплывают, места для будущих гаремов занимают. Чушь. О браконьерах на котиков в здешних местах давно не слышали. Слишком велик риск: за убийство даже одного котика — наказание суровое. Тюрьма. Да, но ведь лодка-то прошла, и не по радио ею управляли. Зачем она здесь? Почему? Ребус, товарищ начальник заставы. Решай, старший лейтенант погранвойск Посохин».

Он посмотрел в окно. На лайде, у лодки сустились двое: невысокий ефрейтор Смолин и рядовой Антоненко — правофланговый заставы. С ними он сейчас отправится на поиск.

«А как же с начальством-то?» — вспомнил он про радиogramму, полученную накануне. Достал папку, еще раз пробежал текст «эрдэ»: «15-го ждите пограничный сторожевой корабль Прибудут заместитель начальника штаба майор Герасимов новый замполит заставы лейтенант Ларухин тчк Подготовьте отправке демобилизованных». Посохин закрыл папку, положил ее в сейф. «Ничего, Соколов встретит начальство. Справится», — подумал он и, еще раз мельком взглянув на карту, вышел.

На крыльце задержался, осмотрел поселок. Брошенные хозяевами дома одряхлели, смотрели на мир темными перекошенными окнами без стекол, черными дверными проемами. Почти все они завалились то влево, то вправо, сутулились, пригибались, подставляя редкому холодному дождю дырявые крыши, ребра стропил. Быстро стареют брошенные людьми дома, тем более в этих краях — на перекрестке тихоокеанских ветров, дождей и туманов.

Все это Посохин видел каждый день, но сейчас вглядывался в безлюдный, одряхлевший поселок как-то по-особенному внимательно, словно отыскивая в нем что-то такое, ради чего мог прийти сюда неизвестный, имя которому уже дали на заставе — нарушитель.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться? — услышал Посохин голос сержанта Рябова, одного из четверки демобилизованных, которых сегодня возьмет корабль. Посохин обернулся.

— Слушаю, сержант.

Рябов был на голову выше приземистого, широкоплечего Посохина. За спиной сержанта стояли ефрейторы Котлов и Сидоров.

— Разрешите, мы пойдем с вами? — Рябов кивнул на ефрейторов. — В последний наряд. А, товарищ старший лейтенант?

Представительный, серьезный Рябов был лучшим стрелком и следопытом заставы. И первым силачом.

— Нет, сержант, со мной пойдут Смолин и Антоненко. А вам... — он посмотрел направо, туда, где за поселком уходила в сопки еле заметная тропа, — вам, видимо, придется еще сходить в наряд. К бухте Топорковой. Будьте готовы.

Посохин пошел к лодке. Немного погодя сержант и ефрейторы тоже направились туда.

Антоненко старательно скреб дно лодки консервной банкой, вычерпывая воду, а Смолин деловито зачищал свечи.

— Ну как, механик, скоро? — поинтересовался Посохин.

— Стараюсь, товарищ старший лейтенант, — виновато пожал плечами Смолин. — Даже чихнуть не хочет. Ведь работал же. — Смолин загремел ключами в инструментальном ящике.

Посохин посмотрел на часы. Прошло уже двадцать минут после объявления тревоги. «Еще минут пятнадцать — двадцать уйдет. Если не больше», — подумал он и вдруг усмехнулся, вспомнив последний фильм о пограничниках, который крутили они на заставе раз двадцать за зиму. «Как там все быстро получалось. Как в кино».

Из-за развалившегося строения бывшего магазина показался Олег Сергеевич — человек пяти лет, с пластмассовым автоматиком через плечо, сын Посохина. Олег Сергеевич подошел к Рябову, взял улыбнувшегося сержанта за руку и очень серьезно спросил:

— Ты почему не пришел на футбольную тренировку вчера? Я ждал-ждал... Обманывать не положено. Обманывать, Рябов, нехорошо.

Рябов еще шире улыбнулся, подхватил Олежку на руки, высоко подбросил, поймал, прижал к груди. Мальчик даже не улыбнулся и пуще прежнего надул губы.

— Извини, Олег Сергеевич. Виноват. Понимаешь, дел у меня было много. К отъезду готовился.

— Я знаю. Только ты же знал, что будешь готовиться. Не обещал бы тогда, — никак не шел на мировую со своим постоянным партнером по футболу очень серьезный Олег Сергеевич.

— Сынок, сержанту действительно было очень некогда. Не получилось у него с тренировкой. Ты уж извини его. Служба, — развел руками отец.

— Ладно, извиняю, — снизошел Олежка и протянул Рябову растопыренную, красную от холода ручонку. Рябов осторожно пожал ее своей лапшей и подул на пальцы мальчонки.

— Рукавички надо носить, Олег Сергеевич! Холодно еще, — слегка пожурил друга сержант.

«Олегом Сергеевичем» Олежку величали на заставе все, кроме отца с матерью. Серьезный, рассудительный мальчик совсем не походил на пятилетнего. Живя где-нибудь в другом месте, только не на этом острове, Олег, наверное, не был бы таким серьезным. Но он рос без сверстников. Правда, полгода назад прапорщик Виктор Соколов привез из областного центра мо-

лодную жену, и стало на острове две семьи. Недавно мама сообщила сыну, что у Олега скоро будет товарищ — мальчик или девочка, тетя Таня скоро поедет в город и купит там маленького. С того дня Олежка потерял покой и на дню раза два заходил к тете Тане и спрашивал располневшую, с припухшими губами миловидную жену прапорщика, когда же она поедет в город за покупкой. Тетя Таня в ответ хохотала и обещала сделать это скоро. Олег Сергеевич вздыхал и уходил недовольный. Нет, ему, в общем-то, не очень скучно жилось здесь. Он ходил каждый день в казарму, где солдаты охотно вступали с ним в разговор, одаривали немудреными вещичками, что находили на лайде во время дежурства. Вещицы эти выбрасывал сюда океан во время приливов и штормов. Одни предметы рыбаки и моряки где-то и когда-то выбросили за ненадобностью, как, например, всевозможных цветов и форм бутылки и пузырьчики, резиновые шлепанцы. У Олежки в его детском уголке были и японские палочки для еды, и американские шариковые ручки, и полный сервиз пластмассовой посуды, и даже кубик для игры в нарды, и много других красивых безделушек. И все-таки не было рядом с ним по уму, по желаниям товарища-сверстника, и волей-неволей рос Олежка не в меру серьезным.

— Иди домой, холодно,— нагнулся к сыну Посохин, застегивая верхнюю пуговичку его курточки. Олег замотал головой и подошел к лодке. Посохин посмотрел на океан, потом на часы.— Время уходит, Смолин. Если можно — побыстрее. Рябов,— обернулся к сержанту,— помогите Смолину.

* * *

Семен Стибайло, по прозвищу Лахтак, с тревогой посматривал назад на уплывавшее основание мыса, на вершине которого стояла сторожевая вышка заставы. «Прогресс» било о волны словно телегу на проселочной дороге, но Лахтак и не думал сбрасывать газ. Последними блатными словами он крыл себя за промашку. За ту самую, из-за которой его «Прогресс» оказался на какие-то две-три минуты в пределах видимости наблюдателя на вышке. И как он, знавший этот остров не хуже своего дома, мог так ошибиться. «Козел вонючий! Фуфло! Это же надо так...» — крыл он себя, яростно мусоля липкий мундштук потухшей «беломорины».

Вдруг его осенило. Он повернул резко к берегу, и вскоре «Прогресс» вошел в узкую бухточку, почти совсем невидимую с океана из-за трех глыбин, отколовшихся когда-то от скалы. Таких укрытий встречалось немало по берегу. Стибайло заглушил мотор и стал слушать. Всполошенные неожиданным вторжением бакланы и топорики срывались с уступов скалы и летели в море. Вскоре колония успокоилась. Стибайло повернулся лицом к океану, закурил. «Если заметил часовой на вышке — минут через десять пойдут в погоню», — прикинул он и вытащил из-под брезента карабин.

* * *

Семен Стибайло забрался на край земли семь лет назад. Он бы и дальше подался, но некуда — впереди Тихий океан... Забрался не по причине романтического зуда, не экзотики ради.. Страх загнал. Семену Стибайло очень надо было спрятаться подальше. Поглубже...

Отсидев второй раз положенное, Стибайло, вор-домушник, решил в последний раз «сыграть по крупной». Большая игра (он по своему опыту знал) требовала солидной подготовки. Тем более та, на которую он шел... По правилам игры, он начал издалека.

В небольшом среднерусском городе Стеблевске Семен устроился в один из жэков слесарем-водопроводчиком и сразу получил право на жительство в служебной комнате. Стал Семен Стибайло жить на трудовые рубли. Работы всегда хватало. Хоть и платили скромно, но Стибайло терпел. К тому же должность не предусматривала «железной» дисциплины. Тем более что комендант, майор в отставке, видя рвение бывшего зека (а Стибайло на первых порах вкалывал добросовестно), вскоре предоставил ему полную самостоятельность в ремонте кранов и отопительных батарей. Стибайло стал работать еще прилежнее, и жильцы вверенных ему домов не скупились на похвалы в его адрес. Иногда делали они это письменно в адрес жилищно-эксплуатационной конторы. Словом, авторитет Семена рос.

Он купил себе почти задаром старенький мотоцикл «Ковровец» и, провозившись с ним недели две, стал выезжать по вечерам за город. Потом и днем наладился.

«По крупной» он решил сыграть в Ламске, что находится в шестидесяти километрах от Стеблевска.

Ровно через год Стибайло заявил коменданту, что решил уехать к двоюродной тетке в Симферополь. Так сказать, поближе к морю, к фруктам, поскольку в местах не столь отдаленных, на лесоповале, он здорово приморозил ноги. Майор попробовал уговорить остаться добросовестного слесаря-водопроводчика, подкрепляя свои доводы обещанием предоставить ему служебную однокомнатную квартиру. Однако Стибайло на такую приманку не «клюнул».

Как всегда, восьмого в ремстройтресте Ламска выдавали зарплату. И уже за полчаса до конца смены рабочие стали подтягиваться к конторке. Ждали из банка кассиршу Надю. Она вскоре подъехала на газике начальника. Махнув шоферу, мол, поезжай, Надя, худенькая симпатичная женщина (по паспорту Надежда Александровна, тридцати лет от роду), важно зашагала в контору. Около окошка кассы первыми по традиции оказались отделочницы.

— Эх, и погуляем сегодня! — забалагурил высоченный экскаваторщик и, вроде шутя, отодвинул их от окошка. По его спине дружно забарабанили твердые кулачки женщин.

— Ну ты, верста коломенская, не присоседивайся. Мне за ребенком в детсад надо побыстрее, — отпихнула локтем экскаваторщика крупная молодка в заляпанном краской комбинезоне.

— А у меня тоже ребенок. В ясли ходит, — ухмыльнулся экскаваторщик, но отошел.

Так они стояли около кассы, потихоньку подтрунивая друг над другом, делясь своими строительными новостями и проблемами.

— Чевай-то она там копошится, банкирша наша, — нетерпеливо забарабанила пальцами по подоконнику молодуха.

— Пересчитывает небось. Это ж тебе не гвозди выдавать, — заступилась за кассиршу тетя Фекла, старушка-уборщица.

Между тем прошло уже полчаса. Молодуха застучала в окно:

— Надя, скоро? Не миллион же у тебя.

Окошко не отреагировало. Очередь загудела.

— Надь, а Надь, ну скоро? — снова забарабанила молодуха. Сзади заворчали насчет привередливости всех кассиров.

— Может, с ней плохо, а мы тут шумим, — сказала тетя Фекла и, выйдя из очереди, смело открыла дверь коридора, за которым полчаса назад скрылась кассирша. Через мгновение из глубины коридора раздался жуткий вопль.

* * *

Сторожевой пограничный корабль, на котором шли заместитель начальника штаба майор Герасимов и новый замполит заставы Бакланьего лейтенант Лаврухин, привычно подминал под себя волны Тихого.

Майор Герасимов жил в каюте командира корабля капитана третьего ранга Орлова. Тот редко находился «дома»: нес вахты, пропадал в рубке или не спеша обходил корабль. Был Орлов высок, сутуловат. Рябоватое лицо его прорезали глубокие морщины. Он почти всегда хмурился, слегка выпячивая нижнюю губу, и оттого казался не то чтобы чопорным, но немного надменным. Над колючими глазами капитана нависали пепельного цвета брови. Однако с майором Орлов держался как можно приветливее, но это у него плохо получалось. Казалось, какое-то раздражение, спрятанное глубоко-глубоко в душе, не позволяло ему размягчиться.

Герасимову, в общем-то общительному в жизни человеку, оптимисту, было немного не по себе в компании с нарочито официальным командиром. Однажды, когда Орлов сменился с вахты и они перед обедом решили сыграть партию в шахматы, спросил:

— Смотрю я на вас, Николай Ионыч, и все думаю: отчего вы всегда такой хмурый? Может, в семье что-нибудь? Вы уж извините за нескромность.

Густые пепельные брови Орлова поднялись. Он отодвинул шахматную доску в сторону, взял из пачки папиросу.

— Сколько вам лет, Игорь Лаврентьевич? — неожиданно спросил Орлов.

— Тридцать четыре. А что, больше дадите? — улыбнулся Герасимов и погладил уже хорошо оформившуюся лысину на макушке. — Как говорят, умный волос не очень умную голову покидает.

— Да нет, я не о том.

— О чем же, Николай Ионыч? Не томите.

— Тридцать четыре — и уже майор. На подполковничьей должности. И это в наших погранвойсках, где звания туго дают. Значит, скоро вторую звездочку на погоны получите. — Орлов вздохнул. — А мне вот скоро на пенсию. Но, как видите, и у меня всего одна. Даже до «капдва» не дотяну. Через полгода выхожу в отставку.

Герасимов отвел глаза, снова погладил лысину, проговорил смущенно:

— Я ведь не у вас... Не знаю...

— Да вы-то здесь при чем? — зло чиркнул спичкой командир корабля. — Слава богу, что у вас все идет хорошо. Полным ходом. А мне, понимаете, обидно. — Орлов встал, прошелся по каюте.

— Сами-то знаете, почему так начальство чинами обошло вас? — спросил Герасимов, глядя в сутулую спину командира корабля.

— Да так... — замялся Орлов.

— А все-таки, Николай Ионыч? Неужели не догадываетесь?

— Давно догадался, — снова подсел к столу командир корабля. — Видите ли, начальству мой характер не нравится.

— То есть? — поднял брови майор.

— Чего ж здесь неясного? Грубым меня считают. Не умею, мол, подходить к людям.

— Так и сказали вам? Я имею в виду начальство. Может, нелепые слухи? Стоит ли верить?

— Представьте, верю, потому как ношу до сих пор одну большую звездочку на погонах. Да, я не из тех, кто беседы-нотации разводит там, где нужно просто применить власть. Я не крыловский повар. Одним словом, я не либерал. Флот, армия сильны прежде всего дисциплиной, и только ею. А дисциплина — дама строгая, она такое украшение, как фамиллярность, не признает. — Орлов снова заходил по каюте. — Я и требую беспрекословного исполнения моих приказов, указаний. Я отвечаю за корабль, за выполнение задания. Я, и только я! И случись что не так — с меня начальство стружку снимет.

— А разве командиры БЧ¹ не несут ответственности, если случится что-нибудь?

— Отвечают, конечно, и офицеры. Но как? — горячился капитан третьего ранга. — Рикошетом от меня. Не тот ответ.

— Конечно, своя боль — больнее всех. А вспомните, Николай Ионыч, то время, когда вы были подчиненным на корабле. Разве у вас была спокойная жизнь?

— Э-э, не вспоминайте те времена, — замахал руками командир корабля. — Какие матросы были? Ребята один к одному, все в руках у них горело. Пулей по кораблю летали. А сейчас видели, как красили только что на палубе первогодки? Как будто кисточку до этого в руках не держали. А палубу, коридоры как драят? Чуть ли не на коленях. Разве это матросы?

— Так ведь первогодки, — улыбнулся Герасимов.

— Когда я начинал, первогодки не долго отличались сноровкой от «старичков».

— Что ж, Николай Ионыч, я с вами, может, и соглашусь. Убедили: раньше большинство ребят приходили уже с хорошими трудовыми навыками. Только ведь солдата не по одним этим качествам оценивают, хвалят. Главное все-таки военное дело.

Орлов рывком поднялся, оперся ладонями о стол.

— Простите, а военное дело — что это? Это тоже сноровка, владение телом, как говорят спортсмены. Уж кому-кому, а вам, сухопутным пограничникам, это хоро-ошо известно. Увалень, растяпа, белоручка учебную полосу препятствий одолеет на чистую двойку. А парень хваткий — и с первого раза на троечку да сделает.

— Само собой. Кто же с этим спорит?

¹ Боевая часть корабля.

— Вот я и не развожу разные там турусы, а сразу беру в оборот. Чтобы поскорее настоящим матросом был.

— И многого добились, Николай Ионыч? Что-то я не вижу у вас знаков отличий за образцовое выполнение заданий? — посерьезнел Герасимов.

Орлов вдруг как-то сник, еще больше ссутулился. Сел.

— Придираются все время. Какие знаки, раз командир бесперспективен? Не в почете, — кисло усмехнулся он. — У меня свой взгляд с молодости на военную службу, и менять свои убеждения не собираюсь. Моя задача: сделать из юнца матроса. И чем быстрее, тем лучше для флота.

— Поймите же в конце концов, что юнцы сегодня не те, что были двадцать пять лет назад! — вспыхнул майор. — Тогда приходили к вам, как правило, с неполным средним образованием, и вы для них были не только командиром, но и кладезем знаний. Они смотрели на вас, как мы с вами на академика.

— Ну и что? Что из того, что нынче они с десятилеткой, с дипломами техникумов приходят? Вы скажете — техника сегодня не та? Знаю. Мол, такой техникой управлять должны грамотные воины? Знаю, знаю, Игорь Лаврентьевич! Только армия остается армией, а не гимназией для благородных девиц. Будь любезен, матрос или солдат, выполнять беспрекословно быстро, хватко устав и приказы командиров.

Теперь встал Герасимов и начал шагами мерить каюту.

— Беспрекословно приказ выполнять солдат обязан, Николай Ионыч. Это точно. Но еще надо добиваться, чтобы он к тому же думал. Чтобы нутром знал, чувствовал правильность, полезность, необходимость выполняемого им приказа, — сказал он, заложив руки за спину.

— Ну, знаете, товарищ майор. — Орлов развалился в кресле. — Сейчас не гражданская война. Сейчас агитировать не надо. Нечего слова на ветер пускать. Надо требовать! Игра в демократию в армии — плохая, опасная игра.

— Нет, Николай Ионыч, позвольте не согласиться. Сейчас для командира самое главное знать, какое нутро у новобранца или у старослужащего. Психологию его знать надо и в соответствии с ней растить солдата. Подбирать к нему ключики, — раздумчиво возразил Герасимов. — Жизнь сама нам подсказывает это. Да и приказать солдату можно по-разному. Что же касается нынешней молодежи... Нормальная она, наша молодежь. И хочет от нас с вами только одного — уважения и... правды. А мы, если уж честно, все хотим ею повелевать... как нами в молодости помыкали. И дурачили. Так зачем же нам повторять, калечить ее ложью? Зачем? Нет, молодежь наша... Доказало и нынешнее молодое поколение, нынешние парни-солдаты, что положиться на них можно смело. Разве Афганистан вам ничего не говорит? То-то, Николай Ионыч. — Герасимов смолк, потом все же добавил примирительно: — А насчет того, когда были лучшие матросы, вопрос — не вопрос. Раньше и солнце светило ярче... Одним словом, лучше, потому что раньше мы сами были молодыми, — и этим сказано все.

После обеда Герасимов вышел на палубу.

Сзади тяжело бухнула дверь.

Майор обернулся. Вышел новый замполит заставы Бакланьего — высокий, с гордой осанкой, кареглазый лейтенант Лаврухин, встал рядом.

— С каким настроением плывете на Бакланий, лейтенант? А? Только честно, без бравады.

Лаврухин посерьезнел, пожал плечами:

— С обыкновенным, товарищ майор.

— Меня Игорем Лаврентьевичем зовут,— вставил Герасимов.— Здесь можно по имени и отчеству, Алексей. С обыкновенным, говорите? И ничто не гложет, не тревожит? Так не бывает. Особенно если учесть, что это — ваше первое назначение. И сразу на Бакланий,— напирал майор.

Лаврухин закусил нижнюю губу, покраснел.

— Конечно, волнуюсь. Но... службы не боюсь.

— А невеста есть у вас, Алексей?

— Есть, Игорь Лаврентьевич,— вздохнул Лаврухин.

— Почему тогда такой глубокий вздох?

— Разве не понятно, товарищ майор,— удивился Лаврухин.— Москвичка она.

— А вы, Алексей, ей сообщили, куда вас направляют? — Майор повернулся спиной к океану.

— Конечно. Я же в отряде целый месяц прожил. Ребята во всех подробностях описали мне Бакланий. Я его очень хорошо представляю.

— Мда... Значит, не уверены вы в ней? Что ж, ситуация знакомая. Я и сам прошел через подобные муки. А она ответила? — спохватился он.

— В том-то и дело, что пока нет,— потупился Лаврухин, засовывая руки в карманы бушлата.

— И это мне знакомо,— вспомнив молодость, мечтательно улыбнулся Герасимов.— Я, между прочим, ждал ответа от своей Марины тридцать пять суток. Под конец совсем, как говорят, нос повесил, а она мне телеграмму: «Жду вызова. Родители согласны. Благословили. Целую. Твоя Марина». Я в Приморье начинал. Десять лет со мной с заставы на заставу... Мать двоих детей. Так сказать, для справки.

— Бывают и другие телеграммы,— нахохлился Лаврухин.— Ребята в отряде рассказывали...

— Бывают,— согласился Герасимов.— Только офицеры в отряде, насколько я знаю, налоги по бездетности не платят. Все женатые. А в нашем отряде немало таких застав, как на Бакланьем.

* * *

В дверях казармы вырос прапорщик Соколов. Он посмотрел на лодку и ходко направился к ней. Из-под крыльца заброшенного дома, стоявшего ближе других к бухте, вылез облезлый песец и принялся тявкать. Прапорщик не стерпел, поднял увесистый голыш и бросил его в песка. Камень гулко ударился в крыльцо, песец юркнул в подполье, но сразу же выглянул и снова затывкали. Смолкнув, затрусил за прапорщиком. Из-за выступа скалы вылетела стайка глупышей и плюхнулась недалеко от лодки. Зла от людей в зеленых фуражках живность в здешних местах не знала.

— Товарищ старший лейтенант, может, все-таки я пойду? Ведь начальство после обеда прибудет,— сказал Соколов, подходя к лодке.

— Вот и встречай. Привыкай,— не оборачиваясь к прапорщику, ответил Посохин, помогая Смолину с мотором.— Ты уж посмотри напоследок своим

хозяйским глазом вокруг. Что сможешь — подправь, ну а если начальство заметит крупные недоработки — вместе отвечать будем. А неизвестная лодка — объект достаточно серьезный. И надо ж ей объявиться сегодня, — досадливо вздохнул начальник заставы, вытирая ветошью руки.

Смолин дернул шнур, мотор затарахтел-затрещал. Посохин посмотрел на часы. «Так. Сорок минут минус. Надо все-таки новый двигун выбивать из хозяйственников, а то с этим долго не послужишься».

— Смолин, запасные баки с горючим есть? — спросил он повеселевшего механика.

— Так точно. Можно даже кругосветное путешествие совершать вокруг вверенного нам острова, товарищ старший лейтенант.

Никто на заставе всерьез не воспринял появление неизвестной моторной лодки. (Прошла бы рядом неопознанная подводная лодка — тогда другое дело.)

— А все-таки, Антоненко, сходите за веслами. Не вижу я их, — напомнил начальник заставы.

— Есть принести весла, — отчеканил солдат и побежал в казарму.

Подошли женщины: Посохина Надя — маленькая, чернявая, с крупными глазами, и Соколова Таня — высокая, под стать мужу, блондинка с уже хорошо заметным животом.

— К обеду вернетесь? — спросила Надя. Она тоже всерьез не могла воспринять тревогу.

— Обязательно, Надежда свет Аркадьевна. Обязательно. К приезду начальства надо маленько подготовиться, — весело, чтобы не волновать жену, ответил Посохин. — Не часто оно нас балует посещением.

Надя протянула ему сверток.

— На всякий случай вот вам три бутерброда с колбасой.

— Ох, Надежда, раскормишь ты нас, а нам лишний вес ни к чему. Мы же должны быть легкими на ногу, — пошутил Посохин, но сверток взял.

Вернулся Антоненко с веслами.

* * *

— Убили-и-и! Ограбили! Люди! — белая от страха, с вытаращенными глазами тетя Фекла, словно слепая, растопырив руки, выбежала из коридора.

— Кого?! Кого убили? — слышалось из очереди. Самые догадливые бросились внутрь.

В темном коридоре у самой двери конторки лежала кассирша. Вокруг головы натекала лужица крови.

— Ребята! Звоните в милицию! Кассиршу нашу убили! — крикнул убежавший экскаваторщик.

Примчавшаяся вскоре оперативная группа из горотдела милиции приступила к делу. Она без труда установила, что убийца проник в тамбур коридора очень просто — раздвинул снизу две доски. Сделать это ему не составляло большого труда: конторка была сколочена из горбылей внаклад и от улицы отгорожена забором из такого же стройматериала. В заборе был проделан аналогичный проход.

убийца рассчитал все до мелочей. Кассирша, войдя в темный тамбур со свету, сразу не могла его увидеть. Ударив кассиршу по голове тяжелым предметом, убийца взял сумку с двадцатью восемью тысячами рублей и спокойно вышел через лазы на улицу. Если кто и видел его пролезающим через пролом в заборе, то наверняка не удивился: у нас любят через заборы уходить с работы домой.

Собака потеряла след у шоссе.

Стибайло и впрямь подался на юг. Разумеется, никакой двоюродной тетки у него здесь не имелось. Бывший «домушник», ставший теперь убийцей, гулял широко, раскручивался «на всю катушку», выдавая себя за рабочего золотого прииска в Магаданской области: надо же было как-то объяснять девицам и пляжным корешам свою широкую натуру. Стибайло пил временами, как говорят, до «белой горячки», но страх, дикий, леденящий душу, все разрастался в его одурманенной алкоголем голове. Бывали дни, когда он никак не мог напиться «до чертей». Словно не водку и коньяк хлестал, а брусничный сок. Недели через две после приезда в Сочи ему вдруг показалось, что за ним следят. Сначала Стибайло только озирался, потом стал петлять на такси и автобусах по городу и пригороду. Наконец решил покинуть Сочи. Он переезжал из города в город: Гагра, Ялта, Симферополь, Одесса... Но страх не покидал нигде и все гнал, гнал куда-то... Через два месяца, не зная как и почему, Стибайло вновь оказался в Ламске — теплилась еще надежда, что кассирша жива. Что не убил он ее, а только ранил. Он не стал наводить справки окольными путями, а пошел сразу на городское кладбище. На одной из последних могил он увидел ее портрет... Все точно: дата смерти совпадала...

Стибайло бросился с кладбища на станцию. На следующее утро пришел в воронежскую контору по найму рабочих в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока. Уполномоченный с готовностью, без лишней волокиты оформил его на путину в Охотское море.

Через неделю Семен Стибайло за государственный счет оказался на краю земли, у берегов Камчатки.

Он работал на рыбокомбинате усердно весь срок договора. Почти не пил. Работал и все время присматривал, где лучше бросить якорь, пока поутихнут круги после той ламской бури.

Для начала Семен женился на шаловливой рыбообработчице Людке Волковой. Бабенка она была не из красавиц и, как пишут, не первой молодости, к тому же от водочки не отворачивалась, но зато имела большой плюс — собственную половину дома. Семен Стибайло стал ее третьим мужем. Правда, неофициальным.

— Интересно, миленький, сколько ты у меня продержишься? — пьяно съехидничала Людка, когда разошлась свадебная небольшая, но шибко пьющая компания.

— Там увидим, — махнул рукой Семен, совсем не обидевшись на жену, и, как был одетый, завалился на кровать за линялой ситцевой занавеской. Потом неожиданно встал, подошел к убиравшей со стола Людке и, поднеся к самому ее носу кулак с татуировкой, совсем не пьяно предупредил:

— Если будешь по другим мужикам таскаться — насмерть зашибешься о какой-нибудь угол. Или нечаянно в море с берега упадешь. Усекла? И вообще — по поселку не очень распространяйся обо мне... О нас.

Людка зябко передернула плечиками и тоже трезво ответила:

— Усекла, Сенечка. Поняла, — Она еще ни разу не видела у Семена таких глаз: сверлящих, недобрых, жутких...

Прошло три месяца. Разъехались по домам те, кто прикатил сюда вместе с Семеном с материка. Он — остался. Обычная история. В поселке, считай, почти все население осело таким образом в разные годы. Стибайло быстро прижился в поселке. В здешних краях народ открытый, на дружбу легкий. Кто ты, откуда, что за душой у тебя — мало кого интересует. Правда, однажды жена попробовала более подробно узнать о прошлом житье-бытье Семена, но тот только исподлобья посмотрел на нее и нехорошо ухмыльнулся. Бросил:

— Я же не спрашиваю у тебя, со сколькими переспала до меня.

Людка, заметно притихшая после третьего замужества, отвела глаза в сторону и загремела посудой.

Весной Стибайло пошел рыбачить на мэрээске. Вставал в два-три часа, возвращался тоже при звездах. Осенью, получив прилично за путину, куражился недели две: пил, дрался с женой, иногда с кем-нибудь из поселковых. Этим он тоже никого здесь не удивил: рыбаки после путины часто «раскручивали гайки». Рыбалка — дело трудное, выматывает. Однако через две недели Семен бросил пить. Сразу. В знак повинности купил жене в рыбокоопском магазине шикарное пальто с норковым воротником, чем не столько обрадовал, сколько удивил ее... Еще больше удивилась, когда отдал он ей свою заначку — полторы тысячи.

— Ша. Не пью больше. Хозяйствуй, — угрюмо сказал он, кивая на деньги.

Вообще-то пить Семен бросил не просто так, а после короткого разговора с участковым Ворониным. Как-то встретив Стибайло на пути в магазин, куда тот спешил за очередной похмелькой, капитан Воронин поманил его к себе. Семен сразу сжался.

— Гуляешь, Стибайло? — укоризненно спросил капитан.

— Да, есть маленько, — потупил красные глаза Семен.

— Хм, маленько. А случаем кочегара Паршина вчера не ты полоснул по спине, а? — пытливо посмотрел на рыбака начальник милиции.

Семен похолодел: Паршина позавчера полоснул он. Хорошо, что в темноте та стычка произошла, в которой схлестнулись рыбаки с приехавшими в поселок шоферами автоколонны из города. Кочегар Паршин почему-то за шоферов вставал. «Хорошо, что был слабым тот удар и вовремя домой смотался», — еще раз обрадовался про себя Стибайло, а вслух горячо запротестовал:

— Да что вы, товарищ капитан! Что вы! Да разве я позволю? Это кто-то...

— Ладно, разберемся, а ты брось куражиться. Хватит. Понял?

— Само собой... Все, товарищ капитан, завязываю.

Тогда-то и направился Семен не в продуктовый магазин, а в промтоварный — покупать Людке пальто.

Разговор с участковым снова разбудил в душе Семена чуть приутихший было страх... По ночам он все бегал и бегал от какого-то человека, который чем-то напоминал капитана Воронина. Семен не раз просыпался среди ночи с пересохшим ртом. Он подбегал к крану и пил, пил холодную воду, словно стараясь загасить в душе изнуряющий жар.

Через полмесяца после разговора с капитаном Ворониным Стибайло вдруг объявил жене:

— На Бакланий остров давай собирайся.

— Это зачем же? — удивилась та. — Чего это мы забыли в той дыре?

— Жить там будем. Шумно здесь. Устал я от шума. Поняла? — усмехнулся Семен.

— Ничего не поняла, — ударяя на «о», пропела Людка. — Делать мне там нечего. Никуда я не поеду отсюда.

— Не поедешь? — Семен заиграл желваками на широких скулах, сжал пальцы правой руки, прищурился.

Людка похолодела, ноги у нее стали слабыми. Она села на щелястый шаткий табурет.

— Не поедешь? — переспросил Семен, но неожиданно скривился в ухмылочке. — А может, это и к лучшему.

Уехал один.

На Бакланьем Семен определился в госпромхоз. Ловил рыбу на ставном неводе, собирал грибы и ягоды, зимой охотился на песцов. Такая работа его вполне устраивала. Это не на крохотной мэрээске болтаться с утра до темноты в море.

Сначала Семен жил один, но вскоре перебрался к бухгалтерше Галине Скосоревой, почитай, единственной поселковой невесте двадцати пяти лет от роду. Поселок был небольшой, и жили здесь все семьями. Одному долго не прожить. Со скуки взвоешь.

Галина приехала сюда три года назад с мужем-механиком и трехлетним сыном. Через год овдовела — муж сорвался со скалы, когда возвращался с охоты. Вдова хотела сразу уехать на родину — в Саратов, но потом решила подождать, деньжонок подкопить.

Прошел год и еще год, а она все откладывала отъезд, постепенно привыкнув к людям, острову, тишине, покою и простоте житейской. В поселке все так жили, словно на чемоданах. Иные даже внуков здесь дождались. Не могла только привыкнуть Галина к одному — бабьему одиночеству и втайне надеялась встретить подходящего мужчину. Когда приехал Семен, обрадовалась, узнав, что бессемейный. Мужчина он был все-таки видный.

Семен и на Бакланьем прижился быстро. Проходя по поселку мимо дверей, которые отродясь не запирались, мимо магазина, который «взять» мог и ребенок, бывший «домушник» только презрительно щурил темные глаза и по-блатному цыкал через зубы (от этой привычки он никак не мог отвыкнуть, хоть и старался). Куда сплaviшь добычу? Песцам голодным отвыкнуть, хоть и старался). Корабли пассажирские сюда или сивучам? Барахолки на острове не было — продукты, уголь и прочее необходимое для жилья сухо не заходили. Продукты, уголь и прочее необходимое для жилья сухо не заходили. А с октября до самого мая даже мэрээски чужие не захарузы привозили. Разве что к пограживали. Как робинзоны жили в это время здешние люди. Нет, тут его прошлая ничникам Бакланьего сторожевой корабль придет. Нет, тут его прошлая «профессия» не годилась, хотя руки у Семена и здорово «чесались». Да и зачем старье ворошить, когда «мокрый» след, невидимый, но ощущаемый им, Семеном Стибайло, спиной и затылком, все тянулся и тянулся. Нет, к соба- чьим детям любая добыча. Затихнуть, зарастить в этой каменной глыбине, чужого сына воспитывать надо, хоть нужен он ему как баклану галстук.

Глаза убитой кассирши, огромные, кричащие ее глаза, на миг увиденные им в упор, заставляли его временами цепенеть. А ночами все гнался за ним «тот», похожий на капитана Воронина, и никак не мог он, Стибайло, убежать от преследователя... И новая жена, как когда-то Людка, нет-нет да и говорила утром: «Нервный ты во сне, Сеня. Зубами скрипишь, стонешь, стонешь...» Каждый раз при этих словах Семен сдерживал дыхание, боясь услышать от жены про убийство. (Мог запросто проговориться во сне!) Хмурясь, буркал в ответ: «Лагерная жизнь отрыгается».

Жена верила и сочувственно вздыхала.

Через пару лет он попал в бригаду, бившую котиков на лежбище Бакланьего согласно нормам международной квоты. Били их как и «при царе Горохе» — дубинками по носу. Могучие, неуклюжие красавцы, можно сказать — гранды Тихого океана, обливаясь кровью, падали замертво после первого удара.

Вот когда Семена Стибайло, прозванного здесь Лахтак, прорвало! Он убивал зверей с таким наслаждением, с такой жестокостью и какой-то злой, исступленной радостью, что даже бывалые забойщики к вечеру первого дня вроде как сторонились его, хмуро посматривали на «зеленого».

Семен не расстался с дубинкой даже возле костра. После ужина он с уважением погладил окровавленную деревяшку ладонью и мечтательно, с какой-то жуткой сладостью проговорил, обводя забойщиков прищуренным взглядом:

— Хороша штучка. Ею и человека можно таким макаром в рай направить. Как котика. Раз по пятаку — и ваших нет.

— Вот ты и испытай на себе, Лахтак, штучку-то эту. Могу помочь, — скривился бригадир Ермолов, рябоватый, крепкий мужик, бывший котиков лет двадцать. — Прыткий ты не в меру, Лахтак. Живодер. И науку эту больно скоро освоил. Даже не морщишься. Иль не впервой тебе по пятакам-то?

Семен сжался, побледнел, но быстро пришел в себя.

— Можно подумать, вы херувимчики? Тоже не промахиваетесь, — огрызнулся он, откладывая дубинку. — Для плана стараюсь.

— Гляди, чтобы штаны не лопнули от старания, — махнул рукой Ермолов. Мужики согласно ухмыльнулись.

В эту ночь Семен Стибайло впервые за два года спал спокойно.

Осенью маломощный убыточный рыболовецкий колхоз острова Бакланый закрыли. Его уже лет пять собирались прикрыть, но начальство в Петропавловске-Камчатском все медлило, надеялось на что-то. Однако и на краю света чудеса хозяйствования тоже редки.

Закрыли и здешний госпромхоз. Семен уговорил жену перебраться на Двугорбий. Там работал рыбокомбинат, и поселок был большим. Повздыхав, жена согласилась: третьего мужа можно и не найти...

На Двугорбом Семен снова устроился в госпромхоз. Летом и осенью ловил рыбу, зимой охотился. Он уже прилично стрелял, смело водил моторные лодки разных марок, знал повадки песцов и лисиц, мог в одну минуту развести костер на любом ветру, в любой дождь. Лицо его задубело от ветров, туманов, руки стали красными, заскорузлыми от воды. Семен отпустил бороду, за которой прилежно ухаживал. «Кенты» по лагерю, пожалуй, теперь и не узнали бы его — поседевшего, с черной курчавой бородкой. Разве что по наколкам на руках опознали бы.

В июне он вместе с бригадой забойщиков возвращался на Бакланий, где их встречали по всем правилам пограничники, тщательно просмотрев разрешение и документы. Народ на заставе был теперь новый. Прежнего начальника заставы старшего лейтенанта Барышникова сменил невысокий крепыш с голубыми внимательными глазами — старший лейтенант Посохин. Семену почему-то он сразу не понравился. Может быть, оттого, что взгляд Посохина очень напоминал милицейского капитана Воронина. Такие глаза в самую душу продираются. А в душе у Стибайло по-прежнему ютился страх.

И снова высаживались забойщики недалеко от лежбища, и снова Семен сатанел, когда шел с дубинкой на молодого самца, единственной виной которого была темная упругая шкура с густым мехом, за который на пушных аукционах пригоршнями золото отваливают...

На Двугорбом прожили они безвыездно пять лет. В этом году вместе с семьей Семен впервые оказался на материке — поехали в апреле отгуливать трехгодичный северный отпуск.

Остановилась чета Стибайло на родине жены — в Саратове, где у нее имелась забронированная двухкомнатная квартира.

Сначала Семен отдыхал исправно: фотографировал жену и сына в городе, в степи среди цветов (фотоаппарат купил еще на Бакланьем и от скуки, постепенно втянулся в это дело), блаженствовал за бутылкой водки в старом деревенском саду бабы Симы — жениной бабушки по матери. Но недели через три утром вдруг объявил супруге:

— Я тетку поеду навещу. Один. Дай мне тыщонку на расходы.

Жена так и села от неожиданности.

— Сень, к какой тетке? И почему один? Поедем вместе. Разве так делают? — возразила Галина.

Семен заиграл желваками скул и посмотрел на нее тем своим жутким взглядом, от которого робела в свое время даже разудалая Людка.

— Когда вернешься-то? — только и спросила Галина, протягивая купюры. Деньги у них были.

— А как нагуляюсь, — хмыкнул Семен и дотронулся невзначай до кармана, в котором лежала еще тысяча — его «заначка».

Не по тетке соскучился бывший «домушник». Старые дрожжи заходили в нем. Он махнул на Черное море и, как тогда, снова «раскрутился на полную».

В Ялте цвел миндаль. Ялта с каждым днем становилась оживленнее, и Семену было с кем «раскрутиться»...

Как-то он вспомнил, что вроде бы здесь прижился его дружок по первой отсидке, тоже «домушник», Васька Бычков. И точно. Справочная довольно быстро сообщила адрес.

Васька Бычков, по-лагерному Бугай, жил в собственном особнячке на широкую ногу, хотя и работал всего-навсего шофером в тресте столовых и ресторанов. Имел семью.

Бугай встретил Семена настороженно, сразу объявив, что он давно «завязал». Потом оттаял, узнав, что и дружок тоже притих. Хозяин сначала показал гостю дом, а потом повел в погребок, где стояли две бочки с вином.

Выпили по стакану, по второму, и пошли у них разговоры-воспомина-

ния... Разомлевший от вина и воспоминаний, приземистый, широкой кости Бугай покровительственно хлопал волосатой рукой по плечу Семена, поучал:

— Жить, Сеня, можно и без отмычки. Даже без твоих северных надбавок. Прилично можно жить, скажу тебе, трудом праведным.

— Заливай баки-то. На твою шоферскую зарплату такие хоромы не построишь. Тем более в хоромах твоих любому «домушнику» есть чем поживиться,— пьяно усмехнулся Стибайло.— У падишаха персидского ковров меньше было, чем у тебя в хате.

— Трудом, Сеня, трудом честным-праведным все нажито. Ну, конечно, и жильцы помогают. У меня ж, как у всех здешних владельцев, с мая и до октября по пять-шесть «дикарей» живут. С каждого — по два-три рублика в день. Желающих хоть отбавляй. Всем хочется у нашего солнышка погреться.

— Ладно заливать, Бугай. Не шебарши. Я арифметику тоже проходил. Ты лучше скажи, кого из наших встречал? Кто-нибудь до тебя доходил?

— Нет, Сеня, ша. Я же сказал сразу, что «завязал»,— отмахнулся Бугай и отвел глаза.

— Не дергайся. Я ж не следователь. Чую нутром, Бугай, тропочка в тебе есть, да боишься...

Сказал просто так. Никто ему из бывших дружков не был нужен.

— Скажешь тоже,— поднял глаза Бугай и стал лениво глотать собственного изготовления дар солнца.— Да, вспомнил. Месяц назад Леня Белоцерковец заглядывал. Он здесь было тоже осел после срока. Помнишь его?

Семен вдруг начал трезветь. Выдавил:

— Помню.

— Ну, зашел Леня. Выпили, как полагается. Поговорили. Он, между прочим, о тебе почему-то спрашивал. Только что я мог ответить? А тут узнал случайно, что Леню замели. Сколько лет держался, а все-таки влип. Сейчас легавые наверняка потрошат Леню. Все его мирные годочки-денечки просветят, всякие дела шить начнут. У него дело дохлое — кассиршу с зарплатой хотели взять, да сорвалось. Это тебе, Сеня, не домик-теремок с коврами.

Семен, услышав про арест Белоцерковца, враз отрезвел. Единственный человек на всем белом свете знал о «его» кассирше — Леня Белоцерковец. Семен тогда, после «дела», встретился с ним в Сочи на Театральном пляже. Встречу с лагерным кентом Семен отметил в ресторане. Там и проболтался, в душу твою... Увидев, как Семен небрежно кинул червонец официанту «на чай», Леня понимающе подмигнул:

— Видать, хорошо поработал, Сеня. Богатую «птичку» ощипал, а? Приличный скворечник подвернулся.

— Та птичка не дышит больше. Приласкал по темечку — и тридцать кусков наши. Учись, Леня,— пьяно похвалился Стибайло.

— Ну нет. Я до «мокрого» еще не дорос. У меня «профессия» мирная — кошелечки, бумажнички. Это ты, Сеня, в рост пошел. Прогрессируешь. И вообще, наверное, завяжу я. Надоело от легавых бегать.

Утром, припомнив тот разговор, Семен взвыл от досады, но слово назад в рот не затолкаешь... И вот теперь он снова едва не проговорился, проклиная ту встречу.

Семен долго-долго сидел молча, зажав татуированными руками курчавую посевшую голову. Бугай дипломатично кивал носом.

— Слушай, Бугай, мне нужен приличный клиент на... на шнурье. Понял? Чего имеешь? — встрепенулся Бычков. — Песцов, соболишек или этих... крыс? Ондатру? Как не понять? На мягком золотишке там па-сешься.

— А говоришь, «завязал», — скривился Стибайло. — Фуфло.

Бугай был не из трусливых, на здоровье не жаловался, но перед Семеном и в лагере юлил: Стибайловы «клешни» могли с корнем вырывать приличную сосеночку. Оскорбление дружка Бугай благоразумно пропустил мимо ушей.

— Ну, Бугай, не крутись. Внакладе не будешь, — напирал Стибайло.

— Разве что ради наших молодых лет, — вздохнул лагерный кореш-кент. — Есть у меня один знакомый. В Гаграх живет. Только, Сеня, он по мелочам не берет. Учти. Из-за товара на десять — двадцать ондатровых шапок с ним лучше не говорить. Он делец масштабный. Иногда с его стола и мне крохи переппадают.

— А я из-за сотни крыс этих базлаить не стал бы, — цыкнул на пол Стибайло. — У меня, Бугай, на ферме зверь похлеще водится. Слышал про морских котиков?

— Да ну? — удивился Бугай. — Силен ты, Сеня. Это же заповедный зверь, запретный. Из него шикарные шапочки можно слепить.

— Ну, раз усек, действуй. За Семеном Стибайло никогда не пропадало. Когда сведешь?

— Хоть сегодня. «Хозяин» как раз «по службе» в нашем городе. Вечерком. Идет?

— Заметано.

«Хозяин» ждал Семена в том же погребке Бычкова. Это был еще молодой кавказец с холеным и очень надменным лицом. Пальцы его рук обросли массивными золотыми перстнями — «печатками».

— Левон, — протянул он руку вошедшему вслед за Бугаем Семену.

— Семен, — буркнул Стибайло и тисками сжал «хозяину» ладонь. Тот съежился.

— Зачем силой хвалишься? Товаром хвались.

— Дойдет и до этого, — буркнул Семен.

Бугай угодливо наполнил большие стаканы вином.

— За знакомство, — поднял свой стакан Левон и первым выпил. Поставив стакан на стол, посмотрел на шикарные импортные часы. — Что имеешь, охотник?

— Морских котиков. Слышал?

— Зоологию в школэ проходил. С огнем играешь, охотник. Товар опасный. Лэт на восемь — дэсят тянэт.

— Мое дело, — отмахнулся Семен и стал откровенно рассматривать золотые перстни-«печатки» на пальцах «хозяина». — Будем говорить или?..

Левон достал пачку импортных сигарет, щелкнул изящной газовой зажигалкой, тоже не отечественного производства, затянулся, с прищуром рассматривая Стибайло. Кивнул на дверь Бугаю.

— Хозяин, чужие куры в твой сад забэгалы. Прогонь.

— Понял, — мотнул головой Бугай и вышел.

— Сколько даешь? — поинтересовался Левон.

- Десять.
- Дэсять? — у кавказца округлились глаза. — Ого! Как пэрэправишь?
- Мои заботы. Берешь? — нетерпеливо спросил Стибайло.
- Бэрошь, — ответил Левон. — Когда представишь?
- Через месяц-полтора.
- Цэна? Чэм бэрешь? Дэньги, золото, камни?
- И камни тоже. Царские червонцы и камешки. Бумажек не надо.
- Понял, — кивнул Левон и снова сделался надменным. Повторно предупредил: — Товар опасный. — И добавил: — Сэрьезный. Жду.

На следующий день Стибайло вернулся в Саратов.

Жене сказал, что надумал лететь на Двугорбый. На забой котиков.

— Не могу я, Галь, такую «шару» упустить. Сама знаешь — там всегда зарабатываешь. Деньжата никогда лишними не бывают, — оправдывал свое неожиданное решение Семен, словно боясь, что жена догадается о правде.

Галина, знавшая охотничий зуд мужа, только вздохнула и стала собирать его в дорогу. На островах все мужики помешаны на охоте да на рыбалке.

«Бежать! Бежать!» — застучало в висках Семена, когда узнал от Бугая насчет Белоцерковца. «Бежать за кордон — и только. Здесь мне солнце светить все равно не будет. Все время ждать, когда придут легавые, — свихнешься. Белоцерковец, конечно, не продаст, мало ли что я ему по пьяни мог сказать». Но кто-то невидимый вдруг спросил: «А если расколется, когда следователи начнут душу трясти, годочки раскручивать, раскладывать по полочкам? А ну как и про ламское «мокрое» дело речь заведут? Дело-то у легавых не закрыто. Такие дела в архив не списывают».

Стибайло все продумал тогда в погребке Бугая. Все. Собственно, о побеге за кордон он начал думать, еще когда подписывал договор на путину. Кто-кто, а Семен Стибайло знал, что сыщики, граждане следователи и прокуроры весь Союз обшарят, горы перепашут, а так просто его «мокрое» дело не прикроют. Две отсидки хорошо просветили его насчет хватки этих самых ненавистных ему людей. В лагерях не только растратчики, «домушники» и карманники сидели... С годами тревога малость поутихла, но желание избавиться от страха, от кары за убийство жило в нем днем и ночью. Избавиться можно было одним способом — бежать за границу. О том, чтобы устроиться моряком на торговое судно, нечего и мечтать: с такими лагерными в его личном деле отметинами — какая заграница. К борту парохода близко не подпустят... Насчет перехода через кордон по суше тоже нечего даже рыпаться. Оставался последний, самый верный способ — на лодке подойти к иностранному судну. Сделать это со временем для него не составляло большого труда: недаром сезон болтался на мэрээске, работал в госпромхозе, имея в распоряжении и лодку, и свободу передвижения вдоль берегов двух островов. Но и в этом варианте таилась одна заковыка: прошли те времена, когда разных там перебежчиков из державы в одну шестую часть света принимали с распростертыми объятиями суда определенных государств. Тем более таких, как он, Семен Стибайло, бывший вор в законе... У них, у капиталистов, своего такого дерьма хватало всегда.

Насчет такого оборота Стибайло просветили еще в первый год приезда сюда местные старожилы-рыбаки. Так что нужна была солидная приманка. Он долго ломал голову над этим. В прошлом году додумался. Од-

нажды он увидел, как на большую поляну среди сопок (Семен как раз проверял неподалеку капканы) опустился вертолет с каким-то начальством. Люди осматривали поляну, окрестности, что-то записывали в блокноты, спорили друг с другом. Стибайло притаился в заиндевевших кустах, почему-то не решаясь объявиться. Потом вертолет прилетал еще не раз, доставляя людей и какие-то ящики.

Вскоре Семена пригласили на погранзаставу Двугорбого. Начальник ее, старший лейтенант Михайлов, попросил Семена быть проводником у товарищей, которые строят один очень важный объект на его участке. Семен охотно согласился.

Он стал своим человеком в палаточном городке строителей, людей душевных, но не болтливых. Не без труда узнал, что здесь будет объект, связанный с космосом. Идя на стройку, Семен прихватывал теперь фотоаппарат и исподтишка фотографировал людей, оборудование. Однажды он даже ухитрился сфотографировать какие-то чертежи на столе начальника строительства. Этими кадрами Стибайло особенно дорожил... Теперь можно было всерьез думать о побеге: на такую «приманку» капитан «иностранца» должен был клюнуть. Если, конечно, капитан не круглый болван. Самое главное для него, Семена Стибайло, оказаться на чужой земле, а там он приживется как-нибудь. Авось с голоду не дадут помереть. Тем более что насчет «голода» он тоже кумекал на досуге: десяток шкур котиков, спущенных на советском черном рынке, могли гарантировать в любой иномодер-жаве приличное житье на первое время.

...Прошло с полчаса после того, как он укрылся на лодке в этой крохотной бухточке. Погони не было. Семен глубоко затянулся и щелчком метнул окурок в воду. Любопытная кайра ринулась к окурку, но одумалась, отвернулась от несъедобного... Туман все ниже и ниже опускался ватным белым колпаком над гранитной глубиной в океане, и сквозь него сеялся липкий мелкий бус. Такая погода очень устраивала Стибайло.

Он положил карабин в багажник, вытянул якорь, оттолкнулся веслом от берега. Сразу взревевший мотор заставил его вздрогнуть.

— Потихе, ты... — чертыхнулся Стибайло. «Прогресс» воровато вышел из бухточки. Снова всполошились сидевшие на кекуре, на срезанных боках скал бакланы. Они срывались с мест и уносились в океан, в туман.

Стибайло прошел лежбище на значительном расстоянии, чтобы заранее не распугать пока еще сторожких самцов.

Лодку он подогнал к лежбищу на веслах, заведя ее в крошечный заливчик. Закрепив якорь, Стибайло достал карабин и двинулся к лежбищу. Пройдя немного, остановился, присел на камень. Что-то беспокоило его, тревожило. Он все еще ожидал погони. «Для страховки погожу еще часок. Как говорила моя бабка Сима: береженого бог бережет. Если чисто — никуда от меня самцы не уйдут».

Лежбище, скрытое пока от него выступом, давало о себе знать ревом и хрюканьем.

* * *

Смолин вел лодку уверенно, выдерживая безопасную дистанцию от берега. Предыдущие его рейсы вместе с начальником заставы не прошли бесследно.

Примерно за полмили до лежбища Посохин приказал глушить мотор. Пристали к берегу. Всполошенные чайки, бакланы, кайры, гнездившиеся почти над головой, подняли гвалт. Посыпались камни.

— Подальше, подальше держитесь от скал, Антоненко, — крикнул Посохин солдату, подошедшему поближе к гнездам. — Упадет «яблочко» килограммов в двадцать, шишку ни одним медным пятакom не сгонишь.

Вытащив лодку, пограничники пошли вдоль самой кромки лайды к лежбищу. В вышине стоял неумолчный гвалт чайчьей колонии. Не прошли они и ста шагов, как Посохин остановился, поднял руку, поманил к себе солдат. Возле валуна лежал мертвый калан. Густая темно-бурая шерсть чуть серебрилась при свете. На черепе зверя виднелась кровь.

— Кто же убил, товарищ старший лейтенант? — тихо спросил Смолин.

— Чайки. — Посохин посмотрел вверх на скалу. Слово в подтверждение его ответа, чуть ли не с самой вершины запрыгал по уступам булыжник, сброшенный какой-то птицей, слетевшей с гнезда. Булыжник прихватил с собой еще один, и камни звонко застучали метрах в десяти от пограничников.

— Вот такой и угодил калану по черепу, когда он спал здесь, — еще раз пояснил Посохин.

— Мда, — опасливо втянул голову в плечи Антоненко.

— Тут надо в каске ходить.

— Не поможет, — усмехнулся Смолин, — тут не простую каску надо носить, а с амортизаторами. А может, этого калана тот, на лодке? А, товарищ старший лейтенант?

Пошли дальше. Скалы как бы отодвинулись в глубь острова. Посохин снова поднял руку и, пригнувшись, гусиным шагом двинулся к огромному камню, стоящему на пригорке. Солдаты последовали его примеру. Сквозь шум прибоя и гвалт чаек ребята слышали непонятно-знакомые звуки. Будто где-то рядом неслось смешанное стадо коров и свиней. За камнем, сверху, им представилось зрелище! На берегу лоснились туши котиков-самцов. Одни лежали, лишь приподняв маленькие морды, другие неуклюже, не спеша передвигались передними лапами, волоча туловище по гальке. Сразу за камнем, метрах в пятидесяти, — тройка молодых самцов, явно уступавших взрослым, матерым по габаритам. Эти лежали тихо, смирно, посматривая на старших, от которых молодых отделял порядочный кусок берега. Зато матерые вели «мужской» разговор на все голоса. Стоило кому-нибудь из соседей начать передвижение в ту или иную сторону, как хозяин уже захваченной территории, границу которой он установил по только одному ему известным приметам, приподнимался, опираясь на обрубки-ласты, раскрывал пасть и подавал команду-предупреждение: «Стой! Назад! Мое!» Предупреждение подавалось то ревом бугая, то хрюканьем борова. Видимо, в зависимости от голосовых данных хозяина будущего гарема. Соседи не оставались в долгу, скалили пасти, рычали, хрюкали, а иногда тоненько, по-овечьи, блеяли. Часто в «мужской» разговор двух сородичей вступал другой сосед. И нельзя было понять, то ли он говорил сородичам: «Да будет вам трепаться. Места всем хватит», то ли: «И чего лаетесь? Зубы-то на что?»

— Прямо как на ферме у нас, если глаза закрыть, — засмеялся Антоненко.

— Или на заседании месткома, когда распределяют квартиры в новом доме, — вставил Смолин.

Они все никак не верили во что-то серьезное, не могли настроить себя иначе. Вдруг Посохин резко пригнулся.

— Замереть! Не высовываться! — не отрывая взгляда от лежбища, почти шепотом приказал он и чуть приподнял голову. Солдаты прилипли к камням, вопросительно поглядывая на командира. Посохин обернулся, мотнул головой в сторону лежбища. Ребята осторожно выглянули. На той стороне лежбища они увидели человека. Тот смело шел по самой кромке берега к самцам. В руках у него был карабин. Самцы заволновались, приподнялись на лапы. Один повернул к воде. Незнакомый вскинул оружие — из ствола вылетел дымок, и самец уронил простреленную голову на гальку. Снова пыхнул дымком ствол, и второй темно-бурый красавец океана остался лежать на месте.

Первым опомнился Посохин.

— Ах ты гад ползучий!

Он выхватил пистолет, выпрямился и пружиной метнулся вниз, рискуя свернуть шею. Ближний секач оскалил пасть. Посохин выстрелил вверх.

— Прекратить! Стой! Стрелять буду! — крикнул он и снова выстрелил в пелену тумана. Солдаты скатывались следом. — Не стрелять! Живьем! Только живьем! — обернулся к ним Посохин.

Лежбище всполошилось, взревев десятками мощных глоток.

Стибайло какие-то секунды стоял оцепенев, ошарашенный появлением пограничников. Но только секунды. Вскинув карабин, он выстрелил в Посохина. Пуля дзенькнула о камень перед старшим лейтенантом и с воем взвилась в туман. Посохин упал, успев крикнуть:

— Ложись!

Солдаты упали рядом, держа указательные пальцы на спусковых крючках автоматов.

— Без команды не стрелять! Живьем, живьем будем брать, — предупредил Посохин.

Стибайло, спрятавшись за выступ скалы, выстрелил еще раз. Осколок раздробленного пулей камня впился Смолину в лоб. Тот ойкнул.

— Ранен? — всполошился Посохин.

— Ерунда. Так... — храбрился солдат, зажимая пальцами маленькую ранку, из которой сочилась кровь.

Стибайло выстрелил в третий раз и, развернувшись, огромными скачками бросился назад, к лодке, стоявшей за косой. Если он побежит к ней, пограничники увидят его и, пока будет запускать двигун, подоспеют. Все это Стибайло высчитал на ходу, а потому пробежал мимо лодки и, поравнявшись с распадком, уходившим в туман, бросился наверх. От пограничников его маневр скрыл выступ.

Посохин приподнялся на колено, ожидая выстрела. Но его не последовало.

— А ну-ка дай автомат, — протянул он руку к Смолину. Прицелившись, Посохин дал короткую очередь в сторону выступа, за которым скрылся браконьер-нарушитель. Ответа снова не было.

Совсем обезумевшие от страха самцы неуклюже-торопливо ползли к воде. Посохин вышел из-за укрытия. Антоненко держал на прицеле выступ.

— Уйдет он сейчас, товарищ старший лейтенант. У него же там лодка, — солидно высказался Смолин, как будто такая ситуация была для него привычной.

— Обходить надо поверху, — предложил Антоненко. — Разрешите мне.

Посохин поднял голову, вздохнул: туман висел совсем низко, наполовину закрывая скалу.

— В этом молоке особенно не разбежишься, а напролом идти — перестреляет он нас, как тех котиков. Вот что, Смолин. Пригоните нашу лодку сюда. Мы с Антоненко держать его будем. Если на своей уходить будет — в погоню отправимся. Ясно?

— Так точно, — кивнул Смолин.

— И откуда такие берутся? — подал голос Антоненко, не сводя глаз с уступа, не опуская автомата. — Это ж надо, ради наживы в таких редких зверей стрелять.

— Он, Антоненко, кажется, не только в них стреляет, — без улыбки усмехнулся Посохин и, прижимаясь к скале, пошел вперед. Обернулся.

— Прикрой, если высунется.

Антоненко лег поудобнее, уперся локтями в гранит, прицелился.

Посохин потихоньку шел вперед.

Он мог идти не опасаясь.

Стибайло карабкался по распадку все выше и выше. Он не понимал еще, зачем лезет туда, в туман. Но лез, то и дело оглядываясь. Его «Прогресс» колыхался на легких волнах заливчика, словно дразня хозяина. Нет, он правильно все сделал. У пограничников в руках не палки... Враз срезали бы, попробуй он завести двигун. Три ствола против одного — не подарочек...

Стибайло чертыхался, проклиная себя за вторую в это утро промашку. Пристань он к берегу на полкилометра подальше от лежбища — ушел бы. Сразу пограничники не кинулись бы за ним — им тоже жить хочется. Пока бы думали да гадали, как его сцапать, он рванул бы, и тогда догоняй. Их трое в лодке, а он — один. Ушел бы. «Нет же, козел двурогий, не захотел шкурье далеко таскать. Вот тебе и выгадал, фуфло последнее. Ладно, чего теперь кулаками махать. Ничего, граждане пограничники, мы еще потягаемся. Мне теперь все одно «вышка». За одну бабу или еще за троих зеленых... гончих», — плескались в разгоряченной голове шальные мысли.

Там, где туман можно было достать рукой, Стибайло остановился, спрятавшись за камень и стал смотреть вниз. Он все решил. Дуло карабина выжидало жертвы. «Теперь повоюем, сволочи зеленые! Псы гончие! Стибайло захотели взять?! Так я и дался... вам, желторотики! — взвинчивал себя бывший «домушник». — Перещелкаю вас отсюда, как тех котиков, — и ищи Сеньку Стибайло в океане. Уйду на Двугорбый, лодку затоплю — и привет. Кто видел, как я уходил с Двугорбого? Бакланы да сивучи? Их не допро-сишь», — заранее злорадствовал он, готовый теперь на все. На все! Злорадствовал и ждал.

Он дождался. Внизу, в просвете распадка, показался Посохин. Стибайло сразу узнал начальника заставы.

Посохин смотрел вверх, на него, но Стибайло, конечно, не видел.

— Ну давай, давай, пыхти сюда, желторотик с тремя звездочками. Четвертую заработаешь. В лоб. Я тебя встречу, — бормотал Стибайло, словно боялся, что если будет говорить в полный голос, то Посохин услышит его. —

чухай сюда, лейтенантик плюгавенький. Да прихвати с собой своих недосков, начальничек. Чтоб сразу...»

Стибайло увидел, как Посохин подошел к его «Прогрессу», влез в него. Стибайло прицелился, но тут же снова поднял голову. «Промахнусь. Далеко», — скрипел зубами от досады. Посохин что-то делал с мотором. «Умный, гад, — двигун курочит. Ничего, я тоже не в инкубаторе родился. Зря стараешься, старлей. Надорвешься. Вы же, псы, сюда не на бревне причухали. Ломай, легавый».

Посохин выпрыгнул на берег, махнул рукой. «Подзывает тех двоих. Оч-чень хор-рошо. То, что доктор Коган прописал», — припомнил про себя блатную лагерную присказку Стибайло.

Антоненко, откровенно озираясь на скалу, подошел к начальнику заставы.

— Боишься? — спросил Посохин, демонстративно повернувшись спиной к распадку.

— Есть малость, — сознался солдат. — Он же нас наверняка на мушке держит.

— Держит, точно. Он, я думаю, где-то возле тумана, а оттуда далеко-вато. Не рискнет пока. Ему надо нас троих видеть, и поближе.

То, что нарушитель-браконьер ушел вверх по распадку, было видно по следам на земле у скалы.

Послышался рокот мотора, и Смолин, тоже озираясь на туман, подрулил к берегу. Посохин и Антоненко шагали навстречу, выходя из зоны наблюдения нарушителя.

— Смолин, оставайся здесь и будь все время начеку, — приказал Посохин. — План такой: мы пойдем в преследование. Не в лоб, а сверху попробуем, — нахмурился он, увидев, как ребята испуганно переглянулись. — Ясно?

Солдаты согласно закивали, облегченно вздохнув.

— Смолин, — продолжал Посохин, — ляжешь где-нибудь рядом и будешь держать под наблюдением лодки. — Посохин и не заметил, что давно перешел на «ты». — Ему без лодки не уйти с острова. Конечно, если он один, без сообщников. Оружие, — Посохин протянул Смолину его автомат, — наготове. Его лодку я вывел из строя. Учти это.

— Понял, — кивнул Смолин.

— Так... А мы... — Посохин посмотрел на скалы, — пройдем вперед и по следующему распадку поднимемся наверх. Попробуем зайти ему в тыл.

— Туман же, — возразил Антоненко.

— Туман. А что делать? Ждать? Можно долго ждать. Ну а вдруг у нарушителя есть запасной выход? Вдруг у него все-таки есть сообщники? И вообще, мало ли на что он готов пойти, чтобы свою шкуру спасти. Судя по всему, остров наш он знает, и неплохо. — Посохин посмотрел наверх. — Не нравится мне этот браконьер. Подозрительно отчаянный... С чего бы, а? В пограничников стрелять из-за одних котиков? Отчаянный. В общем, задача ясна? Действуем. Антоненко, бегом — за мной!

Стибайло видел, как двое перебежали просвет. «Ясен мне ваш план, гражданин начальник. Ничего, я тоже арифметику проходил, — вслух проговорил он и обернулся назад: туман бесшумно облипал склон сопки. — Сейчас вниз нечего соваться. Тот, третий, только этого и ждет. Держит на

мушке лодку». У него задрожали почему-то руки, страх заморозил грудь. Только сейчас по-настоящему понял, что шансов-то на спасение у него совсем мало. Это был совсем не тот страх, который ютился в нем, когда «брал» он квартиры, набивая в чемоданы дорогие вещи своих «пациентов». Он и тогда трусил (трусил, чего там...), но сейчас был другой страх — липкий, до оцепенения жуткий. Белое месиво тумана смотрело на него дулом автомата. Ему померещилось, что те двое, что пробежали недавно внизу вправо, уже где-то совсем рядом и теперь крадутся к нему...

— Жить! Жить я хочу! Хочу жи-ить! — заорал он в туман. Отбросив карабин, Стибайло зажал ладонями голову, уткнулся в землю разгоряченным лбом и впервые зарыдал, завыв от жалости к самому себе.

Откуда-то из темноты, издалека приблизились вплотную глаза кассирши, огромные, кричащие. И только в это самое мгновение узнал он, что они кричали... «Жить! Жить хочу! Не надо! Не надо-о!» — кричали ему в лицо немые женские глаза.

Стибайло вскинулся, схватил карабин. Его вдруг охватила такая бешеная злоба, что свело скулы.

— Ну, легавые, пощады не ждите! Не ждите! Я еще за свою жизнь постою! — крикнул он и выстрелил в туман. Пригнувшись, пошел навстречу погоне, забирая выше.

Только через полчаса Посохин и Антоненко достигли границы тумана.

— Пошли, — после короткой передышки сказал Посохин. Впереди щелкнул выстрел. — Быстрей! Вперед!

На склоне, в ямах, в складках еще держался влажный грязноватый снег. «Надо податься чуть выше, в туман, иначе он нас снимет на подходе. Если вниз не пошел. На Смолина», — подумал Посохин.

Стибайло услышал их шаги издалека, ибо не знали те двое, что он пошел им навстречу после выстрела. «Быстро притопали, зеленопогонщики», — отметил он и, определив, где именно пограничники выйдут на него, бесшумно сполз ниже, спрятался за камень. В упор с ними встречаться он все-таки не решился. Однако шаги преследователей стихли. Видимо, не так уж бесшумно он сполз вниз. «Слухачи проклятые», — ругнулся про себя. Его опять стал бить озноб. «Ну! Давай, начальничек, давай, зеленый!» — повторил он про себя, пробуя указательным пальцем холодную скобу крючка. Ключья тумана бесшумно проносились мимо. Внизу жидким свинцом колыхался океан.

«Нет, пожалуй, сразу двоих не уложу, — спохватился Стибайло. — Не успею сразу, нет. Они натасканные. На ширмачка не возьмешь. Отборных набирают в погранцы. Надо по-другому. По-другому...»

Стибайло недаром пять лет охотился. Охота учит многому. Он прижал приклад к плечу, выстрелил в сторону пограничников наугад. Хлесткое эхо пошло гулять по сопкам.

— Стой! Стой! — крикнул Посохин и тоже наугад послал три пули вниз. Там послышалось шуршание, затем стук скатывающихся камней. Посохин осадил ринувшегося за ним Антоненко.

— погоди! Послушаем.

Сначала они ничего не слышали. Потом откуда-то издалека сверху снова покатались камни.

— Товарищ старший лейтенант, он на вершину полез, — шепнул солдат.

— Слышу, не глухой. Значит, задумал уходить на восточный берег. Похоже, запасной вариант есть у него. Сообщники там. Или этот зверь еще что-то задумал.

Точно, преступник уходил в туман: оттуда, сверху, скатывались камни. Охота учит многому. Стибайло торопливо карабкался вверх почти вслепую: туман здесь был плотный. Однако он не смущал его, поскольку Стибайло знал эти места хорошо. (В прошлом году, во время забоя, обшарил здешние распадки вдоль и поперек, надеясь наткнуться на золото. Болтали по пьянке старожилы, что якобы до войны один промысловик полную шапку самородков нашел и тайком увез на материк.) Теперь Стибайло решил действовать наверняка. «Пусть пока живут легавые. Зачем судьбу испытывать, пули тратить?» Он сейчас уведет их подальше от берега, в туман. Пусть побегают, поищут, а он не дурак с ними в очко играть. Был бы у него автомат — другое дело. Подпустил бы там, у камня, и полоснул очередью. А так — одного снимешь, а второй — тебя. Они, погранцы, меткачи, стрелять умеют. Видел, когда здесь жил, их стрельбы. Любой новичок через месяц-другой шпарил в мишень как по заказу.

Он все карабкался и карабкался вверх, сталкивая вниз время от времени камни. Взобравшись на вершину сопки, перевел дух. В ушах молотом отдавались удары сердца. «Теперь вниз, поближе к ущелью надо подаваться. Подальше, подальше от берега уводить надо легавых», — прикинул он и ходко стал спускаться, нарочно выискивая под ногами ямки, наполненные липким снегом.

Посохин остановился. Антоненко с размаху налетел на него, извинился.

— Ничего, — отмахнулся Посохин, вытирая шапкой потное лицо. — Тише, — он дернул солдата за рукав. Где-то впереди снова слышался грохот камней. — Очень торопится. Напропалую идет. Знает остров, знает, — покачал головой начальник заставы. — Все правильно — на восточный берег шпарит. Сообщники, видно, там.

Они прошли совсем недалеко от него, стоявшего с карабином на изготовку у крупного куска гранита. Может, двадцать — тридцать шагов разделяло сейчас их. Стибайло хорошо слышал шаги своих преследователей, хотя и не видел их. Он открыл рот, чтобы лучше слышать, и мысленно хмыкнул, убедившись, что пограничники пошли по каменистой тропе над обрывом. Минуты три назад он сам стоял над ним. «А вас тоже, оказывается, можно провести, зеленые, — злорадствовал он. — Стоило шумок поднять, камешек поприличней сбросить вниз. Долго вы меня догонять будете. Долго. В этом молоке слона не увидишь в трех шагах, не то что след на камнях искать. Ищите, ищейки зеленые, ищите», — твердил он про себя и, подождав минут пять, сторожко пошел назад.

Смолин сидел в засаде недалеко от лодок, прикрытый сверху каменным козырьком скалы. Рядом стояла принесенная им из лодки радиостанция. Так, на всякий случай. Мало ли как дело обернется.

Конечно, надо бы ребят на заставе предупредить, но старший лейтенант такого приказа не давал. Выстрелов он не слышал: ухал прибой, орали чайки, подавали голос самцы.

Успокоившиеся котики снова, как тридцать три богатыря, выходили из

океана на пологий берег и, переваливаясь с лапа на лапу, двигались к своим захваченным участкам. Надо было понадежнее закреплять территорию: уже плыли, спешили к лежбищу подружки.

Смолин незаметно увлекся ожившим лежбищем. Когда тебе девятнадцать лет, трудно долго сидеть начеку при виде такого.

Стибайло песком крался по границе нависшего тумана. В любую минуту, если что, он мог раствориться в нем. Медленно, почти лежа на боку, Стибайло приближался по откосу с противоположной от распада стороны, который наверняка держал под прицелом третий пограничник. Стибайло уже хорошо видел лодки. Начинался прилив, но оба «Прогресса» еще прочно лежали в прибрежной гальке. «Через час хорошо бы... А так — не столкну», — подумал Стибайло, перехватил карабин из левой руки в правую, привалился спиной к склону. Почти рядом то и дело шелестели крыльями пролетающие чайки, бакланы. Стибайло снова повернулся на бок, почти пополз боком вперед. Прежде чем поставить ногу, долго примеривался: сорвись хоть маленький камешек — все, труба: всполошится желторотый зеленопогонник и, чего доброго, снимет, как баклана, очередью. Пока до тумана доберешься... «Где же ты, малахольный? — повторял Стибайло, всматриваясь вниз, на лайду. Метров через двадцать снова лег на спину, отдышался. — Где же ты? Где?!»

Когда тебе девятнадцать лет, трудно три часа подряд быть начеку. Особенно если перед самым твоим носом котики-самцы воюют за место для будущего гарема. Смолин встал, потянулся, вышел из-под каменного козырька, что прикрывал его сверху. Бегло осмотрел склон и направился к воде, небрежно неся автомат.

«Вот ты где, зелененький! Вот и объявился, — обрадовался Стибайло. — Ну, Сеня, не промахнись. — Он тщательно прицелился. — А что делать? Выхода нет», — попробовал очистить свою совесть Стибайло и плавно нажал на курок...

Последнее, что помнил Смолин, это оскаленную пасть с белыми-белыми клыками матерого секача... Пуля вскользь ожгла голову.

Увидев, как упал, будто споткнувшись, пограничник, Стибайло торопливо, хватаясь руками за камни, землю, бросился вперед, к лодкам. «Теперь все! Теперь уж точно «вышка». Все! — хрипел он, а сам то и дело оглядывался назад, на лежащего парня. — Наповал. Даже не дрыгнулся».

Можно было попробовать спуститься. Только чудом он не сломал себе шею, когда сползал вниз. Не раздумывая, Стибайло кинулся к своей лодке, выхватил две запасные канистры с бензином и перенес в «Прогресс» пограничников. Прилив уже почти подступил к лодкам. Натужившись до красных кругов в глазах, Стибайло стащил «Прогресс» на волны. Он уже занес ногу через борт, но раздумал и бросился к своей лодке. Так и есть — начальник заставы вырвал топливный шланг, вывернул свечи да вдобавок перерезал проводку. «Хрен с тобой, начальничек. Я не жадный. Подавись ты моим двигуном. Только я тоже не дурак. Посмотрим, на чем назад будете топтать по океану».

Стибайло вытащил из багажника большой молоток и несколько раз трахнул по мотору, корпусу лодки, продырявив его. «Теперь гонись за мной, начальничек».

Шатаясь, вернулся в «Прогресс» пограничников, дернул шнур запуска,

потом еще раз. Мотор разразился пулеметной очередью. Стибайло посмотрел на солдата: Смолин лежал недвижимым, чуть на боку. Стибайло дал полный газ, и лодка запрыгала по волнам.

А над островом нависал густой туман, закрывая наполовину сопки. ...Треск мотора едва слышной морзянкой долетел до сознания Смолина. Он попытался открыть глаза, но сразу же застонал. Жгучая боль в голове сверлом пронзила мозг. «В голову... Уходит, гад... Мамочка... больно, мамочка... Уходит... — путалось в голове. Треск становился все тише. Он все-таки открыл глаза и пополз к рации. Полз, то и дело теряя сознание. — ребят надо... предупредить. Надо...»

Он дополз. Почти вслепую щелкнул тумблером...

— Застава... Леша... Леш... Смолин говорит. Слышишь?

— Алло! Смолин?! Алло, — послышался ответ радиста заставы Четвертухина. — Слушаю! Ты почему так? Говори как положено! Где первый?

— Леша... Я ранен. Нахожусь на лежбище... На лежбище. В сторону заставы идет лодка... На ней... гость. Идет гость. Соколову скажи... с карабином... — На большее у Смолина не хватило сил...

* * *

Корабль подошел к острову в шестнадцать тридцать. Мичман Иватеев, невысокий, круглый, румяный, быстро распорядился насчет катера и понтона. На одном только катере приблизиться к лайде было невозможно — бухта была мелкой, дно усеяно камнями. Герасимов и Лаврухин спустились в катер. Следом перебрался фельдшер, прапорщик Лосев, прибывший делать очередную прививку всему личному составу заставы. За руль встал штурман, капитан-лейтенант Ершов, заядлый рыболов и отменный рулевой. Двигатель бодро затарахтел, и катер пошел к берегу. За ним, натягивая буксирный конец, переваливался с боку на бок понтон с четырьмя матросами. Через пять минут катер встал на дрек недалеко от берега, и матросы в ярко-оранжевых спасательных жилетах помогли сухопутным собратьям перебраться на понтон. На берегу виднелись две фигурки пограничников. Это были Соколов и Тнальхут.

Соколов поймал брошенный с понтона линь. Вдвоем с Тнальхутом подтащили понтон к лайде. Выпрыгнув на берег, Герасимов велел морякам не ждать и возвращаться на корабль. Соколов козырнул.

— Товарищ майор, — он запнулся. — Товарищ майор, докладывает прапорщик Соколов. В данный момент замещаю начальника заставы старшего лейтенанта Посохина.

— Где Посохин? — прервал доклад прапорщика Герасимов.

— Старший лейтенант, — Соколов опять козырнул, — в сопровождении двух солдат в восемь сорок отбыл в северном направлении на преследование неизвестной моторной лодки. В штаб отряда еще не доложил. Ждал вас...

— Неизвестной лодки? Как это — неизвестной? — удивился Герасимов и взглянул на часы. То же самое сделали Лаврухин и фельдшер Лосев. Было ровно семнадцать.

— Наблюдатели на вышке засекли ту лодку, — пояснил Соколов. — Товарищ майор, десять минут назад радист заставы принял сообщение от рядового Смолина с лежбища котиков. Солдат доложил, что он ранен и что

в сторону заставы от лежища идет лодка с нарушителем. У нарушителя карабин.

— Так чего ж вы молчали раньше, прапорщик? — взорвался обычно сдержанный Герасимов.

— Я... докладывал, — покраснел Соколов.

— Что еще сообщил солдат? Куда ранен? Где Посохин?

— Он больше ничего не сказал. Видно, сознание потерял, — еще больше растерялся прапорщик, словно он был виноват в ранении Смолина.

«Что это я на парня напустился?» — спохватился майор и уже мягче спросил:

— Далеко отсюда до лежища, Соколов?

— Километров тридцать, товарищ майор. Туда только по берегу не пройдешь. Сплошные непропуски, а у нас второй лодки нет.

— Ладно, пошли на заставу, — махнул рукой Герасимов и первым направился к казарме, но остановился. — Забыл представить вам нового замполита, — кивнул он в сторону Лаврухина. — Знакомьтесь, прапорщик, лейтенант Лаврухин.

Сергей протянул руку Соколову, потом Тнальхуту.

— Лейтенант Лаврухин.

— Прапорщик Соколов.

— Рядовой Тнальхут.

Несмотря на неожиданное, тревожное сообщение, Лаврухин с любопытством рассматривал ложбину, в которой стояли заброшенный поселок и его первая в жизни застава. Дневной свет, пробившийся утром с натугой, таял, серел, и оттого открывшаяся перед лейтенантом картина выглядела еще более мрачной, тоскливой. «А ты что хотел? Чтоб сразу на берег Крыма попасть служить? Здесь тоже граница», — урезонил появившуюся в себе меланхолию Лаврухин.

— У нас здесь хорошо, товарищ лейтенант. Охота, рыбалка что надо, — словно угадав мысли нового замполита, тихо сказал шагавший рядом Тнальхут. Лаврухин даже вздрогнул от неожиданности. «Ну и психолог этот парень», — подумал он, приветливо посмотрев на коряка.

— Откуда сам?

— С Камчатки. Оленевод я.

— Тогда... понятно, — кивнул Лаврухин. Он уже не однажды слышал, что люди тундры не только отменные следопыты, но и хорошие психологи.

Глухо тарахтел движок в небольшой будке, единственный источник электричества. С легкой руки Парамошкина движок и будка именовались установкой «бес», что в переводе на нормальный язык означало «бензиновая электростанция». Если падало напряжение в сети, кто-нибудь обязательно говорил, обращаясь к прежнему хозяину этой установки Саше Сидорову:

— Директор, подбрось дровишек своему бесу. Хандрит нечистая сила.

Герасимов с Соколовым быстро поднялись на крыльцо, Лаврухин остался во дворе, рассудив, что его присутствие рядом с майором в эти минуты пока не обязательно. Если потребуется он, то майор сам позовет.

Лейтенант с любопытством рассматривал казарму, дворик, хозяйственные постройки. А хозяйство на заставе было солидное, воистину робинзонье: две лошади, две коровы, один хряк и две свиньи. Увидев бродивших

между домами низкорослых, с густой шерстью лошадей, Лаврухин обрадовался: лошади были его слабостью с детства.

Майор прошел в кабинет начальника заставы, остановился около стола, на котором находился рельефный макет Бакланьего.

— Где лежище? — спросил он у стоявшего за спиной Соколова. Тот пальцем указал на еле заметную бухточку:

— Здесь.

— Та-ак. А где еще можно высадиться на этом берегу? Где пристать?

— Есть еще несколько заливчиков, товарищ майор. Но... но они, как в колоде, запрятаны среди скал. Из них на остров не выберешься, — поняв ход мысли майора, ответил Соколов. — На нашем берегу только два места, удобных и безопасных для высадки, — бухта и лежище. На восточном только бухта Топорковая. Все эти три пункта мы контролируем. Правда, с ноября и по май лежище практически закрыто для нарядов. Сильно заносит тропу в районе сопки Колдунья. Там тропа над пропастью проходит. Снежные козырьки нависают над ней к тому же. Двадцать лет назад в этом месте лавина весь наряд накрыла, в пропасть снесла...

Герасимов потер виски. Кажется, снова голова начинает болеть.

— Позовите радиста и замполита.

— Слушаюсь, — козырнул прапорщик.

Через минуту в кабинет вошел молоденький тоненький радист Четвертухин. За ним — замполит.

Герасимов достал блокнот и быстро набросал текст первой телеграммы:

«Прошу срочно связаться с командованием отряда и передать следующее сообщение: «Сегодня в восемь сорок начальник заставы Бакланьего в сопровождении двух солдат отбыл в северном направлении на преследование неизвестной моторной лодки. В шестнадцать двадцать из района лежища котиков поступило сообщение от раненого солдата Смолина о том, что нарушитель на лодке ушел по западному берегу к югу. Больше никаких сообщений не поступало. Прикажите начать поиск нарушителя и наряда. Герасимов».

— Свяжитесь с кораблем, — попросил Герасимов.

— Есть, — вытянулся былинкой радист и очень старательно, по всем правилам повернулся.

В ожидании ответа офицеры познакомились с хозяйством. Герасимов сразу отметил, что заставой командует хозяин. Двойные рамы были плотно подогнаны к подоконникам, полы тщательно заструганы, покрашены, койки заправлены по самым строгим требованиям. Кухня отделана белым кафелем, печь не коптила. «Молодец, Посохин», — не раз отмечал про себя майор, но удовлетворение быстро гасло под напором досады и тревоги. «Где они сейчас? Что с ними?»

Через полчаса радист протянул расшифровку ответа из штаба. Ответ был лаконичен, категоричен: «Начинайте поиск зпт срочно разыщите раненого солдата зпт работайте в контакте с оперативно-подчиненным командиром корабля Орловым».

Прочитав ответ, Герасимов велел передать командиру корабля, чтобы за ним высылали катер.

— Вы, лейтенант, оставайтесь здесь. Организуйте подачу сигнальных

ракет. Пошлите людей на сопки. Пусть оттуда постреляют, — приказал он Лаврухину.

— Разрешите обратиться, товарищ майор, — вытянулся Соколов.

— Слушаю, прапорщик, — изогнул дугою бровь Герасимов, натягивая перчатки.

— Бесполезно людей посылать на сопки. Туман опустился низко. Смотрите, — он кивнул в окно.

Герасимов подошел к окну. Действительно, за эти полчаса туман заметно сполз вниз.

— Хорошо. Отставить с сопки. Но все равно хоть отсюда постреляйте. Может, они рядом бродят. Посохин с солдатом.

Понтон с майором отошел от лайды, когда новый хозяин «беса» Галимзянов запустил движок. Окна казармы и два жилых дома взглянули на бухту желтыми оконцами.

* * *

«Уйду! Уйду!» — твердил как заведенный Стибайло и все время озирался на прибрежные скалы, словно ожидая увидеть на их склонах преследователей. «Уйду сегодня. Заметано. С одними пленками попрошусь на иностранца. Примут, куда денутся. Пропади они псу под хвост, эти шкуры. Проживу как-нибудь. Проживу! Стибайло найдет себе дело. Я там развернусь».

Мотор вдруг начал захлебываться, икать. Стибайло сбросил газ, оглянулся. «Твою... не хватало, чтоб заглох». Он посмотрел на берег, увидел узкую щель в гранитной стене скалы. Едва крутанул баранку руля, как мотор смолк. Проклиная вслух всех чистых и нечистых, Стибайло стукнул веслами, налег на них и направил «Прогресс» в каменный проход крошечной бухточки.

У мотора заставской лодки с недавних пор появилась неприятная особенность — он три раза схватывался огнем при запусках. Механик из Смолина был не ахти, и он не мог понять, в чем дело. Почему возникала искра при тех запусках. Правда, вначале двигун работал исправно, чин чинном. Однако, после того как Смолин разобрал его, меняя кольца, мотор марки «Вихрь» начал, по образному выражению Смолина, «зло шутить». Хорошо, что Смолин не терялся в таких случаях и быстро сбивал пламя водой и курткой. По всем правилам и законам, «Вихрь» следовало заменить, но снабженцы отряда не привыкли исполнять заявки «по щучьему велению». Обещали, конечно, с оказией прислать новый двигун. Не отказывали...

Поменяв свечи, Стибайло подкачал в карбюратор бензин и дернул шнур запуска. «Вихрь» молчал. У Стибайло задрожали руки. Он снова дернул шнур, потом еще и еще... «Вихрь» стрельнул дымком, и вдруг из-под колпака его вырвалось пламя. Стибайло отпрянул, замер, но тут же спохватился: вырвал из гнезда топливный шланг. Промедли он малость — все, амба: огонь по шлангу проник бы в топливный бак... Откинув крышку, Стибайло начал судорожно хватать голыми руками огонь, сорвал шапку и стал бить ею наотмашь по «Вихрю». Огонь не унимался. Стибайло в панике схватил лежавшее у ног ведро, черпанул воды и бросил ее с размаху на мотор.

Пламя исчезло... Трясушимися, обожженными руками Стибайло обшарил мотор, словно не веря, что огня больше нет.

— Желторотики зеленые! Сволочи! Тоже мне — механички! Козлы! На бревне вам плавать... — зло причитал Стибайло, готовый разрыдаться от пережитого. Нечего было и думать запускать почерневший двигун: все провода обуглились...

Стибайло сел рядом с мотором, опустил кисти рук промеж колен, сцепил закопченные пальцы. Ему вдруг стало все безразлично. «Вот и все. Крышка тебе, Сеня. Пора платить по прейскуранту. А всего-то одного очка недобрал до банка, — невесело думал бывший гроза чужих квартир. — Как Леня Белоцерковец пел когда-то? «Слезайте, граждане, Охотный ряд...» Ох и шухер подымут погранцы, когда узнают про того, на лежбище. От мильтонов я вроде ушел, а от погранцов — кишка тонка».

Он поднял голову, тупо повел взглядом вокруг. Темные, угрюмые гранитные стены «колодца» почти отвесно уходили вверх. На их уступах черными монахами маячили бакланы, поводя из стороны в сторону приплюснутыми змеиными головками на длинных шеях. «Как тюремщики охраняют меня», — усмехнулся Стибайло и опять опустил на грудь курчавую с проседью в темных волосах голову.

Сколько он сидел вот так, не заметил. Может, час, а может, больше. Дождь, мелкий, холодный, все не переставал... Из оцепенения вывел звонкий щелчок, почти выстрел: сверху упал крупный камень, сброшенный взлетевшими бакланами. Выстрел-щелчок словно сорвал какой-то предохранитель с его безразличия. Страх снова влез в душу, и ему снова, как там, на лежбище, захотелось жить. «Жить! Жить хочу!» — крикнул он про себя, бросился к мотору. Открутив гайки держателей, Стибайло затащил «Вихрь» в лодку, растянул тент над ним. Под дождем много не поработаешь.

Между тем этот серенький, тусклый майский день темнел. Туман, все такой же плотный и липкий, так и не покинул Бакланий. Быстрее, чем на берегу, таял свет в бухточке ущелья.

Стибайло торопился, но спешка плохой союзник, когда имеешь дело с лодочным мотором. Да еще почти впотьмах. То и дело ему подолгу приходилось искать отвертку, молоток, ключ... Впопыхах он исчиркал коробок спичек. Фонаря в лодке не было. «Желторотые! Не имеют фонаря, легавые. Солдатики, мать вашу...» — зло ворчал Стибайло, но дело не продвигалось быстрее. Со злости он швырнул на дно гаечный ключ. Вдруг какая-то спасительная мыслишка искоркой мелькнула в голове. «Ха, а старлею-то с тем длинным солдатиком тоже не на чем плыть. Пусть даже они и вернулись на лежбище. И с заставы помощи не дозовешься. У них же одна лодчонка была. А свою-то я покурочил. По берегу не дойдут, а до заставы через остров им чухать и чухать. Только они не дурные, чтоб на ночь глядя по горам шататься. Да еще в таком «молоке». Вот так вот, вы тоже на якоре, зеленопогонники. Ни тпру, ни ну, ни кукареку. Спокойно, Сеня. Не все потеряно. Как говорится в сказочках-рассказочках, утро вечера мудренее. Дождусь утра, двигун налажу — и адью, зеленые. Я к Двугорбому с какой хочешь стороны пристану, и тамошние погранцы в дурнях окажутся, даже если и караулить будут. У меня — сто дорог, у них — одна. Меня на арапа не возьмешь», — подбадривал себя Стибайло.

Только чудом Посохин не сорвался вниз, увидев край площадки в самый последний момент: туман был густоты пара в плохой парилке. Антоненко со страхом заглянул вниз, покачал головой.

— Где ж он? — шепотом спросил солдат.

Посохин показал налево, на каменный уступ, терявшийся в тумане.

— Больше ему некуда, — тихо пояснил Посохин. — Пошли. Дистанция — один шаг.

Посохин шел молча, потому что при такой ходьбе разговаривать — зря силы терять. Вспомнил, что где-то читал о том, что у Ганди по понедельникам был «день молчания». Так «отец нации» накапливал энергию для работы на всю неделю.

По расчетам Посохина, за два километра от берега должна быть тропа, которая вела от заставы к лежбищу. Конечно, тропы как таковой могло и не быть сейчас в этом направлении. Как раз там, куда идет нарушитель и они вслед за ним, и бывают самые заносы, и тропа освобождается только в начале июня. Но вешки указательные должны остаться. Сейчас он, начальник заставы, не мог точно сказать, сколько километров до тропки и где лучше попасть на нее. Не мог по той простой причине, что остров — точка на карте, а наяву — солидный кусок суши. Вернее, камня. Не мог он знать все распадки и ручейки, потому что остров имел с моря всего три нормальных подхода — к заставе, в районе лежбища и в бухте Топорковой. Обойти на катере, на корабле остров можно, а вот высадиться... Скалы стенами средневековых замков стоят у самой воды. И в тихую погоду не подойдешь. Расшибет в два счета.

Примерно через час после того, как они окунулись в туман, Посохин понял, что заблудились: в распадке, где лежал снег, виднелись... их следы. «Где нарушитель? Где мы сами находимся? Ничего не видно, не слышно. Ну и ситуация», — думал Посохин, но выказывать свою тревогу не захотел.

— Да, никудышные мы с тобой пограничники, Антоненко, — невесело пошутил он, присаживаясь на камень. — И нарушителя упустили, и сами того, заблудились.

— В этой холодной парной кто не заблудится, товарищ старший лейтенант. Тот тип тоже не волшебник с локатором. Наверняка где-нибудь и он блукает. Ничегошеньки не видно, — пока еще бодро ответил солдат. Но Посохин видел, что бодрость эта скоро пройдет. Антоненко истекал потом, дышал как кижуч, выброшенный на берег, жадно хватал ртом сырой воздух.

Посохин посмотрел на циферблат «командирских» часов. Шел уже второй час после полудня. «Корабль где-нибудь на подходе, — почему-то вспомнил он. — Куда же тот гад пропал? Как растворился. Или это очень серьезный тип, или самый настоящий подонок-браконьер, свихнувшийся от страха. Такой тоже на все способен. Доказал... Если у него есть сообщники, то путь у него один — к бухте Топорковой. А может, он назад вернулся? К Смолину?..»

— Ты садись, садись, — показал Посохин на место возле себя. — Садись.

Солдат осторожно, почтительно сел. «В хорошей семье рос парень. Не-

избалованный», — отметил про себя Посохин. Очень странно, непривычно было сидеть вот так, в холодном пару, то и дело обтирая лицо от надоевшей влаги. Одежда набухла, озноб лез за воротник. Хуже всего, что не было видно ни одного ориентира и даже слабого признака солнца. Видимость обрывалась в метре. Слова застревали, как на сильном морозе, у самых губ.

— Хоть бы чуть-чуть приподнялся, — вздохнул Посохин. — Где-то совсем рядом с тропой ходим, а где — не пойму, — словно оправдываясь перед солдатом, продолжал он. — Ладно, пошли. Разговорами делу не поможешь. — «Смолин наверняка связался с заставой, а Соколов догадается сообщить на Двугорбый», — успокаивал себя Посохин.

Он чуть изменил тактику. Через каждые десять минут останавливался и начинал слушать. Ему казалось, что тропу они все-таки миновали и вот-вот выйдут на противоположный, восточный берег. Но нет. Глухо. Будто заложили уши ватой, и если бы не тяжелое дыхание солдата, можно, пожалуй, подумать, что оглох.

После пятой остановки Посохин пошутил:

— Вот увидишь, Антоненко, скоро на наш остров будут приезжать туристы со всего света. И знаешь зачем?

— На котиков, на каланов посмотреть. Зачем же еще? — не долго думая, ответил солдат.

— И за этим. Но главное — чтобы послушать тишину, — опять улыбнулся Посохин. — Ее на земном шаре с каждым годом все меньше становится. Как чистых рек, лесов. Великим дефицитом скоро станет тишина, — уже без улыбки закончил он.

— Скажете тоже, товарищ старший лейтенант, — приезжать в такую даль тишину слушать, — недоверчиво заулыбался солдат. — Чтоб за тыщи километров лететь тишину слушать? Хотя пусть едут, — неожиданно согласился Антоненко. — Только сейчас нам с вами эта тишина, по-моему, ни к чему. Один вред от нее. Песец бы тьякнул какой-нибудь...

— Вот то-то и плохо, что не тьякают здесь песцы. Они ведь около берегов промышляют. Значит, забрались мы далеко вглубь. А нарушитель запросто может «тявкнуть» из карабина.

Стало совсем темно. По-прежнему из тяжелых облаков сеялся мелкий-мелкий дождь — бус. Дождь, туман и темень пытали уставшие солдатские души. Посохин еще держался, а солдат совсем скис: тяжело, с хрипотцой дышал и уже давно не подавал голоса. Посохин остановился.

— Устал, Сергей? — впервые обратился он по имени к спутнику. Тот даже вскинулся от неожиданности.

— Есть маленько, — попытался взбодриться он, но получилось это у него неубедительно, по-мальчишечьи.

— Присядем, тезка. Пока под нами не снег, — предложил Посохин и первым сел на сырую темную землю. — Давай соображать, как дальше жить.

Антоненко пластом растянулся рядом. Каждая минута отдыха приносила приятное облегчение. Молодые тела споро набирали силы. И куда-то стала уходить тревога, отступать холод. Посохин положил голову на руки... Он вдруг увидел золотистую головку Олежки. Они шли с ним по какой-то деревенской улице, держась за руки. «Жаль, что золотистый цвет не сохраняется у сына. Мама говорила, что и у меня лет до семи были лен-волосы».

Да ведь это же его, Посохина, родная деревня! Ну да! В отпуск он приехал. Вот тополя, а вон изгородь из еловых кольев дяди Феди Сыроежкина. Ну конечно, его деревня. Июль на дворе. Ишь как солнце греет. Тепло. Олечка поднял голову и почему-то нахмурил беленькие бровки. Говорит что-то, вроде недоволен. Серьезный сын у них с Надей. Прямо маленький старичок. В деревне тоже тихо, как у них на острове. А тепло-то как! Благодать...

* * *

Корабль шел малым ходом, толчками, направив луч прожектора на берег, хотя вероятность увидеть лодку с нарушителем была невелика; заметив издалека прожектор, тот мог укрыться в какой-нибудь бухточке, наконец спрятаться за торчащими из воды сплошь и рядом камнями. К ночи заштормило.

Стибайло сквозь дрему показалось, что кто-то смотрит на него — луч прожектора как раз скользнул по каменному входу. Но поскольку с океана бухточка была закрыта выступом, луч скользнул только поверху. Стибайло тяжело разомкнул веки. Никого. Тихо.

— В душу твою... — ругнулся Стибайло и снова закрыл глаза.

Корабль встал в отдалении от лежбища. Через пять минут Ершов повел катер с понтоном к берегу.

При свете прожектора Ершов с тремя матросами высадился недалеко от искореженного «Прогресса» Стибайло. Капитан-лейтенант на всякий случай расстегнул кобуру пистолета, полоснул лучом фонаря по лайде. Где-то здесь должен находиться раненый солдат.

— Пошли, — тихо скомандовал Ершов и первым двинулся вперед, осторожно лавируя между камней. — Под ноги, под ноги глядите, — предупредил он матросов.

Смолина увидели под каменным козырьком. Солдат лежал ничком, тихо стонал. Заслышав шаги, шевельнулся. Ершов увидел на щеке солдата застывшее пятно крови.

— Живой? — наклонился к солдату Ершов, припадая на колено. — Смирнов, дай пакет, — попросил он моториста. Матрос вынул из сумки перевязочный пакет, опустился рядом.

— Лодка... Нарушитель... Где? — еле двигая посиневшими губами, спросил Смолин.

— Не разговаривай, не разговаривай, парень. Тебе вредно. Порядок, — успокоил Ершов, осторожно бинтуя голову солдата.

Приняв на борт группу Ершова и раненого солдата, корабль пошел дальше на север, вокруг острова. Ночью нарушитель никак не мог идти по штормившему океану. Зато заметить его или Посохина с солдатом можно было. К утру корабль должен снова подойти к заставе, чтобы перекрыть путь нарушителю на юг, на Двугорбый. Или на иностранные рыболовецкие суда, которые промышляли в той стороне.

* * *

Он почти не спал. Так, кемарил вполглаза, изредка проваливаясь в черную яму. Часто вздрагивал — мерещился шум мотора.

утром, довольно быстро закончив с ремонтом, с дрожью в руках и в сердце дернул шнур. Мотор кашлянул. После третьей попытки затрещал, заработал.

«Прогресс» летел по океану быстро, хищно. «Только бы до дома, только бы до пленок добраться, а там — ищи-свищи...»

— Не взяли, зеленопогонники желторотые! Стибайло не из таких передряг выходил, — подбадривал себя он вслух, зыря по горизонту глазами. Горизонт был почти рядом — туман, как и вчера, висел над океаном низко. Скоро должна быть застава.

Зеленоватую глыбину сторожевого корабля Стибайло заметил сразу. Грудь как-то враз сдавило... Он крутнул руль вправо, но, увидев рванувшийся за ним катер, понял, что на этот раз карту не передернешь, и сбросил газ... Словно кролик на пасть удава, замороженно смотрел он на мчавшийся катер... Рука соскользнула с руля, упала на приклад лежавшего рядом карабина. Стибайло вздрогнул, стал лихорадочно осматривать берег. Гранит скал в этом месте был устрашающе отвесным, неприступным. «Хана... Все...» Торопливо, боясь раздумать, он поставил карабин между ног, направил дуло в рот...

* * *

Солдаты допивали чай, когда в дверях показался дежурный по заставе Ким Балясов.

— Сержант Рябов, ефрейторы Парамошкин, Котлов, Сидоров — на выход! Построиться в коридоре, — строго по-уставному скомандовал он. Не выдержав официальности, добавил доверительно, словно тайну выдавал: — На поиск сейчас пойдете. Из каптерки уже достали ваши бушлаты.

— Ну и новость ты сообщил. Спасибо. А мы думали, что нас на экскурсию отправляют перед дембелем, — как всегда, первым нашелся Парамошкин. — Мы и без тебя знали, что пойдём.

Из кабинета начальника заставы вышел Герасимов. Следом телохранителями возвышались поджарые, высокие Лаврухин и Соколов.

— Позавтракали? — спросил майор.

— Так точно, товарищ майор, — вытянулся Рябов и добавил сразу: — Мы готовы.

— Раз так, пять минут на переодевание — и сюда.

Походное обмундирование четверка демобилизованных сдала три дня назад Соколову.

— Эх, родные, непромокаемые! Сколько вы меня носили, — похлопал по резиновым сапогам Парамошкин. — Не сапоги — вездеходы.

— Почему-то куртка жмет в плечах, — удивился Саша Сидоров. Он застегнул пуговицы. — Вроде моя...

— Известно почему — добавку часто просишь в последние дни. Горазд ты покушать, — засмеялся Парамошкин. — Тебя, Сашок, никак нельзя отправлять в запас с границы. Форму быстро потеряешь.

— Ничего, сейчас как к первому пойдём, сбросит лишнее, — проговорил Рябов.

— На себя-то посмотрите в зеркало, — хладнокровно отразил натиск друзей Сидоров.

Постепенно веселье угасло. Ребята молча, привычно готовились в до-

рогу. Снова выползла из тайничков тревога за тех, кого пойдут искать. Надеялись всю ночь, что вот-вот придут на заставу старший лейтенант и Антоненко. Где они? Что с ними? Живы ли? Может, тот гад, который застрелился в лодке, их там... Нет, не может этого быть — просто заблудились в тумане. Но нет, не таков старший лейтенант, чтобы так просто заплутать. Что-то приключилось серьезное. Не может же начальник заставы, как какой-нибудь научный сотрудник, заблудиться. Кто-кто, а старший лейтенант знал остров. Это он в прошлом году нашел младшего научного сотрудника ТИНРО Черепанова, плутавшего два дня возле ручья Хрустального. Допустим, что ночью в тумане заплутал старлей, но утром-то, даже если туман, вышел бы на перевал. Нет, что-то приключилось серьезное. Может, ранены?

Так или примерно так думал каждый из четырех, переодеваясь в старое свое обмундирование.

— Пошли, время, — поднялся Рябов.

В коридоре, одетые по-походному, уже стояли Рашид Галимзянов и Григорий Тнальхут.

Лейтенант и прапорщик тоже надели куртки и резиновые сапоги. Через плечо у обоих висели автоматы. У ног Галимзянова и Тнельхута стояли походные радиостанции. Чуть в стороне возился с сумкой фельдшер.

— Становись, — гаркнул Соколов и вышел на середину. Шестеро солдат и фельдшер пристраивались слева от него. Майор молча прошел вдоль строя. Начал глухо, сдавленно:

— Вы все знаете, что произошло. Знаете, куда сейчас пойдете. Вы пойдете на поиск начальника заставы и рядового Антоненко. — Он заложил руки за спину. — Что сказать вам на дорогу? Надо искать, ребята. Искать! Кроме вас, я не могу никого направить. Застава остается заставой. И даже это чепе не дает мне права снимать других на поиск. К чему это я говорю? К тому, чтобы вы уяснили сразу, что, кроме вас, никто не выполнит задачу. Пойдете двумя группами. Первая: лейтенант Лаврухин, прапорщик Лосев, сержант Рябов, рядовые Тнальхут и Галимзянов. Вторая группа: прапорщик Соколов, ефрейторы Парамошкин, Сидоров и Котлов. Каждой группе придается рация, ракетница, шторм-мешок с продовольствием. Кроме этого, по автомату. На связь со мной выходить через час. Да, еще. Каждый возьмет по лыжной палке. Вопросы есть? Нет? Тогда вперед!

Лаврухин шагал ходко, осматриваясь по сторонам. Дорога пока была знакома: с рассветом он прошел уже по ней любопытства ради. Правда, многого не увидел: туман скрывал сопки чуть ли не наполовину. Туман и сейчас висел на той же высоте, но было светлее.

За поселком дорога сначала шла по ложбине и только за первой сопкой постепенно поднималась вверх к перевалу. Если бока сопки чернели лоскутками обнаженной земли, то здесь, в ложбине, снег лежал ровно и разбухшая тропа чернела заметной лентой. Вдоль нее торчали тонкие шесты-указатели. Сейчас Лаврухин видел перед собой только пять шестов. Остальные, на подъеме, скрывал туман.

Вместе им предстояло пройти километра полтора. Дальше, как и было решено на совещании тройки — майора, лейтенанта и прапорщика, группа Лаврухина должна пойти прямо, через перевал, к бухте Топорковой, группа Соколова — к лежбищу. А бус, какой-то невидимый, холодный, все сеялся и сеялся.

Они шли медленно, останавливаясь через три-четыре минуты. Отдыхать боялись.

Посохин еще не мог отойти после своего пробуждения там... Не в деревне он был в отпуске, а, считай, по пути на тот свет. Они тогда заснули. Замерзли. И не повались Посохин на бок, не стукнись головой о кочку... Снег и привел его в чувство. Сквозь теплоту июльского дня он каким-то десятым, а может, сотым чувством понял во сне, что надо обязательно проснуться. И проснулся! И еле растолкал крепко спящего, почти закоченевшего солдата...

Они брели по склону сопки, высоту которой из-за тумана никак нельзя было определить. По распадку, по ровному, не пройти — снег по пояс. Куртки набухли от дождя и, став тяжелее раза в два, давили на плечи.

— Как вы думаете, далеко еще до заставы? — спросил Антоненко.

Посохин повел взглядом по распадку, повернулся назад, всмотрелся в туман. «По-моему, мы все-таки не так далеко ушли от тропы. Где-то она недалеко. Ну да. Постой-постой... Мы же на Колдунье сидим. Точно! — обрадовался Посохин своему предположению. — Или мы на север здорово отклонились, или, точно, сидим на Колдунье!» Колдуньей с незапамятных времен прозвали высокую сопку, которая хорошо просматривалась с тропы, ведущей с заставы на лежбище. Просматривалась она и на подходе к самому коварному месту — пропасти, где тропа жалась к обрывистому уступу, над которым зимой нависали снежные козырьки.

— Километров десять — двенадцать нам с тобой до заставы еще, — ответил Посохин.

Они осилили Колдунью. Поднялись. Раскрыв рты, распахнув бушлаты, долго сидели на вершине, не видимые никому, не видевшие ничего, кроме друг друга.

— Сейчас спустимся и через километр должны попасть на тропу, — сказал Посохин.

— Ага... должны... — прохрипел Антоненко.

Спускаться было все-таки легче, хоть и дрожали слабые от напряжения ноги. Не раз и не два спускались на «третьей точке». К великой радости выползли из тумана. Минут через двадцать Посохин остановился, обернулся к солдату: засмеялся, закричал:

— Вот она, родная! Есть тропа, Серега! Видишь впереди шест? Кончились наши мытарства. Теперь точно скажу: идти девять километров с небольшим.

Антоненко ничего не ответил. Он стоял опустив голову, шатался. За ночь и утро мытарств парень здорово осунулся. Большое, но еще не натренированное тело первогодка всеми клеточками хотело одного — отдохнуть. Спать.

«Доходит парнишка. Выдохся основательно, — понял Посохин, и ему стало впервые за время блужданий стыдно. — Из-за меня парень гробится». Однако понял, что жалость парню не поможет. Поэтому сказал резко:

— Пошли. И помни: мы с тобой на этом острове не путешественники, а пограничники. Мы — на службе. А на службе, как убедился, всякое бывает.

— Так точно, товарищ старший лейтенант, — встряхнулся солдат.

Ступая за командиром след в след, Антоненко в который раз за время блужданий ругал в душе самого себя. Ругал за свою «допризывную» лень. «Занимался в лыжной секции — бросил. В борцовскую записался — на три недели хватило терпения. Эх, как бы сейчас пригодился «гусиный шаг» борцовский. Вот старлей идет. Как лось прет. Ему что? У него первый разряд по самбо в училище был. Накачал ноги и спину. А тут хоть ложись и маму родную на помощь кричи». Злость шла на пользу: Антоненко через великую силу, но шел.

Наконец взобрались. Снова стояли в холодном тумане.

— Не горюй, Антоненко. Сейчас по ровному пойдем. До заставы всего восемь километров. Может... и меньше, нам с тобой... эти километры — семечки. Так, что ли?

— Ага, — выдохнул солдат.

— Сейчас спуск будет. До самой пропасти. Уж там пойдем — не зевай. Местечко не из приятных.

Перед пропастью присели. Закурили. Здесь, в долине, тумана не было.

Они шли по тропе молча. Внизу, слева колдовски упрямо темнела пропасть. Сверху, чуть ли не задевая их шапки, нависали козырьки — глыбы снега. Здесь первые наряды по весне всегда шли молча, тихо, по-другому нельзя. Антоненко втянул голову в плечи, съежившись, затаив дыхание, ступал по следам Посохина. Он смотрел только на следы старшего лейтенанта, боясь даже покоситься на пропасть. Но она засасывающе манила. Обернулся Посохин. Почти шепотом приказал:

— За скалу, за скалу придерживайся! В пропасть не смотри. Не смотри!

До поворота оставалось совсем немного. Здесь ущелье уже было не таким страшным. Помельче, поотложе. На выход шло. И Антоненко решил все же посмотреть в него. Он покосился налево, вниз. Увидел, как далеко внизу тускло поблескивает горный ручей, перепрыгивая с валуна на валун.

Гладкий камень посреди тропы был прикрыт снегом. Посохин вовремя заметил его и предусмотрительно обошел. Антоненко, смотревший на ручей, не обошел! Он вдруг почувствовал, что ручей стремительно приближается.

— То... а-а! — раздавшийся за спиной Посохина вопль вмиг парализовал его.

— Стой! Сто-ой! — что есть мочи закричал Посохин и, не докричав, приклеился спиной к скале. Антоненко, пролетев метров пять, упал в сугроб, что собрался в складке и вместе с лавиной сползал вниз. Лавина, наткнувшись на огромный валун, обтекла его. Антоненко исчез. «Все! Погиб! Погиб!» — льдиной ввалилась в грудь жуткая оторопь. Ноги подогнулись, и Посохин сел на тропу, но тут же вскочил и, не соображая до конца, что же он делает, прыгнул туда, где секундами назад был Антоненко. Тренированное тело сработало как надежный механизм. Он вошел в разбухший плотный весенний снег по пояс. Из глаз посыпались искры, заиграли красные, желтые круги: «Цел. Норма. Просто удар», — моментально проанализировал Посохин и начал выгребаться из месива... На животе подкатился к валуну и сразу услышал стоны.

— Антоненко! Сергей! Серега! Я здесь! Я сейчас, Сереженька, — твердил Посохин, разгребая водянистый снег. Он швырял и швырял его,

не чувствуя больше усталости, еще минуту назад висевшей на плечах стокилограммовой штангой.

Антоненко был без сознания и стонал. Голова его, на которой чудом уцелела шапка, упиралась в валун... Стонал Антоненко громко, с всхлипами. Посохин осторожно снял комочки липкого снега с глаз и губ солдата. Позвал:

— Сергей. Антоненко. Ты слышишь меня? Сережа, это я. Ты слышишь? Антоненко стих, но ненадолго.

— У-у-у,— снова вырвались из груди его тяжелые жалобные вздохи. «Сотрясение, об валун ударился. А может, еще до него»,— решил Посохин и принялся бережно вызволять тяжелое тело солдата. Вытащил с трудом. «Надо выбирать. Скорее на заставу». Посмотрел вверх, на тропу. До нее было метров тридцать. Снежный подъем круто шел в вышину. Очень круто. У самой кромки, метра в полтора-два, темнела лента обрыва, еще не закрытого снегом. «Не затащу я его туда. Сам-то выбрался бы, а с ним — нечего и думать.— Он перевел взгляд на ущелье.— Придется чуть повыше ручья двигаться. Другого выхода нет».

Он взвалил солдата на спину, наперевес. Антоненко застонал сильнее. «Так у него же голова вниз. Нельзя так,— спохватился Посохин. Пришлось взять солдата почти что на закорки. Но теперь Посохин смог видеть землю только перед собой.— Ничего, как-нибудь,— вздохнул и пошел, натужно закрихтев уже с первых шагов.— А ведь еще километров десять — двенадцать».

Идти по откосу, по глине, по гальке вперемишку со снегом и так не просто, а с восьмидесятикилограммовой ношей — тяжело. Метров через сто заныли, застекленели ноги и поясница. Но Посохин все-таки шел. Он знал, что надо с самого начала выложиться, выжать из себя все. Потом, когда калории почти совсем сгорят, когда будут дрожать от усталости ноги и в глазах замельтешат желто-оранжевые круги, каждый метр превратится в километр и станешь отдыхать через двадцать — тридцать метров. Но накопленные на отдыхе силы будут тратиться почти впустую — на то, чтобы взвалить на спину живую и оттого очень тяжелую ношу. Просто взвалить. Так что лучше идти сразу, насколько хватит сил. Идти и идти...

И он пошел, медленно, крихтя, ставя ребром ступню правой ноги, рискуя на каждом шагу сорваться...

* * *

Застава, поселок скрылись за поворотом. Остановились.

— Будем расходиться, товарищ лейтенант,— сняв для чего-то шапку, сказал Соколов.

— Вам виднее, прапорщик. Давайте расходиться,— Лаврухин посмотрел вперед, на перевал. Туман, кажется, опускался еще ниже. Подумал: «Где-то бродят начальник заставы и солдат. Где? И бродят ли? Может? Нет, живы они. Не могут вот так, ни за что ни про что пропасть. Плутают где-нибудь».

— Между прочим, товарищ лейтенант, мы сейчас стоим у высоты Плоская,— уточнил Соколов.— Вот она,— он палкой ткнул в туман, вправо.

— Сейчас что плоская, что круглая — не разберешь. Все в дыму, как в аду, — подал голос Парамошкин.

...Из рапорта лейтенанта Лаврухина, составленного командованию отряда после завершения поиска:

«У высоты Плоская разошлись своими маршрутами. Группа прапорщика стала подниматься на перевал по тропе, моя группа — напрямик к перевалу, более коротким маршрутом. Стал оседать туман, видимость сильно ограничилась. Развернул группу в цепь на минимальных интервалах. Моросил мелкий дождь. Видимость все уменьшалась, подъем становился круче. Перестроил группу в колонну по одному. Все обвязались веревками. Видимость — не далее своей руки. Через час, как было условлено, вышел на связь с заставой. Из-за сильной пересеченности связи не было, но услышали поисковую группу № 2. У них слышимость отличная. Через них передал обстановку на заставу.

Склон все увеличивался и дошел до такой крутизны, что идти было возможно, лишь ставя ступни ног ребром. Часто меняли направляющего. Через тридцать минут достигли перевала, а войти на него не могли, т. к. нависал снежный козырек высотой выше человеческого роста, который мог от неосторожного движения или шума сорваться и снести со склона нас. Приказал не разговаривать, двигаться осторожно. Пошли вправо вдоль козырька, в месте, где его высота понижалась. Выбрались на перевал...»

На перевале тумана не было. Он остался внизу. Они сидели молча, прямо на снегу. Стоять не было сил. Донимал ветер: хлесткий, упругий, холодный.

— Вот тебе и весенний месяц май. Колотун! — крикнул фельдшер Лосев, загораживая рукавицей правую щеку. — Так посидишь-посидишь да и посинеешь. Запросто переохлаждение организма схлопочешь. — Лосев, как представитель медицины, иногда выражался специфической терминологией. Для авторитета.

— В этой аэродинамической трубе не посидишь, товарищ прапорщик. Унесет, — вытирая ладонью красное лицо, пошутил Рябов.

Лаврухин посмотрел на часы.

— Рябов, свяжитесь с заставой. Время.

— Есть связаться с заставой. — Рябов снял радиостанцию, включил тумблер. Послышался характерный шорох. — «Первый»! «Первый»! Я — «Десятый». Я — «Десятый».

Ответа не последовало.

— Не проходит вызов, товарищ лейтенант. Пересеченность сильная.

— Слышу, — нахмурился Лаврухин. — Тогда на Соколова выйти попробуйте.

Рябов переключился на вторую группу.

— «Двадцатый»! «Двадцатый»! Вызываю на связь. «Двадцатый»! Я — «Десятый»... Вызываю на связь.

Но связи не было. Сопки наглухо задерживали волны. Ветер по-прежнему дул в спины, словно стараясь сбросить вниз этих настырных ребят в промокших куртках. Лаврухин снял со стопора стрелку компаса.

— Надо найти группу прапорщика.

— Правильно, товарищ лейтенант. Или с ними сойтись, или как-то с заставой связаться. Может, уже нашли, — поддержал Рябов.

Лаврухин снова посмотрел на компас, попросил:

— Попробуйте еще раз связаться с прапорщиком. Повторите вызов. Рябов включил радиостанцию.

* * *

Майор Герасимов нервничал: начальство сыпало запросами, советовало, сердилось. Герасимов злился на нетерпеливость начальства, но понимал, что и сам, сиди он в штабе или в Москве, вел бы себя не лучше, чепе! Пропали люди, пограничники! Не вернулись с задания... Теперь другое чепе — два часа не выходит на связь Лаврухин. Где группа? Что с ней?

— Товарищ майор, «Двадцатый» тоже не может установить связь с «Десятым». Доложили, что они промокли. Сильно промокли.

— Что? Промокли? — Майор сжал губы в ниточку. — Передайте Соколову, что я приказываю прекратить поиск и немедленно возвращаться. Если он свяжется с «Десятым», пусть передаст ему аналогичный приказ. — Выйдя в коридор, Герасимов заложил руки за спину и, глядя в пол, начал почти строевым шагом мерить расстояние от одного окна до другого.

Из дверей кухни показался повар Черкашин — длинный парень в фартуке. Дождавшись, когда майор подойдет, спросил застенчиво:

— Товарищ майор, может, пообедаете? Я — мигом...

— Спасибо. Потом, после, — отмахнулся Герасимов.

«Обед... Где Посохин с солдатом? Где группа Лаврухина? Что за остров... Как провалились. Что с ней в конце концов? — одна за другим будоражили вопросы. Тут он почувствовал, как правсе полушарие головы начало отдавать болью. — Только этого не хватало», — сморщился Герасимов, хорошо зная, что будет дальше. И точно. Боль перекинулась на затылок, сползла на лоб. Герасимов не стал ждать, когда спазмы кровеносных сосудов вызовут тошноту, достал из кармана пачку анальгина и положил в рот сразу две таблетки. С анальгином он не расставался уже года три, с тех пор, как начались такие вот приступы головной боли. Стоило ему здорово понервничать или поговорить на высоких нотах, и тошнотворная, острая боль в голове могла держаться сутками. Такому приобретению он, разумеется, был не рад и потому старался изо всех сил гасить вспышки своего темпераментного характера. Но раз на раз не приходится... «Три часа не выходит на связи! Неужели этот длинноногий лейтенант не понимает, что значит для связи! Неужели этот длинноногий лейтенант не понимает, что значит для связи! Неужели этот длинноногий лейтенант не понимает, что значит для связи! Ах, мальчишка! Ну погоди, лейтенант. Я тебе такую лекцию прочитаю, что до пенсии будешь помнить! — Майор распалялся все больше и больше, но вдруг остановился. — А если с группой тоже беда? Стоп, майор, не горячись. Лаврухин парень вроде толковый. Это — раз. Второе — с ним сержант. Значит? Нет, ничего не значит. Могла же выйти из строя радиостанция? Могла?» От такой догадки стало чуть легче, и он снова зашагал к окну.

* * *

— Есть! «Двадцатый» на связи! — крикнул Рябов. Лаврухин мигом оказался у радиостанции, выхватил трубку.

— «Двадцатый!» Я — «Десятый!» Как слышите?

— Нормально слышу,— отозвался Соколов.— Вы где? Вас Первый потерял. Мы уже два часа вас ищем.

— Ладно, потом. Что у вас? Нашли? — нетерпеливо спросил Лаврухин.

— Пока ничего... Возвращаемся. Промокли. «Первый» приказал возвращаться. Вам тоже. Приказано возвращаться назад. Как поняли?

— Понял. Обожди. Сейчас позову.— Лейтенант посмотрел на ребят. Они сгрудились рядом и всё слышали.— Приказано прекратить поиск и возвращаться на заставу,— на всякий случай повторил Лаврухин.

— Но мы же не промокли. Так... самую малость,— неуверенно начал Галимзянов, первый лыжник заставы. Чуть растянул в улыбке посиневшие губы: — Просушимся на ветру.

— Как же — назад? Нельзя назад. Может, наши где-нибудь рядом? — нахмурился Рябов.— Непонятно...

— Надо еще поискать. Наверняка им помощь нужна от медицины,— поддержал сержанта фельдшер Лосев.— Может, у них переохлаждение организмов.

— А вы, рядовой Тнальхут, что скажете? — спросил у молчаливого коряка-оленевода лейтенант.

Гриша Тнальхут, как истый тундровик, ответил не сразу. Он обвел взглядом ребят и, остановившись на лейтенанте, негромко сказал:

— Та че говорить-то? Искать, однако, надо. У нас, если олени отобьются, неделями ищут их. Ходим, ходим по распадкам. Долго ходим. Иногда находим, а иногда не находим. А человека, если пропал, обязательно находят. Искать надо,— закончил он и смущенно опустил глаза, словно стыдясь своего многословия. Пастухи-коряки слов зря не расходуют.

— Понятно. Яркая речь,— улыбнулся лейтенант и щелкнул тумблером.

— «Двадцатый!» «Двадцатый!» Слышите меня?

— Так точно,— отозвался Соколов.

— Передайте «Первому», что у нас все нормально. Готовы продолжать поиск. Все готовы. Мы сухие и здоровые,— шуткой закончил лейтенант.

— Понял. Передам. Сейчас позову.

Минуты через три позвал:

— «Десятый!» Вам разрешен поиск.

* * *

Посохин взял комок липкого снега и провел им по горячему лицу. Сил у него, кажется, совсем не осталось. Рядом лежал притихший Антоненко. Он так и не приходил в сознание с той минуты, когда Посохин откопал его. Посохин тоже лег на спину, закрыл глаза. Тупое безразличие ко всему охватило его... Все так же моросил холодный, нудный дождь, но Посохин и не думал защищаться от него. Четыре часа он тащил на себе солдата, и все эти четыре часа кто-то словно шептал ему: «Оставь солдата. Оставь. Иди на заставу за помощью. Иди! Не донесешь ведь». Ах, как хотелось послушаться этого умного, рассудительного голоса. Но он не слушался. Снова взваливал на плечи пятипудовое безвольное тело Антоненко и шел. Сначала по ущелью, где ноги то и дело спотыкались о булыжники, скользили. Но он все-таки вынес солдата из ущелья, рискуя каждую секунду либо сорваться в свирепую ледяную речушку, либо попасть под лавину камней. Вынес

по отлогому желобу, вымощенному мелкими острыми камнями. Теперь надо карабкаться на перевал, чтобы с него спуститься к бухте Топорковой. Оттуда — проторенная, знакомая дорога до заставы. «Но он, в конце концов, не железный, — подумал о себе как о постороннем Посохин, — в нем всего шестьдесят пять килограммов веса. А в Антоненко все восемьдесят. Разница — три весовых категории. И они не на борцовском ковре. По горам несет он на себе пять пудов. При чем здесь ковер? Категории? Здесь горы, туман, снег. А кто нас ищет? Соколов? С кем? Олежка, наверное, не уходит из казармы. Надя ревет. Нет, надо все-таки оставить Антоненко и идти на заставу одному за помощью. Стоп, товарищ старший лейтенант. Ну, дойдешь. А солдаты? Что подумают? Начальник заставы раненого солдата бросил. Хорошо, если все обойдется. А если Антоненко... умрет вдруг? Замерзнет?! Тогда что говорить будешь? Кому докажешь, что сил не хватило? На словах, может, и докажешь, поверят... А в душе-то что будет у парней. То-то и оно. Перед собой, начальник заставы, не оправдаешься. Всю жизнь с камнем на сердце жить будешь. Но что делать-то? Сил больше нет. Не дотащу. Значит, надо все-таки идти одному. Только куда вот? Не был я здесь. Разве все ущелья и распадки узнаешь, изучишь? Это не равнина, не материк. Там можно все уголки-закоулки изучить. Бакланий — остров с горами и туманами. Туманы мои, растуманы... По знакомым местам ходишь и оглядываешься. Попробуй определи в этой парной, где север, а где юг. Идти одному? Зачем? Себя спасти? А кого — Антоненко? Придут за ним не через час...» Мысли путались в поисках спасительного выхода.

— Товарищ... старший лейтенант, — донеслось откуда-то издалека.

«Фу! Неужели галлюцинация? Этого только не хватало!» — испугался Посохин. Он открыл глаза. Открыл и вздрогнул: Антоненко сидел и смотрел на него.

— Серега! Антоша! — крикнул Посохин, пружиной вскочил на ноги, наклонился и на всякий случай потрогал солдата. — Живой! Умница ты мой, Антоненко! Живем, Серега! Живем! Мы, пограничники, живучие! Вреш, косая, не возьмешь нас голыми руками! — орал Посохин, а сам все трогал, ощупывал солдата, словно боясь, что тот растает в холодном тумане.

— Где мы? — оловело оглянувшись, спросил Антоненко. — Кружится все... Голова болит.

— Дома мы, Сережа! Дома! Голова болит? Еще бы! Такой затяжной прыжок совершил в пропасть — прямо как в цирке.

— Я сейчас... Немножко... полежу, — вяло сказал Антоненко и снова завалился на спину, закрыл глаза. Посохин наклонился над ним и, словно сынишку, нежно погладил солдата по щеке.

— Отдохни, Сережа. Отдохни. Куда нам торопиться? Мы — дома. По-маленьку дойдем. Дотопаем!..

Посохин был сейчас счастлив. Совсем как в тот день, когда няня в роддоме подала ему сына. «Будем жить, парень! Все нормально. Сильное сотрясение. Пройдет. Как вернемся, положу его у себя дома. Пусть Надя за ним посмотрит. Ничего, выходит», — радостно думал Посохин.

Антоненко действительно скоро пришел в себя и попытался встать. Посохин взял его за локоть, помог выпрямиться.

— Сергей, ты можешь еще отдохнуть. Не торопись, — сказал он солдату.

— Ничего, товарищ старший лейтенант, как-нибудь... Идти-то надо, — ответил солдат.

* * *

Выдержка из рапорта лейтенанта Лаврухина:

«...В тумане уклонились несколько влево и вышли в узкий мрачный распадок. Туман, казалось, ватою касался лица. Радиостанция безнадежно молчала. Для восстановления связи принял решение подняться по склону на перевал. Одолев склон, вновь включили станцию, и радость — застава слышит нас! Доложил обстановку и примерное местонахождение. Пока вел переговоры, дозорные, высланные в обе стороны по гребню на длину веревки, доложили, что обнаружили следы. Понятно было наше волнение. Осмотрев, пришли к выводу, что они не принадлежали поисковой группе прапорщика, т. к. все мы имели лыжные палки, наконечники которых оставляли вмятины в грунте, ямки — в снегу. Следы уходили в северном направлении. Доложили о следах и о решении продолжать поиск. Получили разрешение. Отпечатки сапог неясно виднелись на недавно оттаявшем грунте перевала, т. к. много было камней. Движение разыскиваемых начальника заставы и солдата определили по различным приметам: сдвинутые камни, отпечатки на влажном грунте, а в распадках, где лежал снег, стало ясно — идут двое. Насколько было возможным, ускорил движение. Следы говорили о том, что люди очень устали, через каждые пять-шесть шагов — вмятины, напоминающие очертаниями тело.

Распадок расширился и перешел в узкую, зажатую с двух сторон долину. Видимость улучшилась. Рассыпались в цепь и вдруг увидели лежащих без движений двух людей на промерзшем мху. Бросились к ним... Вид у Антоненко страшен: он без сознания, но жизнь еще теплилась в нем. Старший лейтенант Посохин спал. Мы его сумели разбудить.

Фельдшер Лосев попытался привести Антоненко в чувство. Радисту Рябову поставили задачу немедленно связаться с заставой. Сержант Рябов поднялся по склону на вершину сопки, но связаться с заставой не смог из-за малой высоты сопки. Зато он увидел в 1,5 км берег. Выстрелами из автомата я попытался подать сигнал группе прапорщика, но тщетно: узкая долина поглощала выстрелы. Не слышали и ответных.

Необходимо было обогреть Антоненко, но по-прежнему продолжался дождь, а вокруг ни одного сучка. Принял решение вынести солдата на берег. Дрова на берегу всегда найдутся...»

Эти полтора километра стоят того, чтобы о них рассказать подробнее, ибо лейтенант Лаврухин не счел нужным останавливаться.

На равнине полтора километра — пустяк даже для уставшего пограничника. А в горах, когда ноги без ноши дрожат, подгибаются от усталости... А ноша — посиневший, контуженый Антоненко. Он лежал на плаще, как на носилках, и четверо, перекинув через плечи концы, полезли, опираясь на палки, по склону вверх. Фельдшер Лосев шел «налегке» — нес рацию, автомат и вещмешок с продовольствием.

Долго одолевали они склон, но одолели. Поднялись! Внизу перед ними

лежала пустяшная преграда — горная речушка метров пять шириной. Пустяшная — это сверху. Когда подошли, закачали головами: по пояс будет. На счастье, из воды торчали валуны.

— Всем сразу не пройти. Двоим придется нести, — сказал лейтенант. — Рябов, пошли?

— Пошли.

Они ухватились за концы плаща. Лейтенант пошел первым и, поскользнувшись, упал в хрустально чистую, жгучую от холода воду.

— Держи, лейтенант! — крикнул Рябов и тоже по пояс провалился в майскую горную воду. Ношу не выпустили, выбрались. Пришлось сделать передышку.

— Как сказал бы сейчас Ваня Парамошкин: «Ничего особенного. Заодно и ноги помыли», — вспомнил друга сержант, выливая из сапог мутную воду.

— Я бы, сержант, свои портянки уступил, но они такие же, как у тебя, хоть я и не купался, — почему-то сказал Рашид Галимзянов сержанту. Словно чувствовал себя виноватым.

— Ты чего, Рашид? — удивился Рябов.

Выдержка из рапорта лейтенанта Лаврухина:

«...На берегу разожгли костер, фельдшер начал оказывать помощь солдату и обессиленному начальнику заставы. О том, чтобы проделать обратный путь, не могло быть и речи: все устали, промокли. Нести надо было почти пятнадцать километров через перевал.

Нужна связи!

Я взял радиостанцию и вышел к морю. Остальные собирали дрова и помогали фельдшеру.

Застава на вызов не отвечала. Слева у входа в бухту, где мы находились, начинались непропуски, справа — тоже. Был один выход — взобраться на скалу. Полез. В другое время, в другой обстановке, наверное, не взобрался бы... Несколько раз отдыхал, пока лез почти по отвесной стене. Потом стало легче. За площадкой начинался склон поотложе, и можно было идти. Опять оказался в тумане. От холода спасало лишь одно — двигаться и двигаться. Наконец достиг вершины. Внизу глухо шумел океан. Донимал сильный ветер. Включил станцию, и почти сразу ответила застава. Слышимость — отличная».

* * *

— Докладывайте, Лаврухин! Докладывайте! — кричал в трубку взбудораженный Герасимов. Сквозь шорох помех слышался усталый голос лейтенанта.

— Товарищ майор. Спустились к берегу бухты. Нашли развалившуюся землянку. Разводим костер. Антоненко без сознания. Посинел. Старший лейтенант Посохин тоже плох, температура, бредит. Фельдшер растирает их спиртом. Мы промокли. Люди очень устали. Присылайте помощь. Мы не донесем Антоненко и старшего лейтенанта. Лучше, если пошлете корабль, очень устали. Перехожу на прием».

А к острову из океана спешили самки морских котиков. Спешили, чтобы продолжить на этом острове свой род и снова уйти в океан...

Взгори

Охота жить

Поляна на взгорке, на поляне — избушка. Избушка — так себе, амбар, рядов в тринадцать — четырнадцать, в одно оконце, без сеней, а то и без крыши. Кто их издревле рубит по тайге?.. Приходят по весне какие-то люди, валят сосняк поровней, ошкуривают... А ближе к осени погожими днями за какую-нибудь неделю в три-четыре топора срубят. Найдется и глина поблизости, и камни — собьют камелек, и трубу на крышу выведут, и нары сколотят — живи не хочу!

Зайдешь в такую избушку зимой — жилым духом не пахнет. На стенах, в пазах, куржак в ладонь толщиной, промозглый запах застоялого дыма.

Но вот затрещали в камельке поленья... Потянуло густым волглым запахом оттаивающей глины: со стен каплет. Угарно. Лучше набить полный камелек и выйти пока на улицу, нарубить загодя дровишек... Через полчаса в избушке теплее и не тяжко. Можно скинуть полушубок и наторкать в камелек еще дополна. Стены слегка парят, от камелька пышет жаром. И охватывает человека некое тихое блаженство, радость. «А-а!.. — хочется сказать. — Вот так-то». Теперь уж везде почти сухо, но доски нар еще холодные. Ничего — скоро. Можно пока кинуть на них полушубок, под голову мешок с харчами, ноги — к камельку. И дремота охватит — сил нет. Лень встать и подкинуть еще в камелек. А надо.

В камельке целая огненно-рыжая горка углей. Поленья сразу вспыхивают, как береста. Тут же, перед камельком, чурбачок. Можно сесть на него, закурить и — думать. Одному хорошо думается. Темно. Только из щелей камелька светится; свет этот играет на полу, на стенах, на потолке. И вспоминается бог знает что! Вспомнится вдруг, как первый раз провожал девуку. Шел рядом и молчал как дурак... И сам не заметишь, что сидишь и ухмыляешься. Черт ее знает — хорошо!

Совсем тепло. Можно чайку заварить. Кирпичного, зеленого. Он травой пахнет, лето вспоминается.

...Так в сумерки сидел перед камельком старик Никитич, посасывал трубочку.

В избушке было жарко. А на улице — морозно. На душе у Никитича легко. С малых лет таскался он по тайге — промышлял. Белковал, а случалось, медведя-шатуна укладывал. Для этого в левом кармане полушубка постоянно носил пять-шесть патронов с картечным зарядом. Любил тайгу.

Особенно зимой. Тишина такая, что маленько давит. Но одиночество не гнетет, свободно делается; Никитич, прищурившись, оглядывался кругом — знал: он один безраздельный хозяин этого большого белого царства.

...Сидел Никитич, курил.

Прошаркали по улице лыжи, потом — стихло. В оконце вроде кто-то заглянул. Потом опять скрипуче шаркнули лыжи — к крыльцу. В дверь стукнули два раза палкой.

— Есть кто-нибудь?

Голос молодой, осипший от мороза и долгого молчания — не умеет человек сам с собой разговаривать.

«Не охотник», — понял Никитич, охотник не станет спрашивать — зайдет, и все.

— Есть!

Тот, за дверью, отстегнул лыжи, приставил их к стене, скрипнул ступенькой крыльца... Дверь приоткрылась, и в белом облаке пара Никитич едва разглядел высокого парня в подпоясанной стеганке, в ватных штанах, в старой солдатской шапке.

— Кто тут?

— Человек. — Никитич поджег лучину, поднял над головой.

Некоторое время молча смотрели друг на друга.

— Один, что ли?

— Один.

Парень прошел к камельку, снял рукавицы, взял их под мышку, протянул руки к плите.

— Мороз, черт его...

— Мороз. — Тут только заметил Никитич, что парень без ружья. Нет, не охотник. Не похож. Ни лицом, ни одежкой. — Март — он ишо свое возьмет.

— Какой март? Апрель ведь.

— Это по-новому. А по-старому — март. У нас говорят: марток — надевай двое порток. Легко одетый. — Что ружья нет, старик промолчал.

— Ничего, — сказал парень. — Один здесь?

— Один. Ты уж спрашивал.

Парень ничего не сказал на это.

— Садись. Чайку щас поставим.

— Отогреюсь малость... — Выговор у парня не здешний, «расейский». Старика разбирало любопытство, но вековой обычай — не лезть сразу с расспросами — был сильнее любопытства.

Парень отогрел руки, закурил папироску.

— Хорошо у тебя. Тепло.

Когда он прикуривал, Никитич лучше разглядел его — красивое бледное лицо с пушистыми ресницами. С жадностью затянулся, приоткрыл рот — сверкнули два передних золотых зуба. Оброс. Бородка аккуратная, чуть кучерявится на скулах... Исхудал... Перехватил взгляд старика, поднял догорающую спичку, внимательно посмотрел на него. Бросил спичку. Взгляд Никитичу запомнился: прямой, смелый... И какой-то «стылый» — так определил Никитич. И подумал некстати: «Девки таких любят».

— Садись, чего стоять-то?

Парень улыбнулся.

— Так не говорят, отец. Говорят — присаживайся.
— Ну, присаживайся. А пошто не говорят? У нас говорят.
— Присесть можно. Никто не придет еще?
— Теперь кто? Поздно. А придет, места хватит. — Никитич подвинулся на пеньке, парень присел рядом, опять протянул руки к огню. Руки — не рабочие. Но парень, видно, здоровый. И улыбка его понравилась Никитичу — не «охальная», простецкая, сдержанная. Да еще эти зубы золотые... Красивый парень. Сбрей ему сейчас бородку, надень костюмчик — учитель. Никитич очень любил учителей.

— Иолог какой-нибудь? — спросил он.

— Кто? — не понял парень.

— Ну... эти, по тайге-то ищут...

— А-а... Да.

— Как же без ружьишка-то? Рыск.

— Отстал от своих, — неохотно сказал парень. — Деревня твоя далеко?

— Верст полтора.

Парень кивнул головой, прикрыл глаза, некоторое время сидел так, наслаждаясь теплом, потом встряхнулся, вздохнул.

— Устал.

— Долго один-то идешь?

— Долго. У тебя выпить нету?

— Найдется.

Парень оживился.

— Хорошо! А то аж душа трясется. Замерзнуть к черту можно. Апрель называется...

Никитич вышел на улицу, принес мешочек с салом. Засветил фонарь под потолком.

— Вас бы хошь учили маленько, как быть в тайге одному... А то посылают, а вы откуда знаете! Я вон лонись¹ нашел одного — вытаял весной. Молодой тоже. Тоже с бородкой. В одеяло завернулся — и все... и окочурился. — Никитич нарезал сало на краешке нар. — А меня пусти одного, я всю зиму проживу не охну. Только бы заряды были. Да спички.

— В избушку-то все равно лезешь.

— Дак а раз она есть, чего же мне на снегу-то валяться? Я не лиходей себе.

Парень распоясался, снял фуфайку... Прошелся по избушке. Широкоплечий, статный. Отогрелся, взгляд потеплел — рад, видно, до смерти, что набрел на тепло, нашел живую душу. Еще закурил одну. Папиросами хорошо пахло. Никитич любил поговорить с городскими людьми. Он презирал их за беспомощность в тайге; случалось, подрабатывал, провожая какую-нибудь поисковую партию, в душе подсмеивался над ними, но любил слушать их разговоры и охотно сам беседовал. Его умиляло, что они разговаривают с ним ласково, снисходительно похихатывают, а сами — оставь их одних — пропадут, как сосунки слепые. Еще интересней, когда в партии — две-три девки. Терпят, не жалуются. И всё вроде они такие же и никак не хотят, чтоб им помогали. Спят все в куче. И ничего — не безобразничают.

¹ В прошлом году.

Доведись до деревенских — греха не оберешься. А эти — ничего. А ведь бывают — одно загляденье: штаны узкие наденет, кофту какую-нибудь тесную, косынкой от мошки закутается, вся кругленькая — кукла и кукла. А ребята — ничего, как так и надо.

— Кого ищите-то?

— Где?

— Ну ходите-то.

Парень усмехнулся себе.

— Долю.

— Доля... Она, брат, как налим, склизкая: вроде ухватил ее, вроде — вот она, в руках, а не тут-то было. — Никитич настроился было поговорить, как обычно с городскими — позаковыристей, когда внимательно слушают, когда слушают и переглядываются меж собой, а какой-нибудь возьмет да еще в тетрадку карандашиком чего-нибудь запишет. А Никитич может рассуждать таким манером хоть всю ночь — только развесь уши. Свои бы, деревенские, боталом обозвали, а эти слушают. Приятно. И сам иногда подумает о себе: складно выходит, язви ты. Такие туры разведет, что тебе поп раньше. И лесины-то у него с душой: не тронь ее, не секи топором зазря, а то засохнет, а засохнет, и сам засохнешь — тоска навалится, и засохнешь, и не догадаешься, отчего тоска такая. — Или вот: понаедут из города с ружьями и давай направо-налево: трах-бах! — кого попалю: самку — самку, самца — самца, лишь бы убить. За такие дела надо руки выдергивать. Убил ты ее, медведицу, а у ей двое маленьких. Подохнут. То ты одну шкуру добыл, а подожди маленько — три будет. Бестолковое дело — душу на зверье тешить. Вот те и доля — ты говоришь, — продолжал Никитич.

Только парню не хотелось слушать. Подошел к окну, долго всматривался в темень. Сказал, как очнулся:

— Все равно весна скоро.

— Придет, никуда не денется. Садись. Закусим, чем бог послал.

Натаили в котелке снегу, разбавили спирт, выпили. Закусили мерзлым салом. Совсем на душе хорошо сделалось. Никитич подкинул в камелек. А парня опять потянуло к окну. Отогрел дыханием кружок на стекле и все смотрел и смотрел в ночь.

— Кого ты щас там увидишь? — удивился Никитич. Ему хотелось поговорить.

— Воля, — сказал парень. И вздохнул. Но не грустно вздохнул. И про волю сказал — крепко, зло и напористо. Откачнулся от окна. — Дай еще выпить, отец. — Расстегнул ворот черной сатиновой рубахи, гулко хлопнул себя по груди широкой ладонью, погладил. — Душа просит.

— Поел бы, а то с голодухи-то развезет.

— Не развезет. Меня не развезет. — И ласково и крепко приобнял старика за шею. И пропел:

А в камере смертной,
Сырой и холодной,
Седой появился старик...

И улыбнулся ласково. Глаза у парня горели ясным, радостным блеском.

— Выпьем, добрый человек!

— Наскучал один-то. — Никитич тоже улыбнулся. Парень все больше и

больше нравился ему. Молодой, сильный, красивый. А мог пропасть. — Так, парень, пропасть можно. Без ружьишка в тайге — поганое дело.

— Не пропадем, отец. Еще поживем!

И опять сказал это крепко, и на миг глаза его заглянули куда-то далеко-далеко и опять «остыли»... И непонятно было, о чем он подумал, как будто что-то вспомнил. Но вспоминать ему это «что-то» не хотелось. Запрокинул стакан, одним глотком осушил до дна. Крякнул. Крутнул головой. Пожевал сала. Закурил. Встал — не сиделось. Прошелся широким шагом по избушке, остановился посередине, подбоченился и опять куда-то далеко засмотрелся.

— Охота жить, отец.

— Жить всем охота. Мне, думаешь, неохота? А уж мне скоро...

— Охота жить! — упрямо, с веселой злостью повторил большой красивый парень, не слушая старика. — Ты ее не знаешь, жизнь. Она... — Подумал, стиснул зубы: — Она — дорогуша. Милая! Роднуля моя.

Захмелевший Никитич хихикнул.

— Ты про жись, как все одно про бабу.

— Бабы — дешевки. — Парня накаляло какое-то упрямое, дерзкое, радостное чувство. Он не слушал старика, говорил сам, а тому теперь хотелось его слушать. Властная сила парня стала и его подмывать.

— Бабы, они... конечно. Но без них тоже...

— Возьмем мы ее, дорогушу, — парень выкинул вперед руки, сжал кулаки, — возьмем, милую, за горлышко... Помнишь Колю-профессора? Забыла? — Парень с кем-то разговаривал и очень удивился, что его «забыли». — Колю-то!.. А Коля помнит тебя. Коля тебя не забыл. — Он не то радовался, не то собирался кому-то зло мстить. — А я — вот он. Прошу, мадам, на пару ласковых. Я не обижу. Но ты мне отдашь все. Все! Возьму!..

— Правда, што ли, баба так раскипятила? — спросил удивленный Никитич.

Парень тряхнул головой.

— Эту бабу зовут — воля. Ты тоже не знаешь ее, отец. Ты — зверь, тебе здесь хорошо. Но ты не знаешь, как горят огни в большом городе. Они манят. Там милые, хорошие люди, у них тепло, мягко, играет музыка. Они вежливые и очень боятся смерти. А я иду по городу, и он весь мой. Почему же они там, а я здесь?.. Понимаешь?

— Не навечно же ты здесь...

— Не понимаешь. — Парень говорил серьезно, строго. — Я должен быть там, потому что я никого не боюсь. Я не боюсь смерти. Значит, жизнь — моя.

Старик качнул головой.

— Не пойму, паря, к чему ты?

Парень подошел к нарам, налил в стаканы. Он как будто сразу устал.

— Из тюрьмы бегу, отец, — сказал без всякого выражения. — Давай?

Никитич машинально звякнул своим стаканом о стакан парня. Парень выпил. Посмотрел на старика... Тот все еще держал стакан в руке. Глядел снизу на парня.

— Что?

— Как же это?

— Пей, — велел парень. Хотел еще закурить, но пачка оказалась пустой. — Дай твоего.

— У меня листовуха.

— Черт с ней.

Закурили. Парень присел на чурбак, ближе к огню.

Долго молчали.

— Поймают вить, — сказал Никитич. Ему не то что жаль стало парня, а он представил вдруг, как ведут его, крупного, красивого, под ружьем. И жаль стало его молодость, и красоту, и силу. Сцапают — и все, все псу под хвост: никому от его красоты ни жарко ни холодно. Зачем же она была? — Зря, — сказал он трезво.

— Чего?

— Бежишь-то. Теперь не ранешное время — поймают.

Парень промолчал. Задумчиво смотрел на огонь. Склонился. Подкинул в камелек полено.

— Надо бы досидеть... Зря.

— Перестань! — резко оборвал парень. Он тоже как-то странно отрезвел. — У меня своя башка на плечах.

— Это знамо дело, — согласился Никитич. — Далеко идти-то?

— Помолчи пока.

«Мать с отцом есть, наверно, — подумал Никитич, глядя в затылок парню. — Придет — обрадует, сукин сын».

Минут пять молчали. Старик выколотил золу из трубочки и набил снова. Парень все смотрел на огонь.

— Деревня твоя — райцентр или нет? — спросил он не оборачиваясь.

— Какой райцентр! До району от нас еще девяносто верст. Пропадешь ты. Зимнее дело — по тайге...

— Дня три поживу у тебя — наберусь силенок, — не попросил, просто сказал.

— Живи, мне што. Много, видно, оставалось — не утерпел?

— Много.

— А за што давали?

— Такие вопросы никому никогда не задавай, отец.

Никитич попыхтел угасающей трубочкой, раскурил, затянулся и закашлялся. Сказал, кашляя:

— Мне што!.. Жалко только. Поймают...

— Бог не выдаст — свинья не съест. Дешево меня не возьмешь. Давай спать.

— Ложись. Я подожду, пока дровишки прогорят, — трубу закрыть. А то замерзнем к утру.

Парень расстелил на нарах фуфайку, поискал глазами, что положить под голову. Увидел на стене ружье Никитича. Подошел, снял, осмотрел, повесил.

— Старенькое.

— Ничо, служит пока. Вон там в углу кошма лежит, ты ее под себя, а куфайку-то под голову сверни. А ноги вот сюда протяни, к камельку. К утру все одно выстынет.

Парень расстелил кошму, вытянулся, шумно вздохнул.

— Маленький Ташкент, — к чему-то сказал он. — Не боишься меня, отец?

— Тебя-то? — изумился старик. — А чего тебя бояться?

- Ну... я ж лагерник. Может, за убийство сидел.
 - За убийство тебя бог накажет, не люди. От людей можно побегать, а от его не уйдешь.
 - Ты верующий, что ли? Кержак, наверно?
 - Кержак!.. Стал бы кержак с тобой водку пить.
 - Это верно. А насчет боженок ты мне мозги не... Меня тошнит от них.— Парень говорил с ленцой, чуть осевшим голосом.— Если бы я встретил где-нибудь этого вашего Христа, я бы ему с ходу кишки выпустил.
 - За што?
 - За што?.. За то, что сказки рассказывал, врал. Добрых людей нет! А он — добренький, терпеть учил. Паскуда! — Голос парня снова стал обретать недавнюю крепость и злость. Только веселости в голосе уже не было.— Кто добрый?! Я? Ты?
 - Я, к примеру, за свою жись никому никакого худа не сделал...
 - А зверей бьешь! Разве он учил?
 - Сравнил хрен с пальцем. То — человек, а то — зверь.
 - Живое существо — сами же трепетесь, сволочи.
- Лица парня Никитич не видел, но оно стояло у него в глазах — бледное, с бородкой; дико и нелепо звучал в теплой тишине избушки свирепый голос безнадежно избитого судьбой человека с таким хорошим, с таким прекрасным лицом.
- Ты чего рассерчал-то на меня?
 - Не врите! Не обманывайте людей, святоши. Учили вас терпеть? Терпите! А то не успеет помолиться, и тут же штаны спускает — за бабу хляет, гадина. Я бы сейчас нового Христа выдумал: чтоб он по морде учил бить. Врешь? Получай, поганы!
 - Не поганься! — строго сказал Никитич.— Пустили тебя, как доброго человека, а ты лаяться начал. Обиделся — посадили! Значит, было за што. Кто тебе виноват?!
 - М-м.— Парень скрипнул зубами. Промолчал.
 - Я не поп, и здесь тебе не церква, чтобы злобой своей харкать. Здесь — тайга: все одинаковые. Помни это. А то и до воли своей не добежишь — сломишь голову. Знаешь, говорят: молодец — против овец, а спроть молодца — сам овца. Найдется и на тебя лихой человек. Обидишь вот так вот — ни за што ни про што, он тебе покажет, где волю искать.
 - Не сердись, отец,— примирительно сказал парень.— Ненавижу, когда жить учат. Душа кипит! Суют в нос слякоть всякую, глистов: вот хорошие, вот как жить надо. Ненавижу! — почти крикнул.— Не буду так жить. Врут! Мертвечиной пахнет! Чистых, умытых покойничков мы все жалеем, все любим, а ты живых полюби, грязных. Нету на земле святых! Я их не видел. Зачем их выдумывать?! — Парень привстал на локоть; смутно — пятном — белело в сумраке, в углу, его лицо, зло и жутковато сверкали глаза.
 - Поостынешь маленько, поймешь: не было бы добрых людей, жись ба давно остановилась. Сожрали бы друг друга или перерезались. Это никакой меня не Христос учил, сам так считаю. А святых — это верно: нету. Я сам вроде ничо, никто не скажет: плохой или злой там. А молодой был... Недалеко тут кержацкий скит стоял, за согрой, семья жила: старик со старухой да дочь ихняя годов двадцати пяти. Они, может, не такие уж старые

были, старики-то, а мне казалось тогда — старые. Они потом ушли куда-то. Ну, дак вот: была у их дочь. Все божественные, спасу нет: от людей ушли, от греха, дескать, подальше. А я эту дочь-то заманил раз в березник и... это... — ла-ла с ей. Хорошая девка была, здоровая. До ребенка дело дошло. А уж я женатый был...

— А говоришь, худого ничего не делал?

— Вот и выходит, што я не святой. Я не насильничал, правда, лаской донял, а все одно... дитя-то пустил по свету. Спомнишь — жалко. Большой уж теперь, материт, поди.

— Жизнь дал человеку — не убил. И ее, может, спас. Может, она после этого рванула от них. А так довели бы они ее своими молитвами: повесилась бы на суку где-нибудь, и все. И мужика бы ни разу не узнала. Хорошее дело сделал, не переживай.

— Хорошее или плохое, а было так. Хорошего-то мало, конечно.

— Там еще осталось?

— Спиртяги? Есть маленько. Пей, я не хочу больше.

Парень выпил. Опять крякнул. Не стал закусывать.

— Много пьешь-то?

— Нет, это... просто перемерз. Пить надо не так, отец. Надо красиво пить. Музыка... Хорошие сигареты, шампанское... Женщины. Чтоб тихо, культурно. — Парень опять размечтался, лег, закинул руки за голову. — Бардаки презираю. Это не люди — скот. М-м, как можно красиво жить! Если я за одну ночь семь раз заигрывал с курносой — так? — если она меня гладила костлявой рукой и хотела поцеловать в лоб, — я устаю. Я потом отдыхаю. Я наслаждаюсь и люблю жизнь больше всех прокуроров, вместе взятых. Ты говоришь — риск? А я говорю — да. Пусть обмирает душа, пусть она дрожит, как овечий хвост, — я иду прямо, я не споткнусь и не поверну назад.

— Ты кем работал до этого? — поинтересовался Никитич.

— Я? Агентом по снабжению. По культурным связям с зарубежными странами. Вообще я был ученый. Я был доцентом на тему: «Что такое колорадский жук и как с ним бороться». — Парень замолчал, а через минуту сонным голосом сказал: — Все, отец... Я ушел.

— Спи.

Никитич пошуровал короткой клюкой в камельке, набил трубочку и стал думать про парня. Вот тебе и жизнь — все дадено человеку: красивый, здоровый, башка вроде недурная... А... что? Дальше что? По лесам бегать? Нет, это город их доводит до ручки. Они там свихнулись все. Внуки Никитича — трое — тоже живут в большом городе. Двое учатся, один работает, женат. Они не хвастают, как этот, но их тянет в город. Когда они приезжают летом, им скучно. Никитич достает ружья, водит в тайгу и ждет, что они просветлеют, отдохнут душой и проветрят мозги от ученья. Они притворяются, что им хорошо, а Никитичу становится неловко: у него больше ничего нет, чем порадовать внуков. Ему тяжело становится, как будто он обманул их. У них на уме один город. И этот, на нарах, без ума в город рвется. На его месте надо уйти подальше, вырыть землянку и лет пять не показываться, если уж сидеть не вмоготу стало. А он снова туда, где на каждом шагу могут за шкурку взять. И ведь знает, что возьмут, а идет. «Что за сила такая в этом городе! Ну ладно, я — старик, я бывал там три раза всего, я не пони-

маю... Согласен. Там весело и огней много. Но раз я не понимаю, так я и не хваю. Охота вам? На здоровье. А мне здесь хорошо. Но так получается, что они приходят оттуда и нос воротят: скучно, тоска. Да присмотришься хорошенько! Ты же увидеть-то ничего не успел, а уж давай молоть про свой город. А посмотри, как, к примеру, муравей живет. Или — крот. Да любая животиная!.. Возьми приглядишься для интереса. А потом подумай: много ты про жизнь знаешь или нет? Вы мне — сказки про город?.. А если я начну рассказывать, сколько я знаю! Но меня не слушают, а на вас глаза пялят — городской. А мне хрен с тобой, что ты городской, что ты штиблетами по тротуару форсишь. Дофорсился вот: отвалили лет пятнадцать, наверно, за красивую-то жизнь. Магазин, наверно, подломил, не иначе. Шиканул разок — и загремел. И опять на рога лезет. Сам! Это уж, значит, не может без города. Опять на какой-нибудь магазин нацелился. Шампанское... А откуда оно, шампанское-то, возьмется? Дурачье... Сожрет он вас, город, с костями вместе. И жалко дураков. И ничего сделать нельзя. Не докажешь».

Дрова в камельке догорели. Никитич дождался, когда последние искорки умерли в золе, закрыл трубу, погасил фонарь, лег рядом с парнем. Тот глубоко и ровно дышал, неловко подвернув под себя руку. Даже не шевельнулся, когда Никитич поправил его руку.

«Намаялся, — подумал Никитич. — Дурило... А кто заставляет? Эх, вы!»

...За полночь на улице, около избушки, зашумели. Послышались голоса двух или трех мужчин.

Парень рывком привстал — как не спал. Никитич тоже приподнял голову.

— Кто это? — быстро спросил парень.

— Шут их знает.

Парень рванулся с нар — к двери, послушал, зашарил рукой по стене — искал ружье. Никитич догадался.

— Ну-ка, не дури! — прикрикнул негромко. — Хуже беды наделаешь.

— Кто это? — опять спросил парень.

— Не знаю, тебе говорят.

— Не пускай, закройся.

— Дурак. Кто в избушке закрывается? Нечем закрываться-то. Ложись и не шевелись.

— Ну, дед!..

Парень не успел досказать. Кто-то поднялся на крыльцо и искал рукой скобу. Парень ужом скользнул на нары, еще успел шепнуть:

— Отец, клянусь богом, чертом, дьяволом: продашь... Умоляю, старик. Век...

— Лежи, — велел Никитич.

Дверь распахнулась.

— Ага! — весело сказал густой бас. — Я же говорил: кто-то есть. Тепло, входите!

— Закрывай дверь-то! — сердито сказал Никитич, слезая с нар. — Обрадовался — тепло! Расшиперься пошире — совсем жарко будет.

— Все в порядке, — сказал бас. — И тепло, и хозяин приветливый. Никитич засветил фонарь.

Вошли еще двое. Одного Никитич знал: начальник районной милиции.

Его все охотники знали: мучил охотничьими билетами и заставлял платить взносы.

— Емельянов? — спросил начальник, высокий упитанный мужчина лет под пятьдесят. — Так?

— Так, товарищ Протокин.

— Ну вот!.. Принимай гостей.

Трое стали раздеваться.

— Пострелять? — не без иронии спросил Никитич. Он не любил этих наезжающих стрелков: только пошумят и уедут.

— Надо размяться маленько. А это кто? — Начальник увидел парня на нарах.

— Иолог, — нехотя пояснил Никитич. — От партии отстал.

— Заблудился, что ли?

— Но.

— У нас что-то неизвестно. Куда шли, он говорил?

— Кого он наговорит! — едва рот разевал: замерзал. Спиртом напоил его — щас спит как мертвый.

Начальник зажег спичку, поднес близко к лицу парня. У того не дрогнул ни один мускул. Ровно дышал.

— Накачал ты его. — Спичка начальника погасла. — Что же у нас-то ничего не известно?

— Может, не успели еще сообщить? — сказал один из пришедших.

— Да нет, видно, долго бродит уже. Не говорил он, сколько один ходит?

— Нет, — ответствовал Никитич. — Отстал, говорит. И все.

— Пусть проспится. Завтра выясним. Ну что, товарищи: спать?

— Спать, — согласились двое. — Уместимся?

— Уместимся, — уверенно сказал начальник. — Мы прошлый раз тоже впятером были. Чуть не загнулись к утру: протопили, да мало. А мороз стоял — под пятьдесят.

Разделись, улеглись на нарах. Никитич лег опять рядом с парнем.

Пришлые поговорили еще немножко о своих районных делах и замолчали.

Скоро все спали.

...Никитич проснулся, едва только обозначилось в стене оконце. Парня рядом не было. Никитич осторожно слез с нар, нашарил в карманах спички. Еще ни о чем худом не успел подумать. Чиркнул спичкой... Ни парня нигде, ни фуфайки его, ни ружья Никитича не было. Неприятно стало под сердцем.

«Ушел. И ружье взял».

Неслышно оделся, взял одно ружье из трех, составленных в углу, пощупал в кармане патроны с картечью. Тихо открыл дверь и вышел.

Только-только занимался рассвет. За ночь потеплело. Туманная хмарь застила слабую краску зари. В пяти шагах еще ничего не было видно. Пахло весной.

Никитич надел свои лыжи и пошел по свежей лыжне, четко обозначенной в побуревшем снегу.

— Сукин ты сын, варнак окаянный, — вслух негромко ругался он. — Уходи, пес с тобой, а ружье-то зачем брать! Што я тут без ружья делать

стану, ты подумал своей башкой? Што я, тыщи, что ли, большие получаю, — напасаться на вас на всех ружьями? Ведь ты же его, поганец, все равно бросишь где-нибудь. Тебе лишь бы из тайги выйти? А я сиди тут, сложа ручки, без ружья. Ни стыда у людей, ни совести.

Помаленьку отбеливало. День обещал быть пасмурным и теплым.

Лыжня вела не в сторону деревни.

— Боишься людей-то? Эх, вы... «Красивая жись». А последнее ружьишко у старика взять — это ничего, можно. Но от меня ты не уйде-ошь, голубчик. Я вас таких семерых замотаю, хоть вы и молодые.

Зла большого у старика не было. Обидно было: пригрел человека, а он взял и унес ружье. Ну не подлец после этого!

Никитич прошел уже километра три. Стало совсем почти светло; лыжня далеко была видна впереди.

— Рано поднялся. И ведь как тихо сумел!

В одном месте парень останавливался закурить: сбочь лыжни ямка — палки втыкал. На снегу крошки листовухи и обгоревшая спичка.

— И кисет прихватил! — Никитич зло плюнул. — Вот поганец так поганец! — Прибавил шаг.

...Парня Никитич увидел далеко в ложбине, внизу.

Шел парень дельным ровным шагом, не торопился, но податливо. За спиной — ружье.

— Ходить умеет, — не мог не отметить Никитич. Свернул с лыжни и побежал в обход парню, стараясь, чтоб его скрывала от него вершина длинного отлогого бугра. Он примерно знал, где встретит парня: будет на пути у того неширокая просека. Он пройдет ее, войдет снова в чащу... и тут его встретит Никитич. — Щас я на тебя посмотрю, — не без злорадства приговаривал Никитич, налегая вовсю на палки. Странно, но ему очень хотелось еще раз увидеть прекрасное лицо парня. Что-то было до страсти привлекательное в этом лице. «Может, так и надо, что он рвется к своей красивой жизни? Что ему тут делать, если подумать? Засохнет. Жись, язви ее, иди разберись».

У просеки Никитич осторожно выглянул из чащи: лыжни на просеке еще не было — обогнал. Быстро перемахнул просеку, выбрал место, где примерно выйдет парень, присел в кусты, проверил заряд и стал ждать. Невольно, опытным охотничьим глазом осмотрел ружье: новенькая тулка, блестит и резко пахнет ружейным маслом. «На охоту собирались, а не подумали: не надо, чтоб ружье так пахло. На охоте надо и про табачок забыть, и рот чаем прополоскать, чтобы от тебя не разило за версту, и одежду лучше всего другую надеть, которая на улице висела, чтоб жильем не пахло. Охотники — горе луковое».

Парень вышел на край просеки, остановился. Глянул по сторонам. Постоял немного и скоро-скоро побежал через просеку. И тут навстречу ему поднялся Никитич.

— Стой! Руки вверх! — громко скомандовал он, чтоб совсем ошарашить парня. Тот вскинул голову, и в глазах его отразился ужас. Он дернулся было руками вверх, но узнал Никитича. — Говоришь: не боюсь никого, — сказал Никитич, — а в штаны сразу наклал.

Парень скоро оправился от страха, улыбнулся обаятельной своей улыбкой немножко насильственно.

— Ну, отец... ты дашь. Как в кино... твою в душу мать. Так можно разрыв сердца получить.

— Теперь, значит, так,— деловым тоном распорядился Никитич,— ружье не сымай, а достань сзади руками, переломи и выкинь из казенника патроны. И из кармана все выбрось. У меня их шешнадцать штук оставалось. Все брось на снег, а сам отойди в сторону. Если задумаешь шутки шутить, стреляю. Сурьезно говорю.

— Дошло, батя. Шутить мне сейчас что-то не хочется.

— Быстыдник, ворюга.

— Сам же говорил: погано в лесу без ружья.

— А мне чо тут без его делать?

— Ты дома.

— Ну, давай, давай. Дома. Што, у меня дома-то завод, што ли?

Парень выгреб из карманов патроны — четырнадцать: Никитич считал. Потом заломил руки за спину; прикусив нижнюю губу, прищурившись, внимательно глядел на старика. Тот тоже не сводил с него глаз: ружье со взведенными курками держал в руках, стволами на уровне груди парня.

— Чего мешкаешь?

— Не могу вытащить...

— Ногтями зацепи... Или постучи кулаком по прикладу.

Выпал сперва один патрон, потом второй.

— Вот. Теперь отойди вон туда.

Парень повиновался.

Никитич собрал патроны, поклал в карманы полушубка.

— Кидай мне ружье, а сам не двигайся.

Парень снял ружье, бросил старику.

— Теперь садись, где стоишь, покурим. Кисет мне тоже кинь. И кисет спер...

— Курить-то охота мне.

— Ты вот все — мне да мне. А про меня, черт полосатый, не подумал! А чего мне-то курить?

Парень закурил.

— Можно, я себе малость отсыплю?

— Отсыпь. Спички-то есть?

— Есть.

Парень отсыпал себе листовухи, бросил кисет старику. Тот закурил тоже.

Сидели шагах в пяти друг от друга.

— Ушли эти?.. Ночные-то.

— Спят. Они спать здоровы. Не охотничают, а дурочку валяют. Погулять охота, а в районе у себя не шибко разгуляешься — на виду. Вот они и идут с глаз долой.

— А кто они?

— Начальство... Заряды зря переводют.

— Мда...

— Ты чо же думал: не догоню я тебя?

— Ничего я не думал. А одного-то ты знаешь. Кто это? По фамилии называл... Протокин, что ли.

— В собесе работает. Пенсию старухе хлопотал, видел его там...

- Парень пытливно посмотрел на старика.
- Это там, где путевки на курорт выписывают?
- Ага.
- Темнишь, старичок. Неужели посадить хочешь? Из-за ружья...
- На кой ты мне хрен нужен — сажать? — искренне сказал Никитич.
- Продай ружье? У меня деньги есть.
- Нет, — твердо сказал Никитич. — Спросил бы с вечера — подобра, может, продал бы. А раз ты так по-свински сделал, не продам.
- Не мог же я ждать, когда они проснутся.
- На улицу бы меня ночью вызвал: так и так, мол, отец: мне шибко неохота с этими людьми разговаривать. Продай, мол, ружье — я уйду. А ты... украл. За воровство у нас руки отрубают.
- Парень положил локти на колени, склонился головой на руки. Сказал глуховато:
- Спасибо, что не выдал вчера.
- Не дойдешь ты до своей воли все одно.
- Парень вскинул голову.
- Почему?
- Через всю Сибирь идти — шутка в деле!
- Мне только до железной дороги, а там поезд. Документы есть.
- А вот здесь без ружья... здесь худо. Продай, а?
- Нет, даже не упрашивай.
- Я бы теперь новую жизнь начал... Выручил бы ты меня, отец...
- А документы-то где взял? Ухлопал, поди, кого-нибудь?
- Документы тоже люди делают.
- Фальшивые. Думаешь, не поймают с фальшивыми?
- Ты обо мне... прямо как родная мать заботишься. Заладил, как попугай: поймают, поймают. А я тебе говорю: не поймают.
- А шампанскую-то на какие шиши будешь распивать?.. Если честно-то робить пойдешь.
- Сдуру я вчера натрепался, не обращай внимания. Захмелел.
- Эх, вы... — Старик сплюнул желтую едкую слюну на снег. — Жить бы да жить вам, молодым... а вас... как этих... как угорелых по свету носит, места себе не можете найти. Голод тебя великий воровать толкнул? С жиру беситесь, окаянные. Петух жареный в зад не клевал...
- Как сказать, отец...
- Кто же тебе виноватый?
- Хватит об этом, — попросил парень. — Слушай... — Он встревоженно посмотрел на старика. — Они ж сейчас проснутся, а ружья — нет. И нас с тобой нет... Искать кинутся?
- Они до солнышка не проснутся.
- Откуда ты знаешь?
- Знаю. Они сами вчера с похмелья были. В избушке теплынь: разморит — до обеда проспят. Им торопиться некуда.
- Мда... — грустно сказал парень. — Дела-делишки.
- Повалил вдруг снег большими густыми хлопьями — теплый, тяжелый.
- На руку тебе. — Никитич посмотрел вверх.
- Что? — Парень тоже посмотрел вверх.
- Снег-то... Заметет все следы.

Парень подставил снегу ладонь, долго держал. Снежинки таяли на ладони.

— Весна скоро... — вздохнул он.

Никитич посмотрел на него, точно хотел напоследок покрепче запомнить такого редкостного здесь человека. Представил, как идет он один, ночью... без ружья.

— Как ночуешь-то?

— У огня покемарю... Какой сон.

— Хоть бы уж летом бегали-то. Все легче.

— Там заявок не принимают — когда бежать легче. Со жратвой плохо. Пока дойдешь от деревни до деревни, кишки к спине прирастают. Ну ладно. Спасибо за хлеб-соль. — Парень поднялся. — Иди, а то проснутся эти твои...

Старик медлил.

— Знаешь... есть один выход из положения, — медленно заговорил он. — Дам тебе ружье. Ты завтра часам к двум, к трем ночи дойдешь до деревни, где я живу...

— Ну?

— Не понужай. Дойдешь. Постучишь в какую-нибудь крайнюю избу: мол, ружье нашел... или... нет, как бы придумать?.. Чтоб ты ружье-то оставил. А там от нашей деревни прямая дорога на станцию — двадцать верст. Там уж не страшно. Машины ездят. К свету будешь на станции. Только там заимка одна попадетсЯ, от нее, от заимки-то, ишо одна дорога влево пойдет, ты не ходи по ей — это в район. Прямо иди.

— Отец...

— погоди! Как с ружьем-то быть? Скажешь: нашел — перепугаются, искать пойдут. А совсем ружье отдавать жалко. Мне за него, хоть оно старенькое, три вот таких не надо. — Никитич показал на новую переломку.

Парень благодарно смотрел на старика и еще старался, наверно, чтобы благодарности в глазах было больше.

— Спасибо, отец.

— Чего спасибо? Как я ружье-то получу?

Парень встал, подошел к старику, присел рядом.

— Сейчас придумаем... Я его спрячу где-нибудь, а ты возьмешь потом.

— Где спрячешь?

— В стогу каком-нибудь, недалеко от деревни.

Никитич задумался.

— Чего ты там разглядишь ночью?.. Вот што: постучишь в крайнюю избу, спросишь, где Мазаев Ефим живет. Тебе покажут. Это кум мой. Ефиму придешь и скажешь: стретил, мол, Никитича в тайге, он повел иологов в Змеиную согру. Патроны, мол, у него кончились, а чтоб с ружьем зря не таскаться, он упросил меня занести его тебе. И чтоб ждали меня к послезавтрему! А што я повел иологов, пусть он никому не говорит. Заработает, мол, придет — выпьете вместе, а то старуха все деньги отберет сразу. Запомнил? Щас мне давай на литровку — а то от Ефима потом не отвяжешься — и с богом. Патронов даю тебе... шесть штук. И два карточных — на всякий случай. Не истратишь, возле деревни закинь в снег подальше. Ефиму не отдавай — он хитрый, зачует неладное. Все запомнил?

— Запомнил. Век тебя не забуду, отец.

— Ладно... На деревню держись так: солнышко выйдет — ты его все

одно увидишь — пусть оно сперва будет от тебя слева. Солнышко вышло, а ты его все слева держи. А к закату поворачивай, чтоб оно у тебя за спиной очутилось, чуток с правого уха. А там — прямо. Ну, закурим на дорожку...

Закурили.

Сразу как-то не о чем стало говорить. Посидели немного, поднялись.

— До свиданья, отец, спасибо.

— Давай.

И уж пошли было в разные стороны, но Никитич остановился, крикнул парню:

— Слышь!.. А вить ты, парень, чуток не вляпался: Протокин-то этот — начальник милиции. Хорошо, не разбудил вчерась... А то бы не отвертеться тебе от него — дошлый, черт.

Парень ничего не говорил, смотрел на старика.

— Он бы щас: откуда? куда? Никакие бы документы не помогли.

Парень промолчал.

— Ну шагай.— Никитич подкинул на плече чужое ружье и пошел через просеку назад, к избушке. Он уж почти прошел ее всю, просеку... И услышал: как будто над самым ухом оглушительно треснул сук. И в то же мгновение сзади, в спину и в затылок, как в несколько кулаков, сильно толкнули вперед. Он упал лицом в снег. И ничего больше не слышал и не чувствовал. Не слышал, как закидали снегом и сказали: «Так лучше, отец. Надежнее».

...Когда солнышко вышло, парень был уже далеко от просеки. Он не видел солнца, шел, не оглядываясь, спиной к нему. Он смотрел вперед.

Тихо шуршал в воздухе сырой снег.

Тайга просыпалась. Весенний густой запах леса чуть дурманил и кружил голову.

В. А. Десятов

Инок белой пустыни

Вертолет, оторвавшись от земли, завис над взлетной площадкой и, накрываясь, точно подстреленная птица, полетел туда, где белая тундра сливалась с таким же огромным мертвенно-бледным небом.

Я стоял обсыпанный снегом и, зажав между ног портфель, тер то уши, то нос, совершенно не представляя, как это в своей спортивной шапке и куртке на негреющем меху смог выдержать, когда лопасти вертолета хлестали по лицу холодным, со свистом ветром. Спазмом стискивало горло, и чья-то ледяная рука лезла мне за воротник.

— Идите сюда! — позвал меня сиплым, будто с сильного похмелья, голосом Сартов, как только улеглась буря, поднятая вертолетом, и предложил: — Шапками давайте меняться!

Я уловил в его голосе издевку и сделал вид, что не слышу. А он снова позвал:

— Слышите! Шапками давайте меняться!

В тундре минус пятьдесят... Об этом меня предупредил командир вертолета и посоветовал не выходить на холод, пока они не выбросят груз. Но когда второй пилот с трудом оттянул пружину застывшего замка двери и толкнул ее, я не вытерпел — выпрыгнул из машины и сразу пошел представляться Сартову: я хотел честной игры. Но он, сделав вид, что не видит меня, юркнул в вертолет, поздоровался с пилотами, спросил, нет ли писем, и деловито принялся выбрасывать груз наружу. Я поспешил на помощь ему: вынес один тяжелый ящик, опустил на снег с достаточной бережливостью, собрался за вторым. Но Сартов грубо отстранил меня:

— Между прочим, тут по-русски написано: не кантовать! А вы кантуете!

Я не оскорбился, когда остался стоять с протянутой рукой, желая поздороваться с ним, но это «А вы кантуете!» взбесило меня.

Я молча отошел в сторону, чтобы не видеть, как он, упакованный в шкуры, тужится и кричит, возясь с ящиками и мешками, и принялся празднично оглядываться по сторонам.

Все вокруг было убрано белой пеленой, и никаких звуков, кроме снежного скрипа у вертолета. И казалось, что вся земля — только унылая тундра, и ничего больше, и нет на ней никакой другой жизни.

«Как же он тут живет?» — подумал я, нет, не жалея его, но с какой-то досадой...

Я прилетел сюда, движимый добрым чувством справедливости. Мне рассказывали в охотпромхозе, рыбнадзоре и в редакции районной газеты, где я работал после окончания университета, о Дмитрие Дмитриевиче Сартове, неуловимом, злостном браконьере.

Принимая в тундре от пастухов-охотников шкурки песцов, лис, соболей, он, поговаривали, не все сдавал государству — сплавлял часть пушнины через верных людей на Рижское взморье бывшей своей жене, которая якобы сбежала от него и живет теперь в роскошном особняке, купленном на деньги мужа, в курортном городе Юрмала. Ведет себя очень вольно, сорит деньгами. Видели ее отпускники-северяне...

И еще кое-что о Сартове я знал: в начале февраля с оленьей фермы Черпулайской тундры исчез самый удачливый охотник-соболятник района семидесятилетний Григорий Безносос. Говорили, что, вероятнее всего, его пустил в расход Сартов. Тот и другой знали охотничьи места, где водится соболь, ну и столкнулись... «Пока это следственная тайна, ничего еще не доказано, никаких весомых улик против Сартова вроде бы нет. Но будут, безусловно, будут...» — сказали мне в районном отделе милиции по секрету.

«Такой и на воровство пойдет, и на «мокрое дело» пойдет... Небось возомнил тут себя стародавним князцом, которому богом велено собирать ясак с аборигенов», — думал я о Сартове, когда вертолетчики оставили меня с ним один на один. И высокая журналистская работа, за которую я взялся — ты даешь материал следствию, а не следствие тебе, — грела мое самолюбие.

Я не услышал, как Сартов подошел ко мне сзади и, ничего не говоря, аккуратно снял с меня шапку и ловко нахлобучил взамен свою — высокую, лисью, с длинными хвостами ушей, жаркую как огонь.

Теряясь и испытывая еще большую неприязнь к нему, я хотел тотчас сбросить ее и лучше обморозить уши, чем принять унижающее меня благодеяние. Но в шапке Сартова стало так неожиданно уютно, что я принялся благодарить злого грешника, показавшегося мне вдруг простодушным человеком.

— Идемте, идемте! — не дал мне говорить Сартов. — Холод не тетка. — И, так же незаметно поравнявшись со мной, преспокойно взял из моей руки портфель, двинулся вперед, оставляя от своих торбасов глубокие воронки в снегу. Оборачиваться в сторону гостя, подлаживаться под него он и не думал; шел и шел себе в удовольствие, не проявляя никакого интереса — иду я за ним или нет.

Я, хоть он и не смотрел в мою сторону, не ставил ноги в его следы, а шел своим путем и то и дело оказывался по пояс в снегу, барахтался в нем беспомощно и, выходя из себя, вновь думал, что Сартов, конечно, негодяй. «На зло и добро у всех одни глаза, они каждому одинаково видны», — все в нем мерил я на аршин услышанной молвы, которая не с бухты-барахты же родилась.

Совсем я выбился из сил и забыл, что здесь адский холод — так мне стало жарко, когда Сартов вдруг остановился — сделал милость, стал ждать меня.

Барахтаться в снегу на глазах у него мне никак не хотелось, и я при-

нялся ступать в следы от его торбасов и почувствовал под ногами твердый настил. Оказывается, здесь под снегом была дорога. А я искал свою.

— Вы к нам по какому заданию? — повернул разговор в другое русло Сартон, но не дал мне ответить: — Я, считай, почти двадцать лет уже здесь, а первого корреспондента принимаю, хоть и писали обо мне. К нам залететь не так просто, а выбраться — и подавно. У меня здесь особый режим температур, микроклимат. Когда передаю сводки — всех удивляю в метеослужбе. Вроде бы такой погоды не должно быть. Приезжали спецы проверять приборы. Признали уникальной мою зону обитания. Здесь, оказалось, редкое непостоянство атмосферного давления. «Пик непостоянства». Так и называют теперь в метеосводках эту точку. Нужно иметь железное здоровье, чтобы здесь работать... — Сартон вздохнул и оглянулся на меня. — Я уже сколько замен и помощников себе подыскивал. Никто больше месяца не выдерживает. У совершенно здоровых людей голова начинает болеть, сердце частить. И жену я, кто знает, может, из-за этого климата потерял. Можно было перебраться отсюда, тут километрах в ста есть поселок, и раз в неделю навещаться — снимать показания приборов. Предлагали мне такой вариант. А теперь не предлагают. Говорят, что эта удаленная точка на каком-то очень уж строгом контроле. А мне, признаться, и самому теперь нет охоты переезжать. Увидите, где я живу, сами поймете... Я тут рошу вырастил. А еще мне жаль с пастухами расставаться. Если переберусь, им на целых сто пятьдесят километров дальше придется ко мне добираться. Я по совместительству тут еще как бы и заведующий факторией, кладовщик-приемщик. У меня хранятся нескоропортящиеся продукты, фураж для оленей, боеприпасы охотничьи, всякая хозяйственная для оленеводов мелочь: опрыскиватели, свечи... Господи, да чего у меня только нет! И шкурки я от охотников принимаю, сам оцениваю. Одним словом, совсем нет мне никакого резона отсюда уезжать. Да и не хочу я теперь в шумный поселок, хоть там и клуб, и телевизор, и кино, и магазины, и другие блага. Устойчиво адаптировался я здесь, на «Пике непостоянства».

Мы какое-то время шли молча. Неожиданно Сартон, не в тон начавшемуся между нами разговору, спросил меня:

— Не пойму — зачем и кому это надо?!

— Что?

— Да я в последнее время на каком-то подозрении в районе. Не слышали? Ни в чем вроде бы не провинился, а плетут обо мне прямо бог знает что.

— Ну, нашли из-за чего страдать! Пустяки все это, коль не провинились. Наши законы человека в обиду не дадут, — играл я словами, будто хотел успокоить Сартона.

Он почувствовал фальшивый оптимизм в моих словах, за которым, как правило, не ожидается никакого сострадания и тем более добродетельных действий.

— В законах наших я, конечно, не сомневаюсь. Безусловно, разберутся, если на суд поведут — может в конце концов и такое случиться. А как быть, коли на суд не ведут, а судят лихой людской молвой?

Я знал, что такое «лихая людская молва», кто ее пытке не подвергался? Но промолчал.

Рядом с передней стеной дома, отступив на полметра, поднималась

еще одна, невысокая, как бы завалинка, с аккуратно выпиленными открястиями-лазами. Видимо, для собак. Там были их конуры. В плохую погоду и ночью собаки, наверное, укрывались в них, а сейчас они лежали возле дома в ямах, вытянутых в снегу собственными телами. Морды их были прикрыты заиндевевшими от дыхания хвостами. Подрагивая шерстью от нервного напряжения, кося глазами в нашу сторону, собаки не срывались с мест, а терпеливо ждали возможной команды хозяина.

Но когда мы подошли к дому, они без всякой команды, по одной, точно знали свою очередь, стали подниматься с места, лениво потягиваясь, подходили к хозяину, чтобы куснуть его за варежку, лизнуть или ткнуться лбом в колени. Так они радовались его возвращению.

На меня они не обращали никакого внимания.

— Ну что? Что? — стал говорить с собаками Сартов. — Соскучились без привязи. — В них не было раболепного страха перед хозяином. Но подчинялись они каждому слову его, хорошо понимая, когда оно относилось к ним.

— Лайки? — спросил я, хотя и так видел, что лайки.

— Да, западносибирские лайки, — ответил Сартов. — Сам из иркутского питомника привозил вот такусенькими. — Он потряс варежкой. — Замечательные собачки. У меня их собралось почти на два потика. Раздабриваю помаленьку эвенам. Хорошие помощники они пастухам. Добрые охотники... и поговорить с ними даже можно, когда больше не с кем.

И, как бы желая продемонстрировать это, Сартов обратился к собакам:

— А к нам гость. Очень хороший дядя. Фотографировать вас будет...

Нескрываемые иронию и издевку я уловил в этих его словах, как бы месть за мое недоверие к нему.

— Боитесь, что ли, дядю? — спросил он. И добавил еще насмешливей: — Ну и глупые. Я же сказал вам: дядя очень хороший. Правда-правда! — И, слегка присвистнув, скомандовал: — Антипка, слышь, ну-ка поди познакомься с дядей.

Из вытянутого под стеной углубления поднялся заспанный огромный пес с белой грудью. Он не проявлял никакой нежности к хозяину, когда все собаки по очереди ластились к нему, — пренебрег сантиментами. Помахивая мохнатым хвостом, который никак не завивался у него в кольцо, подошел ко мне, поджал уши, отчего морда его тотчас сделалась по-человечески осмысленной, и подал лапу.

— А как ты любишь дядю? — продолжал ломаться Сартов.

Пес — я чуть не повалился под его тяжестью в снег — вскинул и поставил мне на грудь передние лапы. А пока я мешкал, не зная, как вести себя дальше, метко лизнул в губы. И так глянул в глаза, будто понимал, зачем я здесь, и предупреждал на всякий случай, что у хозяина есть он.

— Ну иди, иди, милушка, дрыхни! — отменил приказание Сартов. И, обрадовавшись тому, как пес понял его, похвалил скорее себя, чем собаку: — Они у меня еще не то умеют.

Дом Сартова был приспособлен для хорошей и счастливой жизни.

— Никак вам, Дмитрий Дмитриевич, лесная фея помогает? — спросил

не без скрытой иронии, преодолев в себе восторг от изящной простоты убранства комнат, безупречной чистоты их. А сам, оставаясь при исполнении служебных обязанностей, подумал: «Не зря, совсем не зря зовут тебя, голубчик, Арай Гуми, именем владельца японской фирмы, грабившей в двадцатые годы жителей тундры». И принялся ждать, что он ответит на вопрос, который я вроде бы не задавал ему, но не догадаться, что он задан, значило бы что-то утаить, не быть достаточно искренним с гостем.

— А я с детства приучен убирать за собой,— охотно отвечал Сартов.

Он преспокойно стоял у кухонной плиты, сложив руки на груди, и, не останавливаясь, продолжал говорить:

— Вы только не думайте, что я живу тут очень сладко. Сладко, конечно, но не очень.— Он хмыкнул.— Хотя чего это я вам жалуюсь. Природа-матушка, сколько ее тут — сто с лишним тысяч квадратных километров.— Сартов развернулся на сто восемьдесят градусов, показал на окно:— И все это мое натуральное хозяйство. Весь зверь тутошний — мой, все птицы — мои, все реки и озера — мои... Без мяса не сижу, без одежды не хожу. Не знаю — чего только у меня нет... И все это мне — ни за грош, просто даром, как дураку. Хочешь — уноси, увози, переправляй куда вздумается!

«Сартов ведет себя как настороженный зверь, остро чувствующий надвигающуюся опасность», — с воробыиным легкомыслием объяснял я себе такое его поведение. И, чтобы размагнитить наши отношения, встал и попросил, как можно более заинтересованным тоном, разрешения оглядеть его хоромы.

— Ради бога! — пригласил он.— Когда делал — радовался, а теперь уж и не в радость...

— Что ж вы так-то? — сказал я.— К чему пессимизм? Вы ведь, кажется, не из таких...

Мебель в комнатах — насчитал я их три, без кухни, расположенной непривычно, но довольно удобно, посреди дома,— была вся ручной работы. Смешение разных стилей чувствовалось в конструкции ее, хорошая фантазия мастера. Я сразу вспомнил превосходную книгу известного венгерского проектировщика Дюла Кеса «Стили мебели», где в рисунках художник дал образцы мебели всех эпох, начав от самой первобытной. Что-то похожее на те рисунки улавливалось в изящном убранстве комнат.

Заметив, с каким любопытством я осматриваю творения его рук, Сартов оживился:

— Дай, думаю, посплю в царской кровати. Русский же или какой другой национальности мужик ее делал, одним словом, Человек. Стал мастерить — получилось. И вот, что здесь видите, все сам сделал. По этой вот книге.— И Сартов подтвердил мою догадку — достал с полки том Кеса.— Очень просто это. Да. Каждый сделает, если захочет...

— Только как же так надо захотеть, чтобы набраться терпения и сделать?! — Я сел, развалившись в кресле с удобной откидной спинкой, с красиво выточенными ножками, показал на диван невообразимых форм; легкий, и изящный, словно он перекочевал сюда из залы какой-нибудь вельможной особы. И повторил:— Это же... не знаю, как надо так захотеть...

— Вот именно,— обрадовался Сартов.— Было мне для кого захотеть и

набираться терпения. Было... Ну да каждый человек умеет все, разбудить в нем только надо это высоким чувством, раскрепостить.

Сартов позвал меня в другую комнату. И как только мы вошли туда, странно переменялся.

— Вот письменный стол Петра Первого. Да! Копия. А этот вот, маленький, — копия стола Александра Сергеевича Пушкина, того самого, что хранится в музее его имени в Москве, — указал он рукой и заторопился: — Побудьте пока наедине, я скоро позову вас обедать. Отдыхайте. Эта комната теперь ваша. — И ушел.

Я раздумывал, за какой стол мне лучше сесть, чтобы потом Сартов не посмеялся надо мной. Хотелось примериться и к тому, и к другому. Но я ни за один не сел, а принялся рассматривать книги на стеллаже, удивившись прежде самому стеллажу. Он был словно вырезан из единого гигантского куска орехового дерева, которого в этих местах никогда не сыскать, с множеством разнокалиберных полок и ящичков, украшенных резьбой и инкрустацией. Книг на стеллаже стояло не так уж много, больше журналов — самых разных.

Несколько книг удивили меня. Это — «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля и японская лоция, изданная у нас в 1920 году.

«Лоция-то зачем ему? — подумал я. — Чтоб в тундре, что ли, ориентироваться?»

Не все еще я посмотрел, а Сартов уже позвал меня обедать, конечно, зайдя в комнату. Я совершенно правильно раскусил его: он, отлучившись, ждал — за какой стол сядет гость. Увидев, что я ни за один не сел, а стою у стеллажа, усмехнулся и заговорил со мной таким образом, как будто я попросил его погадать мне.

— Вы, должно быть, хороший человек, — начал он. — Это я еще заметил, когда мы шли от вертолета и вы не прятали своей неприязни ко мне. Так себя ведут, по-моему, честные люди, которым лгать пуще неволи. Но вы... — Сартов выдержал паузу и продолжал в другом порядке, не став забегать вперед, что, показалось ему, он сделал: — Обычно большинство гостей — бывавшие у меня солидные люди — садились за стол Петра Великого. Женщины, те, правда, за стол Александра Сергеевича. Все-таки он любил их и ценил. И женщины садились за его стол в знак благодарности поэту. Я так полагаю. А мужчины за стол Петра. Почему? Каждый из них примеривался своей персоной к его столу не просто так. Может быть, думал: «А что, и я бы смог, как он, поворотись фортуна ко мне таким макарон! Почему бы не смог?» — Сартов посмотрел на меня. — Вы заметили, мы все чаще и чаще оцениваем себя только в превосходительной степени. Наверное, это плохо, и больше всего для тех, кого мы воспитываем...

Сартов долго молчал, без причины трогал книги на стеллаже; он думал, договорить ему или нет то, что он хотел сказать обо мне. И наконец решился.

— А вот вы почему-то ни туда, ни сюда не сели, — улыбнулся он. — Полагаете, скромность?! А я подозреваю, что вы не совсем уверенный в себе человек, привыкший не торопиться со своим мнением, приберегать его, как бы оно потом вдруг не укусило вас, а жить общественным, хотя и не всегда оно в одной упряжке с вашим. Так вам бывает легче. — Он остановился, сказал вежливо: — Не сердитесь, ради бога, что я так вас.

и спросил: — Скажите, хоть чуть-чуть я угадал ваш характер? Или все не то?

Да, одиночество давало о себе знать, и ему хотелось всласть наговориться: он все комментировал и объяснял, точно я прилетел к нему с другой планеты и ни о чем — что делают и едят на земле — пока еще не знал.

Я достал из портфеля привезенную из района бутылку «Столичной», спросил разрешения поставить на стол. За выпивкой, думал я, Сартов что-нибудь да выболтает мне, а уж в том, что он пить горазд, я не сомневался.

— Конечно! Конечно! — воскликнул Сартов на мой вопрос. — Под такую закуску совсем не грех выпить.

Я улыбнулся: такой реакции я не ожидал от него.

— Только умоляю вас, и мое и ваше — все вам, — неожиданно договорил он.

— Что же, совсем не пьете? — удивился я, не сомневаясь, что он лукавит.

— Совсем! — категорически сказал Сартов.

— Вот уж, видно, совсем не северный человек!

— Не могу! — ответил он.

— Ну а я выпью — мне еще можно пока. Хотя кто это знает, кому можно, а кому нельзя.

— Я твердо знаю: мне нельзя, — отрезал Сартов.

— Тогда за ваше хрустальное здоровье! — с нескрываемым вызовом произнес я и залпом выпил поставкана водки. Я все-таки думал, что Сартов последует за мной.

Водка горячо вошла в мою кровь и почти сразу ударила в голову.

Я смотрел на Сартова. У меня появилось желание — взять и расцеловать его. Я уже не сомневался, что он в моих руках.

Сартов не понял моего взгляда и сказал:

— Знаете, о чем я подумал: очень уж странные мы с вами люди...

— Вы — может быть... а я чем странный для вас?

— Вы? — улыбнулся простодушно Сартов. — Да хотя бы тем, что совсем не умеете хитрить. На лбу у вас все написано.

— Так это же одно из самых прекрасных достоинств человека — открытость! — воскликнул я, играя, может быть, слишком.

— Господи, так давайте все так жить! — обрадовался Сартов.

— И живите себе на здоровье, кто вам мешает?! Я вот живу так, и совесть теперь всегда велит мне жить одной только правдой.

— Правдой?! Одной только правдой! — Сартов странно, почти как ребенок, улыбнулся и спросил: — Скажите тогда на милость, зачем вы сюда приехали? Не разоблачать ли меня? А то так много шепчутся о моих грехах...

— Да, Сартов, я приехал разоблачать!.. — На последнем слове я умышленно споткнулся.

— Вы что? — спросил он изменившимся голосом, испугавшись моей откровенности. В последнем я был уверен.

Он никак, видимо, не ожидал, что я отважно признаюсь ему в обличительских намерениях, и какое-то время даже не знал, как теперь вести себя со мной. Но скоро справился со своим изумлением и сразу ужалил:

— Стало быть, вы здесь как представитель от обвинения... Теперь

мне все понятно. Спасибо за прямоту. Хотя, знаете, мне больше сейчас подошел бы хороший адвокат.

Сартов резко перевернул чашку, из которой пил чай, порылся в горке костей, оставшихся от рябчиков. Бросил взгляд на мой край стола, что-то высматривая, показал пальцем:

— Вон у вас сохранился целым... Давайте-ка мне елец от рябчика. Дайте!

Я не понял, что он хотел. Тогда он протянул руку и сам взял из моей тарелки грудную вилочку птицы.

Держась за один край дужки, он другой сунул мне:

— Сейчас будем играть, загадайте-ка желание. Будем ломать елец. Ну!

Я сроду не знал о такой игре. Но Сартов уже резко потянул косточку на себя. Дужка сломалась на его конце.

— Я рад,— сказал он.— Судить меня вам.— И улыбнулся.

— Как это, простите, понимать ваши слова? — удивился я.

— А так и понимайте: вы же приехали меня «накрывать»...

— Так! Но чему же вы тогда радуетесь?! Плакать надо!

Сартов хмыкнул:

— А тому радуюсь, что вы служите одной только правде...

Я не отвечал ему. В кармане моего пиджака лежала повестка, которую участковый милиционер, узнавший, что я еду к Сартову, велел вручить ему. Сартову предписывалось явиться в районный отдел милиции в течение двадцати четырех часов. Глупее ничего нельзя было придумать. Как же человек из тундры мог бы исполнить такое распоряжение? На автобусе отсюда ведь не приедешь... Я решил не передавать повестку: она могла только насторожить Сартова и помешать мне осуществить задуманное.

Мы мыли посуду и составляли ее в проволочный каркас, стоявший на печке. Как только плита переставала шипеть, Сартов убирал посуду в изящный шкафчик с выгнутыми дверками и кружевной резьбой, что висел рядом с плитой на стене.

— А вы все-таки работайте за каким-нибудь из этих столов,— сказал он, смягчившись, когда я ушел в предназначенную мне комнату.— Ваш характер теперь уже для меня совсем не загадка. Антипка не зря вас поцеловал, хороший вы, в общем-то, дядя.— И доверчиво посмотрел мне в глаза.

Сартов ушел в столовую, сел в кресло-качалку и молча раскачивался, как будто тасовал в себе гениальные мысли. Потом вдруг резко встал.

— Дело делать надо,— сказал.— А вы отдыхайте. Отдыхайте!— Он заглянул ко мне в комнату.— Я живо сейчас на нарточке промчу до вертолетной площадки и обратно — груз надо привезти.

— Мне можно с вами? — спросил я.

— Зачем?! А впрочем, ради бога! — обрадовался он.— Проветритесь, если хотите. Только очень холодно сейчас. Солнце к земле покатилося.— И позвал:— Пошли тогда одеваться. Наряжу сейчас вас в шкуры. Мы же одного роста и комплекции вроде одной.

В сенях Сартов набросал передо мной гору меховой одежды, в которой я не сразу разобрался. Одну легкую кухлянку, мехом внутрь, я надел, по его совету, прямо на голое тело, другую, выделанную поглубей, мехом наружу,— сверху первой. В таком же порядке надевались штаны, торбаса с чижками.

На улице было намного холоднее, чем в полдень. Собаки, увидев хозя-

ина, сорвались со своих мест и, повизгивая, без прежней дисциплины крутились у его ног, не давали ему идти.

— Дела просят, — пояснил Сартов их поведение. — Чуют, что без мышечной работы им хана.

Я хотел сказать, что из человека этот инстинкт улетучился, что он намеренно избегает мышечной работы, а не ищет ее, и оттого век стремительного прогресса стал для него веком разнообразных болезней. Но промолчал.

Сартов молниеносно запрягал собак, и они уже больше не ластились к нему — строго стояли там, где он их поставил. Когда была подпряжена десятая, он махнул синим алыком, и из-под завалинки выбрался Антипка. Я совсем забыл про него. Он обошел всех собак, словно пересчитал, и с достоинством встал в голову упряжки.

— Ну, поехали, — позвал Сартов.

Я боялся еще сойти с крыльца, ступить мягкими торбасами в снег — такое испытывал ощущение, словно на ногах у меня, кроме носков, ничего больше нет. А когда, осмелев, пошел неловкими мелкими шагами, стало приятно-легко, и во всем теле враз снялось напряжение. Совсем не хотелось теперь садиться в нарту, а хотелось идти и идти, получая от этого огромное удовольствие, точно ты только что выучился ходить, а то, что делал раньше, были муки адовы.

Дом Сартова, показалось мне, стоял совсем недалеко от реки, потому что мы очень уж скоро выехали на ее берег, дымившийся испарениями холодно урчащей беспокойной воды. Или это собаки так быстро примчали нас сюда.

Кухлянка на мне заиндевела. Но под нею холода я не чувствовал, наоборот, даже вспотел от напряжения. Холодно было только глазам, я впервые ощутил, как они могут мерзнуть.

— Какая же скорость у собачек? — крикнул я Сартову.

Он, однако, не ответил. Достал из кармана спичечный коробок, выбрал из него спички, спрятал в кармашек на перчатке и, подрулив нарту к самой воде, с силой бросил пустой коробок в воду. Бурные струи горной реки подхватили его и сумасшедше понесли. Мы едва поспевали за легкой стремительностью «фелюги». Иногда обгоняли. И тогда я еще острее чувствовал опасный бег собак.

В конце концов мы ушли далеко вперед от «фелюги», и Сартов, видимо не желая больше состязаться с рекой, отвернул нарту от берега. И уже не гнал собак: расслабившись, они охлаждали раскаленные языки снегом, но бежали по-прежнему прытко.

И, будто сам запыхавшись от бега, Сартов торопливо заговорил:

— Такое течение, что река не замерзает. А мороз сейчас пятьдесят градусов. Движение никому не дает погибнуть. Приезжали бы к нам летом. Здесь столько тогда грибов, ягод, пропасть рыбы. Мы тут выше уровня моря на восемьсот метров. Есть «ступеньки» вниз по реке в десять, пятнадцать метров — этакie водопады. И все равно красная рыба к нам добирается. Страшно смотреть, как она бьется в этих вертикально падающих струях. Откуда в ней только берется такая сила?! — И ответил на свой вопрос: — От жажды оставить потомство и умереть. Да! Да! Во всем живом заложено эгоистичное и в то же время общественное начало — оставить на земле

себе подобного и исчезнуть. А дело жизни разве только к этому сводится? Все дело жизни, говорил Лев Толстой, в сознании того, что есть жизнь, и в противодействии тому, что мешает ей.

Я поднял на Сартова глаза, чтобы посмотреть, с каким лицом он все это говорит, — ему ли было об этом рассуждать; он как раз повернулся в мою сторону, а я — в его; глаза у него были ясные-ясные, живо блестели. И я отвел свой взгляд, точно сам теперь боялся, как бы он не увидел моей неправоты, моего усилившегося без причины подозрения, хотя, как мне казалось, неправоты во мне не было.

Сартов продолжал говорить:

— Когда душа бывает встревоженной чем-то и усталой, а успокоение никак не приходит, я тогда позволяю себе такую езду. Прелесть! Не ведаю, куда теперь все делось из меня: и землю чувствую под ногами, и знаю, как ступать по ней. И боль чувствую. А то уж сам себя не понимал. Казалось, скачусь сейчас с шарика в бездну... — Спросил: — У вас, наверное, в городе так не бывает? — И, не нуждаясь в ответе, продолжал: — Город есть город. Там не задремлешь, сумасшедший ритм, на пятки наступают. А я все боюсь задремать в этой жизни, сгорбиться под своими думами, карабкаюсь к истине. Здесь ведь, можно сказать, живешь без соперников. И когда прав, а когда не прав — не всегда знаешь.

Поодаль от реки лицо меньше обжигало холодом, и я смотрел по сторонам. Немереное белое пространство лежало вокруг, зыбкая унылая пустота на полсвета. Никакой видимой глазу жизни. Кричи не кричи — все равно никто не услышит. Розовый закат только чуть веселил душу. Мне стало жаль Сартова. Я представил, как каждый день он встает и ложится один, ни с кем не перемолвившись словом. С утра до вечера он весь в проблемах: надо заготовить дров, надо протопить печь, надо сварить еду, надо привезти с реки воды — надо, надо, надо...

Неожиданно, злясь и на него и на себя, я крикнул:

— Что вам за охота мучить себя такой жизнью? Злость у вас, что ли, на самого себя какая? Заболели какой-нибудь религией и решили уйти от людей? Но от себя же самого не уйдешь. Вы умный человек, должны это понимать...

По молодости лет я наивно-самоуверенно считал, что журналисты, писатели, партийные работники ближе всех к истине и больше, чем кто-либо, имеют право судить поступки людей, вмешиваться в их жизнь, и что ошибаться им не дано, как богам.

— Ну я же говорил вам, почему не перебираюсь, — почти весело отозвался Сартов.

— Неубедительно, — сказал я.

— Убедительней не могу, — тем же тоном отвечал он. — Вот поживете тут со мной, может, и поймете что. Жизнь меня тут держит! Понимаете, жизни! — Сартов сменил тон: — Больше я вам объяснять ничего не стану. Я знаю, вы вдруг пожалели меня, бедолагу, да спохватились, достоин ли я вообще жалости. Честно скажу: мне бы стало больно, пожалей меня кто-нибудь. Я бы над тем посмеялся в сердцах и стал презирать. Вот если б кто позавидовал...

Я не заметил, как собаки, понимая хозяина по неуловимым для меня его движениям, давно повернули куда-то в сторону, и мы оказались у того

места, где я сегодня сошел с вертолета. Место это находилось совсем не близко от дома.

— Ай, как же вы меня сегодня здесь разозлили! — сказал я шутливо Сартову, желая быть с ним на дружеской ноге.

— А я специально. Мне хотелось узнать, зачем это вы ко мне пожаловали. — И, остановив нарту, он договорил: — И я сразу вас раскусил.

— Неужто сразу?! — соскочил я с нарти.

— Сразу! — ответил Сартов, принимаясь грузить ящики.

Я последовал его примеру: бросал тюки, демонстрируя небрежность, кантовал как попало ящики.

И Сартов не делал мне замечаний.

— По каким же таким признакам вы меня так сразу раскусили? — спросил я.

— Я уже говорил вам. Чего повторяться? — Он вдруг рассмеялся, тяжело дыша от работы. — У вас меч из-под рубашки торчал игрушечный, а вы его прятали как настоящий...

— А я вас тоже раскусил, — обиделся я на шутку Сартова.

— А я и не прячусь, — буркнул он себе под нос.

Догружали нарту молча. И так же молча тронулись в обратную дорогу. Когда на половине пути Сартов остановил собак, чтобы дать им немного отдохнуть, и стал поправлять груз, я, усаживаясь поудобнее, двинул нечаянно ногой какой-то ящик. Сартов задержал на нем взгляд, сказал:

— Три года ждали эти несчастные опрыскиватели. Наконец-то пришли. А я поторопился, в министерство жалобу послал на наш райисполком и Сельхозтехнику. Гнус тут, понимаете, не дает олешкам никакого житья летом. А оводы прямо в кожу им откладывают личинки и живьем жрут. Опрыскивателями будем обрабатывать животных... А жалобу теперь не вернешь. Опять, выходит, плохой человек Сартов.

Груза было не так уж много, но Сартов за всю дорогу один или два раза присел на краешек нарти, а так все шел, одной рукой держась за ремешок, закрепленный сзади нарти, другой опираясь на остол.

Я глядел почти в упор на него — задумчивого, от всего отрешенного, будто привязанного ремешком к нарте. Точно узник, шел он, чуть-чуть сопротивляясь, как будто был не согласен с вынесенным ему приговором.

— О чем вы думаете сейчас? — спросил я его, испытывая неловкость оттого, что я еду, а он идет.

— Ни за что не признаюсь! — шутливо отозвался Сартов. И снова шел молча, погруженный в свои думы.

А мне вдруг как-то упрямо любопытно стало: о чем же он думает сейчас?

Но разве кому дано узнать, о чем думает твой недруг, если даже и очень сильно хочешь притвориться его другом!

После ужина в доме почти два часа стояла тишина: ни я, ни Сартов не издали даже вдоха.

Не выдержал изнурительного молчания Сартов. Он развернул привезенную вертолетчиками свежую газету, загрохотав ею, как листом железа, и прочел вслух объявление.

Облавтотранспорт предупреждал пассажиров, что «с первого апреля устанавливаются штрафные санкции за безбилетный проезд в обществен-

ном транспорте в городском и пригородном сообщении в размере трех рублей, в междугородном сообщении — пять рублей».

Я ненавидел эти пошлые объявления-запугивания, что активно вывешивались в автобусах и трамваях, и теперь вот укоряли в недобросовестности потенциальных пассажиров с газетной полосы.

Сартов заметил раздражение на моем лице, пояснил с иронией, зачем он прочел мне это объявление:

— И не спрашивайте меня больше, почему я не еду в город или куда там еще поближе к заманчивой цивилизации. Боюсь вот таких штрафных санкций облавтотранспорта.

Сущим издевательством была эта плоская шутка Сартова. И я решил больше не вступать с ним ни в какие пререкания. Что толку? От этого только усложнялись наши отношения, затуманивались. Мне до истины так было не доскакать. Я ругал себя за то, что уж совсем глупо выглядел перед ним со своей прямоотой.

— А знаете,— снова заговорил Сартов,— мне сегодня очень даже понравились наши отношения. Мы вели себя бескомпромиссно — что думали, то и говорили друг другу. Если бы такое было возможно всегда между людьми. Вы не полагаете, что в обществе, которое достигнет совершенства, так будет? Ведь по логике правда никого не должна оскорблять.

— Не полагаю,— ответил я.— Такие фантазии-утопии уже многим приходили в голову. Излишняя прямолинейность, да будет вам известно, пусть и правдивая по сути, способна сделать даже очень близких людей почти врагами.

— Выходит, правду надо говорить только на суде?! — противоречил мне Сартов.— А я все-таки рад, что мы с вами оказались сегодня на высоте — ничего не таили друг от друга. Убеждения, кто-то сказал, важнее вежливости.

— Пусть будет так,— заключил я, будто отмахнувшись от него, и ушел в свою комнату.

Поздно вечером Сартов зашел ко мне и объявил, что собирается метель. Февраль еще не кончился, а уже мартом пахнет. Собаки с жадностью сегодня ели, в землю зарывали остатки, как будто впрок запасались.

Я ухмыльнулся.

— И косточки у вас небось болят?

— Уж о косточках я не стал вам...— улыбнулся он.— А они-то как раз больше всего мне об этом говорят. Приборы метеостанции показывают перемену погоды. И мои приборы тоже. Я им верю больше, чем железным.— Сартов внимательно посмотрел на меня.— Так что распорядитесь собой, молодой человек, правильно, если завтра прилетит вертолет. А то застрянете здесь недели на три, чего доброго.

«Вот так поворот!» — удивился я, вышел на кухню, налил воды из чайника, попил нехотя и отворил дверь в сени: мне захотелось охладиться. Но тотчас воротился в комнату, сказал Сартову запальчиво, что благодарен ему за совет, но никуда еще не тороплюсь...

Он от души рассмеялся.

— Вы, значит, сейчас затем выходили, чтобы подумать над этим? Ей-богу, с вами не соскучишься. Я вас не выпроваживаю. Живите тут сколько

удно, хоть всегда. Мне, кстати, очень нужен помощник. Приличная зарплата будет.

Что я мог ему ответить... Пожелав спокойной ночи, я ушел к себе в комнату, тихо разделся и лег, но заснуть не мог, снова корил себя за то, что так скоро признался в своих намерениях. Теперь это простодушие уже явно оборачивалось против меня.

Сартов услышал, что мне не спится, позвал:

— Хотите знать правду, почему я здесь и никуда не думаю уезжать?

Я хотел ответить, что уже много об этом слышал, но так доверительно мягко прозвучал в темноте его голос, что я смягчился, сказал со снисходительной интонацией: «Рассказывайте».

— Может, эта больная история вам когда-нибудь пригодится, — начал он возвышенно. И почти было опять разозлил меня.

Но скоро я внимательно слушал его сжатый и сухой, как докладная записка, рассказ.

Сартов был капитаном морского буксира, небольшого юркого катерка «Аксиометр», приписанного к Алапатскому рыбозаводу на морском побережье. И так был влюблен в него, что даже после высшей мореходки не захотел пойти на большой флот. Не любил он длительных плаваний. А тут, на катере, как на заводе: отдежурил смену, ну иногда две-три — и дома.

Аксиометр — прибор в составе рулевого устройства для определения угла отклонения руля относительно диаметральной плоскости судна. Кому там на заводе-изготовителе пришло в голову так назвать буксир, никто не знал. Как и то, что значило само название. Сартов был просто без ума от этой юркой «фелюги» и своей неменяющейся команды из шести заядлых марианов. Одиннадцать лет они плавали вместе, и никто ни разу не захотел пойти на повышение, хоть и бывали предложения и Сартову, и его подчиненным. Уж поплавали они, посражались со штормами и знали друг друга лучше родных братьев.

«Аксиометру» поручались самые трудные работы в условиях море — берег.

Однажды в декабрьскую стужу, выполняя такое срочное задание, «Аксиометр» попал в двенадцатибалльный шторм в открытом море. Шторм начался через несколько часов после того, как катер покинул рейд с плаш-коутом на буксире, на известной всем морякам коварной пятьдесят восьмой параллели, где не раз гибли наши и иностранные суда.

Ситуация складывалась для «Аксиометра» тягостная. После двух дней шторма началось обледенение, катер дал резкий крен на правый борт и оказался почти неуправляемым. Члены экипажа привязывалась выбросками и выходили на палубу под ледяной душой обкалывать лед — в любую минуту судно могло перевернуться.

Через каждые тридцать минут «Аксиометр» выходил на связь с землей. Его позывные там ждали с нетерпением.

— Привет от родных, близких, от всех нас, держитесь! — каждый раз во время сеанса связи говорил директор рыбозавода и предоставлял слово родственникам моряков — женам, матерям, братьям. Потом снова брал микрофон и приказывал уходить как можно дальше в море: мореплаватели

во время шторма должны бояться земли. И просил, требовал, чтобы они не забывали есть. Директор рыбозавода был опытным моряком и знал, что в напряженные дни совсем пропадает аппетит и люди гибнут от истощения, подчас не в силах справиться даже с пустяковыми трудностями.

На четвертый день у отдельных членов экипажа начали пошаливать нервы — пришла апатия. Самое страшное в море — отчаяние и искаженное восприятие реального, безнадежность. Понимая это, капитан отменял вдруг все работы и приглашал экипаж играть в домино. На стол стелили втрое сложенную мокрую простыню — чтобы не рассыпались от качки костяшки — и играли, азартно, с выкриками. Каждый теперь близко видел друг друга, чувствовал дыхание товарища — и нельзя было пасовать, трусить. К людям возвращалось настроение, раздавались шутки, смех. «Ну а теперь за работу!» — снова звал капитан всех под ледяной душой.

У матроса Васи Пенкина началась истерика с галлюцинациями. Она то приходила, беря его в плен, то уходила на короткое время. Чудилось ему бог знает что, и вел он себя, обычно тихий и доброжелательный, буйно. Капитан быстренько уводил матроса от всех в тесную каморку радиорубки и лечил своим, откуда-то пришедшим ему тогда в голову способом: настраивал приемник на отчетливую морзянку и требовал мягко от больного: «Ты считаешь тире, а я — точки. Только сосредоточься, хорошенько сосредоточься, не пропускай ни одного знака. Это тебе поможет. Вот посмотришь! Ну, начали!» И они считали — и нервы матроса постепенно успокаивались. В конце концов он улыбался и извинялся перед капитаном за слабость. А тот отвечал: «Вот видишь, как просто все: надо отвлекаться от горьких дум работой, а не сидеть сложа руки в ожидании своего часа. Он не придет, этот час, если ты победишь себя. Иди, скоро должен кончиться шторм...»

Но шторм не кончался. В семнадцать часов на пятый день дрейфа случилось то, чего больше всего боялся капитан, — обледенение оборвало вводы антенны приемника и передатчика. Катер стал глухонемым.

Оборвалась связь с землей, замолкли голоса, которые поддерживали настроение, вселяли надежду. Капитан сам взялся наладить радиосвязь. Он обвязался выброской и приказал механику и матросу Пенкину, находящимся в коридоре катера, держать коренной конец. Зажав тросик зубами, Сартов вылез на рулевую рубку и дважды взбирался по обледенелой четырехметровой мачте, болтавшейся с креном чуть ли не в семьдесят градусов то в одну, то в другую сторону.

Подсоединив вводы антенны — как это ему удалось, он не знал сам, — Сартов спустился в радиорубку и оцепенел: рация по-прежнему молчала...

Он трогал рычаги настройки и думал, что придется снова лезть на мачту. И вдруг приемник ожил, кубрик, как светом, залился громким таинственно-веселым шумом эфира.

Бороться со штормом не было смысла, а главное — не мог капитан больше рисковать людьми ради спасения катера. И с «Аксиометра» в эфир пошел сигнал SOS.

Их спасли...

И тогда, выписавшись из больницы, куда капитан лег подлечить нервы и разыгравшуюся язву желудка, захотелось ему уединения от пережитого в море и рухнувшего семейного счастья. Жена оставила Сартова, не захо-

шла жить с «чокнутым капитаном» и, сделав аборт, «чтобы не растить дурное потомство», уехала неизвестно куда, пока он лежал в больнице. Но куда было уединиться? И он решил податься в тундру.

Соседний с рыбозаводом колхоз взял его заведующим перевалочной базой — снабженцем пастушьих бригад. Он должен ездить по тундре и обеспечивать бригады всем необходимым. Принимать шкурки от охотников. А метеорологи, как раз открывшие в тундре новую метеостанцию, предложили ему на полставки должность синоптика-наблюдателя. Ни тому ни другому делу Сартову не надо было учиться. И он стал жить в тундре...

— Животный инстинкт погнал меня сюда, в чистые места, на излечение. Так я сейчас понимаю то давнее свое решение, — сказал Сартов. — Точно так собаки и кошки и, видимо, все живое, смертельно заболев, уходят от себе подобных, чтобы вернуться потом к ним совершенно здоровыми или бесследно исчезнуть... Не зря я поступил так. Там, у моря, я, может быть, не привел бы себя в форму, — поставил точку в своем «большом» рассказе Сартов.

Утром я проснулся чуть свет. Синие окна, празднично просвечиваемые луной, играли морозным серебром. Я лежал на диване лицом к окну и хорошо видел эту тончайшую красоту перед собой, совсем не помня таких обмерзших окон в своей городской квартире, где мороз не расписывал их чудо-узором, потому что между рамами намеренно что-то бросали — соль или еще что, и они были всегда прозрачными — зимой и летом.

Вдруг мой взгляд скользнул в полумраке по стене и, напрягшись, уперся в портрет красивой женщины: уж не она ли жена Сартова, о которой он говорил мне вчера? Та, что бросила его, когда он заболел. И тут же подумал, что, скорее всего, на стене висит репродукция из какого-то журнала. Моряки, они и в дом несут стиль корабельной жизни, вечную тоску по женщине. Хотел встать, зажечь свет и так, лежа, пободрствовать, рассматривая портрет. Но вставать расхотелось — часы показывали совсем еще раннее время.

Я лежал тихо, перебирая в подробностях день своего приезда. Один, всего один день и еще ночь, в сущности, не более двадцати четырех часов я был здесь, а казалось, что живу уже давно — так был насыщен этот маленький промежуток времени услышанным и увиденным...

«Сегодня я начну свой день с того, что обойду на лыжах листовенную рощу. Мудрые преступники часто не прячут далеко следы содеянного ими и выходят сухими из воды. Близко — значит далеко, думают они. Вот тут мы и пойщем Безносова».

Дверь снаружи скрипнула, в дом бесшумно вошел Сартов. Он, видимо, давно не спал. Ходил небось проведывать собачек.

В комнату пальнуло острым холодом. Точно он внес ворох перемороженного после стирки белья.

Я затаился, как ребенок, которому не велено родителями так рано вставать. Мне захотелось подсмотреть за Сартовым. Я снова, который уж раз, прокручивал в голове рассказанную им сегодня ночью «больную историю». И думал, что история эта, добавив в мое сердце симпатии к Сартову, теперь будет сильно мешать мне. А этого я боялся больше всего, так

как знал силу коварного обаяния многих плохих людей. И даже очень плохих...

— Не спите? — неожиданно спросил Сартов.

— Нет, не сплю.

— Ну и хорошо, а то мне стало вдруг скучно без вас... Когда я один, тогда один на все сто процентов. Не на ком тогда замыкаться, не на кого надеяться. А когда кто-то есть рядом и в то же время вроде бы никого нет, как-то не по себе делается. Хочется кричать изо всех сил: «Ау, ну где ж вы?!»

Сартов приветливо, с мягкой, доброжелательной интонацией сообщал, что уже затопил печь, что, возможно, сегодня еще не запуржит — поземка чуть-чуть только ворохается, — и пригласил меня на речку, принимать утренние ванны.

— Вернемся — завтракать будем.

— Это те самые ванны, о которых вы вчера рассказывали?

— Так точно!

— Любопытно! — вскочил я с постели, стараясь напугать его своей готовностью.

Дичь, сушую дичь нес вчера вечером Сартов, после того как рассказывал мне грустную историю своей жизни, о своих зимних купаниях, которыми он якобы лечил себя от нервных потрясений, а сейчас, когда стал абсолютно здоровым, лечит ими другие подступающие хвори. Но вчера он не грозился продемонстрировать эти свои купания, а сегодня вдруг отчего-то захотел.

Я принялся торопливо одеваться, полагая, что Сартов сейчас что-нибудь придумает и мы не пойдем ни на какие купания. Потому что никаких таких купаний, если он еще нормальный человек, у него никогда не было и быть не могло.

Но Сартов вел себя спокойно, принося мне в комнату теплые вещи.

— Утренний мороз что гильотина... Вот меховые штаны — верхние и нижние, обе кухлянки, — говорил он размеренно, заботливо. — Торбаса возьмите в рундуке, лучше низкие, в них легче бежать. А я сегодня одеваюсь во все матерчатое: ватные унты с галошами, трико, свитер, вязаная шапочка. Потом, как только я поднимусь из воды, сразу дошку с капюшоном на меня накиньте.

Он меня злил своим более чем спокойным раскладом предстоящих событий, видимо надеясь, что я начну в конце концов отговаривать его и на этом все кончится — фокуса не будет. Но я спокойно — было мне у кого учиться играть — выполнял его команды.

Мы уже пробежали довольно много, а я все еще верил своим предчувствиям, что Сартов вот сейчас развернется — и мы преспокойненько возвратимся домой. Но впереди показалось просторное озеро в розовой дымке. Оно играло бьющими в нем ключами, похоже было, что вода в нем кипит. Я сунул руку, поверив, что так оно и есть, и сразу же отдернул ее: вода в озере была ледяной.

— Что, не сильно горячая? — спросил с торжественной иронией Сартов и в одежде решительно вошел в воду, осторожно ступая по чистому галечному дну.

Изумленный, я вытаращил на него глаза, веря и не веря тому, что видел.

В том месте, где вода дошла ему до колен, он присел на корточки, еще и еще раз сделал так и, нащупав дно руками, стал укладываться, постепенно погружая тело; вытянулся, сложив руки по швам, и возлежал так, весь под водой, застыв точно мумия, пузыри только булькали над ним и вздувалась одежда, выпуская их. Раза два или три он высовывал голову, чтобы хватить воздуха, и опять погружался. Потом перевернулся на живот, полежал так, уткнувшись головой в руки, и снова лег на спину. Минут пять проделывал он эти манипуляции, как будто пеленал себя аккуратно, с тщанием, во что-то невидимое. Встал медленно, почти бесшумно, во весь рост, вода стекала с него ручьями и почему-то почти не журчала. Скорее, я не слышал этого от волнения. Он снял с головы шапку, молча выжал, вытер ею лицо и пошел на берег, дымясь как затушенный факел. Я был на страже, быстро накинул на плечи ему дошку, на голову капюшон, и мы побежали с удвоенной скоростью.

— Вы сумасшедший, сумасшедший... — без конца повторял я, едва поспевая за ним.

За столом, когда мы завтракали, Сартов, переодетый в спортивный костюм, сидел с малиновым, как брусничный морс, лицом и величественно, с аппетитом, молча ел, видимо ожидая от меня каких-то торжественных речей, похвал: но я все сказал ему, когда мы бежали домой, и сейчас не выражал никакого восторга.

Тогда он заговорил сам:

— А для меня эти купания — панацея от всех бед. От всех решительно. И от душевной хандры тоже. Вы ведь просто не представляете, как я сейчас себя чувствую. Я чувствую себя так, будто в моей груди бьется сердце двадцатилетнего юноши. Нет, вам этого никогда не понять! Хотя, вижу, и вы хотели бы себя попробовать.

— Никогда! — возразил я, не в силах даже представить себе, как бы я смог лежать в ледяной воде в пятидесятиградусный мороз. И только от дум об этом ощутил мурашки в мозгу.

— Берусь обучить, — не унимался Сартов.

— Нет, Дмитрий Дмитриевич, учеников у вас по этой части никогда не будет. Глупости не нуждаются в последователях. И если я видел ваши эксперименты, то считайте, что я их вовсе не видел. Всем буду говорить: зимние купания Сартова — ерунда, вздор, придуманный им...

— Спасибо! — огорчился он, почти как ребенок, и жестко добавил: — Сплетни обо мне распускать, конечно, легче, чем говорить правду... Можете после завтрака отдохнуть. Говорят, очень полезно полежать минут двадцать на спине с полным желудком.

— Нет уж, долг прежде всего, — отвечал я и принялся мыть посуду.

Мы все время будто поджаривали друг друга на огненной сковороде сарказма: то он меня, то я его.

Перебив посуду и поставив сушить на печку, я сказал Сартову, не имея больше желания пикироваться с ним, что хотел бы пробежаться сегодня на лыжах вдоль его детища — лиственной рощи. Мысль эта не расставалась со мной, как осенила с утра.

Сартов в это время спустился в подполье за картошкой. Услышав мои слова, высунулся:

— Вы все-таки продолжаете играть в Мегрэ. Ну давайте. Давайте! Лыжи в тамбуре. Как выйдете в сени, повернете сразу налево. Там их пар пять, выбирайте любые.

— Теперь вы только в такой роли и будете видеть меня, — как бы обиделся я. — А я всего лишь на природу хочу посмотреть. Может, пару-тройку песцов подстрелю жене на шапку и воротник. Нынче песец в моде. И тьякали они тут, между прочим, всю ночь...

Сартов молниеносно выскочил из подполья и громко поставил чашку с картошкой на пол, отчего верхние клубни с мягким стуком раскатились по полу.

— А лицензия, пардон, у вас имеется?

— Лицензия? А зачем она тут?..

— Вот как! — Сартов закрыл подполье, поставил чашку с картошкой на стол, подобрал рассыпавшуюся. И, будто эти движения зарядили его злостью, принялся шпынять меня: — Тут вам не барские просторы, не ничейная земля, а заповедная зона. Ясно? И ни я, ни кто другой, да будет вам известно, у нас здесь не охотится без лицензий.

— А это что, пардон? — показал я на медвежью шкуру у его кровати. Она была с головой, когтистыми лапами, как будто лежал живой зверь, только тяжелобольной, не в силах подняться и защитить себя. — По-вашему, это дружба с природой? Да? Новый миропорядок...

Я сам не понимал себя: злюсь я на Сартова или же разыгрываю его. Растерявшись от такого моего натиска, Сартов смутился:

— Да нет же, никакой это, безусловно, не новый миропорядок. Это — моя трусость в законсервированном виде. Как бы ее тень... Муляж...

— Простите, не совсем понимаю вас! — давил я на него.

Сартов стоял ко мне спиной, чистил картошку, роняя очистки на постеленную на пол газету. И я видел, как он нервничает.

— Чего тут не понимать? Это был медведь-шатун. Понимаете теперь? А может, и не шатун, — опроверг он сразу же себя. — Какие же шатуны осенью! Может, пришел любопытствовать, зачем я здесь, в его владениях, что делаю? Неужто не понимаю, что хозяин здесь он... Я сам не свой был от первой встречи с медведем. Случались пострашнее моменты в моей жизни — не трусил, а тут взял ружье и трусил. — Сартов вздохнул. — Упаси боже с трусом встречаться! Все трусы жестоки...

— Это вы верно заметили, — сказал я, не пряча уже своей неприязни к нему. — Трус — любому делу враг, он живет с уродливыми идеалами. Да скорее у него их и совсем нет. — Я говорил это, целясь в Сартова, как бы обвиняя его. Мне показалось, что мое намерение совершить прогулку к рощице не на шутку встревожило его, хоть он и укреплял сегодня свою нервную систему ледяной ванной.

Но Сартов как будто не слышал меня, продолжал назидательно:

— Человеку надо бояться проявления в нем самодовольного чувства, что он властелин, владыка и повелитель. То, что человек выше всех живущих на земле, — это ведь еще не закон природы, а всего-навсего обстоятельство, считают ученые...

— Теперь вы, стало быть, не стреляете больше бедных зверей, а разво-

дите, стали ангелом-хранителем экологического баланса в природе. — пере-
был я его. — Но так бывает разве что в книгах бесталанных писателей. Толь-
ко они наивно полагают, что жестокость, если с ней поработать хорошему
учителю, может стать добродетелью. В жизни, к сожалению, так почти не
случается. Жестокость дается человеку без возможного вычета с годами.
И добродетель, и порок — кому что дано — со старостью в нем молодеют и
одинаково набираются сил. Наше дело уметь защитить себя и природу от
жестокости... — Я хотел сказать: значит, и от вас, Сартов, но вовремя одер-
нул себя.

— За факт делового патриотизма свои поступки я не выдаю, — гово-
рил уже спокойно Сартов. — Просто делаю так, как душе мило. Разве плохо,
что человек однажды спохватывается и понимает, что делал нехорошо, и
больше так делать не хочет. Я берусь утверждать, что добродетели в чело-
веке всегда больше. И считаю, что думать, будто окружающая нас природа
ничейная, — в смысле ничего не стоит, — безнравственно. Вот с чем надо бо-
роться. Подумаешь, какая-нибудь безделушка, сделанная руками человека,
так дорого ценится, а природа — начало всех начал — ничего, ни одного
гроша. Это от плохого нашего воспитания, а не от рождения. — Сартов
помолчал. — Еще я хочу сказать, что я совсем не опровергаю того, о чем вы
говорите. И вы, полагаю я, не опровергаете меня. Мы говорим об одном и
том же, — он улыбнулся, — только будто стоим на разных берегах реки и
старемся перекричать шум ее, а не услышать друг друга.

В отличие от меня Сартов меньше страдал ущемленным самолюбием и
не выказывал так, как я, свое превосходство духа. Я распалялся в споре с
ним до невозможности, желая победы во что бы то ни стало. Бывал от этого
мелочен, невожатан. Но только на бикфордовом шнуре оставался послед-
ний сантиметр, как он — перед самым взрывом — обезвреживал его каким-
то неожиданным поворотом, и мысль, державшая меня в плену, ослаб-
лялась, разговор терял заядлую нервную остроту.

— Вам понравилась моя роща? — спросил он после нашей перепалки и
улыбнулся: — Ну и сходите, раз вам охота, туда. Сходите! Двадцать лет я
уже выращиваю ее. В одной занимательной книжке прочел, что листвен-
ничное дерево если даже пролежит в воде двести лет, то не только не
сгниет, а еще тверже станет. Четырнадцать веков на таких лиственничных
сваях стоят дворцы и дома Венеции. И мне захотелось вырастить такой
«железный» лес рядом с собой. Свозил по деревцу с разных концов тундры,
где не климат им был, саженцами, семенами высаживал, и вот — роща. А ду-
раком ведь обзывали. В лесу лес садит, говорили. Я мастерю все почти
только из одной лиственницы, редко из березы; она тут очень медленно
растет — тянется вверх, а в толщину не идет. Есть в лиственнице благо-
родная тяжесть редких металлов. Идите, раз захотелось. В ложбине за пер-
вым лесом шикша растет, самая поздняя на Севере ягода. Там сейчас куро-
паток пропасть. Постреляйте...

Я взял мелкокалиберную винтовку, поданную мне Сартовым, задумчи-
во, жестом знатока взвесил в руке тяжеленький коробок с патронами, сыпа-
нул в карман легкой меховой куртки. Выбрал широкие охотничьи лыжи,
подбитые камусом, пошел на улицу.

— Возьмите Антипку! — выскочил вслед за мной на крыльцо Сартов. —
Он страсть как любит охотиться на дичь.

— Не надо, — отмахнулся я, вставая на лыжи. — Я не на уток иду, сам подберу.

— Как хотите... А я люблю с собакой. Удобно. — И прикрикнул на Антипку, который увязался было уже за мной, вернул назад.

Оглушительно-пугающая тишина стояла в тундре. Я сдвинул шапку, слегка оголив уши, полагая, что это она закупорила их, отделила меня от мира звуков. Но стало еще тише: не было слышно даже движения лыж по снегу...

В одном месте я наткнулся на свежий медвежий след, так показалось мне; непрошенный страх обжег, как будто надорвал что-то внутри меня. Я содрогнулся, идти дальше не захотелось, поэтому поторопился выйти из леса. И скоро оказался недалеко от ложбинки, о которой говорил мне Сартов.

Снег по ложбинке как-то странно передвигался, точно ветер скатывал его в комки. Я пригляделся, чтобы понять, отчего это. И удивился: двигались куропатки. Мое появление и постепенное приближение к ним несколько не напугало птиц. Не обращая на меня никакого внимания, они глубоко зарывались в снег и точно растворялись в нем, потом вдруг, топорща крылья, выныривали и снова исчезали. Они так доставали шикшу из-под глубокого снега. И прямо глупели, теряли всякую разумную осторожность. Я ощутил вдруг в себе какое-то бездумное волнение, почти автоматически вскинул винтовку, прицелился, как бывало в тире, и нажал на спусковой крючок, хотя твердо решил не стрелять в беззащитных птиц. Куропатка, что была метрах в десяти от меня, распустила крылья и затрепыхалась, прожгла снег несколькими каплями крови. Я снова вскинул оружие. Куропатки не улетали. Напротив, они стремительно подбегали к мертвым, завидев кровь, и склевывали ее, видимо принимая за шикшу.

«Какая мерзкая охота...» — хотел я закинуть ружье за плечо, но уже снова целился и слышал выстрел.

Глупую мою страсть погасил Антипка. Он услышал первые выстрелы и прибежал, изрядно перепугав меня своим появлением. При виде собаки куропатки стаяй вспорхнули и тут же куда-то исчезли, словно испарились в белесом воздухе.

С нежной благодарностью и чувством пристыженности я погладил пса по загривку, сунул в ягдташную петлю десять уже застывших на холоде куропаток и повернул к дому.

«Что же со мной случилось? Таким азартным охотником оказался, — думал я, тревожась за себя. — Значит, при случае и я могу быть браконьером номер один. Замараться кровью... Это от меня, выходит, не зависит. Азарт — неуправляемая сила, так, что ли?»

Антипка то и дело забегал вперед, останавливался — поджидал и смотрел желто светящимися глазами мне в лицо. Подобие насмешливой улыбки уловил я на его морде, точно он о чем-то знал больше, чем я, и понимал, отчего, почему такое есть в людях.

— Глупый ты пес! Глупый! — сказал я нарочито громко Антипке. — А изображаешь из себя всезнайку, мыслителя...

— Никак с трофеем вас! — приветствовал меня хозяин, когда я вошел в дом.

— Есть кое-что, — отвечал я скромно, но с достоинством охотника, не-

встать откуда проснувшегося во мне. И выставил напоказ ягдташную петлю.

Сартов воззрился на трофей.

— Глупая, беззащитная птица! Всем охота на ней отыгаться, показать себя. Точно так и фазанов мы перевели. А раньше они паслись у животноводческих ферм в каждой деревне... — Он намеревался сказать что-то еще более обидное, но, схватив взглядом растерянное выражение моего лица, остановился.

— А метель все-таки будет, вы правы, — сказал я, предупреждая назревающее неловкое молчание. — Поземка уж так заворачивает...

— Считайте, что метель началась уже, — сказал ворчливо Сартов и ушел в свою комнату, чем-то озабоченный и немного печальный.

Я вышел в сени, чтобы переодеться, и долго сидел на лавке, расслабившись, пытаясь ни о чем не думать. Потом вдруг почему-то вспомнил заведующего отделом районки Мелентьева, как он настоятельно отправлял меня в командировку сюда, пламенно зажигая сногшибательной темой. Мелентьев в каком-то фельетоне цеплял Сартова, назвав его Арай Гуми и ясным князем. Сартов, когда представлялся вчера мне, цитировал из этого фельетона банальные фразы. Мелентьев любил изобличать. И на летучках всегда сетовал, что жизнь полна неприятностей, мешающих всем нам строить светлое будущее, а газета задыхается от недостатка острых материалов.

И вот я по его заданию приехал за острым материалом...

Обеспокоенный моим затянувшимся отсутствием, Сартов, открыв дверь, выглянул:

— Вы что вдруг уединились, обиделись на что-нибудь? Давайте-ка в дом!

— Казню вот себя за учиненный разбой на природе, — ответил я с сарказмом и показал на куропаток: — Куда теперь их, несчастных?

Хотелось мне, очень хотелось сказать ему мягкие, добрые слова, но желание петушиться, вредничать опять взяло верх, словно кто неведомый подстрекал меня на это.

— Господи, нашли чем казнить! — Сартов поднял с полу птиц. — На то они и летают здесь. На что ж еще? Сейчас мы такое жаркое из них сделаем. Пальчики оближете. Чур, берусь приготовить. А вы давайте дровишек притащите.

Я принес дров и пошел к себе в комнату, угрызаясь тем, что Сартов только сделал вид, что не заметил моей задиристости.

Близко подошел к портрету — он целый день сегодня не давал мне покоя — и принялся внимательно разглядывать. Портрет помещался в строгой рамке: по живому дереву были пущены две тонкие полоски сусального золота — и никаких больше украшений. Эта строгость только подчеркивала острую красоту женщины на фотографии.

— А я совсем не такое слышал о вашей жене, — сказал я, не зная зачем, глядя на милую женщину с приятно обнаженными плечами и цепким омутным взглядом. В ней было что-то такое, что волновало сердце.

— Это вам, наверное, рассказывали о другой моей жене, — ответил Сартов, хотя мог послать меня ко всем чертям и даже дальше со всеми моими вопросами.

— Так у нас, выходит, две жены? — нелепо уточнил я.

— Скорее всего, теперь ни одной, — ответил он, усмехнувшись. Хотя, если любишь, считай — жена есть...

Я промолчал.

— Да, так бывает, — продолжал Сартов, словно я ему возражал. — Женщина, которую вы разглядываете на фотографии, — та самая вторая моя жена, которой я шкурки соболей сплавляю на Рижское взморье. Такое ведь вы слышали?

Он все знал. И я отразил его «шрапнель» изречением позднее:

— Совсем еще молодая женщина, почти что девочка сфотографирована тут. Лет девятнадцать, поди, ей. Комсомолка небось еще... А вам ведь уже и пятьдесят есть, наверное. Опасная игра, скажу я вам, Дмитрий Дмитриевич. И такие игры чаще всего заканчиваются крупным проигрышем. Примерно — на разницу лет.

— В чем проигрышем? — не понял меня Сартов.

— На количество разницы лет обретаєте себе страдания.

— А-а! Тут вы правы, — не возразил, не смутился он, а скорее обрадовался. — Еще как правы! Эти страдания у меня уже начались. Но теперь я знаю, что такое настоящая любовь, а не похоть, не физиологическое желание женщины.

— А она знает? — спросил я, выйдя на кухню с портретом в руках.

Сартов пожал плечами, он был шокирован бессовестным вопросом, а больше — моей бестактностью, что я снял со стены портрет. Но я уже завелся:

— Вы вчера ратовали за прямолинейность, за грубую правду: о чем думаю, то и ворочу. Позвольте и мне так?

— Да, конечно, — разрешил он. — Только так мы бываем способны уладить свои отношения. Говорите, что ж...

— В этой броской красоте, — говорил я о портрете, — кроется всеядность донжуаниты, есть такой тип бесстыдных и капризных женщин. Если такая даже полюбит, то все равно станет искать другой любви, ждать других золотых слов и чувств. Такие женщины выше всего ставят вождения свободной любви... — Я знал, что говорю несправедливо, жестоко, несу вздор. Совсем не эти чувства вызывал во мне портрет. Но удержаться уже не мог: — Такие красотишки хоть и выходят замуж, но всегда остаются «замужними холостячками», потому что так устроены. У них сто чувств на дню, сто предательств. И никогда никакого раскаяния, никакой душевной боли, но сами они, не понимая того, несут боль другим.

Я посмотрел торжественно на Сартова: можно еще?

Он кивнул. И я продолжил свои «нравственные» замечания:

— Они, такие, остры на язычок, любят веселье и шутки. И всегда у них томно-печальный, испытывающий взгляд, как будто говорит: я никому недоступна, а ты, ты — бери меня себе, пожалуйста. Я — твоя... «Роковые» эти женщины никого не могут сделать счастливым. И не бывают из-за своего непостоянства счастливыми сами. В конце концов они становятся несносными истеричками...

— Не опровергаю вас! Не опровергаю! — заговорил Сартов, несколько не обидевшись, как мне показалось, на беспардонную характеристику незнакомой мне женщины. — Я сам знал, что она не идеальная. И захотел

помочь. Точнее будет сказать, и ей и себе. А дальше вы все сказали: такой женщине, может быть, и в самом деле помочь нельзя. Но любить можно самого плохого человека за то, чего никто, кроме тебя, не видит в нем, и не любить самого хорошего. Сердцу не прикажешь. Но я готов удивить вас еще больше. — Он принес из комнаты и подал мне листок объявлений бюро знакомств. — Его оставили у меня работавшие здесь ихтиологи из Риги. Они желали посмотреть на красотку, поместившую вот это объявление, и все время хихикали над ней. А мне вдруг стало страшно жаль ее. Захотелось помочь благополучно выпутаться из этой истории, согреть, утешить.

Я пробежал по строчкам объявления и, догадавшись, зачем Сартов дал мне его, боялся теперь поднять глаза — так мне стало неловко и за женщину, написавшую такое, и за его порыв благородства.

«...ищу отзывчивого, нежного друга, который смог бы стать добрым мужем и отцом будущему ребенку, который скоро появится на свет. На письмо отвечу. Пошлю фотографию», — взывала со страниц печатного органа к добродетели двадцатитрехлетняя искательница брачных уз.

— Да, вы правильно догадались, я написал ей, — заговорил спокойно Сартов. — Да, попросил фотографию. Мне захотелось осуществить желание тех парней ихтиологов увидеть ее, — ухмыльнулся он. — И впервые за пятнадцать лет безвылазной работы в тундре, оставив на произвол судьбы метеостанцию, я сорвался и как сумасшедший поехал за ней в курортный город Юрмалу...

Сартов просиял:

— Как же она тогда обрадовалась моему приезду! С ней не хотели знаться родители, она жила у подруг. С первого дня она повела себя так, точно я был ее мужем и встретились мы после долгой разлуки. Сразу попросила немедленно увезти ее к себе. И я воспринял ее как свою жену, не став ни о чем расспрашивать. Мне совсем было не интересно знать что-либо о ней.

Слушая Сартова, я все больше удивлялся его поступку. Не понимал, зачем он так подробно рассказывает мне об этом? Это же бог знает что... Хотел сказать ему что-нибудь резкое, чтобы смутить наконец. Но он продолжал, не щадя себя, не боясь моего суда. Он не видел, не находил ничего оскорбительного для своего достоинства в этих признаниях и был, безусловно, прав. Но я этого еще не понимал тогда, как не понимал и того, что благородство никогда не может быть унижительным, что протянуть руку помощи никому не стыдно. А тем более — женщине.

— Родила она здесь, без врача, — слушал я дальше. — Вертолет не смог прилететь из-за непогоды. И сам я принимал роды. И, знаете, справился с этим великолепно. Родился мальчик. И какой — четыре килограмма. Каждый день меня и мать ребенка приглашали по рации «на прием к врачу», а когда установилась погода, ни малышу, ни роженице не потребовалось ехать в больницу. Тогда этих хором не было еще, мы жили в маленькой, тесной хатенке, можно сказать, сараюшке, сейчас там у меня баня. Буквально за несколько месяцев построил я этот дом, работая с утра до ночи. Добрых три года ни мальчик, ни мать ни разу не болели и не покидали тундры. Их очень любили приезжавшие ко мне эвены.

Мальчик походил на меня. Все и считали, что это мой ребенок. И у меня не было ощущения, что он не мой. Я зарегистрировался с ней, записал сына

в свой паспорт. Она захотела назвать его моим именем — «Димчик» звали его, «Дим Димчик», а он меня «папалькой» и всегда смеялся, чертенок, хитро шурил глазки, когда так говорил. Она называла меня «папой» или «папочкой» и никогда по имени, а мне все хотелось услышать из ее уст свое имя в какой-нибудь ласкательной форме... Это только и омрачало наши отношения... Она словно все время боялась во мне чужого, чувствовал я...

В остальном же, как бы то ни было, мы жили очень хорошо. Она быстро выучилась всему: и собак запрягать, и шкуры выделывать, и упряжь шить, и вкусно готовить, и даже охотиться. Такая отчаянная во всем была...

Три года я был счастлив. Целых три года. А счастье, говорят, должно длиться всего миг. — Сартов остановился, волнуясь от воспоминаний. — Вот и перебрал я его, своего счастья, наперед. Что-то в нашей жизни было негладко, нехорошо, а я этого не замечал. Застила мне любовь глаза. Возвращаюсь однажды после трехдневной поездки к оленеводам и не застаю ее дома. Улетела. На видном месте чистого стола записка, ничего не объясняющая: «Папочка, прости! Я всегда была и останусь набитой дурой! Прости и не люби меня! Я!» Сплошные восклицательные знаки...

— Это за все то, что вы сделали для нее! — не сдержал я своего возмущения.

— Невероятно глупая и сентиментальная история... — непонятно, то ли заключил свою исповедь, то ли спросил меня Сартов, не отреагировав на мои эмоции. И тут же, после краткой паузы, разъяснил как бы: — Так у каждого ж свои глупости.

Я не знал, что ему отвечать. Любой мой ответ был бы без пользы. У него обо всем свое понятие, собственное мнение.

Сартов помолчал немного вместе со мной и продолжал уже спокойнее, точно отдохнул от стремительной стометровки:

— Женщины, когда беременны, как бы смущаются своего положения, особенно безмужние. А уж когда ребенок у них на руках — горды, никакого ощущения греха тогда на душе у них. И уж также неважно им тогда, кто отец ребенка, есть ли он, как важно это было до рождения его. На мать с ребенком никто не укажет пальцем, не унизит... — Сартов застеснялся таких своих познаний и сказал еще: — Она тут ни при чем. Я ее не виню. Просто случилось так, что у нее своя родина, а у меня — своя. Не прижилась она здесь. А мне там противопоказано... Сначала я твердо верил, что однажды она вернется, и хотел написать ей, почему не могу поехать в Юрмалу, — я ей никогда не рассказывал свою историю. Теперь твердо знаю: не вернется она, и не хочу ничего писать. Нет, совсем не от обиды, не думайте... Не назначен я ей. Чуждо и неприятно ей все мое... Скучный я для нее человек...

«Несносный мудрец!» — подумал я. И спросил совсем ненужное мне, как на допросе:

— Как звали-то ее? Чем-нибудь полезным она занималась хоть в жизни?

— Звали Катей, — ответил безропотно Сартов: его не смущали моя назойливость, мой допросный тон. — Работала официанткой.

— Катей?! — переспросил я, устыдившись своего тона. — Красное имя! И вы за три года, как это случилось, ни разу не съездили к ней?

— Зачем?! Она совсем не нуждается в этом.

— Вы так считаете? А может, нуждается...

Он помотал головой:

— Я знаю...

— А вы? Вы разве не нуждаетесь?!

— Ну чего вы взялись наступать на меня, как фехтовальщик, смотрите не уколитесь! — оборонился он, видимо не желая дальше пускать меня в свой мир. Принялся что-то искать, а затем торопливо вышел из дома.

В окно я видел, как он смотрел на приборы, записывал что-то в журнал. Потом подошел к собакам, похлопал в ладоши, и они сразу окружили его, вскакивали, ставя лапы ему на грудь; Сартов носился по двору, баловался с ними. Потом, запыхавшись, он поднял обе руки, и собаки послушно разошлись по своим местам. Только три совсем маленьких щенка продолжали крутиться у его ног. Один старательно мочился на торбаса. Сартов дождался, когда он сделает свое дело, ловко подхватил щенков в обе руки и запихнул под завалинку.

Войдя в дом, он с разгону вернулся к теме нашего разговора, точно там, во дворе, додумывал его. И откровенно сказал мне, что любит Катю, и попросил больше не говорить о ней плохо... И отрезал, точно не сам вызвал меня на откровенность:

— Судачить о женщинах, говорить о них гадости должно быть неприлично мужчинам. Пусть они сами себя судят...

Я не пикнул. Умел он так неожиданно разворачиваться на все сто румбов и резко менять курс. И от этого часто проигрывал в моих глазах, хотя предполагал к себе все больше и больше.

К полудню было ясно — метель набирала силу: небо из белесо-голубого становилось каким-то серо-бурым с едва приметной желтизной от неизвестно где спрятавшегося солнца. Снежные султанчики, точно привидения, перемещались по белому насту, и странно: в тундре, где не было никаких препятствий ветру, слышались жалобные его завывания.

Прячась от метели, совсем рано вернулись к лесу вороны и сороки. Молча зябли они на черных лиственницах, иногда перелетая с места на место. Сартов бросил им мелко нарубленной рыбы: воронам в одном месте, сорокам — в другом, как будто у них были свои столы.

Раскидав корм собакам, он вытащил из лаза нарту, прикрепил к ней потяг, а к потягу — алыки. Аккуратно уложил упряжь на нарту и тихонько двинул ее ногой на место. Я, наблюдая за ним в окно, вознамерился было спросить, зачем он это сделал, но посчитал, что лучше промолчать. И подумал: это, безусловно, подготовка к чему-то. Обрадовался, что не совсем еще отрекся от своих разоблачительных планов.

Сартов то возвращался в дом, то снова выходил, ни о чем не разговаривал со мной. Наконец войдя в кухню уже в одежде по-домашнему, он спросил меня, как бы желая приобщить к делу:

— Как у вас со слухом, скажите?

— Да не жалуюсь пока.

— Тогда прислушивайтесь. Возможно, вертолет сегодня прилетит...

Он говорил загадками. Сам же жаловался, что в малейшую непогоду вертолета сюда не дождешься.

Я стал у плиты, доглядывая жаркое, и ждал, что он еще скажет, чем объяснит все происходящее. Сартов накрывал на стол. Неожиданно, словно

в насмешку или желая помешать мне замкнуться на том, что я видел и слышал, он спросил:

— Вы что-нибудь знаете о сбалансированном питании?

— Так, кое-что. Меня это никогда не интересовало: я абсолютно здоровый человек.

— Я серьезно,— сказал Сартов.— Вот вам урок, чтобы не стать больным: никогда не ешьте сыр с хлебом, а мясо — с картошкой. Орехи — с медом. И никогда соленья не употребляйте.

— Учту,— не желал я втягиваться в неинтересный разговор.

За ужином мы раз за разом подхваливали друг друга. Я Сартова за великолепно приготовленное жаркое, он меня за ловко убитую дичь. Ни одной свинцовой пульки он не обнаружил во время разделки птицы.

— Выходит, они умирали от инфаркта при виде вас,— съехидничал неожиданно Сартов.— А я вот еще живу...

«Что это с ним?»

Не успел я так подумать, как Сартов пальнул в меня:

— И когда же вы, товарищ корреспондент, начнете меня спрашивать, где, когда и при каких обстоятельствах я убил Безносова, предумышленно или в состоянии аффекта, станете брать меня с поличным? Или решили помиловать?

— Я об этом не стану вас спрашивать,— ответил я, держась достойно, не переставая жевать, хотя тон Сартова и резанул меня.— Я к этому приду путем логического умозаключения, как ваш Шейнин.

— Для таких умозаключений у вас уже достаточно наблюдений, надо полагать...

— Ну не совсем пока достаточно, но кое-что, безусловно, есть...

— Так даже... Там, в лесу, нашли, когда за куропатками ходили?

— Там, в лесу, я нашел медвежьи следы и...

— И логически домыслили: медведь вылез из берлоги затем, чтобы насытиться убитым Безносовым, зарытым рядом с ним.

— Вы опережаете события, Сартов,— отвечал я ему с его же иронией, беря у него из рук чайник.— Не торопитесь саморазоблачаться. Может, я еще не нападу на следы вашего ужасного преступления. А вы уже и ручки кверху! Медведь же съел Безносова.

Сартов добродушно рассмеялся.

— Ну, Шейнин! Вы мне все больше и больше нравитесь. Возьму вот и расколуюсь перед вами.

— Вот этого только не делайте, умоляю вас. А то я презирать себя стану за столь легкую победу в таком нелегком деле.

— Ну, не буду, не буду,— не дал договорить мне Сартов, видимо устав от нашей перепалки. И сунул мне в руку, как в день приезда, елец. Опять намеренно резко потянул рогатую косточку на себя — и проиграл.— Мой черед мыть посуду, а то я все готовлю и готовлю! — воскликнул он простодушно, признавая проигрыш.— А вы по такому случаю давайте-ка баньки. Сегодня, возможно, будет дурная ночь. Очень дурная. И кой-что перепадет вам из фактов об ужасном преступлении.

— О чем это вы? — сразу вспомнил я его приготовления.

— О дурном,— ответил он.

Я дошел к себе в комнату, ни о чем больше не спрашивая его, не раз-

дсаясь лег. И, положив руки под голову, глядел на портрет. Но услышанное только что от Сартова не мешало мне видеть пленительную красоту Кати.

Почему же она уехала от него, думал я. Может, она оставила его за несносный характер. Ведь то благородство, на которое он пошел, — всего лишь поступок. А характер — совсем другое.

За окном набирала и набирала силу метель, слышались громкие ее стоны. Спотыкаясь о пазы и захоронки дома, она забиралась под ставни, скреблась по стеклу, словно просилась погреться, или вдруг устрашающе ухала в печную трубу, отчего ярко вспыхивало поддувало, роняя мелкие угольки.

Я спал как убитый. И, проснувшись, не знал, была ли прошедшая ночь дурной, как предрекал Сартов, или нет. Глянул на стену, где висел портрет. Его не было... Значит, не приснился мне ночью намыленный Сартов и наш с ним странный разговор.

Из кухни тянуло жареной олениной и еще чем-то очень вкусным. Плита шипела. Видимо, на ней, обливаясь, кипел чайник, а Сартов, чем-то увлеченный, не видел и не слышал.

Мне стало неловко, что он опять проснулся раньше меня и весь уже в работе, хотя лег позже и наверняка не выспался. Я быстренько встал, преодолев желание еще понежиться — в постели было так тепло и уютно, и, торопливо направляясь к умывальнику, поприветствовал Сартова, осведомился, была ли все-таки ночь «дурной».

— Нет, все обошлось, — ответил он с охотой. — Не прилетали! Я не взял в голову того факта, что вы же у меня. Побоялись, наверное.

— Почему побоялись и кто?

— Они, — ответил Сартов.

— Кто — они? Вы говорите какими-то загадками, — разозлился я. — Ждете, что ли, летающую тарелочку? Но я же плечо в плечо живу с вами и... По крайней мере, должен знать, что вокруг происходит.

Мне кажется, я чего-то боялся, когда так вот вспылел. Наверное, таинственных этих приготовлений Сартова.

Сартов буквально ошетинился, услышав от меня эти слова.

— Вы мне не чужой! — воскликнул он, и лицо его стало необычно сурово. Я еще не знал его таким. И, сникнув вдруг, он добавил еле слышно: — Вы разоблачать меня приехали, вот и разоблачайте на здоровье. И в душу ко мне не лезьте...

«Ну, началось утречко, нечего сказать», — не понимал я причины такого гнева Сартова.

— Прошу прощения, если испортил вам настроение, — произнес я.

— Не прощаю. Эти ваши хитрости: просите прощения, а сами себе на уме... Стыда у вас нет!

Я продолжал стоять у умывальника, лицо мое давно обсохло, и в замешательстве бренчал соском — выпускал в таз воду. «За что он меня так?»

Но Сартов, вспылыв, звал уже к примирению:

— Одевайтесь — и к столу! Завтрак готов. Вам что положить: жаркое или оленины?

Ничего не хотелось после всего сказанного, и я ответил, что вчера хорошо поужинал и попою только чаю.

— Ну как знаете,— не стал уговаривать Сартов.— А я сейчас сбегая на свою купальню. Что-то я сегодня не совсем в форме.— Глаза его смотрели невесело и растерянно: он был явно нездоров и как бы извинялся передо мной.

Когда Сартов ушел, я засек для интереса время. Было пятнадцать минут девятого. Где-то через шестнадцать минут он возвращался. Я видел в окно, как легконого он бежал к дому, залепленный сплошь белым инеем, точно вывалянный в пуху. Легкий пар исходил от него. «Значит, пять минут он пребывал в ледяной купели, двенадцать бежал туда и обратно»,— высчитывал зачем-то я, ловя себя на том, что начинаю испытывать к Сартову какой-то другой интерес, похожий на симпатию.

Когда Сартов вошел в дом переодетый во все сухое, я, как и вчера, не узнал его. Он непривычно улыбался и, казалось мне, вот-вот подпрыгнет, достанет до потолка.

Я быстренько накрыл на стол и сел есть вместе с ним, ощутив в себе аппетит, равный его аппетиту, словно только что вместе с ним купался в ледяной воде.

— Все-таки рекомендую! Настоятельно рекомендую! — потирал он руки. В голосе его не было прежнего раздражения.— Без экстремальной зарядки организм способен переваривать разве что только манную кашу. А на ней далеко не уйдешь и уж совсем мало навоюешь... И нервы, нервы, молодой человек, их уж больше ничем не обуздаешь. Толстой совсем не зря стал вегетарианцем и все хотел по-настоящему заняться физическим трудом...

Я еще не отошел как следует от перепалки с ним и слушал его притворно безучастно.

— А на сердитых, между прочим, воду возят,— заметил он мое настроение.

А я хоть и сердился, но пристально наблюдал за ним. Мне нравилось даже то, как красиво и сосредоточенно он ест, точно зная, сколько может съесть, не оставляя объедков.

— У вас дар вдохновителя,— сказал я и объяснил Сартову смысл своих слов.

— Да! — не смутился он.— Что же тогда вы такую незаурядную личность хотите упрятать в тюрьму?

Я насторожился. Тогда Сартов спокойно, продолжая пить чай, достал из-под хлебницы и положил на стол измятое извещение, что вручил мне для передачи ему старший лейтенант милиции.

Господи, вот чем он был взвинчен с утра! Вот почему он задал мне этот дурацкий вопрос, когда я начну спрашивать его, как он убил Безносова. Еще вчера хотел он вызвать меня на объяснение, но терпел до утра. Дурацкое извещение, как же я его выронил?

— Подозреваю, что у вас и пистолет имеется — сопровождать меня до кутузки,— продолжал он уже насмешливо-холодно, видя мою растерянность.

— Какие глупости! — начал я, будучи совершенно сбитым с толку таким неожиданным поворотом дела, не зная решительно, что и говорить. Ситуация была жутко нелепой.— За кого вы меня принимаете? Я совсем даже не хотел передавать вам эту злосчастную записку...

Сартов едко усмехнулся, слушая мой лепет, забарабанил пальцами по столу.

— Вот так бывает: юмор оставляет людей, когда их без вины обвиняют. — И прибавил: — Почти невозможно защищаться, когда ты не виновен, а всем кажется тогда, что ты в растерянности оттого, что пойман с поличным. Докажите мне, что я не прав, вы же психолог, как я понимаю. — Голос его сорвался. И, ничем больше не смягчив снова возникшую между нами распрю, он вышел из-за стола и направился к себе в комнату.

Моя очередь была мыть посуду, убирать со стола. Но я почувствовал вдруг себя протестующе униженным и не хотел заниматься этим. В голове моей образовалась звенящая пустота, внутри все дрожало от чувства стыда.

— Идите отдыхайте! — крикнул Сартов из комнаты, будто догадался о моем состоянии. — И посуду не мойте. Я сейчас займу кухню.

Но я все-таки, преодолев свое настроение, с особым старанием перемыл посуду — захотелось мне угодить ему или сделать назло. И только когда я ушел к себе, Сартов вернулся на кухню. Он принес с улицы грудку ремней, бросил на пол, сел в качалку шить алыки.

Часа два мы сосуществовали, не трогая друг друга. И он, очевидно, устал от словопрений, — я даже успел подремать в эту продолжительную паузу. Однако первым ее прервал Сартов. Впереди его ожидало еще много дней молчаливого одиночества.

— А вы любите Высоцкого? — спросил он, включив магнитолау.

— Люблю, но достаточно спокойно...

— А я вот беспокойно... И как это можно любить спокойно?!

Он прибавил звук, и в комнаты словно ворвалось:

Пропадаю, про-па-даю-ююю!
Чуть помедленнее, кони!
Чуть помедленнее-е-е-е!
Вы тугую на слушайте плетъ.
Но что за кони мне попались —
Привередливые...

Дослушав песню, он переключил приемник и долго шарил во всхли-
пывающем эфире. Что-то искал, но не нашел, наверное.

Раздалось два щелчка, и снова терзал слух Высоцкий:

Какие песни пел я ей про Север Дальний,
Я думал, вот чуть-чуть —
и будем мы на «ты»,
Но что ей до меня...

Я слышал, как Сартов вздохнул при этих словах. Дослушав песню, он опять переключил приемник. Чужая музыка, чужая речь как-то странно пугающе то появлялись, то исчезали.

— А все-таки лучше русской музыки, пожалуй, нет. И поплачешь, и посмеешься, и просто отдохнешь, — сказал он. — Вы согласны со мной? Русские песни по всему миру поют. — И продолжал совсем неожиданно для меня: — Не могу понять тех, кто предает Родину. Я бы никогда не смог. Если бы вдруг такое случилось со мной, покончил с собой или сошел с ума на чужбине. «Там русский дух, там Русью пахнет...» Как это сказано!

Русский дух есть. Как же! И потому что он неистребимо есть, мы имеем врагов, которые хотели бы, чтобы его не стало. И Гитлер этого хотел. Но...

Сартов забормотал, четко воспроизводя мотив:

Я люблю тебя, Россия,
Дорогая моя Русь...

Я незаметно выглянул из комнаты. Он уже не шил алыки, а сидел в кресле-качалке, откинув голову, держа руки на груди, и разговаривал то ли с собой, то ли со мной. Я слушал его, но голоса не подавал, и этого ему, видимо, было достаточно.

Скоро я сам не выдержал затворничества и вышел к нему.

Сартов острым резцом, сосредоточенно, чуть прикусив кончик языка, легко строгал березовый чурбак. У ног его валялись алыки, стружки.

— Не обращайтесь внимания, — сказал он, смешно скривив губы и почесав за ухом. — Я, когда работаю, страшно неряшлив. Вот хочу выстругать вам на память пеликена — языческого божка эскимосов. Он предохраняет от злых духов. Поставьте его дома, и в вашей семье всегда будет благополучие. Никакими сплетнями вас никто не будет мучить и подозревать ни в чем не посмеет. Только пеликен любит, чтобы в доме царила правда...

— Спасибо, — поблагодарил я, удивленный таким неожиданным его расположением ко мне. — Большое спасибо. — И подумал: никак это перед новой ссорой.

— Спасибом не отделаетесь... — улыбнулся он. Но не договорил. Под домом заволновались собаки. И разом все громко заскулили, словно видели кого-то и нетерпеливо ждали встречи.

Сартов вскочил и выбежал в сени.

Я подошел к окну. Он уже был на улице: стоял, увязая в снегу, в одной шапке и домашних чувяках, держал руки в карманах и, пожимаясь от холода, смотрел вперед. Я скосил взгляд вправо, куда он смотрел: к дому катили две олени упряжки; в первой кто-то сидел, одетый по-дорожному в шкуры, правил длинным шестом, вторая нарта была пуста.

Я обрадовался увиденному: наверное, это волнение Сартова сообщалось мне или я уже заболел тоской по людям.

Первая нарта, запряженная тремя рогатыми оленями, не сворачивая, неслась прямо на него и лишь в полуметре остановилась как вкопанная. Морды у оленей заиндевели, хоркая, они скалили зубы, хватали снег, испуская клубы пара. Сартов посыпал им соли. С нарты, бросив длинную палку, соскочил каюр и, протягивая руку, бежал к Сартову. По мелким шажкам и легким движениям я догадался: каюром была молодая женщина. Она подбежала к Сартову, повисла у него на шее, и он закружил, закружил ее, поцеловал в одну щеку, в другую, прижал к себе. Женщина улыбалась и что-то быстро и озабоченно говорила.

Когда они вошли в дом, Сартов представил меня:

— Вот познакомься, Люба, корреспондент к нам приехал, хочет написать, как пропал Безносов. Ты что-нибудь знаешь об этом? Расскажи, пожалуйста, ему.

Девушка откинула с головы капюшон с теплым платком, по-деловому протянула мне ладонь, узкую и очень горячую.

— Люба! — назвалась.

Ей было лет двадцать пять. Я удивился — она была русой. Среди эвенов такое бывает редко.

— Что, думаешь — крашенная? — улыбнулась она, перехватив мой пристальный взгляд. — Разве не видел русских эвенов?

— Видел и так не думаю, — сказал я. — Я думаю: какая вы хорошая девушка. Да... В вас много приятного, Люба.

— Ну, я смотрю, вы тут отлично понимаете друг друга, — сказал Сартов, наблюдавший за нами. — Пойду задам олешкам корм. А ты давай раздевайся, — велел он девушке. — Чай пить будем. У нас еще жаркое не остыло...

— Нет-нет, жаркое и чай после. Давай сперва комбикорм грузить. Гололед у нас. Никак пастбища найти не можем, — посмотрела она на меня. Сартову об этом она, видимо, уже успела рассказать. — Матки без корма из сил повыбились. Пойдем, — позвала меня, — помогать будешь.

Мы грузили комбикорм по четыре мешка на нарту — выходило по мешку с лишним на оленя. Больше своего веса, известно, олень не везет и быстро устает. Привязали мешки веревками. Люба по-детски любопытно смотрела на нас и бросалась снежками, то и дело отмахиваясь от собак, которые не давали ей никакого покоя — играли с ней. Холодный ветер дыбил шерсть на собаках, но они все равно не отставали от нее, ожидая подачки — сладостей, которыми она их подкармливала.

— Все! — сказал, разогнувшись и вытирая с лица пот, Сартов, когда вторая нарта была снаряжена, и пихнул ее. — Ну-ка... — Сани слегка сдвинулись. Погрозил Любе: — Ты мне не порти собак. — Показал пальцем на меня: — Давай бери его в провожатые, научишь каюрничать.

Люба, пока говорил Сартов, не сводила с меня взгляда. Когда он закончил, шутливо отозвалась:

— Выдумал! Его, не видишь разве, в горы тянет...

— Ты так не шути, — откровенно рассмеялся Сартов, — девушка, с корреспондентом.

— Поедем, дружок? — предложила она забавно-покровительственно.

— За чаем решим, — отыграл назад Сартов.

— Чай пить будем другим рейсом, — поняла его девушка. — И корреспондента я тогда заберу от тебя. — Но в дом она вошла, посидела в качалке, расслабившись, спросила Сартова: — Не пишет?

Он помотал головой.

Люба встала, направилась к выходу, но, словно о чем-то вспомнив, остановилась и заглянула в мою комнату. Обернулась, удивленная, к Сартову:

— А где портрет?

Он объяснил ей.

— А-а-а! — протянула она. — Ты теперь там живешь. — И спросила меня: — Видели? Хорошая женщина на портрете?

— Ему не нравится, — проговорил Сартов, не дав мне ответить.

— Разве может не нравиться такая женщина?! — Люба пристально посмотрела на меня с чуть заметной усмешкой. Достала маленькую массажную щетку и, разговаривая, принялась расчесывать короткие волосы. — Женщина на все вкусы — никто не пройдет мимо...

— Вот это и плохо, что на все вкусы, — ответил я. — Значит — не моя.

— Вот видишь, Сартов. И не твоя она, а ты...

— Я вижу, вам не о чем больше разговаривать! — рассердился Сартов.

Глаза девушки насмешливо сузились и холодно блеснули. Как птица, она бесшумно переступила с ноги на ногу, озорно выкрикнула:

— Салют! — и быстро направилась к двери. Сартов за ней.

Груза мы положили в самый раз, олени с ходу взяли нарты и хорошо пошли. Они совсем не боялись метели и не напрягались, как собаки, при каждом порыве ветра. И Люба, пустив оленей одних, едва догнала их, когда простилась с Сартовым. Усевшись наконец в нарту, она долго махала ему рукой, а он складывал ладони куполом, кричал вдогонку, чтобы была осторожна. Она хотела расслышать его слова, скинула с головы капюшон куртки, но, наверное, ничего не разобрала в шуме непогоды. Ветер со снегом дул навстречу нартам, налетал дерзкими порывами...

— Ну так что?! — войдя в дом, воскликнул Сартов, возбужденный, с озорным блеском в глазах. — Погодка как по заказу! У меня сегодня есть настроение дать показания следствию... Принимаете предложение?

Я неодобрительно посмотрел на него. Шутки такого рода начинали раздражать меня.

— Я говорю вам это без всякой задней мысли, — кашлянул Сартов, заметив мое недовольство. — Только надо будет вам проехать со мной тут в одно место.

— Поедемте, — сказал я безучастно, никак не предполагая, куда и зачем он зовет меня.

— На лыжах или на собачках? — спросил он. И перебил себя: — Конечно, лучше на собачках. Устанем ведь на лыжах.

Я не спросил Сартова, когда мы поедем, и терпеливо ждал этой минуты, думая, что это будет прямо сейчас. А он, словно забыв о сказанном, что-то делал по дому, был каким-то беспокойным.

Немного погодя, заторопившись в свою комнату, он сказал:

— Я сейчас!

Было слышно, как защелкали какие-то выключатели, тумблеры, и комната наполнилась звуками эфира. Сартов долго молчал, точно задохнулся там этими звуками или так уж был упоен ими. Потом Сартов позвал меня в комнату, где была рация.

— Видите, — показал он на круглый судовой хронометр, накрепко ввинченный в стену. Красными метками по белому циферблату были обозначены какие-то промежутки времени от пятнадцати до восемнадцати и от сорока пяти до сорока восьми минут каждого часа.

В это время, указанное метками, объяснил он мне, замолкают все судовые и береговые радиостанции мира и настраиваются на одну аварийную волну — шестьдесят метров. В эфир тогда можно выйти только с одним сигналом — SOS.

Я посмотрел на часы: десять минут назад было время всемирного ожидания сигнала SOS. Вот зачем торопился Сартов к радиостанции, он выходил на эту волну. Мне захотелось спросить его: бывало ли, чтобы он слышал, как кто-то просил о помощи? Это же страшно, черт возьми, — принять сигнал и быть не в силах помочь. Но Сартов уже выходил на связь — называл позывные колхоза.

— «Талисман»! «Талисман»! Я — «Талисман-два», — говорил он, поднеся микрофон близко к губам. И переключился на прием.

— «Талисман» вас хорошо слышит, Дим Димыч. Как там у вас на «Пике» погода? — слышался приятного тембра спокойный женский голос.

— Погода ни к черту, Ирочка! — снова переключился на передачу Сартов. — Второй день не поймешь что. Вроде бы метель начинается.

— У нас то же самое...

— Ирочка, примите, пожалуйста, радиogramму для председателя колхоза. Он в район, что ли, поехал, не подходит к рации.

— Да нет, он на складах. Комиссия отбирает продукцию на международный пушной аукцион в Иркутск. С вашего участка больше всего отобрали соболей. Так что ждите премию.

— Спасибо, Ирочка! Но мне не нужны деньги. Передайте Борзенко, что в районе третьей и четвертой бригад два дня назад выпал снег с дождем, на пастбищах гололед. Оленеводы откочевали на север, но там рыхлого снега нет. Я отправил в эти стада для поддержки молодняка и стельных важенок восемь мешков комбикорма. Еще отправлю. И пусть к ним приедет спец, у Безносовой вышла из строя рация. Радистке такой ремонт не под силу. У меня все... «Талисман»! «Талисман»! В эфире «Талисман-два»! Как поняли меня? Прием...

— Поняла хорошо вас, Дим Димыч. Где сейчас находятся бригады?

— Идут в сторону Медвежьей горы, где предполагается рыхлый снег.

— Поняла вас, Дмитрий Дмитриевич. И по секрету: у нас появились финские дубленки. Попросить, чтобы оставили вам?

— Спасибо, Ирочка. Не надо. Я тут себе скоро соболю шубу сошью.

— Ну ладно, до свидания, — засмеялась женщина. — Шейте себе шубу...

Сеанс связи закончился. В комнате воцарилась угнетающая до нервной неприятности тишина.

— Давайте будем пока говорить хоть о чем, лишь бы не молчать, — завоновался Сартов.

Я увидел на руке его часы, они тоже были с красными метками, как и те, что висели на стене.

— Не опасно, что Люба поехала одна? — спросил я.

— А чего тут такого? В тундре не заблудишься. Все время вдоль речки она будет ехать. А если даже и забудет об этом, размечтается в дороге, что мало вероятно, олени сами довезут ее. Милые животные, они все знают и видят без компаса.

Сартов примолк. Но не ждал, когда я заговорю. Он сосредоточивался что-то сказать, это было понятно по его выражению лица. Я не стал мешать.

И скоро он заговорил севшим от волнения голосом. Говорил совсем не как вчера — сухо и казенно, а так, точно все это пережил совсем недавно, только что, вот сейчас, а не двадцать лет назад.

— Понимаете, я вышел тогда в эфир с сигналом SOS... Для моряка это, в общем-то, обидный случай. Очень обидный. И я до сих пор частенько анализирую все ситуации «за» и «против»: имел ли я право на это? На пятьдесят восьмой северной параллели часто гибли и попадали в шторм суда разных стран. Я все-таки попросил помощи вовремя. Судно у нас так обледело, что дало резкий крен на правый борт. Чистой ото льда оставалась лишь корма: через нее все время перекачивались волны и не давали закреп-

питься льду. Шторм доходил временами до двенадцати баллов. Был уже затоплен кормовой трюм. Чтобы иметь возможность откачивать воду, мы перегнали ее из трюма в машинное отделение. В любую минуту мы могли перевернуться — вот чего я больше всего боялся. А это, считай, — железный бушлат для всех сразу... Наш сигнал принял «Эльбрус» — мощный морской буксир, он в несколько раз больше «Аксиометра». «Эльбрус» подошел к нам в кромешной мгле, ослепляя «юпитерами». И оказывался то выше, то ниже нас. Капитан был опытным и умело держался нашего борта. Когда «Эльбрус» падал вниз, мы по одному прыгали, как в пропасть, все равно что с пятиэтажного дома — такая была высота волн. Нас подхватывали сильные руки товарищей, и мы, не стесняясь, плакали. Все шесть моих дружков остались живы, а «Аксиометра» больше нет, покоится на дне моря... Вот так! — Сартов хотел улыбнуться, но улыбки у него не получилось: мышцы лица были в напряжении.

Стекла окон дребезжали от тяжелых порывов ветра. Выходить из дома совсем не хотелось, а уж ехать куда-то и подавно. Лучше бы сидеть друг перед другом и решать вот так мировые проблемы. Но Сартов, не дожидаясь моего согласия, поспешно вышел в сени: слышалось, как он готовил одежду. И я последовал за ним, так и не догадываясь, что он затеял.

Сумасшедший, холодный, царапающий лицо ветер, пробирающийся сквозь шкуры к телу, встретил нас в тундре. Собаки поскуливали, отворачивали головы. Им было не тяжело нас везти — они задыхались и слепли от встречного, с жесткой снежной крупкой вихря.

Я сидел спиной к ветру, но это не спасало.

— Давайте разомнемся, — предложил Сартов, почувствовав, как я жмусь к нему, и, соскочив с нарты, побежал рядом, вцепившись в загородку.

Я спрыгнул по другую сторону саней и тоже побежал.

Брови и ресницы залеплял снег.

— Только до пота не разогревайтесь, придется тогда все время идти пешком, на нарте можно простудиться, — предупредил Сартов.

Сказал что-то собакам — они побежали медленнее. Мы распрямились и уже легко поспевали за ними. Стало в самом деле теплее. Ветер как будто больше не продувал одежду, переменилось и настроение; щеки у меня горели.

В душе Сартова, чувствовал я, не утихомирилось, не улеглось то, о чем он так запальчиво говорил дома. И я не ошибся. Едва мы снова уселись на нарту, как он вздохнул и с горечью сказал:

— Жаль, конечно, что одним текущим ремонтом во взаимоотношениях людей нам теперь не обойтись. Надо ломать к едреной бабушке наши устоявшиеся дурные привычки, которые мы принимаем за обязательный стиль русской жизни. Стиль — это все-таки порядок, и тут не должно быть ничего дурного. Я так считаю. Главное — душа человека, и надо, чтоб по высшей шкале ценили человека дела. Чтобы ничего не ясного, не разъясненного между людьми не оставалось. И каждый изгонял из себя барина... Я не помню, кто это сказал, но сказал очень верно: «Величайшая подлость возникает сегодня не оттого, что ее делают, а оттого, что не позволяют делать».

И тут же, без перехода, даже мизерной паузы, Сартов заговорил о другом:

— А знаете, я совсем не случайно в этих местах. Болезнь, о которой я вам рассказывал, была всего лишь поводом к действию. Дед мой тут когда-то громил расплодившиеся белогвардейские банды Яныгига, Пепеляева, мечтавших отсюда пойти на Аян, затем на Иркутск. У сопки Медвежья гора деда схватили бандиты из отряда Карамзина. И чудовищно замучили... Я даже фотографии его не имею, не знаю, каким он был. В экспедиционном отряде Вострецова он служил, рассказывала мать.

Сартов затих, поправляя что-то на левом полозе нарты, не останавливая собак. Но вскоре выпрямился, и я опять слышал его голос, как-то странно звучащий в тундре, будто доносился из космоса.

— Никогда раньше я не думал, что придет пора и душа однажды потребует такой близости к праху предков,— продолжал он.— И знаете, близость эта что-то дает душе и сердцу. Уверенность, что ли, в себе, мужество оставаться самим собой при любых обстоятельствах.— Сартов опять вздохнул: — Такая вот во всем связь-непролазь получается. Жаль только, что к моему праху некому будет приехать: никто сердцем тут не отойдет, не облегчит своей боли. Никого у меня нет. Мать умерла. Отец с фронта не вернулся...

— Зря вы так, Дмитрий Дмитриевич. Вас вся тундра знает. И наследники у вас еще будут. Поверьте моему слову...

Сартов вдруг задумался, ушел в себя. А мне это молчание стало непереносимо. Я спросил:

— Что за грандиозный секрет, Дмитрий Дмитриевич, вы хотите мне открыть, да все мешкаете?

— С чего это вы взяли? Никакого секрета. Сами все увидите сейчас, если, конечно, еще не поздно,— с неудовольствием ответил он.

Сартову, видимо, не очень понравилось, что я опережаю события, или он подумал, что я, когда мы были еще дома, плохо слушал его рассказ. Впрочем, он вдруг оживился и, обернувшись ко мне вполоборота, сказал:

— Могу один свой секрет и показать. Хотите?

— Ага,— отозвался я без особого интереса, задетый его ответом,— покажите.

Я не заметил, как он повернул собак к реке, и мы уже подъезжали к ней.

— Идите за мной,— позвал он, азартно шагая уже впереди нарты.— Слышите?

На журчание реки наслаивался, не перебивая его, мерный рокот. Я подошел к Сартову, встал рядом и увидел в прозрачной воде вращающийся винт, похожий на винт от руль-мотора, только значительно массивнее. Необычный агрегат, укрепленный на деревянной раме, был намертво вмерз в лед.

— Течение крутит — генератор дает ток,— пояснил Сартов.— Портативная гидроэлектростанция. А в помощь ей у меня на доме ветряк. Видели небось?

— Очень хорошо придумано! — воскликнул я, поразившись вдруг себе, что ни разу не полюбопытствовал, откуда здесь, у черта на куличках, в доме Сартова электричество. И рассудил, что это цивилизация, избаловав нас, приучила смотреть на многие качественные изменения жизни потребитель-

ски равнодушно, без удивления, как на само собой разумеющееся. Я и поздало похвалил его: — Вы, гляжу, мастак на все руки. Все можете...

Сартов наклонился к реке, черпанул ладонями ледяной воды, попил и, вытирая руки о торбаса, сказал:

— Не мое это изобретение, позаимствовал у чукотских тундровиков. Теперь у меня тут никакого энергетического кризиса.

Нарта круто вильнула, когда мы снова сели в нее, и собаки рванулись вперед. Только теперь они все время держались берегового припая. Здесь, у реки, снег слежался в твердый наст, и бежать по нему было им гораздо легче.

— Мудрецы-то какие! — восхитился я собаками. — Сами избрали такой маршрут.

— Как же, соображают! — отозвался Сартов. — У меня, знаете, был передовик, умер недавно от старости, я звал его Сократом. Не поверите, только я подумаю что-то приказать ему, а он уже исполняет. Словно какие-то биотоки передавались ему от меня. А сейчас вот Антипка вожак...

Отъехав от дома, мы уже не чувствовали прежнего ветродуя. Снова на душе у меня становилось непрощено-радостно: я начинал влюбляться в тундру, видел в ней много молчаливой и неброской красоты, не замеченной сразу. И думал, что человек часто не замечает вокруг себя хорошего оттого лишь, что придумывает себе какие-то несуществующие муки, страдания, брюзжит без причины. Можно чаще жить радостями, если захотеть. Сегодня, до приезда Любы, я ощутил щемящую тоску по общению с людьми, остро почувствовал вдруг всю значимость такого общения. А как нередко там, в городе, раздражаясь по мелочам, хотелось уйти в одиночество, освободиться от всех примелькавшихся лиц и голосов.

И подумал о Любе: такая девушка, пожалуй, могла бы стать предводительницей рода, если бы жила давным-давно. Столько в ней энергии и обаяния, ясной простоты.

Люба влюблена в Сартова. Это так хорошо заметно. И сам он это понимает. Мягко к ней, не отталкивает, хотя, видимо, не любит. А Люба ревнует его к Кате. Как жизнь рассудит их? Я был на стороне Любы и хотел, чтобы Сартов все-таки полюбил ее. Но разве можно переупрямить чувства? Совсем, наверное, невозможно такое. Катя вот не смогла себя переупрямить, хотя ей надо бы кланяться Сартову в ножки.

Я не забыл, как Сартов, когда Люба появилась в доме, что-то говорил ей про охотника Безносова и шутливо, скорее даже с иронией, попросил ее, чтобы она рассказала мне о нем. Тронув Сартова за плечо, я спросил:

— Дмитрий Дмитриевич, а что Люба могла рассказать о Безносове?

— Все, что бы вы ни захотели.

— То есть...

— Григорий Ипполитович Безносов — Любин отец, — ответил Сартов. — Жив-здоров он. Нашелся, слава богу...

«Жив-здоров Безносов. Никто его и не убивал...»

Я, узнав поближе Сартова, как будто уже не сомневался, что так оно и будет, но все равно от этих его слов с меня точно слетел вдруг какой-то неприятный груз, и я почувствовал душевное облегчение. А вместе с ним новые угрызения совести.

Разве же не ясно мне было сразу, что Сартов не способен на убийство,

а все равно я искал труп Безносова в лиственничной роще, самодовольно сочинив нелепую версию...

Но Сартов не дал мне уйти в себя.

— Я тоже сейчас подумал о Любе, — сказал он, как бы продолжая наш разговор. — Замечательная девушка, настоящая Жанна д'Арк. Счастливым будет тот, кто на ней женится. Да-а!

— А себя вы что, не берете в счет? Вы же холостяк.

— Господи, я же неприлично стар, — ответил он. И тут же спросил: — А вы считаете, она мне пара?

— В таких делах все решает сила чувств, а не возраст. Она вас любит. И, как я заметил, сильно.

— Это приятно, когда тебя любят, — сказал Сартов. — Но это еще не счастье. Счастье, когда и ты любишь. Три года уже нет со мной Кати, а мне все кажется, что уехала она только вчера и завтра вернется. И не знаю я: мука для меня это ожидание или радость. Наверное, то и другое вместе. Но не хочу я, боюсь, что однажды вдруг исчезнет, уйдет от меня навсегда это каторжное чувство. — Сартов помолчал и раздумчиво резюмировал в своей манере: — В природе почему-то настоящая любовь чаще всего бывает без взаимности. Чаще... Отчего же так? Вы не знаете?

Я не знал, как ответить на такой вопрос, он тоже не знал на него ответа, и мы оба замолчали. Сартов только сказал с печальной нежностью в голосе, что нынче в январе Дим Димчику исполнилось шесть лет и что он пойдет в школу...

Скоро нарта резко отвернула от реки и неслась в сторону лысой сопки, похожей на гигантский череп. Серо-желтая, она дыбилась совсем близко впереди. Рядом с сопкой клубилось паром озеро, точь-в-точь по форме похожее на то, куда бегал купаться Сартов. Оно узким проходом-каналом соединялось с рекой и бурлило ключами, только было во много раз больше.

— Прибыли! — остановил собак Сартов и, соскочив с нарты, показал на озеро. — Это нерестилище. Рыбный банк. Икра, которую здесь оставляет красная рыба, — золото, если иметь в виду потомство, которое появится от нее на свет.

В безукоризненной прозрачности озера еще гуляли отметававшие с осени икру несколько огромных рыб. Четыре года они росли в море и ждали момента, чтобы на месте своего рождения заложить потомство и умереть. Потомство уже вывелось, а рыбы до сих пор не погибли.

— Я, кажется, уже рассказывал вам, — говорил Сартов, какие препятствия преодолевают кижуч, кета, нерка, чтобы приплыть сюда, в свою колыбель. Уму непостижимо, откуда берется у них такая силища! Ученые сейчас толкуют о каких-то механизмах и гормонах смерти, которые якобы убивают красную рыбу, отметававшую икру. Заблуждение это, считаю я. Просто в такой рыбе нет программы возврата, нет памяти обратной дороги в море. У мальков эта программа есть, а у взрослых рыб нет. Если же после икромета кету выпустить опять в море, через год она вернется, чтобы заложить новое потомство. А может быть, и третье, и даже четвертое... А оставаясь здесь, она умирает от голода, ничем не питаясь в пресной воде, которая убивает ее неведомыми ядами. В одном возрасте пресная вода дает ей жизнь, в другом — лишает ее.

Я, когда бывает время, по осени выбрасываю из озера в реку наиболее

крупных самок и самцов, чтобы их вынесло в море, делаю им на жабрах свои метки. Сколько я их выпустил в море?! Пустяки, считай. А уже есть возврат. В этом году я штук сто кетин, отметавших икру, бросил в быстрину реки и всех пометил.

Мальки уже вылупились из икринок, но гнезд своих не покидали, стояли в нервном напряжении табунками. Я бросил маленький камешек в них. Живые точки синхронно отпрянули и тут же вернулись назад, будто кто неведомый управлял ими.

Снега у озера не было, стелющийся от воды туман, видимо, съедал его. Метели здесь тоже не чувствовалось, но было значительно холоднее, чем на ветру. Камни у подножия скалы покрылись скользким куржаком. Тянуло промозглой сыростью, и очень тяжело дышалось. Кругом не росло ни одного деревца. И я сразу вспомнил о роще Сартова.

Догадавшись, наверное, о чем я думаю, он сказал:

— В тундре нам хотя бы сохранить то, что имеем. Она очень капризна, здесь сплошь вечная мерзлота, и внедряться в нее не совсем безопасно. Но лиственницы тут хватает, по берегам рек растут тополь, ива. Сосна встречается...

Сартов привел меня к сопке и попросил помочь отодвинуть огромный камень, что закрывал ход в грот. Пришлось побряхтеть. И когда наконец мы отодвинули его, провозившись минут двадцать, в скале открылась огромная ниша в темную бездну.

Пристально вглядываясь в темноту, напрягая зрение, я не понимал, что тут Сартов хочет показать мне.

— Обождите, — вымолвил он. — Сейчас пообвыкнутся глаза, и вы все увидите.

В гроте постепенно светлело. И то, что я начинал видеть, пугало. Пол огромной комнаты в скале был сплошь уставлен стеклянными банками, маленькими бочечками, объемными целлофановыми мешками, наполненными икрой. Имелись здесь эмалированные баки, фонари «летучая мышь», сита, какой-то помост с козлами, длинные ножи, воткнутые в доску, мешки с солью, резиновые сапоги, фартуки.

— Хорошо оснащенный икорный цех, — сказал я, — банк деликатесов. Можно попробовать?

— Безусловно, можно. Но не так-то просто вам будет это сделать, — ответил Сартов.

Мешки были плотно упакованы, банки закатаны.

— Культура производства! Да?

— Еще какая! На совесть сделана работа. На совесть! — с горечью воскликнул Сартов. И испугал меня: — Вот и раскололся перед вами Арай Гуми...

— Как?! — Опешив, я отступил вдруг от Сартова, не подозревая, что сказанное им — шутка, думая, что он в самом деле признается мне в своих темных делах, и не знал, как вести себя дальше. Боялся поднять на него глаза.

Поймав это на моем лице, Сартов от души рассмеялся:

— Испугались, значит...

Я не знал, что ему ответить: я не только испугался, я был просто в ужасе, жалко струсил.

— Ситуация могла оказаться, прямо скажем, не из легких для вас, если бы рядом был еще и преступник. Несдобровать тогда вам. — Сартов с простодушной улыбкой пристально посмотрел на меня. — Но преступников я ловлю с осени и только отпугиваю их. Они прилетают на вертолете, а я приезжаю на нарте, как только слышу шум винтов. И нынешней осенью, когда снега еще не было, я так же на нарте ездил: не раз они прилетали, обычно с сумерками. И я всегда их ждал — был наготове. Завидев незваного свидетеля, они тотчас убирались восвояси, не раскрывая себя для опознания. Тогда они еще не догадывались, что я знаю про их склад, полагали, что я случайно тут оказываюсь. Однажды прилетели ночью, но я все равно подоспел. Вертолет завис метрах в двух от земли, совсем недалеко от меня, открылась дверь, и кто-то в мегафон стал поливать меня отборной бранью, грозился пристрелить. Теперь я уже был явным врагом их. Ослепленный прожектором, я ответил, надрывая связки, чтоб они слышали, что тоже с ружьем, и если что — подшибу их на взлете, а сперва погашу прожектор, чтоб дороги назад не нашли. Они, наверное, знали, как я могу стрелять, — перестали пугать оружием, погасили прожектор. Принялись уговаривать оставить в покое их сокровище, предлагая деньги. Я разозлился и выстрелил вверх. «Не сносить тебе, Сартов, головы, — кричал разъяренный жесткий голос в мегафон. — Пусть тогда твоя Катя ищет тебя где хочет». И Катю сюда приплели, наглецы. — Сартов от досады сплюнул себе под ноги и заговорил спокойнее: — Но вот уже с месяц, пожалуй, они не прилетают. Чует мое сердце: они заявятся в метель, и мы не сможем услышать их. Уверен, они готовятся к этому.

Мы вышли из грота. Сартов отвел меня чуть в сторону, к небольшому овражку, в котором из-под снега торчали замерзшие тушки кеты, обглоданные песцами.

— Тонн пятнадцать свалено сюда рыбы только в этом году. Конечно, вся она, отметав икру, так или иначе погибла бы. Но в том-то и дело, что она не отметала икру. Икру засолили, а рыбу — на помойку. Считай, теперь через четыре года в это и соседние нерестилища уже некому будет возвращаться. Еще одно потомство загубят браконьеры — они тут, видимо, работают не первый год, — произойдет так называемый экологический стресс. Нарушится естественный ход вещей, начнется власть бессмыслицы. А это значит: озеро станет чахнуть, заиливаться, отпочкуется от реки, и умрет в нем всякая жизнь...

Я стал расспрашивать Сартова, не подозревает ли он в этом кого-нибудь из своих знакомых, из тех, кто когда-либо приезжал к нему в гости?

Он много думал над этим. И сначала к каждому без исключения вертолетику приглядывался, надеялся, что чем-нибудь да выдаст себя тот, кто связан с этим делом. Потом совестно ему стало разглядывать людей с такой целью. Разве ж можно всех подозревать... И просто опасно — возомнить себя верховным судьей. Тогда все вокруг подлецами станут, один ты — чистенький...

— Да, не пойманный — не вор, — сказал я. — Но если вертолет прилетит сегодня и мы с вами не услышим его, они в два рейса, а то и в один вывезут всю свою добычу. — И предложил перевезти икру на склад фактории, оприходовать актом. А мы с Любой поставим свои подписи как свидетели.

Сартов не соглашался со мной: он боялся, что ему тогда не поймать браконьеров.

Я впервые видел его таким нерешительным: он молча ходил взад-вперед, что-то переваривал в своей голове, трогал собак, отогревал ладонями их морды, чтобы снять наросты инея. Все в нем сопротивлялось моему предложению.

Наконец он неожиданно резко пошел к гроту и вынес оттуда целлофановый мешок с икрой, крикнул громко на всю тундру, по-видимому, для того, чтобы уже не отказаться вдруг от своего решения, в правильности которого все еще сомневался: «Загружаемся!»

Для удобства и быстроты он подогнал нарту прямо к лазу грота. И работа закипела...

Только шестым рейсом мы забрали остатки икры, захватив с собой и орудия труда браконьеров. И снова завалили вход камнем.

Освободить грот мы старались до наступления темноты и все делали на бешеной скорости. Сартову пришлось несколько раз менять собак, но все равно они были изрядно измотаны. Антипка провел все шесть рейсов, показывая пример верной службы. Но на полпути к дому Сартов заметил смертельную усталость пса, освободил беднягу из упряжки и позвал к себе в нарту. Тот, радостный, кинулся было к нему, но не смог запрыгнуть, не хватило сил, и побежал, понуря голову, рядом с нарткой, виновато косясь на хозяина.

— Икрой вас угощу, родимые, — приговаривал Сартов, — вот посмотрите! Я слово свое умею держать. — И, дотягиваясь до Антипки, ласково гладил его рукой.

Нарты Сартов сопровождал каждый раз сам. Меня он не отвез домой, так как не хотел лишаться помощника, поставил охранять грот, а чтобы я никого не боялся, после первого рейса привез нарезное ружье.

Я нес свою вахту почти все время в гроте. Тут, хоть и держался полумрак, все-таки было намного теплее. Но все равно то и дело выбегал наружу, и совсем не затем, чтобы подышать свежим воздухом или полюбоваться на пейзаж, — мне начинал вдруг мерещиться шум винтов приближающегося вертолета. Даже собственный вздох, разрастаясь в замкнутом пространстве и мешаясь с неясным шумом, казался мне оживающим зловещим призраком. Эхо таким гулким камнепадом возвратило мне слова, когда я что-то сказал, желая прогнать страх, что мне долго казалось, будто грот рушится.

Возвращался Сартов. И пока мы работали — загружали очередную нарту, тревога заметно улетучивалась из меня. А потом, как только он отправлялся в путь, приходила снова.

Этот грот, рассказывал Сартов, белогвардейцы в гражданскую войну использовали как лабаз — хранили в нем награбленную пушнину, золото, оружие, боеприпасы... Когда пастухи его обнаружили, в нем было еще много ценностей.

И теперь вот допотопный грот не пустовал. Хоть и был он у черта на куличках и так далек от того времени.

Где-то здесь белогвардейцы убили деда Сартова...

О чем только я не думал, чтобы заполнить пустоту одиночества, длившуюся всего несколько часов, но преодолеть в себе беспричинный атавистический страх здесь, в безлюдной тундре, было не так просто.

«А как Сартов тут один на один с тундрой?! Свихнуться же можно от такой жизни! От такого экстремального одиночества! Наверное, потому что это очень трудно представить, так много и говорят о Сартове плохого. Или кому-то это надо — оговаривать его?!»

Последняя мысль прямо ужалила меня, втемяшившись в голову, и не давала покоя. Выходило, что и мой приезд сюда кому-то был нужен. Кому же?

Последний груз из грота я выносил с радостным облегчением. Это был пустой двухведерный бак с крышкой, и я от всей души, оглушая собак, отродясь не слышавших здесь такого грохота, колотил крышкой о дно его. «Кончилась моя вахта, кончилась!» — хотелось мне закричать. Такого нервного напряжения я еще не знал.

Я бросил ружье в нарту и попросил Сартова разрядить его на всякий случай: вдруг выстрелит по дороге от какого-нибудь толчка.

— А оно не заряжено, — ответил он, — пустое.

— Как пустое?! — вспыхнул я от прихлынувшей вдруг обиды. Точно ребенку дали не конфету, а в красивый фантик завернули мякиш хлеба. «За какого же дурака он меня принимает?!»

Голос Сартова образумил меня:

— Вы же могли кого-нибудь убить, если бы что произошло, — спокойно сказал он. — Могли выстрелить в летящий вертолет. Я же знаю вас немножко.

Я и в самом деле мог сделать такое, забыв обо всем на свете, что часто случается с людьми, чувствующими себя сильнее других благодаря оружию или своему положению. У них не только нервы бывают без тормозов; они почему-то считают, что вправе на все. И хоть я не относил себя к этой категории людей в полном смысле слова, но выстрелить в вертолет с браконьерами решился бы. Сартов был прав.

Видя, как я скис и снова прибодрился, он спросил:

— Вы устали?

Я признался, что страшно устал и чувствую себя от такого нервного и физического перенапряжения неважно.

— Извините, что подставил вас часовым. Иного выхода не было. Могли и прилететь... Подремлите малость, пока будем ехать, и все как рукой снимет.

И вот все было позади — мы подъезжали к дому.

Не один я радовался этому, Антипка, собрав последние силы, припустил впереди нарту и затем, изнемогший, лег в свою лунку под завалинкой. Одно нас с ним одолевало желание — лечь в свою постель и сладко заснуть. Тяжелая работа одинаково утомляла и людей, и животных.

Из-под завалинки навстречу выбежали оголодавшие щенки и тявкали на нас, как на чужих: успели отвыкнуть за день. Но услышав родной запах, стали приставать к злым матерям — хватили зубами их за полупустые сосцы, повисали на них, делая собакам больно.

Сартов сдержал свое слово: раскрыл попавшийся под руку целлофановый мешок, доставал из него прямо рукой икру и бросал перед каждой собакой на снег щедрыми пригоршнями. Надо было рассчитывать за работу.

Две сучки подрались из-за лакомства. Сартов, впервые разозлившись

на собак, несправедливо больно стеганул обеих алым и, обозвав дрянчужками, погнал под завалинку. В нем заговорила усталость.

Желая приободрить его и выразить свою радость, что у нас все так ладно вышло с перевозкой икры, я сказал: пусть теперь прилетают на здоровье те, кому она принадлежала, и добавил, что надо было нам прилепить на камне грота объявление — банк сменил адрес.

— Прилетят, не торопитесь звать! — ответил Сартов устало. — Чего доброго, еще и виноватыми окажемся. Вчера они для меня были жуликами, теперь я для них стал таковым. Как говорится, поменялись местами. Узнают они только об этом и сразу же не преминут разделаться с тем, кто посягнул на «их добро». Совесть их не взропщет. Я не боюсь их, а вас на всякий случай хочу предупредить, что такое очень возможно.

Был давно уже вечер. Мы помылись в бане, от души исколотив друг друга вениками, отмякли, что говорится, и душой и телом и готовились ужинать, когда забеспокоились под полом собаки.

— Свои это, — уверенно сказал Сартов. — Люба, наверное, приехала за комбикормом. Чего это она так поздно, сумасшедшая. — Вышел в сени и тут же вернулся, радостно подтвердил: — Ну конечно, Люба. — И опять вышел.

Я торопился с ужином, доваривал картошку. В сартовской теплице сорвал два огромных огурца, собирался приготовить салат. Скоро в дом вошла Люба. Я ее не сразу узнал: у нее были подкрашены губы, подведены брови. И какая-то робость, похожая на кокетство, появилась в ней.

— Здравсьте, — произнесла она вкрадчиво, чуть-чуть слышно, скосив взгляд в мою сторону.

— Рады гостям! Раздевайтесь, пожалуйста, — пригласил я, — а то Дмитрий Дмитриевич ужинать без вас не желает.

— В самом деле?! — серьезно удивилась девушка.

— Конечно!

Люба пошла в сени переодеваться и вернулась уже с Сартовым. Он говорил ей, что выпряг оленей и пустил в лес — за ночь они откормятся.

— Не жаль леса? — улыбнулась Люба, все еще не преодолев смущения и ведя себя не так естественно, как прежде.

— Для такой девушки чего может быть жаль! — воскликнул Сартов. — И сердца не жаль...

— Горазд, горазд, бесстыдник! — смутилась еще больше Люба.

Оторвавшись от плиты, я обернулся и посмотрел на них. И опять не узнал Любу. Но теперь уже с лучшей стороны.

Люба приехала принаряженная. На ней были желто-палевые замшевые брюки, сшитые на манер джинсов, — с яркой строчкой по бокам, накладными карманами, с молниями и без молний, и такая же жилетка, надетая поверх тонкого черного свитера. В ушах маленькими блескучими горошинками сияли сережки с жемчугом.

— Красивая ты сегодня, Люба! Цветешь! — не сдержался, искренне восхитился Сартов.

— Не мне ты это говоришь, — ответила ему девушка. — Совсем не мне! — И посмотрела в мою сторону: — Правда же?

— Не знаю, — слукавил я. — Но вы, Люба, правда сегодня просто неотразимы...

— Вам я верю, — хотела она принять мой комплимент спокойно, но зарделась и, подавив вздох, посмотрела на Сартова быстрым робким взглядом. Глаза ее заблестели.

Пошла в комнату, принесла оттуда магнитофон, включила. Послышался голос Высоцкого.

— Опять ты его слушал, — посмотрела она на Сартова.

Достала другую кассету, нашла танго Оскара Строка. И принялась одна танцевать, задумавшись, уйдя в себя.

И следа кокетства больше не было в ней. Она только сделала попытку пококетничать, когда вошла в дом, но тут же, почувствовав себя не в своей тарелке, снова стала сама собой.

Что-то непередаваемо привлекательное было сейчас в ее отрешенной задумчивости, в милых плавных движениях. Какой-то подъем царил в ее душе, или она всегда бывала такой, я не знал. Но смотрел на нее и чувствовал себя как-то по-особенному радостно.

— Ну-ка, танцовщица, давай будем накрывать на стол! — прервал мои восхищения Сартов. Он неслышно исчез и уже возвращался, цепко держа в руках и прижимая к себе тяжелый металлический ящик. Люба, оказывается, привезла ему на ремонт свою рацию.

— Есть, товарищ командир, накрывать на стол! — Люба встала навытяжку, смешно приложила руку к виску.

— Вольно! — скомандовал Сартов. — Шагом арш за работу!

И Люба проворно принялась помогать мне, вполголоса напевая мелодию танго.

Вдруг она примолкла и, выдержав небольшую паузу, сказала:

— А завтра, Дим, папашка приезжает. Обещал.

— Зачем это?

— Извиняться хочет перед тобой. Почву для этого просил меня подготовить. Слушай, начинаю подготавливать: его племянница тройню родила. Представляешь! В нашем роду такого еще не было. И вот они там устроили праздник по этому поводу. Праздник кончился, а бригадир до работы его теперь не допускает, месячный прогул у папашки получился. Родной сын велит отцу к председателю колхоза ехать, а сначала к тебе направил извиняться. Ты простишь его, тогда и бригадир простит. А с председателем, может, и обойдется...

— Куда он ездил? — спросил Сартов.

— В Якутию. Там же племянница живет.

— На оленях, что ли, ездил?

— Конечно! Простишь? И поговори, пожалуйста, с председателем колхоза, он-то пусть не шибко сердится. Семьдесят лет отцу уже. И не какой-нибудь он, всю жизнь работает и работает, никогда отпуска не берет. Мы с мамкой поругали его уже. Сильно поругали. Он все понял. Смотрите, не обидьте старика: уйдет на пенсию, а кто молодых учить станет?..

Люба пристально посмотрела на меня. И неожиданно спросила:

— Ну как вам клад, понравился? — Сартов, оказывается, уже все успел рассказать ей. — Требуется акт составить...

— Давай после ужина, — сказал Сартон.

Но Люба уже принесла два листа бумаги и копирку, скрепила их, принялась быстро писать. Она хорошо знала, как оформляются такие бумаги.

Озеро, где заготавливали икру браконьеры, называлось Лебяжьем, прочитал я в акте, взяв себе один экземпляр.

— Неужели туда прилетают лебеди? — удивился я.

— Иногда, но очень редко, — сказал Сартон. — Я сам не видел, а Люба видела и назвала это озеро Лебяжьем...

— Какие же они красавцы! — отозвалась Люба. — Взяла бы и все перышки им перецеловала. У нас большим грехом считается стрелять в лебедей...

— Я, когда еще на море плавал, — заговорил Сартон, коснувшись руки Любы, — наблюдал такое. На Дедовскую протоку — это недалеко от Алапатского рыбозавода, знаете, наверное, — села большая стая лебедей. Лебеди очень хорошо чувствуют перемену атмосферного давления, надвигающуюся опасность. Двенадцать пар их село. Охотники объезжают их на лодках, а они — рукой подать — сидят, не боятся. Потом дождь пошел, да такой сильный. И раскаты грома слышались. Лебеди загоготали едва слышно и сгруппировались, спрятали головы под крылья. Один вожак все время на страже был и головы не прятал...

Целый час мы под проливным дождем любовались ими, промокли до нитки. Никто не выстрелил. А я боялся: не дай бог кто не утерпит, охотники же азартный народ... Потом стыдно было, что так подумал. К красоте ведь у всех одинаковое чувство.

— А мне ты не рассказывал эту историю, — простодушно посетовала Люба, трогая на руке узкое серебряное колечко. — Почему?

— Ах, Люба, обо всем разве расскажешь, — посмотрел на нее Сартон. — К слову пришлось, вот и вспомнил...

Безносков приехал только к обеду. Ожидая его, Люба то и дело выглядывала в окно, ходила задумчивой; не было больше в ней вчерашней восторженности, игры и озорства; уравновешенной и спокойной стала она, чуть только нервной, но по-прежнему приветливой. И обаяние не оставляло ее. Оно светилось из нее независимо от настроения, выражения ее лица — сердитого или доброго.

— Знала б, что он приедет так поздно, — сказала она, — запарила бы ваше белье с утра и уже перестирала. А теперь нет охоты разводить чай-варенья. Вот-вот он подъедет все-таки. Если, конечно, с ним ничего не случилось в дороге.

Тревога девушки передалась мне. Я тоже без конца подходил к окну, всматривался в даль: не едет ли? Да и хотелось мне посмотреть на Безносова.

Метель жалась к земле, утихомиривалась. Как и вначале, когда она только занималась, снова наперегонки бежали по унылой тундре снежные султанчики, но уже помельче, и небо на сей раз не мрачнело, а набиралось светом.

— Кажется, едет папашка! — вздохнул радостно Сартон, первым услышав, как буркнул под завалинкой Антипка.

Люба кинулась к окну, но ничего не увидела. Ветер донес это известие одному Антипке, а он «передал» его Сартову.

Минут через десять только забеспокоились уже все собаки, и Люба, быстро одевшись, выбежала из дому встречать отца. Сартов вышел следом за ней.

Я остался стоять у окна. И скоро увидел всадника, величественно восседавшего на олене и державшего обеими руками длинную палку. Он ловко перекидывал ее то в одну, то в другую сторону, каждый раз касаясь концами земли, словно греб веслом. Под всадником покачивалось огромное седло-стульчик, укрепленное почти что на лопатках животного. Как и у жоака Любиной упряжки, на шее оленя болтался бубенчик. Мне было не слышать звона, но именно на него, подумал я, отозвался Антипка и подал сигнал хозяину, что кто-то едет. Привязанный длинной бечевой к седлу, шел запасной олень и был утомлен не меньше первого.

Всадник лихо, на рысях, подкатил к дому. Сартов и Люба, не ждавшие от него такой прыти, подбежали к оленю, бережно подхватили старика на руки, поставили на землю. Он капризно вырвался из их рук и пошел один впереди. Шапка-ушанка на нем, не накрытая капюшоном кухлянки, опушилась инеем и подчеркивала прокопченное, как балык, смуглое лицо. Верхом на олене он смотрелся величественно, и было не угадать его возраста, а теперь это величие куда-то пропало, увяло, сморщилось. Старик был поразительно худ, и одежда из шкур висела на нем как на колу.

В дом он вошел первым. В спину ему незлобно ругалась Люба:

— Вы чего это, папа, с ума сошли, что ли?! Смотрите-ка, приехал верхом,— обратилась она ко мне.— Тоже мне джигит нашелся! А кому операцию недавно делали...

— Не ругайся, дочка, однако,— жмурил глаза Безносов.— Пусть Сартов меня, окаянного, ругает сперва. Мы с ним давно не виделись. И я перед ним шибко виноватый.

Древнее лицо старика было исполосовано множеством тонких морщинок. Он говорил и как-то странно за каждым словом выставлял улыбку. Он не умел одновременно говорить и улыбаться. Лукаво смотрел на Сартова — искал поддержки.

— Я уже давно простил вас, Григорий Ипполитович,— подошел к старику Сартов и тронул за плечо.— Хотя за что мне вас прощать? Вы и не были передо мной ни в чем виноваты. Я только переживал, не напали ли на нас волки. Нынче в тундре их пропасть. Вот этого я больше всего боялся.

— Спасибо, сынок,— закричал Безносов.— Спасибо! — И глаза его влажно заблестели, уставясь на Сартова.— А я тоже о тебе думал: такой хороший начальник разве может долго сердиться...

Мы посмеялись над хитростью старика. А он, довольный собой, продолжал размеренно-спокойно:

— Поеду теперь, однако, к председателю колхоза, пусть и он не сердится. Племянница тройню родила. Ха! Такое что, разве каждый день бывает?! А ты как думаешь? — Он посмотрел на Сартова.

— Я тоже так думаю,— ответил Сартов.— Но не ездите вы больше никуда. Я сам с председателем переговорю по рации. Возвращайтесь лучше в бригаду.

— А на тебя уж и наговаривать стали, однако, из-за меня, старого, — без улыбки заговорил Безнососов. — Кому, однако, зачем это надо — наговаривать на человека? Непокойно, что ли, кому, что есть шибко хороший человек?!

— А-а-а, ничего тут особенного, пустяки. Потерялся человек, вот и надо же с кого-то за него спрашивать. Я ближе всех к вам. Вот и пошло-поехало. Если ни от кого не обороняться — скучно жить станет, Григорий Ипполитович. А мне особенно, я ведь тут один... — хмуро усмехнулся Сартов.

— Один! Жениться надо тебе скорее на Любе, чтобы не быть одному, — посмотрел на собеседника серьезно старик, так вдруг неожиданно повернув тему разговора. — Эвен в тундре никогда один не живет. И ты теперь стал эвеном. Будешь долго собираться, отдам ее за Кешку Чернова. Он шибко глаз с нее не спускает. Такая девка — соболь по тундре скачет. Смотри не проворонь!

Слова эти смутили Сартова и Любу.

— Я понял вас, — вынужден был ответить Любиному отцу Сартов, так как тот сверлил его взглядом, ждал ответа. И, опустив глаза, принялся накрывать на стол. Люба, покраснев, тихонько выскользнула в этот момент в сени.

Старик теперь колюче посматривал на меня. Наконец не сдержал мучившего его любопытства, протянул смуглую жилистую руку.

— Это корреспондент нашей районной газеты, забыл вам представить, — сказал Сартов. — С вами в тундру к пастухам собирается. Покажите ему все — как живете, чего можете...

— Я не кусаюсь, пусть едет, если хочет, — сказал старик и хитро улыбнулся. — Об Любке моей писать будешь, да? Об ней, однако, можно. Она после десятилетки в тундру поехала. А все теперь хотят быть врачами или в клубе работать... Это самое главное, говорят, теперь... А оленей кто станет пасти?! — И обиженно махнул рукой: — Э-э-э, однако!

— Напишет. Обо всем напишет. И о том, что нынче все добытые вами соболя идут на международный аукцион в Иркутск... — успокоил Сартов Безнососова.

— Напишешь? — ласково посмотрел на меня Безнососов, сильно застеснявшись последних слов Сартова. — Ну давай тогда ехать инвертю брать. — И, совсем разволновавшись, пошел к двери, приговаривая: — Чего время зря тратить, время, что ли, не деньги разве? Собирайся давай!

— Куда вы, папа, так сразу? Чайку вот попьем... и поедем тогда, — вмешалась в разговор воротившаяся в дом Люба. — И надо вам, папа, отдохнуть хотя бы маленько. Не торопитесь, солнышко вон еще где. Успеем...

— А где мои олешки? — осведомился он.

— Я их в лес запустил, — ответил Сартов.

— Ну тогда чего же вы не раздеваете гостя?

— Ах, извините, папа, — всполошилась Люба и, подбежав к отцу, стала ослаблять ворот кухлянки, почтительно смахивать с нее несбежавшие капли влаги.

— Попить сперва дай, — отказался от услуг дочери Безнососов.

Сартов быстро налил в кружку брусничного морса, подал ему.

Утолив жажду, своеправный старик засоби́рался уезжать — так подействовала на него похвала Сартова.

Мы выехали, когда метель почти улеглась, и солнце чуть заметным мутным пятном проглядывало на сером небе. Собаки, радуясь погоде, потягивались, провожая нас. Трем оленям в упряжке вполне под силу наш небольшой вес. Запасного учуга — ездового оленя — мы привязали к краю нарты.

— Вы оттуда сразу полетите в райцентр, если будет вертолет, или еще заглянете? — спросил меня Сартов, шагая рядом с нартой и держа за колокольчик учуга, на котором ехала Люба.

— Наверное, сразу, — ответил я. — Дело совершенно ясное. Надо торопиться. Буду защищать вас. А вы тут держитесь.

— Как-нибудь... Как-нибудь... Приезжайте летом. Летом тут по-своему интересно.

— Спасибо. За все вам большое спасибо...

— Бывайте! — перебил меня Сартов и стал потихоньку отставать.

— Всего вам доброго!

Я ехал и все время говорил себе, что не должен еще уезжать, не должен... Но какой-то бес понукал меня в дорогу.

— Сядь как следует! — приказал мне старик. — Не волочи ноги, не видишь — оленькам тяжело!

Не знаю, сколько мы были в дороге, — я не разговаривал со своим спутником, ничего не видел и не слышал. Так длилось, наверное, около часа, когда я вдруг спохватился, что оставил у Сартова главный свой блокнот, толстую тетрадку в коленкоровом переплете с ежедневными записями. Утром я сделал в ней пометки и сунул под подушку. Без этой тетрадки я оставался как без мыслей. И там были записи, сделанные мной в пылу стычек с Сартовым, за которые мне теперь стыдно.

Люба отстала от нас, и я не знал, стоит ли просить ее отца, чтобы он повернул нарту назад. Да и послушает ли он меня? А как же быть, если не возвращаться?! Без этого блокнота я вряд ли могу написать статью вразумительно и быстро: в нем были уже кое-какие наброски.

— Давайте подождем Любу, — попросил я Безносова. — Я что-то боюсь за нее.

Тот подал команду оленям, они пошли совсем медленно, и Люба скоро догнала нас.

Она, показалось мне, очень обрадовалась тому, о чем я ей сказал.

— Что вы, конечно, надо вернуться, — заговорила она и, сразу соскочив с учуга, крикнула отцу: — Стоп, папа! Стоп!

— В чем дело? — недовольно спросил старик, обернувшись на ее крик.

— Вы хороший джигит, папа, садитесь-ка на учуга. — Она быстро отвязала от нарты запасного оленя, привязала к сиденью. — Садитесь же!

Безносов, ничего не понимая, вопрошающе смотрел на дочь и нехотя слезал с нарты.

— Он документы забыл, — объяснила ему Люба.

— Что?

— Документы!

— Э-э-э, однако! Сколько с ним хлопот.— И, насмешливо оглядев меня, он торопливо, негодуя заговорил по-эвенски.

Люба сердито прикрикнула на отца и молча, недовольно смотрела, как он взбирается на учуга. Сев наконец, Безносков сразу быстро поехал не оборачиваясь. Колокольчик-ботало на шее его оленя сердито позванивал, словно передавал настроение седока.

И вдруг он обернулся, крикнул:

— Сегодня же домой! — И опять что-то заговорил с вызовом по-эвенски, суетливо замахал палкой-веслом, словно его сносило течением.

Когда Люба садилась в нарту и встретила мой взгляд, она смутилась. Видно, отец очень неласково прошелся на своем языке в мой адрес. Стесняясь теперь друг друга, мы долго ехали молча.

Нарушила молчание Люба.

— Это я подсказала Сартову, чтобы он показал вам клад браконьеров. Он ведь уже весь изнервничался из-за него. А вы мне понравились, показались надежным товарищем... — сказала она будто не мне. — Он хотел сам довести дело до конца...

— Вы правильно сделали, Люба, — был я тронут ее доверием. — Такого преступления в одиночку не одолеть. И Сартов теперь спокойнее будет спать, а то он и днем и ночью прислушивался: не летит ли вертолет? И меня просил прислушиваться. Что это за жизнь с таким напряжением! Теперь я раскручу все, и милиция найдет преступников. Обязательно найдет.

Люба отвернула плотный рукав кухлянки, остановила долгий взгляд на часах: циферблат их, заметил я, был тоже размечен красными точками.

Время было то самое, когда молчат все радиостанции мира.

«Сартов сейчас сидит и вслушивается в эфир», — подумал я, ощутив какое-то беспокойство за него. И спросил Любу, бывало ли когда-нибудь, чтобы он слышал сигнал бедствия.

— Нет, вряд ли. Наши радиостанции малой мощности. Но, может быть, когда и удастся услышать... И мы слушаем. Я тоже слушаю...

— Не надо вам слушать, Люба! — встревожился я. — Совсем не надо! Какое же у вас будет чувство, если вы услышите SOS, а помочь беде не сможете? Это же все равно что знать о причинах каждой смерти на земле и быть бессильным что-нибудь изменить. И Сартову велите не делать больше этого. Я хотел сам сказать ему, но не был уверен, что он послушает меня. А вас он послушает.

— Да, вы правы, — отозвалась Люба чуть слышно, с неожиданной болью в голосе. — А я как-то так не думала. Для меня это было как игра. А теперь я понимаю: это страшно — услышать вдруг такое. Жутко! Но Сартов, наверное, не сможет не слушать. И говорить ему об этом бесполезно...

Мы помолчали и больше уже не касались этой темы.

Снег набирался солнечного света, и на него становилось больно смотреть.

— Не разыгралась все-таки метель, — заметил я, отвлекаясь от прошедших на ум мыслей.

— Эта зима вообще странная какая-то. Речка не замерзала в тундре. Понимаете? И выше двадцати градусов морозов не было. Дня три или четыре назад после оттепели впервые за всю зиму сразу под пятьдесят ударило. Это перед самым мартом-то. Но всего только двое суток и постоял такой холод.

— В день моего приезда мороз так обозлился, — улыбнулся я.

— Наверное, сердитым приехали? — сказала серьезно девушка. И, как Сартов, выговорила: — В чужой дом никогда нельзя приезжать в плохом настроении.

— Почему же?

— Плохо о тебе думать будут. И вообще с плохим настроением лучше никуда не показываться. Дома сидеть надо...

Мы снова ехали молча. Я порывался что-нибудь спросить Любу о Кате. Она, безусловно, знала ее. Но так и не решился.

Небо наполнялось синевой. Хотелось смотреть на него и смотреть.

Олени шли ходко, задними ногами лихо забрасывая наст снегом. Летучие снежинки радужно посверкивали на солнце, и, словно в детстве, казалось, что все кругом — только праздник.

Люба обернулась ко мне. На румянном лице ее сияла улыбка. И принялась рассказывать, как минувшим летом она плыла в оморочке и из воды прямо в подол ей запрыгнула маленькая диковинная рыбка. Все очень смеялись и говорили, что это ей какое-то богатство привалит. Сюрприз, в общем, будет.

— Жду-пожду, а сюрприза все нет и нет, — перестала улыбаться Люба. Умолкла... И уже до самого дома ни за чем ко мне больше не обращалась, пела вполголоса какую-то грустную песню на своем языке. А я бессмысленно смотрел на убегающий от нас нартовый след...

Сартов немало удивился нашему возвращению, но, узнав, в чем дело, сказал, что нет худа без добра. И сообщил мне, что радировали из редакции, спрашивали, когда я думаю вернуться домой.

— И как вы ответили? — спросил я, что-то почувствовав за этим.

— Ответил, что вы укатили на нарте в тундру к пастухам и оттуда теперь уже возвратитесь домой. Спросили, вернуть нельзя ли? Я сказал, что нет, нельзя: почти два часа вы уже в пути... Только что вот я разговаривал...

— Ладно! — произнес я и снова подумал, что разыскивали меня все-таки неспроста.

— Ну чего вы так загрустили? — тронула меня рукой Люба.

— Да так... Жалею, что не смогу поехать с вами в тундру. Видите,

как складываются обстоятельства.

— Ничего, тундра от вас никуда не уйдет — она вечная, — сказала Люба и без всяких церемоний клюнула теплыми губами и холодным носом меня в щеку, пошла к нарте. — Ну пока! Что? — Ей совсем не хотелось так скоро уезжать, и она ждала, что скажет Сартов, но тот не остановил ее.

Олени сразу же, без разбега, галопом побежали, как только Люба села в нарту и взяла вожжи. Мы с Сартовым провожали ее грустными взглядами, энергично махали руками вслед, не пряча своей симпатии к обаятельной девушке.

Солнце все больше и больше разгуливалось к хорошей погоде. Сорок и ворон не было видно — улетели на кормежку. Это тоже было хорошим признаком.

— Значит, говорите, прокатились? — улыбнулся Сартов, когда нарти не стало видно.

— Прокатился. Но ничего, может, это еще и к лучшему. Хотя, конечно, жаль, что не побывал у пастухов. Я два года уже здесь, на Севере, а так все не соберусь к ним.

Солнце в этот день, казалось, дольше обычного не уходило за горизонт, а когда, так и не порозовев празднично, почти без вечерних всполохов скрылось наконец, сразу наступила темнота. Часов в девять к нам в окно заглянула полная луна.

Сартов вышел из дому. И скоро позвал меня.

Все в природе спало тихо и безмятежно, небо было усыпано крупными звездами, и они, точно подвешенные на ниточках, нереально близко шевелились, излучая таинственный свет. За звездами сплошным крошевом тянулся Млечный Путь. Получалось, что там, на небе, — день, а здесь, на земле, — ночь. Будто кто все перепутал.

— Разве это не счастье — каждый день видеть такое, — раздумчиво проговорил Сартов. — Еще какое счастье! Так и живут пастухи-эвены: у них все время над головой такое небо.

Откуда-то издалека доносились тонкие пронзительные звуки. «Ко-ко-ко. О... О! Тя-ав! К-ко-ко-ко-о-о-о!» — кричал кто-то часто и призывно, как потерянный. «Кье-кье-кье! Къйо-о-о! Ке-ке! Ке...э...э!» — отвечали ему по-матерински нежно.

Странными показались эти звуки в ночной тишине.

— Что это? — спросил я.

— Свадьбы у песцов, — пояснил Сартов. — Март же на носу, через два дня. Только что-то сегодня подзатянулось токование. На заходе солнца они умолкают обычно.

Сартов хотел сказать еще что-то, но вдруг примолк, насторожился. Замер и я, почувствовав его волнение.

— Кажется, летят? А? — спросил он неожиданно спокойно и снял с головы шапку, чтобы лучше слышать.

— Летят, — ответил я, отчетливо различая дробное тарахтение вертолета. Сердце во мне уже прыгало, как там, в гроте, когда я стоял на часах.

— Уйдите сейчас же в сени и наблюдайте за всем оттуда. Вас здесь не должно быть, поняли? — велел Сартов. — Уходите!

Шум вертолета пугающе нарастал.

— Да вынесите скоренько мне на всякий случай ружье. Я его зарядил, в углу оно стоит, в моей комнате.

Я быстро вошел в дом, отыскал ружье и принес Сартову.

«Не зря у меня на душе было так беспокойно сегодня, — думал я. — И как же хорошо вышло, что я забыл блокнот. Да, нет худа без добра...» Я еще стоял у крыльца. Вертолет из темноты летел прямо на дом. Он точно-в-точь походил на летающую тарелку, какой ее изображают «очевидцы». Луч прожектора, торчащий слева, как бы расчищал вертолету дорогу, и он пугающе выглядел в ночи. Я подумал, что это не вертолет, а что-то другое. Уж больно необычно было смотреть на этот стремительнодвигающийся сноп света. Казалось, что сейчас от надвигающегося грохота и свиста произойдет что-то непоправимое — перевернутся вверх дном небо и земля. Собаки забеспокоились и стали истерично лаять. Сартов прикрикнул на них — и они трусливо попрятались в лаз.

— А вы чего ради здесь! Уходите быстро! Я же вам сказал! — закричал он и на меня, увидев, что я еще мешкаю.

Вертолет повис над самым домом. Будто песком хлестало по дребезжащим окнам, снег забрасывало в открытые сени. Перед домом стало светло как днем. Яркий свет уменьшил и без того небогатырскую фигуру Сартова. Он стоял в неподвижном ожидании, став совершенно седым от вихрящегося снега, с ружьем, держа приклад под мышкой, а руку в перчатке на ложе, не пряча лица от ослепительного луча прожектора и жгучих плетей ветра. И столько было мужества, силы в этом человеке, что я сразу же овладел собой и едва сдержался, чтобы не кинуться к нему на выручку, не встать рядом с ним.

Вертолет продолжал неистово свистеть и грохотать, ослепляя площадку у дома. Собаки больше не лаяли, я слышал только, как беспокойно они вели себя под полом, боязливо поскуливали, не находя себе места от страха. Снегу в сенях было уже по щиколотку.

Послышался какой-то новый звук, наверное, распахнулась дверь вертолета, и тут же раздался усиленный мегафоном, полный злобы голос:

— Это ты там стоишь, Сартов?!

— Не узнал, что ли?! — задирая голову, как старому знакомому, спокойно ответил Сартов, скорее для себя — услышать его в этом шуме винтов было невозможно.

— Что же ты, козел вонючий, рвань, делаешь?! Архаровец, иннок несчастный! — Мегафон захлестывало площадной бранью. Передохнув, кричащий продолжал: — Я даю тебе пару дней — отвези все назад и положи как было: упаковочка к упаковочке, знай, я не терплю беспорядка. У меня все. Да не вздумай артачиться! И с ружьем чтоб я тебя больше не видел. Секешь, сука?!

— Все твоё добро... оппрри-ходо...вано... в поль...зу кол...хоза! — напругал из всех сил голосовые связки Сартов.

Ему было нелегко докричаться.

Но его, кажется, услышали, потому что дверка вертолета щелкнула только после того, когда уже были произнесены Сартовым последние слова.

Прожектор погас, шум стал отдаляться. От наступившей необычной тишины в ушах неприятно что-то переключалось и звенело. Глаза ослепли и совершенно ничего не различали...

Когда наконец зрение ко мне вернулось, я увидел Сартова, а сначала мне показалось, что он исчез вместе с вертолетом. Сартов, как и прежде,

стоял в темноте, не поменяв позы. Опешив от пережитого волнения, я машинально наблюдал за ним в окно, боясь снова потерять из виду.

Скоро он подошел к крыльцу, присел на самую нижнюю ступеньку, положил ружье на колени и, опершись на локти, запрокидываясь назад, лег на все четыре ступеньки — расправил тело, широко раскинул ноги.

На деревьях перепархивали, вскрикивая, птицы. Часть гнезд их была разрушена. Был поврежден ветряк — и окно в доме тревожно мигало, как лампочка на «скорой помощи». Упав на ограду дворика метеостанции, неугомонно верещал флюгер.

— Ну чего вы там затаились, — позвал меня Сартов. — Выходите, полюбуемся еще на звезды... — Голос его снисходительно-нервно похрипывал, или это он сорвал связки, когда кричал.

Я вышел почти ощупью, все еще не доверяя глазам, ноги меня не слушались. Сел рядом с ним.

— Ужас какой-то! Это же хулиганство высшей марки... — сказал я. — Я бы в них выстрелил, не сдержался. У меня нет вашего хладнокровия... — И перебил себя: — Значит, они уже слетали к гроту, а мы с вами не слышали когда. Проворонили.

Но Сартов, занятый своими мыслями, вроде бы не услышал меня и немного погодя, как бы выходя из задумчивости, спросил, все еще волнуясь:

— Ну и как вам этот Демосфен? Прямо заслушаешься, да? Рычал, будто камешки в его глотке перекатывались. — И вскипел, не удовлетворившись своей иронией: — Сволочь! Какая сволочь!

Он больше не в силах был скрывать раздражение и досаду, что ничем не смог ответить на мерзкие оскорбления.

— Мне этот голос показался знакомым, — сказал я. — Но где вот я его слышал? От кого?

— То-то и оно: «От кого?» — Сартов ухмыльнулся и, приподнявшись на локте, посмотрел мне в глаза. — Если вы серьезно где-то его слышали, вспоминайте. Это только поможет следствию. Да-да!

Я прожил у Сартова еще три дня, ожидая визита браконьеров. Но они не прилетали.

Торопился писать статью и уже предполагал, как удивит всех в редакции мой зигзаг — что я защищаю, я не разоблачаю Сартова. И беспрестанно припоминал, чей же голос я слышал с вертолета.

Этим утром вышла на связь Люба, я слышал разговор Сартова с ней. Люба удивилась, что я до сих пор не уехал. К ней тоже обращались из редакции, спрашивали, где я. Сартов ничего не стал объяснять, только сказал, что уезжать я собираюсь сегодня. Хотя для себя этого я еще не решил окончательно.

Поговорив с Любой, Сартов передал мне от нее привет и сказал то, что я уже слышал:

— Я думаю, пора вам. Все будет теперь прекрасно, больше они не прилетят, незачем, думаю. Погода как по заказу, только разве без сильного морозца. Тогда-то морозец грянул лихой.

— Все совпадает с тем днем... Только бы нам еще не поссориться, как тогда.

— Уж чего доброго... — заметил Сартов и добавил: — «Без шепотки глупости нет настоящей жизни», — сказал Эразм Роттердамский в своей «Похвале глупости».

— Да, уж глупости между нами было предостаточно. Настрелялись мы друг в друга из игрушечных пистолетов. Дым, смрад стоял, смертей только не было, — улыбнулся я через силу, чувствуя себя очень неловко.

— Хуже, когда в споре погибает истина, — произнес серьезно Сартов. — Хуже...

Я пристально, как в день приезда, разглядывал его лицо... У меня еще тогда возникла к Сартову симпатия, но я не послушался того, что подсказывали мне сердце и интуиция.

Как должен я поступить сейчас? Уехать от него, изобразив из себя правдоискателя, который, докопавшись до истины, берется защищать его и этим оказывает милость?.. Это само собой. Но не все... Я решил извиниться перед ним, а сделать это почему-то никак не мог.

— Скажите, только честно: у вас были ко мне неприязнь, злое чувство, когда мы схватывались? — спросил я. — Ведь не на шутку же мы схватывались!

— Были, — ответил Сартов не сразу. — Были. Но только моментами, вспышками. Я по натуре своей такой, что не могу долго ни на кого сердиться. А между мной и вами я не видел существенных разногласий, видел просто неуступчивость. И сразу я заметил, что вы совершенно испорченный человек, а просто заблуждаетесь. Кем-то подзаряженный. Ну как бы не со своей идеей пожаловали. И мне захотелось вывести вас из этого затруднения. Но я сразу был к вам расположен, уверяю вас. Даже там, на вертолетной площадке, в день вашего приезда, вы мне были симпатичны. Хорошее ведь и плохое в людях видно издали, как бы кто его ни прятал...

— А я почему-то верил, что вы Арай Гуми, — стыдился я себя, но говорил. — Думал, актерствуете, умно актерствуете. И все время нервничал, боялся проиграть вам. Тем приятней мне в этом теперь разочароваться, узнать, что вы совсем другой человек. — С этой дистанции я уже легко говорил ему то, к чему трудно готовился. — Только извините, Дмитрий Дмитриевич, за дерзость и непристойные издержки, что я допускал в поисках истины. Да, да, сердечно прошу вас извинить меня за все. Мне это будет хорошим уроком. Так теперь стыдно... Зачем только вы сразу не сказали мне всего...

Извиняться было нелегко. Совсем нелегко. Все время хотелось найти себе оправдание, и какой-то спазм перехватывал горло, точно не я, а меня сильно унизили. Последнюю фразу я буквально выдавил из себя. И когда наконец поставил точку, почувствовал, что пережил удивительное душевное облегчение. Ведь я приехал обидеть этого человека.

— Ну зачем вы так... — Сартов, смутившись моих слов, быстренько вышел из дома и принялся запрягать собак.

Мне надо было собраться и переодеться в то, в чем я приехал.

Когда я вышел, нарта стояла, готовая в дорогу.

Потрепав по шерсти всех без исключения собак, потискав щенков, я подошел к Антипке, сделал то же, ожидая от него на прощание какой-

нибудь дружеской проказы — как-никак и на охоту вместе ходили, и в такой дерзкой операции участвовали, но пес только косо посмотрел на меня и остался стоять на месте, наострив уши, точно был чем-то озабочен.

«Вот и люди так... Почему мы нередко боимся искренности, активной доброты и не боимся высказывать своего тщеславия, своей чрезмерной гордости,— думал я.— Почему за проявление их нам какое-то мгновение бывает неловко, а потом так легко?»

— Поедемте потихоньку,— подошел ко мне Сартов.— Через минут двадцать должен быть вертолет.— И посмотрел на часы.

Мы едва успели.

Когда нарты выкатили на взлетную площадку, вертолетчики уже выкидывали остатки груза на снег. Они, видимо боясь непогоды, прилетели раньше обычного.

Высокая стопа газет и журналов, перехваченная бечевкой, возвышалась на мешке с солью и комбикормом.

— Писем нет? — спросил в первую очередь Сартов, как в день моего приезда.

— Пишут,— ответил стандартной шуткой молодой пилот, не догадываясь, как она может ранить.

— Ну и ладно,— притворно весело сказал Сартов. И принялся за таскивать мешки на нарту.

Я хотел помочь ему. Но тот же молодой пилот спросил жестко меня:

— Летите с нами? — И поторопил: — Давайте тогда быстрее, ждать не будем.

Я остановился, посмотрел пристально на Сартова, он сразу же обернулся ко мне.

— Ну что, бывайте здоровы! — пожелал ему.— Встретимся еще.

— Чего же не встретиться...— улыбнулся он.

— Ну давайте же! Давайте! — уже бесцеремонно торопил меня пилот.

Я быстро влез в машину по маленькой, неприятно лязгнувшей лесенке. И тут Сартов с какой-то детской непосредственностью, озорно крикнул:

— Шапками давай меняться! Слышишь?!

Я оторопел. Совсем забыл, что на мне его лисья шапка, теплая и удобная. Я за эти дни привык к ней, как к своей.

«Ах ты, черт!» Я не подумал, что он шутил и как бы сравнивал этими словами наши отношения — прежние и теперешние — и говорил этим мне, что люди могут быть беспричинно врагами, а потом вот стать друзьями, какими подобает им быть всегда.

— Ловите! — я сдернул треух с головы, совершенно искренне извиняясь перед ним в душе.

— Ты что! Не надо! — будто испугался моего жеста Сартов.— Я... это так...

Но было уже поздно: я бросил шапку прямо ему под ноги.

— А то еще что-нибудь подумают,— постарался я успокоить его.— Так надежнее, Дмитрий Дмитриевич... Надежнее!

Вертолетчик закрыл дверь, велел мне садиться.

Я присел на холодный козырек сиденья и вдруг подумал, что своим

поступком, возможно, очень сильно обидел Сартова. А ведь хотел уберечь его от сплетен. Или же я хотел уберечь от сплетен себя? Как неприятно, глупо все!

Кинулся к двери. Но вертолет уже болтало в воздухе. Сартов, видно было в иллюминатор, стоял как вкопанный на прежнем месте и напряженно глядел в небо. Мне с этой стороны было не видно, а он хорошо видел, как с другой стороны на летную площадку заходил вертолет, о рейсе которого его не извещали.

Только когда вертолет выровнялся и мы летели уже по курсу, я, глянув в иллюминатор, понял, в чем дело.

— Чей это вертолет приземлился? — спросил я.

— Милиции, — ответил командир экипажа. — Обыск у Сартова сейчас будут делать с понятыми... Он, разве не слышали, лихой браконьер. Валютчик...

— Верните меня к нему, — шарахнулся я к пилотской. — Прошу вас! Это очень хороший человек!

— Я вам что, извозчик?! — возмутился командир. И насмешливо успокоил меня: — Не волнуйтесь, сейчас его арестуют и доставят на центральную усадьбу...

«Арестуют»! Я вдруг вспомнил, какая у меня возникла ассоциация, когда мы в день приезда везли груз с вертолетной площадки: я сидел в нарте, а Сартов, задумавшись, шел за ней, держась за кожаную бечевку, как привязанный. Вот и этот уже легко поверил в то, во что однажды поверил я. Неприятное чувство толкнулось во мне, и сердце обдало новым стыдом.

«Эх ты, Сартов...» — думал я с горечью, крепко прижимая голый затылок к вибрирующей стенке вертолета. Значит, браконьеры, как ты и предполагал, решили мстить. Навели на тебя милицию. Вот так зигзаг. Они захотели посадить тебя за свои грязные дела. Какой иезуитский ход нашли! И я теперь в твоих глазах ни больше ни меньше — провокатор. Я же предложил тебе перевезти икру на склад. Самый настоящий провокатор. Исчезло из нашей жизни мерзкое это слово, полагал ты, а оно, выходит, вовсе не исчезло. Есть еще провокаторы...

Но кто, кто они — наводчики? Решиться на такое мог только крайне уверенный в своей безнаказанности человек... Кто он?

Вертолет сел прямо в центре поселка, на футбольное поле школы-интерната.

Я сразу пошел к председателю колхоза, но его не оказалось, уехал в район. Вся надежда была теперь на помощь председателя сельского Совета. Но здесь никто не знал, что Сартов обвиняется в браконьерстве. Слухи ходили, но никто в них не верил. Сартова знали как очень честного и порядочного человека. Вертолет с милицией из райцентра не заходил сюда.

Все было запутано и ничего не ясно. Я заторопился в райцентр, отменил командировку и взял билет на самолет, который должен был улететь только через два часа. У меня оставалось достаточно времени, чтобы попытаться здесь хоть как-то защитить Сартова, когда его привезут.

Я ходил по поселку и терзал себя всякими догадками.

Мне не давал покоя слышанный с вертолета голос. Этот голос перекатывался в моих ушах от первого до последнего слова. И был очень знаком, хотя мегафон огрубил и исказил его.

На огромной Доске почета, что возвышалась у правления колхоза, среди передовиков я нашел портрет Сартова. И здесь его никто ни в чем не подозревал. Выходит, Сартов нехорош кому-то из райцентра. И вертолет с понятыми полетел к нему оттуда, а не из поселка. Все делалось прямо как по заказу...

— Товарищ корреспондент,— окликнул меня председатель сельсовета Громов, лобастый эвен маленького роста. Мы с ним хорошо были знакомы, я частенько по телефону принимал от него информацию о жизни села, делах колхозников.

Я остановился.

— Откуда вы взяли, что Сартова должны арестовать?

— Так арестовали уже, везут сюда не вертолете,— сказал я, почему-то веря тому, что сообщили мне вертолетчики. Они всегда все знали раньше других. Словно им сверху было все виднее.

— Не может такого быть! А почему тогда об этом Советская власть не знает?!

Я только пожал плечами.

— Спасибо,— сказал он зачем-то.

— Вон вертолет уже летит! Пойдемте к нему,— позвал я Громова и успокоил: — Сейчас, наверное, нам все объяснят.

Когда мы зашли на спортивную площадку, винты машины уже успокоились, пилот распахнул дверь и цеплял ступеньки. Я встал у самого входа. Пилот соскочил на землю, не воспользовавшись ступеньками, и я сразу увидел Сартова. Взгляды наши встретились. Лицо его нервно дрогнуло. И он словно не был удивлен тем, что увидел меня здесь, наверное, так, по его мнению, и должно было быть. Не глядя больше в мою сторону, Сартов неторопливо, с достоинством, хоть и было ему это тоскливо-неприятно, сошел на летную площадку. За ним вышли, видимо, понятые — двое незнакомых мне мужчин и женщина.

Из вертолета стали небрежно выбрасывать мешки и банки с икрой. Я содрогнулся с отвращением. Вспомнилось, как в тот день, когда мы, хорошо отмывшись в бане, легли спать, меня долго еще преследовал тошнотный запах икры, словно я весь вымазался в ней.

— Вы акт об изъятии икры у браконьеров прихватили? — намеренно громко спросил я у Сартова.

И вышло это очень глупо. Он не обернулся в мою сторону и ничего не сказал. Мне даже показалось, что он как-то брезгливо дернулся всем телом.

«Да, он считает меня провокатором», — подумал я. И, отозвав в сторону милиционера, принялся объяснять, что я только что прилетел от Сартова, двумя часами раньше, и он ни в чем не виноват, что я буду об этом писать в свою газету, и показал редакционное удостоверение.

— Не волнуйтесь, товарищ Жаров,— милиционер заглянул в удостоверение,— простите, Журов. Во всем разберутся. А пока что у него при обыске найдено вот что... — он выразительным жестом показал на икру.

Добавил многозначительно. — Таких крупных браконьеров мы давно уже не брали.

— Это вовсе не его икра! — не отступал я. — Вот у меня копия акта об изъятии ее у браконьеров.

— Акт? Какой акт?

— Есть такой акт. Подписанный мной и Безносовой. И вам еще придется отвечать за свои поступки.

— Санкция на обыск дана районным прокурором, — закончил объяснение милиционер и, с насмешливым любопытством посмотрев на меня, отдал честь.

Я сник. Санкция есть санкция. Помочь здесь Сартову я уже ничем не мог.

— Составить акт и отвезти икру на колхозный склад, — велел кому-то Громов. И все пошли за ним в здание конторы.

«Неужели он не верит мне?» — мучился я, думая о Сартове. И когда он зашагал к сельсовету, я забежал вперед метров на двадцать, повернулся и пошел навстречу.

Мы были уже совсем близко друг от друга, могли столкнуться, я пристально посмотрел ему в глаза. Они у него как будто потеплели, оттаяли. И он вроде бы догадался, что меня гнетет.

— Ну что вы, что вы! — выдавил он из себя. — Я все, все хорошо понимаю. — И тут же, показалось мне, переменялся. Я увидел по его странно холодному взгляду, убитому лицу, что он думает совсем не так, и почувствовал себя маленьким-маленьким и будто попал в мышеловку.

И острее, чем прежде, ощутил его одиночество, несправедливо дарованное ему судьбой. Вспомнил его слова, сказанные в раздражении: «Я бы над тем посмеялся в сердцах и стал презирать, пожалей меня кто-нибудь. Вот если бы кто позавидовал...»

Все-таки такой жизни вряд ли можно было завидовать, думал я сейчас. Можно восхититься ею, но завидовать нельзя.

Я поймал себя на том, что жалею Сартова. А он в этом не нуждался. Прогнал от себя это чувство и побежал к самолету: нужно было торопиться в райцентр — чем скорее появится статья в газете, тем лучше.

И вдруг остановился на краю поля, задумался, весь напрягшись: «Ну чей же, чей же это голос я слышал над домом Сартова?»

И вспомнил Мелентьева...

Уже стремглав мчался я к самолету, хотя никто никого еще не приглашал на посадку. Занырнул в салон и сидел там, колеблясь, а не ошибся ли я. Нет! Голос принадлежал ему, отверг я сомнения.

Сидел и представлял себе встречу: как мы посмотрим друг другу в глаза...

Спасибо Любе, это она помогла мне разобраться во всем, узнать правду; сам я, может быть, так и не докопался бы до истины — уехал бы ни с чем, храня подозрение. Статью, скорее всего, не написал бы, не найдя для этого серьезного повода, а когда потом вот так бы взяли Сартова «с поличным», поверил бы в его вину и кусал локти, ругал себя за то, что упустил «интересный» материал...

Поток беспорядочных дум отвлекал меня от всего, я даже не видел, как пассажиры вошли в салон. Не заметил, как взлетел самолет и вот

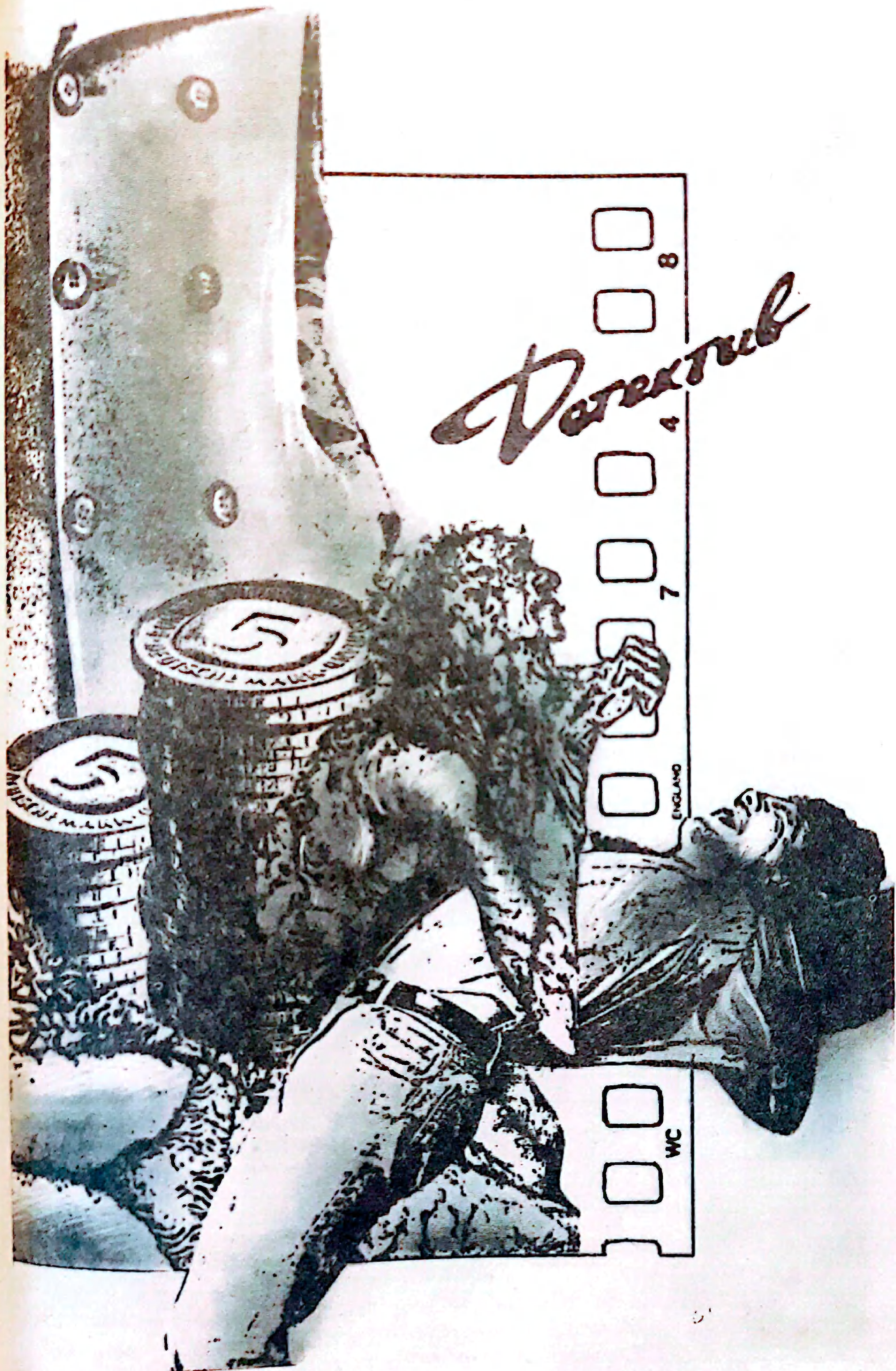
уже устремлялся на посадку, вздрагивая, точно сбегал по крутым ступеням.

Больше всего меня волновало то, что Сартов, которому ни от чего и ни от кого не надо было защищаться, сейчас попал в такое положение, когда вряд ли кто мог поверить, что он невиновен.

Как просто было ему тогда в море выйти в эфир с сигналом SOS — и беды как не бывало. И как совсем не просто ему выйти из беды теперь, в такой, казалось бы, нелепейшей ситуации.

Я глянул в иллюминатор: земля была совсем близко...

И хотя я твердо знал, что победа будет за мной и Сартовым, на душе у меня все же не было спокойно, я чувствовал себя так, как будто тоже был причастен к несправедливому позору честного человека...

Виктор Пронин приобрел известность как автор детективов. В 1976 году опубликовал первый роман «Тайфун», затем были написаны книги «Ошибки в объекте», «Не приходя в сознание», «Явка с повинной». Большой интерес вызвали психологический роман «Кандибобер», сборники рассказов «Маленькие слабости», «Будет что вспомнить», недавно издана книга «Ночь без любви».

Пронин В —

Ростислав Самбук родился в Гомельской области. Член Союза писателей СССР, участник Великой Отечественной войны. Его перу принадлежит более двадцати романов и повестей, в остросюжетной форме раскрывающих образы работников правоохранительных органов. Среди них: «Портрет» Эль Греко», «Фальшивый талисман», «След волка», «Сокровища третьего рейха», «Скифская чаша», «Горький дым» и другие.

Самбук Р —

Леонард Фесенко — уроженец Урала. По образованию юрист-правовед. Член Союза журналистов СССР. Работал в журнале «Советская милиция». Его очерки и рассказы публиковались в центральной и республиканской прессе. Трудится в органах внутренних дел, осуществляя связь средств массовой информации с правоохранительными органами. Является автором-составителем сборников «Люди долги и отваги», «Повести и рассказы о советской милиции».

Л. Фесенко

М. З.

С утра до вечера вопросы...

День начинался в полном смысле слова мерзко. Соседняя котельная то ли от избытка тепла и пара, то ли от недостатка слесарей начала спозаранку продувать трубы и так окуталась паром, что совсем исчезла из виду. А гул при этом стоял такой, будто где-то рядом набирала высоту эскадрилья реактивных самолетов. Гул продолжался десять минут, пятнадцать — спать было невозможно, и Демин, почувствовав, что уже сам начинает вибрировать в такт гулу, поднялся. Он босиком прошлепал по линолеуму в соседнюю комнату, включил свет и направился к окну, чтобы взглянуть на термометр. Красный столбик заканчивался где-то возле нуля. Жестяной карниз был покрыт мокрым снегом, тяжелые хлопья сползали по стеклу, внизу на асфальте четко отпечатывались редкие следы первых прохожих. Снег, видно, пошел недавно, и был он медленным, влажным, каким-то обреченным, будто знал, что до следующего утра ему никак не продержаться.

Демин открыл форточку, зябко поежился, охваченный холодным, сырым воздухом. Котельная все еще гудела, и Демин смотрел на клубы пара без ненависти или недовольства. Только страдание можно было увидеть на его лице.

— Нет, это никогда не кончится, — беспомощно пробормотал он, отправляясь в ванную бриться.

— Пельмени в холодильнике, — не открывая глаз, сонно пробормотала жена.

— Ха! В холодильнике... Не в гардеробе же...

— И посади Анку на горшок. А то будет горе и беда.

— Посажу, не привыкать сажать-то...

Нет, день все-таки начался по-дурацки. Усаживая дочку на горшок, Демин забыл снять с нее штанишки, а когда спохватился, было уже поздно. Сделав нехитрые свои дела, она спала прямо на горшке, и Демин опять уложил ее в кроватку. А потом он вставил в станочек новое лезвие и, конечно, порезался, обжегся бульоном, когда ел пельмени, и, спускаясь по лестнице, водил языком по небу, пытаясь оторвать обожженную кожицу.

На улице Демин облегченно вздохнул — котельная наконец-то угомонилась и наступила такая тишина, что он услышал шлепанье капель с крыши дома, гул электрички в двух километрах и даже собственное дыхание. До станции решил идти пешком, но не успел сделать и нескольких

шагов, как грохочущий, еще издали ставший ненавистным грузовик обдал его грязным снежным месивом. Демин даже не чертыхнулся. Он успокоился.

— Все понятно, — пробормотал он вслух. — Намек понял. Что-то будет... Благодарю за предупреждение.

Шагая к станции, он думал о том, как сядет в вагон электрички у окна и будет смотреть на медленно светлеющее небо, на грузные от снега ели, на черные контуры редких изб с тускло светящимися маленькими окнами, замечать, как по мере приближения к городу огней становится все больше и они сливаются в большое светящееся зарево.

На перроне ему повезло — двери вагона распахнулись прямо перед ним. Демин быстро вошел и сел на свободное место у окна. Даже здесь, в несущемся поезде, чувствовался запах тающего снега, мокрой коры деревьев и многих других неуловимых вещей, которые твердо обещали — скоро тепло. Из полумрака вагона были видны поля, перелески, дороги с ожидающими машинами на переездах, а потом, когда электричка въехала в город, Демин с грустью рассматривал мокнувших на платформах людей, светлые окна в просыпающихся домах, тусклые отражения фар на дорогах, железнодорожных переездах, автобусных остановках.

Подходя к управлению, он сразу понял, что пришел первым — окна маленьких кабинетиков следователей были еще темные. Светилось лишь окно начальника следственного отдела.

— Чего это он? — вслух спросил себя Демин. — Тоже котельная разбудила? — Он усмехнулся, но возникшая настороженность не прошла.

Открывая тяжелую дверь, он остро ощутил и холод мокрой металлической ручки, и то, что она болталась на проржавевших шурупах, увидел, что лампочка на площадке явно мала, перила — разболтаны, хотя поправить — минутное, копеечное дело.

— Привет! — буркнул Демин, проходя мимо дежурного — тот за большим витринным стеклом неслышно разговаривал с кем-то по телефону.

— погоди! — крикнул дежурный. — Срочно к начальнику следственного отдела.

— На кой?

— Не будешь так рано на работу приходить!

— Раздеться-то я могу?

— Ни к чему, наверно!

— Даже так...

Демин озабоченно ссутулился и, сунув руки в карманы намокшего плаща, медленно зашагал по длинному узкому коридору, с сожалением прошел мимо своего кабинета, искоса глянув на номерок, приколоченный к двери. Нулевой день, подумал он, это уж точно. Где-то он читал, что у каждого через какое-то время наступает этот самый нулевой день — человек вроде впадает в заторможенное состояние, повсюду опаздывает, везде ему не везет и все у него невпопад. Писали, что в какой-то японской компании даже высчитали нулевые дни всех служащих и вручают им в эти дни любезные предупреждения — так, мол, и так, дорогой, сегодня будь осторожен, чтобы не попасть под машину, не поссориться с друзьями, не разругаться с женой.

Мокрый снег шел сильнее, когда Демин вышел из управления, и он невольно замешкался под бетонным козырьком, не решившись выйти сразу. У самого крыльца виднелись следы недавно проехавшей машины. Шагая за ним, Демин обогнул угол здания и безошибочно вышел к «Волге». Ветровое стекло было залеплено снегом, но водитель не включал «дворники», чтобы не нарушить уют маленького, отгороженного от внешнего мира уголка. По «Маяку» передавали погодные новости — о жаре в Средней Азии, дождях в Прибалтике, похолодании в Якутии, оттепели в Москве...

— Привет,— бросил Демин, усаживаясь рядом с водителем.

— Привет,— охотно ответил фотограф — молодой длинный парень, который никак не мог усвоить законы субординации и одинаково радушно приветствовал и дежурного старшину, и начальника управления.— А мы-то думаем, кого сейчас принесет,— продолжал фотограф.— Про тебя, Валька, никто не сказал, даже не подумали... Не могли допустить, что ты так оплошаешь.

— Нулевой день, ребята, ничего не поделаешь... Вот адрес,— Демин показал водителю бумажку.— Улица Северная... Знаешь?

Водитель мельком взглянул на адрес, молча кивнул и включил мотор. Машина медленно выбралась со двора и резко рванулась вперед, набирая скорость.

— А что случилось, Валентин Сергеевич? — спросил оперативник — небольшого роста румяный крепыш, который все еще волновался перед каждым заданием и, кажется, даже просыпался по утрам с учащенно бьющимся сердцем.

— По слухам, девчонка из окна выпала.

— А откуда слухи?

— От начальства.

— Значит, не слухи, а информация! — с робким возмущением проговорил оперативник.

— Можно и так сказать. Во погода, Володя! — повернулся Демин к водителю.

— Хуже не бывает! Сколько добра сегодня на дорогах пропадет, сколько машин разобьется, сколько ребят хороших...

— Заткнись, Володя,— спокойно сказал Демин.— Без нас посчитают.

Это был старый, дореволюционной постройки дом, один из тех, которые называли доходными. Окна высокие и узкие, как бойницы, пятый этаж вполне соответствовал нынешнему седьмому. «Снега маловато, жалко, сошел снег,— подумал Демин, прикидывая высоту дома.— Если бы внизу сугробы...» Двор тоже высокий, тесный, огражденный со всех сторон такими же домами из темно-красного кирпича.

Все стояли, спрятавшись от снега под квадратной аркой, и осматривали двор с тощими, чахлыми деревцами, которые высаживали здесь каждую весну, а потом, промучившись с ними все лето, выдергивали осенью сухие палки, чтобы весной опять посадить прутьи.

— Ну что? — спросил фотограф.— Можно начинать?

Демин посмотрел на него, отметив снежинки на непокрытой голове, сигарету, небрежно зажатую в уголке рта, распахнутое короткое пальто,

фотоаппарат, болтающийся на животе. «Кавалерист,— подумал Демин.— Все легко и просто, все с налету, с повороту, по цепи врагов густой...»

— Начиная,— сказал он.

— А что начинать-то?

— Вот и я думаю, с чего начинать? Думал, может, ты знаешь,— Демин усмехнулся.— Вон идет участковый, он нам все скажет. Ты, Славик, его слушай. И вообще совет — внимательно слушай участковых. Они много чего знают. Привет, Гена! — поздоровался Демин с подошедшим участковым.

— А, Валя! Здорово, что ты приехал... Привет, ребята! Видите, окно на пятом этаже? Третье слева, видите?

— Со шторами?

— Да, самое красивое... А упала она вон там, я два кирпича положил. Их уже снегом припорошило. Тот кирпич, что на ребре,— отмечает, где ее голова лежала. Очень неудачно упала, просто хуже не бывает.

Все молча подошли к двум кирпичам, лежащим примерно в полутора метрах друг от друга. Никто не решался нарушить молчание, будто девушка все еще лежала здесь, на асфальте. Фотограф нагнулся, перевернул кирпичи, чтобы они виднее были на снегу, брезгливо отряхнул руки и вдруг резко отшатнулся в сторону — он увидел, как следы, только что оставленные им на снегу, наполнились красноватой подтаявшей влагой.

— Да, это кровь,— невозмутимо объяснил участковый.— Не успели подчистить... Да я и не позволил... Мало ли что, вдруг следователю такая чистоплотность не понравится, а, Валя?

— Гена, а ведь она далековато от стены упала,— сказал Демин.

— Далековато. Я тоже об этом думал. Будто сзади ее кто-то подтолкнул или напугал... Но она и сама могла оттолкнуться.

— Могла,— с сомнением сказал Демин.

— Я прибежал в квартиру, когда они там еще все спали.

— Или делали вид, что спят,— сказал румяный оперативник.

— Как начали они замки открывать, щеколды откидывать, запоры снимать... Я думал, что кончусь прямо на площадке.

— Значит, чужой не мог попасть? — спросил Демин.

— Без помощи хозяев — ни за что! А ты думал! Коммунальная квартира, три хозяина. У них не только на входной двери, внутри все двери в замках, как в орденах! Коммунальная квартира,— повторил участковый, будто это все объясняло.— В одной комнате жила Селиванова, во второй будто это все объясняло.— В одной комнате жила Селиванова, во второй старушка обитает, в третьей два парня. Братья, между прочим. Лет по тридцать.

— Женатые?

— Нет. Холостые.

— А Селивановой сколько было?

— Двадцать. Или около того. Ты прав, для братьев она, конечно, представляла интерес... Это неизбежно. Девушка была того... В порядке девушка. Все на месте, все при ней.

— Братья были дома?

— Да, собирались на работу. Тяжело собирались, с похмелья. Поэтому открывала старушка. Сутарихина. Фамилия ее такая. А братья — Пересоловы.

— По какому случаю у них пьянка была?

— А! — участковый поморщился. — Зарплата.

— Как все началось?

— Ее дворничиха нашла. Под утро. Вышла подметать и нашла. Девушка еще живая была. Дворничиха тут же ко мне. Двор глухой, рань, так что ее почти никто и не видел. Только когда «скорая» подъехала, собралось человек пять. Я записал их, но в свидетели они не годятся, ничего не видели, подошли, когда уже машина стояла здесь. Повздыхали, поохали и разбежались по конторам рассказывать ужасную историю.

«Это как раз в то время, когда котельная моя гудела, — подумал Демин. — Будто прощальный гудок давала. А когда я порезался в ванной, ее уже в машину погружали... А умерла она, выходит, в те самые минуты, когда я к электричке шел».

— Дверь в комнату Селивановой была заперта?

— Да. Изнутри. Это точно. Тут можешь не сомневаться. На замке есть небольшая кнопка, когда ее опускаешь, замковое устройство блокируется, и открыть снаружи невозможно, понимаешь? Так вот, эта кнопка была опущена.

— А из окна никто не мог спуститься?

— Смотри сам, — усмехнулся участковый. — Если бы кто и спустился, то на карнизах нижних окон неизбежно остались бы следы ног, карнизы-то заснеженные. Нет следов, я уж проверил. Братишки Пересоловы помогли мне дверь высадить. В комнате порядок. Даже постель неразобрана, как если бы хозяйка не ложилась спать, понимаешь? Неразобрана, но смята. Ложилась, видно, девка, но не до сна было. Много окурков. Бутылка. В таких случаях всегда есть бутылка. На этот раз — виски.

— Настоящее?

— Самое настоящее. И на этикетке нет чернильного штампа, который в ресторанах и барах обычно ставят. Понимаешь? Тут есть над чем подумать. В продаже таких бутылок нет.

— Братья уже ушли на работу?

— Нет, я их на свой страх и риск дома оставил. Думаю, вдруг пригодятся. Ты уж отметь им повестку, а?

— Отмечу. Комнату опечатал?

— За кого ты меня принимаешь, Валя?!

— Как братья отнеслись к тому, что ты их дома оставил?

— По-моему, обрадовались. Как я понимаю, головы у братишек трещат, с третьего этажа треск слышен.

— Ну, пошли. Да, позови дворничиху, слесаря, кого-нибудь... Понятые нужны.

— А вон они стоят... Я уже давно их позвал.

— Ну ты, Гена, даешь! — восхищенно сказал Демин и усмехнулся, показав не очень правильные, но крепкие, белые зубы. И первым вышел из-под арки — длинный, слегка сутулый, в знаменитой на всю прокуратуру беретке, которую не снимал большую часть года, в тяжелых туфлях на толстой подошве, в слегка узковатых брюках. Демин терпеть не мог расклешенных и мужественно ждал наступления времен, когда узкие брюки снова войдут в моду.

Фотограф, сняв несколько раз кирпичи на асфальте, окно на пятом этаже, общий вид двора, тоже направился вслед за Деминым и участковым.

Дверь в квартиру открыла Сутарихина. Увидев среди вошедших участкового и решив, что он все объяснения возьмет на себя, молча повернулась и засеменила по темному коридору к себе в комнату.

— Одну минутку! — остановил ее Демин.

Сутарихина остановилась и, не оборачиваясь, из-за спины одним глазом посмотрела в сторону вошедших.

— Простите, — Демин подошел к ней поближе, — вы здесь живете?

— Ну? — настороженность, чуть ли не враждебность прозвучала в этом не то вопросе, не то утверждении. Замусоленный передник, платье с короткими рукавами, обнажавшими крупные жилистые руки, узел волос на затылке, клеенчатые шлепанцы...

Тяжелый разговор будет. Опустившиеся люди обычно неохотно общаются с незнакомыми, скупое говорят о себе и стараются побыстрее скрыться в свою скорлупу от взглядов, от внимания чужих людей. Типичная обительница коммунальной квартиры, где никто не чувствует себя хозяином, считая и себя, и соседей временными, чужими, нежеланными здесь людьми. Квартирка тоже еще та... Тусклый коридор, заставленный тумбочками, шкафчиками, старыми кроватными сетками, всем тем, что не помещается в комнате и что жалко выбросить на свалку. На длинном, мохнатом от копоты шнуре висела маленькая лампочка, вырванный из гнезда выключатель болтался на проводах, двери провисли от тяжести окаменевших слоев краски и запоров...

— В какой комнате жила девушка? — спросил Демин.

— А вот ее дверь, — Сутарихина не глядя кивнула на высокую двустворчатую дверь и тут же снова бросилась в темноту коридора.

— Гражданка Сутарихина! — громко и властно сказал участковый таким голосом, каким никто здесь никогда, наверно, не разговаривал, — будто команду отдал.

Сутарихина не только остановилась, она распрямилась и послушно повернулась ко всем лицом.

— Вот этот товарищ, — участковый говорил все тем же зычным голосом, — хочет с вами поговорить. У него к вам вопросы, касающиеся смерти вашей соседки Натальи Селивановой. Вам все понятно?

— А чего ж тут понимать... Все как есть понятно. А вопросы... Чего ж не ответить, отвечу.

— Не в коридоре же! — укоризненно сказал участковый.

— Да, конечно... — Сутарихина сделала приглашающее движение рукой: заходите, мол, если уж это так необходимо. — Только у меня неприбрано, не до того сегодня...

— Ничего, он человек закаленный, к трудностям привык, стерпит ваш беспорядок. Вот что, ребята, — повернулся Демин к оперативникам. — Принимайтесь за работу. Особое внимание — не было ли у нее гостя. Ну и, конечно, телефоны, адреса, переписка и так далее. Поняты здесь? Отлично.

Демин подождал, пока участковый откроет дверь, тоже вошел, огляделся. Кроме нескольких щепок, оставшихся после того, как утром пришлось

взламывать дверь, в комнате не было заметно никакого беспорядка. Толстая накидка на диване, полированный стол, на котором стояла начатая бутылка виски, тяжелые шторы на окне, почти весь пол закрывал красный синтетический ковер.

— Ничего гнездышко, а, Валя? — заметил участковый.

— Да, вполне ничего, — согласился Демин. — Ладно, ребята, вы трудитесь, а я с соседкой побеседую. А то, глядишь, еще передумает.

— Она может! — засмеялся фотограф. — Бабуля, как я понял, строгих правил, с ней не забалуешь!

Сутарихина смотрела на вошедшего Демина с явной растерянностью. Ну вот, дескать, ты хотел войти, посмотреть, как я живу, смотри. Старая кровать с никелированными шариками, с наспех наброшенным суконным одеялом, деревянная рама с множеством фотографий под стеклом, будильник, стол, накрытый выцветшей клеенкой, сковородка с застывшей картошкой... Все говорило о нужде, невеселой жизни, может быть — доживании.

— Проходите, коли вошли, — Сутарихина как-то неумело улыбнулась, не часто, видно, ей приходилось улыбаться. — В дверях-то чего стоять... — Подхватив полотенце, она протерла табуретку для гостя. Демин еще раз осмотрел комнату, и Сутарихина настороженно проследила за его взглядом. — Небогато живем, но не жалуемся, — сказала она.

— Я смотрю, родни у вас немало, — Демин показал на раму с фотографиями.

— Много родни, — согласилась Сутарихина. — Было.

— Вон как... Вы уж простите...

— Ладно, чего там...

— Соседка ваша, похоже, из окна выбросилась. Хотел узнать — сама или кто помог?

— Ой, не знаю, — глаза Сутарихиной сразу стали несчастными, больными. — Скромница, умница, красавица... Всегда поздороваётся, в праздник с гостинцем забежит, в магазин соберётся — обязательно спросит, не надо ли чего...

— Комната принадлежит ей?

— Родители для нее снимают комнату, а она учится, иностранные языки изучает. В Воронеже родители живут... Я уж телеграмму утром дала... Завтра небось приедут... Чего сказать им, чего сказать — ума не приложу! Не уберегла Наташеньку, ох не уберегла!

— Она давно здесь жила?

— Третий год пошел... Как поступила в институт, так и поселилась.

— Гости у нее часто бывали?

— Ой, можно сказать, что не заходили к ней гости-то.

— Вчера поздно пришла?

— Ну, как поздно... Темно уж было. Часов в девять, наверно.

— Вы ничего не заметили? Может быть, она была взволнована, заплакана, встревожена чем-то?

— Нет, не заметила. Случалось, конечно, приходила и заплаканной, и растревоженной, но ведь оно и понятно — дело молодое. А вчера вместе с

ней мы чайку попили... Вот сейчас припоминаю, молчала... Но она всегда такая, не говорунья была, нет. Молчит, улыбается, слушает... Все больше я говорила, мне есть чего рассказать.

— Она всегда дома ночевала?

— Не знаю, как сказать...

— Значит, не всегда? — уточнил Демин.

— Не всегда, — горестно согласилась Сутарихина. — Конечно, будь я ей матерью, строже бы спросила, а так что — соседка. Но и беды большой в том я не видела. У подружек засидится, чего ей через весь город тащиться? Если не придет ночевать — всегда позвонит, предупредит, так, мол, и так, Вера Афанасьевна, сегодня меня не ждите. Никогда не забывала предупредить. И училась хорошо, отметки показывала, все пятерки, четверки, других и не было. Грамота у нее из института за самодеятельность...

— Так, — твердо сказал Демин, останавливая Сутарихину. — А последнее время вы стали замечать за Наташей что-то неладное?

— Да, что-то с девкой твориться начало... — поддавшись его тону, женщина кивнула.

— Давно?

— Месяца три, почитай...

— Кроме чая, она пила что-нибудь покрепче?

— Вы имеете в виду...

— Вино, водку, виски...

— Однажды, — Сутарихина понизила голос, словно собиралась сказать нечто невероятное, — однажды я от нее запах вина слышала. Веселая пришла, все болтала, да нескладно, невпопад, будто самое себя заговорить хотела. Призналась — у подружки на именинах была. Спрашиваю, а ребята были? Были, говорит. И улыбнулась. Знаете, так улыбнулась, будто о чем плохом подумала.

Демин смотрел в скорбные, заплаканные глаза старой женщины и мысленно ругал себя — надо же так ошибиться! Он шел в эту комнату, заранее готовя себя к разговору с замкнутой, недовольной всем белым светом старухой, а познакомился с человеком, может быть, не очень счастливым, но сохранившим в себе чуткость к чужой жизни. Это ведь заметить надо — пришла веселее обычного, непривычно много болтала, а улыбалась нехорошо, будто о чем-то плохом вспоминала... И сейчас вот сидит спокойно, достойно. Не суетится, не мечется, не бравирует нуждой, как это часто бывает, не ищет виновных, не брюзжит.

— К ней заходили подружки?

— Никогда. Спрашиваю: чего ж, доченька, подружки к тебе не заходят? А чего им заходить, говорит... Живут далеко, в общежитии, институт тоже не близко. Это, говорит, мне сподручнее к ним ездить, я у них и заночевать могу, койка всегда найдется, не в той комнате, так в этой, посекретничать всегда есть с кем...

— А парень у нее был?

Сутарихина быстро взглянула на Демина, опустила глаза, помолчала, наматывая на палец тесемку от передника.

— Наверно, все-таки был... Захожу как-то к ней, а у нее на столе фотка... Парнишка. Молоденький, худенький. Хотела спросить, да она как-то быстро его и спрятала. Приятный молодой человек, видно, с пониманием о жизни.

Я не удержалась, спросила... Но, видно, вопрос не понравился Наташе, любопытство мое она осадила. Не то чтобы резко или грубо... Просто сделала вид, что не услышала. Тогда уж и я сообразила язык прикусить. Чего к человеку в душу-то лезть? Придет время, сама скажет. А ооо, время-то, вона какое пришло, — Сутарихина всхлипнула, закрыв лицо руками.

— А эти... соседи ваши, братья Пересоловы? Как они к ней?

— Что сказать... Пересоловы, и все тут. Другие люди. Неплохие ребята, не пропойцы, не скандалисты, помогут всегда, если, случится, попросишь... И друг дружку чтут, никогда драк промежду собой не бывает или ругани какой... Но вот как-то интересу к жизни нет. Все у них просто, так просто, что дальше некуда. Стремления нету. Заработать, поесть, попить, покурорелить, песни попеть, похохотать — и все тут. А к Наташе... Нет, не забирали они ее, подарки иногда приносили, когда праздник какой, Новый год, к примеру, или женский день... Хоть и выпимши придут, а подарки принесут.

— Какие? — спросил Демина, вспомнив про виски на столе в комнате Селивановой.

— Господи, какие у них могут быть гостинцы! Конфетки, цветочки, игрушку какую-нибудь — не то медведя, не то зайца... Сейчас ведь их так делают, что сразу и не разберешься, что за зверь такой... Знаю, знаю, что хотите спросить, сама скажу. Было дело, попробовали они к ней с мужским интересом, но... Говорю же, другие люди. Я уж набралась наглости, пошла к ним... Уж так отчитывала, так отчитывала... — Сутарихина, не выдержав, расплакалась.

— Вера Афанасьевна, а теперь скажите — в квартире этой ночью чужих не было?

Сутарихина перестала плакать, тыльной стороной ладони вытерла слезы на щеках и пристально посмотрела на Демина, словно пытаюсь понять скрытый смысл вопроса.

— Я вам вот что скажу: ежели вы кого подозревать надумаете... кроме нас, жильцов, в доме никого не было. И быть не могло. Уж мы-то не первый год вместе живем. Пересоловы навеселе придут — и то я знаю, сколько они выпили, сколько с собой принесли. Наташенька позвонит, а я могу прикинуть, какое настроение у нее, какие отметки в портфеле.

— Может, у Наташи в комнате кто был? Она, к примеру, раньше впустила...

Сутарихина отрицательно покачала головой:

— Не было у нее никого. Чай мы пили вечером. И потом опять я к ней в комнату заходила, не помню уж и зачем...

— А если вспомнить?

— Господи! — Сутарихина досадливо махнула рукой. — Чаю она мне купила где-то в центре. Вот за чаем я и зашла.

Женщина поднялась, подошла к шкафчику, достала из него несколько пачек индийского чая и положила перед Деминым.

— Вот. Сказывала, что в центральном магазине брала. Проверить можно. Там ведь тоже не всегда хороший чай бывает, а вчера был. Поезжайте, вам-то уж директор полный отчет даст — чем вчера торговали, что попридержали!

— Верю, Вера Афанасьевна, — улыбнулся Демин. — А ночью никто не мог зайти? Вдруг еще у кого ключи есть?

Сутарихина, не говоря ни слова, поднялась и вышла из комнаты. Вернувшись через минуту, она положила на стол перед Деминым небольшой ломик с раздвоенным концом.

— Вот. Гвоздодер. Кроме замка мы еще дверь на гвоздодер запираем. Хоть бульдозером открывай — ничего не получится.

— А из жильцов никто не мог впустить постороннего?

— Нет! — нетерпеливо сказала Сутарихина. — У меня такой сон... У меня и нет его, сна-то. Забудешься на часок-второй и опять лежишь, в потолок смотришь, годы тасуешь... Кто воды выйдет попить, или, прости господи, по нужде в отхожее место пошлепает, или эти, Пересоловы, перекур на кухне устроят — все слышу.

— Наташа эту ночь спала?

— Плохо спала, — озабоченно сказала Сутарихина, вытерев слезы углом передника, — как чувствовала, я уж думала, может, чаем ее крепким напоила, что заснуть не может... А потом звонок был. Телефонный. Трубку поднял Анатолий... Да, Толька первым подошел, это младшой, он как раз на кухне сидел. Как я поняла, Наташу спрашивали. Толька положил трубку на тумбочку и пошел к ее двери. Постучал несколько раз. Это у нас знак такой — к телефону, мол, иди.

— О чем разговор?

— А не было разговора. Да — нет, да — нет... А потом Наташенька... Оставьте, говорит, меня в покое. Вот и все.

Демин, казалось, был озадачен. Поднявшись, он взял в руку гвоздодер, подбросил, как бы прикидывая его надежность, и осторожно положил на стол между чашек.

— Спасибо, Вера Афанасьевна. Похоже, мы с вами еще свидимся... Подумайте, может, чего вспомните.

— Вспомню — скажу, таить не стану, — суховато ответила Сутарихина.

Оробевшие братья Пересоловы маялись на кухне, курили, не решаясь ни заглянуть в комнату к Селивановой, ни уйти к себе. Время от времени они лишь молча переглядывались, как бы говоря: «Вот так-то, брат, такие дела пошли...» И не чувствуя себя здесь хозяевами, в своей квартире, курили как гости — выпуская дым в открытую форточку и стряхивая пепел в ладошки.

— Ну, что скажете, братья-разбойники? — приветствовал их Демин.

— А что сказать — беда! — ответил, видимо, старший брат. Он был покрупнее, с крепким розовым лицом, слегка, правда, помятым после вечернего возлияния, с четко намеченным, крепким животиком. Взгляд его маленьких острых глаз был насторожен и подозрителен. Он словно заранее знал, что ему придется оправдываться, доказывать свою невиновность, и уже был готов ко всему этому.

— Давайте знакомиться, — Демин протянул руку. — Валентин.

— Василий. — И рука у старшего брата оказалась сильная, плотная. — А его Анатолькой дразнят, — он показал на младшего брата.

— Пусть Анатолька,— согласился Демин, пожимая руку младшему. Тот польщенно улыбался, смущался, чувствуя на себе внимание чужого незнакомого человека.

«По всем показателям младший,— подумал Демин.— И послабее, и судя по всему, у брата на побегушках. Ладонка помягше, характер, видно, тоже. Типичный характер младшего брата».

— Ну а теперь, ребята, расскажите, что у вас тут произошло, как понимать, чем все это дело пахнет.

Анатолий быстро взглянул на Василия, как бы спрашивая разрешения заговорить, но, поскольку тот сделал вид, что не заметил беспокойства брата, сник и промолчал.

— Это, как я полагаю, вы должны рассказать, что произошло,— значительно и в то же время с подковыркой сказал Василий.— Мы спали, ничего не видели, не слышали, мы люди простые...

— Я вижу. Потому и пришел к вам.

— Зря пришли,— сказал Василий, глядя в пол.

— Кто из вас этой ночью подзывал Селиванову к телефону?

— Я звал,— неуверенно сказал Анатолий и опять посмотрел на брата. Василий оставался невозмутимым, но в его спокойствии сквозило недовольство, неодобрение поспешностью Анатолия. Василий, видимо, был из тех, кто стремится всегда «поставить себя», чтоб сразу оградить от пренебрежения и дать понять, что за себя он постоять сумеет, не позволит помыкать собой.

— В котором часу это было?

— После двенадцати,— ответил Василий.

— В котором часу это было? — повторил Демин, глядя в глаза Анатолию.

— Он же сказал...

— Я слышал. Но я спрашиваю не у него. Вы подзывали Селиванову к телефону, вам и вопрос.

— Минут пятнадцать второго,— негромко ответил Анатолий.

— Вы не спали? Почему?

— Засиделись...

— А Селиванова спала?

— Нет... Вышла сразу, будто ждала этого звонка.

Демин заметил, как у Василия шевельнулись, дрогнули желваки. Ему не нравилось, как разговаривали с его братом, не нравилось, что он сам оказался в стороне, как второстепенный, незначительный участник событий.

— О чем говорили? — спросил Демин.

— Я не слушал,— ответил Анатолий и покраснел.

— Ну а все же?

— Говорит ведь человек — не слушал! — вмешался Василий.— Придумывать ему, что ли? Мы тут такого напридумаем...

Демин помолчал, разглядывая Василия с каким-то недоумением.

— Вы упрекнули меня в том, что я не могу рассказать вам, как погибла Наташа,— заговорил Демин размеренно.— А теперь, когда я выясняю обстоятельства ее гибели, вы вдруг затеяли какие-то игры... Что, собственно, вам не нравится? Я вам не нравлюсь?

— Нет, почему же... — смутился Василий.

— А раз так, то будьте добры, пройдите к себе в комнату. И посидите там, пока я поговорю со свидетелем, — жестко сказал Демин.

— Это что же получается...

— Прошу поторопиться. Закон запрещает допрашивать свидетелей пачками. Свидетелей должно допрашивать по одному. Чтобы они не мешали друг другу, не сбивали друг друга с толку и не вмешивались в расследование преступлений. Иначе их показания потеряют всякий смысл и юридическую достоверность. Статья сто пятьдесят восьмая уголовно-процессуального кодекса.

Василий, прищурившись, протяжно посмотрел на Демина, как бы желая показать, что тот сильно рискует, разговаривая с ним таким тоном. Потом усмехнулся, нарочито медленно подошел к форточке, положил на согнутый палец окурок и щелчком отправил его на улицу. Неторопливыми, дразнящими действиями он будто хотел подчеркнуть свое достоинство, независимость в поступках.

— Ладно, — сказал он, не то смягчаясь, не то озлобляясь. — Скажу только...

— Потом, — перебил его Демин.

— Я смотрю, с людьми вы разговариваете...

— По закону, — Демин плотно закрыл дверь за Василием и сел на табуретку напротив Анатолия. — Тяжело быть младшим братом?

— Бывает, — смутился Анатолий. — Васька ничего парень, с ним жить можно... Он боится, что мы из-за всей этой истории попадем в передрагу, да потом и не выберемся из нее.

— Авось не попадете, — успокоил его Демин. — Итак, мы остановились на том, что ты позвал Наташу к телефону. Сам остался у двери. Это ясно. О чем она говорила? С кем? Как? Каким тоном?

Анатолий помялся, искоса поглядывая на дверь, за которой только что скрылся Василий, и наконец заговорил, сжав коленями сцепленные пальцы:

— Чудной какой-то разговор был... Наташа больше молчала. Иногда, правда, будто успокаивала кого-то... Ничего, мол, не волнуйтесь, я слушаю, я у телефона... Видно было, что ей неприятен этот разговор и она побыстрее хочет закончить его... Потом сказала: «Давай вываливай, что там у тебя еще припасено, вываливай все сразу». А минут через пять снова звонок. Наташа еще не ушла к себе и трубку подняла сама. И, не слушая, сразу выдала... Ты, говорит, все сказала и я все сказала. И бросила трубку.

— Значит, разговор был с женщиной?

— Почему? — удивился Анатолий.

— Но ведь ты сам только что произнес ее слова: «Ты все сказала...»

— Вообще-то да, — Анатолий был озадачен. — Получается, что с женщиной... Я и не подумал.

— Твой брат ее не любил?

— Не то чтобы не любил... Остерегался. Он будто какую-то опасность в ней чувствовал... Иногда даже робел... — Анатолий вздохнул, снова оглянулся на дверь, стараясь не встретиться взглядом с Деминым. Но все-таки поднял глаза и посмотрел жалко и беспомощно. — Я как-то подкатился к ней... Ну а почему бы и нет? Я неженатый, она тоже свободная... Девушка кра-

сивая... С красивыми всегда все и случается — и хорошее, и плохое... А с дурнушками — никогда ничего. Живут всю жизнь спокойно, сплетничают, завидуют, толстеют... и все...

— Влюбился? — спросил Демин.

— А куда деваться? Тут никуда не денешься! Под одной крышей живем, как семья, можно сказать. Не очень дружная, но семья...

— И ничего не вышло?

— Не вышло, — Анатолий растерянно улыбнулся. — Сказала она мне вроде того, что, мол, надо свой шесток знать... Да я и сам понимал, что Наташа — не моего пошиба девка. А чем, думаю, черт не шутит, и попер... В общем, получил от ворот поворот... А Васька как узнал, что она меня отшила, обидно ему показалось. Будто она и его мордой в грязь ткнула...

Демин представил себе эту жизнь в коммунальной квартире, где бок о бок живут чужие друг другу люди, словно сведенные вместе ради жестокого опыта — узнать, что из этого получится. Их различие, неприятие друг друга, все их столкновения, привязанности, чувства, ссоры заносятся в какие-то ведомости, отчеты, сводки. А люди живут, привыкнув, а может, попросту смирившись, и уже готовы показаться друг другу сонными, с помятыми лицами, не в самых лучших нарядах, а то и вовсе без нарядов... А эти их мимолетные, равнодушные и напряженные встречи в тесном, заставленном дряхлыми вещами коридоре, пропахшем жареной картошкой, луком, обувью, мылом. И вот здесь появляется Селиванова — яркая, нарядная, словно бы из другого мира, появляется только для того, чтобы переночевать и снова уйти в сверкающий красками, чувствами, возможностями мир, который был недоступен и потому особенно привлекателен для остальных жильцов... Каким жалким и неполноценным, обойденным судьбой чувствовал себя Анатолий, когда, придя вечером со смены и отмыв руки от въевшегося черного мазута, надев свежую сорочку, которую сам накануне выстирал, повязав случайный, несуразный галстук, толкался в коридоре, надеясь дождаться Наташу, встретиться с ней, переброситься словом, улыбкой, посторониться, пропуская ее — о, боже! — в туалет или ванную, и ждал, ждал, ждал хоть какого-нибудь поощряющего жеста, взгляда...

Конечно, ей льстила его робость, преданность, какой бы она ни была. Это всегда лестно. Влюбленность даже прячущаяся, униженная дает женщине силы радоваться жизни и любить... Любить кого-то другого. Но она не откажется иметь поклонника, готового на любую услугу...

— Послушай, Толя, — обратился к парню Демин, — а скажи, Селиванова не давала тебе никаких поручений?

— Поручений? А почему вы решили, что она...

— Нет-нет, погоди. Я ничего не решал. Возможно, она тебя предупредила, чтоб ты никому не говорил, поскольку это для нее очень важно. Понимаешь? Я не настаиваю, что дело было именно так, но в порядке бреда могу предположить? Могу. Так вот, теперь можешь говорить откровенно. Моя задача — найти причину самоубийства, если это действительно самоубийство, найти людей, которые довели ее до состояния, когда смерть кажется лучшим выходом...

— Понимаю, — перебил Анатолий. — Поручения были. Несложные, не-

трудные... Просила она меня не то два, не то три раза коробки отвезти по одному адресу...

— Коробки? Какие?

— Магнитофоны. Запакованы они были, фабричная упаковка. Дорогие игрушки. Японские, западногерманские. В комиссионках по полторы тыщи.

— А куда отвозил?

— Мужiku одному...

— Адрес помнишь?

— Нет, но показать могу. И как звать его помню — Григорий Сергеевич. Маленький, шустрый, суетливый какой-то... Все лебезит, лебезит, а потом вдруг возьмет да и нахамит. Манера такая. Дескать, я вон какими делами ворочаю, а ты, мразь вонючая, получай тройк за услуги. И уж радости у него при виде этих коробок, чуть за живот не хватается. А как-то рюмочку поднес. Оказалось — самогонка. Тыщами ворочает, а самогоночкой балуется. Но как я понял, держит ее для угощения не очень почетных гостей. Стоит у него в шкафчике и кой-чего попрличнее.

Демин ссутулился на кухонной табуретке, зажав, как и Анатолий, ладони коленями. Значит, появляется некий гражданин по имени Григорий Сергеевич, самодовольный человек, балующийся самогонкой и импортными магнитофонами. А Селиванова? При чем тут Селиванова? Запуталась девчонка? Или запутали?

— Послушай, Толя, а кто привозил коробки сюда? Наташа?

— Не знаю, не видел.

— А этого любителя сивухи узнаешь?

— Хоть в двенадцать ночи. Почти лысый, животик выпирает, брюхатенький мужичок, и моргает, будто веки у него снизу вверх ходят, как у петуха.

Внезапно дверь распахнулась, и на кухню вошел Василий. Лицо его от возмущения пошло красными пятнами, а дышал он так, будто на пятый этаж бегом взбежал.

— Что?! — заорал он, остановившись перед Деминым. — Расколол пацана, да?! Расколол! Так и знал!.. Ах, твою мать, ты ведь упекешь его! Толька! Я ли тебе, дураку, не говорил? Посидеть захотелось?

— Заткнись, — тихо сказал Анатолий.

— Что?! А ну повтори!

— Я сказал, чтоб ты заткнулся.

— Расколол? — повернулся Василий опять к Демину. — Доволен?

— Очень, — Демин поднялся. — Да, я доволен разговором с вашим братом. Он оказался честным и порядочным человеком. Как я понял, эти качества не вы ему привили. Может быть, лучше сказать иначе — вы из него эти качества еще не вытравили. Трусоват твой старшой-то, — с улыбкой сказал Демин Анатолию. — Ишь запаниковал как... Ну ладно, братишки, не скучайте. Из дому не уходите пока, вдруг понадобится...

— А ему, — агрессивно начал Василий, кивнув на младшего брата, — сухари сушить?

— Можно повременить, — улыбнулся Демин.

— Мои показания вас не интересуют?

— Вы хотите сказать что-нибудь существенное?

— Да нет... Я вообще...

— А-а! — разочарованно протянул Демин. — Поговорим как-нибудь после.

Обыск в комнате Селивановой еще продолжался. Фотограф в творческом волнении расставлял на столе американские сигареты, японский зонтик, бутылку шотландского виски, стакан с тяжелым литым дном. Понятые сидели на диванчике. Им давно наскучили нехитрые обязанности, и слесарь с дворничихой вполголоса толковали о ремонте парового отопления, о лифте, начальнике жэка, которому ничего не стоит человека обидеть, о каком-то хаме, повадившемся выбрасывать мусор из окна...

— Странная была студентка эта Селиванова, тебе не кажется? — участковый кивнул на раскрытый шкаф, в котором висели две дубленки, небрежно брошенные лежали две пары заморских сапог, песцовая шапка...

— Благосостояние растет, — пожал плечами Демин.

— Больно темпы высоки, — хмуро сказал оперативник. — Если все начнут такими темпами свое благосостояние повышать, мы не будем поспевать на выбросы.

— Какие выбросы? — спросил Демин.

— Из окон.

— С твоим юмором не здесь надо работать.

— А где? — засмеялся участковый. — По-моему, он как раз на месте.

— Что отпечатки? — спросил Демин у эксперта.

— Вроде чужих нету. Наверняка отвечу вечером.

— А виски?

— Бутылка открыта совсем недавно. Вечером, если не утром.

— Снимки есть?

— Сколько угодно, — оперативник протянул Демину большую папку с фотографиями.

Да, Селиванова любила сниматься, явно нравилась себе, и не только себе, это тоже было ясно. Белокурые волосы, пухлые, почти детские губы, слегка капризный, уверенный в неотразимости взгляд. Вот на фотографии Селиванова хохотала во весь рот, и Демин мог убедиться, что у нее на удивление красивые, ровные зубы. На одном только снимке девушка была совершенно иной: угрюмый взгляд, не то беспомощная, не то нагловатая улыбка, какая бывает у людей, застигнутых на некрасивом поступке. Разглядывая этот снимок, Демин не мог отделаться от впечатления, что эта ее ухмылка предназначалась для него — настолько прямой взгляд был у Селивановой на фотографии. Ясно, что так девушка смотрела на человека с фотоаппаратом. На оборотной стороне снимка — стояла дата. Только дата, больше ни слова, ни буквы. Снимок был сделан два месяца назад. Снимок говорил и о том, что была у девушки Наташи другая жизнь, не только та, о которой знала сердобольная Сутарихина.

Демин отобрал из пачки несколько снимков и сунул их в карман.

— А вот это, Валя, тебе не покажется интересным? — оперативник положил перед Деминым коробку, наполненную всевозможными женскими побрякушками, колечками, квитанциями, нитками. — Посмотри,

здесь почти десяток этикеток из «Березки»... Ну из магазинов, которые за валюту торгуют...

Демин взял коробку, вытряхнул ее содержимое на диван. Несколько минут внимательно перебирал, рассматривал бумажки, этикетки, квитанции. Они рассказывали еще об одной стороне жизни Селивановой.

— Ну вот, это уже интересно, — проговорил он. — Квитанция на денежный перевод. Мама высылает Наташе двадцать пять рублей и заранее извиняется, что больше выслать не может. Слышишь, Гена, — подозревал он участкового. — Картошку купили родители Наташи. На зиму запаслись. И эта покупка серьезно вышибла их из колен...

— Ну и что?

— Это говорит о том, что благополучия Наташа достигла своими силами. Старики ее, как я понял, не самые состоятельные в Воронеже люди. Покупка нескольких мешков картошки всерьез нарушает их финансовые обязательства. А у девушки Наташи две дубленки... Если я не ошибаюсь, общей стоимостью порядка полутора тысяч рублей.

— Мать честная! — в волнении зажала рот руками дворничиха, услышав эту невероятную с ее точки зрения сумму. — Это где же взять их?! Такие-то деньги...

— Дочку красивую надо иметь, мамаша! — засмеялся фотограф. — Нынче красивые дочки в цене!

— Нет уж, сынок, — строго проговорила женщина. — Тогда и денег мне этих не надо. Господь с ними, с деньгами-то. Не ужилась, видно, девка с деньгами в одной комнате, выжили они ее, в окно вытолкнули, во как! С деньгами большими не каждый уживется, они, деньги-то, с норовом, кто по слабее — переломить могут, со свету сживут!

— Верно говоришь, мать, — согласился фотограф. — В одной комнате действительно трудно с деньгами ужитья, тут квартира нужна попросторнее... Это ты верно подметила. За такие слова и кадра не жалко, — он резко повернулся и щелкнул аппаратом так неожиданно, что женщина не успела убрать с лица осуждающее выражение.

— Тьфу, черт лохматый! — шутливо выругалась дворничиха. — Хоть бы причесаться дал.

Демин открыл окно и посмотрел вниз. В нескольких метрах раскачивались верхушки высоких деревьев, внизу, на асфальте, все еще лежали кирпичи, припорошенные мокрым снегом. Выпрыгнула Селиванова рано утром, почти ночью, в темноте. Надо же, нашлась у девчонки бутылка виски... А не будь ее, кто знает, и сейчас была бы жива. Поревела бы, побижалась бы на кого-то, но осталась бы жива. Выпила примерно стакан. Количество вполне достаточное, чтобы любая неприятность превратилась в трагедию. Говорят, правда, что пьяному море по колено... Не знаю, полагал Демин, не знаю... Большинство преступлений совершается в пьяном состоянии не потому, что кое-кому становится безразличной собственная судьба... Скорее наоборот — обостряется чувствительность, преувеличенно воспринимается любое брошенное слово, безобидное замечание кажется смертельным оскорблением, вполне терпимое положение воспринимается как безвыходное.

Ну что ж, доложим начальству все как есть, думал Демин, перелистывая маленькую записную книжечку Селивановой. Книжка была необычная,

узкая, длинная, в алом сафьяновом переплете, с прекрасной бумагой. Такого не купишь в канцелярском магазине, скорее всего тоже из «Березки». И еще одно заметил Демин — книжка была новая и два десятка телефонов, занесенных в нее, очевидно, переписывались совсем недавно из старого блокнота.

Дверь в комнату резко, без стука открылась — на пороге стояла бледная Сутарихина.

— Там звонят, — проговорила она шепотом. — По телефону... Наташу просят... Я сказала, чтоб подождали...

— Валера! — Демин повернулся к одному из оперативников. — Быстро в соседнюю квартиру. Позвони оттуда — пусть засекут телефон. Пусть...

— Знаю! — крикнул оперативник уже из дверей.

— Вера Афанасьевна, — негромко сказал Демин, — возьмите трубку и скажите, чтоб подождали.

— Господи, как же это? — Глаза старой женщины наполнились слезами. — А ну как не смогу?

— Сможете! — жестко сказал Демин. — Идите!

Своей резкостью он хотел возмутить женщину и тем придать ей силы. Сутарихина испуганно взглянула на него и вышла в коридор. Видя, что она не решается взять трубку, Демин сам взял ее, прислушался. «Соседка пошла звать...» — услышал он низкий женский голос. После этого раздался торжествующий смех человека, который добился своего, сумел доказать свою силу. «Ничего, побесится, перестанет... Через это надо пройти. Ну что там?!» — последние слова прозвучали четче, ближе других. Видно, неизвестная собеседница выкрикнула их прямо в микрофон.

Демин передал трубку Сутарихиной.

— Алло! Алло! — зачастила женщина. — Вы меня слышите? Алло?! Участковый восторженно ткнул Демина в бок — во, мол, дает бабка,

время тянет, как опытный оперативник.

— Алло! — надрывалась Сутарихина. — Девушка!

— Да слышу, слышу! Чего вы орете, как будто вас...

— Подождите минутку... Алло!

В конце коридора, насупившись, стояли братья Пересоловы, и во всем их облике было неодобрение. Демин навис над Сутарихиной, пытаясь разобрать, что говорит сипловатая собеседница. Понятые робко выглядывали из комнаты Селивановой — они, кажется, так и не поняли, что происходит.

— Хорошо, я позвоню через пять минут, — сказала женщина и, не дослушав, повесила трубку.

— Низкий нагловатый голос? — вдруг спросил молчавший до сих пор младший Пересолов.

— Да, наверно, его можно назвать таким, — озадаченно проговорил Демин. — Ты ее знаешь?

— Она звонит иногда... Не так чтобы часто, но и не первый раз. Кстати, этой ночью она звонила. Ее зовут Ирина.

— А отчество, фамилия? — спросил Демин.

— Не знаю, Наташа не говорила.

— Напрасно. — проворчал Демин.

— Я могу подойти к телефону... Она иногда передает через меня кое-что для Селивановой... То есть передавала.

Демин раздумчиво посмотрел на младшего Пересолова, на Сутарихину, в глазах у которой засветилась надежда на избавление от такой неприятной роли.

— Хорошо. Подойдешь ты.

Несмотря на то что звонка все ожидали, прозвенел он неожиданно и как-то резко. Анатолий взял трубку, настороженно посмотрел на нее, не поднося к уху, будто опасался этой трубки.

— Да, — наконец проговорил он недовольно. Трубку Анатолий держал чуть поодаль, чтобы и Демин мог слышать слова.

— Кто это? — опять прозвучал хриловатый женский голос.

— А кто нужен?

— Толя, ты?

— Ну?

— Толик, будь добр, кликни Наталі, а?

— А что я буду за это иметь?

Демин молча пожал парню локоть — правильно, мол, так держать. Тяни время, не торопись.

— Что будешь иметь? — переспросила женщина. — Это ты уж с Наталі договаривайся! — она хрипло засмеялась.

— С ней договоришься, как же! Держи карман шире...

— Можно, Толя, можно. Заверяю тебя, что с ней несложно договориться. Видно, ты не с того конца начал.

— С какого же конца надо начинать?

— Ха, я бы тебе сказала, но рядом люди... Они могут меня неправильно понять. Но ты меня, надеюсь, понял.

На лбу парня выступили маленькие капельки пота. Демин только сейчас представил себе — каково ему было вести этот вроде бы такой шутливый разговор. Но Анатолий неплохо держался. Ворчливостью и недовольством он скрывал свое состояние.

— Ну, ты что замолчал? Смотался бы за соседкой!

— А кто зовет?

— Ты что, ошалел? Скажи — Ирина к телефону зовет.

— А отчество? — уныло спросил Анатолий.

— Перебьется и без отчества.

— Ладно, подожди... — пробурчал Анатолий и передал трубку Демину. Некоторое время в трубке не раздавалось ни звука. Потом вдруг четко и громко прозвучали слова: «Конечно, придет, никуда не денется». Все тот же низкий женский голос. И Демин даже на расстоянии чувствовал, что принадлежит он человеку хваткому, самоуверенному, привыкшему поступать по-своему.

В дверях появился оперативник.

— Все в порядке, — проговорил он шепотом. — Засекли.

— Спроси, может, чего передать Наташе, — сказал Демин, отдавая трубку Анатолию.

— Алло! Ира! Может, что передать?

— Слушай, ну и копуха она стала! Как у нее настроение?

— По-моему, неважное.

— Я думаю! — удовлетворенно засмеялась женщина. — Толя скажи ей, чтоб сегодня обязательно была в «Интуристе». Понял? Она знает. И еще скажи, чтоб не валяла дурака. А то я очень обидчивая стала в последнее время. Так и скажи. Добро? Ну будь!

Анатолий положил трубку и некоторое время стоял молча. Потом вопросительно посмотрел на Демина.

— Кто это?

— А черт ее знает! — с неожиданной злостью сказал Анатолий. — Ира, и все. Судя по голосу, эта Ира немало выпила на своем веку. И не только водки.

— Что же еще она, по-твоему, пила?

— Крови она достаточно попила у людей. По голосу чувствую, по тону. Этакой хозяйкой себя воображает. Нравится ей быть хозяйкой, давать распоряжения, проверять исполнение, поощрять и наказывать.

— Ладно, — тихо проговорил Демин, и в его голосе первый раз за все утро прозвучала угроза. — Ладно. Пусть так. Что у тебя? — повернулся он к оперативнику.

— Из автомата звонила. С улицы Горького.

— Ладно, — повторил Демин. — Пусть так. Хозяйка так хозяйка. Я не против. Будем заканчивать. Подписываем протоколы, собираем манатки, печатаем жилплощадь и отбываем. А вас я попрошу вот о чем, — Демин повернулся к жильцам, — сегодня на все телефонные звонки, если кто будет Селиванову спрашивать, отвечайте, что ее нету. Нету, и все тут. И весь разговор. Пусть думают, что хотят. Такая к вам просьба. Завтра скрывать будет сложно, да и ни к чему, наверно, да и нехорошо, наверно... А сегодняшний день попытаемся использовать.

Он оглянулся в последний раз, словно проверяя, не забыл ли чего, и вдруг взгляд его упал на новенький, с блестящими медными пряжками портфель — явно чужой в этом полутемном коридоре, на пыльном полу, между старой кухонной тумбочкой и продавленным креслом. Демин поднял его, внимательно осмотрел.

— Чей это? — спросил он, уже догадываясь об ответе.

— Наташин, — ответил Анатолий. — Она часто оставляла его в коридоре. А утром брала — и сразу в институт.

Демин, не говоря ни слова, внес портфель в комнату Селивановой и вытряхнул на диван. Из него высыпались тетради, конспекты, зеркальце, косметическая сумочка, несколько шариковых ручек. Раскрыв одну из книг, Демин увидел, что это не учебник.

— Ну да, конечно, — сказал он. — Иначе и быть не могло. Только Булгаков. Что еще может читать девушка, у которой на столе виски, а в шкафу пара дубленок!

— Ты чего ворчишь, Валя? — спросил участковый.

— Булгакова читала девушка Наташа. Понял?

— Ну и что?

— Ничего. Просто было бы странно найти в ее портфеле что-нибудь другое.

— Ты против Булгакова?

— Я за Булгакова. Знаешь, сколько просят спекулянты за этот то-

мня? — Демин взял книгу за уголок и потряс ею в воздухе словно бы для того, чтобы участковый мог определить ее стоимость. — Сто рублей за книгу.

— Но, может быть, это не ее книга, не исключено, что она взяла ее у кого-то почитать?

— Да какое это имеет значение?! Ты видишь, что в этой комнате все вещи от виски до сапог поют в один голос? И мне не нравится этот голос. Он напоминает мне голос той дамы, которая звонила недавно.

В этот момент из книги, которую держал Демин, выпал небольшой синий листок бумаги и, раскачиваясь из стороны в сторону, упал на пол. Демин поднял его, внимательно осмотрел, и его хмурое лицо осветилось чуть ли не счастливой улыбкой.

— Ну вот, — сказал он, — и эта бумажка тянет все тем же сипловатым голосом. Лира. Самая настоящая итальянская лира, которую гражданка Селиванова использовала в качестве книжной закладки. Правда, стоит она пятак, не больше. Но это ерунда... Меня настораживает странный хор вещей, предметов, ночных телефонных звонков, непонятных поручений... Верно, Толя? — подмигнул Демин младшему Пересолову. — Уж поскольку я освободил тебя сегодня от работы... Ты не против, если мы немного покатаемся?

— Да нет... Можно. — Он оглянулся, посмотрел на Василия, но тот молчал с каменным лицом, как бы сняв с себя всякую ответственность за брата.

— Тогда одевайся. Поехали! А снег, снег-то валит... Эх, Наташа, такого снега лишить себя, такой погоды! Зачем так торопиться? Не понимаю.

И опять машина мчалась по заснеженным улицам, с торопливым пощелкиванием неумолимо работали «дворники», сгребая с ветрового стекла мокрое месиво, чертыхался водитель, глядя, как скользят на переходах прохожие, как шарахаются они в сторону, увидев возникшую рядом машину, и молчал, вжавшись в сиденье, Демин, из-под полуприкрытых век поглядывая на дорогу, на размытые контуры домов, на тусклые, словно плавающие в снегу огни светофоров.

— А этот... Григорий Сергеевич, звонил Селивановой? — спросил вдруг Демин.

— При мне нет, — ответил Анатолий. — Вы хотите зайти сейчас к нему?

— Нет. И тебе не стоит. Уточним номер дома, квартиру, фамилию. И отчалим восвояси. Не готов я с твоим приятелем всерьез поговорить. Вот поработаю над собой, подготовлюсь...

— А, черт! — воскликнул водитель, выравнивая машину. — Заносит.

— Не торопись, Володя... Успеем. Уж теперь-то мы должны успеть. Насколько я понимаю, Григорий Сергеевич не из тех людей, которые выбрасываются из окон, а, Толя?

— Нет, он не выбросится.

— А других? Выбросит?

— Мешать, во всяком случае, не станет.

— Представляешь, Толя, живут среди нас некие существа, тоже по две ноги имеют, голову в верхней части туловища, разговаривают по-

нашему, нас понимают, может быть, даже лучше, чем мы сами себя понимаем... Со стороны посмотришь — вроде люди как люди... Ан нет. Они совсем не люди. Я не говорю в том смысле, что они плохие люди, — они вообще не люди, только притворяются, прикидываются, иногда очень долго и весьма успешно.

— Что-то, Валя, я смотрю, ты в философию ударился, — усмехнулся водитель.

— Что ты, Володя! Никакой философии. Жизнь. Я иногда ловлю себя на мысли, что разыскиваю не человека, совершившего преступление, а просто чуждое, враждебное существо, которое замаскировалось под человека и шкодит ему, использует его в своих темных целях и вообще смотрит на человека как на некоего животного, которого можно использовать на тяжелых работах, в пищу, да, в пищу! А вечером, сняв маскировку, оно, это существо, будет сидеть на мягком, теплом диване, поглаживать брюшко и смеяться над человеком же... Понимаешь, что происходит, — раздумчиво продолжал Демин, — эти существа не прочь считать себя людьми, более того, они только себя-то и считают людьми. У остальных манеры не столь изысканны, словами могут играть не так ловко, блажью, видите ли, эти остальные мучаются — то про совесть вспомнят, то про порядочность, то им принципиальность поперек дороги станет... А у этих существ все просто, все до ужаса просто, все в конце концов сводится к купле-продаже. И больше всего они опасаются обнаружить этот смысл своей жизни...

— В чем же он у них? — спросил Анатолий.

— Понимаешь, все эти разговоры о сочувствии, великодушии, честности только смешат их и еще больше убеждают в собственном превосходстве. Это, мол, разговоры недоумков, которые пытаются оправдать свою слабость. Прибыль. Доход. Вот козырь, которым они работают. Человеческая жизнь — не козырь. Закон — не козырь, он попросту не для них... И вот, разговаривая с кем-то, я прежде всего пытаюсь определить — человек сидит передо мной или то самое замаскированное существо.

— Вы думаете... что Наташа из них? — спросил Анатолий.

— Селиванова? Вряд ли... Эти существа не кончают самоубийством, находят наиболее целесообразный вариант. Они слишком рассудочны, чтобы поддаваться таким порывам. Может быть, в этом их сила. А вообще-то, ребята, сейчас отличная погода, вы только посмотрите!

— Куда лучше, — иронически бросил водитель. — Только жить да радоваться.

— Ну что, далеко еще? — спросил Демин.

— Вот здесь, — Анатолий показал на смутную, расплывчатую громаду дома, неожиданно проступившую в снегопаде.

Машина вильнула к тротуару и остановилась. Демин приблизил лицо к самому стеклу, пытаясь прикинуть высоту дома, но не увидел верхних этажей — они скрывались в снегу.

— Ну ладно, — проговорил он без огорчения. — Улицу мы знаем, номер дома тоже знаем, остановка за квартирой и фамилией. Толя, ты свою задачу понял? Заходить и тревожить Гришу не следует. Уточни квартиру и фамилию. И все.

Анатолий вышел и захлопнул за собой дверцу. Он оглянулся по сторонам, поднял воротник плаща, сунул руки в карманы и побежал к подъезду.

В мокром, насыщенном снежинками воздухе даже не слышно было, как хлопнула дверь.

— А ничего домик, — протянул водитель. — Я бы не отказался.

— Я тоже, — согласился Демин.

— Как я понимаю, — водитель глянул на Демина в зеркальце, — скоро здесь одна квартирка освободится?

— Не исключено.

Через несколько минут на пороге показался Пересолов. Найдя взглядом машину, он побежал к ней напрямик через газон, прижав к ушам уголки воротника. Водитель предусмотрительно открыл дверцу, и Анатолий с разбега упал на сиденье.

— Татулин. Его фамилия Татулин. А квартира шестьдесят седьмая. Я остановился перед квартирой, чтобы уж наверняка убедиться, а в это время распахивается дверь и на площадку вываливается его мамаша. Она, видно, меня в «глазок» рассмотрела.

— Та-ак, — протянул Демин. — И что же? Она спустила тебя с лестницы?

— Во всяком случае, ей этого очень хотелось. Дело в том, что сына ее, Григория Сергеевича Татулина, дома нет и в скором времени не будет. В данный момент он находится под следствием.

— Даже так! — удивился Демин. — Даже так... И давно?

— Около недели.

— За что?

— Она говорила что-то об обмане, предательстве, неблагодарности и так далее. Никогда не думал, что в такой обходительной женщине столько матерщины может скопиться, — озадаченно сказал Пересолов. — Она приняла меня за друга Григория Сергеевича, одного из тех, кто предал его.

— Все понял, — сказал Демин. И отвернулся к окну.

Пересолов посмотрел на него несколько озадаченно, глянул на водителя, как бы спрашивая — может, чего не так сказал? Тот поднес палец к губам. Помолчи, мол, начальство думает.

— В квартиру не заходил? — спросил Демин.

— Что вы! Я бы оттуда уже не вышел.

— Татулин знал, что коробки от Селивановой? Ты говорил ему об этом?

— Конечно! Он спрашивал о ее настроении, самочувствии.

— Что-то они все настроением Селивановой интересовались... И эта дама, и Татулин... Будто для них не было ничего важнее ее настроения.

Все так же валил снег. Водитель остановил «дворники», и ветровое стекло через несколько минут было занесено. В машине установилась тишина, тепло и уют настраивали на благодушное настроение. Где-то рядом с мягким шорохом проносились машины, слышались голоса прохожих.

Демину надо было срочно принять решение — идти к Татулиной или же не следует? Конечно, следуя всем законам и канонам, да и просто здравому смыслу, идти не стоило. Ведь он ничего не знает, к разговору не готов. Он не смог бы даже четко ответить на вопрос, что ему нужно от Татулиной. Кто-то уже ведет следствие, Татулин дает показания, где-то

заполнены протоколы допроса свидетелей, справки, характеристики... По-знакомившись со всеми этими материалами, поговорить с Татулиной можно гораздо увереннее. Но Демину нестерпимо хотелось повидать Татулину, побывать у нее на квартире, переброситься незначущими словами — иногда они оказываются самыми нужными. Да, он ничего не знает, но позиция полного невежды таит свои преимущества. Судя по рассказу Пересолова, Татулина принадлежала к тому типу людей, которым приятно видеть перед собой невежд, просвещать их с высот своей образованности и, таким образом, утверждаться, утверждаться хотя бы в собственных глазах. Ну что ж, подумал Демин, пусть она меня просветит, если найдет нужным. А кроме того, уже твердо решил он, нужны основания, чтобы вынести постановление о возбуждении уголовного дела, как того и требует столь любимая мною статья номер сто двенадцать.

— А знаешь, Толя,— медленно проговорил он,— я все-таки схожу к твоей подружке... Как ты на это смотришь?

— Оружие с собой?

— Авось! — рассмеялся Демин, чувствуя легкость от принятого решения. — Если через полчаса не вернусь — взламывайте дверь.

К подъезду он шел не торопясь, наслаждаясь падавшим на лицо снегом, а может, попросту не замечая его. После неподвижной духоты машины воздух казался особенно свежим. Так же медленно, со спокойной раздумчивостью Демин поднялся по ступенькам к лифту, вошел в него, прикрыл дверь. А на девятом этаже, ощущая готовность к разговору и легкое нетерпение побыстрее увидеть Татулину, он подошел к шестидесят седьмой квартире и позвонил. И почти сразу сверкающая точка «глазка», врезанного в дверь, померкла — кто-то внимательно, ему даже показалось — затаив дыхание, рассматривал его. Демин оставался невозмутимым, хотя ему очень хотелось подмигнуть этому стеклянному глазу. Наконец мягко щелкнули тяжелые зажимы замков, дверь приоткрылась, и он увидел крупное, расплывшееся лицо, маленькие настороженные глазки, нечесаные волосы, падающие на уши. Татулина, видно, еще не остыла после разговора с Пересоловым, и лицо ее было в красных пятнах.

— Простите, пожалуйста,— начал Демин. — Здесь живет Григорий Сергеевич Татулин?

— А вы кто такой будете?

— Моя фамилия Демин. Я работаю следователем.

— И что же вам нужно от Татулина?

— Я бы хотел видеть Григория Сергеевича... Мне надо поговорить с ним.

— Сидит Григорий Сергеевич! — вдруг тонко выкрикнула женщина. — Надеюсь, следователи знают, что это такое?!

— Сидит?! — ужаснулся Демин и понял, что это получилось у него неплохо, потому что Татулина, колебавшись, все же открыла дверь и пропустила его в квартиру.

Демин снял заснеженную беретку, отряхнул ее и повесил на вешалку. Затем как бы в растерянности прошел в переднюю и, продолжая отступать, пятиться, оказался в большой комнате. Здесь совсем недавно произошли большие перемены. Светлые квадраты на стенах ясно говорили о том, что, может быть, всего неделю назад мебели в комнате было гораздо больше.

Светлые квадраты поменьше в полутора метрах от пола свидетельствовали, что здесь висели картины, и уж если сочли за лучшее их убрать, это были вовсе не репродукции, очевидно, висели подлинники. А на одной стене он заметил целую россыпь небольших прямоугольников. Иконками, видно, тоже баловался Григорий Сергеевич, подумал Демин.

— Вот мои документы, — он показал удостоверение. — Но я к вам совсем по другому делу... Понимаете, у одной девушки большие неприятности, а она знала Григория Сергеевича... Вот и хотелось бы поговорить с ним...

— Ах, вот оно что! — Татулина медленно поднялась со стула, тяжело распрямилась. Видно было, что слова Демина всколыхнули в ней что-то болезненно уязвимое. — Так говорите, у вашей девушки неприятности? И вы сразу к Григорию Сергеевичу? Так? Помогите, мол, Григорий Сергеевич, у моей девушки неприятности, да?

Вначале Демин растерялся, не поняв возмущения Татулиной. Но когда она закончила фразу, он облегченно вздохнул — все стало на свои места.

— Я вовсе не хотел сказать, что речь идет о моей девушке... Дело в том, что я до недавнего времени не знал даже о ее существовании...

Но Татулина его не слышала.

— Вот так всегда! — проговорила она, подняв голову к потолку и закрыв глаза, словно бы взывая к каким-то высшим силам, к высшей справедливости. — Вот так всегда! — четко повторила она, и Демин увидел, что на него в упор смотрят два маленьких, горящих ненавистью глаза. — Вот так всегда! — в третий раз повторила Татулина и устремила указательный палец куда-то в прихожую, показывая, очевидно, всех, кого вспомнила в эту минуту. — Когда у кого-то неприятности, все бегут к Григорию Сергеевичу! А когда неприятности у Григория Сергеевича, все бегут от него как от заразы! Вот вы! У какой-то девушки неприятности, а вы уже здесь... И правильно. Все так делали. И никто не уходил из этого дома не утешившись, никто не уходил без помощи!

— А что с ним случилось? — спросил Демин. — За что его арестовали?

— За то, что добрый! За то, что всегда стремится помочь каждому, — она снова показала в прихожую, — каждому, кто нуждался в его помощи! За то, что не было для него плохих людей, он всех считал хорошими и всем помогал. Нет, он не был богатым человеком, и, судя по всему, ему никогда не быть богатым, но если у него заводилась лишняя копейка, всегда находился прощелыга, который приходил за этой копеечкой и уносил ее с собой. А теперь, когда Гриша сидит... — последнее слово Татулина произнесла с неподдельной дрожью в голосе, чувствовалось, что само слово «сидит» олицетворяет для нее предел несчастья, которое только может случиться с человеком. — Теперь эти прощелыги сидят дома, среди хрусталя и ковров, и смотрят цветные передачи о фигурном катании... И смеются над ним, потешаются над его доверчивостью... Если только они его вспомнят, конечно... — Татулина всхлипнула и посмотрела на Демина сквозь выступившие слезы. Она их не смахивала, не вытирала, она хотела, чтобы он видел ее горе.

— Ну что вы, вряд ли можно смеяться над такими вещами, — неуверенно проговорил Демин. — Все-таки друзья... За что же все-таки арестовали вашего сына?

— А! — Татулина досадливо махнула рукой. — За валюту замели! Демин не мог не заметить, что Татулина не чурается жаргонных словечек и знает, очевидно, не только это «замели».

— Валюта? — переспросил он, сразу вспомнив синий прямоугольничек итальянской лиры, который выпал из книжки Селивановой.

— А! Попросила его одна, прости господи, дама продать несколько долларов, потому что ей, видите ли, кушать нечего. Представляете себе даму, которая продает доллары, потому что ей нечего кушать? — Татулина презрительно хмыкнула. — И он согласился. А теперь, когда она уже имеет что кушать, имеет на чем спать и с кем спать, хотя в этом у нее никогда недостатка не было, он размачивает сухари в железной кружке.

— А эту женщину тоже задержали?

— Не смешите меня! — поморщилась Татулина. — Ведь он из порядочности даже назвать ее не решается. Она доверилась ему, и Гриша не хочет обмануть ее доверие. Скажите, разве он не святой человек?

— А кто эта женщина? — наивно спросил Демин. Он даже не надеялся на успех, прекрасно понимая, что все сказанное прокручено не один раз не одному слушателю и толстуха не так проста, как хочет показаться.

Действительно, поняв, что сболтнула лишнее, Татулина сразу замкнулась, подобралась, искоса недобро глянула на Демина и промолчала. Сделала вид, что вообще не слышала его вопроса.

— Ведь так нельзя, — продолжал Демин. — Насколько я понимаю, ваш сын может получить пять лет, во всяком случае это не исключено...

— Пять?! — ужаснулась Татулина.

— Да... Если его действительно задержали с валютой... И конфискация имущества не исключена.

Демин с удовлетворением отметил, как метнулся по опустевшей квартире взгляд Татулиной. Она словно бы еще раз проверила, не забыла ли чего, не оставила ли впопыхах.

— А эта женщина... — начал было Демин, но Татулина перебила его:

— Да не знаю я ее, господи ты боже мой! Если бы знала, за шиворот приволокла бы эту дрянь и без расписки сдала бы первому милиционеру! Тьфу! — она плюнула на пол, не в силах сдержать презрения к неизвестной даме.

Знает, подумал Демин. Прекрасно знает. И не выдаст. Будет молчать. Видно, уже побегала по юристам, консультантам... Понимает, что второй участник только усугубит вину Гриши — групповщиной запахнет. И Гриша. разумеется, тоже молчит, иначе мамаша вела бы себя по-другому... Ха, да ведь она и диван куда-то свезла! На чем же бедолага спит? Никак на раскладушке? Ну-ну...

Демин надел беретку.

— Прошу простить за беспокойство... Я не знал, что ваш сын задержан. Я, очевидно, буду его видеть... Может быть, передать что?

Татулина резко повернулась к Демину и в упор, испытующе посмотрела на него. Потом вся как-то обмякла, ее тяжелые руки повисли, плечи, еще минуту назад напряженно приподнятые, опустились. Теперь она смотрела на Демина почти с полной беспомощностью.

— Скажите Грише... Скажите ему, чтоб он не беспокоился, у меня

все в порядке. Пусть ведет себя, как подсказывает ему совесть, — медленно проговорила Татулина.

Неплохо, подумал Демин. Вполне грамотно. Он мог поклясться, что в голосе ее явственно прозвучала ирония.

— Ваш сын женат?

— Был. Очень неудачная женщина попалась ему... Чистоплюйка. Пришлось развестись.

— Где он работает?

— Знаете, последнее время он подыскивал себе место... Кажется, что-то нашел. Но история с долларами...

— Эта квартира кооперативная?

— Да. У нас были сбережения...

— Хорошая квартира, — сказал на прощание Демин.

Татулина проводила его до двери, пожелала всего доброго и, не скрывая облегчения, плотно закрыла дверь. Поправляя берет, Демин оглянулся. «Глазок» в двери был тусклым. Значит, толстуха все еще внимательно разглядывала его. И опять Демин с трудом удержался, чтобы не подмигнуть ей.

Несмотря на обеденное время, начальник следственного отдела Рожнов был на месте. Обычно обедать он никуда не ходил, довольствуясь бутербродами с домашними котлетами и чаем, который заваривал здесь же, у себя в кабинете. Демин застал своего начальника в чисто купеческой позе — тот прихлебывал чай из блюдца, поднятого высоко, к самому лицу. Чай Рожнов пил вприкуску, раздобывая неизвестно где головки рафинада.

— Садись, Валя, вместе чаевничать будем, — Рожнова слегка разморило, и он больше обычного был красен и доброжелателен.

— Может, у тебя и котлета осталась? — спросил Демин, присаживаясь поближе к батарее.

— Котлета? — Рожнов помолчал, прихлебывая чай, вздохнул. — Ладно, отдам тебе котлету. Я ее на вечер берег, но тебе отдам. Чувствую — заслужил ты сегодня котлету. А?

— Не исключено, — усмехнулся Демин.

— Смотри, оправдай мое доверие, окупь мои жертвы, — Рожнов благодушно развернул целлофановый мешочек и вынул из него громадную, в ладонь величиной, котлету. — Лопай. И рассказывай.

— Валютой запахло, Иван Константинович.

— Ишь ты! — в глазах Рожнова сверкнуло любопытство.

— Надо бы выяснить по городу, кто занимается подобными делами.

— Думаешь, кто-то занимается?

— Да. Могу даже назвать, кем занимаются. Григорий Сергеевич Татулин, задержан по обвинению в спекуляции валютой. Он-то мне и нужен.

— Ишь ты! Наш пострел везде поспел. Ну хорошо, не будем суесться. Что девушка? Сама? Или кто поспособствовал?

— И то и другое, если не ошибаюсь. Выпрыгнула сама, но не без содействия.

— Не понял.

— Моральное содействие... Мне так кажется. Кроме соседей, в кварти-

ре никого не было. Дверь в ее комнату заперта изнутри. Взламывать ребятам пришлось. Уйти через окно никто не мог — совершенно отвесная стена. В квартире кроме нее — бабуля и два брата-акробата. Один из них на Селиванову глаз положил.

— Это естественно, — самоуверенно заявил Рожнов. — Так и должно быть. На одних домашняя обстановка действует... охлаждающе. Знаешь, не всем нравятся красавицы в домашних халатах и в тапочках на босу ногу, нечесанные, некрашенные. А другим только в этом виде их и подавай. Они, понимаешь, родственными чувствами проникаются, такая обстановка их роднит.

— Откуда ты все это знаешь, Иван Константинович?

— Откуда, откуда... Сам женился в коммунальной квартире. Знаю. Так что там дальше?

— Вечером все было нормально. Чай с вареньем, мирный разговор с соседкой, а где-то в час ночи телефонный звонок. Если верить показаниям, от Селивановой чего-то хотели, к чему-то склоняли, она отказывалась. Такой вот разговор был. Дальше все просто. Бессонная ночь, стакан виски под утро... и... головой вниз в распахнутое окно. Очень эмоциональная девушка была, видно, эта Селиванова. К тому же красивая девушка.

— И это успел заметить?

Демин, не отвечая, положил на стол несколько снимков Селивановой.

— Так, — крикнул Рожнов, отставляя стакан в сторону. Он смахнул несколько крошек со стола, сцепил пальцы и плотно положил руки на холодное чистое стекло, как бы охватив снимки кольцом. И мгновенно из его голоса исчезли благодушные, ленивые, купчески-самоуверенные нотки. Перед Деминым опять сидел человек, которого он хорошо знал, — жесткий, безжалостный к себе и сотрудникам. — Так, — повторил Рожнов, и в одном только этом слове уже почувствовалась готовность немедленно бросить все силы на разгадку утреннего самоубийства. — Что обыск?

— Находки интересные. Виски, которое продается только в магазинах для иностранцев. Сигареты того же пошиба. В наших ширпотребовских торговых точках таких нет. Две дубленки в шкафу.

— Так.

— И вот бумажка. — Демин вынул из кармана синий прямоугольник, — лира. Служила покойной в качестве книжной закладки. А в коробке из-под обуви около десятка этикеток из «Березки». Парнишка, сосед, иногда выполнял поручения Селивановой — относил вышеупомянутому Татулину коробки с магнитофонами. Симпатичные такие небольших размеров коробки с западногерманскими и японскими магнитофонами, транзисторами и так далее.

— Он это подтвердит?

— Уже подтвердил. Только что в моем кабинете он подписал свои показания. Итак, я вышел на Татулина. Был у него дома. Не беспокойся, все правильно. Я пошел уже после того, как узнал, что он задержан. Ошибки не было. Познакомился с евойной мамашей. Она сказала, что сыночка задержали при попытке продать валюту. Надо бы уточнить, кто им занимается, где, с каким успехом?

— Знаю я о нем, — нахмурившись, сказал Рожнов. — При задержании

у него обнаружили доллары канадские, американские, голландские гульденны, франки, фунты, марки, тысяч сто итальянских лир...

— Все при нем?!

— Да. Не человек, а небольшой швейцарский банк.

— Он что — дурак?

— Очевидно, не без этого. Но по мне, он больше наглец. Потерял бдительность. Видно, не один раз сходило с рук. Обыск ничего не дал. Как я понимаю, старуха, мать его, успела принять меры.

— Так ничего и не нашли?

— А что найдешь? Стены голые, одни светлые пятна от мебели остались. Валютой, конечно, и не пахнет. Да, порнографию нашли, но это к делу не относится.

— Интересно, — заметил Демин.

— Ничего интересного, — пренебрежительно сказал Рожнов. — Смею тебя заверить. Любительские снимки, унылая, бездарная работа.

— Тем более интересно.

— Ну, ладно, — Рожнов положил ладони на холодное стекло стола. — Подобьем бабки. Как я понимаю, дело надо заводить. Не возражаешь?

— Вам виднее, — ответил Демин, понимая, что вопрос задан не всерьез и дело будет заведено в любом случае.

— Конечно, мне виднее, — согласился Рожнов. — Сегодня же выносим постановление. Не будем тянуть кота за хвост. Основания у нас есть?

— Больше, чем нужно.

— Прекрасно. Садись и пиши. Да-да! Садись и пиши. Протокол осмотра в наличии имеется, показания свидетелей у тебя по всей форме, сам тоже наизготове, а?

— Вам виднее, — повторил Демин, заполняя бланки о возбуждении уголовного дела.

— И опять ты прав, — невозмутимо ответил Рожнов. — Уже, наверно, повестки можешь выписывать?

— Могу.

— Вот напрасно ты только к этой Татулиной заходил, — поморщился Рожнов. — Ох напрасно! Баба скандальная, врезала бы тебе сковородкой по одному месту...

— Какому месту, Иван Константинович?

— Известно какому — по темечку! И сразу бы ты превратился из следователя в потерпевшего. И сливай воду, передавай дела. Понял? Учти на будущее. Статья сто пятьдесят седьмая о чем тебя предупреждает? О чем тебе намекает? О том, что свидетель допрашивается в месте производства следствия. Усек?

— Но та же самая статья не возражает против допроса в месте нахождения свидетеля, — усмехнулся Демин, поняв, что их спор привычно скатывается на знакомые рельсы.

— Знаю, знаю я твою нелюбовь к кабинетным допросам, — досадливо махнул тяжелой ладонью Рожнов. — Знаю. И потому предупреждаю. И замечание тебе делаю. Не выговор, а замечание. Поскольку подвергаешь себя повышенной опасности. И не красней, не лыбься — не столько о твоём здоровье пекусь, сколько о пользе дела.

— Иван Константинович... — начал было Демин, но Рожнов перебил его:

— Много слов говоришь. Нехорошо это. Кроме меня, ни один начальник не сможет выдержать такого количества слов от своего подчиненного. А я вот выдерживаю. Цени мое долготерпение и гуманность. Продолжим. Как ты смотришь на то, чтобы дела по обвинению Татулина в спекуляции валютой и о предполагаемом, — Рожнов предостерегающе поднял указательный палец, — предполагаемом самоубийстве Селивановой — объединить? Давай прокрутим все обстоятельства... Татулин задержан, Селиванова мертва. Они были знакомы? Да. Более того — у них, оказывается, существовали общие интересы, деловые интересы. Есть основания так думать?

— Есть даже свидетели, которые подтверждают это, — Демин показал протокол допроса Анатолия Пересолова.

— Тем более. Слушай сюда... Тебе нужно срочно встретиться с Колей Кувакиным. Он ведет дело Татулина.

— Иван Константинович, а как вообще, другие валютные дела по городу есть?

— А, ничего особенного! Затишье. Пижоны дешевые к иностранцам пристают, кланчат, срамятся только. Крупных дел не замечено. Хотя подожди, был разговор... Появилась какая-то блондинка... По слухам, довольно приятной наружности, немолодая. Кличка — Щука. Очень осторожная, ни с кем в контакт не вступает, выходит обычно сразу на иностранца, без каких бы то ни было посредников. Она, конечно, не из этой компании, класс работы совершенно другой. Ну что, ни пуха? Давай. Вперед без страха и сомнений. Держи меня в курсе дела. Я умнее, понял? Умнее, потому что держу пальцы на этих вот кнопках, — Рожнов показал на сектор. — Ладно, шутки шутками, а без меня ничего не предпринимай. Чего не бывает, вдруг полезным окажусь, а?

Кувакин сидел один в маленьком кабинетике, где совершенно непоместимо размещались еще три письменных стола, пишущая машинка на какой-то несуразной тумбе, встроенный в проем шкаф, в углу стояла вешалка, на которой сиротливо висело маленькое пальтишко Кувакина.

— Привет, Коля! — поздоровался Демин.

— А, это ты... Меня уже предупредили, чтобы никуда не уходил. Намечается что-то интересное?

— Как подойти... Но если судить по внешней стороне событий — нечто из ряда вон.

Кувакин был немного ниже Демина, немного старше, чуть устатее. Не потому, что он так уж устал за этот день, просто работа, которой он занимался, никогда не кончалась, он знал, что ее никогда не сделаешь всю, она не давала возможности остановиться и перевести дух. И Кувакин принял это как должное, как вполне естественное свойство профессии, и постепенно появилась в его движениях такая усталая медлительность.

— Вряд ли я способен на нечто чрезвычайное.

— Коля, на тебя вся надежда! — быстро сказал Демин, привычно отискивая в угол.

— Труп?

— Точно. Девушка. Прекрасная молодая девушка, которая могла бы осчастливить кого угодно.

— За что же ее?

— Сама, Коля. В том-то все и дело, что сама.

— Прекрасные девушки, насколько мне известно, редко идут на столь крайние меры. У прекрасных девушек всегда есть несколько запасных выходов. Жизнь великодушна к прекрасным девушкам, если они не очень капризны. Мне иногда кажется, что они частенько злоупотребляют своими возможностями. Хотя в трудную минуту становятся на удивление трезвыми и расчетливыми.

— Очевидно, были крайние обстоятельства, Коля,— Демин любил разговаривать с Кувакиным, слушать его житейские мудрости.

— Крайние обстоятельства, Валя, всегда есть. Главное, считаешь ли ты их крайними... Или бодаешь левым рогом.

— Видно, девушка была не из бодливых.

— Конечно,— согласился Кувакин,— бодливые с собой не кончают. Ладно, будем считать разминку законченной. Выкладывай.

— Ты сейчас работаешь с Татулиным...

— Мне иногда, Валя, кажется, что не я, а он со мной работает. Неделю голову морочит — и ни с места. Но вроде начинает созревать. Он что, к твоей девушке руку приложил?

— Что это за тип?

— Спекулянт. «Работал» в коммиссионках по эту сторону прилавка. Магнитофоны, транзисторы, магнитолы и так далее. Дорогие игрушки. Скупка, перепродажа, продажа, в общем, он освоил все смежные специальности. Брать его можно было давно, знали, чем занимается, но поймать с поличным не могли. Как ни остановят ребята — говорит, купил, говорит, принес сдать, что угодно говорит. Мол, страсть у меня такая, не могу долго одним магнитофоном тешиться. А недавно гражданин Татулин повел себя довольно странно — активность небывалая, но товара при себе нет, к прилавкам не подходит. Однажды, ребята рассказывали, вроде столкнулся с кем-то, локотком гражданина к выходу подталкивает, в сторонку оттирает, в подворотню манит. Там вынимает наш Григорий Сергеевич женскую сумочку, раскрывает ее, и у «клиента» глаза начинают вылезать из орбит. Решили ребята помочь человеку, подходят. Татулин как начинающий фокусник небрежным движением сует сумочку за мусорный ящик. Мол, я не я и сумка не моя. Но гражданин клиент оказался человеком принципиальным: чтоб никто, не дай бог, не подумал, будто сумка его, он клятвенно всех заверил, что хозяин ее — Татулин. Открывают ребята сумку и чувствуют, что у них тоже глаза начинают потихонечку из орбит вылезать...

— Знаю,— сказал Демин.— Валюта всех стран и народов.

— Да. Валюты, между прочим, не так уж много в пересчете на рубли, но разнообразие уникальное. Ребята со всех этажей приходили полюбоваться.

— Сколько в общей сложности?

— Тысячи на две. Ну что, начинается следствие... Откуда, спрашиваем, другие вопросы задаем. А он...

— А он говорит, что слабость проявил, хотел, мол, человеку помочь,

что никогда больше заниматься такими нехорошими делами не будет ни за какие деньги,— быстро сказал Демин.

— Все именно так,— подтвердил Кувакин.

— Что он собой представляет?

— А, ничего особенного. Малограмотный проходимец с несколько повышенной наглостью, которая выражается довольно странно — Татулин совершенно бессовестно прикидывается дураком. Когда-то учился в радиотехническом техникуме, но не закончил. Выгнали за спекуляцию. Занимался этим малопочтенным делом чуть ли не на лекциях. Устроился в механизированную колонну диспетчером. Выписывал путевки, оформлял документы, вел какой-то учет. Брал взятки у водителей. Небольшие, но постоянно. Водители мне рассказывали, что к нему в окошко без тройка и не суйся, даже если хочешь узнать, который час. Последнее время работал снабженцем. Что его всегда подводило, так это нетерпение. Никак не мог смириться с тем, что кто-то живет лучше его. Ударился в торговлю магнитофонами, транзисторами... Остатки образования позволяли ему весьма значительно рассуждать о достоинстве или недостатках какой-то модели — среди спекулянтов большим спецом слыл. Мужик на пятом десятке, но не женат. Думаю, не женится из экономии. Живет с мамашей.

— С мамашей его я сегодня утром беседу имел.

— Ага... По моим следам, значит, идешь.

— Кстати, она упомянула какую-то женщину... Ну которая его якобы на это дело подбила...

— Ха! — рассмеялся Кувакин. — Ты, Валя, даешь! Он мне каждый день женщин называет, с адресами, именами и прочими опознавательными знаками.

— Скольких уже назвал?

— Четырех.

— Селиванова есть среди них?

Кувакин выдвинул ящик стола, достал тоненькую серую папку и начал медленно переворачивать листки дела.

— Есть и Селиванова,— наконец сказал он. — Но мы пока ее не отрабатывали.

— Не придется ее отрабатывать,— сказал Демин. — Сегодня утром она выбросилась из окна.

— Ого! — присвистнул Кувакин. — Значит, и у меня труп.

— Один на двоих, Коля. Так что дела придется объединить. Вместе будем работать. Скажи, в какой связи он называл женщин?

— Говорил, что это люди, которые дали ему валюту для продажи. Но каждый раз оказывалось, что названная женщина не имеет никакого отношения к валюте. Понимаешь, в сумочке кроме денег мы нашли клочок газеты, и там, на полях, записан курс валют — сколько стоит в рублях, к примеру, фунт, доллар, гульден и так далее. Список составлен не Татулиным. Мы взяли образец его почерка и сопоставили. И ни одна из названных женщин тоже не писала этой записки. Отсюда вывод — он назвал не тех.

— Может быть, лучше сказать — не всех.

— Скорее всего. Вот эта записка.

Демин осторожно взял клочок газеты. Записка была написана красной пастой, шариковой ручкой. Остроголовые корявые буквы к концу строки

становились мельче, опускались вниз — человек, писавший записку, видно, не любил переносов и все слова старался втиснуть до края листка.

— Ну, что скажешь? — спросил Кувакин.

— Много чего можно сказать. Почерк интересный. Скорее всего, женский. Но писала не Селиванова. Ее почерк я уже знаю. Писал, видимо, человек с высшим образованием — почерк испорчен конспектами. Когда во что бы то ни стало нужно поспеть за преподавателем, когда это приходится делать часто, много, долго, несколько лет, почерк превращается вот в такие каракули. И заметь, автор не признает заглавных букв. Все большие буквы — это крупно написанные обычные. Грамотный человек... Названия стран, валют написаны без ошибок, причем иностранные слова знакомы автору, написаны с ходу, легко. Когда слова неизвестны, их по буквам переписывают, а здесь — с такой небрежностью... Что еще... Судя по всему, автору, вполне возможно, приходится пользоваться пишущей машинкой или услугами машинисток.

— С чего ты взял? — с сомнением проговорил Кувакин.

— Очень четкие абзацы. Отбивка, красная строка, абзац — все это ярко выражено. И еще — почерк, несмотря на то что некрасивый, ужасный почерк, в то же время очень разборчивый. Машинистки не любят копаться в каракулях.

— Слушай, да ты прямо колдун!

— Нет, пока только учусь, — усмехнулся Демин. — А написано на стекле или на полированном столе.

— Боже, а это ты с чего взял?!

— Смотри, бумага газетная, плохая бумага, ручка пишет неважно, приходилось несколько раз наводить одну и ту же букву, давить на бумагу больше, чем нужно, но на оборотной стороне листка нет ни одной вмятины, не проступила ни одна буква, гладким остался листок...

— Ты что, экспертом работал? — спросил Кувакин.

— Нет, Коля, я был внимательным студентом. Ну ладно, какие прикидки, откуда у Татулина столько валюты и в таком разнообразии?

— Ох, Валя! Неприятное дело, боюсь даже до конца додумывать. Понимаешь, Татулин назвал только женские имена... Трех я вызвал, допросил, записал их показания. Все они неплохо разбираются в ресторанах, знают, например, что такое «Интурист»... И Селиванова твоя, очевидно, знала.

— Кстати, сегодня ей некая Ирина назначила встречу в «Интуристе», — сказал Демин. — Среди тех, кого назвал Татулин, есть Ирина?

— Нет, Ирины нету. Так вот «Интурист»... Там всегда полно иностранцев... Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да. Установлено, чья сумочка была у Татулина? Ну с этой валютой?

— Нет. Он называет хозяек одну за другой, но... лукавит, темнит. Думаю, настоящую, истинную хозяйку так и не назвал.

— К нему? — спросил Демин.

— Как, сейчас?

— У меня машина... Скучает небось мужик. Сегодня мы можем прижать его трупом. Завтра, глядишь, будет поздно. А следы ведут к нему. Он хорохорится потому, что, кроме валюты, кроме этой дурацкой сумки, у нас ничего нет. И справедливо считает, ухватить его не за что... А мы по-

стараясь доказать, что ухватить можно. Ну, Коля? Решайся! Потолковать с ним все равно придется, так лучше это сделать пораньше, пока он ничего не знает о Селивановой.

— И машина есть? — улыбнулся Кувакин.

— Прекрасная, теплая, уютная машина! Мы будем ехать по городу, смотреть по сторонам, перебрасываться словами... А какой там идет снег, Коля! Боюсь, что последний снег в этом году! Да, чуть не забыл... Шеф сказал, что Татулин порнографией баловался?

— При обыске нашли несколько снимков. Приобщили к делу. Знаешь, что он мне сказал, когда я ему об этих снимках напомнил? Вы, говорит, хотите меня пристыдить? Хорошо вас понимаю. Да, мне стыдно, мне неловко, я готов сквозь землю провалиться! Но это самое большое наказание, которое я заслуживаю. Считайте, что вы меня уже наказали. Вот так. Хочешь посмотреть?

— С удовольствием.

— Удовольствия мало. Надо иметь очень большое воображение, чтобы там что-то увидеть... — Кувакин полез в стол, снова достал серую папку и так же осторожно принялся переворачивать страницы. Добравшись до зеленоватого конверта, он вынул пачку снимков, не глядя, протянул Демину. И даже отвернулся, чтобы не видеть, как тот будет их рассматривать. — Работа унылая, любительская, — проворчал Кувакин. — К делу эти снимки отношения не имеют, скорее характеризуют личность Татулина, дают представление, что за тип... А как продукция — полная бездарность. Да и красотки, как говорится, оставляют желать лучшего.

— Это меня и настораживает, — проговорил Демин, рассматривая снимки. Он долго вертел перед глазами один из них, потом протяжно вздохнул и замер над небольшим, серым, плохо отпечатанным снимком.

— Ну? Ты что? — забеспокоился Кувакин.

— Это Селиванова, — Демин бросил снимок на стол.

Кувакин как-то диковато глянул на Демина, схватил снимок, а Демин тем временем вынул из кармана фотографии Селивановой, прихваченные им во время обыска.

— Это она же... Из ее альбома.

— Точно она, — хрипло сказал Кувакин. — Выходит... Постой, постой. Выходит... А ну-ка брось мне остальные снимки... Черт! Это же надо! Вот эту даму, которая здесь в чем мать родила, я вчера допрашивал.

— Ее Татулин назвал?

— Да.

— Теперь-то уж мы обязательно должны проведать Григория Сергеевича. Теперь-то он назовет и адрес этой квартирki, — Демин постучал пальцем по фотографиям. — И еще кое-что расскажет. Расскажет, убей меня бог.

— Валя, по снимкам можно установить — именно в этой ли квартире происходили события? — Кувакин вопросительно посмотрел на Демина. — Смотри, здесь виден узор обоев, какое-то пятно, вот что-то вроде гвоздя...

— Этого вполне достаточно, — сказал Демин. — Более чем достаточно. И скажу тебе, Коля, что если в деле появится фотоаппарат, кассеты к нему, мы можем наверняка сказать — этим аппаратом снимали сии постыдные вещи или нет, эти ли кассеты использовали.

— Валя, когда ты говорил о почерках, тебя было интересно слушать, но когда ты понес эту ахинею про кассеты...

— Не веришь? — удивился Демин. — Коля, это же очень просто. Посмотри на этот снимок... Видишь, негатив отпечатан полностью, то есть при печати снимок не кадрировался, лишнее не обрезалось... Это говорит, кроме всего прочего, о мастерстве фотографа, невысокий у него класс, любительский. На снимке даже бахрома от кассеты отпечаталась. Этот кадр, видно, расположен у самого конца пленки. По волокнам бахромы можно наверняка установить, использовалась именно эта кассета или другая.

— А фотоаппарат? — озадаченно спросил Кувакин.

— То же самое. Когда негатив отпечатан полностью, на нем всегда виден срез рамки фотоаппарата. Если на рамке есть повреждения, вмятины, заусеницы, они получаются и на снимке. Возможно, не видимые простым глазом, но это уже дело техники.

— Все понятно, — сказал Кувакин. — Нужна экспертиза.

— Для экспертизы нужно еще найти фотоаппарат, кассеты, квартиру... Послушай, при обыске у Татулина, у женщин, которых он называл, не попадался фотоаппарат?

— Попадался, — кивнул Кувакин, — у Татулина. И пленку нашли, она тоже в деле.

— Ну вот, видишь, как хорошо все складывается. Не у него ли и снимки эти делали?

— Нет, — уверенно сказал Кувакин. — У Татулина другие обои. Пока шел обыск, я насмотрелся на них. Здесь мелкий рисунок, а у Татулина по стене громадные розы, как кормовые.

— Жаль, — сказал Демин. — Но с другой стороны, все было бы слишком просто, узнай мы сразу, что Григорий Сергеевич занимался столь невинным занятием у себя дома. Да и дураком надо быть совершенно круглым.

— Татулин не дурак, — серьезно сказал Кувакин. — Просто ему очень хочется, чтобы его принимали за такового.

— Ладно-ладно, нашел кого защищать! Скажи, у него дома не нашлось какой-нибудь записной книжки, блокнотика...

— Нашлось. Только не дома, при нем. Когда его с женской сумочкой задержали.

— У меня блокнотик Селивановой с собой... Давай-ка перекрестную сверку устроим, выявим, так сказать, общих знакомых. Доставай его блокнот. О! — Демин не смог сдержать радостного удивления. — Да у них и блокноты одинаковые! Прямо пароль какой-то. Смотри, у Селивановой точно такой же... Длинный, тонкий, с отличной бумагой, в мягкой сафьяновой обложке... Надо же, давно ищу приличный блокнот, а тут уже второй за одно утро! Ты спроси у своего приятеля Татулина — может, удружит, а?

— А думаешь, нет? Достанет. Ну, ладно, поехали.

Через пять минут сверка закончилась. Телефонов в книжках было немного, и большинство совпадало. В обеих книжках оказались номера всех трех женщин, которых назвал Татулин, правда, у него они были помечены только одной буквой, а Селиванова записывала имена полностью — Татьяна, Галина, Лариса... Нашлась в блокнотах и Ирина.

— С твоего позволения, — сказал Демин, — этот номерок я запишу.

Не она ли звонила Селивановой сегодня утром и прошлой ночью... Во всяком случае, других Ирин в блокнотах нет. Пошли, Коля. По коням! К Григорию Сергеевичу.

Машина осторожно пробиралась в снегопаде, привычно ворчал водитель, а Демин сидел на заднем сиденье, вжавшись в угол, и безучастно смотрел на судорожно работающие «дворники», сметающие мокрые хлопья снега с ветрового стекла. Огни светофоров светились мягко и празднично, казалось, они плавают в воздухе, меняя цвет и размеры. Кувакин сидел рядом, подавшись вперед, в напряженной позе, словно готовясь выпрыгнуть из машины.

— Приехали, — сказал водитель.

— Ну что ж, будем надеяться, что Григорий Сергеевич не откажется принять нас в своей резиденции, — хмыкнул Демин.

Громадное серое здание как бы растворялось в густом снегу и казалось еще больше, почти бесконечным. Все звуки были приглушенные, мягкие, люди будто старались тише говорить, мягче ходить, будто готовились к чему-то важному. И Демин поймал себя на мысли, что и он сейчас какой-то притихший, сосредоточенный, ждет встречи с Татулиным нетерпеливо и опасно — слишком многое зависело от этого разговора.

Демин думал о том, что день у него все-таки нулевой и забывать об этом не следует, что Татулин, судя по всему, орешек непростой и добиться от него чего-нибудь будет нелегко.

— Пошли, — сказал Кувакин. — Все в порядке. Сейчас его приведут.

— Начинаешь ты, — сказал Демин. — И ведешь обычный разговор — продолжение всех предыдущих.

Они прошли в небольшую сумрачную комнатку, где, кроме стола и нескольких стульев, ничего не было. Здесь бывало немало людей, им приходилось отвечать на неприятные вопросы, для многих здесь решалась судьба. Здесь невольно хотелось говорить тише, да и слова в этой комнате годились не всякие, а лишь самые простые, словно бы очищенные от шелухи внешнего мира, от всего, что может затуманить, изменить, исказить их смысл. В словах не должно быть личных обид, тщеславия, желания уязвить или показать свою власть, значительность.

— Я буду молчать, — продолжал Демин. — Я для него — темная лошадка. Последний раз он называл Селиванову? Отлично. Не дразни его, не пугай, пусть будет благодушен и расслаблен. Пусть почувствует свою неуязвимость, свое превосходство, если ему угодно.

— Превосходство он чувствует в любом случае. Это прекрасное душевное состояние не покидает его ни на минуту. Понимаешь, Валя, он знает, что на данный момент мы можем предъявить ему обвинение только в попытке, слышишь? Только в попытке продажи валюты. Дома у него валюту не нашли. Он знает об этом. И вообще не найдено ничего, кроме нескольких магнитофонов и этих дурацких фотографий. Мы можем задуматься, откуда у снабженца какой-то механизированной колонны такое изобилие. И только. Изобилие само по себе не может порицаться.

— Более того, оно весьма похвально, — заметил Демин.

Дверь как-то неохотно, со скрипом, будто через силу, приоткрылась,

и конвойный ввел маленького человечка с брюшком, с живым, острым взглядом, в помятой одежде, небритого. Во всем его облике были настороженность и некая готовность шутить, говорить много, долго и запутанно.

«Игрунчик», — решил про себя Демин.

— О, кого я вижу! — радостно воскликнул Татулин, протянув руки навстречу Кувакину. — Сколько лет, сколько зим! Здравствуйте, Коля! — И тут он увидел сидевшего в углу Демина.

— Здравствуйте, Татулин, — холодно сказал Кувакин.

— Добрый день, Николай Васильевич, — подчеркнуто официально ответил тот, бросив взгляд на Демина. — Я вижу, вы сегодня не один?

— У меня к вам опять вопросы, Григорий Сергеевич, — сказал Кувакин, как бы не слыша последних слов Татулина.

— Я — весь внимание. Я готов. Прошу.

— Григорий Сергеевич, не могли бы вы нам сказать, откуда валюта, которую вы пытались продать?

— Валюта?! — несказанно удивился Татулин, и его брови поднялись так высоко, что казалось, вот-вот нырнут за уши. — Ах, валюта, — он обмяк, и его кругленькое брюшко стало особенно заметным. — Вы опять о том же, Николай Васильевич... Далась вам эта валюта, господи... Неужели мы не можем поговорить о чем-то другом, более приятном?

— С удовольствием. Но вначале — дело. Итак.

— На чем мы остановились прошлый раз? — деловито спросил Татулин. — Если мне не изменяет память... — Он задумался, приложив не свежий указательный пальчик к небритой щеке, — если мне не изменяет память...

— На Селивановой, — подсказал Кувакин. — Вы сказали, что валюту вам дала для продажи Селиванова. Мы выяснили...

— Я так сказал?! — ужаснулся Татулин. — И вы поверили? Боже, Николай Васильевич, — укоризненно покачал головой Татулин. — Как можно? Такая невинная девушка, студентка и вдруг — валюта! Я вас не узнаю, ей-богу... Нельзя же так, тем более при вашей должности!

— Простите, Григорий Сергеевич, больше не буду, — сказал Кувакин. Услышав в его голосе что-то новое, Татулин насторожился. Он остро взглянул на Кувакина, на Демина, но, видимо, не заметил ничего подозрительного и успокоился, снова обмяк, согнув спину и выпятив животик.

— Как я мог сказать вам о Селивановой — ума не приложу. — Татулин хлопнул себя маленькой ладошкой по морщинистому лбу и огорченно поцокал языком. — Старею, что ли...

— Итак? — сказал Кувакин.

— Простите, не понял?

— Я опять о валюте, Григорий Сергеевич... Не обессудьте — такая работа. Заставляет быть настырным.

— А вы знаете, — оживился Татулин, — не только ваша, всякая работа заставляет человека быть настырным, если уж вы употребили это слово. — Всякая работа заставляет человека быть настырным, если уж вы употребили это слово. — Татулин быстро оглянулся на Демина, как бы извиняясь. — Всякая работа заставляет человека быть, я бы сказал, настойчивее, целеустремленнее...

Бедный Коля, подумал Демин. Он уже неделю бьется с этим прохвостом. Представляю, что он наговорил ему во время допросов. Мы сидим здесь уже

минут пятнадцать, а в протокол заносить пока нечего. Откуда такая уверенность? А может, ее и нет, уверенности-то? Может, это все, что ему остается? И он уже смирился с годом-двумя заключения и теперь просто тянет время, понимая, что оно зачтется ему в общий срок...

— Григорий Сергеевич, — снова заговорил Кувакин, — вы уже называли Ларису Шубейкину, Зинаиду Тищенко, Наталью Селиванову... Что у вас на сегодня приготовлено?

— Пора уже и Иру назвать, мне кажется, — негромко обронил в своем углу Демин.

Улыбка на лице Татулина как бы остановилась, но он тут же сделал вид, что не слышал слов, прозвучавших за его спиной. Однако восстановить игривое настроение не смог. И молчания не выдержал.

— Вы что-то сказали? — повернулся он к Демину.

— Да, — спокойно подтвердил тот. — Я сказал, что вам, очевидно, уже пора назвать Иру.

— Какую? — любознательно спросил Татулин.

— Вы многих Ирин знаете? Назовите всех.

— Хм, вы так поставили вопрос, что, право же, я затрудняюсь сказать... Действительно, откуда мне знать, кого именно вы имеете в виду?

— Григорий Сергеевич, скажите, неужели мы с Кувакиным производим на вас впечатление круглых дураков?

— Что вы! — в ужасе замахал руками Татулин. — Вы оба кажетесь мне очень грамотными, интеллигентными людьми, с вами приятно беседовать... С вами даже здесь приятно беседовать, — он обвел взглядом унылые серые стены. — Скажу больше...

— Григорий Сергеевич! Остановитесь на минутку, позвольте мне сказать несколько слов, прошу вас! — Демин был спокоен, даже благодушен. — Прежде всего меня удивляет ваше легкомыслие, ваше столь пренебрежительное отношение к собственной судьбе. Даже не знаю, чем это объяснить... Эти комедии, которые вы не устаете разыгрывать, странная непонятливость...

Татулин пожал плечами, вопросительно посмотрел на Кувакина, как бы прося его объяснить — чего хочет этот товарищ, расположившийся в углу и вынуждающий его все время вертеть головой.

— Скажите, Григорий Сергеевич, кому принадлежит сумочка, с которой вас задержали? — спросил Демин.

— Она давно валялась у меня дома, и сказать, откуда именно она появилась... Я затрудняюсь.

— Вы называли уже четырех хозяек...

— Если я не помню, откуда она появилась, я могу назвать вам еще десяток, и вполне вероятно, что хозяйки среди них не окажется.

— Может быть, она принадлежит вашей маме?

— Очень даже может быть.

— Кстати, я ее сегодня видел. Велела кланяться вам.

— Как она себя чувствует? — воскликнул Татулин почти растроганно.

— Она сказала, что у нее все в порядке. Сказала, чтобы вы не беспокоились и поступали так, как вам подскажет совесть.

— Бедная мама! Все это для нее такое испытание! — Татулин не смог сдержать вздоха облегчения.

— Приятные новости, не правда ли?
— Разумеется. У меня с мамой отношения очень... дружеские, и я...
Я благодарен вам.

Поняв, что вопросов ждать надо именно от нового товарища, Татулин повернулся к Демину вместе с табуреткой. Потом обернулся к Кувакину, пожал плечами, мол, извините, но, как я понимаю, допрашивать меня будет ваш друг...

— Григорий Сергеевич,— медленно заговорил Демин,— хотите, я изложу ваши прикидки, назову факторы, которые вы учли, выбрав вот такую дурашливую манеру поведения?

— Я не знаю, что вы имеете в виду, но было бы любопытно...

— Знаете,— холодно перебил его Демин,— вы все прекрасно знаете. Так вот, вы считаете, что обвинение вам может быть предъявлено довольно простое — попытка продать валюту. Случай единичный, до сих пор не судились, на работе претензий нет, характеристика будет если не восторженная, то вполне терпимая. И грозит вам год или около того, причем каждый день, проведенный здесь, уже идет в общий счет. Так?

— Ну, примерно... ситуацию вы объяснили... Но ведь это очевидно.

— Григорий Сергеевич, вы знаете, почему я здесь?

— Интересно, если, конечно, сочтете...

— Я занимаюсь расследованием обстоятельств смерти Селивановой.

— Что?! Вы хотите сказать, что...

— Погодите, Григорий Сергеевич... Не торопитесь. Помолчите. Подумайте. Не надо суесться, искать слова, придумывать вопросы, говорить, что это для вас неожиданная и неприятная новость... Не надо. Давайте все немного помолчим. Когда все обдумаете — скажите.

Демин встал, прошелся по комнате, подойдя вплотную к стене, что-то внимательно начал рассматривать там. Кувакин не торопясь закурил, пустив дым вверх, к темному потолку, сел поудобнее и словно бы задумался о чем-то своем, никак не относящемся ни к Татулину, ни к Селивановой.

— Простите, но я вам не верю,— сказал Татулин.— Я не верю, что Селиванова умерла.

— Она не умерла,— поправил Кувакин.— Она погибла.

— Как?

— Григорий Сергеевич, вы нас одновременно будете допрашивать или по одному? — осведомился Демин.

— Простите, но я хотел бы удостовериться... Вы мне разрешите позвонить к Селивановой домой?

— А когда вам скажут, что она действительно погибла, вы решите, что мы подговорили соседей и все это организовано.

— Вообще-то... В этом что-то есть.

— Продолжим,— сказал Демин. Он вытащил пачку снимков, аккуратно положил их на стол перед Татулиным.— Эти снимки, Григорий Сергеевич, найдены у вас на квартире. Да, да, не торопитесь отрицать. Вообще не торопитесь произносить слова, возмущаться, опровергать... Поговорим спокойно. Снимки найдены в вашей квартире, об этом составлен протокол, его подписали многие люди, теперь он имеет законную юридическую силу доказательств.

Татулин с минуту смотрел на снимки, потом, видимо решившись на что-то, быстро повернулся к Демину.

— Знаете, вполне возможно, что эти снимки действительно вы нашли в моей квартире. Повторяю — возможно. Может быть, они завалялись среди бумаг и я перевез их со старой квартиры вместе с хламом...

— Не надо, Григорий Сергеевич. Я ведь предлагал вам подумать. Вы опять торопитесь. Если хотите, подумайте еще. Если готовы отвечать — пожалуйста. На этом снимке — Наташа Селиванова. Та самая, которую вы называли вчера как возможную хозяйку сумочки, как человека, который дал вам валюту для продажи. А сегодня утром Селиванову находят мертвой. В связи с этим должен сказать, что ваши представления о возможном наказании устарели. В записной книжке у Селивановой есть ваш телефон. Доказано, что вы с Селивановой имели деловые отношения...

— Никогда!

— Что к вам приходил от нее посыльный, передавал коробки с дорожными вещами...

— Ложь!

— Посыльный уже дал показания, он живет с Селивановой в одной квартире.

— Но ведь я был здесь! — Татулин вскочил и с горящими глазами подбежал к Кувакину. — Вы подтвердите, что я был здесь, когда погибла Селиванова. Я никак не мог содействовать ее смерти. Я ни при чем! Я невиновен! И ваши намеки, ваши вопросы говорят об одном...

— О чем же? — спросил Демин.

— О том, что вы хотите навесить на меня это дело по формальным признакам, по косвенным, ничего не значащим, случайным совпадениям. Вот!

— Григорий Сергеевич, сядьте на свое место и постарайтесь спокойно меня выслушать. Не спешите отвечать. Я не раскалываю вас, не строю ловушки, просто предлагаю подумать над положением, в котором вы оказались. Смотрите... Вас задерживают с валютой. Спекуляция, нарушение законов нашей страны. Это грозит годом, поскольку раньше за вами такого не наблюдалось. Не попадались, другими словами. Вы утверждаете, что валюту якобы дала Селиванова, что женская косметическая сумочка, в которой находилась вышеупомянутая валюта, принадлежит Селивановой. И в первую же ночь Селиванову находят мертвой. Здоровая, красивая, ни на что не жалующаяся девушка погибает. В ее записной книжке есть ваш телефон. Там вы названы Гришей, уменьшительно-ласкательным именем, что говорит о неких близких отношениях.

— Это надо доказать!

— Помолчите, ради бога! — попросил Демин. — Далее. Находится человек, который показывает, что он передавал вам коробки от Селивановой. Коробки с магнитофонами и транзисторами знаменитых фирм «Сони», «Грюндиг»... Идем дальше. Во время обыска в вашей квартире найдены снимки. На одном из них та же Селиванова, и не только она, причем в том виде, который позволяет сделать недвусмысленные выводы.

— Они мне их подарили!

— Вам? Эти женщины подарили вам свои снимки, где они сняты в столь недостойном виде? Вы это хотите сказать?

— Да!
— Все они, видимо, были крепко в вас влюблены?
— Не смею отрицать, — Татулин гордо вскинул небритый подбородок.
— В вас?! — Демин смерил глазами его небольшую фигуру, оглянулся на Кувакина и, не сдержавшись, расхохотался. — Ну, Григорий Сергеевич, с вами не соскучишься! Ладно... Продолжим. Пусть это заявление останется между нами. В протокол его заносить не станем. А то уж больно оно... смешное. Во время суда зал будет рыдать от хохота, когда это услышит.
— Нет, я настаиваю на своих показаниях, — упрямо сказал Татулин.
— Прекрасно. Мы организуем вам очные ставки с этими женщинами. Мы спросим у них, кто делал эти снимки и действительно ли они дарили их вам в знак горячей любви.
— Да ну вас в самом деле! — спохватился Татулин. — Уж и пошутить нельзя!

— Должен сказать, что время для шуток не очень подходящее, — сказал Демин. — Но продолжим. В вашей квартире найдена также пленка, где эти же снимки в негативном, так сказать, исполнении. Не будете же вы утверждать, что и пленку вам подарили? Нет? И правильно. Не надо. Это такая глупость, что ни в какие ворота не пролезет.

— Мне стыдно, поверьте... Но что делать, приходится хвататься и за соломинку, зная заранее, что она не спасет.

— У меня один вопрос. Но должен предупредить: если ответите сегодня, ответ можно будет истолковать как чистосердечное раскаяние. Если вы ответите на этот вопрос завтра, то раскаяния уже не будет, а для суда это важно. Поэтому, оттянув ответ на одну ночь, вы на несколько лет оттянете свое возвращение к людям. К свободным людям. Советую ответить сейчас.

Татулин обхватил лицо руками и сидел несколько минут скорчившись, словно боялся, будто по его лицу можно что-то узнать, о чем-то догадаться. Крупные оттопыренные уши, торчащие между пальцами, время от времени тихонько вздрагивали. Наконец он медленно распрямился, затравленно посмотрел на Демина, на Кувакина...

— Какой вопрос? — спросил чуть слышно.

— Чья сумочка?

И Татулин снова согнулся, положив лицо в маленькие ладони.

— Я понимаю ваши колебания, — сказал Демин. — Не говорите, давно ли у вас эта сумочка, просто скажите, чья она. Хозяйка ведь всегда может заявить, что она ее выбросила...

— Хм, — горько усмехнулся Татулин. — Не в лоб, так по лбу... Какая разница... Что помер Данило, что болячка задавила.

— Итак, ее фамилия?

— Знаете, я чувствую себя предателем... Ужасно неприятное ощущение.

— Селиванова уже ничего не чувствует. И очевидно, ее ощущения перед смертью были не лучше ваших. Вы один хотите отвечать за ее смерть?

— Что вы?! Просто мне хотелось...

— Фамилия, имя, отчество, — перебил его Демин.

— Ирина Андреевна Равская.

— Валюта тоже ее?

— Да. Понимаете...

— Это ее телефон в вашей записной книжке?

— Да.

— Адрес?

— Видите ли...

— Адрес мы можем узнать в ближайшем справочном бюро. Итак?

— Улица Парковая, двадцать седьмой дом... квартира шестая.

Татулин вдруг тонко захихикал, принялся пожимать плечами, часто перебирал пальцами, расстегивал пуговицы на рубашке, снова застегивал, потом захныкал...

— Чего это он? — удивился Демин.

— Устал, — усмехнулся Кувакин. — Отдохнуть хочет. Он отдохнет и снова будет нормальным, верно, Григорий Сергеевич?

— Да... Да... Конечно... Я отдохну... Я очень устал.

Выйдя из здания, Демин и Кувакин невольно замедлили шаг, вдыхая холодный свежий воздух. Машина, занесенная снегом, была почти не видна на фоне серого забора.

— Ну, — проговорил Кувакин. — Что скажешь? Татулин — главарь?

— Непохоже... Суетлив, трусоват... Игрунчик.

— Кто же? Равская?

— Надо посмотреть.

— Значит, к ней?

— Что у нас в активе? — спросил Демин. — Мы готовы разговаривать? Козыри есть?

— Показания Татулина, по-моему, дают основания допросить ее по существу. Спросим, откуда валюта... Да и так ли уж важно, что она скажет? — Кувакин открыл дверцу машины. — Поехали, Валя, не будем терять времени. Вполне обоснованные догадки мы уже можем строить, — сказал он, когда машина выехала из ворот.

— Догадки мы и раньше могли строить сколько угодно. Нам нужны факты, документы, показания, соответствующим образом оформленные и закрепленные юридически, — гнусаво протянул Демин, передразнивая кого-то, кто любил делать такие замечания. Кувакин сразу узнал, кого имел в виду Демин, рассмеялся. — Парковая, Володя, — сказал Демин водителю. — Парковая, двадцать семь.

Они с трудом пробирались в потоке машин, подолгу стояли на перекрестках, ожидая зеленого света. Мокрый снег, покрывающий дорогу, был уже настолько разъезжен, что превратился в жидкую грязно-серую кашу, и прохожие старались идти подальше от проезжей части.

— Пообедать бы, — обронил шофер, не отрывая взгляда от дороги. — Кушать хочется.

— Да, неплохо бы, — поддакнул Демин, думая о своем. — А знаешь, Коля, не верю я этому Татулину. Уж больно легко он раскололся.

— Легко?! А пять допросов перед этим ты учиываешь? Он измордовал меня до предела. Когда тебе удалось так ярко описать его будущее, когда он увидел, что оказался замешанным в преступлении, о котором и думать не мог... По-моему, он дрогнул. Хаханьки кончились. То-то его повело так в конце, совсем поплыл мужик.

— И все же, и все же, — с сомнением пробормотал Демин. — Как ты представляешь себе ход его мыслей?

— Очень четко представляю, поскольку мы с ним об этом не один час беседовали. Он попался с валютой и решил все взять на себя. Не из благородства, конечно, не из желания спасти друзей, об этом не может быть и речи, не тот человек. Ему было выгодно никого не впутывать в дело, потому что тогда уже речь шла бы о сознательном, продуманном групповом промысле. А сегодня он понял, что его система защиты лопнула, что отделаться символическим наказанием ему не удастся. Дохнуло серьезной опасностью, скажем так.

— Я вот думаю, не Равская ли звонила сегодня Селивановой... Та назвалась Ириной, Равская тоже Ирина... Голосок у нее был этакий... хозяйский...

— Хочешь проверить? — Кувакин улыбнулся. — Остановимся у первого же телефона-автомата, и ты позвони ей.

— Предупредить о нашем приезде?

— Спроси, не диспетчерская ли, не гастроном ли, скажи, что ошибся номером, ну?

— А что, можно попробовать. Греха большого в этом нет. Чего не бывает — вдруг повезет.

Через минуту машина вильнула в сторону и остановилась. Демин, подняв воротник, согнувшись под падающим снегом, быстро пробежал к телефонной будке и захлопнул за собой дверь. Кувакин остался в машине, с любопытством глядя, как Демин, сверяясь по блокноту Татулина, набирает номер, ждет соединения, что-то говорит, слушает. Наконец Демин повесил трубку и вернулся в машину.

— Она. У нее голос характерный — низкий, сипловатый. И манера разговора... вызывающая. Будто она заранее знает, что говорит с человеком... малодостойным, во всяком случае, ниже ее по развитию и по положению. Уверен, что она сегодня звонила Селивановой. Значит, и ночью она звонила... Такие дела.

— Много, оказывается, можно узнать по двум словам в телефонной трубке, — иронически обронил водитель.

— Могу еще добавить, что ей около сорока лет, у нее высшее образование и неважное воспитание, — вызывающе добавил Демин.

— А как насчет талии, ножек? — засмеялся водитель.

— Она худощавая, ножки суховаты... Но это смотря на чей вкус. Курит. Пьет. И то и другое — в меру. Правда, иногда не прочь напиться всерьез.

— Ну ты, Валя, даешь! — уже не сдерживаясь, расхохотался водитель.

— Все очень просто, — невозмутимо продолжал Демин. — Низкий сипловатый голос — ясно, что человек курит и выпивает. Тем более если речь идет о женщине. Такой голос почти не бывает у людей полных, рыхлых. Несмотря на возраст, она явно чувствует себя женщиной в полном смысле слова, нравится себе. Значит, еще нравится другим, это дает ей право на пренебрежительный тон с незнакомым собеседником... И так далее. Она охотно смеется по телефону. Умеет одновременно говорить и в трубку, и рядом сидящему человеку. Следовательно, у нее большой опыт общения с людьми, она привыкла ощущать свое превосходство, в чем бы оно ни

заклучалось, знает за собой нечто такое, что дает ей на все это право. Причем она не бравирует, этот тон для нее естествен, обычен.

— Слушай, я начинаю опасаться этой дамы, — усмехнулся Кувакин.

— Это неплохо, это даже полезно. Скажи, а эти женщины, которых называл Татулин, что они собой являют?

— Ничего общего с тем, что ты только что нарисовал. Секретарша, парикмахерша, студентка. Они неглупы, но не больше. Вряд ли они способны на что-то значительное, что требует больших усилий. Я вот только сейчас подумал — есть у них что-то общее... Недовольство своим нынешним положением, какая-то бесцеремонность в общении, развязность... Все это есть.

— Красивые? — спросил Демин как бы между прочим.

— Не сказал бы. На них не оглядываются прохожие. Да и ты тоже не оглянешься. Довольно невыразительные особы. Впрочем, в кабинете следователя многие выглядят невыразительно.

— Возраст?

— Дело к тридцати идет.

— Значит, Селиванова самая молодая из них и самая красивая?

— Судя по фотографии — да.

— Володя, — Демин положил руку на плечо водителю, — будь добр, соедини меня с шефом. Прямо сейчас.

Водитель кивнул, не отрывая взгляда от дороги, нащупал нужные тумблеры, и машина наполнилась пискom и визгом городского эфира. Пока стояли перед светофором, водитель вызвал дежурного, через него соединился с Рожновым и протянул трубку Демину.

— Иван Константинович? — громко спросил Демин, стараясь говорить отчетливее. — Демин беспокоит. Все в порядке. Татулина отработали. Да, можно и так сказать. Раскололся. А может, и нет. Потом, Иван Константинович, потом. Дело вот в чем — нужен ордер на обыск. Записывайте... Ирина Андреевна Равская. Оснований больше чем достаточно. Прямая нитка от Селивановой. Она звонила ей этой ночью, звонила на квартиру утром... Ее назвал Татулин... Откладывать нельзя. Многое может сорваться. Допросить ее необходимо только сегодня, эта компания ничего не знает пока о смерти Селивановой. А обыск можно и завтра, прямо с утра. Подготовить ребят, чтоб все прошло наилучшим образом. Вы потолкуйте с прокурором, а? Ничего, приеду, и вы мне его вручите, закон разрешает, когда время не терпит... Ну все... Что? К черту!

Дом на Парковой, двадцать семь, оказался старым и приземистым. К подъезду можно было пройти лишь через гулкие квадратные арки, в которые когда-то, видимо, проезжали конные экипажи.

— Купеческий район, — пробормотал Демин.

— Если будут обедом угощать, не забудьте бутерброд прихватить, — напомнил водитель.

— Боюсь, не тот случай, — усмехнулся Кувакин.

Шестая квартира была на третьем этаже. Еще не позвонив, Демин почувствовал настороженность. Что-то ему не понравилось, заставило подумывать о том, что приехали они напрасно. Во всяком случае, нажимая кнопку

звонка, он уже знал, что вряд ли кто-нибудь откликнется. Так и случилось. Он хорошо слышал звонок в квартире, но дверь никто не открывал.

— Там никого нет, — сказал Демин.

— Думаешь, успела смотаться?

— Вряд ли... Чего гадать, спросим у соседей, — и Демин, не раздумывая, позвонил в ближайшую дверь. Открыл парень. Тощий, лохматый, в растянутом, обвисшем свитере. Сквозь очки на Демина смотрели насмешливые глаза.

— Простите, ваших соседей нет дома?

— Этих, что ли? — парень ткнул острым подбородком в сторону шестой квартиры. — Не вовремя пришли. Обычно днем там никого не бывает.

— Только ночевать приходят?

— Если это называется ночевкой.

— Послушай, товарищ дорогой, кроссворды я люблю решать в электричке, когда делать нечего. А сейчас прошу тебя, будь добр, вырази яснее. Ответь мне для начала — здесь живет Равская?

— Да, эта квартира принадлежит Равской. Но она здесь не живет. Она живет в квартире матери. А мать ее живет в больнице.

— Живет в больнице?

— Хворает потому что. А кто вы, собственно, такие? — Парень прислонился к своей двери и сложил на груди руки.

Демин привычно протянул удостоверение.

— Доигрались, значит, шалуны, — удовлетворенно хмыкнул парень. — Ну что ж, рано или поздно этим должно было все кончиться. Я этого ждал давно, и с большим нетерпением. Да, рано или поздно всему приходит конец, — философски заметил парень.

— Что вы имеете в виду?

— Кутежи, пьянки, сомнительные знакомства, разноязычная речь на этой площадке, полуночные песни и пляски, бутылки из окон, и не только бутылки...

— А что еще?

— Предметы первой необходимости. Если вас действительно интересует, что именно иногда выпадает из окон этой квартиры, спросите у дворника. Он может говорить об этом долго, подробно и со знанием дела.

— Если я правильно понял, мы можем попасть в эту квартиру только после полуночи?

— Нет, почему же, — улыбнулся парень. — Вот в этой квартире живет бабуля. У нее есть ключ. Но дает она его не всем. Круг доверенных лиц очень ограничен.

— Но хозяйке она дает ключ?

— Конечно.

— Кому еще позволено входить сюда?

— Иногда женщины приходят, из любителей покутить. Одни, с кавалерами, а бывает — целой компанией. Я, конечно, понимаю, мое любопытство неуместно, но... Может быть, мне позволено узнать, чем заинтересовала вас гражданка Равская? — спросил он.

— О, пустяки! — ответил Демин. — Она нам интересна в качестве свидетельницы.

— И только? — Парень был разочарован. — Значит, не подобрались вы еще к ней... Жаль.

— И в чем же она, по вашему мнению, провинилась перед законом?

— О! — Парень рассмеялся. — Она просто не знает, что это такое — закон. И не хочет знать.

— Это интересно. Я вижу, у вас с соседкой отношения не самые лучшие?

— Да, так можно сказать, не самые лучшие. Попробуйте, может быть, вам удастся бабулю убедить. Я бы тогда, глядишь, и в качестве понятого сгодился, а? И любопытство свое бы ублажил... Ну? Смелее, ребята! Вдруг вас ждет открытие!

— Попробуем, Валя? — спросил Кувакин.

— Где наша не пропадала! — ответил Демин. Он нажал кнопку, за дверью раздался мелодичный перезвон, слышались движение, шаги. Кто-то остановился у самой двери.

— Открывай, бабуля! — крикнул парень. — Здесь свои!

Дверь открылась. Пожилая женщина строго осмотрела всех троих. Холодно кивнув Демину и Кувакину, она остановила взгляд на парне.

— В чем дело, Саша?

— Этим вот товарищам нужна наша соседка. Равская. Я знал, что, может быть, вы знаете, когда она будет...

— Ирина Андреевна мне не докладывает. — В лице женщины не дрогнула ни одна жилка.

— А когда она бывает? — спросил Кувакин.

— Когда бывает надобность.

— В таком случае я прошу вас ознакомиться с нашими документами. Моя фамилия Демин. Следовательно. Нам известно, что у вас ключ от этой квартиры. Прошу открыть.

— Я не могу этого сделать.

— В таком случае мы вызываем слесарей и взламываем дверь. Не думаю, что хозяйка будет благодарна вам за это.

Женщина некоторое время сосредоточенно молчала, потом повернулась к Саше, как бы спрашивая его совета.

— Ничего не поделаешь, Клавдия Яковлевна. Придется подчиниться.

— А с Иринкой... случилось чего? — спросила женщина.

— Насколько мне известно, с нею ничего не случилось, — четко и твердо сказал Демин.

Женщина недоверчиво посмотрела на всех и, не закрывая двери, направилась в глубину своей квартиры, к вешалке, где на одном из крючков висел ключ. Выйдя на площадку, она не без колебаний протянула ключ Саше, словно снимая этим с себя всякую ответственность и желая заранее оградиться от возможных обвинений. Саша тут же передал ключ Демину.

— Не уходите, — сказал ему Кувакин. — Будете понятым.

— У вас есть телефон? — спросил Демин у женщины.

— Есть, а как же.

— Разрешите позвонить?

— Отчего ж не позвонить? Звоните, коли надо.

Демин прошел в переднюю и, увидев на тумбочке телефон, набрал номер начальника следственного отдела. Чем нравился начальник Демину —

до него всегда можно было дозвониться, он всегда был на месте, понимая, что за своим столом он полезнее, нежели на выезде, на обыске, на задержании или допросе.

— Иван Константинович, Демин говорит. Мне нужен адрес квартиры... — Демин назвал телефон Равской, найденный в блокноте у Селивановой.

— Записал, — сказал Рожнов. — Еще что-нибудь нужно?

— Как ордер?

— Есть ордер. Но тебе придется самому сходить за ним к прокурору.

Он хочет задать несколько вопросов.

— Все понял.

— Машина еще нужна? — с надеждой спросил Рожнов.

— Да.

— А может, обойдешься?

— Нет.

— Ну, смотри. Позвони минут через десять. Постараюсь раздобыть для тебя адрес.

Демин попытался представить, что сейчас квартира расскажет ему о своей хозяйке. Но то, что он увидел, было, пожалуй, самым удивительным за весь день. Квартира оказалась пустая, необжитая, какая-то захламленная, безжизненная. Грубо прибитая вешалка с алюминиевыми крючьями, продавленный замусоленный диван, круглый стол, из тех, которые люди выбрасывают, перебираясь на новые квартиры, несколько стульев с облезлой обивкой. На подоконнике стояли немытые рюмки, фужеры с подсохшими остатками питья, газовая плитка, залитая кофе, еще один лежак на трех ножках — вместо четвертой пристроили два кирпича... На стенах висело несколько картинок, выдранных из настенных календарей. Загорелые красавицы с распущенными волосами хвастались незатейливыми нарядами, состоящими из одной-двух полосок ткани. Единственно, что было добротным в квартире, — это плотные шторы на окнах.

— Дела-а... — протянул Демин.

— Вот уж чего я не ожидал — это увидеть такую конюшню, — озадаченно проговорил Саша.

Кувакин лишь языком прищелкнул.

Только Клавдия Яковлевна оставалась невозмутимой, видно, бывала здесь. Она молча взяла стул, поставила его в сторонку, чтобы не мешать, и основательно уселась, как бы говоря: вы можете заниматься чем угодно, а я, с вашего позволения, посижу и посмотрю.

Гулко ступая по несвежему полу, Демин обошел квартиру. Кувакин тем временем с подозрением рассматривал небольшую дверцу, которая вела в кладовочку, выгороженную в самой комнате. Замка на двери не было, но тем не менее она не открывалась. Кувакин подергал за ручку, зачем-то постучал по двери.

— Закрыта, — сказал он. — У вас ничего нет? — спросил у Саши. — Вроде топора, гвоздодера, отвертки, а?

— Минутку. — Саша вышел и через минуту принес небольшой туристский топорик. — Прощу! Рад поработать на ниве правосудия.

— О! — воскликнул Кувакин. — В самый раз! Как ты думаешь, — повернулся он к Демину, — что мы сейчас увидим?

— Ничего, — хмуро сказал Демин.

— Посмотрим. — Кувакин заложил лезвие топора в щель, легонько надавил, и дверь тут же открылась. Она была прихвачена небольшим гвоздем. Кладовочка оказалась пустой. Мусор на полу, какие-то бумажки, некрашенная табуретка. Кувакин присел на корточки и принялся перебирать мусор на полу, внимательно рассматривая каждый клочок бумаги. Его внимание привлекла смятая фольга размером с сигаретную коробку. Он развернул ее, повертел в пальцах, поднял голову, встретился взглядом с Деминым.

— Обертка от фотопленки, — сказал тот.

— Точно, — согласился Кувакин. — Смотри, а вот коробочка, черная бумага... Пленка чувствительностью в двести пятьдесят единиц — наибольшей из всех, которую можно достать в магазинах.

Кувакин распрямился, осмотрел стены кладовочки, слуховое окно, расположенное на высоте вытянутой руки.

— Посмотри, на табуретке есть отпечатки подошв? — сказал Демин.

— Есть. И даже вполне приличные следы... Кто-то, видно, вначале потоптался в этой пыли, а потом на табуретку забрался... Следы, Валя, хоть на экспертизу.

— Будет и экспертиза, — пообещал Демин. — Надеюсь, мамаша у Татулина не столь предусмотрительна, чтобы даже туфли своего сына из дома снести. Ковры, картины, иконки она, конечно, разнесла родне на случай описи имущества, но туфли — вряд ли.

— Ты думаешь, здесь был Татулин?

— Чего думать, Коля! Это ведь его берлога. Его закрывали здесь или он сам закрывался, становился на табуретку и через это слуховое окно фотографировал. Посмотри, и диванчик стоит как раз напротив, и обои совпадают... А вот и гвоздь, который ты видел на снимке.

— Еще одна экспертиза? — спросил Кувакин.

— Да. А что? Будет еще одно доказательство. Приведем наших ребят сюда, и они вполне научно докажут, что снимки сделаны именно здесь, в этой квартире, из этой дыры... Осторожней... Не смахни пыль с табуретки. Уверен, что там отпечатки подошв Григория Сергеевича.

— Выходит, мы его офлажковали? — спросил Кувакин.

— Выходит, — согласился Демин. — Мне вот еще что интересно — эту дыру в кладовочку сделали строители или сами жильцы?

— Жильцы сделали, — сказала Клавдия Яковлевна. — Равская как-то попросила меня найти мастера.

— А зачем ей кладовочка, она не говорила?

— Бог ее знает... Значит, надо, коли сделала.

— Елки-палки, — как-то оцепенело проговорил Кувакин. — Это какой же мразью надо быть, чтобы заниматься таким делом... Сидеть в этой конуре с фотоаппаратом наизготове и ждать, пока люди разденутся... Кошмар. Пошли, Валя, отсюда, вряд ли мы еще здесь что-нибудь найдем.

— Клавдия Яковлевна, — Демин подошел к женщине. — Мы закончили. Благодарим вас. Ключ я забираю. Квартиру опечатываем. Вопросы есть?

— Что мне сказать Равской?

— Мы постараемся избавить вас от объяснений, сами объясним ей

все как есть. Счастливо, Саша, благодарим за содействие. И вам, Клавдия Яковлевна, спасибо. Коля, дай товарищам понятым подписать протокол осмотра, а я тем временем шефу позвоню. Он должен дать еще один адрес мадам Равской.

Середина дня осталась далеко позади, начало темнеть, улицы наполнялись густой вязкой синевой. Снег шел не переставая, машин почти не было видно, только их огни бесшумно проплывали над дорогой. Лишь иногда голоса, смех, звучащие в снегопаде, напоминали, что жизнь все-таки идет своим чередом. Приоткрыв форточку, Демин с удовольствием вдыхал свежий воздух, врывающийся в машину холодной острой струей.

Ехали по новому адресу Равской, который сообщил Рожнов. И Демин, и Кувакин готовились к разговору, понимая, что это будет не просто еще одна встреча с еще одним статистом, которого им подсунул изобретательный Татулин. Но были и сомнения — вдруг окажется, что Равская такая же невинная жертва оговора?

— А все-таки неправильно мы делаем, — проговорил Демин. — Надо бы сначала эту Равскую отработать. Выяснить: кто, что, откуда, чем дышит, чем питается, на какие шиши живет. А так мы откроем карты, — сказал Демин задумчиво. — Мы откроемся, Коля. Это нехорошо.

— Если мы откажемся от встречи с гражданкой Равской, то тем самым дадим ей возможность перестроить свои оборонительные порядки. Она подготовится сама, проведет инструктаж с другими...

— А может, прямо с обыском? — предложил Демин.

— А основания? Показаний Татулина недостаточно. Нет, Валя, не будем рисковать и стремиться во что бы то ни стало в дураках оказаться. Вот увидишь, нормально сработаем. Если Равская в самом деле фигура покрупнее предыдущих, если она действительно имеет квартиру для свиданий, скажем так — для свиданий, то она насторожилась, когда задержали Татулина. Так что обыск вряд ли даст что-нибудь. Если же мы отложим встречу, она узнает о смерти Селивановой, и мы лишимся этого козыря. Кстати, Валя, а какие мы вообще имеем козыри?

— Кое-что есть... Смерть Селивановой... Ведь Равская не знает о ней. Дальше... Сумочка. Татулин утверждает, что это ее сумочка. Далее — снимки, которые он делал в ее квартире. Сама квартира...

— А если Равская откажется с нами разговаривать?

— Нет, Коля! Она будет счастлива поговорить с нами, охотно даст все необходимые пояснения, ответит на вопросы. Наше появление в чем-то ей на руку — предоставляется возможность снять с себя вероятные подозрения, не проявляя при этом поспешности, подозрительной навязчивости. Ее спрашивают, она отвечает. Согласись, эта роль очень привлекательна. Кроме того, вопросы нужны ей, чтобы сориентироваться самой. А если она откажется отвечать, это будет неимоверная удача, потому что тогда наши подозрения обретут некую убедительность.

— Приехали, — хмуро сказал водитель.

— Раз приехали, надо выходить, — вздохнул Демин. И по этому вздоху Кувакин понял, что тот волнуется перед разговором, что нет у Демина уверенности, предчувствия победы.

— Ждать? — спросил водитель.

Демин оглянулся, посмотрел в темное ветровое стекло машины, в то место, где должно быть лицо водителя, и опять вздохнул.

— Ну а как ты думаешь, Володя?

— Я думаю, когда еду. Чтоб правила движения не нарушать. А когда стою — мозги мои тоже стоят.

— Обижаешь, Володя, — сказал Демин. — Нехорошо начальство обижать. Ты вроде бы того, что заподозрил нас в хамстве... Мол, могли бы и отпустить, да забыли по рассеянности.

— Ладно-ладно, — пробурчал водитель. — Разошелся. Мастак говорить, вижу, что мастак. Ты вон с той бабой пойді поговори... Заждалась небось.

— И с бабой поговорю! — неожиданно зло сказал Демин и, повернувшись, пошел догонять Кувакина. Ему было неприятно, что водитель заметил его неуверенность.

— Валя! Сюда! Здесь они проживают.

— Кто они? — недовольно спросил Демин.

— Как кто? — улыбнулся Кувакин. — Ирина Андреевна.

Они остановились перед дверью, переглянулись. Черный блестящий дерматин, неизменный «глазок», сверкающие ряды обивочных гвоздей, львиная морда с медным кольцом в зубах вместо ручки.

— Слушай, — удивился Кувакин. — Никак из музея сперла? — Он показал на львиную морду.

— А! — пренебрежительно махнул рукой Демин. — Ширпотреб. В любой скобяной лавке. За два с полтиной вместе с упаковкой.

Произошла странная вещь — именно львиная морда, как претензия на оригинальность, необычность, вдруг успокоила Демина. Он понял человека, который живет за этой дверью. Человек может быть мужчиной или женщиной, иметь любую профессию, возраст, но все это не имеет значения. Этот человек недалек и самоуверен. Наверняка у него в доме есть еще много занятных безделушек, дающих ему уверенность в себе, а то и чувство превосходства. И Демин решительно нажал кнопку звонка.

Яркая точка глаза потускнела. Кто-то невидимый в упор рассматривал его, и Демин, не сдержавшись, подмигнул неизвестному глазу. И дверь тут же открылась. Лицо, которое он увидел, разочаровало его. Широкие скулы, маленькие глазки, причудливая высокая прическа и нос, вздернутый так высоко, что прямо на него смотрели черные дырки ноздрей. На женщине почему-то был не очень свежий белый халат с обвисшими карманами.

— Ирина Андреевна?

— Нет... Ирина Андреевна занята... Может быть...

— Да, конечно, не беспокойтесь, — вежливо сказал Демин, широко перешагнув через порог. Затем он пропустил мимо себя Кувакина и запер дверь. — Я с ней разговаривал сегодня по телефону, даже не один раз... Поэтому она, возможно, ждет меня, — сказал он, улыбаясь своей невинной лжи, которую в общем-то и ложью назвать было трудно — он действительно разговаривал с Равской по телефону, и если она его не ждала, то он, право же, в этом не виноват.

— Тогда конечно, — сразу успокоилась женщина, и с ее лица исчезла

настороженность. — Сюда, — показала она на дверь, ведущую в большую комнату. — Ира, это к тебе!

Сняв в прихожей плащ и берет, Демин вошел. Да, теперь он был уверен — перед ним Ирина Андреевна Равская. Сидя перед большим зеркалом, она рассматривала его, не торопясь повернуться. В руке она держала кисточку для нанесения лака на ногти, прическа Равской являла собой законченное произведение искусства, никак не меньше.

Оглянувшись на женщину в белом халате, Демин, увидев в ее руке большую алюминиевую расческу, понял, что это парикмахерша. Нет, алюминиевая расческа не могла быть в доме Равской, это профессиональный инструмент.

— Простите? — вопросительно проговорила Ирина Андреевна, предлагая Демину представиться. Это слово она произнесла в растяжку, словно приглашала подивиться ее произношению. А произношение было вполне достойно львиной морды на двери: «Просцице?»

И только увидев появившегося Кувакина, который спешно приглаживал ладонью взмокшие волосы, она повернулась наконец на вертящемся стульчике лицом к гостям.

— С кем имею честь? — спросила и быстро, мимолетно окинула взглядом следователей. И те, как бы вновь увидев, что одеты небрежно, что вид у них довольно помятый, туфли мокрые, потерявшие свою форму, поняли, что и она все это заметила, оценила и дала понять — разговаривать с ней на равных они не могут, не имеют права.

Демин прошелся взглядом по комнате, с интересом осматривая чеканки на стенах, ковер, стенку из светлого дерева, усмехнувшись, постучал пальцем по полированной полке.

— Вы ведете себя как оценщики, — усмехнулась Равская. — Правда, те здороваются, когда приходят в дом.

У хозяйки была великоватая челюсть, узкое лицо, правильный нос, а в глазах... нет, он не мог ошибиться... Она играла. В ее взгляде чувствовалась готовность говорить с кем угодно, о чем угодно, каким угодно тоном. Трезвость, цепкость, непритязательность. Вот-вот, удовлетворенно подумал Демин, это человек, которого почти невозможно оскорбить. Она может разыгрывать оскорбленность, но не более. Оскорбиться искренне, глубоко, безоглядно она вряд ли способна.

— Итак, — уже сердясь, сказала Равская. Она, видимо, недавно покрыла ногти ярким, красно-красным лаком и пальцы держала в растопырку, чтобы не повредить маникюр. Но Демину почему-то показалось, будто она похожа на человека, который только что драл кого-то в кровь этими вот острыми длинными ногтями.

— Моя фамилия Демин.

— Очень приятно.

— Я работаю следователем.

— Даже так? — Равская удивленно вскинула брови.

— А это мой товарищ. Его фамилия Кувакин. Он тоже следователь.

— Два следователя на одну женщину? — усмехнулась Равская.

— Почему же, — Демин пожал плечами. — По женщине на следователя. Или вы ее не считаете?

— Да нет, что вы... Она... Она ведь здесь не живет. Ты можешь идти,

Лариса, — сказала Равская. — Я, наверно, задержусь. У товарищей, как я понимаю, вопросы... Они даже разделись, не ожидая приглашения.

— Мы очень культурные люди, — улыбнулся Кувакин. — Не входить же в плащах, запорошенных снегом, в столь изысканное жилище.

— Понимаю. Вы просто хотели понравиться мне. Итак, Лариса, до встречи.

— Одну минутку, — остановил Демин метнувшуюся к выходу женщину. — Вас зовут Лариса?

— Да... — настороженно ответила та, косясь на Равскую. — Я парикмахер, и Ирина... Ирина Андреевна иногда приглашает меня сделать прическу...

— Не надо, Валя, — сказал Кувакин, рассматривая чеканку, изображавшую красавицу на фоне камней и решеток. — Пусть идет. Ее показания у меня уже есть. Это Тищенко. Одна из подружек Григория Сергеевича.

— Да какая подружка, что вы! — воскликнула женщина возмущенно.

— Вы его тоже причесываете? — спросил Демин.

— Кого? Татулина? — Она хохотнула. — Да там причесывать нечего. Сам справится.

— До свидания, — сказала ей Равская.

— Ирина Андреевна, как вам не терпится отправить человека в ночь, в снегопад, в сырость... А может быть, она тоже хочет побеседовать...

— Нет, что вы, я уже и так засиделась... Мне сына надо из садика забирать... У меня сын в садике, — пояснила она с некоторой гордостью.

— Ну, счастливо, — сказал Демин, усаживаясь в кресло. Он помолчал, ожидая, пока затихнет возня в коридоре, пока захлопнется за Тищенко входная дверь. И, только дождавшись полной тишины, повернулся к Равской: — Ирина Андреевна, у нас к вам несколько вопросов. Вы не против?

— Вообще-то я очень тороплюсь... У меня сегодня важная встреча, — она кивнула на растопыренные пальцы, как бы объясняя, почему она в таком виде.

— О, у нас совсем немного вопросов. Пока лак высохнет, мы и управимся.

— Разве что так, — Равская усмехнулась, взглянула на себя в зеркало и, убедившись, что все в порядке, как-то очень уж по-деловому повернулась к Демину.

— Ирина Андреевна, — начал Демин, тщательно подбирая слова и потому говоря медленно, — вы, очевидно, знаете, что недавно при попытке продажи крупной суммы иностранных денег задержан некий Татулин Григорий Сергеевич.

— Да, я слышала об этом.

— Татулин — ваш друг, приятель, знакомый... Не знаю, что из этих определений вы предпочтете?

— Я бы, с вашего позволения, остановилась на последнем.

— Знакомый? Отлично.

— Опять этот Татулин, — досадливо поморщилась Равская. — Вечно он оказывается замешанным в какую-то дурацкую историю, не в одну, так в другую, в третью! Знаете, есть, наверное, люди, призвание которых — доставлять неприятности своим знакомым! Вы часто встречаетесь с разными людьми, скажите мне — есть такая категория?

— Есть, — подтвердил Кувакин. — И довольно многочисленная.

— Вот видите! — непонятно чему обрадовалась Равская.

Она поднялась с круглого пуфика, прошла к стенке, взяла пачку сигарет. Демин проводил ее внимательным взглядом, отметив и покрой брюк, и стройность ног, и вполне приличную в ее возрасте талию. Зад, правда, тяжеловат, подумал он и тут же опустил глаза, будто боясь, что она прочтет его мысли.

— Закурите? — спросила Равская. — «Аполлон», между прочим.

— Спасибо, не курю, — ответил Демин.

— А я не откажусь, — Кувакин взял пачку, не заметив ни английских букв, ни космических объектов на обертке. Он просто вытряхнул сигарету и сунул ее в рот.

— Может быть, кофе? — спросила Равская.

— А вот это с удовольствием! — искренне сказал Демин.

— Знаете, у меня есть прекрасный «Арабик»... Сейчас его достать трудно, все какое-то месиво в банках продают, но мне повезло... Знаете, по нынешним временам даже кофе без нужных людей не достанешь... Но... могу удружить. Так что вы связи со мной не теряйте.

— Не будем, — пообещал Демин.

Равская вышла легкой гарцующей походкой, и тут же на кухне раздался шум передвигаемой посуды, звон чашек, зажурчала вода из крана. Все это должно было, очевидно, говорить о том, что все помыслы и заботы хозяйки — как можно быстрее и лучше угостить неожиданных посетителей замечательным кофе.

— Зачем ты отпустил ее? — тихо спросил Кувакин. — Теперь она мозгами пораскинет, что к чему сообразит, а потом лови мышку-норушку.

— А ты обо мне подумал? — спросил Демин. — У меня от голода голова кружится.

В дверях появилась Равская.

— Пока греется вода, я, с вашего позволения, позвоню по телефону...

— По телефону? — рассеянно спросил Кувакин.

— Да, звонок пустяковый, но чтобы не терять времени...

— Если пустяковый, то, право же, не стоит, — беззаботно ответил Демин. — Тем более вы торопитесь. Давайте лучше продолжим нашу беседу — вода и закипит за это время. — И, не ожидая ни согласия, ни возражения, он вынул из кармана пиджака косметическую сумочку, с которой был задержан Татулин. — Это ваша сумочка?

— Эта? — Равская подошла, безглаголиво взяла двумя пальцами сумочку, повертела ее, вернула Демину. — Откуда она у вас? — невозмутимо сказал

Татулин утверждает, что эта сумочка ваша, — попросил Демин. — Это Кувакин, разглядывая узоры ковра под ногами.

— Ну и что из этого? Вы спрашиваете, моя ли это сумочка? Отвечаю — нет. Хотя когда-то у меня была точно такая сумочка. Может быть, даже эта самая...

— Посмотрите внимательней, пожалуйста, — попросил Демин. — Это очень важно.

— Важно?! — Равская возмущенно передернула плечами. — Для кого?

Вам, наверно, важно прижать меня, а мне важно сделать так, чтобы этого не случилось.

— Ну пожалуйста! — протянул Демин. — В конце концов, вы ничем не рискуете, ведь с сумочкой задержали Татулина, а не вас.

— У моей внутри была отпорота подкладка, и я сама подшивала ее, — ответила Равская, помолчав.

Демин открыл сумочку, заглянул внутрь.

— Да, здесь есть самодельный шов. Это ваша сумочка.

— А что случилось? Откуда она у него? Ах да, ведь я сама дала ему эту сумочку года полтора назад. Вот человек, а! Я тогда купила себе новую, и он выпросил у меня эту... Зачем, не пойму... Ему бы на свалке где-нибудь работать, вечно всякий хлам подбирает! — с искренней ненавистью сказала Равская.

— В этой сумочке у Татулина была валюта, — сказал Кувакин.

— И много?

— Да. Он сказал, что эту валюту дали ему вы. Для продажи. Это так?

— Господи, какая чушь! — Щеки Равской побелели от возмущения. — Это ведь придумать надо! Он что, ошалел у вас там от страха? Вот только что у меня была Лариса, вы застали ее, она рассказала, что и ее он оговорил — сказал, будто валюту ему дала она... А теперь, выходит, я? Какая мерзость! — воскликнула Равская, и Демин увидел, как дрогнули и напряглись ее ноздри.

— Таким образом, — проговорил Кувакин, — вы признаете, что сумочка эта ваша, но вы дали ее Татулину года полтора назад без какой бы то ни было цели, так?

— Совершенно верно.

— Начинай, Коля, — сказал Демин.

— Что начинать? — с опаской спросила Равская.

— Я предложил ему начинать писать протокол допроса.

— Допроса?!

— Да. Мы оформим наш разговор как допрос, вы подпишете все свои показания, и они лягут в дело по обвинению гражданина Татулина в спекуляции валютой. Вот и все. Вам не о чем беспокоиться. Правда, я должен предупредить, что за свои показания вы несете уголовную ответственность.

— Как это понимать?

— Это надо понимать так: если вы умышленно введете следствие в заблуждение или дадите ложные показания, то будете привлечены к уголовной ответственности.

— И что мне грозит в таком случае? — нервно усмехнулась Равская.

— Не так уж много, — проговорил Кувакин, заполняя исходные данные в бланке протокола допроса. — Два года самое большее.

— Условно? — уточнила Равская.

— Условно — это самое меньшее, — ответил Демин. — Простите, но вода уже должна закипеть.

— Ах да! — воскликнула Равская и убежала на кухню.

— Ну как? — спросил Демин.

— Клиент созрел, — мрачно сказал Кувакин. — Она сейчас пытается кому-то звонить... Уже набирает номер, если я не ошибаюсь...

— Знаю. Я жду, пока она его наберет.

Демин открыл дверь и вышел в коридор.

— Мне Наташу, — услышал он голос Равской, но в этот момент она увидела его. — Хорошо, я позвоню позже, — сказала Равская неестественным голосом и, положив трубку, ушла на кухню.

— Звонила какой-то Наташе, — сказал Демин, возвращаясь в комнату. — Подозреваю, что Селивановой. Но это всегда можно уточнить... Позвонить в квартиру, где жила Селиванова, и спросить, не было ли странного безответного звонка в шестнадцать часов, — он посмотрел на часы, — сорок пять минут.

Демин медленно прошел вдоль стенки, внимательно рассматривая многочисленные картинки, безделушки, статуэтки, лакированные клочки бумажек с изображениями обнаженных рук, ног, женской груди — все это было вырезано из заморских рекламных упаковок. Вдруг он остановился, воровато оглянулся на дверь. Прислушался. Быстро отодвинул стекло книжной полки, взял небольшую фотографию хозяйки и, сунув ее в карман, снова задвинул стекло.

— Не помешает, — одобрил Кувакин.

А Демин чуть ли не отпрыгнул от стенки и с размаху упал в кресло, чувствуя, как часто колотится сердце, будто он совершил отчаянно рискованный поступок.

Вошла Равская, держа на вытянутых руках поднос с чашками кофе. На отдельной тарелке были разложены небольшие бутербродики с темно-коричневой сухой колбасой. Размер бутербродов был выдержан очень строго — они говорили о радушии и достатке хозяйки, но в то же время давали понять, что предстоит деловой разговор, а уж никак не банкет.

— Прошу, гости дорогие, — сказала Равская почти беззаботно. — Угощайтесь.

— О, Ирина Андреевна! — радостно воскликнул Демин, понимая, что у него это получилось лучше, естественнее хотя бы потому, что его возглас был вполне искренним. — Вы спасли мне жизнь!

— Я сделала это с удовольствием! — быстро ответила Равская. — И надеюсь на взаимность.

В ответ Демин промычал что-то невнятное, поскольку успел сунуть себе два бутерброда в рот одновременно. Потом отхлебнул кофе и застонал от наслаждения.

— Нет, это не кофе, — сказал он твердо. — Это не кофе. Это нектар. А может быть, даже амброзия. Ирина Андреевна, вы должны дать мне рецепт.

— О чем речь! С большим удовольствием. Мне нечего скрывать от вас!

— Приятно слышать. — Демин вынул из кармана большой самодельный блокнот, из тех, которые он сам любил переплетать, отыскал чистую страницу и протянул Равской. — Прошу вас! Количество воды, кофе, сахара, секрет заварки...

— Я вижу, вы не любите откладывать дело в долгий ящик... С одной стороны, это хорошо...

Равская склонилась над журнальным столиком, но, увидев, что ручки

ей не предложили, пошла в переднюю и через несколько секунд вернулась. Демин видел, что ручку она взяла в своей сумочке.

— Так вот, с одной стороны, это хорошо, но с другой стороны... у нас не будет повода для следующей встречи, — она испытующе глянула Демину в глаза.

— Будет, — благодушно заверил ее Демин. — Это я вам обещаю. А дела действительно не люблю откладывать в долгий ящик. Поэтому я сегодня здесь. Поэтому не вызвал вас повесткой для допроса, поскольку время до-рого.

— Что вы имеете в виду? — Равская протянула блокнот. Демин взял его, внимательно прочел написанное, склонил голову набок, еще раз окинув взглядом всю страницу.

— Что я имею в виду? Все. Например...

— Простите меня, пожалуйста, — перебила его Равская. — Не могу разговаривать, когда передо мной стоит немытая посуда.

— Ключула? — тихо спросил Кувакин, когда Равская вышла.

— Как видишь. Прекрасный образец почерка. Вот, полюбуйся. — Он вынул блокнот и показал страницу, исписанную только что Равской. — Эта красная паста, шариковая ручка, эти остроголовые буквы тебе ничего не напоминают?

— Да ведь записка на газетном клочке... С перечислением курса валют... Значит, она?! — восторженно прошептал Кувакин.

— Если эксперты подтвердят, — невозмутимо ответил Демин, пряча блокнот. — Тсс! Идет!

Равская еще у двери внимательно окинула взглядом обоих, но не заметив ничего подозрительного, легко прошла в комнату и уселась в кресло.

— Ну, молодые люди, — сказала она игриво, — продолжим наши игры. Я вас слушаю. С сумочкой мы все выяснили. Кофе тоже снят с повестки дня. Что вас еще интересует?

— Вы замужем? — спросил Демин невинно.

— Ого! У вас темпы, я скажу...

— У нас очень высокие темпы. Анкетные данные положено выяснять в самом начале допроса. Но поскольку мы гости, то не решились начать с этого. Закон, надеюсь, нас простит, да и вы тоже, возможно, не будете в обиде... Итак, вы замужем?

— Была. Сейчас — нет.

— Развелись?

— Да, — сказала Равская отчужденно, давая понять, что не ожидала столь бесцеремонных вопросов. — Могу заверить, что данные в моих документах полностью соответствуют реальному положению вещей.

— У вас есть дети?

— Да. Дочь. Она в интернате. Я беру ее на выходные дни.

— Выходит, она с вами не живет?

— Она в интернате, — повторила Равская.

— Есть еще родные? — спросил Кувакин.

— Мать. Она очень больна. Сейчас в больнице. Сердце. Кстати, это ее квартира. Поэтому меня несколько удивляет... и настораживает то обстоятельство, что вы решили искать меня именно здесь.

— Сколько вам лет? — спросил Демин.

Равская помолчала, затянулась сигаретой, выпуская дым вверх, к потолку, к режущей глаза хрустальной люстре. Потом ткнула сигарету в хрустальную же пепельницу и жестко, по-мужски раздавила ее.

— Боже, какой приятный разговор был... И вдруг — сколько лет! Сколько бы мне ни было лет, все равно это не является уличающим фактором. В чем бы то ни было. Неужели вы не могли удержаться от столь неприятного вопроса?

— Не мог, — вздохнул Демин. — Товарищу Кувакину, который в данный момент записывает ваши ответы в протокол, положено занести туда и дату вашего рождения, и место работы, и семейное положение... Там, в бланке протокола, для всех этих данных специальные графы нарисованы, — терпеливо произнес Демин.

— Мне сорок пять лет, — без выражения сказала Равская.

— Сорок пять?! — удивился Кувакин.

— А сколько бы вы дали?

— Ну... тридцать пять, — покраснел тот.

— Спасибо, — горделиво улыбнулась Равская и, невольно скосив глаза, посмотрела на себя в зеркало.

— Ваша мама в какой больнице? — спросил Демин.

— Неужели вы и ее будете допрашивать?

— Если позволят врачи, — невозмутимо ответил Демин. — Так в какой она больнице?

— В семнадцатой. Почтового адреса я не знаю.

— Семнадцатая? — переспросил Демин. — Хорошая больница. Но она не в вашем районе?

— Ну и что? — улыбнулась Равская. — Вы сами говорите, что это хорошая больница. Могу заверить: если бы я знала, что где-то есть больница еще лучше, то моя мама лежала бы там. Когда речь идет о родителях, я могу вам сказать без ложной скромности...

— Кто живет в вашей квартире? Простите, что перебил...

— Никто. Она временно пустует. Это ведь не преступление? Мы с мамой собираемся обменять две наши квартиры на одну большей площади, но пока не собрались... То она болеет, то мне некогда...

— Вашей квартирой кто-нибудь пользуется?

Равская некоторое время молчала, удивленно глядя на Демина, как бы совершенно не понимая вопроса.

— Ах, вы об этом... — Она вынула из пачки еще одну сигарету, не торопясь прикурила, затянулась, запрокинула голову и опять пустила дым к потолку. — Боюсь, что мне опять придется сказать несколько нехороших слов об этом недоумке... Я имею в виду Татулина. Дело в том, что он как-то попросил у меня ключ от той квартиры. К нему, видите ли, приехали гости, а разместить их негде. Ведь вы знаете, поселиться в гостиницу в наше время — дело невозможное. Не в Европе живем.

— Татулин часто пользовался вашей квартирой?

— Один раз, насколько мне известно. Правда, его родственники жили там около недели... А что, разве он... — Равская не решалась закончить вопрос.

— Он вернул вам ключ?

— Не помню... А знаете, кажется, нет. Да, действительно, вот сейчас припоминаю — ключ он не вернул. Но я так доверяла ему... У него есть своя квартира, совсем неплохая, мне и в голову не приходило...

— У вас настолько близкие отношения с Татулиным, что вы можете дать ему ключ от собственной квартиры, даже не требуя вернуть его обратно?

— Нет, конечно, не настолько близкие... Но этот случай у меня просто выпал из головы.

— Татулин утверждает, что вы дали ему валюту для продажи. Это верно? — спросил Демин.

— Что верно? — засмеялась Равская. — Вполне возможно, что он действительно это утверждает.

— А если всерьез?

— Откуда у меня валюта, товарищи дорогие?! У меня ставка сто сорок рублей.

— Сто сорок? — Демин невольно обвел комнату взглядом.

— Ах, не смотрите на меня с упреком! — воскликнула Равская. — Это все мамины сбережения. Видели бы вы мою квартиру — вы бы знали, как можно обставить ее, получая сто сорок рублей в месяц.

— Мы ее видели, — как бы между прочим, сказал Демин.

— Уже?! Господи...

— Вы давно там были, Ирина Андреевна?

— С полгода, наверно уж, может, и больше...

— Соседи утверждают, что вы были там совсем недавно.

— Ну... Если соседи утверждают, — Равская не смогла скрыть брезгливой гримасы. — Им виднее.

— Они правы?

— Я сказала то, что сказала.

— В таком случае потребуется очная ставка, — сказал Демин больше Кувакину, нежели Равской. — Ты, Коля, отметь это расхождение в показаниях.

— Очная ставка? Боже, сколько формальностей... Знаете, чтобы избавить и себя, и вас от ненужных хлопот, дурацких формальностей, я готова признать... вернее, готова просто согласиться с тем, что я была в своей квартире недавно. Дожили! Дожили! Приходится отвечать на вопрос о том, когда ты был в собственной квартире, зачем ты приходил в собственную квартиру, чем ты занимался в собственной квартире! — Равская подняла руки вверх, как бы призывая в свидетели высшие силы.

— О том, чем там занимались, мы поговорим позже, — пробормотал Демин. — Скажите, Ирина Андреевна, как давно вы были в своей квартире? Только, пожалуйста, не надо столь близко к сердцу принимать наши вопросы... Так когда же?

— Может быть, с месяц... Хотя, подождите. Я что-то купила недавно... Да, соковыжималку! В моем возрасте, согласитесь, из всех напитков надо отдавать предпочтение сокам. Так вот, эту соковыжималку я и забросила к себе на квартиру. Мне неудобно было с ней по городу таскаться... Надеюсь, этим я не совершила ничего предосудительного?

— При обыске в доме Татулина найдены порнографические снимки.

— И этим он занимался?! — Равская вскочила. — Боже милостивый!

Я считала, что он просто дурак. Ведь, между нами, он дурак, вы не могли этого не заметить... Но порнография! Это же грязь!

— Совершенно с вами согласен, — сказал Демин. — По предварительным данным, снимки эти сделаны в вашей квартире. Как вы это объясните?

— Я наказана за свою доверчивость. И поделом. Он приходил сюда, этот прохвост, и... и чуть ли не валялся в ногах. Есть у него лакейская привычка падать на колени, когда просит что-нибудь... У него дрожали руки, в глазах стояли слезы, он просил у меня ключ, и я всерьез испугалась, что если я ему этого ключа не дам, то он покончит с собой здесь, на ковре... А когда я дала ему ключ, то он устроил в моей квартире, простите, бордель-еро, как сейчас говорят! Как я его ненавижу! Ведь то, что вы здесь, — это его заслуга, не так ли?

— Он утверждает, что валюту для продажи дали ему вы, — повторил Демин.

Ноздри у Равской трепетали от возмущения, грудь поднималась высоко и часто, сигарету она курила, не выпуская изо рта, по комнате ходила быстро и взволнованно. Но Демин, наблюдая за ней, заметил, как Равская, проходя мимо большого зеркала, не забывала быстро окидывать себя взглядом, как бы проверяя, достаточно ли она взволнована, в меру ли потеряла власть над собой.

— Послушайте! — Равская неожиданно остановилась перед Деминим. — Может быть, вы просто ошибаетесь?! Ведь не может этот кривоногий, пузатый, глупый и тщеславный человек настолько заинтересовать женщину, чтобы она согласилась сфотографироваться... Нет, я не верю в это! — и Равская обессиленно упала в кресло. Пепел от сигареты рассыпался по коленям, но, убедившись, что искры не прожгли материала, она сделала вид, что ничего не заметила.

— Вы знакомы с Селивановой? — спросил Демин, помолчав.

— С кем? — равнодушно и устало проговорила Равская.

— Наташа Селиванова.

— Позвольте-позвольте... Что-то знакомое... Ах да, вспомнила. Эта девушка учится в институте иностранных языков. Правда, языков она не знает, и я не уверена, что она когда-нибудь будет их знать... Хотя кто может сказать наверняка... Иногда я давала ей возможность заработать десятку-другую на переводах. Сама я работаю в рекламе, и мне бывает нужно кое-что перевести из иностранных журналов. Боже, что там переводить! Текст довольно простой — купите, возьмите, закажите... Конечно, после нее приходилось самой доводить, дорабатывать...

— Как вы с ней познакомились?

— Через Ларису. Ту самую, которую вы недавно здесь видели... Парикмахерша. Они живут где-то рядом... Хотя нет, парикмахерская, где работает Лариса, находится рядом с домом, где живет Селиванова. Кажется, так. Когда Лариса обмолвилась, что знакома с девушкой из института иностранных языков, я попросила свести нас... Вот, пожалуй, и все.

— Вы давно видели Селиванову?

— Месяц тому назад, может, больше...

— Зачем вы звонили ей сегодня утром?

— Простите?
— Я спросил: зачем вы звонили Селивановой сегодня утром?
— А вы уверены в том, что я звонила ей сегодня утром? — Равская снисходительно улыбнулась. Она готова была принять вызов, очевидно уверенная в том, что уж с этой-то стороны ей ничего не грозит.

— Вы не ответили на мой вопрос.
— Вопрос? Какой?
— Я спросил у вас, зачем вы звонили Селивановой сегодня утром. Если вы не можете ответить сразу — подумайте, только не надо больше переспрашивать и тянуть время — это так скучно. Если вы не хотите отвечать на этот вопрос, так и скажите — мол, на этот вопрос отвечать отказываюсь.

— Да нет, зачем же... Возможно, я звонила ей, но, честно говоря, не помню. Нет, сегодня утром я с ней не разговаривала. Знаете, как бывает... Сидишь к телефону, болтаешь час-второй по десятку номеров — разве потом упомнишь с кем говорила, с кем только хотела поговорить? Тем более если ничего существенного не сказано...

— Ночью тоже не было сказано ничего существенного? — спросил Демин, уверенный, что сейчас опять последует вопрос-уточнение. Равская все-таки отвечала грамотно, почти неуязвимо, но время после неожиданного вопроса ей требовалось.

— Простите, я не поняла?
— Подумайте. Мы подождем.
— Нет, я действительно не понимаю, о чем вы меня спрашиваете.
— Я согласен с тем, что утром можно поговорить по телефону с десятком знакомых и тут же забыть об этом. Но когда говоришь с человеком в час ночи...

— Ребята, боюсь, что вы зря теряете время. Сегодня ночью я была слегка подшофе, — она улыбнулась, как бы прося прощения за столь неприличное словечко. — Только не спрашивайте у меня, ради бога, где я была, с кем, что пила и что было потом. Звонила ли я Селивановой? Нет, не могу припомнить такого события прошлой ночи.

Кувакин сочувственно посмотрел на Демина и даже, не сдержавшись, щелкнул языком — надо же, выскальзывает, и все тут. Квартира сорвалась, сумочкой тоже из колеи выбить не удалось, ночной звонок к Селивановой, похоже, не произвел никакого впечатления... Что там у Демина осталось?

— Уточним, — спокойно проговорил Демин. — Если я правильно понял, вы не отрицаете, что могли звонить Селивановой ночью и утром... Не отрицаете, но и не помните, так?

— Д...да, приблизительно что-то такое можно сказать.
— Запиши, Коля, эту фразу поточнее.
— Как, он все еще пишет? — удивилась Равская.
— Да, а потом вам под всеми страничками придется поставить свою подпись.

— А если я с чем-то несогласна?
— Со своими же показаниями? Разве вы говорили неправду? Но тогда в конце протокола напишете, с чем именно несогласны и как следует понимать то или иное ваше заявление.
— Знаете, ребята, у меня такое ощущение, будто я попала в мясорубку.

— Мясорубка — женского рода, — вставил Кувакин.

— Вы и это мое замечание записали?

— Нет, я записываю только то, что относится к делу, — Кувакин с такой откровенной ненавистью посмотрел в глаза Равской, что та на мгновение опешила и тут же обернулась к Демину, как бы прося защиты. А тот сидел в углу диванчика, и во всей его позе было бесконечное терпение, готовность выслушать все и до конца.

— Простите, я говорила, что тороплюсь и... Если у вас больше нет вопросов...

— Очень сожалею, — виновато улыбнулся Демин. — У меня еще несколько вопросов, весьма незначительных... А завтра, к девяти ноль-ноль вам, Ирина Андреевна, придется прийти в наше управление, — медленно проговорил Демин, прекрасно понимая, какое впечатление могут произвести эти безобидные слова. — Так вот, дежурный проведет вас в коридор, где расположен следственный отдел, а там вам каждый покажет двенадцатый кабинет, где вы найдете следователя Демина, то есть меня. И мы продолжим наши игры, как вы недавно выразились.

— Задержание этого маразматика, этого подонка Татулина с женской «косметичкой» у вас считается настолько важным делом, что этим занимается целая бригада следователей? — Равская откинулась в кресле и откровенно расхохоталась.

Поскольку ему больше ничего не оставалось, Демин с интересом посмотрел Равской в рот и, убедившись, что две трети зубов у нее золотые, удовлетворенно прикрыл глаза.

— Неужели у вас столь значительные успехи в борьбе с преступностью, что вы позволяете себе эту канитель с вызовами, допросами, очными ставками ради дела, которое и выведенного яйца не стоит? — Равская сквозь смех соболезнующе покачала головой.

— Отвечаю на ваш вопрос. Задержание гражданина Татулина для нас не очень важное дело. Говоря о важном деле, я имел в виду смерть Селивановой.

Равская не произнесла ни одного внятного слова. Только хриплый, горланый звук исторгся из ее раззолоченного хохочущего рта, и она судорожно прикрыла его ладонями с ярко-красными ногтями, которые так напоминали падающие капли крови.

— Продолжим, — невозмутимо произнес Демин. Он отклонился от спинки диванчика, наклонился вперед, поставив локти на колени, и опустил голову, так что в поле его зрения остались только узоры ковра да лакированные туфли Равской на несуразно толстых подошвах. А ведь она, должно быть, невысокого роста, подумал он. И повторил: — Продолжим. Во время задержания гражданина Татулина, о котором вы отзываетесь столь неуважительно, в его сумочке, то есть в вашей сумочке помимо тугриков-шмуриков нашли написанный от руки курс иностранной валюты. Написан он на клочке газеты. Так вот...

— Ну нет! — вскочила Равская. — Со мной у вас этот номер не пройдет. Я не позволю, чтобы вы испытывали на мне свои профессиональные приемы допроса! Я не могу, вы слышите, не могу, узнав о смерти близкого мне человека, говорить как ни в чем не бывало о посторонних вещах!

— Очень хорошо, — сдержанно сказал Демин. — Вы не можете вспомнить о своих звонках к Селивановой, хотя и не отрицаете, что звонили ей,

но в то же время она, оказывается, для вас близкий человек... Учтем. У вас были с ней деловые отношения, денежные отношения, но в то же время вы никак не могли вспомнить, кто же это такая... А узнав о ее смерти, вы вдруг разволновались, настолько прониклись к ней сочувствием, состраданием, что не можете говорить о посторонних вещах... Хорошо. Не будем говорить о посторонних вещах, будем говорить только о том, что имеет, как мне кажется, самое непосредственное отношение к смерти Селивановой. Вас это устраивает? Отлично. Продолжим. Коля, ты готов?

— Все в порядке, — ответил Кувакин.

— Поехали. Так вот, на клочке газеты, как я уже говорил, был написан курс иностранной валюты. Франки, доллары, гульдены. Чуть ли не дюжину различных валют нашли в сумочке у Татулина.

— Поздравляю вас, — холодно сказала Равская.

— Спасибо. Скажите, пожалуйста, Ирина Андреевна, как по-вашему, зачем человеку, занимающемуся перепродажей валюты, этот список с указанием, сколько рублей, к примеру, стоит тугрик, сколько франк, сколько крона?

— Понятия не имею!

— Я тоже, — улыбнулся Демин. — Остается предположить только одно — Татулин не часто занимался перепродажей, а валюту в таком разнообразии вообще, возможно, первый раз держал в руках. Татулин — опытный комиссионный спекулянт. В определенных кругах известен давно. Валюта — его новая специальность. Он ее только осваивал. И попался.

— Ближе к делу, — сказала Равская. — Я тороплюсь. У меня важные дела.

— А как же Селиванова? Вы уже забыли о ней? И потом, вряд ли у вас есть дела важнее собственной судьбы, — сказал Кувакин, не поднимая головы от протокола.

— По-моему, до сих пор мы обсуждали только судьбу Татулина.

— Только до сих пор, — сказал Демин. — Теперь мы перешли к вашей судьбе. Дело вот в чем: курс валют, о котором мы столько толкуем, написан вашей рукой. Как вы это объясняете?

— Вы уверены, что он написан именно моей рукой? — усмехнулась Равская, но усмешка на этот раз не получилась. Только гримаса искривила ее лицо, и тяжелая нижняя челюсть как бы вышла из повиновения, обнажив желтоватые от курева зубы.

— Нет, я в этом не уверен, — беззаботно сказал Демин. — Я спросил на всякий случай, для протокола. Чтобы потом, во время суда, не возникло недоумения, чтобы всем стало ясно — разговор об этом был и ответ от вас получен в самом начале следствия. Вот и все. Остальное — мои предположения.

— А вы не злоупотребляете своим положением, вот так легко и бездумно выдвигая обвинения, которые ровным счетом ни на чем не держатся, ничем не обоснованы? Или это профессиональные шутки?

— Нет, Ирина Андреевна, это не шутки. Курс валют на газетном клочке написан своеобразным почерком — все буквы разной величины, какие-то остроголовые, а вся запись сделана грамотно с точки зрения машинописи — абзацы, отступы и так далее. Была в той записке еще одна особенность — автор не любит переносов и старается во что бы то ни стало втис-

нуть слово до конца строки. И последнее — запись сделана шариковой ручкой, красной пастой. Общий вид примерно вот такой... — Демин вынул блокнот и показал Равской страницу, на которой она совсем недавно изложила способ приготовления кофе.

— Боже, в какие руки я попала, — только и проговорила она.

— Продолжим? — спросил Демин. — Итак, повторяю, это только предположение. Но завтра в девять ноль-ноль на моем рабочем столе будет лежать заключение экспертов с печатями, научными выкладками, обоснованиями, подробным анализом характерных особенностей почерка и даже с химическим анализом пасты...

— Не утруждайте себя, — перебила Равская. — Все это я знаю. Но должна вас разочаровать... Не исключено, что тот клочок газеты, который вы нашли у Татулина, действительно написан мной... Около полутора лет назад мне как-то позвонил Татулин и спросил, нет ли у меня под рукой курса валют...

— А почему он решил, что у вас может быть такой курс?

— Потому что я подписалась на «Известия», где эти данные публикуются, а он — на «Комсомолку», где эти данные не публикуются. Татулин обожает молодежные издания, и не только издания, как вы успели заметить. Вот и вся разгадка. Я написала ему все, что он просил, на первом попавшемся клочке бумаги. У вас, надеюсь, все?

— Да, пожалуй, все, — сказал Демин поднимаясь. — Коля, дай, пожалуйста, Ирине Андреевне прочесть протокол.

Надев очки в тяжелой оправе, Равская откинулась в кресле и углубилась в чтение. Время от времени она с интересом взглядывала на Демина, на Кувакина, хмыкала, видимо припоминая детали разговора, один раз вообще рассмеялась.

— У вас прекрасный стиль, — сказала она Кувакину, закончив читать. — Вы никогда не писали заметок в газету?

— Как же, писал, — охотно ответил Кувакин. — И сейчас иногда пописываю... Когда дело, которое я уже расследовал, рассмотрено судом и вынесен приговор... Иначе, Ирина Андреевна, нельзя — чтобы заметками не давить на судей, на народных заседателей... Понимаете?

— Вполне, — ответила Равская и жестом попросила у Демина ручку, не обращая внимания на ту, которую протягивал ей Кувакин. Этим она хотела поставить его, как говорится, на место. Ей не хотелось подписывать протокол той самой ручкой, которой этот протокол писался, а взять свою, с красной пастой, она тоже не решилась. Демин с любопытством ждал, что же будет дальше. Он сонно смотрел на ручку, протянутую Кувакиным, Равская нетерпеливо смотрела на Демина, а Кувакин с улыбкой наблюдал за Равской. Наконец она не выдержала. — Ах, простите, — проговорила она, вспыхнув. И, взяв у Кувакина дешевую, тридцатикопеечную ручку, подписала протокол.

— А теперь я прошу вас извинить за доставленное беспокойство, — Демин слегка поклонился. — Полагаю, мы еще встретимся.

— Позвольте, но вы ничего не рассказали мне о Селивановой. Что же с ней произошло?

— Она погибла. Обстоятельства только выясняю, — Демин развел руками. — Когда буду все знать... Думаю, к тому времени вы тоже будете все

знать. Откровенно говоря, у меня и сейчас такое чувство, будто вы знаете гораздо больше меня.

— О, вы мне льстите, — улыбнулась Равская.

— Ничуть. Это было предупреждение.

— Или угроза?

— Как вам будет угодно. В конце концов, все зависит от вашей роли во всем этом деле.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что вам виднее — была ли это угроза, предупреждение или невинные слова на прощание. Вам виднее. Всего доброго.

Развернув машину, водитель поджидал их, склонившись на руль и тихонько посапывая. Но едва они расселись на заднем сиденье, он поднял голову.

— Про бутерброд вы, конечно, забыли?

— Знаешь, Володя, забыли. Прости великодушно. Было дело, угостили нас бутербродами, небольшими, правда, но такова мода. Понимаешь, вроде неудобно предложить человеку полновесный ломоть хлеба, приличный кусок колбасы, сытный обед или ужин... Вроде ему больше и поесть негде... Мода. Так что мы не заметили даже, как и съели.

— Ладно. Я от вас ничего и не ждал... Куда ехать-то?

— Постоим, подождем. Отъезжай в конец переулка, под заснеженные деревья, и гаси свои сигнальные огни. Посидим минут десять — пятнадцать. Больше, наверно, не придется.

— Думаешь, выскочит? — спросил Кувакин.

— Не усидит.

— Усидит. Ей сейчас, наверно, по десятку телефонов позвонить надо, сигнал опасности передать.

— Не будет звонить. Побоится. Она уж небось думает, что и телефон ее прослушивается, и на пленку все записывается. Человек грамотный, детективов начиталась — две полки детективов, представляешь? Ошалеть можно. Из автомата звонить ей покажется надежнее. А скорее всего, лично по друзьям поедет. Натура активная, она не будет сидеть сложа руки. Судя по всему, ей есть кого предупредить, с кем столкнуться... Опять же о Селивановой надо все выяснить... По-моему, серьезное дело намечается, а, Коля?

— Похоже на то... Слушай, а с газетой она выскользнула?

— Ничего подобного, — горделиво ответил Демин. — Окончательно влипла. Она писала на верхнем крае газеты, там больше свободного места, но именно там пишется дата выпуска. Собственно, самой даты нет, оборвана, но последняя цифра года есть, именно этого, текущего. А году-то всего второй месяц, понял? Смотри — оттепель, мокрый снег, вот-вот дождь пойдет... Другими словами, самое большее — полтора месяца назад написана эта записочка. А уж никак не полтора года назад, как пыталась уверить нас Равская.

— Вали, а тебе не кажется, что мы напрасно открыли перед ней свои карты?

— А какие карты мы открыли? — удивился Демин. — Про Татулина

рассказали? Она и так знала, что он задержан, что ведется следствие. Сумочка? То, что сказала сегодня, она могла сказать и завтра. Хотя как раз завтра могла и не признаться, что это ее сумочка. Равская наделала кучу ошибок. Коля, она попросту не справилась с информацией, которую мы вывалили ей на голову. Она умеет себя вести, ее голыми руками не возьмешь, но она в панике. Пройдет не более десяти минут, и ты в этом убедишься. Еще какие карты мы открыли? Рассказали о смерти Селивановой? Да. Рассказали. И правильно сделали. Это был наш временный козырь, и хорошо, что мы успели его использовать. Арест Татулина почти не встревожил ее, она настолько чувствовала себя в безопасности, что даже на сегодняшний вечер назначила свидание Селивановой в «Интуристе». А теперь поняла, что сама по уши в трясине... Все правильно, Коля. Сумочка ее, записку писала она, во время очной ставки с жильцами квартиры, где жила Селиванова, она признается, что звонила ночью и утром... Нет, Равская офлажкована. Кстати, не забыть во время ее очной ставки с Татулиным вызвать конвоиров в кабинет, не то они растерзают друг друга. Володя, — обратился Демин к водителю, — свяжись, будь добр, с управлением.

Водитель пощелкал тумблерами, и машина сразу наполнилась таким разноголосьем, что казалось, невозможно не заблудиться, найти нужный голос, нужного человека.

— Говорит «Тайфун», говорит «Тайфун», — зычно сказал в трубку водитель. — Вызываю «Буран».

— «Буран» слушает, «Буран» на приеме, — тут же отозвался голос дежурного.

— Прощу, — водитель протянул трубку Демину.

— Дежурный? Это ты, Юра? Привет. Демин говорит. Демин. Юра, свяжи меня, будь добр, с шефом, если он еще на месте... Иван Константинович? Опять Демин. Равская позади. Да, проехали. Дала ценные показания. Зря торопились? А разве можно торопиться зря? Ладно, все понял. Меньше слов. Понял. Иван Константинович, надо бы двух оперативников по ее адресу. Только наблюдение. И за ней, и за квартирой. Да, основания есть. Да, серьезные. Прямой выход на Селиванову. Иван Константинович... Если вы не против, я бы хотел несколько продлить сегодня свой рабочий день... Кувакин тоже не торопится домой... Спасибо. Кабинетная работа начнется завтра. Да, прямо с утра. Есть строго следовать закону. Что? К черту!

В машине снова наступила тишина.

— А вот и она, — спокойно проговорил Демин.

Равская выбежала из-под арки и, оглянувшись, быстро зашагала в сторону оживленной, освещенной улицы — не глядя на дорогу, по лужам, наполненным тающим снегом.

— А вы знаете, ребята, — обеспокоенно сказал водитель, — она ведь к нам торопится. Разрази меня гром, если ошибаюсь. Что будем делать?

— Скажи, что занят, и весь разговор. А мы пригнемся, на заднем сиденье она нас не увидит.

Равская подбежала к машине.

— На Северную подбросишь?

— Занят, — лениво обронил водитель.

— Десятки хватит?

— Скуотища-то какая,— водитель зевнул.— Толкуешь людям, толкуешь — все без толку. Не понимают русского языка.

— Болван! — с явным наслаждением бросила Равская и, не оглядываясь, быстро пошла к перекрестку.

— Вылазьте, ребята,— добродушно сказал водитель.— Опасность миновала. Ездют тут всякие... Без вас десятку бы уж заработал... Смотрите, такси останавливает. Поехали, что ли?

— Поехали,— сказал Демин.— Здесь уже нечего делать. Видишь, Коля, на Северную собралась, решила проверить, не взяли ли мы ее «на пушку», сказав, что Селиванова погибла. Эта дама привыкла действовать наверняка.

— То есть как «на пушку»? — возмутился Кувакин.— Вроде того, что Селиванова жива, а мы, значит, в мертвые ее записали, чтоб Равскую распотешить?

— Меряет на свой аршин. И потом, согласись, поступает разумно. Если Равская в этом деле замешана, она конечно же хочет знать, насколько реальна опасность.

Кувакин напряженно всматривался вперед, боясь потерять такси из виду. Завидев светофор, он подавался вперед, впиваясь пальцами в спинку переднего сиденья, переводил дух, но ненадолго. Наконец водитель не выдержал.

— Ты, Коля, отдохни,— сказал он.— Все будет в порядке. Пока в гостях у нее был ты, ни в чем не оплошал, нет? И слава богу. А теперь моя очередь.

— Нырнет под красный свет, а потом ищи-свищи,— проворчал Кувакин.

— Авось,— беззаботно ответил водитель.— Да и приехали уже. За углом Северная.

Не ожидая полной остановки, Равская выскочила из такси, на ходу бросила за собой дверцу и бегом устремила к тому самому дому, с которого Демин начинал утром расследование.

Такси оставалось на месте.

— Она попросила его подождать,— сказал водитель.

Демин вышел из машины и быстро направился к такси. Подойдя, он, не говоря ни слова, открыл дверцу и сел на переднее сиденье.

— Занят,— сказал таксист.— Пассажир сейчас подойдет.

— Знаю. Моя фамилия Демин. Следовательно. Вот удостоверение.

— Не надо, на слово поверю. Такими вещами не шутят. Наверно, выдумки не хватает,— засмеялся пожилой таксист.— Но я не могу ехать, денег не взял с пассажирки.

— Повезешь ее и дальше. Только вот что... За углом заправочная станция. Задержись там минут на десять, а потом езжай, куда она скажет. Добро?

— Попробую. Но, по-моему, она торопится. По дороге все машины выматерила, которые на пути оказывались.

— Значит, договорились. Вон наша машина — серая «Волга». Мы тоже у заправочной остановимся, только наверху. Как мигнем фарами — можешь ехать.

— Ну что ж, это даже интересно.

— Пока,— сказал Демин выходя.

Равская пробыла в доме около семи минут. Вышла неторопливо, остано-

яла под окном, видимо прикидывая высоту. Потом снова направилась в дом, но тут же вернулась. С минуту постояла у такси, будто не решаясь сесть. Потом медленно открыла дверцу и, аккуратно подобрав полы длинной дубленки, села рядом с таксистом.

— Демин идет по следу! — зловеще сказал Демин, выходя из машины. Прыгая через ступеньки, он поднялся на пятый этаж и позвонил. Дверь открыла Вера Афанасьевна. Братья Пересоловы тоже оказались дома. Оба обеспокоенно вышли из своей комнаты.

— Добрый вечер! — приветствовал всех Демин. — Какие новости?

— Какие могут быть новости, — прошептала Сутарихина. — Сидим весь день да в пол смотрим. Вот те и все новости.

— А у тебя, Толя? — спросил Демин у младшего Пересолова.

— Сейчас, — сказал тот и пошел к себе в комнату.

— Вот только что заходила подружка Наташина, — начала рассказывать Сутарихина. — Веселая забежала, щебечет, смеется, а как узнала — побелела вся, если бы Толик не подхватил, тут бы на пол и ахнула... Воды выпила, кой-как с силами собралась и пошла, бедная...

«Это ведь все сыграть надо!» — почти с восхищением подумал Демин.

— Больше никого не было?

— Нет, никого...

— Ты, бабка, чего же это следствие в заблуждение вводишь? — басом спросил старший Пересолов. — А про парня Наташкиного чего молчишь?

— Ох, и верно, — послушно согласилась Сутарихина. — Приходил парнишка, весь вежливый такой, обходительный, я его раньше и не видела вовсе... Где-то у них с Наташей встреча назначена была, а она не пришла... Вот он и забежал узнать в чем дело. А как узнал... Ну что говорить — вот так весь день и бьем добрых людей по темечку.

— Звонков не было?

— Никто не звонил, — твердо сказал старший Пересолов. — Селивановой никто не звонил. Я весь день дома был. Только в магазин, правда, смотался, а я все время здесь. — Василий, поняв, что утром погорячился, явно поддабривался. — Лечились мы с Толькой сегодня.

— Вылечились?

— Ничего, поправились. Хоть снова начинай.

— А этот парнишка... Откуда он?

Анатолий вышел из комнаты и протянул Демину листок.

— Это его адрес и телефон, — сказал Василий. — Вдруг, думаю, пригодится... Вот и велел Тольке все записать.

— Спасибо! — поблагодарил Демин. — За это спасибо. Родина вас не забудет. Толик, а ты завтра заходи в управление. Повестку я тебе оформлю и освобождение от работы.

— Может, и мне подойти? — спросил Василий.

— Ну что ж, не помешает. Приходите оба.

— Постараюсь, — сказал Анатолий.

— Толик, ты не понял. Не надо стараться. Надо прийти.

— Мал он еще, простоват, — пробасил Василий. — Вы, товарищ следователь, не беспокойтесь. Я ему все объясню. Придет.

— Эта подружка, которая только что забежала, ничего не спрашивала? — повернулся Демин к Сутарихиной.

— Да нет вроде... Только спросила, дома ли Наташа... А я тут же в рев. Толик ей и объяснил... Она глаза подкатила и затылком на стенку пошла. Во как...

— Надо же! — воскликнул Демин.

Едва Демин захлопнул за собой дверцу, как машина круто развернулась и понеслась в сторону заправочной станции.

— Все в порядке? — спросил Кувакин.

— Да, вполне. Оказывается, у мадам Равской еще хватило сил дать в квартире маленькую гастроль... В обморок падала, воды просила, глаза подкатывала — целый комплект выдала. Тоже, между прочим, кое-что говорит о человеке. Ведь ее никто не заставлял такие номера откалывать. Не гони, Володя, вниз не надо съезжать, остановись вон там, наверху...

— Стоят, — удовлетворенно сказал Кувакин.

— Вот здесь останавливай. Отлично. Теперь, Володя, приготовься. Как только таксист посмотрит в нашу сторону, мигни ему фарами. Давай! Порядок... Он заметил нас. Ну, теперь пристраивайся к нему в хвост и валяй.

— Рад стараться, — пробурчал водитель.

Судя по всему, Равская не торопилась. Пока таксист заправлял машину, она отошла в сторонку и стояла, глядя на светящиеся в снегопаде окна, проступающие контуры домов, на проносящиеся огни машин. И, даже когда таксист подъехал к ней и распахнул дверцу, она не торопилась садиться, видно не решив еще, куда ей следует отправиться.

— Твой прогноз, Валя? — спросил Кувакин.

— Поездка у нее должна быть... сугубо деловая. Предупредить, договориться, устроить кое-кого... Не одна работала.

Наконец такси выехало на проезжую часть. Водитель несколько раз мигнул подфарниками — мол, помню о вас, ребята, пристраивайтесь.

— А я знаю, куда она едет, — неожиданно сказал Демин. — В ресторан направляется. В тот самый, куда велела Селивановой сегодня приходить. Не исключено, что выпивончик намечается.

— «Интурист»?

— Точно. Смотри, водитель перестраивается в правый ряд, значит, намечается остановка у тротуара... Так и есть.

Вокруг громадного стеклянного здания гостиницы светилось зарево. Выше пятого этажа отдельные окна уже не различались, только смутное сияние уходило высоко в небо. Такси остановилось метрах в пятидесяти от главного подъезда. Остановились и Демин с Кувакиным. Из такси никто не выходил. Прошла минута, вторая, третья...

— Может, мы ее прозевали? — забеспокоился Кувакин.

— Там она, — протянул водитель. — Там, — повторил он не оборачиваясь.

— Думает, — сказал Демин. — Осторожная баба, эта Равская. Нам с ней еще возиться и возиться. Вот сидит она сейчас, смотрит в ветровое стекло и тасует, тасует, перебирает возможные поступки, решения, людей перебирает, нас с тобой, мы тоже в колоде, и столь презируемый ею Татулин, и уже мертвая Наташа Селиванова...

— Они трогаются, — сказал водитель.

— Подожди, Володя, — остановил его Демин. — Я выхожу. Пойду в ресторан. А ты, Коля, дуй за ней. Связь через дежурного. Докладывай сразу, как только будут новости. С Равской осторожнее. Не упустите. Всего.

Машина сорвалась с места и через секунду скрылась в снегопаде. Демин проводил ее взглядом и решительно направился к входу в ресторан.

Тускло мерцающий вестибюль, отделанный холодным серым мрамором, с низкими креслами, круглыми столиками, стойками всевозможных гостиничных служб, производил внушительное впечатление и напоминал скорее зал крупного аэропорта, а громкий разноязычный говор лишь дополнял это впечатление.

Гардеробщик мимоходом пренебрежительно посмотрел на Демина, его мокрый плащ взял брезгливо, двумя пальцами, номерок бросил на стойку небрежно, не глядя.

— Батя! — Демин поманил гардеробщика пальцем и, наклонившись к самому уху, спросил: — Президент уже здесь?

— Что?! — присел от неожиданности гардеробщик. — Какой президент?

— А, так ты не в курсе, — разочарованно протянул Демин. И, довольный, не торопясь, поднялся на второй этаж, где располагался ресторан с настолько большим залом, что его противоположная стена терялась в голубоватой дымке.

— Простите, — неожиданно возник перед Деминым метрдотель, — но у нас сегодня свободных мест, к сожалению, нет.

— С чем я вас и поздравляю, — улыбнулся Демин. Его почему-то привели в хорошее настроение вежливая нагловатость и какая-то стерильная опрятность этого полнеющего, лысеющего человека. — Давно здесь работаете?

— Да, — помолчав, ответил метрдотель. Что-то сразу изменилось во всем его облике. Прошла какая-то секунда, и перед Деминым стоял уже вполне нормальный человек, с которым можно было разговаривать. Метрдотель после первых же слов Демина понял, что перед ним не обычный провинциал, от скуки забредший в столь экзотическое место, что с ним лучше вести себя осторожней. — Вам что-нибудь нужно узнать?

— Я следователь. Моя фамилия Демин. Мы можем поговорить две-три минуты?

— Две-три можем.

— Как вас зовут?

— Евгений Федорович. Прошу сюда, — метрдотель отдернул неприметную штору и пропустил Демина в маленькую комнатку, где, кроме стола и двух стульев, ничего не было.

— Ваш кабинет?

— Можно и так сказать.

Демин сел, с силой потер ладонями лицо, словно хотел снять усталость, испытующе взглянул на метрдотеля. Потом вынул из кармана пачку фотографий и положил их на стол.

— Евгений Федорович, постоянных посетителей вы, надеюсь, знаете?

— Точнее сказать — могу узнать. А знать... Я не уверен, что знаю самого себя.

— Посмотрите, нет ли здесь ваших завсегдатаев? — Демин протянул пачку фотопортретов, среди которых были и Селиванова, и Равская.

Метрдотель взял снимки, перебрал их, внимательно всматриваясь в каждое лицо, потом уверенно вынул портрет Равской и положил перед Деминым.

— Вот эта дама у нас иногда... бывает.

— Кто она?

— Понятия не имею.

— Ну, по вашей оценке — купчиха, выпивоха, деловой человек, потаскушка...

— Последнее, пожалуй, к истине ближе всего, — усмехнулся метрдотель. — Хотя я несколько раз наблюдал и сугубо деловые встречи этой дамы с нашими постояльцами, гостями «Интуриста». И вообще, насколько я заметил, она предпочитает любые дела, вы меня понимаете, иметь с иностранцами.

— Почему?

— Кошелек потолще, это, конечно, самое важное обстоятельство. А кроме того, они ничем не связаны, всегда свободны, на многие вещи смотрят проще, ищут приключений, связей. Там, где наш человек будет совеститься, искать слова, у них все отработано... Знаете, они более раскованы, более уверены в себе. Это естественно, приезжают в основном люди состоятельные, сделавшие карьеру, обеспечившие себя на годы вперед. Если я не ошибаюсь, именно с такими людьми она чувствует себя легко и просто. У нее с ними одна шкала ценностей, если можно так выразиться.

— Понимаю.

— Кстати, не исключено, что она сегодня будет здесь. Ее подружки или товарки, не знаю даже как сказать, они уже здесь.

— Даже так... — Демин быстро взглянул на своего собеседника. Надо было срочно принимать решение. Если в зале собрались люди, которым Равская назначила встречу, значит... Что это значит? Она тоже должна быть здесь, она и приехала сюда десять минут назад, но не решилась войти... Конечно, фактор неожиданности иногда бывает очень важен, но... Но не будет ли оплошностью, если подойти к ним? Допросить их необходимо в любом случае. Лучше сегодня, чем завтра. И самое главное — до того, как с ними побеседует Равская. Да, завтра разговор может оказаться попросту бесполезным. Они будут подготовлены, запуганы, куплены — так ли уж важно, чем она их возьмет. Значит, сегодня? Сейчас? Немедленно?

Демин, все еще не приняв решения, поднял трубку телефона, раздумчиво покачал ее на руке...

— Выход в город через восьмерку, — подсказал метрдотель.

— Ну что ж, попробуем через восьмерку.

Демин набрал номер, подождал несколько секунд и вдруг улыбнулся, услышав знакомый голос.

— Иван Константинович, те ребята, которых я просил час назад... еще не выехали? Ах, уже... Нет, все хорошо. Надо бы еще двоих, Иван Константинович... На этот раз в ресторан «Интурист». Нет, ненадолго.

Самое большое на час, но немедленно. Чего не бывает... Возможно задержание. Здесь перед входом в ресторан есть такой роскошный предбанник с креслами... Они не будут скучать... Публика интересная, разная, раскованная... Договорились. Всего. К черту! Идемте, — повернулся Демин к метрдотелю. — Покажите мне этих красоток.

Они вышли из-за шторы и остановились у колонны. Со стороны можно было подумать, что в ресторан пришел еще один посетитель и метрдотель осматривает зал, подыскивая ему место.

— Видите люстру? Вот сейчас я как раз смотрю на нее... А под ней столик, хорошо освещенный столик, за которым сидят три женщины... Видите? Стол еще не накрыт. Они только что пришли. Или же пока воздерживаются делать заказ... Скорее всего, второе. Они всегда предпочитают, чтобы заказ для них делал кто-нибудь другой.

По мягкой ковровой дорожке Демин прошел в глубину зала. Столик, указанный метрдотелем, оказался небольшой, на четыре человека. За ним сидели три женщины. И еще один стул был приставлен — очевидно, ожидалось пять человек. «Да, ведь Селиванова тоже приглашена, — подумал Демин. — Все правильно». Женщины были в париках, перед ними стояла бутылка сухого вина и какая-то холодная закуска. Оживленного разговора, когда собеседники интересны друг другу, когда им есть что рассказать, такого разговора не было. Чувствовалось, что женщины собрались вовсе не для того, чтобы повидаться.

— Прощу прощения, — Демин тронул спинку стула. — У вас свободно?

— Занято, — не глядя на него, ответила женщина с крупным тяжелым лицом. Она была самая молодая из трех и, чувствовалось, сильнее по характеру.

— Благодарю, — сказал Демин присаживаясь. Он поудобнее придвинул стул, руки положил на стол. С интересом, благожелательно посмотрел на женщин. Одна из них, та, что сидела справа, показалась ему знакомой, он взглянул на нее пристальнее и с трудом узнал парикмахершу, которую видел в квартире Равской. Она была почти неузнаваема. Седой парик, надменный взгляд, прищуренный, оценивающий взгляд, длинная сигарета во рту... Женщина тоже узнала Демина, сникла и сразу стала похожей на ту, которую он запомнил. Третья была наименее привлекательна — толстые круглые очки, приплюснутый нос, низкий лоб с крупными, почти мужскими морщинами...

— Вы плохо слышите? — спросила женщина с крупным лицом. — Здесь занято.

— Не надо, Зина, — сказала парикмахерша. Демин вспомнил, что ее зовут Лариса. — Этот товарищ по делу.

— Мы здесь все по делу, — улыбнулась третья.

— Галя! — предостерегающе прошептала Лариса. — Возьми себя в руки.

— Я предпочитаю, когда меня берут другие.

— Заткнись уже наконец, — равнодушно сказала Зина и повернулась к Демину. — Ну, молодой человек, какие дела привели тебя в нашу компанию?

— Этот товарищ... следовательно, — поспешно встала Лариса. — Если не ошибаюсь, мы с вами виделись час назад у Ирины Андреевны? —
— Ошибаетесь. Мы виделись с вами два часа назад. Но это неважно. Давайте знакомиться... Моя фамилия Демин. Действительно, следовательно. Ну а с вами я познакомился, пока вы разговаривали... Зина, Лариса и Галя. Верно? Отлично.

— Вы считаете, что мы вступили в конфликт с уголовным кодексом? — спросила Галя и почему-то привалилась грудью к столу.

— Не знаю, пока не знаю. Пока я занимаюсь расследованием обстоятельств смерти Наташи Селивановой. Я сейчас сижу на ее месте?

Демин решил сразу произнести эти слова, чувствуя, что так будет лучше всего. Если вытягивать какие-то сведения, спрашивать, настаивать на ответах и понимать, что они видят твою игру... А потом сказать о Селивановой... В этом будет что-то нехорошее, нечестное. А так одной фразой он сбил с женщин налет пренебрежительности, деланной усталости, вечерней многообещающей истомы. Они сразу стали самими собой. И чуждыми, нелепыми сделались на них парики, ненужными оказались длинные, с диковинной этикеткой сигареты, и вся косметика на их лицах стала выглядеть неуместным гримом. Галя еще ниже припала к столу и в упор, неотрывно смотрела на Демина, ожидая от него новых слов, подтверждений, может быть, даже доказательств. Лариса, не шевельнувшись, продолжала сидеть как сидела, только вдруг лицо ее стало серым. Первой пришла в себя Зина. Она полезла в сумочку, вынула зажигалку, прикурила.

— Это точно? — спросила она.

— Да. Я с утра этим занимаюсь.

— Что с Наташей? — тихо спросила Галя.

— Выбросилась из окна. Сегодня на рассвете. Умерла в «скорой помощи» по дороге в больницу.

— Что же будет, девочки?! — Лицо Гали сморщилось и сделалось совсем приплюснутым. — Как же это, а? Ведь Наташка... Ну, девочки!

— Помолчи! — резко сказала Зина. — Чего же вы хотите от нас, товарищ следовательно?

— Я хочу знать, почему она это сделала.

— Вы уверены, что мы знаем?

— Да, я в этом уверен. Глядя на вас, я даже подумал, что вы ожидали чего-то подобного, что-то последнее время зрело, приближалось, становилось чуть ли неизбежным...

— Мы ничего не знаем! — тонко выкрикнула Галя.

— Не торопитесь так говорить, — сказал Демин тихо. — Так говорить можно только в том случае, — он посмотрел прямо в сверкающие стекла очков Гали, — если вы знаете за собой прямую вину в смерти Селивановой. Если вы довели ее до этого. Понимаете? Я чужой человек в вашей компании, я только сегодня начал знакомиться с вами и то не могу сказать, что ничего не знаю. Я уже знаю много, завтра буду знать еще больше. Следствие только началось. Оно будет тянуться еще неделю, может быть, месяц...

— Нас уже допрашивали! — опять выкрикнула Галя.

— Знаю. Знаю, кто допрашивал, читал ваши показания. Они не очень откровенны, но пусть это останется на вашей совести. Я хочу сказать о другом — когда вас допрашивали, Селиванова была жива. И речь шла не о

смерти человека, речь шла о спекулянте Татулине. И только. И ваше, скажем, невинное лукавство во время следствия, в конце концов, не имело слишком большого значения. Сейчас речь о другом, — Демин посмотрел каждой женщине в глаза, задержал взгляд на бутылке с сухим вином, повертел в пальцах пачку с сигаретами... — Для начала скажу, что уже побывал на запасной квартире гражданки Равской... Этот стульчик ее дожидается? Вряд ли она сегодня придет... Так вот о квартире... Видел ее, знаю, что вы там бываете, знаю с кем, зачем и так далее... Вы меня понимаете?

— Что же вы еще знаете? — поинтересовалась Зина.

— Знаю, например, зачем вы пришли сюда сегодня.

— Интересно! Я, например, понятия не имею! — Зина вызывающе посмотрела Демину в глаза.

— Я бы выразился так... Вы пришли сюда, чтобы забыться. И послушайте, — сказал Демин с горечью, — не мое дело говорить вам правильные слова, которых вы терпеть не можете, так же как и я... Все правильные слова вы сами себе скажете. Не сегодня, так завтра, послезавтра. Через год. Скажете. Не об этом речь... Человек погиб. Человек был доведен до той безнадежности, когда прыжок из окна, когда смерть кажется избавлением... Красивая девушка, вроде все складывается неплохо, а она головой в асфальт. Почему? Неужели вот эта красивая жизнь так ей поперек горла стала? Простите меня, Лариса, Зина, Галя... но вы не кажетесь мне очень счастливыми, и я не стал бы спорить, что у вас никогда не было таких отчаянных мыслей, какая пришла в голову Селивановой сегодня утром... Разговор у нас с вами предварительный, неофициальный разговор.

— Будут и официальные?

— Обязательно. И не один. В ближайший месяц мы с вами очень хорошо познакомимся. Если вы не против, начнем сегодня же... Я вам покажу свой маленький, не очень уютный кабинетик. Покажу ваши фотографии, которые Татулин сделал...

— Как Татулин? — удивилась Зина. — При чем он здесь? Он меня никогда не снимал.

— Снимал, — грустно сказал Демин. — И не один раз, и не только вас, — он улыбнулся неожиданной рифме. — А снимал на квартире Равской — ведь там вы обычно заканчивали веселые вечера?

— Ну? — сказала Галя. — Что из этого?

— Так вот, пока вы здесь прощальные тосты произносили, на пошлок рюмочки опрокидывали с новыми знакомыми, Татулин уже пленку в аппарат заряжал и в каморку прятался. Видели там в комнате маленькую каморку со слуховым окном? Через это окошко он вас и щелкал. Конечно, выбирал самые интересные моменты.

— Боже! — Лариса схватилась за лицо.

— А может, ошибка? Может, все это так... наговоры? — какая-то затаянная надежда прозвучала в голосе Гали, чуть ли не мольба: скажите, мол, ради бога, что все это шутка, недоразумение.

— Снимки найдены при обыске у Татулина, — бесстрастно сказал Демин. — Они сейчас подшиты в деле.

— И там... м-мы? — спросила Галя.

— Да.

— Стыд-то какой,— с трудом проговорила Лариса.— Какой стыд! А ведь нам-то, нам она всегда говорила, что давайте, мол, подружки, повеселимся, давайте, подружки, погуляем... Веселились, гуляли... Потом к ней ехали... Утром на такси давала...

— Много? — спросил Демин.

— Тридцатку.

— Многовато... Вам не кажется?

— Это ведь только говорится так — такси... А на самом деле... — Галя замолчала.

— Боже-боже! — стонала Лариса.

— Да хватит тебе! Противно! — жестко сказала Зина.— Распустила нюни! Все ты знала. Все прекрасно знала. С самого начала. Просто тешилась дурацкой надеждой, что все это вроде шуточки, невинные пьяночки, что никто никогда не назовет эти вещи своими именами. Вот и весь нехитрый расчет. Мол, стыдно, когда люди знают, а когда все втайне, то и стыдиться нечего. Сама же говорила мне, что тридцать рублей на дороге не валяются... Говорила? Ну отвечай, говорила? Наташка в морге, а ты здесь комедию ломаешь?! А если парнишка твой узнает, ты не выбросишься в окно? Ну? Так и будешь тютю-матютю разыгрывать? Наташка мне рассказывала, как Равская ее обмишулила, — Зина повернулась к Демину.— Подсунула ей какую-то работу бросовую на две-три десятки, потом предложила эти же десятки обмыть. Наташка до того времени никогда не пила, быстро опьянела, к ним подсели какие-то итальянцы с тонкими усиками, заказали шампанского, потом поехали в эту конюшню... Наташка еще там хотела в окно сигануть, когда проснулась утром на заблеванном лежаке...

— А зачем вообще Равской понадобилась Селиванова? — спросил Демин.

— Наташка английский знала неплохо... А в этом ресторане на русском редко с кем можно договориться. И потом, она была молодая, красивая, всегда кто-нибудь подсядет.

— А с вами как было?

— Со мной еще проще. Веселье, танцы, машины по ночному городу, опять эта вонючая конюшня... Ну что сказать — напилась я крепко... Равская ведь не пьет. У нее, видите ли, печень. Ей, видите ли, нельзя. Ей вредно. А нам полезно. Ну, не успели войти, а она мне и бросает... Чего, дескать, стоишь, иди раздевайся!

— Так и сказала?

— Так и сказала. Эти слова до сих пор во мне как заноза торчат. Как осколок. Что, говорит, тридцать рублей не хочешь заработать? А у меня, конечно, веселое настроение, все нипочем, море по колено и так далее. А потом было утро, похмелье, была неделя, когда не знала куда деться...

— Потом все повторилось?

— Повторилось, — кивнула Зина.— Даже сама не знаю как... С парнем встречалась — разругались, нового не было... Самой вот-вот тридцать, а бабе тридцать это больше, чем мужику сорок. В общем, жизнь показалась конченной, а тут опять Ирустик звонит, это мы так между собой Равскую

называем. так вот, звонит и на бабью долю жалуется, давай, говорит, кутнем и всем им покажем, пусть, дескать, все они знают... Ну а когда кутнули и я прихожу к ней в соседнюю комнату, она лиры пересчитывает — не обманули ли гости дорогие...

— И тридцатку на такси?

— Да, отвалила она мне тридцать целковых.

— А лиры куда девала?

— У нее же этот прихвостень... Татулин. Он и сбывал... А о снимках я знала. Лариске не говорила, Гале тоже, Наташке вообще... У меня с Ирусиком быстро дело до снимков дошло. Сумасшедший случай — подружилась я с французом... в один из наших вечеров. Причем всерьез, о женитьбе разговоры вели... Он при какой-то комиссии по торговле... Но это неважно. С Ирусиком я встречаться перестала. Ни к чему. И кутежи ее, и пьянки даровые, и ухажеры с лакированными ногтями — все это мне уже было ни к чему. И что вы думаете — находит меня. Издалека начинает, как обычно... Иезуитские манеры. На долю бабью жалуется, дескать, забыться хочется и... с собой кличет. Я отказываюсь. Она настаивает. Я вешаю трубку. Она приезжает. И когда все доводы кончаются, вынимает из сумочки снимочек... Видела я себя. Вы тоже, наверно, видели? Ничего, похожа. Снимок, конечно, я порвала, а она вынимает второй, точно такой же... Тогда и говорит, что давай, девка, наноси штукатурку на физиономию — поехали. А не то через день твой француз получит очень любопытную поздравительную открытку... И я пошла. Пошла. Но если мне сейчас дадут автомат, — голос Зины стал тише, глаза сузились, — а вон к той стенке поставят Ирусика и скажут — хочешь, стреляй, а хочешь, не стреляй... Всю обойму. Вы слышите?! — Она приблизила крупное свое лицо к Демину. — Всю обойму до последнего патрона выпущу. И ни слова не скажу. Нет слов. И от нее ни слова не хочу услышать.

— Зина, почему Селиванова покончила с собой?

— До снимков дело дошло. И вся недолга. Снимочек ей Ирусик показала... Или сказала, что есть такой. Девчонка и есть девчонка... Много ли ей надо... Слишком уже наряды она любила, этим и купила ее Ирусик. Наверно, бывает в жизни каждой бабы, когда кажется, что наряды — это очень важно... Вот в это время и повстречала Наташка нашу мадам.

— А что за человек — Равская?

— Послушайте, товарищ... Я еще могу вас так называть? После всего, что мы вам рассказали о ней, спрашивать, что она за человек, — непрофессионально.

— Вообще-то да, — смутился Демин. — Тут вы меня подсекли. Тем более что я имел честь быть у нее дома, беседовали, кофе пили...

— Неужели угостила? — изумилась Лариса.

— Что, на нее непохоже?

— О чем вы говорите! Чтобы она хоть раз за такси заплатила, за троллейбус... Да ни в жизни! В кафе с ней зайдешь, она же и затащит, выпьешь стакан какой-нибудь бурды с кренделем, Ирусик торопится побыстрее все в себя запихнуть — и шашь в туалет. А ты расплачивайся. Ну, раз сошло, второй раз, а потом даже интересно стало... Ведь речь идет о двадцати — тридцати копейках! И вот сидишь, смакуешь этот так

называемый кофе и наблюдаешь, как она давится, обжигается, чтоб быстрее закончить...

Я однажды опыт провела, — улыбнулась Зина не без гордости. — Зашли мы в какую-то кафешку, взяли по стакану уж не помню чего, я вообще пить не стала. Сделала вид, что хочу по своим делам выйти. Так что вы думаете — бедная Ирусик схватила несчастный пряник, сунула его куда-то чуть ли не под мышку и успела все-таки раньше меня в уборную шастануть. Я за ней. Вхожу, а она у зеркала скучает, сигаретку в пальцах мнет. Надо понимать, дожидается, пока я расплачусь... Такой человек наш Ирусик. А вот и она...

По проходу между столами быстро и растревоженно шла Равская в брюках и пушистом свитере с сумочкой под мышкой. Когда она подошла к столику, Демин оказался сидящим к ней спиной, но едва он обернулся, привстал, предлагая ей сесть, Равская отшатнулась от него, как от чего-то совершенно невозможного, кошмарного. Демин просто не мог не заметить, как судорожно дернулась ее рука, прижимая к себе сумочку.

— Садитесь, Ирина Андреевна, прошу вас, — Демин учтиво улыбнулся и так предупредительно подвинул к ней свободный стул, что Равская не могла не сесть. Она уже взяла себя в руки и выглядела, как обычно, уверенной, ироничной, снисходительной.

— Я смотрю, вы всерьез заинтересовались... моим окружением? — Она поощрительно улыбнулась, хотела было поставить сумку на стол, но та оказалась слишком велика, и Равская, отодвинув штору у окна, пристроила сумку на подоконник. Прищурившись от сигаретного дыма, она игриво посмотрела на Демина. — Мне кажется, вы хотите что-то сказать?

— Не сидеть же нам молча, уж коли мы встретились столь неожиданно в столь неожиданном месте, — усмехнулся Демин. — Ирина Андреевна, если не ошибаюсь, я сижу как раз на том месте, где должна была сидеть Селиванова?

— Селиванова? Ах, вы об этой бедной девочке... По-моему, она как-то была здесь, Зина, ты не помнишь?

— Кажется, была, — ответила Зина. Демин поразился происшедшей в ней перемене. Рядом с Равской она явно присмирела. Было ясно, что Равская крепко держала их в руках, с каждой из женщин она встретилась взглядом и каждой будто отдала молчаливый приказ — молчите, будьте осторожны, не болтайте лишнего. Только что за столом все были равноправными собеседниками. Даже Галя, которая и обронила-то два-три слова. Теперь же и Зина, и Лариса, и Галя как бы отодвинулись, и за столом остались двое — Равская и Демин. Он понял, что предстоит нелегкая задача подавить властность Равской, показать женщинам ее уязвимость, показать, что за ее уверенностью нет ничего. Демин осторожно посмотрел в сторону выхода и удовлетворенно опустил глаза. Он увидел Кувакина. В глубине вестибюля мелькнула милицмейская форма. Значит, все в порядке.

— Я смотрю, вы все никак не соберетесь рассказать нам что-нибудь интересное, — Равская вызывающе посмотрела на Демина. — Тогда я, пожалуй, воспользуюсь этой маленькой заминкой и схожу приведу себя

в порядок. С дамами вы уже познакомились, скучать, надеюсь, не будете.

Равская поднялась, одернула свитер, смахнула с него невидимую пылинку, протянула руку к сумке. И мгновенно, за какую-то секунду побледнела, увидев, что сумку взял с подоконника Демин.

— Вы хотите поухаживать за мной? — улыбнулась Равская. — С вашей стороны это очень мило!

Демин не мог не отдать должное ее самообладанию. Совершенно серое под косметикой лицо, серые перламутровые губы, судорожно пульсирующая жилка на шее и непосредственная, может быть, даже обворожительная улыбка.

— Нет, сегодня мне не до ухаживаний, — ответил Демин. — Просто я хочу посмотреть, что у вас в сумочке.

— Вы имеете на это право?

— Да.

— Право сильного?

— Как вам угодно.

— Ну что ж, валяйте, — со вкусом произнесла последнее слово Равская, — благородный потрошитель женских сумочек... Я сейчас.

И, резко поднявшись, она пошла по проходу между столиками. Равская шла чуть быстрее, чем требовалось. Впрочем, это можно было объяснить ее раздраженным состоянием.

— Ирина Андреевна! — но Равская, лишь обернувшись на секунду, сделала успокаивающий жест: мол, не беспокойтесь, я через несколько минут вернусь. Она остановилась метра за три до стеклянных дверей — за ними, сложив руки за спиной, стоял Кувакин. Равская несколько мгновений молча, исподлбья рассматривала его улыбающееся лицо, потом повернулась и пошла к столику. Решительно села. Зло посмотрела на Демина.

— Как это понимать? — спросила она.

— Что вы имеете в виду? — вскинул брови Демин.

— Там стоит ваш помощник.

— Коля? Что же вы не позвали его? — Демин поднялся и махнул Кувакину рукой, приглашая подойти. — Коля, — сказал он, когда Кувакин приблизился, — будь добр, скажи метрдотелю, вон тому, пусть подаст нам... несколько листов стандартной бумаги. Будем составлять акт. Ирина Андреевна, это ваша сумочка?

— Какая? Эта? С чего вы взяли? Она стояла на подоконнике... Может быть, кто-то забыл ее?

Демин вынул из сумочки плотный перевязанный пакет и, отогнув надорванный клочок бумаги, показал Равской пачку денег.

— И вы так легко отказываетесь от всего этого? — спросил он. — Пока вы ходили здороваться с моим другом, я позволил себе полюбопытствовать — что же в вашей сумочке... Вот эти женщины готовы подтвердить, что сумочка эта ваша, что пакет лежал в сумочке, что в пакете оказались деньги, причем не наши.

— Зина! — негодуя воскликнула Равская. — Что он говорит?! Он склоняет вас к лжесвидетельству! Принуждает к оговору! Это же преступление! Ну, знаете... — Равская, словно бы не в силах сдержать гнев,

оглянулась по сторонам. — Я достаточно наслышана о ваших методах, но чтобы вот так, нагло, бесцеремонно, в полном противоречии с законом, с правами человека...

Зина молчала, и ни одна жилка не дрогнула в ее лице. Она неотрывно смотрела на Равскую, прямо в глаза, может быть только сейчас поняв ее до конца.

Метрдотель принес несколько листов бумаги, Кувакин взял свободный стул у соседнего столика и присел рядом с Деминым.

— Я протестую! — звеняще сказала Равская, гораздо громче, нежели требовалось. — Я надеюсь, что все происходящее здесь станет известным вашему начальству.

— Безусловно, — негромко ответил Демин, вынимая ручку и придвигая к себе листки бумаги.

— Я хочу предупредить вас, — уже кричала Равская, — что все станет известным не только вашему начальству, но и многим другим людям, над которыми ваше начальство не властно! — Она оглянулась по сторонам, как бы призывая в свидетели разноязычную ресторанную толпу. — Зина! Ты слышишь?!

— Я слышу, Ирусик, я не глухая.

— И ты подпишешь эту заведомую беспардонную ложь?!

— Ну а как же, Ирусик?

— Но ведь тем самым ты подпишешь приговор самой себе! Ты себя в тюрьму сажаешь! И их тоже! — Равская кивнула на притихших Ларису и Гаю.

— Нет, Ирусик. Мы вели себя некрасиво, может быть, мы вели себя непорядочно. Но это все. Если судья найдет нужным, он пожурит нас за безнравственность. И наверно, будет прав. А что касается тюрьмы, то похоже на то, что сядешь ты. И я очень этому рада, Ирусик. Сумочка принадлежит тебе, мы все ее очень хорошо знаем.

— И вы?! — угрожающе спросила Равская, исподлобья глянув на Ларису и Гаю. — И вы подпишете?!

— И мы, — пролепетала Лариса.

— Если вы позволите, я вставлю два слова в вашу оживленную беседу, — сказал Кувакин. — Дело в том, что за ложные показания, за отказ от показаний человек привлекается к уголовной ответственности. А вас, Ирина Андреевна, я прошу вести себя скромнее в общественном месте. Так, как вы ведете себя дома, — позволил себе улыбнуться Кувакин.

— Да, подпишем! — тонко пискнула Галя. — И не смотрите на нас так, Ирина Андреевна! Вмешиваться в ваши дела, отвечать за ваши дела мы не хотим! Знаете, своя рубашка...

— Какая своя рубашка? — оборвала ее Равская. — С каких это пор у тебя появилась своя рубашка?! С тех пор, как я решила помочь тебе, ду-ре! Ведь ты же мужнины майки донашивала! И они тебе были очень к лицу!

— Да! Мужнины майки! — согласилась Галя, и из ее глаз тут же свободно потекли слезы. — Правильно... Мужнины майки... Но я бы отдала все ваши вонючие рубашки за одну его майку... Потому что... потому что, когда я донашивала майки, у меня был муж... Лучше донашивать его майки, чем ваши рубашки!

— Ложь, обман и наглое попрание прав гражданина,— четко произнесла Равская.

— Вот здесь, пожалуйста,— Демин придвинул к Зине лист бумаги с актом об изъятии валюты у Равской. Зина подписала и протянула акт Ларисе, которая почти с ужасом смотрела на Равскую.

— Лорка! — Зина требовательно посмотрела на подругу.— Возьми ручку. Ты же не будешь пальцем писать!

Последней, морщась и всхлипывая, акт подписала Галя.

— Если позволите, я тоже подпишу,— сказал метрдотель.

— Вы все видели? — спросил Демин.

— Я на работе и обязан все видеть.

— Завтра утром вы свободны? — спросил у него Демин.

— Да. У меня отгул за сегодняшний вечер.

— Тогда подойдите в управление. Обязательно. Вам придется дать подробные показания. Запомните — моя фамилия Демин. А вас всех,— Демин окинул взглядом женщин,— я попрошу одеться и проследовать к машине. Закончим этот вечер у нас,— он улыбнулся.— Я постараюсь быть гостеприимным.

— Как? На ночь глядя?! — воскликнула Равская.

— А что касается вас, Ирина Андреевна, то... вам, по всей видимости, придется не только проследовать в управление, но и на некоторое время задержаться там.

— Надолго, позвольте узнать?

— Пока не закончится следствие.

— А потом?

— Вашу дальнейшую судьбу рушит суд.

— В чем же, интересно узнать, я обвиняюсь?

— Валютные операции. Кроме того, вы виновны, и я постараюсь это доказать, в смерти Селивановой. И наконец, вы склоняли не очень устойчивых в моральном отношении людей к легкомысленному поведению, скажем так.

— Это преступление?

— Да, если вы делали это с целью получить выгоду. И вы ее получали.

— Это надо доказать.

— Буду стараться, Ирина Андреевна, буду стараться. Евгений Федорович,— повернулся Демин к метрдотелю,— вы не сможете нам такси организовать? А то, боюсь, мы все в одну машину не поместимся.

— Нет ничего проще.

Во всем здании было уже пусто. Только дежурный сидел за стеклянной перегородкой, склонившись над пультом с лампочками, кнопками, рычажками. Демин, не останавливаясь, кивнул ему и быстро направился к себе в кабинет, увлекая за собой четырех женщин. Допросить их надо было только сегодня, хотя бы наскоро, записать основные показания. Уточнить, снова вернуться к деталям можно и завтра, послезавтра, через неделю. Потом будут и подробные допросы, и очные ставки друг с другом, с томящимся где-

то Татулиным, кто знает, возможно, появятся новые действующие лица, но это все будет потом.

Демин открыл дверь своего кабинетика, распахнул ее пошире, пропустил всех вперед, сам вошел последним.

— Прошу садиться, граждане дорогие. У меня не столь просторно, как в ресторане, но что делать! Да, можете пока раздеться, вешалка за тем шкафом... Она, правда, не рассчитана на такое количество гостей, но ничего, для пользы дела потерпит.

— Вешалка, может быть, и потерпит, — передернула плечами Равская. — Будем ли мы терпеть... Я, например, не намерена. Надеюсь, извинения вам придется принести раньше, чем...

В кабинет вошел Кувакин.

— Валя, там парнишка тебя спрашивает... О Селивановой что-то толкует. Нужен мне, говорит, следовательно, который занимается Селивановой.

— Он что, из этой же компании?

— Вряд ли... Непохоже.

— Тащи его сюда. Чего ему там одному скучать.

Через минуту в дверь осторожно протиснулся длинный тощий парень с загнанными, красными глазами. В руках он держал мокрую кроличью шапку, с пальто капала вода — нужно было не один час ходить в такую погоду, чтобы довести его до такого состояния.

— Проходи, парень, — сказал Демин. — Давай знакомиться. Моя фамилия Демин. Мне сказали, ты искал меня. Выкладывай, в чем дело?

— Понимаете... — Парень оглянулся, посмотрел на женщин, не решаясь заговорить при них. Встретившись глазами с Равской, он нахмурился, будто вспоминал что-то, потом кивнул, негромко поздоровался. — Простите, я вас сразу не узнал, — добавил он.

— А я тебя и сейчас не узнаю, — ответила Равская.

— Ну как же... Помните, нас Наташа познакомила... Мы случайно на улице встретились... Помните?

— Обознались, молодой человек.

— Позвольте, Ирина Андреевна, — вмешался Демин, — разве вы не знали Наташу?

— Не знаю, о какой Наташе он говорит.

— О Селивановой, — ничего не понимая, сказал парень.

— Не помню столь приятного факта в своей биографии, как знакомство с этим молодым человеком. — Равская отвернулась.

— Ну это уже неважно, — сказал Демин. — Коля, ты заполняй пока бланки, а я с товарищем потолкую в коридоре.

Они вышли, сели на жесткую деревянную скамью недалеко от дежурного. Гулкий пустой коридор, освещенный несколькими маленькими лампочками, казался длинным и угрюмым. Воняло хлоркой, сыростью, мокрыми досками пола — видно, уборщица была совсем недавно.

— Как тебя зовут? — начал Демин.

— Костя. Костя Гладышев. Понимаете... Я был в квартире, где жила Наташа, и мне сказали... В общем, мне все сказали... Там у нее сосед, Анато-

лием зовут... Он наказал, чтобы я обязательно к вам подошел... Сказал, будто вы расследуете это дело... А раньше я не мог... Не мог, и все.

— Понимаю. Раньше меня здесь и не было. Молодец, что пришел. Как ты думаешь, почему Наташа так поступила?

— Понятия не имею! Никаких причин! Может быть, вы знаете? Скажите, почему именно она?! Мало ли людей, которым просто необходимо покончить с собой, чтобы хоть что-нибудь сделать полезное для людей!

— Ну, ты, Костя, даешь! — крикнул Демин. — Спрашиваешь, почему именно она... Видишь ли, дело в том, что не только она... Те дамы, которых ты видел в кабинете, все эти солидные, ухоженные дамы каждый день немного кончали с собой, если можно так выразиться. Все они самоубийцы. Правда, я не уверен, что они знают об этом. Им еще предстоит узнать. И твоя знакомая, с которой ты поздоровался, тоже. Она пошла на самоубийство, надеясь на этом хорошо заработать. Да еще и других с собой потащила. Организовала этакое коллективное мероприятие. А Наташка твоя все приняла слишком всерьез...

— Они продавали себя? — спросил Костя отрешенно.

— Было. А теперь продают друг друга. Конечно, не повстречай они эту мадам, все было бы иначе, они жили бы другой жизнью. Вряд ли они были бы счастливы, да их и сейчас счастливыми не назовешь, но жизнь у них была бы иной... И Наташка твоя была бы жива... А с другой стороны... они сами виноваты. Ключнуть на такую дешевку! Соблазниться даровой выпивкой, закуской, манерами потасканных заморских кавалеров...

— И Наташка?!

— С ней было иначе. И проще, и сложнее. Ее обманули. Небольшая провокация, немного шантажа... А когда спохватилась, было поздно... Скажи, последнее время она ни на что не жаловалась, ничто не угнетало ее?

— Знаете, что-то было... Говорим, смеемся, а она вдруг сникнет вся, будто вспомнит что-то неприятное... Потом рукой махнет, как отмахнется от чего-то, и опять все нормально... Но, наверно, и про меня такое можно сказать... Когда со мной что-то случится, когда я... погибну, к примеру.

— Не торопись, Костя, не надо. Как она тебя познакомила с этой дамой? Когда? Где?

— Месяца три назад мы ее случайно на улице встретили... Я забыл, как ее зовут... Наташа ее шукой назвала.

— Как?

— Шукой. Я понимаю, это несерьезно...

— Боюсь, что это очень серьезно. Где-то я сегодня слышал это слово... Шука... Надо же, забыл. А разговор был... Скажи, а как именно, с каким выражением она ее шукой назвала?

— Ну, мы шли по улице, Наташа увидела ее метров за тридцать... И говорит... Надо же, говорит, со шукой встретились... Ей это неприятно было. И положение возникло странное... Она меня никак не представила, ее тоже никак не назвала... Только по имени-отчеству.

— Надо же — шука, — пробормотал Демин. — Кто же мне сегодня говорил о шуке?.. Ну ладно, пошли, я посажу тебя в отдельной комнате, и ты все, не торопясь, изложишь. Опиши встречу с этой дамой, как к ней отнеслась Наташа, как она ее назвала... В общем — все. И как можно подробнее. Заходи сюда. Садись. Вот тебе бумага, ручка — пиши. В конце не забудь указать свои координаты. Кто ты, что ты, где живешь, чем занимаешься, адрес, телефон. Добро? Я зайду через полчаса. Без меня не уходи.

В кабинете царило гнетущее молчание. Демин прошел на свое место, сел, по очереди осмотрел всех, будто проверял наличие явившихся.

— Равскую попрошу остаться, остальным придется выйти в коридор. Там есть скамейка, располагайтесь. Итак, Ирина Андреевна, продолжим наши игры.

— Игры, говорите? — Равская недобро усмехнулась. — Я смотрю, вы привыкли играть человеческими судьбами... Для вас это, оказывается, игры... А ведь я в суд подам. И вам придется отвечать.

— Хорошо. Отвечу. А сейчас, пожалуйста, ответьте мне...

— И не подумаю. Только в присутствии адвоката.

— Адвоката? Это вы, наверное, в кино видели, в зарубежных детективах? Ну, вы даете, Ирина Андреевна!

— А у нас такое невозможно? Только у них задержанный может требовать адвоката? А здесь, получается, можно хватать людей среди ночи и допрашивать сколько вздумается?

— Мелко гребете, Ирина Андреевна. Этим вы меня не обидите. Вас задержали не среди ночи, а вечером, вовсе не поздним вечером. Просто сейчас рано темнеет. Опять же низкие тучи, снегопад, метель... Приятная такая весенняя метель... Кроме того, это позволено законом, когда допрос, задержание имеют срочный характер, когда требуется предотвратить дальнейшие преступные действия или же когда оставление преступника на свободе даст ему возможность уничтожить следы своей незаконной деятельности. Видите, я даже статью процитировал. И не забывайте, что вас задержали с солидным количеством иностранной валюты, — Демин кивнул на сумочку. — О чем составлен соответствующий акт. А что касается адвоката — это ваше право. Но согласитесь, Ирина Андреевна, вам не потребовался бы адвокат, если бы вы были уверены в своей невиновности. Адвокат вам нужен для того, чтобы ловчее ответить на вопросы следствия. Ну что ж, давайте побеседуем в присутствии адвоката... Да, Коля, — обратился он к Кувакину, — тебе ничего не говорит такое слово — шука?

— Шука? Постой-постой... Насколько мне известно, с некоторых пор появилась на нашем горизонте ловкая валютчица. Якобы ее кличка — Шука. Мы знаем некоторых ее клиентов, кое-какие приемы... Но сама она пока остается неуловимой.

— Коля, она перестала быть неуловимой.

— Ты хочешь сказать...

— Коля, она перед тобой.

— Ирина Андреевна! — непосредственно воскликнул Кувакин. — Неужели он говорит правду?

— Да-а, — протянул Демин соболезнующе, — напрасно вы, Ирина Андреевна, не отпустили Селиванову... Конечно, знание языков в вашем деле было очень полезно, но Селиванова знала не только языки, она знала вашу кличку... Эти вряд ли знают, — Демин кивнул на дверь.

Равская поднялась, сунула руки в карманы распахнутой дубленки, прошла в раздумье по кабинету, глядя в пол, постояла у окна, вернулась к двери и наконец остановилась перед Деминим. Взгляд у нее был несколько оценивающий, будто она стояла перед прилавком магазина и прикидывала — не слишком ли дорога вещь, которая ей приглянулась? Не таясь, окинула взглядом одежду Демина, посмотрела на помятый пиджачишко Кувакина, судя по всему, купленный случайно, по дешевке. И Демин неожиданно для себя втянул ноги под стол, чтобы спрятать свои размокшие, потерявшие форму туфли. Его жест не скрылся от Равской, и она снисходительно улыбнулась.

— По тысяче каждому, — сказала она четко и негромко.

— Не понял?

— Тогда по две. Каждому. Годится?

— Это вы нам предлагаете? — спросил Демин. — А за что?

— Две вещи, — спокойно сказала Равская. — Первое. Вы должны опустить в унитаз содержимое моей сумочки. Или взять себе. Дело ваше. И второе — вы не слышали этого слова... Щука. В остальном честно выполняйте свой гражданский долг. Я готова ответить и за смерть Селивановой. Разумеется, в той степени моральной вины, которая лежит на мне как на человеке, старшем по возрасту, который должен был уберечь ее от необдуманного шага. И за то, что организовывала приятные вечера для этих застарелых дев, — она презрительно кивнула в сторону двери, в которую недавно вышли Лариса, Зина и Галя.

— А за снимки? — спросил Демин.

— За снимки пусть отвечает тот, кто их делал. Татулин.

— По две тысячи на брата, — задумчиво протянул Кувакин. — На двоих — четыре тысячи... Неплохо. Почти годовая зарплата, а, Коля? А если Татулин предложит нам тоже по две тысячи?

— Это уж вам решать, — ответила Равская таким тоном, будто бестактность Кувакина ее оскорбила. — Впрочем, пять тысяч он вам наверняка не предложит... А я... я готова дать показания... и даже доказательства активной роли Татулина во всем этом деле. И снимки пусть остаются, коль они уж приобщены... Мне кажется, они достаточно полно отвечают на вопрос о причине самоубийства Селивановой.

— И за все ответит Татулин? — уточнил Демин.

— А почему бы и нет? Он, бедняга, так устал в ежедневной беготне и суете! Пусть отдохнет годик-второй.

— Годиком-вторым ему не отделаться.

— Зачем нам об этом думать, — пожала плечами Равская. — Пусть решает наш народный, самый справедливый суд.

— Но Татулин тоже не будет молчать, не будет сидеть сложа руки, — ответил Демин. — И снимки он сделал все-таки в вашей квартире.

— Откуда мне знать, чем он занимался в моей квартире! Он выключил ключ, я по простоте душевной пошла ему навстречу... Я всегда знала его как приличного человека... Кто же мог подумать, что это развратная личность! Но это все неважно. Мы договорились? Пакетик в сумочке сам по себе стоит не меньше пяти тысяч... Я вам его дарю. А за Шуку пять тысяч. Поверьте, ни один форшмак столько не потянет.

— Соблазнительно, — покрутил головой Демин. — Видишь, Коля, на какой вредной работе мы с тобой сидим, какие невероятные перегрузки испытываем, в какое тяжелое стрессовое состояние может ввести такое предложение... Нам, Коля, надо за вредность молоко выдавать. Хотя бы по пакетику в день... Как ты думаешь?

— Не меньше. Я бы и от двух не отказался.

— Можно и два, — согласился Демин.

— А если еще шестипроцентного по двадцать пять копеек за пакет, — мечтательно протянул Кувакин, — я бы никакой другой работы не хотел.

— Решайте, мальчики, решайте, — поторопила их Равская. — Могу даже помочь вам сбыть эту валюту. Хотя у вас и свои связи должны быть.

— Да, надо решать, — с сожалением сказал Демин. — Ирина Андреевна, вы по-прежнему настаиваете на присутствии адвоката?

— Как?! Вы отказываетесь? — удивлению Равской не было предела. — Почему? Неужели вам так хочется посадить меня? За что? Что я вам сделала плохого? Ведь мы только сегодня познакомились! Нет, мы можем продолжить... Назовите свою цену! Давайте продолжим...

— Торговлю? — холодно спросил Демин. — Нет, Ирина Андреевна, пошутили, и будя. А то сейчас предложите по десять тысяч, и меня от волнения кондрашка хватит. А у меня жена, ребенок... Нет. И не уговаривайте. Я не могу так рисковать.

Равская с минуту смотрела на Демина со смешанным чувством недоумения и досады, потом в ней словно ослабло что-то, плечи опустились, и сразу стали заметны ее возраст, усталость, безнадежность.

— Я, кажется, понимаю, — проговорила она медленно. — Здесь, конечно, дело более чем личное... Дело не во мне и не в тех безобидных вещах, которыми мне пришлось заняться, чтобы прокормить себя...

— Надеюсь, вы жили не впроголодь? — спросил Демин.

— Еще этого не хватало! — вскинула тяжелый подбородок Равская.

Возвращался Демин предпоследней электричкой. Освещенный желтоватым светом вагон был почти пуст. В одном его конце дремал захмелевший мужичонка в телогрейке, на соседней скамье военный читал газету, с трудом разбирая мелкий текст, а в тамбуре беспрерывно целовались парень с девушкой.

Снег перестал, потеплело, и теперь шел дождь, частый и стремительный. Демин представил себе, как несутся в мокрой весенней темноте пустые вагоны электрички с рядами светящихся окон, несутся, как бы раздвигая струи дождя, и грохочут на стыках колеса, и загнанно кричит перед переездами сирена головного вагона. Представил, как сразу после того, как пройдет электричка, затихает ее металлический грохот и наступает

тишина. Такая полная, сосредоточенная тишина, что слышен шелест капель в мокрых ветвях елей...

На своей платформе он сошел один и не торопясь направился к дому. Автобусы уже не ходили, прохожих он тоже не увидел. Издали Демин с огорчением отметил, что окна его квартиры погашены — значит, не дождался, легли спать.

Дверь он открыл своим ключом, разделся в тесной прихожей, повесил плащ на угол двери, чтобы не намокла одежда на вешалке. А когда, выпив пакет молока, уже шел в спальню, нечаянно наткнулся в темноте на стул и разбудил жену.

— А, это ты, — пробормотала она сонно. — Пельмени в холодильнике. И посади Анку на горшок, а то будет горе и беда.

— Посажу... Не привыкать.

Хмиз

КРИМИНАЛЬНЫЙ МАРАФОН

Глава I

ПРЕФЕРАНС

Перед игрой Георгий Васильевич подозвал Хмиза и тихо напомнил ему:

— Твоя очередь, Степочка... Усек?

Хмиз многозначительно похлопал по карману пиджака и сказал:

— Ты что? Разве такое забывается? Святое дело...

Георгий Васильевич, показав три пальца, коротко бросил:

— Как всегда...

Хмиз лишь улыбнулся, и Георгий Васильевич отошел довольный. Сегодня, как обычно, собрались на квартире, где он был на правах хозяина. Вообще-то трехкомнатная квартира формально принадлежала не ему, в ней были прописаны его возлюбленная Любовь Антоновна Сулима с матерью и отцом, которых Георгий Васильевич видел крайне редко: с Любчиком договорились, что ее родители могут приезжать сюда из деревни только в гости, да и то не слишком часто. Поддержка родителей обходилась Георгию Васильевичу сотни две в месяц, но для него эта сумма означала примерно столько же, сколько для среднего инженера трояк или червонец. Ради покоя и комфорта он готов был платить и больше.

Любчик вкатила в гостиную столик с бутылками и бутербродами: коньяк, виски, водка, семга, красная икорка и осетровый балычок. Не было только джина. Георгий Васильевич заплатил бы за джин и в пять раз дороже, но нигде не достал его — вот до чего довела бездумная борьба с пьянством! Дело в том, что Кирилл Семенович Пирий обожал джин с тоником, он пил, конечно, и коньяк, и виски, и водку, короче говоря, пил все, но всему предпочитал джин. Он привык, что его желания всегда выполняются. А тут... Именно поэтому Георгий Васильевич сегодня был не в духе. «В конце концов, — подумал он, — хозяин Города не я, а он, всемогущий Пирий, который, между прочим, мог бы залить любым пойлом нашу честную компанию». Однако вслух эту мысль не высказал — зачем? Лучше всегда брать вину на себя, особенно на людях, начальству это нравится, оно должно быть безгрешным, как Иисус Христос, пребывать на недостижимой вы-

соте, ощущать себя если не богом, то его наместником на четко определенной территории.

Георгий Васильевич улыбнулся, развел руками и произнес, обращаясь только к Кириллу Семеновичу:

— Мишка, мой шофер, объездил весь город, но джина не достал. Кстати, в понедельник лечу в Москву... Надеюсь там...

Уселись за стол. Георгий Васильевич распечатал новую колоду карт. По традиции первым сдавал хозяин. Он старательно перетасовал карты и быстро разбросал их по столу.

— Пас... — произнес Кирилл Семенович, а Хмиз заказал игру. И не простую, а сразу девятёрную.

— Везет же людям! — недовольно поморщился Кирилл Семенович, а Хмиз стыдливо улыбнулся. Он-то знал точно: пойдет ему карта или нет — все равно около трех тысяч выиграет Кирилл Семенович Пирий. Так уж повелось в их компании: играют по-крупному, и Кирилл Семенович всегда в выигрыше — замаскированная форма взятки. Хотя в компании никто даже в мыслях не произносит это слово. Удобная форма платить за услуги.

Сегодня проигрывать очередь Хмиза, но обставить это надо красиво, может быть, вначале немного вырваться вперед, поиграть на нервах партнеров, поскольку какой же преферанс без волнений, взлетов, падений, радостей и отчаяния? Потом можно купить рискованный мизер и объявить не ту игру, залезть на «горку», наконец существуют десятки способов проиграть интеллигентно и тонко. Пирий, конечно, знает, что к чему, но существуют определенные условия игры, которых следует придерживаться.

Степан Хмиз незаметно для всех улыбнулся. Сам бог велел ему выкладывать Пирию ежемесячно три-четыре тысячи. Под началом Хмиза самая большая промтоварная база в Городе, весь дефицит проходит через него, хочешь не хочешь, а деньги сами плывут в руки. Если действовать с умом, иметь несколько верных директоров магазинов, умело и надежно наладить систему «купли-продажи», то всегда можно кататься как сыр в масле. А на отсутствие деловитости и хватки Хмиз не жаловался, директоров имел преданных и систему, отлаженную до малейших деталей.

Говорят, сгустились тучи и над Хозяином, как в регионе величают первого секретаря обкома партии. Оно конечно, давно пора дать старику подзад, удивительно, что все еще держится... В речах он, естественно, поддерживает перестройку — слушаешь, даже не верится: хозрасчет, арендный подряд, рыночная экономика... Но из слов борща не сварить, старик отлично знает, что значит отдать землю крестьянам, ввести на селе арендный подряд и отпустить вожжи директорам предприятий. Это все равно что выкопать себе и всему аппарату глубокую могилу.

Сейчас ты — власть, к каждому твоему слову прислушиваются, в рот заглядывают, для председателя колхоза Хозяин выше самого бога, а арендатору даже первый секретарь райкома до лампочки — сеет, когда хочет, без указаний сверху, убирает тоже, ну соберет со своей сотни гектаров вдвое больше, так это же выгодно только ему, это его собственная заслуга, а не райкомовская. Директор завода тоже планирует сам, ориентируется на рынок, а с райкомом и горкомом ничего согласовывать не нужно.

Глядя на игру, Георгий Васильевич думал почти о том же: ему надоели

горкомовские секретари и инструкторы, без которых и шагу нельзя сделать, надоел и сам Пирий с его гордостью и высокомерием. Ну, кланялись тебе, угождали, проигрывали в преферанс, давали просто так, не очень скрывая это, а он воспринимал все это как должное, более того, сам верил в свою исключительность, разум и организаторский талант.

А если по существу, разум-то средненький, и держится Кирилл Семенович только благодаря им — тем, кто расписывает сейчас пулюку. А не было бы его, Белоштана, еще Хмиза да четвертого партнера — заведующего горторготделом Мокия Петровича Губы, еще двух-трех на самом деле мудрых, опытных и обстоятельных, так сказать, соратников, жил бы ты, товарищ председатель горсовета, на свою номенклатурную зарплату и не знал бы вкуса настоящего джина.

Георгию Васильевичу от этой мысли сделалось приятно и легко, поскольку ощутил себя настоящим хозяином города. А если разобраться, кто такой Пирий? Марионетка, кукла, Карабас-Барабас, которого можно дергать за нитки. Это только внешне он страшный, а на самом деле напуган и делает все, что они пожелают.

Подумав так, Георгий Васильевич улыбнулся. Внутренние тревога и страх, которые не покидали его последнее время, стали постепенно униматься. Это только первоначально перестройка и трепотня о гласности напугали его, да и не только его — скорее всего, кажется, Пирия и иже с ним. Сейчас, присмотревшись и придя в себя, Георгий Васильевич понял, что и перестройка даст ему некоторые шансы, более того, сейчас он может узаконить свое подпольное предприятие, может спать спокойно, не ожидая, что кто-нибудь из умных и неподкупных людей из ОБХСС выйдет на левый цех и его дефицитную продукцию, изготавливаемую уже не первый год.

Георгий Васильевич и раньше спал без тревоги за Пириевой спиной, тем более зная, что сам начальник УВД города полковник милиции Псурцев в курсе их дел, а его дорогая половина носит кофточки и другие трикотажные изделия, изготовленные городскими мастерами и обозначенные импортными этикетками. Почти никто не может обнаружить подделку, и Белоштан страшно гордился этим: может работать не хуже, чем в Милане или Амстердаме, стоит только заинтересовать людей, наших простых советских тружеников, умельцев — вспомните только, кто подковал английскую блоху! Надо заинтересовать мастера, не стоять над его головой, не подгонять, придумывая всякие соревнования, что и до сих пор любят делать аппаратчики, наконец надо прилично заплатить за его труд — и он свернет горы.

Именно так размышлял Георгий Васильевич, взвешивая, открывать или не открывать левый цех. Людей подбирал туда сам и платил им втрое больше, чем зарабатывали на фабрике, — жалоб и анонимок не боялся. Однако окончательное решение принял, прозондировав Пирия, а если говорить откровенно, после того, как Кирилл Семенович не отказался от первого подношения.

Произошло это элементарно. Белоштан волновался и переживал, мысленно проигрывая несколько способов подхода к мэру, допуская и то, что Кирилл Семенович может разгневаться, и все же решил идти ва-банк, тем более что слышал от некоторых, что Пирий берет и с ним можно сговориться.

Тогда он под каким-то предлогом задержался в кабинете Пирия. Рабочий день кончался, а вечером Кирилл Семенович должен был ехать в Киев на важное совещание — он спешил и посмотрел на Белоштана не без раздражения.

— Ну? — спросил откровенно неприязненно. — Что у тебя?

Георгий Васильевич сразу уловил этот тон, хотел было уже дать задний ход, попросить для фабрики какую-нибудь мелочь, но передумал: когда еще будет такое удачное время? Вздохнул и вынул из «дипломата» толстый пакет, положил его на стол перед Пирием.

— От коллектива нашей фабрики, — начал, нервно заикаясь, — вам, Кирилл Семенович, на мелкие расходы в нашей столице...

Пирий внимательно посмотрел на Белоштана, холодно, с прищуром. у того похолодели пальцы, но все же, преодолевая страх, подвинул пакет к Пирию, добавив:

— От всего сердца.

— Вижу, что от всего... — Глаза Пирия смягчились. Вдруг спросил коротко и по-деловому: — Сколько?

— Три... — почти шепотом выдавил из себя Георгий Васильевич. — Так сказать, на сувениры...

Пирий накрыл пакет большой лапой, слегка пошевелил пальцами, потом сжал их, смяв пакет, и небрежно сунул его в карман.

— Спасибо, — сказал просто. — Пригодятся... В Киеве такая круговерть... А тебе что надо? — перешел на деловой тон.

— Как сказать, Кирилл Семенович... Задумали мы одно дело... На фабрике...

— Это хорошо, что думаете, — похвалил Пирий. — Поговорим, когда вернусь. Я в Киев не надолго, ты не беспокойся, мы добрые начинания всегда поддерживаем, лишь бы на пользу народу...

— На пользу, на пользу... — подтвердил Белоштан.

— Ну вот и договорились...

Георгий Васильевич вышел из кабинета мэра и вытер потный лоб. Радость подступала к сердцу. «А он мужик фартовый, — ликовал Белоштан, — сразу видно, свой человек — простой и душевный».

После возвращения Пирия Белоштан не записывался к нему на прием, ждал, пока тот, найдя повод, сам позвонит ему, но Кирилл Семенович молчал, и только через месяц Белоштан решил снова навестить к мэру. На этот раз захватил с собой пять тысяч рублей, поскольку деньги были — цех уже работал, правда, пока еще не на полную мощность, но набирал обороты: продукция пошла, и Георгий Васильевич не стыдился ее качества.

А потом пошло-поехало... Теперь Белоштан звонил Пирию запросто в любое время суток, и мэр больше уже не упоминал о деятельности на пользу советскому народу — к черту этот народ, рабочий класс и трудовое крестьянство, пусть о нем думают родное государство и партия... Вон какие важные постановления принимаются в последнее время.

И еще подумал Георгий Васильевич: сегодня же после пульки надо будет провентилировать с Пирием свою идею. Наверное, похвалит. Вместо левого цеха — кооператив. Надо легализовать их дело, расширить производство. Хотя покупатели и так не жалуются, но хорошо бы обновить

ассортимент, производить исключительно модные и дорогие товары. Возникнут и сложности. Самое главное — материальная база. Но их трикотажная фабрика может передать, то есть продать, вновь образованному кооперативу устарелое и непригодное оборудование. Горисполком поддержит эту операцию, в случае необходимости примет решение, а он под маркой «устарелого и непригодного» шуранет новые станки. Кто же осудит за это? Вон как носятся с кооперативами, зеленую улицу им, и он действует, так сказать, в духе времени. Наконец, если кто-либо стукнет в контрольные органы, наплевать: Пирий заступится, в крайнем случае выговорешник схватит, а он ради святого дела готов и на моральные издержки.

Точно — кооператив. Через него можно будет легализовать и деньги, лежащие в тайниках и у добрых знакомых, пустить мертвый капитал в оборот — и государству выгодно, и ему! А председателем кооператива сделать Васюню, то есть Василия Франко, свою правую руку по левому цеху — Георгий Васильевич невольно усмехнулся этому каламбуру. Васюня — человек надежный, нюхом чует рыночную конъюнктуру и может развернуться. Правда, задерет нос, свободы ему захочется, но тут придется крепко держать вожжи. Как говорят на загнивающем Западе, у него будет контрольный пакет акций: без хорошей пряжи кооперативу смерть, а он будет поставлять Васюне под видом отходов первоклассное сырье: опять-таки в крайнем случае — выговор, но ведь не воровство в особо крупных размерах, за что...

Белоштан только представил, что схлопотал бы, если распутали бы все его дела, даже мороз по коже пробежал. Ну, расстрел не расстрел, но пятнадцать лет в колонии строгого режима тоже не сахар. Выйдет он уже старикашкой, Любчик хоть и клянется в любви, конечно, не дождется, да и вообще кому он будет нужен?..

Хмиз взял колоду и стал разбрасывать новенькие карты. Они тихо шелестели, скользя по полированной поверхности стола, будто разговаривали между собой, решали, кому отдать предпочтение. А Хмиз не удержался и незаметно подсмотрел, что легло в прикуп. Сверху лежала червонная дама, она словно исподтишка подмигнула Хмизу, и у того зарделись щеки. Правду говорят: карта не врет. Сегодня ему встречать Светлану, поезд приходит в двенадцатом часу, а пульку они кончают, как правило, в девять, в крайнем случае в половине десятого. Успеет заскочить домой, навести элементарный порядок — может, Светлана согласится заглянуть к нему на чашечку кофе...

* * *

Удивительно, как устроен мир, за один только день Степан узнал, что есть на свете бог — его персональный бог и защитник: это надо же, такая красивая девушка приехала всего на три дня в Трускавец, где он отдыхал, и ему посчастливилось встретить ее.

Ему удалось уговорить Светлану съездить в Канев, к памятнику Т. Г. Шевченко. В тот же день на его машине они отправились в неожиданное для нее путешествие. Светлана была в восторге.

Шевченко стоял на горе, вглядываясь в заднепровский простор.

Светлана села на скамейку. Степан хотел что-то спросить, но девушка

предостерегающе подняла руку, прося помолчать, и вся ушла в себя. Степан тоже замолчал и сидел, вспоминая свою жизнь.

Правнук поганый — так сказал бы сейчас о нем Тарас, а ведь раньше он не был таким. Как и все, учился, бегал на студенческие вечеринки, выступал на собраниях, выпускал стенгазету, мечтал о семье, любил девочку. Но любимая выбрала другого, он в это время уже заканчивал институт, получил распределение в Город, вначале работал простым товароведом в магазине, там познакомился с директором трикотажной фабрики Белоштаном и приглянулся ему. Георгий Васильевич обставил дело так, что через несколько месяцев Хмиза выдвинули в директора и сразу привлекли к своим делам — через магазин пошла левая продукция фабрики. Тогда же Степан почувствовал сильную руку Пирия. После двух-трех проигрышей в преферанс Хмиза совсем неожиданно сделали директором базы — пришлось отметить новое назначение банкетом в узком кругу, где Пирий поднял тост за молодые кадры и персонально за него, Степана Святославовича Хмиза. С купеческим размахом разбил на счастье хрустальный фужер, потом, отозвав Степана в угол, предупредил: теперь Хмиз полноправный член их компании и может рассчитывать на его, Пирия, поддержку. Однако сказал также, что Степан должен быть послушным и выполнять все его указания. Хмиз знал это и без предупреждения, он уже успел наладить крепкие контакты среди торговой элиты Города — не без поддержки Белоштана, которого Степан безгранично уважал.

С тех пор пошло-поехало. Белоштан умудрялся сбывать левый товар даже через базу, директора магазинов заискивали перед Хмизом — он стал нужным человеком и в обкоме, и в исполкоме, его знали, уважали, звонили, приглашали на семейные праздники даже большие областные руководители, деньги сами плыли в руки, Степану не требовалось для этого прилагать усилий, он попал в отлаженную в деталях систему со своими неписаными законами и правилами, которые выполнялись более усердно, чем важнейшие инструкции и распоряжения центральных министерств и ведомств.

И Степан поплыл по течению, наслаждаясь своим положением. Иногда только снились тревожные сны, но он старался сразу забывать их — зачем травить душу, если жизнь удивительна и прекрасна во всех своих проявлениях?

Сейчас те годы называют застойными. Кому застойные, а кому и расцветные, считал Степан. Началась перестройка, она сказала и на Степане: страна сократила импорт товаров широкого потребления, стало туго с модными заграничными обувью, одеждой, радиоаппаратурой. Наконец, не зря говорят, что палка о двух концах: Хмизу стали больше кланяться и угождать, а денежные поступления не уменьшились — к этому времени Степан уже был полноправным акционером Белоштановой компании «Жора и К°», как шутя называли они себя за карточной игрой. Компании, в которую входил сам всемогущий Пирий, к которой благожелательно относились (наверняка догадывались о ее существовании и пользовались ее доходами) некоторые влиятельные номенклатурники.

Степан закрыл глаза и отчетливо услышал далекий колокольный звон. Странно, вблизи не было церкви, но звон продолжался. Наконец до него дошло, что это кровь стучит в висках. Однако иллюзия была полной —

благовест плыл над Тарасовой горой и предвещал нечто неизведанное. Степан подвинулся к Светлане, спросил:

— Ты слышала звон?

— Какой звон? — удивилась та.

— Церковный. Перезвон колоколов над Днепром?

Неожиданно девушка погладила его по щеке — у Степана замерло сердце, и снова праздничный звон послышался вокруг.

— Неужели и сейчас не слышишь?

— Милый, — сказала Светлана, — слышу... — Она протянула Степану руку, и они побежали по ступенькам, спустились к Днепру. Степан все время ощущал на своей щеке тепло ее ладони, и слово «милый» звучало в нем как музыка.

* * *

Сегодня после пульки собирался задержаться у Белоштана и сообщить ему о принятом решении. Нет, решил, что сегодня не стоит. Разговор будет тяжелым, не обойдется без взаимных упреков, возможна ссора, все это испортит ему настроение, а встречать Светлану хмурым и взволнованным не хотелось.

Степан улыбнулся, представив девушку в дверях вагона. Может быть, в джинсах и ковбойке, как увидел ее впервые, а вообще-то ей идет любой наряд, она была бы элегантной и в рабочем комбинезоне.

Скорее бы!

Хмиз обвел взглядом игроков. Слева от него Мокий Петрович Губа — его, Степана, непосредственное начальство, заведующий горторготделом. Брюнет, чисто выбритый, в темно-синем костюме и с таким же синим галстуком в белую горошинку. Аккуратно причесан, всегда вежлив и сдержан. От него слова грубого не услышишь: разговаривает тихо, никогда не повышая голоса, но все знают, что скрывается за этой благопристойностью. Завмаги дрожат перед Губой: слова Мокия Петровича, произнесенные спокойно и на первый взгляд доброжелательно, могут убить человека.

«Акула, вот кто он, — подумал Степан, — жестокая, безжалостная акула, кровопиец проклятый с надушенным платочком в кармане».

Этим платочком Мокий Петрович зажимает нос, когда ходит по подсобкам и подвалам гастрономов с их специфическими запахами. Однако это не мешало ему, жаловались завмаги, совать свой гадкий нос в самые темные углы. Все знали: Мокий Петрович любит чистоту, не переносит неряшества, сурово наказывает нарушителей санитарного режима.

Хмиз усмехнулся: наказывает, но не всех. У Мокия Петровича на все существует такса. Хочешь стать завмагом — плати, товароведом — тоже, проштрафился — неси... Не брезговал Мокий Петрович даже мелкими подношениями, каким-нибудь флаконом парижского одеколona или галстуком из Лондона — курочка по зернышку клюет, любил повторять, но клевал не как курица, а выдирал с мясом, как стервятник падаль.

Напротив сидел Белоштан. В роскошной домашней куртке, белоснежной сорочке, но без галстука: по-семейному. Откинулся на спинку стула, поднес карты почти к носу, шевелил губами, что-то высчитывая. Георгий

Васильевич, наверное, и во сне считает. «Жора и К°» — компания солидная, с дебетом и кредитом и тому подобное. Тут на самом деле считать нужно, иногда в подпитии Жора жаловался, что не родился где-нибудь в загнивающем — там бы он развернулся и его компания не прозябала бы в Городе.

Хмиз представил будущий разговор с Жорою и сник. У Белоштана все опутано паутиной, и Георгий Васильевич только дергал за нити. Вхож к первому, а двери в обкоме и исполкоме, хвалился, открывает ногой. Что ж, вполне вероятно. У каждого зава есть жена, дочь, а то и любовница. И каждая из них не прочь покрасоваться в импортной кофточке или прогуляться на черноморском пляже во французском купальнике. А то, что он сделан руками мастеров из Жориной компании, знают только несколько доверенных лиц — на купальнике такая этикетка, что модницы только за сердце хватаются.

Правда, однажды и над Жорой сгустились тучи. Не местного значения, а республиканского. Местных циклонов Жора не боялся, здесь все куплено и перекуплено, в крайнем случае сам начальник городского управления внутренних дел Псурцев цыкнет, и с концами. Но кто-то капнул на Белоштана в Киев, приехала целая бригада во главе с майором милиции, начала копать, но Георгий Васильевич слетал в стольный град, повертелся там день-два, и бригада быстро закруглила свою деятельность. И на самом деле, чего сидеть в Городе, тратить государственные деньги, портить людям нервы, когда и так понятно: ничего у вас, птахи залетные, не выгорит...

Степан пытался было выведать у Жоры, на какую кнопку тот нажал, но Георгий Васильевич только посмеивался загадочно и говорил: знай, мол, наших...

Справа от Степана — Пирий. В легком финском костюмчике с короткими рукавами цвета хаки — спортивный, подтянутый, с продолговатым волевым и жестким лицом, раздвоенным подбородком, темными умными глазами. Степан знал его как облупленного: коварный, жестокий, переступит через любого, даже через друга, однако в Городе его любят. Умен и умеет играть на скрытых чувствах человеческих душ. Степан знал, сколько левых квартир прошло через руки Пирия и примерно сколько денег прилипло к ним: десять тысяч за трехкомнатную квартиру, и ни копейки меньше, такса установлена, но это известно только ему, Степану, и еще кое-кому из Пириевого окружения, а в Городе ходят легенды о чуткости и справедливости мэра, поскольку иногда Пирий выступает в защиту обиженных инвалидов войны и некоторых ветеранов труда, вмешивается лично, дает им квартиры и устраивает так, что об этом с восторгом сообщает городская пресса.

Да, умеет заглянуть вперед Кирилл Семенович, сорвать овацию зала, вовремя одернуть какого-нибудь подчиненного из исполкома, поставить на место зазнавшегося чиновника — и, главное, сделать так, чтобы об этом узнала общественность. Ибо понимает, сукин сын, что такое народная любовь и как она может вознести на своей волне.

Пулька приближалась к завершению. Степан прикинул: проиграет он сегодня не более трех тысяч, главным образом Пирию, — можно и расслабиться. Подумал: через полтора часа увидит Светлану, сердце екнуло

тревожно и вместе с тем радостно. Да, сегодня разговор с Белоштаном начинать не стоит, компания еще будет выпивать, а потом не останется времени, можно опоздать к поезду.

Налили по стопке, Степан попробовал отказаться, мол, придется еще сидеть за рулем, но его только осмеяли: кто осмелится остановить машину Хмиза? А если и найдется такой наглец, есть Псурцев, и водительские права завтра же будут возвращены.

Псурцев оправдал поговорку: о волке речь, а он навстречу. Появился, как только стали закусывать. Налил себе сразу полфужера, сказал свое привычное: «Вперед на запах!» — и выпил со вкусом, будто водка не обожгла ему глотку.

А Степан отметил интуицию полковника — подгадал точно, минута в минуту. А может, все проще? Любчик позвонила и сказала, что пулька подходит к концу, и полковник тут как тут. Псурцев в карты не играет (а то пришлось бы проигрывать и ему), губа у него не дура, любит посидеть в хорошей компании, выпить на халяву, а то, что компания Белоштана изысканная и к тому же своя, не вызывает сомнения.

Бифштекс понравился всем — ели сосредоточенно, перебрасывались только отдельными словами. Наконец Пирий отодвинул тарелку, налил себе фужер сухого шампанского, отхлебнул, обвел всех просветленным взглядом и сказал:

— А сейчас прошу выслушать меня внимательно.

Псурцев отложил вилку и застыл, как гончая, почуявшая добычу. Губа откинулся на спинку стула и смотрел не шевелясь: видно, знал, о чем пойдет речь. Он — консультант Пирия, и мэр прислушивается к его мнению. Белоштан вытащил из-за воротника сорочки накрахмаленную салфетку, положил перед собой, вытянул шею, совсем как старательный ученик перед строгим учителем. А Степан незаметно посмотрел на часы: до прихода поезда оставалось пятьдесят минут, десять из них займет дорога до вокзала — как бы не опоздать, если Кирилл Семенович разговорится.

Пирий всегда замечал все, не прошел мимо его внимания и взгляд Степана, так как сказал:

— Не волнуйся, Степан, успеешь на свое свидание.

«Откуда? — испугался Степан. — Откуда он знает?»

Тут же вспомнил: перед игрой рассказал о Светлане Белоштану. Неприязненно посмотрел на Жору: распустил язык... Кто тебя просил? И когда только успел?

«Ну и пусть, — решил, — плевать... Пусть знают, все равно когда-нибудь узнают, так уж лучше сразу...»

— Задержу вас ненадолго, — продолжил Пирий, — и прошу воспринимать мои слова как указание или приказ — смотря что кому больше по душе. — Он помолчал, пригубил шампанского. — Сами знаете, какие сейчас времена. Скажу прямо, плохие. Даже газеты выходят из-под контроля, каждый пишет что хочет, берут пример с «Огонька» да «Известий», что ни день, то сюрприз. Но это вы и без меня знаете. Итак, следует быть крайне осторожными. И я не всегда смогу помочь, прошу учесть это. Ни я, ни Леонид Игнатович, — кивнул на Псурцева. — Короче говоря, это вы знаете. Не дураки. Но есть новость. Вчера приехал из Киева Иван Васильевич... — Заметив вопросительный взгляд Хмиза, пояснил: — Иван Василье-

...и Гунько из областной прокуратуры. Он узнал от верного человека, что к нам, господа, едет ревизор... Конечно, не какой-то там гоголевский Хлестаков, а человек важный и с большими полномочиями. Следовательно по особо важным поручениям Иван Гаврилович Сидоренко. Будто кто-то из «доброжелателей» донес, что в нашем славном Городе расцвели коррупция, взяточничество и другие правонарушения. Дошла эта кляуза до высших сфер, и вот решено командировать к нам этого Сидоренко. Через своих людей я поинтересовался, что он из себя представляет. Сложный тип. Не берет, не пьет и девушками не интересуется. Короче, службист и неподкупный. К тому же опытен и умен, в добрых отношениях с самим прокурором республики. И наделен неограниченными полномочиями. Дошло?

— Ну и ну... — покачал головой Белоштан.

Губа даже не пошевелился, будто сообщение Пирия его не взволновало.

«Конечно, проинформирован», — решил Степан, поражаясь выдержке Мокия Петровича.

— Итак, вы меня поняли, — продолжал Пирий. — В связи с этим на всех делах и деловых контактах ставим точку. Месяца на два, а там увидим. Преферанс приостанавливается тоже. Рекомендую вообще встречаться реже, только по служебным делам. Особенно это относится к Георгию Васильевичу. Ты, Жора, сидишь на горячем, учти это.

— Учел, — усмехнулся Белоштан. — Уже учел. «Жора и К°» ликвидируется.

Пирий поморщился.

— Не перегибай палку. Не так страшен черт, как его малюют. Как бы ни вертелся тот следователь, а меня ему не обойти. Сами знаете, как сейчас ставится вопрос: «Вся власть Советам...» Пока я председатель Совета, никто в Городе не разгуляется, власть не минуют.

— Не так поняли меня... — помахал рукой Белоштан. — Меняем только вывеску. Завтра на ваш стол, Кирилл Семенович, ляжет бумага о создании в Городе нового кооператива по изготовлению трикотажных изделий. С уставом и оригинальным названием — «Красная Шапочка».

Пирий на минуту задумался.

— В этом что-то есть, — похвалил. — И возглавит этот кооператив...

— Франко.

— Васюня?

— Он самый, Кирилл Семенович, лучше не найти. Перспективно мыслить не может, но исполнитель отличный. Под моим руководством будет работать, что скажу, все сделает, разве плохо?

— Пусть будет Франко, — согласился Пирий. — Кстати, хвост за ним не тянется? Судимости нет?

— Более чистой биографии в торговле не найти. Как слеза...

— Ну слава богу! — поднял руку Пирий, как бы желая перекреститься, но вместо этого взял фужер с шампанским и опорожнил его с удовольствием. — За успех новоявленных кооператоров. За нас с вами!

Степан тоже выпил шампанского и подумал: пожалуй, это выход. Лучшего прикрытия, нежели кооперативный флаг, сейчас не найти. Мудрая голова все же у Белоштана — через безвинную «Красную Шапочку» можно незаметно отмыть все деньги и каждый месяц иметь кругленькую сумму...

— Рад? — спросила Светлана.

— Счастлив.

Она посмотрела Степану в глаза, убедилась, что тот говорит правду, и успокоилась.

Степан поднял чемодан.

— Я заказал номер в нашем лучшем отеле.

— Нет, — покачала головой Светлана, — я приехала к тебе...

Глава II

ПРИГОВОР

Любчик открыла дверь Хмизу и приветливо улыбнулась. Прекрасная женщина в роскошном цветастом атласном халате. Степан на правах друга дома поцеловал ей ручку и тут же сравнил со Светланой, отметив явное превосходство последней. А ведь таких женщин, как Любчик, в их Городе можно посчитать по пальцам. Белоштан знает, куда вкладывать деньги, его на мякине не проведешь...

Интересно, какие бы глаза сделал Жора, увидев Светлану? Степан представил его похотливую улыбку и лишний раз убедился в правильности своего решения: бежать из Города и начинать новую жизнь.

— Георгий Васильевич дома?

— Ждет тебя... — Любчик улыбнулась Степану так, что тот понял: она была бы рада ему и без Жоры... Недели две назад с удовольствием наставил бы рога компаньону, но сейчас посмотрел на Любчика безразлично, и та обиженно надула губы.

Степан отважился на этот разговор только сегодня утром, на третий день пребывания Светланы в Городе. Два дня пролетели как один час. Выбрав удачный момент, когда Светлана хлопотала на кухне, Степан позвонил Белоштану и договорился о встрече.

Жора вышел в переднюю в халате, темно-синем, велюровом, почти до пят, с широкими обшлагами.

«Шикарная пара — Жора и Любчик, чем не новоявленная элита, советские дворяне!» — подумал Хмиз зло, но сразу застыдился этой мысли: а чем он лучше Жоры?

Степан решил не вилять хвостом. Уселся, удобно протянув ноги, и заявил:

— Я вынужден выйти из дела. Женюсь и уезжаю из Города.

Белоштан задумался, повертел в пальцах хрустальный фужер.

— А ты у меня спросил? — Подул в фужер и поставил его на столик. — Когда мы привлекли тебя к делу, ты взял на себя определенные обязательства... И без нашего согласия...

— Но... Георгий Васильевич, так уж случилось! Все мы под богом ходим...

— На бога надейся, а сам не зевай.

— А я и не зеваю.

- Хороша девушка? — вполне серьезно поинтересовался Белоштан.
- Ох, да! — вырвалось у Степана.
- Так чего же ворон ловишь? Денег не хватает? Квартира маленькая? Сделаем лучше, трехкомнатную. В центре на проспекте Маркса старый дом реконструируется, если хорошо Пирия попросить — устроит, — подмигнул Жора.
- Нет ей работы в Городе, — с сожалением произнес Степан.
- Ты Город не унижай! Как это нет? А мы для чего? Мы все можем.
- Искусствовед она, работает в картинной галерее...
- Галерей у нас действительно нет... — развел руками Белоштан. — И в ближайшем будущем не планируется.
- Вот видите...
- А если к Тарашенскому? В управление культуры?
- По сельским клубам мотаться?
- Да, ты прав: неблагодарная работа, да и копейки платят. Тебе на деньги, правда, плевать, но нет смысла: несолидно. Так пусть твоя краля пока посидит дома. Год или два. А мы за это время примем решение и картинную галерею откроем. Местных художников сколько! Два или три — Степан Вацик и тот, как его, с бородой. Хмара, кажется! Еще двух богомазов откопать — чем не филиал Союза художников. Выставки будем открывать... Вот тебе и начало.
- Не получится, Георгий Васильевич, разве сами не понимаете?
- Понимать-то понимаю... Но жена вокруг мужа должна вертеться, а не наоборот, — рассердился Белоштан. — Откуда она у тебя такая?
- Из Львова.
- Да, во Львове — культура! — с уважением отметил Белоштан. — Не то что в нашем захолустье. И ты, значит, хочешь во Львов?
- Не вижу другого выхода.
- Что будешь там делать? В директора базы не пробьешься, и «Красной Шапочки» нет...
- Не в деньгах счастье.
- А в чем же?
- Люблю я ее, Георгий Васильевич, и готов ради нее на все.
- На все, говоришь? — зло посмотрел на Степана Белоштан. — Это правильно — на все! Жаль мне тебя, Степочка, пожалеешь и ты, причем скоро.
- Никогда в жизни!
- Не зарекайся, Степочка. Ты уже привык жить с размахом, тебе сейчас три куска выложить — раз плюнуть. А во Львове зубы на полку положишь.
- Слышали, как в народе говорят? Хоть хлеб с водой, абы, милая, с тобой!
- Ну, ну... — Белоштан недоверчиво покачал головой. — Короче, я своего согласия не даю. Да и не имею права. Посоветуюсь с компаньонами — будем решать.
- В конце концов, — вырвалось у Степана, — я вам ничего не должен. Наоборот...
- Наоборот, говоришь? — остро взглянул на него Белоштан. — Ничего

ты, милый, не получишь. Не надейся. А вот неустойку с тебя получить.

— За что?

— За то, дружище, что подрываешь экономическую основу созданного кооператива. Потому что каждому придется что-то вложить. И на тебя мы рассчитывали.

— Побойтесь бога!

— А ты бога боишься? Ты, Степочка, приходишь ко мне, фактически с ультиматумом, и хочешь, чтобы я погладил тебя по головке. Рюмочку тебе налил, чокнулся и отпустил с миром? Завязал наш Степочка, штаны наложил, хорошую девушку увидел и нюни распустил. А откуда я знаю, что ты завтра не побежишь каяться в ОБХСС? Твоя краля, наверное, честная, искусствовед, у нее идеалы, привыкла пирожками в столовых питаться. Бедная, но гордая! Чулочки, наверно, сама штопает или, может, ты уже научился? Она быстро раскусит, откуда у тебя деньги, ты ей ночью все расскажешь, а она сама донос сочинит...

— Что вы говорите, Георгий Васильевич, вы не знаете Светлану!

— Конечно, не знаю, а потому предвижу худшее. Я, Степочка, волк старый и опытный, ты мне здесь нужен, в Городе, чтобы я с тебя глаз не спускал. Только тогда буду спать спокойно!

— Давно знаете меня, могли бы и довериться.

— А я никому не доверяю. — Белоштан оглянулся и, увидев, что одни в комнате, добавил: — Я и Любчику до конца не открываюсь. Сегодня ей со мной хорошо, она и верна, а завтра никто не знает, что может случиться... В чужую голову не залезешь, какие там мысли шевелятся, никому не известно.

— Мне могли бы поверить.

— А я, Степочка, сам себе только по праздникам верю. Когда отдыхаю душою и телом.

— Ладно, тогда скажите, какой резон мне вас продавать? Ведь сам по самые уши увяз, разве мне хочется сидеть?

— А откуда я знаю, может, тебя эти мальчишки из ОБХСС купят... Там ребята ушлые, помилование пообещают, а ты уши и развесишь. Вот так-то, Степочка, нет моего согласия, и не надейся. Так и передай своей красотке: подцепила богатого жениха, пусть к нему в Город и перебирается... А потом, что еще наши компаньоны скажут... Решать будем вместе.

Степан почувствовал, как гнев подступил к горлу. Еще минута — и потеряет рассудок. Закрыв глаза и сжал кулаки. Гнев — плохой советчик. Спокойно, приказал себе, спокойно, Хмиз, лучше разойтись с Белоштаном мирно. В создавшемся положении плохой мир лучше хорошей ссоры.

— И все-таки, Георгий Васильевич, — произнес твердо, — вам придется смириться. Ставлю вас перед фактом.

Хмиз встал и направился к выходу, но Белоштан жестом остановил его:

— Ты, Степочка, не горячись и еще раз спокойно обдумай все. Не глупые люди придумали: семь раз примерь, а один раз отрежь. Бывай, мой дорогой, — лучезарно улыбнулся, — привет деве. Говоришь, на самом деле хороша? Может, покажешь? Вижу, не хочешь, и не надо, Степочка, есть в этом смысл. Я завидую тебе. Мне бы так, старому дураку, втрескаться!

Ну, да я как-нибудь с Любчиком перекантуюсь... — как бы пошутил, но глаза оставались жесткими.

* * *

— Ничего себе хиханьки-хаханьки, — сказал Пирий мрачно. — Если каждый задумает своим разумом жить! Что тогда будет, Жора, скажи мне? Разлад и шатание, вот что произойдет. И напрасно нас сверху к этому призывают. Красивые слова, Жора: вся власть народу! Народу уздечка нужна, да и батоги покрепче.

Белоштан поморщился.

— Ты меня, Кирилл, не агитируй. Я еще с комсомола сагитирован. Ты лучше скажи, как с Хмизом поступить? — Наедине Жора позволял себе разговаривать с Пирием на «ты», даже свысока: знай, сверчок, свой шесток... И гордый Кирилл Семенович смирялся, так как истинным хозяином был все-таки Белоштан.

— Подумаем... — Пирий налил себе кофе, опустился в удобное кожаное кресло.

Они сидели в комнате за Пириевым кабинетом, в так называемой гостевой. Кирилл Семенович приказал секретарю никого не пускать и не соединять по телефону, ибо весть, принесенная Белоштаном, заслуживала того.

— Налей мне рюмку, — не то попросил, не то приказал Жора, и Пирий послушно достал из шкафа бутылку грузинского «Ворцихе». — И выпей сам...

— Не могу, после обеда выступаю на кирпичном заводе.

— Кто там тебя будет обнюхивать?

— Береженого бог бережет.

— Времена... времена, — вздохнул Белоштан. — Раньше считалось хорошим тоном, когда от тебя пахло коньячком, а нынче? Нынче ты, Кирилл, никакое не начальство, а слуга народа, и какой-нибудь тетке Моте, формовщице с кирпичного, будешь в рот заглядывать. Слушать ее внимательно и притворяться, что ее примитивные советы — верх житейской мудрости. На самом деле тебе начхать на нее с высокой колокольни, а если честно, то и на весь кирпичный завод.

— А ты, Жора, с чего начинал? — хитро прищурившись, спросил Белоштана Пирий. — Кажется, маляром?

— На что намекаешь?

— А на то, что если руководствоваться твоей системой взглядов...

— Брось. Я сам выбился в люди, никто мне не помогал, своей головой да локтями...

— Врешь, — лениво возразил Пирий. — И ты, и я — продукты одной системы. Нам нужно было на первую ступеньку вскарабкаться, а дальше только держать нос по ветру. Я твою биографию, Жора, лучше тебя знаю. Выбрали тебя на строительстве комсоргом, а до того, как выбрали, ты локтями хорошо поработал, первым активистом был, а когда выдвинулся, быстро понял, что к чему. Благодарил и кланялся, кланялся и благодарил... Любому начальству, особенно райкомовскому и обкомовскому. И о выступлениях на собраниях не забывал — кто больше всех призывал к соцсоревнованию? Ты, Жора. Хотя до фени тебе были все комсомольские и партийные лозунги. А потом пошло-поехало: инструктор райкома комсомола,

лектор... И дошел ты до промышленного отдела обкома партии, быть бы тебе самым заведующим, а может... — Пирий поднял большой палец правой руки, — но ты хитер, быстро сообразил: ну служебная машина, ну привилегированная поликлиника, обеды и завтраки в обкомовской столовой, пайки с икоркой... Но не пахнет деньгами, кроме того, надо вертеться: ежедневно показываться на глаза первому и лизать... Для тебя это, правда, не проблема, язык у тебя к этому привычный, ради дела ты и сейчас кому хочешь лизнешь. Вот ты и сообразил, что надо проникать туда, где деньги валяются под ногами, как мусор. А что может быть лучше в этом смысле трикотажной фабрики?

Георгий Васильевич поморщился, но не сердито, скорее благодушно.

— Мы с тобой, Кирилл, одного поля ягодки, — согласился. — Ты тоже с комсомола начинал, но оказался шустрее меня — пролез в мэры. Но хоть ты и высокое начальство, а пляшешь-то под мою дудку, извини за откровенность.

— Извиняю, Жора, и с радостью, — Пирий похлопал Белоштана по плечу. — Как там в кино говорили: связал нас бог одной веревочкой... Так вместе до последнего будем вертеться... Кстати, кооператив «Красная Шапочка» я разрешил. Пусть Франко впрягается.

— Разговорились мы с тобой, Кирилл, — Белоштан допил кофе и отодвинул чашку. — Что с Хмизом будем делать?

— Отпускать нельзя.

— На цепь не посадишь.

— Сорвется, — согласился Пирий.

— Страшно подумать, сколько он знает.

— В принципе Хмиз должен держать язык за зубами: сам связанный и перевязанный.

— Посмотрел бы на него сейчас, совсем от девки сошел с ума.

— Странно, казался рассудительным, не глупым.

— Пути души человеческой неисповедимы.

— А в тебе бывший лектор проснулся... — усмехнулся Пирий. — Однако Степу отпускать нельзя. Мы должны спать спокойно.

— Где уж тут. Сам говорил — следовательно из Киева по наши души едет... А вдруг за что-нибудь зацепится?

— Брось, власть в наших руках.

— У Рашидова власти было чуть побольше.

— Думай, что говоришь: если бы Рашидов был жив, никогда бы не допустил такого безобразия.

— Да, на покойничках мы любим потоптаться, они ведь не кусаются.

— Хорошая мысль. И мертвых никто не заставит заговорить...

— Считаешь?

— Что ты можешь предложить?

— Молчу... — Белоштан поднял вверх обе руки. — Но как? Опасно ведь.

— А для чего у нас Псурцев?

— Считаешь — он?..

— Он не он. Нас это не касается. — Пирий снял трубку и, услышав самоуверенный полковничий бас, приказал: — Давай, Леня, ко мне. В закоулок, да быстрее.

Полковник не задержался. С сожалением окинул взглядом начатую бутылку коньяка, но не налил себе. Присел на стул, всем своим видом показывая нетерпение и исполнительность.

— Не представляй из себя слишком делового, — посоветовал Белоштан. — Нам твои дела известны.

— Совещание... Через полчаса совещание, и отменить его я не могу.

— Позвонишь и скажешь, что задерживаешься у самого.

— Неловко.

— Неужели и от тебя пахнет? — вдруг взорвался Пирий. — Неужели дошло до милиции?

— Щелокова нет, нет и порядка, — со скорбью признался Псурцев. — Сейчас, перед тем как отдать приказ, трижды подумаешь.

— И до вас дошла демократия? — удивился Белоштан. — А я считал — милиция!

— Пожалуй, сейчас меня, начальника городского управления внутренних дел, на сборах как обыкновенного Леньку-комсомольца шпыняют.

— Ужас!

— Все сейчас перестраиваются, даже милицейские сержанты. Но не в ту дуду дуют. Раньше таких ногою под зад из органов, а теперь вон в Киев или Москву жалуются.

— Степа Хмиз взбунтовался.

— Степа? Не может быть!

— Факт остается фактом. Моча в голову ударила. Нашел где-то девку и хочет во Львов отчалить.

— Ну и пусть себе плывет...

— Много знает, Леня. Очень много, и сболтнуть может. Здесь он под нашим контролем, а во Львове... Нам только этого не хватало!

— Ну и что думаете предпринимать?

— Должны иметь гарантии.

— Насколько мне известно, — нехорошо усмехнулся Псурцев, — гарантия от болтовни только одна...

— Правильно рассуждаешь, Леня. И сможешь?

— Еще Сталин сказал: нет таких крепостей, которых не взяли бы большевики.

— Зло шутишь.

— А вы что, советуете мне взять Степана в собутыльники? Так для этого я другого компаньона найду.

— Короче, сможешь?

— Есть у меня на крючке один парень, — начал Псурцев издалека. — Точнее, не парень, а омерзительный тип, по которому давно петля плачет. Он на все пойдет... Но надо платить.

— Сколько? — будто равнодушно спросил Белоштан.

— Много. Очень много, — веско произнес Псурцев. — Есть такса. С летальным концом — тридцать...

— Ого!

— Никто просто так рисковать не будет... Но если я дам ему гарантии... может, обойдется двадцатью.

— Согласен,— быстро сказал Белоштан.— Как раз Степин взнос. Пай в нашу компанию.

— Самооплата...— рассмеялся Псурцев.

Неожиданно Пирий сказал:

— Не думал, что в нашем Городе есть профессиональные...— он запнулся, но Псурцев закончил спокойно:

— Убийцы?

— Итак, в Городе существует мафия! Почему не докладывал мне? Газеты писали об организованной преступности в Ленинграде, еще в других городах. Но чтобы у нас!..

— Ну какая же это мафия,— махнул рукой Псурцев.— Я же говорю: один тип у меня на крючке...

— Кто?

— Вам это не обязательно знать.

— И он один, без помощников?

— Повторяю, вас это интересовать не должно.

Белоштан вдруг налил себе полную рюмку и опорожнил одним глотком, даже не почувствовав аромата коньяка. Слово «мафия» почему-то ужалило его.

«А мы не мафия? — подумал он.— Что бы сказали в Городе, если бы нас вдруг раскрыли? Конечно же назвали бы мафией. Ну и пусть,— решил,— разве дело в слове? Мафия — это не так уж плохо. Все-таки какой-то романтический ореол: мафия, мафиози... Гораздо лучше, чем бандит, преступник. Хотя каким словом ни называй, а суть одна. И сидеть нам в случае чего вместе: и полковнику милиции, и мне — директору фабрики, и самому мэру города. Носить черные ватные бушлаты и ботинки из грубой кожи».

Белоштана замутило только от одной этой мысли, но, заметив, как весело улыбается Псурцев, как спокойно дует на ногти Пирий, он немного успокоился. Не пойман — не вор, а поймать их не так-то просто, точнее, невозможно. И все же...

— Мне думается,— строго посмотрев на довольные лица Псурцева и Пирия, с металлом в голосе произнес Белоштан,— это надо рассматривать как крайнюю меру. Следует сообща еще попытаться обработать Хмиза, убедить его, что он, вонючий козел, делает глупость. Если надо, пригрозить!

С ним согласились.

* * *

Степан вел машину уверенно и даже залихватски. Чувствовал, как любителю им Светлана, и срезал повороты, не снижая скорости, тем более что «девятка» с ведущим передним мостом позволяла это.

— Так пойдешь за меня замуж? — в который раз спрашивал Степан.

— А разве я не твоя?

Степан вспомнил, как переступила она порог его квартиры, как остановилась, кажется, растерянно и как он прижал ее к себе — податливую, но все еще напряженную.

— Моя, конечно, моя! В субботу распишемся.

— Ты на самом деле хочешь этого?
— Не представляю жизни без тебя.
— Но так быстро? Я и не думала... А потом, я слыхала, в загс надо заявление за месяц подавать.

— Нас распишут хоть сегодня.
— Неужели ты такой всемогущий?

Степан вспомнил директора Дворца бракосочетания: черненькая, лет под сорок, с белым, будто навсегда напудренным лицом, страшно манерная, она как-то заскочила на базу с какой-то мелкой просьбой. Слава богу, все для нее сделал, а она еще строила ему глазки и оставила номер телефона, которым он так и не воспользовался. Интересно, какими глазами посмотрит на них со Светланой? Наплевать! Главное, не посмеет отказать.

— До всемогущего мне еще далеко, — ответил он, — но брак, если я скажу, нам зарегистрируют сразу.

— Но у меня даже нет свадебного платья, а потом, ведь надо поставить в известность родителей.

— А что, они будут возражать?

— Нет, конечно.

— Позвони им сегодня вечером. Приедут на поезде, а платье до субботы будет готово.

— Как-то все это — словно по мановению волшебной палочки.

«А так будет теперь у тебя всегда, — хотел сказать Степан. — Все твои желания будут выполняться беспрекословно. Хотя, — подумал, — придется ограничиваться. Сейчас твои доходы, Степочка, накроются — профукаешь приобретенное, а дальше — как все... Скромный советский служащий...» Однако эта мысль не смутила. «Ничего, — решил, — живут же люди, и даже счастливо. Будет не хватать денег, пойду в кооператив, наконец в таксисты».

— Поехали, — сказал решительно. — А то еще дел невпроворот...

— В субботу! — вдруг радостно рассмеялась Светлана. — Неужели в субботу? А знаешь, милый, если трудно, я обойдусь без свадебного наряда.

— Ты что? — даже испугался Степан. — Ты у меня будешь самой нарядной и самой красивой. Все будут нам завидовать.

Вспомнил, что у директора магазина Изи-рыжего припрятано два или три прекрасных свадебных платья, да и на базе найдут, дело за портнихой — он ее наймет из ателье на Центральном проспекте. Послезавтра все будет готово — и будет стоять Светлана в длинном невесомом платье с фатой и букетом белых роз — настоящая принцесса.

И опять Степан подумал, какой же он счастливчик. Принцесса, встречающаяся только в сказках и главным образом королевичам, будет принадлежать ему, обыкновенному директору базы, только при упоминании о котором у людей на лице выражается презрение. С одной стороны, кланяются, а с другой — презирают... Парадокс!

Что ж, пусть парадокс. Прощаясь с Городом, он устроит пышную свадьбу — нужно немедленно позвонить Леше и на субботу заказать ресторан, оркестр, много шампанского и деликатесов.

«Нет, — остановил сам себя, — хватит этих купеческих замашек, это еще сегодня ты в фаворе, а завтра — стоп, шлагбаум опущен».

— Слушай,— вдруг спросила Светлана,— а ты подумал обо мне? Мы уже говорили на эту тему, что я буду делать в Городе?

— Подумал, обо всем подумал. Я еду к тебе, любимая...— Увидев пробежавшую тень на лице Светланы, объяснил:— Знаю, у тебя тесно: на троих две комнаты. Попробую поменяться на Львов. Если не получится, построим кооператив.

— Это же так дорого!

— Ничего,— снова почувствовал себя купцом Степан,— у меня есть сбережения.

Светлана сразу посерьезнела и внимательно посмотрела на него. Возможно, поняла что-то, поскольку спросила:

— Ты на самом деле хочешь оставить Город?

— Непременно,— совсем честно ответил Степан, ибо в тот момент он в самом деле верил в это.

* * *

Псурцев сидел за рулем серого обшарпанного неприметного «Москвича». Он взял его у соседа, объяснил, что в воскресенье не хочет пользоваться служебной машиной, а собственный «жигуль» испортился. Впрочем, такие осторожности были лишними — кто будет следить за ним? Но береженого и бог бережет, а вдруг чужое злое око зацепится за его белую и всегда ухоженную машину?

Полковник не спешил: специально выехал раньше, чтобы на месте оглядеться и в случае чего отменить встречу. В конце концов, не так уж и страшно, если кто-либо увидит его с Филей. Тот хоть рецидивист, но сейчас работает в жилконторе слесарем, случайная встреча на лоне природы, кроме того, милиция может поддерживать связи с кем угодно, в том числе и с бывшими преступниками. Между прочим, у полковника может быть и свой профессиональный интерес...

И все же лучше, если их встреча останется незамеченной. Лучше и для Фили, и для него. Все может случиться, кто-кто, а Псурцев знал это: слава богу, не первый десяток лет в милиции.

Полковник привык ездить с комфортом: в его «Ладе» стоял японский магнитофон «Мицубиси», который, кстати, подарил ему когда-то Степан Хмиз. Подарил, надеясь, конечно, на благодарность — и дождался... Псурцеву на миг стало жаль Степана: в принципе не плохой парень, не жадный, дружелюбный, сколько раз они в достойных компаниях «закладывали за воротник». Дурак, ей-богу дурак, втрескался как мальчишка. Девочек тебе мало? Пройдись по Центральному проспекту, выбирай любую, сами на шею вешаются, сами в кровать прыгают — парень красивый, стройный, да еще и директор базы! Повезло тебе, так сиди и не чирикай. С Жорой и самим Пирием на равных. Это же ценить надо!

В конце концов Хмиз сам виноват, решил Псурцев, каждый — сам кузнец своего счастья. Ну чего разжалобился? Степу тебе жалко? Есть Степа, нет Степы... И правильно — не уклоняйся. Тебе люди доверили, в компанию взяли, будь благодарен до конца, а ты... Сколько по совету Белоштана тебя уговаривали, угрожали, запугивали, но бесполезно... Да, предательство не прощается. И Филя поставит точку.

Вспомнив Филю, Псурцев поморщился. Конечно, Филя — подонок, к тому же подонок вонючий. Но нужен человек. К кому обращаются в экстремальных случаях, подобных нынешнему? Только к Филиппу Фаридовичу Хусаинову, которого в преступном мире за бородавку на щеке прозвали Филя-прыщ. Самая важная фигура среди преступников — бывших, настоящих и, наверное, будущих — Города.

В прошлом Филя работал в цирке. Филипп Хусаинов — эквилибрист, канатоходец, его знали в стране: огромные красочные афиши до сих пор украшают стены его квартиры. Потом Филе не повезло, репетировал без страховки, упал и повредил ногу, до сих пор хромот. На этом закончилась Филина цирковая карьера, больше способностей у него не было, но характером обладал упрямым, а голову имел смекалистую и находчивую, отличался жестокостью и беспощадностью, судьба занесла его в Город, здесь Филя оброс несколькими бывшими спортсменами, такими же отчаянными, как и сам, — ограбили пять квартир, но попались на убийстве. Псурцев занимал тогда должность начальника уголовного розыска — собственноручно вышел на Филин след и арестовал его с компанией.

Хусаинов отсидел несколько лет — хвалился, что прошел в колонии академию, по крайней мере он сейчас не разменивается на квартирные кражи. Сейчас Филя «записался» в рэкетеры, вместе со своими помощниками-спортсменами вымогал дань с кооперативов и черного рынка.

Полковник сквозь пальцы смотрел на Филины «шалости» в Городе, в свою очередь, Хусаинов информировал его о тайнах преступного мира, безжалостно продавая конкурентов.

Оба были довольны друг другом.

И все же Псурцев морщился, подъезжая к условленному месту. Разговор с Филей не радовал его. Знал: Хусаинов сделает все, что нужно, однако сам факт, что он, полковник милиции и без пяти минут генерал (это ему твердо обещал сам Пирий), будет вести переговоры с обыкновенным рэкетиром, портило настроение.

«Хотя, — подумал с досадой, — хоть крути-верти, хоть верти-крути, а разговора с Филей-прыщом не избежать. Не зря Белоштан сказал прямо: Хмиза надо убрать. А Белоштан слов на ветер не бросает».

И здесь Псурцев вспомнил, как заблудился в Жориных тенетах. Случилось это несколько лет назад, в те застойные времена, — Белоштан пришел к нему в городское управление, нахально уселся в кресло, подождал, пока полковник выберется из-за стола, и спросил просто:

— Хочешь, полковник, получать по десять тысяч ежемесячно?

У Псурцева зашло сердце: молниеносно прикинул — ему, чтобы получить десять тысяч, нужно вкалывать более двух лет. А здесь ежемесячно...

Но все-таки на всякий случай поломался и ответил с достоинством:

— Офицеры милиции не продаются.

— Ого, еще и как продаются, — возразил Белоштан безапелляционно, — и значительно дешевле.

— Меня ты не купишь.

— Не хочешь — не надо, — Белоштан сделал попытку встать, и вдруг Псурцев со страхом подумал: сейчас уйдет и пропали его деньги. Десять тысяч ежемесячно, целых десять тысяч, когда ему, кроме зарплаты,

перепадает какие-то крохи. Ну за прописку в Городе, еще от благодарных родителей, когда вытянешь неразумного мальчишку из колонии, — крошка там, крошка здесь, сытым никогда не будешь. Поэтому и спросил уже совсем другим тоном:

— За что же ты, Георгий Васильевич, собираешься платить такие бешеные деньги?

Белоштан не ждал такого оборота разговора. Он еще не успел встать, как опять плюхнулся в кресло и объяснил:

— А ни за что.

— Ни за что? Ты мне голову не морочь. Говори уж прямо.

Георгий Васильевич закурил дорогую американскую сигарету, предложил и Псурцеву. Они задымили, потом Белоштан, сделав пару затяжек, раздавил сигарету в пепельнице и сказал серьезно:

— Я с тобой, Леонид Игнатович, не шучу. Ибо человек я серьезный, очень даже серьезный. Действительно, предлагаю тебе десять тысяч пока ни за что. Если примешь мое предложение, поговорим более детально.

Псурцев рукой разогнал ароматный дым «Кента», мешавший ему видеть лицо Белоштана. Сказал неопределенно:

— Предположим, я соглашусь...

— Нет, — возразил Белоштан, — никаких «предположим». Да или нет?

— Но я даже не знаю, в какие игры будем играть.

— А если даже в небезопасные? Разве ежемесячные десять тысяч не окупят риск?

— Окупят, — вздохнул Псурцев.

— Я был уверен, что мы договоримся.

— За что все-таки платить будете?

— Я же сказал: пока ни за что. За красивые глаза и за то, чтобы ты закрывал их, когда я скажу.

— Уже закрыл.

— Кроме того, держи меня в курсе. Понимаю, не все от тебя зависит, не все можешь прикрыть или подправить, но мы должны иметь информацию из первых рук. Собираемся мы, Леонид Игнатович, наладить производство дефицитной продукции. Для нужд населения, так сказать, — не удержался от иронии, — для его возрастающих запросов.

— Левый цех? — уточнил Псурцев.

— Называй, как хочешь: левым, правым, меня это не колышет. Но я хочу: во-первых, чтобы твои из ОБХСС не совали нос на фабрику. Так же и в магазин, где реализуется товар. Во-вторых, со всей информацией о делах областного и городского управлений милиции, какие прямо или косвенно будут касаться наших дел, должен знакомить меня немедленно.

— Это в моей компетенции. Однако не могу гарантировать, что из областного управления...

Белоштан предупреждающе поднял руку:

— Это понятно. Но областное управление обойти тебя не может. Если и запланируют операцию, должны посоветоваться с тобой.

— Да, такой порядок есть.

— Хороший порядок... — Белоштан расплылся в улыбке, показав белые безукоризненные зубы. — Наш, социалистический.

— Ты что, против социализма?

— Я против всего, что мешает мне нормально жить.

— Если только мне будешь платить по десятке в месяц, представляю, сколько имеешь сам!

— А сон? Во сколько оплачивается мой сон? А разве легко трудиться и оглядываться? Там, — многозначительно кивнул, — меня бы уважали и на руках носили. Ты пойми, нет у меня сейчас стимула для работы. Эту фабрику я мог бы вывести в лучшие в Союзе, пол-Украины завалить первосортным трикотажем — пусть только снимут рогатки разные министерства и главки. Ну стану передовиком, на сотню зарплату повысят, премиальные возрастут. Чихал я на эти премиальные!

— Это верно, — с почтением произнес Псурцев. — Тебе лишняя сотня все равно что мне червонец.

С того времени и завертелась карусель. Белоштан наладил связи в министерстве, хвалился, что есть свои люди даже выше, а в Городе под надежным крылом Пирия и Псурцева чувствовал себя совсем вольготно. Только в последний год начались осложнения: госхозрасчет, переход на новые формы хозяйствования, демократия и гласность...

Работница в левом цехе получала в три раза больше, чем в обычном. Это устраивало всех, молчали как кроты, еще и благодарили, кланялись. Для разных Дунек и Нюр, которым Белоштан платил по четыре сотни в месяц, он был богом, даже выше, поскольку на женский праздник Жора дарил каждой еще и по флакону французских духов. Та же Нюра никогда в жизни не видела таких духов, а получив их от директора, готова была за него перегрызть глотку кому угодно. А Белоштан только посмеивался: парфюмерию ему не доставать — привезет Степа Хмиз, а вручить — рука не отсохнет...

И все же стало труднее. На фабрике начались разные собрания, заседания, движения, нашлось несколько горлопанов, предложивших избрать нового директора, и Белоштан стал вынашивать идею отделения левого цеха от фабрики. Кооперативная идея вызревала в нем, и Пирий своим сообщением о приезде в Город «важняка», следователя по особо важным делам республиканской прокуратуры, только подтолкнул Жору.

Вспомнив «важняка», Псурцев недовольно засопел. Если бы приехал кто-либо из МВД, было бы проще, все же свой брат милицейский офицер, к тому же почти со всеми начальниками республиканских управлений поддавал или поддерживал дружеские отношения. С коллегой — полковником или генералом — можно посидеть вечером в ресторане или пригласить его на рыбалку. Есть близ Города две ставки, и карпы заждались рыболовов. А по соседству, в лесочке, стоит скромный деревянный домик, хозяйка которого поджарит пойманную рыбку и угостит вкусными шашлычками.

Да, с прокуратурой сложнее. Псурцев был уверен: конечно, и прокуроры берут, и коньяк из рук красотки принимают, но можно обжечься — нищие, лишней пятерки нет, а нос отворачивают.

Ему наверняка нужно знать: возьмет или нет... Если гордый и неподкупный, не стоит и пробовать: пойдут слухи, что Псурцев подъезжает со взятками, а это уже совсем скверно. Конечно, не пойман — не вор, но сейчас такие разговоры, когда может решиться вопрос о генеральском звании, совсем ни к чему.

И тут Псурцев представил себя в брюках с лампасами и с золотыми генеральскими погонами — с ума сойти можно, и прямой путь ему в областное управление: там сидит старый хрыч, доживает последние месяцы до пенсии. И правильно — надо уступать место молодым, энергичным и способным. Псурцев еще хотел добавить «неподкупным», но только хохотнул и стыдливо шмыгнул носом.

Наконец последний поворот перед березовым лесом, где назначено место встречи. Полковник съехал на лесную дорогу, «Москвич» запрыгал на выбоинах, и в голых кустах за лесом Псурцев увидел красные «Жигули», а возле них высокого смуглого горбоносого человека лет сорока с аккуратно подстриженными кавказскими усами. Он картинно опирался на капот автомобиля. Вальяжный, весь в черной коже: кожаные брюки, такая же куртка и шляпа с широкими ковбойскими полями. Красная машина поблескивала хромом и никелем, похоже, все, что могло бы украсить ее, Филя-прыщ использовал: козырек над ветровым стеклом с надписью «Зупер-авто», два зеркала на передних крыльях, две антенны — одна нагибалась с левого переднего крыла на крышу, другая свободно болталась на заднем бампере, никелированные ручной работы колпаки на колесах...

Псурцев, высаживаясь из своего обшарпанного «Москвича», не мог удержаться от смеха: разукрашенная машина — мечта всех милицейских служб, намного облегчает наблюдение.

Филя-прыщ вежливо приложил два пальца правой руки к полям кожаной шляпы.

«Мог бы и снять шляпу», — подумал полковник, но ничем не выдал своего недовольства. Остановился в двух шагах от Фили, чтобы не подавать руки — считал это ниже своего достоинства.

Филя-прыщ приложил руку к сердцу, приветливо улыбнулся и спросил:

— Вызывали, начальник? Я к вашим услугам.

Псурцев сунул руки в карманы брюк — стоял, расставив ноги, и пристально смотрел на Хусаинова. Размышлял, как лучше начать. Сразу и прямо выложить, зачем приехал, или осторожно, намеками, с подходом? Решил: разводить с Филей дипломатию ни к чему, может подумать, что перед ним заискивают, одна только мысль об этом вывела бы полковника из себя. Поэтому сказал не скрывая:

— Есть в городе один тип. Мешает, и очень. Сможешь?.. — он хотел сказать «убрать», но почему-то все же проглотил это слово.

Глаза у Фили вытаращились: чего-чего, но такого от Псурцева не ожидал. Удивленно уставился на полковника и спросил:

— Вы хотите... того? Чтобы я его?.. — выразительно махнул рукой и наконец вымолвил слово, на которое не отважился полковник: — Убрал?

— А ты, я вижу, испугался?

— Я?.. Говорите — кого... Для вас, полковник, все будет сделано в лучшем виде. Лично для вас. Но... — замолчал, — никогда бы не подумал... Чтобы сам закон...

— Мы с тобой, Филя, деловые люди, — строго сказал Псурцев, — никто нас не слышал, и я тебе ничего не говорил. Понял?

— Да, ничего, — согласился Филя, — ни вы мне, ни я вам. Поговорили о погоде и разъехались.

— Только о погоде, — кивнул Псурцев и непроизвольно оглянулся, как вор, пойманный на горячем. Но поблизости никого не было, чирикала какая-то птичка в кустах, и полковник успокоился.

Филя повертел брелоком с ключами от машины вокруг указательного пальца.

— Кого? — спросил.

— Возможно, ты его знаешь...

— Кого? — повторил Филя нетерпеливо.

— Директора промтоварной базы Степана Хмиза.

— Ого, добрый парень, я у него иногда разживаюсь.

— Ты меня понял?

Филя посерьезнел.

— Сделаем. Но вы знаете, сколько за это?

— Скажи.

— Такса: тридцать... Не меньше.

— Много хочешь!

— Риск того стоит, начальник. Вышкой пахнет. Как это у вас пишется?

Исключительная мера.

— Все равно это много.

— Такса, начальник, не я ее придумал.

— Это когда тебе действительно что-нибудь угрожает. А здесь — тьфу... Я могу своих сыщиков спустить, а могу и придержать. Для формы пошевелимся, поищут — и точка. Нераскрытое убийство...

— Правильные слова говорите! — поцокал языком Филя. — Очень правильные. Только где гарантия?

— Мне, как и тебе, невыгодно, чтобы дело раскрутили.

— Невыгодно, — согласился Филя, — хотя, — пожал плечами, — если что-нибудь произойдет, с вас как с гуся вода, а вот какого-нибудь Филю обвинят в том, что он на самого милицейского начальника клепает, да еще посмеются зло.

— Не доверяешь.

— А почему я должен вам доверять, начальник? Вот если бы вы мне расписочку выдали...

— Ну и наглец же ты!

— Не наглец, а осторожный.

— Все равно тридцать это много.

— Согласен, — вздохнул Филя, — пятерку сброшу.

— Пятнадцать...

— Обижаете, начальник.

— Просто у меня нет больше.

Филя засмеялся.

— Я считаю так. Вам, начальнику, тот Хмиз до фени. А вот у того, кому он стал на дороге, баши найдутся.

— Умен ты, Филя!

— Умен, — блеснул глазами Хусаинов, — на том и держусь.

— Ну ладно, — дал задний ход Псурцев, — сойдемся на двадцати. И только лишь потому, что я сегодня уступчивый.

— Нет, — возразил Филя, — не потому, а потому что на своих гончих намордник натянешь, начальник. Согласен, двадцать так двадцать. Когда нужно?

— Как можно быстрее.

— Сделаем. Нужно только этого Хмиза куда-нибудь за город вытащить. Хотя бы сюда.

Псурцев подумал и сказал:

— Послезавтра. В девять вечера. На двадцать третьем километре западного шоссе. Там за полкилометра от шоссе в дубовом лесу поляна. Мы там всегда сабантуйчики организовываем. Хмизу позвонят, вызовут — он то место знает и приедет.

— Половину башлей завтра, — щелкнул пальцами Филя. — Аванс.

Псурцев поморщился.

— Игра у нас открытая. А лишний раз встречаться...

— Не надо встречаться, начальник. Вы десять кусочков в портфель затолкайте, а портфельчик этот в газетном киоске забудьте. На углу Центрального проспекта и Индустриальной. Там тетка Катря торгует, она мне и передаст.

— Договорились. Пусть эта тетка завтра в двенадцать как штык там будет. Мой человек трижды постучит ей в дверь и портфель забросит.

Филя еще раз повертел ключи на пальце.

— Сделаем все чисто. Жалко, правда, Степку Хмиза, но только ради вас, начальник.

Полковник смерил Хусайнова с ног до головы тяжелым взглядом, но ничего не сказал: повернулся и молча направился к «Москвичу».

* * *

Стол накрыли в банкетном зале. Он стоял у открытого окна, и ветерок забавлялся с шелковыми гардинами. Белоштан придиричиво осмотрел сервировку и остался доволен. Все по высшему классу: икра черная и красная, осетровый балык, немного семги, нежирная ветчина и сырокопченая колбаса — такое в обычном провинциальном ресторане не подадут ни за какие деньги. И две бутылки: вульгарная «Столичная» и коньяк «Двин». «Двина» не нашлось даже в заглазнике директора ресторана, пришлось обратиться к собственным запасам, из Любчиковой кладовой. Но не беда. Сегодня ничего не жалко, ибо надо смотреть вперед и рассчитывать не на год и не на два. На каждый вложенный червонец, если умело повести дело, можно получить не меньше сотни и даже больше.

— Садитесь, дорогой Михаил Николаевич, — показал на стул Белоштан. — Сейчас мы с вами выпьем по маленькой, так сказать, неофициальной. — Взял за горлышко бутылку с водкой, почему-то посмотрел на свет. — Прозрачна и чиста, как наша душа, и крепка, зараза, но осилим! Мы с вами, Михаил Николаевич, все осилим, ибо жить стало лучше и веселей. Это не я придумал, это сам товарищ Сталин выдвинул такой тезис. А что? Ругают сейчас Сталина на всех перекрестках, поносят, как могут, а человек был мудр — конечно, методы были несколько своеобразные, но языками не трепали и уважали власть. А сейчас, скажу вам, — вдруг Георгий Васильевич прервал свой патетический монолог и округлил глаза. — Тоня, — позвал он официантку, стоявшую у белых две-

рей, — что же ты, Тонечка, о селедочке забыла? Дунайского посола подай, нет лучшей закуски под «Столичную». Когда-то, правда, был еще залом, но сейчас, думаю, и в Кремле заломом не балуются, не то что мы, простые смертные...

Официантка, пышногрудая блондинка, всплеснула руками, изобразив на лице страх, побежала на кухню, а Белоштан налил в рюмку водку, но пить не стал, ожидая селедки. Михаил Николаевич, низенький, лысый, с коротко подстриженной седой бородкой, жадно потер руки, соорудил себе бутерброд, не пожалев красной икры, поднял рюмку, но Белоштан остановил его.

— Я вас прошу, — воскликнул, — потерпите минутку, не пожалеете!

И действительно, ждать пришлось лишь минуту, Тоня уже несла селедку, она сделала книксен, извиняясь, и Георгию Васильевичу неожиданно захотелось ущипнуть ее за соблазнительное бедро.

— Хороша девка! — подмигнул Михаилу Николаевичу и, дождавшись, когда официантка отошла, тихо произнес: — Если хотите, она вечером заглянет к вам.

— Посмотрим... Может, в этом и будет необходимость.

Георгий Васильевич откинулся на спинку стула, с пониманием посмотрел, как налегает на деликатесы гость, и подумал: «Плюгавец... Хоть и бородка, и очки в импортной оправе, хоть и пыжится, а мелкота... Ну, доктор наук, заведует каким-нибудь отделом в институте — пятьсот рублей от силы, нищий... Мы таких можем», — как и что он может делать с такими, как Михаил Николаевич, Белоштан не додумал, да и так все было ясно: покупать оптом и в розницу. Однако сейчас от этого лысого плюгавца зависело многое, поэтому и выписал его на неделю из стольного града Киева. Позволил домой и попросил приехать. И Михаил Николаевич сразу откликнулся. Да и как не откликнешься, когда просит сам Белоштан, а Белоштана Михаилу Николаевичу рекомендовал сам первый заместитель министра — на такую протекцию следует всегда реагировать.

Георгий Васильевич налил еще по рюмочке и перешел к деловой части разговора.

— У меня к вам будет просьба, дороженький, — сказал, сжав рюмку в руке. — Необходим совет, и ваш неординарный ум может прояснить нам путь. Ибо вы сами понимаете, что усыпан он не розами, а терниями, можно проколоть шины, а этого ох как не хотелось бы!

— Согласен с вами, — подтвердил Михаил Николаевич. — Кстати, вам пригодилась моя предыдущая разработка?

— Вы — гений, — вполне серьезно высказался Белоштан, — и я удивляюсь, почему наша советская власть так мало использует ваши гениальные открытия.

— Не скажите, я консультирую в Госплане!

— Госплане... — выразительно скривился Белоштан. — Не вспоминайте, дорогой, эту контору: одна ваша голова перевесит все их отделы вместе с компьютерами и программами.

— Преувеличиваете.

— Только немного. Пользуясь вашими установками и расчетами, мы поставили дело так, что при других условиях могли бы претендовать на звание предприятия коммунистического труда. Не дутого, а настоящего.

— Приятно слышать.

— Но сейчас все переменялось. Государство открывает перед нами новые перспективы, и грех не воспользоваться этим.

— Кооператив?

— Я всегда верил в вашу прозорливость: кооператив с красноречивым названием «Красная Шапочка».

Кооператив — это серьезно и перспективно.

— Главное, Михаил Николаевич, спать можно будет более-менее спокойно.

— Немаловажный фактор.

— Не то слово! И мы рассчитываем на вас. Требуются теоретические, так сказать, обоснования, необходимо определить наиболее эффективные и наиболее безопасные способы производства и сбыта продукции, используя новейшее оборудование. То, что мы имеем, уже частично устарело, частично сносилось. Пусть вас не волнует, где можно приобрести импортные станки. Ваше дело нарисовать общую картину, разработать направление деятельности будущего предприятия. Если внесете конкретные детали, будем только благодарны. Все используем, для нас важно абсолютно все.— Белоштан нагнулся над столом и сказал шепотом, хотя зал был пустым и никто не мог подслушать их:— Прошу не сомневаться: ваш труд будет достойно вознагражден. Как и в тот раз... Десять тысяч хватит?

— Даже много.

«Экий...— подумал Георгий Васильевич.— Эти ученые мужи наивны до предела. Не знают настоящей цены своей голове. Я бы заплатил и двадцать и больше, если бы только он намекнул... Дураки наши руководители. Этого Михаила Николаевича нужно немедленно посадить в Госплан с неограниченными полномочиями, а с ним только изредка консультируются, а платят вообще копейки».

— Вот и договорились,— произнес радостно.— По этому поводу следует выпить.— Увидев в дверях официантку, подозвал ее.— Выпей с нами, Тоня, ты произвела большое впечатление на нашего дорогого гостя, и он рассчитывает на твое расположение...

Официантка засмеялась и взяла рюмку, а Георгий Васильевич, заметив, какие игривые огоньки загорелись в глазах Михаила Васильевича, еще раз убедился, что в Городе нет ему, Белоштану, равных, когда нужны интуиция и организаторские способности.

* * *

— Зажарим яичницу? — спросила Светлана.

— Зажарим,— согласился Степан.

— Может, лучше жаркое с луком?

— Пожалуй.

— А если сырники?

— Можно и сырники.— Только сейчас Степан понял, что Светлана подтрунивает над ним, но не обиделся. В конце концов, все приготовленное ею для него будет вкусным.

— А ты есть хочешь? — спросила Светлана.

— Нет.

— Так почему же соглашаешься на жаркое?

— Думал, тебе хочется.

— Я выпью только кофе.

— В холодильнике есть свежий торт.

— После кусочка нужно час бегать.

— Ну и побежим.

— У меня нет спортивного костюма.

Степан подхватился.

— Какой размер? Я сейчас привезу.

— Ты даже не знаешь, как мне нравится...

— Есть финские костюмы. Кажется, красные.

— Финские? — Степан почувствовал, что девушка заинтересовалась. —

Но, наверное, дорогие?

— Выдержим.

«Тьфу, какая-нибудь сотня, — чуть не вырвалось у Степана. — Скажи только, намекни, и все будет...»

— Это правда не очень трудно? — все же заколебалась Светлана.

— Какой размер?

— Сорок шестой.

Степан посмотрел на часы. Сорок минут до закрытия магазинов, и надо успеть позвонить Наталии Кобе. У нее есть. В крайнем случае Шварцману. Тот два дня назад получил импорт и, конечно, запрятал в тайном месте, куда не только разным общественным контролерам не попасть, но и официальным ревизорам вход заказан.

Набрал номер телефона.

— Наташа, привет, у тебя есть финский красный спортивный костюм сорок шестого размера? Сейчас приеду, заверни. — Положил трубку, победно посмотрел на Светлану и сказал: — Порядок!

Девушка все еще смотрела недоверчиво.

— Так просто?

— Ведь я еще директор промтоварной базы...

— Маг! — вдруг расхохоталась Светлана, и у Степана отлегло с души. — Маг и кудесник. Но я выхожу за тебя замуж не поэтому. Наоборот.

— Можешь спокойно есть торт, — почти торжественно заявил Степан.

— Буду, и с удовольствием.

Светлана побежала на кухню готовить кофе, а Степан поехал в магазин.

Он вернулся через четверть часа — Кобина лавка была недалеко.

Увидев красное финское чудо, Светлана радостно ойкнула и побежала переодеваться. Она вышла из спальни и остановилась в дверях, уставив руки в бока и отставив ногу, совсем как манекенщица.

Степан поаплодировал и сказал:

— Президент фирмы получил бы инфаркт: с такой рекламой они удвоили бы прибыль.

— Шутишь? А если правда пойти работать в дом моделей? Ведь платят там больше, чем научным работникам.

Представив Светлану на помосте под прицелом жадных и алчных взглядов, Степан энергично замотал головой.

— Испугался? — догадалась Светлана. — Что чужие мужчины будут на меня пялить глаза. Они и так смотрят, а я люблю тебя.

«И я тебя», — хотел сообщить Степан, но постеснялся: слишком часто произносил эти слова.

— Что ж, пойдем в парк, побегаем, — предложил он и направился к шкафу за своим спортивным костюмом, но тут зазвонил телефон. Степан решил не снимать трубку, но телефон не замолкал, пришлось откликнуться.

— Ты один? — слышался голос Белоштана.

— Один, — зло ответил Степан: только Белоштана ему сейчас не хватало.

— А где же невеста?

— Нету... — проворчал.

— Отчалила из дому?

Тон Белоштана рассердил Степана, он хотел ответить резкостью, но не решился, только сказал:

— Гуляет она... Что надо, Георгий Васильевич? А то я спешу.

— Придется, Степочка, отложить дела.

— Не могу.

— Говорю: придется. Сядешь ты сейчас в свою «Самару» и приедешь на двадцать третий километр. Без промедления. Есть серьезный разговор...

— Не могу я, Георгий Васильевич!

— Я с тобой, Степа, не шучу.

— Но ведь мы, кажется, все решили.

— Не все, Степочка, возникли новые проблемы, и ты нам нужен.

— Нам? Кому еще?

— Приедешь — увидишь.

— Ладно... — нехотя согласился Хмиз, — сейчас приеду. — Он положил трубку и развел руками. — Бег откладывается...

— Неотложное дело?

— Я вернусь часа через полтора.

— Буду ждать тебя, милый, — Светлана поднялась на цыпочках и поцеловала Степана в подбородок. — Возвращайся.

Она стояла возле окна и смотрела, как Степан садится в машину. Перегнулась через подоконник и помахала. А Степан выехал со двора на улицу, кривыми улочками выскочил на Центральный проспект и помчался к условленному месту. Думал: наверное, Жора опять будет его умолять. Нет, и еще раз нет... Послезавтра свадьба, приедут Светланины родители, потом она вернется с ними во Львов, а он останется в Городе утрясать дела. Вообще дел много, одну только базу сдать преемнику — морока... Но как обрадуется Дима Васильчук! Ходил в вечных заместителях, сейчас станет хозяином, и Белоштан наверняка пригласит его в компанию. Свято место пусто не бывает. У Димы руки загребушие, вчера, когда Степан намекнул, что оставит базу, у того даже глаза заблестели. Попросил: «Похлопочите за меня перед Пирием». Степан согласился. Ему все равно, кто станет директором, ему хоть трава не расти, а Васильчуку он быстрее передаст хозяйство — Дима в курсе всех дел, и они всегда найдут общий язык.

Да, Дима сейчас развернется. На десять лет старше Степана и ходил всегда обиженным. Пытался даже подсидывать его, но, получив пару раз по носу, понял, что Хмиза ему не свалить. Сразу сменил тактику: со всем соглашался и поддакивал, за что получил относительную свободу действий

и пользовался этим на полную катушку. Степан только посмеивался, узнавая о мелких Диминых махинациях с директорами магазинов — в конце концов, каждому хочется иметь свой кусок хлеба с маслом.

А, к чертям собачьим и Диму Васильчука, и Белоштана, и даже самого Пирия. Степан видел себя уже свободной птицей во Львове, конечно, свободным относительно — если удастся получить магазин, все равно придется вертеться: у них свои законы, свои неписанные правила, что в Городе, что во Львове, что в Одессе, все расписано фактически по деталям, и нарушителей правил карают иногда строже, чем в суде. Во Львове у него есть хорошие знакомые, бывшие однокашники по торгово-экономическому институту — сейчас кое-кто из них вырос и занимает ключевые посты в торговле, а Васька Трофимук — заместитель начальника городского управления, конечно же поможет, хотя и тому придется дать. Магазин во Львове стоит не меньше десяти тысяч, пристойный даже больше — что ж, платить, так платить, не он устанавливал таксу, а люди поважнее и опытнее.

Львов, да еще и со Светланой, — мечта! Во Львове прошла его студенческая юность, сейчас он возвращается туда счастливый и полный надежд.

«Все как-нибудь устроится», — подумал Степан успокаиваясь. Он уже приближался к двадцать третьему километру — еще один поворот, затем небольшой подъем, дальше у дороги растут сосны, а за ними редкий дубовый лес с солнечной поляной. Дубы могучие, лет по триста, а на поляне растут лесные цветы — ромашки, колокольчики, иван-чай... Выезжая на пикники, они расстилали под дубом огромный брезент, на нем хорошо лежать на спине: могучий развесистый дуб, над ним голубое вечное небо, кажется, что и ты будешь жить вечно — на душе становится легко и весело, потому что лесные травы пахнут медвяно, рядом близкие товарищи и симпатичные женщины, брезент, заваленный кастрюлями и тарелками с вкусной едой, бутылками с коньяком и шампанским, — на самом деле чувствовал себя уверенно и беззаботно, воистину вечная жизнь... А сейчас ты, Степан, сам отказываешься от этого. Не пожалеешь ли?

«Нет, — ответил Степан сразу и уверенно, — ради Светланы я отрекся бы и от большего, чем компания Белоштана. Конечно, было приятно чувствовать себя на короткой ноге с Пирием, мог обругать самого милицкого полковника. Ну и что? Разве это определяет суть бытия? А что? — подумал вдруг тревожно. — Что означает? Нет в тебе, Степа, высоких интересов, и граница твоих желаний — проехать с красивой женой вокруг Европы, покрасоваться возле нее на комфортабельном лайнере, пройтись по Монмартру или посетить Колизей. И будешь ты вечным завмагом и торговцем, потому что ничего больше не умеешь и не знаешь. Вот люди выступают по телевизору — писатели, художники, артисты, все их видят, уважают и восхищаются, а тебе только кланяются за какую-нибудь импортную куртку или кожаное пальто. Однако когда-нибудь страна должна будет наверстать упущенное, закончится поголовный дефицит, и тебе перестанут кланяться и благодарить, тогда все прояснится, словно под рентгеном, все станет на свои места и будет видно, кто есть кто. Но, — подумал также, — наверное, не скоро это случится, и есть у тебя шансы дожить до седины окруженным уважением и лестью. А нужно ли забегать далеко вперед? Правильно говорят: лучше синица в руках, чем журавль в небе. А у меня в руках даже не синица и журавль, а сама жар-птица».

Вспомнив Светлану, Степан улыбнулся счастливо — вот и знай, где потеряешь, а где найдешь: его жизнь повернулась на сто восемьдесят градусов и приобрела совершенно иной смысл.

Проскочив подъем, Хмиз свернул на проселочную дорогу, ведущую к лесу. Солнце садилось, позолотив дубовые кроны. Степан остановился под дубом, где, как правило, устраивались их пикники, но серой Белоштановой «Волги» не обнаружил. Очевидно, Георгий Васильевич немного задерживается, вообще он человек деловой и пунктуальный, ждать долго не придется.

Хмиз вышел из машины, прислонился к дубу, уставившись в синее вечернее небо. Пахло медом, шелестели листья под легким ветерком, и Степану вдруг очень захотелось опуститься на колени, уткнуться в траву, ощутить терпкий запах земли. На душе было спокойно, даже неприятный разговор с Белоштаном не тревожил его.

Внезапно Степан услышал за спиной осторожные шаги — выглянул из-за ствола и увидел человека в шляпе с широкими полями. Он приближался, что-то бормоча под нос, солнце светило человеку в спину, и Степан вначале не узнал его, но было в нем что-то знакомое. Хмиз вдруг вспомнил.

— Филя! — окликнул. — Ты что здесь?

— Гуляю... — Филя остановился в двух шагах от Степана. — Ты Хмиз?

— А кто же еще?

— Ты мне и нужен. — Филя вынул руку из кармана брюк, и Степан увидел направленный на него ствол пистолета.

Хмиз инстинктивно заслонился рукой, но Филя нажал на курок — пуля бросила Степана на дубовый ствол, ноги у него подкосились, и он упал лицом в траву. В последний раз втянул воздух, но медвяного запаха уже не почувствовал, а синее небо над ним потемнело и сделалось черным.

Степан понял, что умирает, ему стало жалко себя — попытался задержать воздух в легких, но не смог: выдохнул и прижался щекой к траве.

Филя перевернул Хмиза на спину, убедился, что не дышит, и направился к дороге, где оставил свою красную разрисованную машину.

ГЛАВА III

МАРАФОН

(Начало)

Иван Гаврилович Сидоренко собирался в дорогу. Положил в чемодан три белых и одну темную сорочки, пижаму, тапочки, белье. Вынес из ванной набор для бритья — чешский несессер ему подарила на день рождения Лиля. Этот несессер был предметом гордости Ивана Гавриловича: кожаный, с молнией, а внутри и станок, и лезвия, и помазок, не говоря уже о креме и одеколоне. Бросил в чемодан еще носовые платки, а сверху положил не большой коричневый «дипломат» с монограммой, подаренный коллегами к сорокалетию.

Подумал и положил в чемодан еще хлопчатобумажный спортивный костюм: хоть работы в Городе предстоит много и будут смотреть на него там

как на залетную столичную птицу, где-нибудь поздно вечером или рано утром, может, и удастся побегать.

Иван Гаврилович закрыл чемодан, постоял над ним, вспоминая, не забыл ли чего. Посмотрел на себя в зеркало: высокий брюнет без седины в густых, несмотря на возраст, волосах, глаза еще зорки и энергичны. Подтянутый, мускулистый, как говорят, спортивный. Лицо с высоким открытым лбом, скуластое, но не монгольское, словно высеченное из крепкого дерева, две волевые морщинки от губ к подбородку, прямой нос, тонкие губы. И контрастная в целом для жесткого лица ямочка на подбородке, которая смягчала резкие черты.

Сидоренко договорился, что Кириллук заедет за ним, — у него оставалось еще много времени, часа полтора.

Иван Гаврилович нахмурился: не нужно было соглашаться на такую длительную командировку. Тем более что лавров она не принесет... Наоборот, целая морока, блуждание с завязанными глазами, к тому же, наверное, на поддержку местных товарищей надежда плохая. Недаром в письме, адресованном Центральному Комитету, сказано: «Неоднократно жаловались местному начальству, писали в горком и обком партии, сигнализировали милиции, но все остается по-старому».

Кириллук приехал вовремя. Вежливые сотрудники ОБХСС уступили место на переднем сиденье черной «Волги». Иван Гаврилович поблагодарил, обернулся к сидящим сзади:

— Ну что, друзья, — подмигнул, — начинается наш марафон. Добежим ли до финиша?

Подполковник Кириллук хмыкнул:

— Марафон... Там точно знаешь, сколько надо бежать, и дыхание, естественно, регулируешь. Сорок километров с гаком — и точка. Где финиш — уже на старте известно, а мы, бедные и несчастные, будем вертеться с завязанными глазами, не зная, когда и где конец.

— Не такие уж мы несчастные, — не согласился Иван Гаврилович. — Четыре аса, извините, что и себя к ним причисляю, четыре старых и опытных волка — чего-нибудь да стоят, а?

* * *

Утром дежурный по управлению внутренних дел принял известие, что в лесу на двадцать третьем километре от Города обнаружен труп человека. Позвонил колхозник из близлежащего села. Он ехал на велосипеде по тропинке мимо дубового леса и увидел пустую машину с открытой дверцей, а неподалеку — убитого. Колхозник так и сказал — убитого, поскольку человек лежал в луже крови.

Следственно-оперативную группу, которая выехала на место происшествия, возглавил следователь городской прокуратуры Сохань.

Колхозник, передавший сообщение дежурному, стоял на тропинке, опершись на велосипед. «Рафик» с опергруппой остановился рядом. Увидев милицию, колхозник снял кепку и с почтением стал разглядывать прибывших: искал начальника. Безошибочно обратился к Соханю:

— Он там... — показал рукой на кусты, из-за которых виднелась белая «Самара». — Еду я, выходит, к куму в Пилиповцы, ну и зацепился

глазом... Будто кто толкнул, остановился, гляжу, а в машине никого. Подошел — точно никого. А двери открыты, опять же непорядок... И опять меня что-то толкнуло — подхожу, а там лежит... убитый, потому как не двигается и весь в крови.

— Больше здесь никого не было? — спросил Сохань.

— Никого. Дорога пустынная, лесная, а от Рогачева до Пилиповцев только тропинка. Утром тут редко кого увидишь. Днем и вечером наезжают... Гуляют на поляне, мячи гоняют и горилку пьют... Место затишное.

«Слава богу, — с облегчением подумал Сохань, — следы, кажется, остались... Не затоптаны».

Под дубом на спине лежал убитый. Глаза открыты, руки раскинуты, смотрит будто в небо, сорочка и легкий шерстяной свитер в запекшейся крови.

Сохань остановился, уставясь на убитого. Где-то он видел его — знакомые черты лица. Кто же это?

— Это же Хмиз! — выдохнул кто-то у него за спиной. — Конечно, Степан Хмиз — директор базы.

Сохань оглянулся: за ним стоял, вытянув шею и заглядывая через плечо, капитан Опичко из уголовного розыска.

— На самом деле, Хмиз, — согласился Сохань, — сейчас и я вспомнил.

Он отступил, пропуская врача и экспертов. Защелкал фотоаппарат, врач опустился на колени над убитым.

— Одна пуля, и прямо в сердце... — произнес глухо. — Быстрая и хорошая смерть, если смерть вообще может быть хорошей.

— Когда? — спросил Сохань.

Врач понял вопрос и ответил:

— Сейчас сказать трудно, но, думаю, ночью или вчера вечером. Экспертиза покажет.

На дороге засигналила машина: на поляну выехала «скорая».

Сохань отошел в сторону: началась обычная для таких случаев процедура. Каждый знал, что нужно делать — проводник пустил собаку по следу, капитан Опичко обыскал убитого, подал Соханю автомобильные права, санитары положили труп на носилки, понесли к машине.

Сохань подошел к «Самаре» — пустая, ключ торчит в замке. В ящике для перчаток разная мелочь: рюмки, ножницы, плоская бутылка недопитого коньяка, флакон одеколона. Сохань для чего-то отвинтил пробку, понюхал — приятный запах. «Алекс», — прочитал Сохань, он такого одеколона никогда и не видел, даже не знал, что может продаваться в советских магазинах. Но ведь Хмиз был директором базы, и у него были другие возможности, а может, кто-нибудь привез из-за границы.

«Ну ладно, — решил Сохань, — детально осмотрим «Самару» потом». Огляделся вокруг. Опичко ползает по поляне, отыскивая следы, пес потянул проводника к шоссе, потом обратно... После вскрытия многое может проясниться.

Сохань поморщился. «Опять, Сергей Аверьянович, на твою голову, — подумал. — Собака вряд ли поможет, доведет до трассы, и все. Следов тоже, наверное, не осталось. Придется в грязном белье копаться. А его — куча. У директора друзей и недругов было много, здесь такие комбинации

могут возникнуть, что за голову схватишься. Но что делать, взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Сохань снова оглянулся. «Самара» стоит метрах в пятнадцати от дуба, под которым был убит Хмиз. Итак, Хмиз подъехал, вышел из машины, увидел человека, который окликнул его, возможно, знакомого, так как пошел к нему, не закрыв дверцы машины и оставив ключ в замке. Начался разговор, и потом этот неизвестный хладнокровно застрелил Хмиза. Правда, могло произойти и по-другому. Хмиз ждал под дубом знакомого, тот подкрался и коварно застрелил его.

Сохань прикинул: если убийца прятался, ожидая Хмиза, то лучше это сделать было в орешнике: им заросли крутые склоны оврага шагах в тридцати от лесной дороги, по которой приехал Хмиз. Итак, убийца вышел из кустов, перешел дорогу, подкрался к дубу, под которым ждал Хмиз, и прикончил его. Одним выстрелом, прямо в сердце.

Сохань закурил, глубоко затянулся, чтобы успокоиться. Охотничий азарт начал овладевать им, он перешел проселочную дорогу и углубился в орешник. И почти сразу нашел то, что искал: примятая трава между кустов — наверняка здесь сидел человек, ожидая жертву.

Сохань на коленях метр за метром стал осматривать траву вокруг, но ничего не обнаружил. Решил, что напрасно потратил время, но неожиданно заметил белое пятнышко в густо переплетенных ореховых стволах — потянулся и достал окурок. С удовлетворением хмыкнул: кто-то курил редкие сигареты, каких в их табачных киосках не купить, — «Кент».

Сергей Аверьянович плюнул через левое плечо, чтобы не сглазить, — окурочек может вывести на след или стать доказательством: не так много людей в Городе позволяют себе курить такие импортные сигареты.

Однако странно: опытный рецидивист никогда так не наследил бы. Возможно, это ложная улика?

Сохань выглянул из кустов. Представил: он сам ждет Хмиза. Вот тот подъехал на своей белой «Самаре», поставил машину у дороги, подошел к дубу, прислонился к стволу, ожидает... Я же, то есть убийца, осторожно пробираюсь к проселку, перепрыгиваю вот этот небольшой ручеек и... Сохань вдруг замер, опустился на колени: песчаную дорогу пересекали хорошо сохранившиеся следы от мужской обуви, приблизительно сорок первого — сорок второго размера.

Сохань приподнялся на цыпочки, увидел на противоположной стороне поляны Опичко, позвал его:

— Петр Анисимович, идите сюда, кажется, я что-то нашел!

Капитан заторопился. Увидев следы, пренебрежительно хмыкнул:

— Мало кого носит по лесу...

— Э-э нет, не говорите... — Сохань показал окурочек в полиэтиленовом пакете. — Нашел вот... — кивнул на ореховые кусты. — Трава там вытоптана, может, кто-нибудь ждал Хмиза и не хотел, чтобы его издали увидели. Пожалуй, гастролер из Города: вряд ли кто-либо из местных крестьян курит «Кент». Только непонятно, как это он столько улик оставил...

— Это верно, — согласился Опичко, присев над следами и разглядывая их. — Туфли узконосые, похоже, импортные?

— Гипс... — приказал Сохань. — Зафиксируйте следы.

Он присел на краю дороги, наблюдая, как Опичко заливает гипс в следы. Что-то беспокоило его, но не мог определить, что именно. Наконец дотадался, перешел дорогу рядом с Опичко, посмотрел на свои следы и крикнул возбужденно:

— Смотрите, капитан!.. Как мы все ходим... Видите: мои следы — носками в стороны, а эти — параллельны. Обратите внимание? А сейчас пройдите вы!

Опичко сделал несколько шагов и заметил:

— А действительно — и у меня в разные стороны. Так все нормальные люди ходят, а тут... — он снова присел над следами, обнаруженными Соханем. — Хромоногий, что ли?

— Похоже, — Сохань наклонился над следами, чуть ли не обнюхивая их. — Смотрите, правый каблук вдавлен глубже, чем левый. Три отпечатка — и все одинаковые... Что это означает, капитан?

— Черт его знает, я не эксперт-криминалист...

— А мы сейчас его спросим... — потер руки Сохань. — Алексей Игнатович, подойдите-ка сюда! Смотрите, что мы здесь нашли. Как вам нравится?

Эксперт опустился на колени, не боясь запачкать брюки. Отобрав у Опичко миску с гипсом, проворчал что-то не очень вежливое в его адрес, сам занялся следами.

— Почему сразу не позвали меня? — спросил недовольно.

— Потому что ты там что-то искал, — показал головой на поляну Опичко.

Эксперт сердито посмотрел на капитана и снова пробормотал под нос что-то ругательное.

— Скажите, — спросил его Сохань, — не свидетельствуют ли эти следы, что их оставил человек, хромающий на правую ногу?

— Свидетельствуют, да еще как!

— А почему он так ходит? Видите, Алексей Игнатович, следы параллельны, а нормальные люди ставят ноги носками наружу.

— Уловили?... — эксперт с почтением взглянул на следователя. — А ходит он так, поскольку привык. Короче, такая походка только у цирковых эквилибристов, канатоходцев или строителей-монтажников, которые передвигаются маленькими шажками. С годами вырабатывается такой шаг...

— Выходит, проселок перешел строитель-монтажник или канатоходец?

— Думаю, что именно так.

Сохань быстро и с явным удовольствием потер руки.

— Это значительно снижает круг поисков.

— Сомневаюсь, в Городе несколько тысяч строителей, — махнул рукой Опичко. — Попробуй всех перебрать.

— И все же! Если добавить, что этот человек, наверняка состоятельный, потому что курит «Кент»...

— Найти — раз плюнуть?

— Я этого не говорил. Просто сейчас у нас есть ориентиры. Хотя какие-то... Как говорил Добролюбов, луч света в темном царстве... И придется нам, капитан, ухватиться за эту ниточку.

— При чем тут я? Убийство расследует прокуратура...

— А она имеет право привлечь к ведению дела любого. Вы же, Опичко, сыщик со стажем, вам и карты в руки.

— А-а... — махнул рукой капитан. — Сыщик, говорите? Не сыщик я, а пес, милицкий пес, на которого то и дело надевают намордник.

— Шутите.

— Будто не знаете вы наших порядков...

— Бросьте, — сказал Сохань серьезно, — и не говорите мне об этом. Вот увидите, если это следы убийцы, скрыться от нас ему не удастся.

— Блажен, кто верует...

— Странно, что вы не верите в себя?

— Я верю только в наше родное областное и городское руководство: партийное и советское.

— А я почему-то еще и в себя.

— Значит, вам легче жить.

— А как же жить без веры в себя? — удивленно пожал плечами Сохань. — Не представляю.

— Прокурор у вас кто? — прищурился Опичко. — Прокурор у нас с вами один — Сидор Леонтьевич Гусак. И он развязывает вам руки, то есть дает полную свободу действий.

— В рамках закона.

— А у меня десять нянек, и каждая в свою сторону тянет. Начальник розыска с заместителями, начальник отдела, не говоря уже о полковнике Псурцеве. Голова кругом идет. Проклинаю тот день, когда пошел в милицию.

— А я всегда считал работу в уголовном розыске интересной. И, если хотите, интеллектуальной.

— Слова... Грязная и неблагодарная. — Опичко махнул рукой и стал помогать эксперту. Вдвоем они быстро завершили работу, и капитан спросил: — Кажется, все?

Сохань неопределенно поморщился. Еще раз медленно обошел поляну, постоял под дубом. Увидев проводника с собакой, спросил:

— Ничего?

— В наш век сплошной механизации... Добежали до трассы, а там, похоже, стояла машина...

— Знакомая картина, — согласился Сохань. — Наверное, все, больше нам здесь делать нечего.

И направился к «рафику».

* * *

Белоштан пришел в прокуратуру не сказать что взволнованный, но с беспокойным сердцем. Потому что вот так, повесткой, его еще никогда не вызывали. Звонили, извинялись, приглашали или просто ставили в известность: такое или иное совещание состоится тогда-то, и он сам решал, идти или нет. Одного можно просто проигнорировать, другого послать ко всем чертям, а перед третьим расшаркаться и поклониться: сложная наука — жизнь...

Коридор на третьем этаже — темный, узкий, и номера на дверях еле видны. Пятьдесят седьмая комната оказалась предпоследней справа.

Георгий Васильевич постоял перед дверью, хотел постучать, но взял себя в руки и распахнул дверь без стука. Стал на пороге: кабинет узкий и темный — письменный стол у грязного окна, выходящего во двор на облупленную и обшарпанную стену соседнего здания, несколько стульев вдоль стены и сейф в углу. А за столом — черноволосый мужчина, оторвавшийся от бумаг и внимательно вглядывающийся в него.

Убогость и замызганность комнаты пробудили у Белоштана обычную уверенность, он вытащил из кармана мятую повестку, помахал ею в воздухе, спросил:

— Вызывали? Здесь написано — «пятьдесят седьмая»...

Человек, не поднимаясь, протянул руку, и Георгий Васильевич вынужден был преодолеть расстояние от дверей к столу с повесткой в руке. Однако сразу взял реванш: не подал повестку, а бросил ее на стол — небрежно и даже с омерзением.

Но Сидоренко не обратил внимания на демонстрацию Белоштана. Не встал, не подал руки, произнес сухо и официально:

— Я следователь республиканской прокуратуры Иван Гаврилович Сидоренко. Прошу садиться...

— Конечно, сяду, если уж предложили... — Белоштан все еще надеялся перевести разговор на интим, даже оперся локтями на стол и уставился в следователя, как в старого знакомого. — Даже из республиканской? — Сделал вид, что копается в памяти, и спросил, будто речь шла о лучшем друге: — Как там Михаил Федотович?

С Михаилом Федотовичем Шкуратовым, начальником управления республиканской прокуратуры, его когда-то познакомили в какой-то компании. Белоштан уже не помнил, где именно, кажется, на вечеринке или во время ресторанного застолья, но, собираясь к Сидоренко, выудил из памяти эту фамилию, не поленился позвонить в Киев и уточнить имя и отчество Шкуратова — все может пригодиться, знал это отлично, особенно намек на близкие отношения с непосредственным начальством Сидоренко.

— Михаил Федотович жив и здоров... — Сидоренко понял намек и внутренне улыбнулся. — Сейчас он работает юрисконсультom, кажется, в министерстве коммунального хозяйства...

«Осел, — обругал сам себя Белоштан, — Грицко осел, — недобрым словом помянул киевского приятеля, у которого спрашивал о Шкуратове, — не зная, что того уже поперли из прокуратуры!»

— Прощтрафился? — выразил удивление.

— Ну что вы! Просто перестройка коснулась и нас...

Теперь и Белоштан понял намек.

— Все под одним богом ходим, — примирительно произнес. — Судьба что весы: то вознесет, то опустит... Итак, чем могу быть полезен?

— Поговорим пока что, Георгий Васильевич, неофициально. Без формальностей. Если не возражаете?

— Зачем же возражать? — Белоштан внимательно рассматривал столетнего следователя. Не зря сказал Сашко: керамика. Ни одного раза не улыбнулся, лицо каменное, смотрит не мигая. — Если приехали из Киева в наш медвежий, то не для душевспасительных разговоров. Я так понимаю.

— Правильно думаете, Георгий Васильевич. Привели в ваш угол...

Хотя тут не могу с вами согласиться: город произвел на меня приятное впечатление — очень мило, река, вокруг леса... Так вот, привели нас сюда дела. Перестройка и гласность: люди проснулись, пишут, жалуются, а кому же отвечать на жалобы? Нам, грешным. Вот и хочется кое-что уточнить именно у вас. Поскольку занимаете должность в масштабах города солидную, в курсе всех дел — знаю, с вами здесь считаются, начальство уважает...

«И ты бы зауважал, если не был бы дураком, — не без раздражения подумал Белоштан, — достопримечательности города, и природа, как изволил выразиться, заиграли бы для тебя иными красками. Вывез бы я тебя в дубовый гай с девочками, устроили бы детский гомон на полянке — растопилось бы твое керамическое сердце, так как мои девочки и не такие растапливали. Лариса и Вероника, имена только какие! Не говоря уж обо всем другом... Лариса в бикини — богиня, умереть можно, развращенная, правда, но для одноразового пользования незаменима».

Наверное, Сидоренко что-то прочитал в глазах Георгия Васильевича, поскольку спросил:

— Считаете, говорю не то?

— Почему же, — овладел собой Белоштан, — в конце концов, так оно и есть. В Городе меня знают, как-никак, я член горкома партии, здесь недодашь и не отнимешь...

— Рассчитываю на вашу откровенность, Георгий Васильевич.

«Рассчитывай, — чуть не вырвалось у Белоштана, — я сам с собой бываю откровенным раз в год. А фигу с маслом не хочешь?»

— Конечно, — ответил он, и глаза его засветились искренностью. — Можете на меня рассчитывать.

Сидоренко переложил какие-то бумаги на столе, заглянул в них и спросил:

— Георгий Васильевич, что у вас на Индустриальной улице?

«Прямо в яблочко!» — подумал Белоштан и почувствовал, как екнуло у него сердце. Но ни один мускул не дрогнул на лице.

— Цех детского трикотажа, — объяснил.

— И что он выпускает?

— Я же сказал: детский трикотаж.

— А можно конкретнее?

— Детские костюмчики — для младшего и среднего возраста. Пуловеры, джемперы, разные кофточки, шляпки... Разве все запомнишь.

— Где реализуется продукция цеха?

— Это зависит не от нас. Есть плановые органы...

— Поставим вопрос по-иному: какая часть продукции реализуется в области и непосредственно в Городе?

Белоштан пожал плечами. Понимал: пока идет пристрелка, все это — ради одного или двух вопросов, которые Сидоренко поставит позже.

— Я в эти тонкости не вхожу, — объяснил. — Этим занимается мой заместитель. Сейчас, правда, придется самому во все дырки заглядывать.

Продукцию выдает первосортную, модную, сравнительно дешевую — в магазинах она не залеживается.

— Вчера я обошел несколько магазинов: действительно, нет ни детских

костюмчиков, ни джемперов, ни даже шляпок... Неужели так быстро распродаются?

— Дефицит,— вздохнул Белоштан.— Мы любим своих детей и стараемся красиво их одевать...

— И все же, где и когда можно увидеть продукцию, которую выпускает цех на Индустриальной?

— Хоть сейчас...— Белоштан даже сделал попытку встать, но, увидев, что следовательно никак не отреагировал на его готовность, опять опустился на стул...— Сколько угодно! Не только посмотреть, но и потрогать.

— В каком же магазине?

— Ну, Иван Гаврилович, я удивлен. Я же сказал: дефицит! В выставочном зале нашей фабрики...

— А посмотреть цех можно? Ознакомиться с его работой? Когда?

«Правильно копаешь,— согласился в душе Белоштан,— но если бы ты приехал и неделю назад, когда цех еще не прикрыли, все равно ничего не раскопал бы. Две или три работницы на самом деле гнали детскую продукцию, которая все равно шла потом налево и по повышенным ценам, хотя документы в ажуре, продукция есть, попробуй прицепиться! А то, что остальные работницы производят дамские костюмы, роскошные мужские свитера, кофточки из мохера, то, извините, и эта продукция также заплачиривана... Конечно, официально для цеха она второстепенная, но случилось так, что немного забыли о ней, вот и приходится наверстывать...»

Георгий Васильевич внимательно посмотрел на Сидоренко. Как сказал Сашко: керамический? Но берут почти все, за редким исключением, и нужно только знать, сколько дать. Не продешевить, прицениться... А если Сидоренко предложить, скажем, тысяч тридцать. Однако одернул сам себя: не сейчас, не горячись, Жора, дать всегда успеешь, так как суeta нужна только при ловле блох...

Белоштан вздохнул:

— К сожалению, посмотреть цех нельзя: он прекратил свое существование...

— Как прекратил? — не понял следовательно.

— Приняли решение о закрытии цеха. Посоветовались с местными органами и ликвидировали его.

— Извините, но вы сами только что сказали, что цех выпускал крайне необходимую для населения продукцию?

— А кто сказал, что мы остановили выпуск этой продукции? — Георгий Васильевич не смог скрыть торжества (на тебе фигу под нос, ищейка проклятая). — Наоборот, цех закрыли, поскольку решили увеличить выпуск трикотажа для детей.

— Не понимаю.

— На базе цеха по требованию трудящихся открывается кооператив, — сообщил Белоштан. — Кооператив, который будет выпускать все для детей. «Красная Шапочка», разве плохо?

«Запоздал,— промелькнула у Сидоренко мысль,— немного запоздал... Да не все потеряно. Не так просто закрываются у нас предприятия. Профильтровать всю документацию, опечатать склады, проверить наличие пряжи, готовой продукции. В конце концов, в ОБХСС знают это не хуже меня».

— «Красная Шапочка»? — переспросил. — Красиво звучит. Даже немного вызывающе. Прошу вас, Георгий Васильевич, задержитесь на несколько минут. Тут есть представители республиканского управления ОБХСС, им поручено произвести ревизию на фабрике — поедете вместе.

— Не смею отказываться, — лучезарно улыбнулся Белоштан. — Мы привыкли к ревизиям. Честно говоря, жизни от них нет. Сколько контролеров в стране развелось — с ума сойти можно!

«И все хотят жить, — добавил про себя. — Хорошо есть, обставлять мебелью квартиры, одевать жен и детей, забавляться с ларисками и верониками. И живут, сучьи дети, едят и забавляются — за наш-то счет...»

Геorgию Васильевичу внезапно сделалось противно, но только на какое-то мгновение: в конце концов, надо любить все человечество, даже контролеров...

* * *

Псурцев чистил спичкой ногти и слушал Опичко, косо поглядывая на капитана. Когда тот доложил, как они с Соханем обнаружили следы через проселочную дорогу, бросил спичку в корзинку и насторожился. А вывод Опичко о том, что эти следы могут принадлежать цирковому эквилибристу или строителю-монтажнику, заставил полковника даже немного забеспокоиться.

«Свинья! — разозлился он. — Этот Филя-прыщ типичная свинья — оставить такую улику. Однако не так страшен черт, как его малюют», — успокоил себя.

— Следы... — пробормотал безразлично. — Сыщики, следы нашли... Я ту поляну знаю — царское место! — Вспомнил, как в приятной компании пил коньяк, развалившись на разостланном под дубом брезенте. Белоштан доставал из машины все новые и новые бутылки, а наливала черненькая с многообещающими глазами, он несколько раз похлопал ее по бедру, и, наливая ему в очередной раз, та прижалась к нему. Чертова девка, жаль, что жена у него психованная и контролирует каждый его шаг... — Так, — продолжал дальше задумчиво, — я на той поляне бывал и знаю, сколько там людей шастает! Туда-сюда, туда-сюда... Где же гарантия, что эти следы оставил преступник?

— Может быть, убийца ждал Хмиза в орешнике, — высказал мнение Опичко. — Там Сохань примятую траву обнаружил, а от того места до следов несколько шагов.

— Эту версию надо прорабатывать, но могут быть и другие, — заявил Псурцев. — Ты моей интуиции поверь, Опичко, и опыту. Следы следями, а искать надо и в другом месте. Друзей и недругов у Хмиза было много. Всех их следует просеять. Через мелкое сито. Не поделили что-нибудь торгаши, запутались в своих махинациях, вот и закономерный конец. Мой тебе приказ такой, Опичко: завтра поедешь на базу людей пораспрашивать, может, кто угрожал Хмизу.

Капитан немного помялся и осмелился возразить: — Но ведь, товарищ полковник, из пистолета стреляли. Вряд ли у торгашей есть оружие. Бандитом тут пахнет.

— Сейчас у торгашей можно найти все, потому что деньги у них есть, а за деньги роту солдат вооружить можно. Разве не так?

— Так, — опустил глаза Опичко, — деньги — всему голова.

— Вот именно! — поднял указательный палец Псурцев. — Из-за денег все это и произошло. Скорее всего не поделили прибыль...

— Вот и мне так кажется.

— Конечно, не поделили. Вот тебе, Опичко, и еще один ориентир для поиска...

— Та-ак... — сказал Сохань, узнав, что утром дежурному по городскому управлению милиции звонила какая-то девушка. Назвалась Светланой. Она заявила, что Степан Святославович Хмиз исчез вчера вечером — выехал по делам на час и не вернулся. — Так-так, — повторил. — Что же это за девушка?

— Сказала, что нареченная Хмиза, — объяснил дежурный. — Звонила из его квартиры.

Сохань заглянул к прокурору, взял ордер на обыск, и через несколько минут машина с опергруппой стояла у девятиэтажного дома, на втором этаже которого жил Хмиз.

Дворничиха быстро собрала понятых, и Сохань позвонил в обитые белым дерматином двери. Открыла красивая девушка, Сохань даже удивился, что есть такие на свете — ее красоту даже не портили распухшие и покрасневшие от слез глаза. Тревога читалась на ее личике.

— Что? — спросила девушка и отступила в прихожую. Увидев людей в милицейской форме, догадалась, что произошло что-то страшное, сжала виски ладонями и побледнела.

«Правильно говорят, — подумал Сохань, — стала белая как мел».

Девушка пошатнулась, Сохань поддержал ее за локоть, и вовремя, ибо чуть не потеряла сознание, прислонилась к нему.

— Что со Степаном? — спросила девушка.

— Воды, — попросил Сохань дворничиху.

Та метнулась в кухню, принесла стакан, Сохань заставил девушку сделать глоток-другой... Глаза ее ожили, и пунцовые пятна выступили на щеках.

Сохань провел девушку в комнату, посадил на диван. Сам примостился на пуфик напротив.

— Что со Степаном? — повторила вопрос девушка. Глаза ее округлились, сделались темными — она сжала губы и тревожно уставилась на Соханя.

— Случилось несчастье... — осторожно начал следователь. — Вы только не волнуйтесь...

— Неужели Степан погиб? Не может быть! — вырвалось у девушки.

— Не нужно... не нужно... не нужно, прошу вас, успокойтесь... Не нужно...

— Погиб?.. Степа?.. — Светлана, очевидно, все еще не могла поверить в это. — Но как? Каким образом?

Сохань дал ей еще раз глотнуть воды. Увидев, что девушка пришла в себя, сказал:

— Ну вот, стало лучше. Я понимаю ваше состояние, но что поделаешь: так уж случилось... Представьте, пожалуйста, кто вы?

— Мы со Степаном... — Девушка отняла руки от лица, вытерла щеки

тыльной стороной. — В субботу мы должны были расписаться... — Видно, наконец до нее дошло, что она уже никогда не увидит Степана. Это снова повергло ее в отчаяние — протянула руки, словно отталкиваясь от Соханя, пробормотала: — Не может быть...

— В котором часу Хмиз уехал вчера? — спросил Сохань. Думал, что своими вопросами хоть немного сможет отвлечь девушку от страшных мыслей.

— Вечером.

— А точнее?

— Еще было видно. Даже солнце не село. Часов в восемь.

— Куда он поехал?

— Не знаю.

— Чем был вызван отъезд?

— Степа совсем не собирался ехать. О боже, почему я не задержала его? Он что, разбился на машине?

— К сожалению, Светлана...

— Герасимовна.

— К сожалению, Светлана Герасимовна, произошло наихудшее: Степан Хмиз убит.

— Как убит? Кто?

— Я не могу ответить вам, Светлана Герасимовна, поскольку не знаю.

— Вы уверены, что его именно убили?

Сохань кивнул головой.

— Мы ищем убийцу, — объяснил после паузы. — И рассчитываем на вашу помощь.

— Но ведь я впервые в Городе и никого, буквально никого не знаю здесь...

— Я прошу вас, Светлана Герасимовна, собраться с мыслями. Итак, Хмиз покинул вас вчера приблизительно около восьми часов вечера?

— Да, он поехал в спортивный магазин и приобрел мне тренировочный костюм. Это было перед самым закрытием магазина. Степан еще волновался, успеет ли. Мы хотели побегать по парку.

— Что же так резко изменило намерения?

— Кто-то позвонил Степану. Он был недоволен и не хотел ехать, отказывался, но, наверное, ему доказали, что надо. Степан объяснил мне: на часок, ну немного больше, какое-то срочное деловое свидание, он быстро вернется. Прошло два часа, ночь миновала, я уже не знала, что думать, на рассвете сообщила в милицию...

— Кто именно звонил Хмизу?

— Не знаю.

— Разве Степан не сказал вам?

— Нет, только о деловом свидании. Погодите, Степан назвал его, разговаривая. Но как? Я еще в мыслях обругала того, кто звонил, да, Георгия Васильевича. Точно, звонил какой-то Георгий Васильевич. Степан ответил: «Не могу я, Георгий Васильевич». Еще какие-то слова сказал, уже не припомню.

— Это весьма важно, — сказал Сохань. — А фамилии Георгия Васильевича Хмиз не называл?

— Нет.

«Георгий Васильевич... — подумал Сохань. — Хромает на правую ногу, походка странная... Это уже след. И в первый час работы... Кажется, вам везет, товарищ следователь. Однако кто же это такой Георгий Васильевич?»

— Разговор с Георгием Васильевичем встревожил Хмиза? — спросил Сохань.

— Не думаю. Просто расстроил, поскольку менялись наши планы.

— А не сложилось у вас впечатления, что звонил близкий Хмизу человек?

— Да, он не удивился и воспринял вызов на встречу как обыденное дело. Надел только джемпер, потому что сгущались тучи и день был холодный. Сразу поехал... Чтобы скорее вернуться. А потом...

Сохань обвел глазами комнату. Хорошо обставленная, толстый, китайский ковер во весь пол, японский телевизор с магнитофоном, на тумбочке возле дивана магнитола «Шарп» — одно это стоит сумасшедших денег. А сервант, заставленный хрусталем и севрским фарфором. Неплохо устроился директор базы на свои «скромные» доходы. Наверное, из так называемых «деловых», которые не считают денег.

Неожиданно Сохань разозлился. Вот они, гримасы нашего общества. Один человек занимает двухкомнатную квартиру, катается как сыр в масле, официально получая двести — двести пятьдесят рублей. А сколько стоит японский телевизор? И «Самара», на которой разъезжал этот пройдоха? Значит, деньги... Именно деньги и погубили Хмиза. И наверно, здесь запутан такой клубок, что распутывать его и распутывать...

Но первое дело — найти убийцу. Может, грабитель? Поскольку портмоне у Хмиза не обнаружили. Но как тогда вписывается в эту ситуацию телефонный звонок? Хмиза вызвали, назначили место встречи и там застрелили. Какой-то Георгий Васильевич...

Сохань положил на журнальный столик ордер на обыск в квартире Хмиза.

— Прошу ознакомиться, — сказал сухо. — В связи с убийством Степана Хмиза необходимо обыскать его квартиру.

Светлана сникла.

— Разве я возражаю? Делайте все, что нужно. Фактически я здесь чужая.

* * *

Сохань откинулся на твердую и неудобную спинку обыкновенного канцелярского стула и вертел в пальцах карандаш. Ожидал Опичко. Капитан должен был появиться с минуты на минуту — позвонил с базы, где опрашивал сослуживцев Хмиза, сообщив, что выезжает. Карандаш был заточен плохо, и Сохань вынул из ящика стола лезвие. Заточив грифель так, что кололся, как игла, подвинул к себе лист бумаги и написал две буквы «СС» и обвел их аккуратным кругом. «СС» означало Степан Святославович. От круга провел две параллельные прямые. В конце первой написал «Георгий Васильевич», а возле второй поставил знак вопроса. Соединил линии пунктирной дугой: ведь неизвестный, который курил «Кент» и,

возможно, оставил следы на лесной дороге, и Георгий Васильевич и есть одно и то же лицо.

Положил карандаш и вздохнул. Сейчас вся надежда на Опичко: если Хмиз без колебаний поехал на встречу с Георгием Васильевичем, это имя обязательно должно всплыть.

Обыск квартиры Хмиза по существу ничего не дал. Особых ценностей не нашли: в ящике тумбочки лежали только две сберегательные книжки и полторы тысячи рублей крупными купюрами. Хмизова невеста, немного придя в себя, сказала, что хочет вернуться во Львов. Удалось уговорить ее задержаться на пару дней — могла еще понадобиться следствию. Светлана переехала в гостиницу. Сохань сам отвез ее — девушка почему-то вызывала симпатию, не потому что была красивой и тяжело переживала смерть Хмиза, а была в ней какая-то женская незащищенность.

Сохань снова взялся затачивать карандаш, но в дверь заглянули, и Сергей Аверьянович узнал «важняка», который вчера прибыл в Город. Виделись у прокурора, Гусак познакомил их, сказав, что весь их аппарат, а также и он, следователь Сергей Аверьянович Сохань, поступает в распоряжение киевской бригады. Соханю не понравилась прокурорская угодливость — у столичных залетных пташек свои дела, прислали их, наверное, не зря, вот пусть и распутывают узелки, зачем же привлекать местные кадры? Будто у него, Соханя, нет важных дел? Выше головы, а сегодня еще убийство Хмиза...

Сохань хмуро глянул на «важняка», но все же заставил себя улыбнуться ему. Сидоренко сел напротив, совсем по-домашнему оперся локтями на стол, отодвинув какую-то бумагу, сказал:

— У вас на лице написано, как вы относитесь к людям, которые отвлекают вас от работы. Согласен, сам такой, не люблю тех, кто мешает думать. А к таким относится и сам прокурор республики, и его заместители, и другое большое и малое начальство. И не только начальство. Все человечество...

— Ну что вы... — Сохань немного потеплел. — Однако не представляю, чем могла заинтересовать вас моя скромная личность?

— Убийство Хмиза вы ведете?

— Я.

— Этот тип меня очень интересует.

— Странно. По-моему, делец средней руки.

— Все может быть, Сергей Аверьянович... Может, средней, а может, масштаб и побольше...

— Не сомневаюсь, что прав. На квартире тысяч на десять — пятнадцать импортной аппаратуры, денег, правда, не так уж много, полторы тысячи наличными да две сберегательные книжки. На одной десять тысяч, на другой восемнадцать. Для зарплаты директора базы, конечно, много.

— Не все, Сергей Аверьянович, видит бог, не все.

— Бог точно все видит, — согласился Сохань. — Так как бы у него узнать, где именно спрятал Хмиз то, что успел нахапать?

— Попробуем докопаться.

— Как в таких случаях говорят? Вашими бы устами да мед пить.

— А не создается у вас впечатление, Сергей Аверьянович, что Хмиза поспешили убрать? Свои же?

«Ну,— подумал Сохань не очень одобрительно,— ты только появился в Городе, а уже чувствуешь. Где же нам, серым, неопытным, хилым? И без тебя знаю, что к чему. Не было бы у Хмиза денег, не занимался бы аферами — кому он был бы нужен? Кто на него руку поднял бы? Кому захочется рисковать? За убийство по головке не погладят, за убийство можно и «вышку» получить, выходит, пошли ва-банк. Похоже, Хмиз кому-то на дороге встал, помешал или, наоборот, язык развязал...»

Сохань вспомнил невесту Хмиза, и смутная догадка шевельнулась в нем. А что, если она влюбилась в него? Эта Светлана Кривель не похожа на хищницу. Горе ее было вполне искренним. Искусствовед из Львова, красивая и вроде бы умная. Чем ее мог привлечь Хмиз? Во-первых, богатый делец, который все может. Директор базы — выгодный жених. Денег — куры не клюют. На таких, как Хмиз, красотки вешаются. Девчонка без предрассудков. Поскольку умна, могла бы предвидеть, чем все это могло кончиться. Хотя каждая думает, что ее обойдет чаша сия, что посадят другого, а ее избранник обладает особым даром и сможет вывернуться из любого положения. Ведь могла Светлана размышлять подобным образом? Конечно. А если все же допустить, что она влюбилась в него? Мужчина он видный, молодой, энергичный. В таких девушки и молодые женщины еще как влюбляются! И Светлана, поняв, чем занимается Хмиз, поставила ультиматум: или я, или оставайся при своих интересах... Мог Хмиз ради такой девушки порвать со своим окружением? Наверное, мог, и тут перед вами, товарищ следователь, открывается еще одна версия...

Сохань поднял глаза на гостя, словно впервые увидел его. Сидоренко внимательно смотрел на него, будто читал мысли. Читай-читай, ну и что вычитал?

На этот раз Сохань поймал себя на том, что неприязненно относится к «важняку». А собственно, почему? Только потому, что из столицы, что прибыл расследовать дело, которое его брату провинциалу и доверить нельзя? А может, они и правда погрязли в море бумаг и дальше своего носа ничего не видят?

Сохань допускал и такое, но все-таки внутреннее сопротивление не покидало его. Хотя «важняк» смотрит на него доброжелательно и даже приветливо.

«Ладно,— решил Сохань,— на самом деле, что нам делить?» Подумав так, сразу оттаял и увидел, что киевский коллега даже симпатичный. Лицо, правда, резкое, твердое, а глаза если не добрые, то и не злые — как у нормального человека, который успел насмотреться всякого. Сказал:

— То, что Хмиза убрали из-за денег, не вызывает сомнения. Думаете, свои? Не исключено. Но давайте так: сейчас сюда прибежит Опичко. Капитан милиции из уголовного розыска. Мы с ним в одной упряжке. И бежит он из базы, где Хмиз был директором. Наверное, несет интересную информацию.

— Бежит,— улыбнулся Сидоренко,— это точно. У нас все бегают: следователи, инспектора уголовного розыска, ОБХСС... Машин мало, бензина нет.

— А прокурор Гусак тоже бегает?

— Ему по чину не положено. У него персональная «Волга».

— Бензин за кордон отправляем, а у самих не хватает... Вот так хо-

действуем. Был я три года назад во Франции, впервые в капитализм въезжал, и увидел: у них на дорогах грузовиков втрое или впятеро меньше, чем у нас. Там хозяин раньше подсчитает, стоит ли из Парижа в Руан гнать машину с какими-то двумя паршивыми бочками. Сколько горючего сожрет грузовик и сколько он стоит... А у нас прораб или начальник участка за бензин из собственного кармана не платит, им лишь бы забросить по назначению мешок цемента, а если, впрочем, этот мешок в десять раз больше ему обойдется — плевать...

— Хозрасчет введем — считать начнем.

— Единственная надежда, — согласился Сидоренко. — А все от нашей жадности. Почему бы тому же прорабу «Москвича» или даже «Запорожца» не дать? Переделать «Запорожца» на пикап, и пускай себе возит малогабаритные грузы. Сколько в целом по стране бензина сэкономим.

— Представляю.

— А я ведь не экономист, простой следователь.

— Не очень-то простой.

— Бросьте, Сергей Аверьянович. Все мы из одного теста вылеплены. Считайте, мне повезло: судьба решила так, что живу в Киеве, а там другие возможности...

Наконец Сидоренко сказал то, о чем думал Сохань, и это примирило его с гостем из столицы.

— Я бы хотел жить в Киеве, — сказал Сохань. — Но не в Москве, хотя там возможностей для продвижения больше, а вот Киев — мечта! Моя несбыточная мечта, ибо нет во всем мире лучшего города...

— А если я при удобном случае перескажу ваш монолог «самому»? Может, это произведет на него впечатление.

— Не смешите, таких, как я, тысячи, а у начальства свои симпатии. Если ему понадобится кого-либо вытащить из провинции, будет руководствоваться другими критериями.

— Пожалуй, вы правы.

— Вот и гнетет меня, что всегда должен держать себя в рамках, — сказал Сохань. — Все могут ошибаться, только не следователь.

— Да, конечно, никто не застрахован от ошибок: так уж устроен человек. Я думал над тем, как все же свести их к минимуму. И теперь знаю, профессиональный опыт подсказывает... Знаю, без чего нельзя в нашем деле.

— Просветите провинциала.

— Порядочность. Это слово, ей-богу, думается, выпало из нашего лексикона. Требуем от человека принципиальности, интеллигентности, доброты, а о порядочности забываем. Разве мог бы у нас случиться тридцать седьмой, если бы в НКВД работали порядочные люди?

— Тридцать седьмой для меня загадка, — сказал Сохань. — Хотя... — выразительно развел руки, — мы шли к тридцать седьмому. Террор восемнадцатого был первой ласточкой. Тогда мы впервые преступили закон.

— Стоял вопрос: быть или быть.

— Возможно, мне будет трудно спорить с вами... Тем более что спор у нас не получится, так как... — Сохань показал на дверь, где стоял полный, розовощекий, улыбающийся человек с капитанскими погонами, — так как явился наш городской Пинкертон — капитан Опичко, и, надеюсь, с целой кучей свежих и любопытных новостей.

Опичко расстегнул ворот сорочки и вытер носовым платком полное лицо.

— Вы даже не представляете, сколько интересного! — воскликнул патетично, но сразу запнулся и выразительно показал Соханю глазами на Сидоренко.

— Заходите, Петр Анисимович, — успокоил его Сохань, — садитесь на неудобном служебном стуле и выкладывайте все до конца. Ибо здесь нет чужих. Знакомьтесь, Петр Анисимович, следовательно по особо важным делам республиканской прокуратуры Иван Гаврилович Сидоренко. И он очень интересуется делом Хмиза.

Улыбаясь, Опичко с уважением пожал руку Сидоренко и сказал:

— Наслышан о вас. Вся милиция гудит: киевское начальство с нас, несчастных, приехало снимать стружку.

— Не имеет таких намерений. А стоит?

— Иногда стоит, но всегда больно... — Опичко опустился на стул и заявил самоуверенно: — Слушайте, товарищи начальники, дела действительно интересные. Во-первых, отвечаю вам, Сергей Аверьянович. Просили разузнать, кто такой Георгий Васильевич? Докладываю: директор нашей трикотажной фабрики Белоштан.

— Неужели? — не удержался Сохань.

— Спросили бы у меня, — усмехнулся Сидоренко, — я только вчера имел с ним поучительную и полезную беседу.

— Каким он показался вам?

— Подозрительным типом. Собственно говоря, ради него мы и приехали сюда. Слыхали про акционерное общество «Жора и К°»?

— Впервые от вас.

— Из Города получили письмо. В Центральный Комитет. От работников трикотажной фабрики о безобразиях и злоупотреблениях на предприятии. В письме говорится, что в Городе орудует подпольная шайка преступников, которую называют «Жора и К°».

— Белоштан! — покачал головой Сохань. — Никогда бы не подумал. Член горкома партии, один из самых авторитетных руководителей.

— Может быть, злостная клевета... — уклончиво произнес Сидоренко. — Я допускаю и такой вариант. Но вряд ли. Цех на Индустриальной улице по всем данным левый.

— Белоштан — подпольный бизнесмен?

— А что вы хотите? Нынешние подпольные бизнесмены тем и сильны, что рядятся в тогу самых передовых граждан. Однако у капитана, насколько я понимаю, есть еще новости...

— И не менее интересные. Живет в Городе темная лошадка по прозвищу Филя-прыщ. Хусаинов Филипп Фарилович. Бывший цирковой эквилибрист, канатоходец. Инвалид, когда-то сорвался с каната, повредил правую ногу. Как это вам нравится, Сергей Аверьянович?

— Попадание в самое яблочко.

— Объясните, — попросил Сидоренко.

Сохань рассказал о следах, обнаруженных на лесной дороге.

— По-моему, Хусаинова следует задержать, — не задумываясь решил Сидоренко.

— Немедленно! — воскликнул Опичко. — Хотя мое начальство не в вос-

Псурцев твердит: эти следы на проселке могли оставить вчера и позавчера.

— Умный у тебя полковник, — сказал Сохань так, что трудно было понять — говорит он искренне или иронизирует. — И опыта ему не занимать, знает, что к чему. Да и мы знаем, так как не лыком шиты. Принимаем решение, капитан: Филю-прыща задерживаем по подозрению в убийстве на три недели — это мы имеем право сделать, а за это время соберем доказательства против него либо извинимся и отпустим.

— Правильно, — согласился Сидоренко, и скулы у него заиграли. — Кажется мне, вы им на хвост наступили.

— Кому? — не понял Опичко.

— Вашей городской мафии.

— Шутите? Какая у нас мафия?

— На эту тему, капитан, мы с вами поговорим через месяц. А может, и раньше.

— Никогда бы не подумал, что в нашем тихом Городе...

— В тихом болоте черти водятся.

— Вам виднее, сверху панорама другая...

— Согласен, — Сохань встал, — берем у прокурора санкцию на обыск у Хусаинова — вдруг пистолет найдем. Конечно, шансов мало, но чего на свете не бывает?

— Филя пистолет так запрятал, что сто лет искать будем.

— Ищи да найдешь! — бодро воскликнул Сохань, хотя знал, какое это безнадежное дело — искать орудие убийства.

* * *

Хусаинов жил в частном доме: занимал половину помещения с отдельным выходом в маленький садочек — всего несколько яблонек. Он не очень удивился, увидев ордер на обыск, только спросил у Соханя:

— Что ищите, начальник?

— Оружие есть?

— Ты что, чокнулся, начальник? Что я, законов не знаю!

— Тем лучше, — сказал Сохань. — Приятно иметь дело с человеком, знающим законы.

— Хотите — ищите, — согласился Филя. — Оружия нет, а остальное мое. Не возражаю.

Жена Хусаинова, черная, сухая и горбоносая женщина, преградила Соханю дорогу.

— Только аккуратно ищите, — предупредила, — а то после вас убирать да убирать...

Жилье Хусаиновых состояло из двух больших комнат и кухни, все было запущено, захламлено. На мебели лежал толстый слой пыли, кровати, наверное, не застилались по нескольку дней. Одежда скомканы, из-под них виднелось грязное белье. Соханю захотелось спросить, о какой аккуратности можно здесь говорить, но удержался: из черного кота белого не сделаешь.

Хусаинов сидел в кресле посередине комнаты. Он был одет в красный махровый халат, расстегнутый на груди. Вытянул голые волосатые ноги и

всем своим видом демонстрировал неуважение к милицейским ищущим. Подвинул пепельницу и закурил. Сохань с удовольствием хмыкнул, поскольку Филя курил «Кент». Подождав, пока Хусаинов загасит окурок, аккуратно спрятал его в полиэтиленовый пакетик.

— Бычки собираешь... — засмеялся Филя. — Зачем? Я могу тебе, начальник, целую пачку дать...

— А я не курю.

— Зачем же тогда?

Сохань оставил этот вопрос без ответа. Взял стул, сел напротив Хусаинова, спросил:

— Что вы делали вчера вечером?

Филя зевнул.

— Вчера?.. Где же я был вчера? Коньяк пил вчера, вот что. Коньяк и шампанское под шикарную закусочку, какой ты, начальник, и не пробовал.

— Не пробовал, — согласился Сохань, — у меня вырезали язву. И где же вы пили, Хусаинов?

— В ресторане.

— Каком?

— «Ветерок».

— Время? Когда ужинали в «Ветерке»? — Сохань уже знал выводы экспертизы: Хмиз был убит вчера между двадцатью и двадцатью двумя часами.

Хусаинов пошевелил губами, будто что-то подсчитывал. Ответил:

— Точно не помню, начальник. Примерно в девять или в начале десятого.

Сохань прикинул: Хмиз выехал из дома в восемь. Наверняка спешил, так как обещал Светлане сразу вернуться. Итак, ехал минут двадцать — двадцать пять и в половине девятого добрался до двадцать третьего километра. У Хусаинова было время, чтобы расправиться с ним и вернуться в девять в Город.

— Что вы делали до девяти? — спросил следователь.

Получил, как и ожидал, уклончивый ответ:

— Гулял по городу.

— Кто может подтвердить, что с восьми до девяти вечера вы были в Городе?

Хусаинов пожал плечами.

— Кажется, не встретил ни одного знакомого... А что? Что случилось вчера вечером?

Филя смотрел на Соханя большими немигающими глазами и размышлял: «Вышли, заразы... Но как? И так быстро. Кто-нибудь увидел и капнул. Но ведь я проверил — в лесу никого не было. Да, возле поляны никого не было. Может, засекли машину? Вряд ли, «Лада» стояла по другую сторону шоссе, в кустах, где никто не ходит. Но все же разнюхали, шпики проклятые, пистолет ищут, но нет дураков... Пистолет вместе с деньгами спрятан в гараже дядьки Лукьяна, а на Лукьяна никто никогда не подумает. Да и сам Лукьян ничего не знает, когда-то я выручил его, дал в долг денег, и он дал мне ключи от гаража. У него под гаражом пустая комната, туда удобно водить баб, и старая карга не догадывается. Тогда же оборудовал я в гара-

...ас тайник — ищи всю жизнь, а на знатного строителя Марчука никто не подумает: знаменитый бригадир, два ордена за доблестную работу, не считая медалей. Так что ищите, а я пока покурю. И все же, отчего так быстро вышли на меня?»

Сохань смерил Филю уничтожающим взглядом — а он еще и нахал! Сказал:

— Ладно, Хусаинов, продолжим наш разговор в прокуратуре. С протоколом.

— Ты что, начальник, арестовываешь меня? За что? Не имеешь права без ордера.

— А мы вас, Хусаинов, не арестовываем. Задерживаем для выяснения некоторых обстоятельств.

— Каких?

— Вы подозреваетесь в убийстве.

— Я? В убийстве? — Филя расхохотался. — Ошибочка у тебя, начальник. Пенсионер я, вот кто. Да разве рука поднимется?

— Ты, Филя, заткнись, — довольно грубо оборвал его Опичко, прислушивавшийся к разговору. — Тоже мне, пенсионер нашелся! Разве есть у пенсионера деньги, чтобы коньяк с шампанским в «Ветерке» глушить?

— А я подрабатываю, начальник! В жэке...

— Знаем твои заработки... Сказано: заткнись, и точка. Разговор у нас только начинается.

«Где сядешь, там и слезешь, — со злостью подумал Хусаинов. — Я не дурак деньги прятать дома. Здесь у меня сотня-другая на ежедневные расходы, а где остальные, хрен найдешь... Есть еще у Фили друзья, а старая карга хоть внешне и противна, а голова светлая: мама, папа, еще два десятка родственников — каждому по тысяче-две, вот и лежат наши деньжата, надежно лежат, и вам, ментам, их не увидеть. Слава богу, что я десять Псурцевых кусков да еще кое-что вместе с пистолетом в тайник бросил — пусть там отдыхают до лучших времен».

Обыск подходил к концу, но, как и догадывался Сохань, ничего не дал. Обследовали миноискателем сад и двор — напрасно.

Сохань смерил Филю тяжелым взглядом.

— Одевайтесь, Хусаинов, поедem в милицию.

— Придется подчиниться. Но жаловаться буду самому прокурору. — Филя натянул джинсы, сорочку, легкую куртку, взял в руки кожаную шляпу, погладил ее, но оставил. Надвинул на глаза кепочку с коротким козырьком.

— Я готов, начальник.

* * *

Любчик открыла дверь и пропустила Псурцева. Полковник постоял в приемной у зеркала, внимательно изучая свой внешний вид, по-видимому, остался доволен, молодецки повернулся на каблуках и прижал Любчика в углу.

— Пусти, черт, — оттолкнула его Любчик. — Сейчас Жора придет.

— А я только поглажу...

Любчик посмотрела насмешливо.

— А что тебе остается? Гладиатор...

— Ну и дура! — рассердился Псурцев. — Ты позвони мне вечером, когда Жоры не будет, побалуемся.

— Нужен ты мне! — Любчик наморщила носик, но смотрела лукаво, и полковник легонько пошлепал ее по щеке.

— Завтра, — сказал, — я позвоню, так как завтра совещание работников легкой промышленности и Белоштана там ткнут мордой в дерьмо.

— Неужели? — испугалась Любчик. — Наша фабрика награждена переходящим знаменем.

— Этим знаменем нынче только... — Псурцев сделал выразительный жест. — Сейчас хозрасчет, главное — деньги!

— Жора о деньгах все время и думает.

— О своих. А об общественных? Вот не выберут его директором, что будем делать?

— Начальство прикажет — выберут. Как Кирилл Семенович велит, так и будет.

— Теперь и Пирию не сладко.

— А кому сладко? — всплеснула руками Любчик. — Жора совсем осунулся...

«Сладко тебе, — подумал Псурцев, — и будет так, пока Белоштан на орбите будет крутиться. Конечно, денег ему до могилы хватит, а вот мне, Псурцеву, еще годик на Белоштановых харчах побыть не мешало бы. А там можно и на заслуженную пенсию. Дачка под лесом уже есть, смородина и крыжовник растут, машина бежит — не жизнь, а сплошное удовольствие».

— На твоих харчах не осунешься, — возразил Любчику Псурцев. Он попробовал ущипнуть Любчика, женщина ойкнула, но не громко, потому что щелкнул замок и в дверях появился Георгий Васильевич. Пристально посмотрел на Любчика и Псурцева, но не заметил ничего подозрительного — морщинки на лице разгладились, лицо сделалось умиротворенным: так бывает с человеком, который, оказавшись в семейном уюте, сразу забывает о житейских невзгодах.

— Сооруди нам, Любчик, легкую закуску, — приказал. — И поджарь бифштексы. А то время обеденное, сам бог велел... А мы пока с Леонидом Игнатовичем поболтаем.

Он первый прошел в гостиную, достал из бара две бутылки, поставил на столик.

— Я глотну коньячка, — потянулся к бутылке полковник.

Белоштан налил ему, постоял, прижав бутылку к груди, налил себе и опорожнил рюмку.

— Пусть виски хлещут американцы, — сказал. — По мне, так «Белая лошадь» самогоном пахнет. Хотя иногда со льдом — совсем другой вкус...

— Хороший коньяк виноградом пахнет, — Псурцев, довольный, улыбнулся. — И еще немного розой.

Белоштан ногою оттолкнул столик и плюхнулся в кресло.

— Ну, что у тебя? — спросил как бы небрежно, но глаза глядели настороженно.

— Сегодня утром арестовали Филю-прыща.

— Ну и что?

— Но ты ведь не знаешь!.. Типа, какой взял на себя Хмиза. Черты лица у Белоштана заострились.

— Как ты допустил?!

— Убийства ведет прокуратура. А там следователь оказался толковый: сразу на Филю вышел.

Белоштан подергал себя за кончик носа, что означало крайнюю степень раздражения.

— А ты!.. — закричал. — Кто начальник милиции — я или ты? Зажались, в кабинетах засиделись, простого дела организовать не в состоянии.

— Я же объясняю: убийство ведет прокуратура...

— Ты что, Гусаку позвонить не можешь?

— А что я ему скажу? Что Хмиза мы с тобой решили убрать? Еще Пирия пристегнем? И чтоб прокурор Города закрыл дело? Но это сейчас и от прокурора зависит...

Белоштан уже пришел в себя. Спросил:

— Что знает этот Филя-прыщ? Ты, кажется, так называл его?

— Так... Ничего он не знает. Что надо Хмиза убрать, и все... Получил свой аванс — десять тысяч, и точка.

— Но ведь я звонил Хмизу и вызывал его на двадцать третий километр...

— А кто это знает? Я Филе не говорил...

— Скверно... — в отчаянии повертел головой Белоштан. — Очень скверно... Правда, Степа подошел сам к телефону, но мог успеть сказать кому-нибудь, что Белоштан его вызывает...

— Ты вчера между восемью и десятью где был?

— Есть алиби, — немного успокоился Георгий Васильевич, — сидели в компании допоздна.

— Вот и скажешь: вранье... Никому ты не звонил и никуда Хмиза не вызывал.

— И все же, — щелкнул пальцами Белоштан, — первый прокол есть. — Подумал и добавил: — Сделаем лучше так: совсем оспаривать разговор со Степой не годится, поскольку все равно узнают о нем. Скажу, что звонил Хмизу и приглашал в компанию. В ресторан. И он обещал приехать. Но куда делся, мне неизвестно.

— Светлая голова у тебя, — повеселел Псурцев.

— Как вышли на твоего Филю?

— Наследил он... Болваном оказался. Самоуверенная свинья.

— Стоп! — поднял руку Белоштан. — Представим наихудшее: прокуратура докажет, что именно Филя прикончил Хмиза. Сам понимаешь, что твоему Прыщу угрожает! Не покажет он в таком случае пальцем на тебя?

— Кто ему поверит!

— И все же скандала не миновать. Откуда ты Филю знаешь? Твои контакты с ним, может, где-нибудь зафиксированы...

— Иногда мы прибегали к его помощи...

— Это понятно. А о твоих личных контактах с ним кому-нибудь известно?

— Не думаю.

— Это, полковник, нужно знать точно.

— По крайней мере, это доказать никто не сможет. Встречался с Филией три раза, включая последний.

Белоштан снова потер кончик носа, успокоился. Сказал:

— Прямых доказательств против тебя нет, в конце концов отделаешься отставкой, если возникнет скандал. Компенсацию от нас получишь, а там уже твое дело...

— Отречетесь?..

— А ты хотел, чтобы я за твои красивые глаза по десять кусков ежемесячно бросал? Деньги зарабатывать надо.

— Выбросите, как выжатый лимон?

— Ты на меня, Леонид Игнатович, не дави. Я не из жалостливых, а подаю только на паперти.

— В члены кооператива хоть возьмете?

— Заплатишь, что положено, почему же не взять.

— И на этом спасибо.

— Тебе, полковник, обижаться не на что: на всю оставшуюся жизнь хватит. Но не об этом разговор. Вот что скажи мне: ты на Филино дело лапу можешь наложить? Пока твой проходимец не донес на тебя...

— Исключено. Я же сказал: дело ведет прокуратура, я могу контролировать только детали.

— И это добро. Каждый вечер будешь информировать меня.— Белоштан хотел потереть кончик носа, но остановился. Сказал: — Затянулось тучами наше небо, полковник. Пирий не зря предупреждал о столичных гостях. Меня уже вызывали.

— Сидоренко?

— Он самый.

— И что хотели?

— Нашупали они наше уязвимое место. Цехом на Индустриальной интересовался.

— Трое из ОБХСС с ним прибыло. Сам подполковник Кирилук,— а это, скажу тебе, ас.

— Да и Сидоренко не лыком шитый. Ты, полковник,— доверчиво положил ладонь на колено Псурцева,— если можешь, разнюхай все. Что эти столичные гуси знают, а что не знают. Куда идут и какой дорогой. Короче, все, что можешь.

— К сожалению, не подчиняются они мне. Бригада с особыми полномочиями.

— А твоих ребят не подключают?

— Не хотят, сукины сыны, а то у нас все на ладони лежало бы.

— Главное, только бы Хмизом не заинтересовались. Чтобы не связали все в один узелок.

— Это я, Георгий Васильевич, и без тебя знаю. В крайнем случае надо дело резать на куски, чтобы целая нитка не тянулась. Поскольку знаешь, куда она их выведет!

— Страшно и подумать.

— Сейчас мы все должны быть начеку.

— Вероятно, и Пирия им не обойти,— задумчиво сказал Белоштан.— Итак, сейчас самое главное — информация. О ходе расследования дела

Фили и действий киевской группы. Тогда можно будет делать правильные ходы в ответ. Не дать заматовать себя!

— Такого гроссмейстера, как ты, им не обыграть.

— Однако партия, вижу, предстоит длинная и серьезная. Ну что ж... — Белоштан вздохнул. — Как это говорят в народе? Пошел на бой — крепко стой? Должны выстоять, полковник, а что дальше будет — увидим. Боже мой, — вдруг с пафосом поднял руку вверх, — боже мой, как прекрасно было в годы застоя! Брежнев, Суслов, Щелоков, Чурбанов!.. Не говоря уж о Кириленко... Сейчас никто этого Кириленко и не помнит. Ну и что, звезд с неба не хватал, но от этого никому не было ни жарко ни холодно. Люди сами жили, да и другим давали.

— Что было, то было, — согласился Псурцев. — Жаль, не протянул Леонид Ильич еще год-два, я бы уже в генералах ходил.

— Да не вешай ты носа... Мы тебя в генералы на руках внесем.

— В генералы или наоборот — в ночные сторожа...

— Хватит, — сказал Белоштан. — Хватит плакать, ибо никто это не оценит, только Любчик. — Вспомнив про нее, хлопнул ладонями. — Где ты, Любчик? Давай нам что-нибудь на зуб, а то, кажется, заболтались. А нам, — совсем уже весело подмигнул Псурцеву, — теперь пустая болтовня противопоказана. Потому что восемьдесят девятый год — год змеи, а змеи молчат или, в крайнем случае, шипят. И кусают больно. Или душат в объятиях. Тебе хотелось бы быть задушенным в братских объятиях?

Любчик внесла поднос, заставленный тарелками и закусками.

Псурцев, увидев вазочку с красной икрой, потер руки.

* * *

Светлана позвонила Соханю.

— Могу ли я, Сергей Аверьянович, вернуться во Львов?

— Кто же вас задерживает?

— Вы просили обождать день-два. Забыли?

— Я ничего не забываю, Светлана Герасимовна. У вас есть время, чтобы подскочить на несколько минут в прокуратуру?

— Сейчас? Пожалуйста...

— Тридцатая комната на втором этаже.

Сохань улыбнулся, представив, как сейчас в его маленькую комнатку, фактически каморку, заглянет Светлана Кривель, и комнатка сразу станет большой, нет, может, не большой, а просто посветлеет. Наверное, Сохань сидел таким улыбающимся несколько минут, потом спохватился, стер с уст улыбку и позвонил Сидоренко.

— Сейчас ко мне заглянет Светлана Кривель, Хмизова невеста. Может, хотите побеседовать?

— Хочу — не то слово. Необходимо.

Светлана появилась, когда Сидоренко уже спустился с третьего этажа. Сохань искоса глянул на Ивана Гавриловича и убедился в правильности своих недавних суждений: сначала Сидоренко удивился, потом посветлел, глаза заблестели, лицо смягчилось, и показалось, что Иван Гаврилович даже помолодел.

«Все вокруг нее светится отраженным светом», — подумал Сохань, по-

тому что и сам смягчился, забыв о делах и предстоящем допросе Филиппа, который выскальзывает из его рук как угорь.

Светлана остановилась на миг посередине комнаты — тоненькая, с распущенными по плечам волосами, вся какая-то прозрачная, словно вылепленная из воска. Под глазами залегли темные тени, а веки припухли. Сохань подумал, что такая красавица в девках не засидится, найдет себе наверняка лучшего суженого — умного, доброго, интеллигентного. И успокоится, забудет Степана Хмиза, ибо в конечном итоге все в жизни проходит и забывается. Однако укорил сам себя: может, он все же ошибается — ведь не забывается настоящая любовь, она вечна и оставляет раны, которые не заживают...

Хотя была ли у них настоящая любовь? У этой, словно ароматная и неувядающая гроздь белой сирени, девушки и Степана Хмиза? Может, через год, а то и через полгода чувства прошли бы, а может, они пронесли бы их через всю жизнь? Кто знает? Разве имеет он право судить мертвого, тем более выносить ему приговор?

— Как себя чувствуете, Светлана Герасимовна? — спросил неожиданно Сохань, сразу почувствовав бестактность своего вопроса.

Однако девушка никак не отреагировала на это и ответила:

— Лучше. Вот только никак не могу представить, что Степана нет.

Сохань подал девушке стул, поставив его напротив стула Сидоренко. Представил коллегу, подчеркнув, что он тоже занимается делом Хмиза. Возможно, известие о том, что убийцу Степана ищет следователь по особо важным делам, поразило девушку — глаза у нее удивленно округлились и она посмотрела на Сидоренко подчеркнуто уважительно.

«Не так, как на меня, простого смертного», — не без зависти отметил Сохань. Он заранее продумал план разговора, начал издали, спросив, как она познакомилась с Хмизом. Поймал взгляд Сидоренко и подумал, что решил правильно, пригласив Ивана Гавриловича, — вдвоем они быстрее разговаривают девушку и вытянут из нее все, что нужно.

Сохань на миг ощутил неловкость оттого, что приходится что-то вытягивать из такого симпатичного и, кажется, порядочного и умного существа. Но сразу же приглушил голос сомнения — такая уж у них с Сидоренко профессия: иногда говоришь одно, а думаешь другое — сплошная игра по большому и малому счету.

Однако Светлана ничего не знала про игру, даже не догадывалась о ней, она восприняла вопрос Соханя как обыкновенное человеческое любопытство и стала рассказывать, где и как впервые увидела Хмиза — воспоминания были ей приятны, Сохань почувствовал это сразу, так как глаза у девушки заискрились, а щеки зарумянились. Она вспомнила ржаное поле под Трускавцом и дуб на его краю — высокий, могучий и шумный, а под дубом парня в линялых джинсах и как он впервые посмотрел на нее. Светлана сказала, что никогда не забудет этих глаз, никто еще не смотрел на нее так. Она сразу почувствовала, что этот юноша (она приняла тогда Степана за юношу, только потом узнала, что ему за тридцать) всегда будет верен и не изменит при любых обстоятельствах. А разве это не главное в жизни?

Да, пожалуй, это самое главное, подтвердил Сидоренко, поскольку сам придерживался такой же точки зрения.

— Значит, Хмиз сразу открылся перед вами? — спросил он.

— Мы встретились в тот же вечер, — сообщила Светлана, — а утром на машине уехали во Львов, а затем в Канев.

— Идея поехать в Канев принадлежала вам?

— Все решилось так неожиданно... — Светлана вспомнила дедулю в парке, удивительно похожего на Шевченко, и как Степан предложил ей поехать в Канев. Она тогда спросила: «Когда?» — а он ответил сразу, не колеблясь: «Завтра». И правда, поехали на другой день, для нее наступил праздник, ибо каневская поездка почему-то спрессовалась в несколько часов, она и до сих пор отчетливо видела бронзового Шевченко и себя со Степаном под ним, маленьких, совсем незаметных, переполненных неизвестными до сих пор чувствами. Именно там, на Тарасовой Горе, она почувствовала, что уже любит Степана и не может жить без него. Ему стоило только взять ее за руку и повести за собой — и пошла бы, не оглядываясь, не думая ни о чем.

— До Канева такая длинная дорога, — сказал Сохань. — И бескончаемые разговоры. Что рассказывал Хмиз о себе?

Светлана стала вспоминать, и выяснилось, что она почти ничего не знает о Степане. Село на Херсонщине, где родился, отец умер давно, а мать лишь два года назад, учился во Львовском торгово-экономическом институте, получил направление в Город и работает здесь с того времени. Собственно, все. Да разве это интересовало ее? Какая разница, где родился, на Херсонщине или Тернопольщине, и кем работает. Главное — любит ее и какое-то магнитное поле притягивает их друг к другу. Светлана почувствовала это поле еще в Трускавце, а потом оно с каждым днем набирало силу и выбраться из него не было уже возможности. Тем более желания.

Удивившись, что она сама так мало знает о Хмизе, Светлана все же уверенно ответила:

— Степан был прекрасным человеком. — Подумала и спросила: — Вы в чем-нибудь подозреваете его?

— Да, — не стал скрывать Сидоренко, — у нас для этого есть веские основания.

— О мертвых не говорят плохо.

— Конечно, и нам не хочется этого делать.

— Степан был моим женихом, и я любила его. А доносить на него, да еще после смерти!..

— Согласен, доносить мерзко. Вообще донос, как форма общения в обществе, не лучшее, что изобрело человечество.

— Между тем мне показалось, что вы...

— Хотите сказать: подталкиваем к этому? — вставил Сохань.

Светлана кивнула.

— Ни в коем случае... — Сидоренко помолчал немного, а затем продолжал: — Подумайте вот над чем, Светлана Герасимовна: Сергей Аверьянович Сохань ведет следствие по делу Хмиза. И у нас есть основание предположить, что убили Хмиза не случайно. То есть не с целью ограбления или мести, что-то тут... — поморщился, — плохо пахнет. Заговором пахнет, Светлана Герасимовна. Мне кажется, что кто-то боялся вашего Степана, предвидел угрозу своему благополучию и пошел даже на крайние меры. Понимаю: на некоторые наши вопросы вам трудно будет отвечать, и все же, если хоть немного поможете нам...

— Согласна, — отозвалась Светлана, — я поняла вас и догадываюсь, чего вы хотите от меня. Думаете, что Хмиз жил несоразмерно со своими недостатками?

— Да.

— Я тоже думала об этом. Однако не решилась спросить Степана. Вернее, все время откладывала разговор. Понимаете, те дни для нас стали сплошным праздником, неприятный разговор омрачил бы его.

— Однако вы же собирались сделать шаг, который делают, как правило, раз в жизни. А соединить свою судьбу с человеком, которого мало знаешь!..

Светлана, возражая, подняла руку.

— Я знала точно: Степан хороший и душевный человек. Может, что-нибудь и было в его жизни недостойное. Но ведь было... И не повторится. На прошлом была поставлена точка, и мы начинали новую жизнь. Когда-нибудь Степан покается бы мне во всех своих грехах.

— И вы отпустили бы их?

— Христиане прощают даже убийство, если человек искренне покается.

— Кто может познать меру доброты? — неожиданно вмешался Сохань.

— Я, — сказала Светлана уверенно, — у Степана я чувствовала эту меру.

— Однако еще существует ответственность перед законом, — заметил Сидоренко.

— Конечно, вы можете сразу положить меня на лопатки, — заметила Светлана, — так как законы пишутся для людей, все должны соблюдать их. Если Степан нарушил закон, должен был не только раскаяться, но и искупить вину. Но кому же хочется, чтобы твой любимый сел в тюрьму? Это вы навели меня на размышление об искуплении вины и тюрьме, раньше я не думала об этом, не хотела думать, просто были какие-то сомнения, знаете, такой маленький бесенок, который не мешает смотреть на мир честными глазами.

— Согласен, допустим, вы отпустили бы Хмизу все его большие и малые грехи, — сказал Сидоренко, — но пользоваться несправедливо нажитым добром пришлось бы и вам. Смотреть японский телевизор и ездить в «Самаре». Сомнения не мучили бы?

— Говорите так, словно уверены, что Хмиз был преступником, — вдруг обозлилась Светлана. — А это еще надо доказать. Существует презумпция невиновности...

— Здесь не суд, и я не выступаю в роли официального обвинителя. Мы с вами просто размышляем...

— Но я ощущаю, что вы все время давите на меня.

— Возможно, — согласился Сидоренко, — потому что мы заинтересованы в выявлении истины, пожалуй, больше, чем вы.

— Нет, — возразила Светлана, — не потому. Должно быть, я взяла у Степана частицу его бремени, поделила с ним все, простила то, что не прощается. Просто не могла по-иному. Когда по-настоящему любишь, прощаешь. Так вот, какая-то частичка Хмиза уже во мне, а человек всегда прощает себе больше, чем окружающим. Разве не так?

— Вы правы, — вставил Сохань. Он любовался девушкой, ее откровенностью и желанием самой оценить, что произошло с ней.

— Думается, мы немного отвлеклись, — сказал Сидоренко. — Давайте посмотрим на вещи проще. Ибо копание в собственной душе — вещь полезная, но требует совсем иной обстановки. Скажите, Светлана Герасимовна, никто не угрожал Хмизу?

— Не знаю.

— Но вы же сами сказали, что стали частицей Хмиза. Вам не передавалась его тревога, беспокойство, может, страх?

— Вообще-то Степан в последние дни был немного другой, не такой, каким он был во время нашего путешествия. Не очень встревоженный, скорее сосредоточенный. Знаете, когда человек вынашивает определенную идею, которая заполнила его, но еще не знает, как ее осуществить...

— Вот-вот! — обрадовался Сидоренко. — Хмиз решил порвать со своим прошлым, но это не так просто, когда вырастаешь корнями. Одно дело — спилить дерево, выкорчевать пень — значительно труднее. Корни держат крепко, может быть, Хмиз прилагал все усилия, чтобы вырваться. Это его и погубило.

— Знать бы, кто удерживал его, — добавил Сохань. — Хмиз не назвал вам ни одного имени, ни на кого не жаловался?

— Мне кажется, что Степан порвал с прошлым. Как бывает? Один бросает курить постепенно, уменьшает количество ежедневных сигарет, другой ставит точку сразу, труднее другому. Но Степана спасала наша любовь... — Сейчас Светлана поняла, что ляпнула глупость, и поправилась: — Наверно, он умер очищенным. Я в этом убеждена.

«Мне бы твое убеждение, — подумал Сидоренко. — И еще бы несколько фактов. С кем рвал Хмиз, кто ему угрожал? И о Белоштане. Не зря он звонил Хмизу. Нутром чувую, что в этом что-то есть. Но что? Ведь не мог Белоштан собственноручно рассчитаться с Хмизом. Не та фигура, он руки себе не замазает. А за деньги можно найти исполнителя. Ведь и в нашем обществе есть наемные убийцы. Хоть мне не приходилось видеть таких, но они есть. Может, они есть и в этом провинциальном городе? Неужели волна дошла и сюда?»

Сидоренко смерил девушку долгим взглядом. Наверное, она права, и Хмиз так покаялся. Но им от этого ни холодно ни жарко, и они с Соханем напрасно только потратили время на этот разговор. Да нет, не напрасно, ничего не пропадает зря. Хоть не узнали ничего конкретного, но беседа с Кривель убедилась, что они идут верным путем. Убийство Хмиза не обыкновенное уголовное преступление, а цепочка в системе, которую он в мыслях обозначил: «Провинциальная мафия, 1989».

* * *

Филя-прыщ сел на предложенный ему стул, стоявший посреди комнаты. Держался спокойно, подчеркнуто спокойно и даже нагло. Положил ногу на ногу и покачивал «адидасовской» кроссовкой. Вареные джинсы плотно обтягивали его бедра, импортная вельветовая курточка с широким воротником смотрелась импозантно, и только черные, небритые щеки свидетельствовали о дискомфортном изоляторе.

Сохань уселся поудобнее, придвинул бумаги. Начал заученно:

— Предупреждаю, гражданин Хусаинов, что наш разговор записывается на магнитофон...

И дальше: фамилия, имя, отчество, год рождения...

Записал быстро, не отрываясь от бумаги, затем поднял на Хусаинова глаза, уставился не мигая. Но Филя не ступался, не отвел взгляда, смотрел насмешливо, словно не Сохань допрашивал его, а, наоборот, он, Филя-прыщ, командует парадом.

Сохань насмотрелся всего, и кажется, ко всему у него выработался иммунитет: к рыданиям, открытой злобе и ненависти, ретивости, истерикам, имитации эпилепсии, угрозам, унижению — так что наглость Филя не удивила его. Начал:

— Во время обыска вы, Хусаинов, говорили, что двадцать седьмого мая в двадцать один час ужинали в ресторане «Ветерок». Подтверждаете эти показания?

— А как же, ужинал, и это могут засвидетельствовать...

— Кто?

— Компания была во! — Филя показал большой палец. — Значит, так: Иваненко Панас, механик из автосервиса, еще Ференец Федор да Самусь Ванько. Эти двое кореша мои, шоферы из бытового обслуживания. Телевизоры возят да все другое, кому что надо... — Подождав, пока Сохань записывал, продолжал дальше: — Ты, начальник, не сомневайся, одно плохо, что устроил двадцать седьмого, — перебрал, честно скажу, перепили мы немного, да и как не перепить, когда компания такая заводная? И коньяк подавали неплохой, слава богу, наша родная власть доперла наконец, что в ресторане народ ограничивать нельзя. На народ вообще нельзя давить, а в ресторане тем более! Правильно я говорю, начальник? Тебе, правда, в очереди за бутылкой стоять не приходилось, сам говорил, операция желудка, значит, не употребляешь, и я тебе сочувствую. Какая же радость без рюмки? Нет радости, это я точно знаю, как нет и счастья в жизни...

Сохань, молча выслушав этот монолог Филя, сказал подчеркнуто сухо:

— Надеюсь, приятели подтвердят ваши показания, Хусаинов?

— Как не подтвердить! Вместе киряли, начальник, как начали, так и закончили в «Ветерке».

— А скажите, Хусаинов, не были вы двадцать седьмого вечером на так называемой дубовой поляне, что на двадцать третьем километре западного шоссе?

Тень промелькнула на лице Филя, или это только показалось Соханю, потому что Хусаинов покачал головой и ответил уверенно:

— Нет. Чего туда переться?

— Записываю ваш ответ в протокол, Хусаинов.

— Пиши, начальник, — безразлично махнул рукой Филя. — Бумага все стерпит.

— А сейчас, Хусаинов, — Сохань встал, — мы произведем следственный эксперимент...

— Какой эксперимент? — заволновался тот. — Я же говорю, начальник: подозрения твои напрасны, потому что кореша обязательно подтвердят, что киряли. Если хочешь, и официантку допроси. Нинка, черненькая такая, мы ей еще десятку на чай отвалили. Взяла, не поморщилась.

— Сейчас увидите, какой эксперимент...

Следователь вызвал конвоира, вместе вышли во двор, где уже их ждали

появился и эксперт-криминалист. Сохань отошел на десять шагов от дверей, крикнул Хусайнову:

— Идите ко мне.

Тот улыбнулся приветливо:

— К такому уважаемому начальнику — с большим удовольствием!

Он оставил на мягком грунте выразительные следы, как две капли воды похожие на те, что пересекли лесную дорогу.

Сохань объяснил понятиям:

— Сейчас эксперт сфотографирует следы и зальет их гипсом. Видите, они идут параллельно друг другу. Кроме того, след правого каблука более глубокий, а Хусайнов хромает как раз на правую ногу.

— Ну и что? — сдвинул брови Филя. — Все знают, что хромаю. В далеком прошлом ногу сломал.

Сохань, ничего не объясняя, предложил пройти в кабинет. Филя, видно, убедился, что водили его во двор не зря, ибо уже не качал небрежно кроссовкой, смотрел настороженно и страх прятался в его глазах.

Сохань разгладил ладонью листки протокола, сказал:

— Через час или даже раньше у меня будут выводы экспертизы о том, что следы, оставленные вами во дворе, и следы, обнаруженные нами утром двадцать восьмого мая на песчаной дороге вблизи дубовой поляны, идентичны. Именно там вечером двадцать седьмого мая был убит Степан Святославович Хмиз.

— Ну и что? — сразу не сообразил Филя.

— А то, Хусайнов, что двадцать седьмого мая, перед тем как пить коньяк с шампанским в приятной компании, вы побывали на двадцать третьем километре западного шоссе и убили на дубовой поляне Хмиза. Выстрелили из пистолета Макарова.

Внезапно Хусайнов расхохотался. Его реакция была такой неожиданной, что Сохань оторопел. Всякое встречалось в его практике, но чтоб такое...

А Хусайнов, резко оборвав смех, стукнул себя кулаком по лбу и произнес:

— Ну, забыл... Забыл я, начальник, извини меня... Точно, был я на той поляне, но что зовется дубовой, не знал. Только ошибочка у тебя, начальник. Говоришь, когда того Хмиза кокнули? Вечером, выходит, а я днем на ту поляну, на природу, значит, ездил, проветриться, свежего ветра для здоровья глотнуть, поскольку здоровье мое последнее время пошатнулось. Раньше литр свободно осиливал, а теперь одной бутылкой ограничиваюсь. Да, я там ходил, машину возле шоссе поставил и на поляну пешком пошел.

У Соханя заболел желудок — давала знать о себе язва. Налив пол-стакана минералки, выпил маленькими глоточками и пришел в себя. Боль стала отпускать, а Сохань думал, что и другое его доказательство — окурки сигареты «Кент», который Филя бросил в орешнике у дубовой поляны (эксперты по остаткам слюны доказали, что курил именно Филя), — сейчас фактически уже не доказательство. Так, дополнительный штрих, и вернется Филя, хотя интуиция подсказывает, что именно он убил Хмиза.

Но свою интуицию к делу не приложишь, да и прокурор товарищ Гусак только посмотрит на тебя с неуважением, и выйдет Филя, отсидев в

следственном изоляторе положенный срок, на волю, ехидно посмеиваясь. Вот и сейчас наглая усмешка тронула его губы.

Сохань мысленно прокрутил картину, как все произошло на дубовой поляне. Филя засел в орешнике, успел выкурить свой «Кент»; когда услышал шум мотора «Самары» Хмиза, пересек лесную дорогу, подошел к Хмизу, тот не насторожился, поскольку знал Хусаинова, Филя стрелял с расстояния в два-три метра — экспертиза установила и это. Должно быть, Хмиз упал лицом в траву, Филя нагнулся к нему, перевернул, убедился, что Хмиз мертв, поспешил к своей машине, которую на самом деле оставил где-нибудь поблизости. Там, куда привела проводника собака-ищейка.

А Филя-прыщ смотрит безразлично и полирует ноготь о лацкан пиджака...

Смутная догадка зародилась у Соханя. Когда-то давно, он еще учился на юрфаке, профессор, преподававший криминалистику, рассказал об интересной экспертизе, в результате которой неопровержимо была доказана вина преступника.

А если и сейчас? Если все произошло, как он только что представил себе? Сохань собрался с мыслями, подвинул к себе начатый протокол допроса и спросил:

— Итак, Хусаинов, вы подтверждаете, что были на дубовой поляне днем двадцать седьмого мая?

Филя победно улыбнулся.

— Вспомнил, начальник, было такое, зачем же спорить?

— Так и запишем.

— Давай, начальник, я подпишу.

— В котором часу вышли на дубовую поляну?

— Точно трудно сказать. Приблизительно часа в четыре, полпятого.

— И не встретили там Хмиза?

— Какого Хмиза? Да я его и не помню.

— Но ведь знали?

— А кто же Хмиза в Городе не знал? Фигура. Вот ты — прокурорский начальник, а он — бери выше, промтоварный: у него импорт, кожаные пальто, туфли классные. А джинсы — американские, итальянские, скажу честно, я к нему раза два-три подъезжал, вот и эту немецкую шмутку у него выцыганил... — провел ногтем по лацкану куртки. — Но это было в прошлом году, после этого я Хмиза не видел. Ей-бо...

— Так и запишем...

— Пиши: Хусаинов видел Хмиза в прошлом году, а после этого не встречался. Да и зачем он мне!

Сохань вызвал конвоира и приказал отвести Хусаинова в следственный изолятор. А сам нетерпеливо стал вертеть телефонный диск.

— Алексей Игнатович? Есть просьба к вам... Скажите, если я, например, схвачу вас за грудь?.. А вы в шерстяном свитере. Останутся ли у меня под ногтями ворсинки? Когда-то в университете профессор Морозович проводил с нами семинар, душа-человек, правда, за галстук закладывал, но дело свое знал отменно. Он говорил, что ворсинки обязательно останутся. И вы так думаете? Тогда очень прошу вас съездить в следственный изолятор. Там «отдыхает» Филя-прыщ, то есть гражданин Хусаинов. Почистите, пожалуйста, ему ногти и сравните ворсинки, если найдете

их под ногтями, с пряжей свитера Хмиза. Капитан Опичко доставит вам свитер через час. Заранее благодарю, Алексей Игнатович, и жду звонка.

★ ★ ★

Эксперт позвонил через три часа: предположение Сохана полностью подтвердилось — пряжа хмизовского свитера и ворсинки, обнаруженные под ногтями Фили-прыща, оказались идентичными. А это уже было неопровержимое доказательство преступления Хусаинова.

Глава IV

МАРАФОН

(Середина)

Прокурор Сидор Леонтьевич Гусак оторвался от бумаг за пять минут до одиннадцати. Знал пунктуальность Псурцева, да и сам был человеком аккуратным — умел ценить свое и чужое время. Выглянул в окно и с удовольствием увидел черную «Волгу» начальника УВД. Поправил галстук, придал лицу то задумчиво-строгое выражение, которое, по его убеждению, наиболее подходит человеку в его ранге городского прокурора, и повернулся к дверям. Именно в тот момент, когда они раскрылись, пропуская полковника.

Гусак сделал несколько шагов навстречу Псурцеву, сменив выражение лица на приветливо-доброжелательное, и крепко пожал руку гостю. Предложив Псурцеву сесть, сам уселся напротив, подпернув брюки, чтобы, боже храни, не смялась аккуратно отглаженная складка. Сам следил за своим гардеробом, гладить брюки не доверял даже жене, считая это дело деликатным и ответственным.

Сидор Леонтьевич наклонил голову, посмотрел на Псурцева исподлобья и сказал, стараясь придать своим словам легкий оттенок иронии:

— Как это у Гоголя? Спешу сообщить вам пренеприятнейшее известие...

— Дело в том, что ревизор приехал не к нам, а к вам... — сразу же принял его игру Псурцев.

— Мы как-нибудь переживем эти неприятности, — чуть заметно вздохнул Гусак. — А вот на вас, Леонид Игнатович, один из ваших клиентов дал показания. Речь идет о вашей причастности к убийству...

Псурцев почувствовал, как затекли, сделались совсем чужими его пальцы. Хотя в принципе был готов, что Фили-прыщ начнет валить на него. Однако Псурцев не договорился, не взнуздal своих ретивых сыщиков, и они под руководством следователя Сохана в рекордно короткий срок вышли на Хусаинова.

А вообще-то какие у Фили доказательства? Черта с два ему удастся что-либо доказать: дело обставлено так, что комар носа не подточит...

Псурцев подул на пальцы и спросил:

— Так кого же это мы убили?

— Сами понимаете, Леонид Игнатович, сейчас я превышаю свои полномочия. Так как наш разговор...

— Конфиденциальный.

— Я бы сказал — дружеский. Узнав об этой небылице и взвесив наши с вами отношения, я решил первоначально побеседовать с вами. Считайте, о показаниях этого мерзавца Хусаинова знает только наш следователь и мы с вами. Получены они только два часа назад, и я еще не доложил о них ни горкому, ни Хозяину.

— Ценю ваше доброжелательство, — склонил голову Псурцев.

— А как же иначе? Уверен, в аналогичной ситуации вы бы сделали то же.

«Блажен, кто верует... — подумал полковник. — Я бы сожрал тебя аккуратно и с большим удовольствием, даже облизнулся бы».

Педантичность Гусака всегда раздражала Псурцева.

— И кто же взял меня в компаньоны? — спросил полковник.

— Единственное убийство, которое произошло в Городе в последнее время...

— Хмиза?

— Конечно.

— По подозрению в убийстве задержан некий Хусаинов. Неужели он?

— Да.

— Ну и наглец! — бурно отреагировал полковник. — Прохиндей, и как только его земля держит? — Псурцев приложил ладонь ко лбу, сделал вид, что вспоминает. — Так-так... Фигура знакомая, этот негодяй имеет кличку Филя-прыщ. Он?

— У вас отличная профессиональная память. Так вот, этот Филя утверждает, что именно вы, полковник, вели с ним переговоры о ликвидации Хмиза и обещали заплатить ему двадцать тысяч.

— А почему не сто? — засмеялся Псурцев. — Сколько вы получаете, Сидор Леонтьевич? У нас с вами зарплаты примерно одинаковы — итак, чтобы собрать двадцать тысяч, нужно...

— Да, ни год и ни два...

— И это при условии, что питаться будешь святым духом!

— Возможно, вы насолили когда-нибудь этому Хусаинову? — высказал предположение Гусак.

— Профессия у нас с вами уж такая — опасная. И не пользуется уважением у преступников. Погодите... — полковник наморщил лоб. — Может быть, мои не очень разборчивые мальчики имели какие-то неофициальные контакты с Хусаиновым? Хотя вряд ли.

— Вполне возможно, но у меня сейчас не только до Чехова, но и до «Детей Арбата» руки не доходят. Не хватает времени из-за этой демократии и гласности.

— Бьете в десятку! — горько вздохнул Псурцев. — Народ стал немногу распоясываться, говорит, что хочет... Слава богу, наш Хозяин еще вожжи держит, не дает распускаться, а в столице... Народные движения посоздавали! Между нами... — Псурцев понял, что Гусак не поверил ни одному Филиному слову, и стал успокаиваться. — Придет время, вспомнят про твердую руку. Конечно, были у Иосифа Виссарионовича перегибы, но не шебаршились... Каждый знал, что можно, а что нельзя. Да и Леонид Ильич

умел с народом жить в согласии. Конечно, перебрал звездочек, но жил сам и другим давал.

— Сейчас можно только с благодарностью вспоминать.

— Ну, я побежал... — поднялся Псурцев. — Побежал я, бедный и несчастный... — хохотнул весело. — Это же надо, начальник УВД — и убийца! Вот это была сенсация — на всю страну!

— Этот Хусаинов под вашим наблюдением, — напомнил Гусак. — В следственном изоляторе, но надеюсь на ваше благоразумие...

— Что вы, Сидор Леонтьевич, я же не дурак, нужен мне какой-то Филя!

Псурцев опустился на сиденье машины тяжело, и пружины заскрипели под ним. Приказал шоферу ехать в управление, хотя хотелось немного пройтись пешком. Проветрился бы, подумал, оценил обстановку. Да, ситуация... Сейчас Гусак позвонит в горком, а потом самому Хозяину. Или наоборот, но какое это имеет значение? Что же он скажет? А что вообще можно сказать? Этот Гусак, конечно, педант и законник, но и он грустит о прошлом. Боже мой, вдруг чуть не вырвалось у Псурцева. Неужели не пронесет? Неужели это не дурной сон? Вот раньше были времена... Приказал бы своим доверенным ребятам обработать Филю резиновыми палками, а такая наука не проходит даром — сразу понял бы, что нельзя клепать на полковника Псурцева. Да и вообще, Пирий нашел бы возможность нажать на прокуратуру и суд — дали бы Хусаинову лет восемь — десять (тем более ему не привыкать), отсидел бы половину, ну две трети срока, а потом гуляй себе на воле со своими двадцатью тысячами...

А теперь могут закрутить на всю катушку!

Но Псурцеву не было жалко Хусаинова. Кто ему Филя? Рецидивист, подонок, сукин сын, по которому виселица давно плачет.

Итак, уже сегодня в горкоме и обкоме будут знать, что какой-то рецидивист «катит бочку» на начальника УВД Города. Главное, как воспримет новость Хозяин. Все зависит от того, как отнесется к кляузе (а Псурцев уже сам поверил в то, что Филя возвел на него поклеп) Фома Федорович. Ибо слово Фомы Федоровича решающее, и один он имеет право карать или миловать. К черту все лозунги о демократии, они для газет и писак, для международного, так сказать, резонанса, а вот слово Хозяина!..

С почтением вспомнив Хозяина, полковник мысленно встал смирно. Представил его выцветшие от старости глаза, снисходительную улыбку... Скорее всего Фома Федорович с отвращением нахмурится и махнет рукой — мол, все это не заслуживает внимания. Но информация все же застрянет в руководящей извилине мозгов, и когда встанет вопрос о присвоении Псурцеву генеральского звания, Хозяин наверняка предложит не спешить с этим. На всякий случай, так как Фома Федорович прожил долгую номенклатурную жизнь и знает, что никогда не бывает дыма без огня — всегда лучше подстраховаться, нежели вслепую лезть в пламя.

Итак, уплывает от тебя твоя заветная мечта, полковник, Жаль, ах как жаль! Генерал-майор — это звучит на самом деле гордо!

Хотя, подумал Псурцев, что все-таки лучше: генеральские погоны или

дача в лесу? Да плевать он хотел на эти погоны и лампасы! Дача, автомобиль и деньги до скончания... На всю жизнь, что осталась...

Погоны могут и содрать, не с таких сдирали, взять того же Чурбанова... Но ведь и с дачи могут выселить, подумал вдруг с болью. Советская власть, она такая — все может...

Однако против него нет ни одного доказательства. Да, ни одного. Если не заговорят Пирий, Белоштан, ну еще Губа...

Хотя какой смысл им болтать? В таких острых ситуациях лучше молчать. Это мы, эмвэдэшники, да прокуроры советуем преступникам признаваться — мол, чистосердечное признание учитывается на суде. А фигу, большую фигу с маслом! Пока судья ходит под Фомою Федоровичем, всегда хоть одним ухом слушает, что говорит Хозяин. А ему всегда лучше, когда в области мир, покой да божья благодать... Это у соседа могут быть и хищения в особо крупных размерах, и убийства, и коррупция, и, как теперь стало модно говорить, организованная преступность, или мафия. У соседа и в столицах, на то они и столицы, большие города с развращенными людьми, — там и заводятся мафии. А у них, в Городе, нет для этого, как сказал бы Фома Федорович, питательной среды. Правильно сказал бы, на самом деле нет и никогда не будет...

И вообще — хватит, конец, амба. Надо подавать в отставку. Черт с ними, генеральскими лампасами, конечно, красиво, но, в конце концов, какая может быть в наше время красота? Красиво, когда у тебя в гостиной во весь пол лежит персидский ковер, а в холодильнике черная икра и кусок осетрины...

Да, в отставку...

А вдруг не согласится Пирий? Не случилось бы как с Хмизом...

Глупый Степка, подумал Псурцев, и тебе конец, и нам из-за тебя морока.

Полковник быстро поднялся в свой кабинет и по «вертушке» позвонил Пирию. Услышав уверенный бас Кирилла Семеновича, подумал: чего паникуешь? Чего нюни распустил? Если крепко держаться за руки, ничего не случится. Кто осмелится разорвать цепь? Какой-нибудь киевский хмырь? Мало каши ел — Пирий и не с такими справлялся. Уже нарочито бодро сказал мэру:

— Вызывал меня сегодня Гусак, и знаете, какая штука? Объявился у нас в Городе мерзкий тип, преступник со стажем по кличке Филя-прыщ. Так он, смешно говорить, свою вину знает на кого валит? Никогда не догадаетесь, мы с Гусаком расхохотались... На меня, Кирилл Семенович, будто я соучастник убийства...

Пирий выдержал долгую паузу, подышал в трубку и сказал:

— Нынче есть такая тенденция: шельмовать руководящие кадры. Вот и наши газетчики стали этим заниматься. По примеру некоторых безответственных лиц из центральной прессы. Мы будем давать им решительный отпор!

— Вы всегда стояли на принципиальных позициях, — подтвердил Псурцев. — И никакие новые веяния не собьют вас с пути.

— Наша номенклатура закаленная... — продолжал Пирий, и полковник даже представил, как тот улыбается в трубку. — Закаленная и спаянная.

— Конечно! — сказал полковник, увидев забавную картину: он держит за руку Пирия, тот Белоштана, дальше идут Губа, Гусак и другие, а посре-

дине сам Фома Федорович, Хозяин, ибо где же быть Хозяину, как не в окружении верных и солидных номенклатурщиков?

На душе стало тепло, и Псурцев положил трубку, убежденный в крепости своих позиций.

* * *

Полночи Хусаинов не спал — думал и казнил себя: какой черт подтолкнул выдавать Псурцева!.. Взрыв злобы — больше ничего. Ненависть к милиционерскому полковнику, не сдержавшему своего слова!

Впрочем, чего ждать от ментов? Коварные и наглые. Он и менты всегда враги, хотя иногда приходилось прислуживать милиции. Но по мелочам. Ну навел мусор на мелкого воришку, шавку — это справедливая плата за то, что милиция закрывает глаза на большие дела, и особенно на его связи с кооператорами.

Филя первым в Городе сообразил, что открытие кооперативов обещает выгоду не только государству, но и ему лично и его корешам. Он сам, еще Батон, Мурка и Валет — отличные и надежные парни, у каждого за плечами не менее пяти лет отсидки в колониях, им следует доверять, и на них можно опираться. Начали с того, что заглянули с Батоном и Валетом в кооперативную шашлычную. Попробовали — понравилось, шашлыки готовили без обмана, мясо мягкое и хорошо прожаренное. Филя подозвал главного кооператора, который не чурался простой работы, как заведующие столовыми и чайными, а собственноручно раздувал угли и вертел шампуры с аппетитными кусочками мяса.

Кооператор улыбнулся им доброжелательно и даже заискивающе.

«Еще бы,— решил Филя,— дерет за шампур по два с полтиной, за это не только будешь улыбаться, но и на колени можно стать».

— Садись,— сказал, пошлепав ладонью по стулу, Филя.

— Извините, не могу...

— Садись, говорю, есть разговор...

Видно, кооператор понял, что к чему, потому что глаза у него сделались грустно-покорными. Присел на стул, на всякий случай тихонько отодвинулся от Фили, но Батон налег на него локтем, как бы подчеркивая, что разговор будет на самом деле серьезный.

— Шашлыки у тебя вкусные,— похвалил Филя, навалившись плечом на кооператора,— и навар неплохой. Значит, так... С тебя полсотни каждый день. Видишь парня, что сидит напротив? Это Валет. Он будет приходить сюда по субботам, будешь выдавать ему по три с половиной сотни...

Филя плечом ощутил, как напряглись мышцы у кооператора. Парень здоровый — еще молодой, наверно, занимается борьбой или боксом. Но и не таких обламывали.

— Полсотни ежедневно? — кооператор изобразил удивление. — За что?

— За наше доброе к тебе отношение,— объяснил Филя. — И за то, что охраняем тебя.

— Нам охраны не надо.

— Дурак ты еще,— засмеялся Филя незло. Посмотрел вокруг, заметил: — Вот ты зеркал повешал, свечи на столах, и камин горит... А мы с ребятами сейчас зеркала эти — на мелкие кусочки, люстры по-

колошматим и картину художника Шишкина, что на стене висит, растопчем... Погром, скандал... Кто следующий раз к тебе пойдет?

— А милиция на что?

— Пока милиция очухается, нас уже не будет. Это раз. Во-вторых, мы тебя где-нибудь в темном переулке повстречаем — ребра посчитаем, а то и перо вставим. Теперь скажи, не стоит ли все это паршивых пяти червонцев? Кроме того, за нами ты как за каменной стеной. Кому-либо мозги надо вправить или фрайера какого-нибудь прищучить — с удовольствием. Да я сам бы за такое полсотни выложил.

— Что ж, не вижу другого выхода...

— Как тебя? Фима? Очень приятно, ты Фима, я Филя, считай, договорились по-джентльменски. До будущей субботы, Фима, а шашлыки у тебя на самом деле вкусные и картина художника Шишкина зал украшает...

Уже год Филя следил за развитием кооперативного движения в Городе, завел специальную тетрадь и был осведомлен о кооперативных делах лучше чиновников в исполкоме. Каждую субботу Валет собирал около десяти тысяч, и это еще не было пределом. Филя планировал расширить сферу деятельности своей компании на нескольких завмагах, как продовольственных, так и промтоварных: два директора гастрономов уже платили по пятьсот ежемесячно, но что такое для большого магазина полкуска? Значительно больше списывают на усушку и утруску.

Сейчас Филя нещадно проклинал себя. Зачем попал на крючок Псурцева? Мало тебе было? Тридцать процентов от всех прибылей шайки. Вообще-то шайкой их называют менты, на самом же деле — это товарищество, джентльмены в законе. Дурак, позарился на двадцать кусков — они, правда, на дороге не валяются, но должен был знать, что в случае чего за такие дела не милуют. Однако поганец полковник пообещал: все будет о'кей, как говорят в Америке.

Да, дал ты маху, Филя, сваял дурака, дорогой гражданин Хусаинов, и называться тебе зеком долгие годы. Это если еще выкарабкаешься! А то еще могут дать и «вышку»...

И сам ты, несусветный дурак, подписал себе приговор.

Ну кто тянул за язык, кто заставлял валить на Псурцева? У этого полковника все в Городе в кулаке, поговорит с судьей, а тот присудит к «вышке». И пробьет пуля-дура твое еще молодое и здоровое сердце...

Филя не выдержал, застонал, и сосед по нарам взволнованно поднялся на локтях.

— Что надо? — спросил участливо.

Здесь, в следственном изоляторе, Филю уважали, и слово его было законом. Неплохо можно прокантоваться в колонии, там воров в законе слушают и выполняют все их требования, к тому же Филя-прыщ не простой вор, вожак, и его слово всегда весомо.

— Заткнись,— буркнул Филя, и сосед подобострастно улыбнулся в ответ. А Хусаинов лег на спину, подложив руки под голову, задумался.

Что же придумать? Кажется, еще есть выход. Филя закрыл глаза, будто заснул — почти не дышал. Потом пошевелился, сел на нарах и толкнул соседа. Кивнув на двери камеры, приказал:

— Позови надзирателя, скажи: Хусаинову нужно к следователю. Быстро...

Сохань посмотрел на Филю с интересом. А Хусаинов опустился на стул, подобрав ноги, провел ладонью по лицу, словно снимал с себя все наносное, заявил:

— Пиши протокол, начальник.

— Давай говори.

— Я, Хусаинов Филипп Фаридович, на прошлых допросах соврал. Наклепал на нашу родную и славную милицию в лице полковника товарища Псурцева. Потому что он меня преследовал, а я решил отомстить и наговорил на него, не подумав. Что, мол, он меня подговаривал убить Хмиза за двадцать кусков и я согласился. Не было такого, погорячился я, гражданин следователь, какое-то затемнение нашло.

Сохань покачал головой:

— Видите, Хусаинов, скверно как: из-за вас могла упасть тень на заслуженного человека.

«Знал бы ты, какой он заслуженный,— подумал Филя,— какая подлюка и сволота».

Однако сказал покорно:

— Что сделаешь, начальник, бес попутал. Поскольку очень вредная у нас милиция. И прижимает порядочных людей.

Записав слова Хусаинова в протокол, Сохань поинтересовался:

— За что вы убили Хмиза? Какая причина?

Филя удивленно развел руками:

— Так не убивал же я... Говорю: не было этого.

Сохань нахмурился.

— Вы, Хусаинов, мозги мне не вправляйте. Ваша вина доказана.

— Как это доказана? — возмутился Филя. — Это сам я на себя наклепал. Говорю же вам: нашло затмение, не в себе был. Какие у тебя доводы, начальник? Нет у тебя доказательств, начальник, вот что я скажу...

Сохань повертел головой: а этот Филя-прыщ, оказывается, еще и наглец. Сказал:

— Есть доказательства, Хусаинов, и не возражайте. Вначале вы говорили, что никогда не были на дубовой поляне, но следствие бесспорно доказало, что соврали. Вам пришлось признать этот факт. Так?

— Ну, признал.

— Потом вы возражали, что встретили там Хмиза. Но под давлением неопровержимых доказательств признались, что стреляли в него и убили. Стали перекладывать вину на полковника Псурцева, теперь отрекаетесь и от этого. Плохо, Хусаинов.

— Но поверьте: затмение на меня нашло, поэтому и наклепал на себя...

Сохань рассердился, но не показал этого. Произнес спокойно:

— Экспертиза доказала, что ворсинки, обнаруженные у вас под ногтями, идентичны шерсти, из которой был связан свитер Хмиза. Вы сами признали, что, убив Хмиза, перевернули его на спину, чтобы убедиться, что тот не дышит.

— Да, так было, но я не убивал.

— Тогда кто же?

— А этого, начальник, я не знаю. Ты — следователь, тебе и искать.

— Материалов и доказательств, которыми располагает следствие, достаточно, чтобы передать дело в суд.

— Вот и передавай, начальник, а я там расскажу, как все было.

— Как же?

— А очень просто. Поехал я на природу, чтобы отдохнуть, как люди. Лес там дубовый, светлый, вот и решил погулять. Оставил машину возле шоссе, пошел на поляну. Иду, воздухом дышу, птичек слушаю. Наслаждаюсь жизнью, начальник, и ни о чем не думаю. Потом по нужде захотелось, свернул, значит, к кустам, сигарету там выкурил, это ты, начальник, правильно заметил, окурок нашел. Перешел потом проселок, смотрю, машина пустая и кто-то под дубом отдыхает. Обойти этого человека хотел, да любопытство разобрало, на мою же голову. Да и лежал этот человек как-то странно, уткнулся лицом в траву. Подхожу к нему, переворачиваю на спину, боже мой, а это Степан Хмиз. Я, конечно, испугался, потихоньку к машине, дал газу и до города...

— Хорошо придумал... — сощурился Сохань. — Да не поверит вам суд, Хусаинов. Никогда не поверит.

— А ты, начальник, за наш суд не расписывайся. Так как он справедливый, наш советский суд, и доказательств потребует. Ты вот говоришь: я убийца. Мол, Хусаинов убил Хмиза. А пистолет где? Ты оружие, начальник, найди у меня и на стол суду положи! А так все что угодно сказать можно...

Увидев торжество в глазах Фили, Сохань подумал: «А если Хусаинов на самом деле невиновен? Может, я пристрастный. Интуиция подсказывает: убийца, но что интуиция — надо искать пистолет. Но где? На квартире у Хусаинова оружия не нашли — успел передать кому-то из дружков или запрятать. И поиск оружия сейчас не даст результатов».

Однако сказал:

— Будут у нас бесспорные доказательства, Хусаинов. Найдем пистолет, непременно найдем.

— Нет, — покачал головой Фили, — фигу у меня найдете, потому что я не убивал. У кого — другое дело. Того на цугундер и берите. А я — чистый.

* * *

Сидоренко стоял вполоборота к Кирилюку, заложив руки за спину и остро глядя на подполковника. Сказал:

— Давайте, Федор Федорович, разложим наш багаж по полочкам. Багаж, прямо скажем, не мудреный, но что есть...

— Не гневите бога, — возразил Кирилюк, — багаж наш на десяток лет Белоштану потянет.

— Во именно — Белоштану... Одному Белоштану. А разве он один? Коррупцией пахнет, Федор Федорович.

— Ни капли не сомневаюсь.

— А доказательства у нас пока что только против Белоштана.

— Арестуем и начнем распутывать клубок.

— Считаете, что Белоштана следует арестовать?

— А как же иначе? — удивился Кирилюк. — Он нам такие палки в колеса поставит, век стоять будем. Белоштан — основная фигура, и все нити тянутся от него.

— Согласен.

— Тогда берите у прокурора ордер на арест.

Сидоренко сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги, вынул японскую авторучку, написал цифру «1».

— Итак, что мы имеем? Первое: на складе трикотажной фабрики тонны неоприходованной высококачественной шерсти. Кладовщица свидетельствует, что этот запас создан по прямому указанию директора фабрики.

— А как с документами на пряжу?

— Бухгалтерия на фабрике крайне запутана. Одно ясно: на некоторые изделия показывали завышенные затраты пряжи и таким образом сэкономили ее. Три тонны шерстяной пряжи... Знаете, сколько модных женских кофточек можно изготовить из нее?

— Знаю. И каждая такая кофта стоит около ста рублей... Второй пункт?

— В трех промтоварных магазинах Города и в одном районном универсаме в подсобках обнаружен товар, изготовленный из шерсти, идентичной той, что лежит на фабричном складе. Женские костюмы и кофты. Кстати, с ярлыками иностранных фирм — французских и итальянских. Проведена экспертиза: ярлыки фальшивые, изготовлены местными кооператорами. Сейчас уточняем, кто из местных дельцов причастен к этой авантюре.

— Эти трикотажные изделия в магазинах тоже неоприходованные?

— Чистая левая продукция.

— Как оправдываются завмаги?

— Один вообще отрекся: ничего не знаю и знать не хочу. Заведующая секцией объяснила: кофты получены от знакомых кооператоров, но называть их отказалась. Директор магазина на Центральном проспекте твердит, что получил продукцию на промтоварной базе, однако документов не показал. И не покажет, ибо их просто нет.

— Как связать эту нитку: фабрика — магазин?

— Это и есть пункт третий. Две работницы левого цеха на Индустриальной — Тищенко и Бурлака — свидетельствуют, что собственноручно изготавливали кофты, на которых сейчас пришиты «иностраные» этикетки.

— Выходит, круг замкнулся?

— Пожалуй, оснований для ареста Белоштана больше чем надо.

— Что ж, будем брать.

— Рад, что наши мысли сходятся.

— Одна заваyka: за директором фабрики стоят могучие силы.

— Неужели не справимся?

— Вы даже не представляете, какие именно!

— Если бы вы сказали это четыре года назад, я бы засомневался. Но сейчас!.. Наша провинциальная мафия в сравнении с узбекской!

— Конечно, масштабы не те. Хотя принцип один: коррупция и взаимовыручка.

— Думаете, Белоштана постараются вытащить за ухо?

Сидоренко положил руки на стол, разгладил рукой бумагу с тремя пунктами и сказал:

— Есть известие: один раз в неделю, аж до последнего времени, на квартире у любовницы Белоштана собиралась теплая компания. Сам Георгий Васильевич, покойный Степан Хмиз, начальник УВД Псурцев, за-

ведущий горторгом Губа и мэр города Пирий. Преферанс, попойки, просмотр видеофильмов.

— Псурцев и Пирий — это уже интересно!

— И вдруг эта история с Хмизом...

— Потом показания Хусаинова против Псурцева.

— Отрекся,— поморщился Сидоренко.— Хусаинов отрекся от своих первоначальных показаний. Заявляет, что хотел отомстить полковнику. Однако, сообразив, что сам себе подписывает приговор, спохватился. Утром зашел ко мне Сохань: выскальзывает Хусаинов у него из рук.

— Жаль...

— Закон... У Соханя нет прямых доказательств.

— Но ведь следствие только началось.

— Сохань тоже надеется на лучшее.

— Сомневаюсь, что ему удастся хоть как-то связать Хусаинова с Псурцевым.

— Вы правы. Но вернемся к нашей гоп-компании. Наверное, интересы там не ограничивались игрой в преферанс. Пирий поддерживал Белоштана, а за это надо было ему платить.

— Обратите внимание: в компании директор промтоварной базы, ведущий торгом и начальник милиции. Впечатляет?

— Есть сигналы, Федор Федорович, что Пирий берет взятки. Существует такса: трехкомнатная квартира в престижном доме — десять тысяч.

— Ох как это трудно...— вздохнул Кирилюк.— Самая неблагодарная работа — бороться со взятками...

— Да, попотеть придется.

— Вы его за руку не схватите. Вряд ли сам Пирий ставит подписи на незаконных ордерах. Позвонил начальнику жилищного отдела, тот встал по стойке «смирно», но телефонный разговор к делу не подошьешь.

— Сизифов труд,— согласился Сидоренко.— И все же придется закатывать рукава.

— Интересно, будет вытягивать Пирий Белоштана или нет?

— Не такой он дурак, чтобы засвечиваться. Существует немало способов, чтобы помочь сообщнику.

— Телефонное право...

— Рука руку моет,— вдруг взорвался Сидоренко.— Боже мой, до чего мы докатились! Знаете, куда меня вчера возили? В лесок, где дача самого Пирия.

— Шикарно? Но ведь мэр города, наверное, имеет государственную дачу?

— Имеет. А та, которой мы вчера любовались, принадлежит его теще. Такая милая бабуса из села — пенсионерка на пятьдесят рублей... А дачка, скажу вам! Два этажа, дубовый забор, сад и огород соток тридцать, каменный гараж. Крыша из дюралья, терраса на втором этаже выходит на реку... Пейзаж прекрасный...

— А вы, вижу, позавидовали.

— Немного было,— признался Сидоренко,— поскольку действительно райский уголок.

— Вот с дачи и начинайте раскручивать.

— Есть у меня еще один ход: шофер Вася. Через него Пирий, пожалуй, занимался квартирным бизнесом.

- Слишком банально.
- Через шофера Васю Пирий пустил налево две или три «Волги». Знаете, сколько стоит новая «Волга» на черном рынке?
- Полагаю, тысяч тридцать...
- Берите выше, Федор Федорович. Около сорока.
- Конечно, здесь не только дачу построишь...
- Шофер Вася получил для любовницы двухкомнатную квартиру.
- Прижать его сможете?
- Поссорился Вася с любовницей, она и пришла к Соханю. А Сергей Аверьянович перефутболил ее ко мне. И очень удачно.
- За хвост Васю да на солнышко?
- Факты потрясающие, к тому же, кажется, неопровержимые.
- Хвала и слава красивым любовницам и щедушным Васям.
- Мерзость,— махнул рукой Иван Гаврилович,— да что поделаешь. Ассенизаторы мы с вами, Федор Федорович, но кому-то надо и этот воз везти. Не хочешь, а должен...

* * *

Узнав, зачем пришел к нему Сидоренко, Гусак переменялся в лице и переспросил:

- Кого-кого? Вы не ошибаетесь?
 - Никак нет, Сидор Леонтьевич, требуется ордер на арест директора трикотажной фабрики Георгия Васильевича Белоштана.
 - Какие у вас основания требовать это?
- Сидоренко протянул прокурору картонную папку:
- Прошу ознакомиться.
- Гусак нехотя раскрыл папку, просмотрел бумаги.
- Ну-ну...— промямлил.— Основания вроде есть. Однако...
 - Понимаю вас,— сказал Иван Гаврилович,— даже очень хорошо понимаю, но вынужден настаивать на своем.
 - В знаете, на кого руку подняли?
 - Догадываюсь.
 - Вы догадываетесь, а я знаю.
 - Закон один для всех.
- Гусак скривился:
- Могли бы не говорить мне этого.
 - Банально?
 - Иван Гаврилович, бог с вами, неужели не понимаете, какую кашу завариваете?
 - Я не повар, Сидор Леонтьевич, а следователь. В том, что Белоштан — преступник, не сомневаюсь.
 - А кто же сомневается, но существуют обстоятельства!..
 - Существовали...
 - Не говорите, все под богом ходим.
 - Разные боги у нас, Сидор Леонтьевич,— ответил Сидоренко жестко.
- Гусак спрятал глаза и сказал:
- Бог у нас один: прокурор республики.
 - Вот я и позвоню ему, если не дадите санкции на арест Белоштана.

— Зачем же так? Доказательства у вас бесспорные, но Белоштан у нас фигура слишком заметная. Считаю, надо посоветоваться.

— Нет,— покачал головой Сидоренко,— пока будем советоваться, Белоштан успеет спрятать концы в воду.

— Откуда узнает?

— Не будем наивными, Сидор Леонтьевич.

— Нет,— сказал Гусак, подумав.— Все же так не годится — арестовать члена горкома без санкции партийных органов. Что я скажу товарищу Гаману или самому Фоме Федоровичу? — Видно, упоминание о Фоме Федоровиче придало ему уверенности, ибо произнес решительно: — И не просите, вот так, с бухты-барахты арестовывать Белоштана не имеем права.

— Вы хорошо знаете, что имеем,— возразил Сидоренко.— Более того — должны. Повторяю: все равны перед законом, и Белоштан, и сам Фома Федорович.

У Гусака округлились глаза.

— Я попрошу вас,— повысил голос прокурор,— уважительнее относиться к областному руководству!

— Повторяю: все равны перед законом. Кстати, даже делегаты Девятнадцатой партконференции одного ранга с Фомой Федоровичем...

— Так то ж узбекская мафия: как говорят в Одессе — две большие разницы...

— Значит, вы отказываетесь санкционировать арест Белоштана?

— Зачем же так категорично? Говорю: надо посоветоваться.

— Позвольте воспользоваться вашим телефоном?

— Иван Гаврилович, войдите в мое положение!

— Не могу и не хочу. Сейчас вы скажете, что я уеду, а вам здесь жить и работать. И что иногда нужно идти на компромиссы. Но я не пойду на компромисс, извините, не могу — совесть не позволяет.

Гусак пальцами сдвинул виски, словно успокаивал головную боль. Сказал:

— Ладно, давайте ордер, я подпишу.— Поставив размашистую подпись, спросил: — Когда будете брать?

— Сейчас же. Только прошу вас, Сидор Леонтьевич,— никому... Никто не должен знать об аресте. Примерно часа два. Пока не доставим Белоштана в следственный изолятор.

— Сами поедете?

— Самому неловко, поручу Кирилюку. Потом,— положил перед Гусак-ом еще одну бумагу,— придется обыскать квартиру Белоштана. Прошу разрешения.

— Сказав «а», надо говорить «б».— Гусак подписал и спросил: — Думаете, вышли на крупную птицу?

— Уверен,— не стал скрывать Сидоренко.— Знаете, сколько женских кофточек можно изготовить из трех тонн шерсти?

— Пять-шесть тысяч?

— Приблизительно, а если выручить за каждую по сто рублей?

— Полмиллиона? — ужаснулся Гусак.— Не может быть!

— Все может быть, Сидор Леонтьевич, и вы знаете это не хуже меня.

Гусак вспомнил, как когда-то, слава богу, давно, год назад, а может, раньше, Псурцев затянул его на квартиру любовницы Белоштана. Как ее

зовут? Напряг память, но не вспомнил. Встретил их тогда сам хозяин, Георгий Васильевич, угощал французским коньяком «Наполеон», икрой и балыком. Тогда и зародилась у него мысль, что с Белоштаном не чисто, но приглушил ее, а потом заставил себя забыть. Тебе что, оправдывал сам себя, больше всех нужно? Ходят слухи, Белоштан дружит с Пирием, а тот через год-два может стать первым в горкоме, так как Гаман точно уйдет на пенсию. Иногда Сидор Леонтьевич ненавидел себя за эти недостойные мысли и расчеты, но ненадолго... Живешь среди волков — по-волчьи вой...

Сейчас Гусак взвесил: стоит ли подсказать Сидоренко, чтобы обыскал также квартиру Белоштановой любовницы? Ну как же ее зовут? Кажется, Люба, точно — Псурцев называл ее Любчиком, квартира в доме по улице Кирова. Однако, если он скажет Сидоренко про квартиру Любчика, станет ясно, что имел с Белоштаном какие-то отношения. Конечно, это не страшно: Георгий Васильевич — номенклатурный работник, передовой директор, кто же знал, что за ним водится? И все же, если он был у Любчика, не мог не знать, что у Белоштана два лица: имеет любовницу, выбил для нее квартиру, шикарно обставил, на какие, извините, шиши? Выходит, прокуратура не увидела того, что лежит на поверхности. Точнее, не прокуратура — это можно было бы пережить, — а лично он, прокурор Города.

«А, пошел ты к черту... — подумал вдруг Гусак о Сидоренко с раздражением и даже с ненавистью. — Приехал, копает, где надо и где не надо, тоже мне — принципиальный, будто в Городе лопухи сидят... Еще и именем прокурора республики козыряет! А кто позволил? Мы тоже не лыком шиты, понимаем, что к чему, и не позволим командовать».

Однако, подумав так, Сидор Леонтьевич сразу остыл.

«Пусть, — решил, — пусть этот столичный проходимец лезет в пекло, может, шею сломает. Вечером надо будет позвонить Псурцеву, он должен будет знать об аресте Белоштана. Надо объяснить, что прокурор здесь ни при чем, вынужден был подчиниться давлению сверху. Пусть, — подумал спокойно, — пусть все идет как надо, я буду в стороне. Нужно кланяться и тем, и тем, конечно, ориентируясь на сильнейшего. Так как сильный вывезет и тебя».

Посмотрел на Сидоренко уже открыто и даже весело:

— Пусть вам повезет, Иван Гаврилович. Вот что значит взгляд со стороны! У нас под носом все творилось, но, к сожалению, не заметили... Прохлопали! — картинно воскликнул и даже стукнул кулаком по столу: — ОБХСС называется... Загордились, зажирели, мать их так, такого жулика проморгали!

Сидоренко хотел резонно спросить, а куда смотрела прокуратура, но решил не портить отношений: добился, чего хотел, — санкция на арест Белоштана у него в кармане, и надо действовать.

* * *

Георгий Васильевич строго посмотрел на троих незнакомых мужчин, без разрешения вошедших в его кабинет, и произнес раздраженно:

— Я занят, товарищи. Прошу подождать в приемной!

Но мужчины никак не отреагировали на его гнев, наоборот, высокий

блондин спортивного телосложения прошел к старому столу и протянул Белоштану раскрытую красную книжечку. Но Белоштан насмотрелся красных книжечек, относился к ним без уважения, поэтому и повторил:

— Слышите, я занят и не могу...— Но тут вдруг смысл сказанного блондином дошел до него.— Из какой милиции?..— пробормотал, почувствовав, как уходит куда-то сердце.

Блондин положил на стол перед Белоштаном бумагу.

— Это, гражданин Белоштан, санкция на ваш арест.

У Георгия Васильевича ноги сделались ватными, упал в кресло, но все же нашел в себе силы спросить:

— Шутите?

Но посетитель смотрел весьма серьезно, а юноши в гражданском подошли с двух сторон к столу, как бы брали его в клещи, и Белоштан наконец понял, что произошло самое страшное.

— Прошу ознакомиться с ордером на арест, гражданин Белоштан,— повторил блондин.— И только без глупостей...

«Вот и свершилось...— побелел Белоштан.— Не зря копались на фабрике...»

Он уже знал, что киевляне выявили запасы пряжи на складе, ждал вызова в прокуратуру, разработал более-менее убедительную версию, хотя, конечно, и в мыслях не было, что придут арестовывать. А ведь прокурор Гусак свой человек, был даже в гостях у Любчика — и на тебе, подписал ордер... Да, на бумаге подпись Гусака.

Белоштан с гадливостью отшвырнул от себя ордер, выразив на лице что-то похожее на безразличную улыбку.

— Вы превышаете свои полномочия,— сказал,— я — член горкома партии, и без согласия с товарищем Гаманом...

— Думаю, на ближайшем пленуме вас выведут из состава горкома,— четко возразил блондин.

— Однако что вы можете инкриминировать мне? Наше предприятие — одно из лучших в республике, получили переходящее Красное знамя Совета Министров и ВЦСПС.

— Поедем в прокуратуру, Белоштан, там разберутся во всех ваших художествах.

До Георгия Васильевича вдруг дошло, что к нему так обращаются впервые, просто Белоштан, без «товарища» и даже без «гражданина». Это поразило его больше всего.

Но где был Псурцев, почему не предупредил? Значит, столичные гости действуют по собственной инициативе, обошли городское руководство, и еще не все потеряно...

Решение пришло внезапно: Белоштан встал, отодвинул кресло, отступил к стеллажам за спиной, в которых была замаскирована дверь в комнату отдыха. Теперь только бы успеть...

— Я буду жаловаться на вас,— сказал блондину.

— Это ваше право,— ответил тот хмуро.

И в это мгновение Белоштан бросился к стеллажам. Дверь бесшумно раскрылась, и Георгий Васильевич ловко проскользнул в нее, успев нащупать предохранитель — замок щелкнул, отгородив его от проклятых ментов. Они навалились на дверь, начали выламывать ее, но у Белоштана в

запасе было несколько минут — бросился к «вертушке» и дрожащими пальцами набрал номер Пирия.

«Лишь бы только был на месте,— шептал Белоштан,— только бы никуда не уехал...»

Услышав голос Пирия, произнес почему-то тихо:

— Кирилл, меня арестовывают...

— Кто? — не понял тот.

— Киевская милиция. Появились с ордером, подписанным Гусаком.

— Не может быть?!

— Мне удалось заскочить в закоулок. Какое-то страшное недоразумение! Что делать, Кирилл?

— Не паникуй, Жора. С Гусаком мы разберемся. Если эти киевские типы и докопались до чего-нибудь, не так уж и страшно. Нажмем на кнопки.

— Чего предпринять, Кирилл?

— Выходи к ним. Пусть все идет как положено... Не волнуйся, защитим...

— Смотри, Кирилл, я до поры до времени буду молчать...

— Я не бог, Жора, но все, что смогу...

— Ты меня понял, Кирилл? Я буду молчать, но...

— Надейся на лучшее. Вытащим тебя, Жора, но сам понимаешь... Если даже несколько лет... Переживешь...

— Переживу,— совсем неожиданно для себя согласился Белоштан, поскольку внутренне был готов и к аресту, и к колонии. Наконец, всегда можно найти ходы к милиционерскому начальству — ни Пирий, так Псурцев... Начальник колонии тоже хочет жить, и ему можно подбросить... — Я рассчитываю на вас,— сказал и повесил трубку. Глубоко втянул в легкие воздух, зачем-то поправил галстук и открыл дверь, которая уже трещала под напором молодых парней из милиции. Те ворвались, заломили руки. Блондин осмотрел комнатку, улыбнулся.

— Успели позвонить? Кому?

— Так я вам и сказал... Кому хотел, тому и позвонил. Пустите! Мне больно!

Юноши немного отпустили руки Белоштана, а один из них достал наручники и громко щелкнул ими за спиной арестованного. Вот будет картина, подумал Белоштан, когда при выходе с фабрики все увидят директора в наручниках. Заскрежетав зубами от злобы и унижения, Белоштан осознал, что он уже не всемогущий, пока еще подследственный, а потом будет называться преступником — и быть ему им год, два, а может, и больше...

Но минуют черные годы и снова жизнь обязательно улыбнется ему, ибо она на самом деле удивительна и прекрасна...

* * *

В дверь деликатно постучали, и в комнату к Сидоренко заглянул круглолицый парень в джинсах-«варенках» и вышитой сорочке.

— Можно? — спросил. — Я Микитайло Василий Степанович. Вызывали?

Сидоренко решил, что вышиванка не очень подходит к джинсам и не

свидетельствует об изысканных вкусах Микитайло. Однако, когда парень носит ее, уже говорит не о духовности, то о явной склонности к старине, к национальному, а это всегда приятно. Похоже, в душе юноши где-то тлеет совсем незаметная искорка, которую можно раздуть...

— Садитесь, Василий Степанович.— Почему-то в душе Сидоренко потеплело, хотя разговор с Микитайло предстоял не из приятных.— Я хочу предупредить вас, что за ложные показания вы будете отвечать...— Он говорил эти стандартные слова, а сам смотрел на улыбающееся круглое лицо Микитайло и думал: как сложится беседа? Физиономия вроде симпатичная и глаза живые, но это еще ни о чем не говорит, есть такие внешне симпатичные типы, доводящие следователей до белого каления.

Микитайло положил руки на колени, плотно обтянутые «варенками», кивал, соглашаясь, как бы обещая говорить правду, и только правду. Но когда Сидоренко спросил, знает ли он Наталью Лукиничну Пуговицу, нахмурился и опустил глаза.

— Знал...— ответил с подтекстом.

— Хотите сказать, что сейчас не поддерживаете с ней никаких отношений?

— Не поддерживаю и не буду поддерживать.

— Это ваше дело, Василий Степанович, и, наконец, это говорит не в вашу пользу. Объясните, как вам удалось пробить квартиру в Городе для Пуговицы?

— Я?.. Пуговице?.. Квартиру?..— Удивление Микитайло было настолько искренним, что, если бы Сидоренко не знал нюансов дела, мог бы подумать: на Микитайло возвели поклеп.

«Ну и жук,— мелькнула мысль,— ну и проходимец, и сорочку, наверное, надел не без расчета: мол, свой своего не утопит...»

— Да, квартиру,— повторил Сидоренко.— И хочу вас предупредить: искреннее раскаяние и помощь следствию всегда учитывается судом.

— Вы только подумайте: я организовал квартиру! — возмутился Микитайло.— Однако кто я есть, товарищ следователь? Кто, спрашиваю вас? Шофер я, обыкновенный шоферюга. Что от меня зависит? Ну, вожу председателя городского Совета, ну и что? Товарищ Пирий у нас строгий, к нему с такими вопросами и не обращайся, ибо так врежет!

— В каких отношениях пребывали с Пуговицей?

Глаза у Микитайло блудливо забегали.

— Понравилась она мне... Познакомились, выходит, в райцентре Карпивицы, был я там с шефом в командировке, руку порезал, заглянул в больницу, и она перевязала. Молодая женщина, красивая, начала мне в глаза бесики пускать и вроде охмурила. Вы только никому не говорите, товарищ следователь, но уж такая судьба вышла: сошлись мы с Пуговицей и любил я ее, пока не раскусил окончательно. Ведь женщины всегда такие: сначала угождают и в любви клянутся, слова всякие произносят, а потом — давай и давай! А я ведь не двуличный и не миллионер — у меня зарплата шоферская. Ну,— улыбнулся доверчиво,— иногда трояк или пятерку где-нибудь урвешь, но что нынче трояк? Тьфу...

— И все же на эту шоферскую зарплату вы умудрились приобрести «Волгу»...

— Экономил... — вздохнул Микитайло. — На хлебе и воде, можно сказать, сидели, да еще родители помогали, протянули руку помощи, без них где бы я пятнадцать тысяч собрал?

— Ладно, про «Волгу» поговорим потом. А сейчас все же вернемся к Пуговице. Я понял, что были вы с Натальей Лукиничной в интимных отношениях...

— Признаю, был в этих, как вы интересно сказали, интимных... Действительно, жили мы с ней... Вначале я часто навещался в Карпивицы, потом она переехала в Город.

— Как переехала?

— Говорила: перевели ее как специалиста. С получением жилплощади. За нее сам завоблздравотделом Шарий хлопотал, а может?.. — Неожиданно Микитайло округлил глаза и стукнул себя кулаком по лбу. — А если она и ему бесики пускала и охмурила? Наталка такая — все может...

— Скверно, Микитайло, на женщину наговаривать, вы же ей в любви объяснились и в город помогли переселиться.

— И это Наталка вам сама сказала? Соврала, товарищ следователь, ей-богу, соврала!

— Скверно, Микитайло. Вы хотите доказать мне, что обыкновенную медсестру могут перевести в областной центр и в рекордно короткое время, за месяц, предоставить ей отдельную двухкомнатную квартиру? Когда в Городе так сложно с жильем? Бросьте мне сказки рассказывать, Микитайло, тут и дурак все поймет.

— А я что говорю? Конечно, без протекции не обошлось. Наталка — она хитрая, наверное, и со мной, и с товарищем Ширием крутила. Он и помог ей.

— А товарищ Ширий заявляет: вы приехали к нему с заготовленным прошением на имя председателя и он проявил мягкотелость — подписал. А Пуговицу Ширий никогда в жизни не видел. Так же, как и она его. И доказать это не так уж сложно.

Микитайло опустил голову и, шмыгнув носом, произнес плаксиво:

— Ну ладно: виноват я, товарищ следователь. Совсем от этой проклятой Пуговицы голову потерял. В ногах у товарища Пирия валялся. Он и слушать не хотел, но все же удалось разжалобить.

— Констатируем: председатель городского Совета Пирий, идя вам навстречу, незаконно без очереди устроил вашей любовнице Наталье Пуговице квартиру в Городе.

— Так уж получилось. Но я очень товарища Пирия просил. В ногах ползал...

— А скажите, Микитайло, когда вы гражданке Гофман квартиру в Городе отстроили, тоже в ногах Пирия валялись?

Микитайло сжал колени пальцами, зло сверкнуло у него в глазах.

— Не знаю я никакой Гофманихи... — высказался после паузы.

— Мы устроим вам с ней очную ставку.

— Пожалуйста, устраивайте... На порядочного человека всегда можно наговорить!

— Считаете себя порядочным?

— Что вы из меня душу вытягиваете? — вскипел шофер. — Уцепились как клещ... Ну любил я Пуговицу, ну помог с квартирой, разве это преступление? Ну осудит меня коллектив, то есть общественность, а при чем здесь прокуратура? Преступников надо ловить, товарищ следователь, а не к простым людям цепляться!

— Преступников — это вы правильно сказали. И разговор у нас с вами, Микитайло, только начинается.

— А я не возражаю. Вы будете спрашивать, а я буду отвечать.

— Вот я и спрашиваю: сколько вы получили от гражданки Гофман за трехкомнатную квартиру?

— Побойтесь бога: эта Гофман — жена погибшего солдата, ей льготы положены, зачем же ей квартиру устраивать?

— А сказали, что не знаете Гофман.

— Забыл, а сейчас вспомнил.

— Вспомните также, что Гофман никакими льготами не пользуется, это вы сами придумали, чтобы хоть как-то подвести базу под свою первую аферу. Сколько взяли с Гофман?

— Побойтесь бога!..

— Десять тысяч вы взяли с гражданки Гофман. Такая такса была у вас с Пирием — десять тысяч за трехкомнатную квартиру и семь за двухкомнатную. Сколько оставалось вам?

— Оболгали меня...

— Вначале Гофман, потом Заровский, Хорошилова, Шульженко? Хватит пока фамилий?

— Хватит! — поднял руку Микитайло. — А вы славно поработали.

— На том и стоим. Ну так как, договоримся, Микитайло, состоится у нас откровенный разговор или нет?

— У-у, сука! — схватился за голову Микитайло. — У-у, неблагодарная! А я ей угождал, на руках носил. Все они такие: пока угождаешь, на шею вешаются, а что не так — продадут и ногами разотрут. Ножками, в сапожках — красных, австрийских, какие я же ей и подарил!

— Не надо эмоций, Микитайло.

— Правда, не надо, — согласился тот неожиданно спокойно. — Подловили вы меня, товарищ следователь. Или уже говорить — гражданин?

— Говорите, как хотите, только правду.

— Если правду, то правду. Я человек маленький, по-маленькому и брал. Десять процентов комиссионных, как заведено. То есть клиентов искал... Точнее, не искал — сами лезли. Потому что жилищный кооператив искать долго, не всех принимают, да еще загонят на окраину, где будешь колхозными полями любоваться, а у нас фирма, квартира через два-три месяца, конечно, не на Центральном проспекте, но рядом. Мне тысячу, начальству — остальные, и запротоколируйте, пожалуйста, что гражданин Микитайло дал эти показания добровольно, без принуждения, помогая следственным органам раскрывать государственных преступников.

— Ну, не совсем добровольно, — улыбнулся Сидоренко, — да бог с вами. Теперь, Микитайло, нам придется говорить долго и часто, пока все до мелочей не выясним.

— А вы, вижу, придирчивый.
— Профессия обязывает.
— Сколько мне дадут? — вдруг поинтересовался Микитайло.
— Значительно меньше, чем шефу.
— Ну-у, до него у вас руки не дотянутся. Чтобы Кирилла Семеновича да к суду, — удивленно повертел головой. — Не может быть!
— Почему же не может?
— Советская власть не позволит.
— Плохо вы думаете о советской власти, Микитайло.
— Потому что все время ее вожу. Наслышался и насмотрелся.
— Возите вы не советскую власть, а людей, которые компрометируют ее.

— Выходит, много развелось таких.
— Давайте к делу, Микитайло. Вот вам бумага, ручка, садитесь за тот столик и пишите. Детально и обо всем.

— Слушаюсь, товарищ следователь, — сказал Микитайло, а сам подумал: «Не делай из меня дурака. Черта с два все напишу. Четыре фамилии назвал, и хватит. Больше не было — за четыре тысячи много не дадут, жалко только «Волгу» — конфискуют... Хотя машина на тещу оформлена и можно выкрутиться. Теща молодец, она сразу смекнет, что к чему, и сохранит «Волгу» до моего возвращения. Главное: валить все на начальство — девять тысяч из десяти Пирий брал, скряга проклятый. И заставлял искать клиентов, а наше дело телячье, кто против начальства попрет? Главное сейчас — разжалобить. А этого следователя не разжалобишь, не мужик — кремень. А вот судью да народных заседателей попробую... Попал я, бедный и несчастный, в пасть, нажали на меня, а человек я слабый и неопытный, каюсь и принимаю наказание... Может, год или два сбросят... Не вешай носа, Микитайло, — не так страшен черт, как его малюют!»

* * *

Узнав, что Жору арестовали, Любчик весь день ходила с мокрыми глазами — она любила Белоштана, и известие об аресте поразило и подкосило ее, хотя подспудно и готовилась к такому финалу.

Любчик получила направление на трикотажную фабрику в Городе после окончания политехнического института, и Белоштан сразу положил глаз на совсем юную и красивую заместителя главного технолога. Всякими правдами и неправдами он выбил для нее отдельную однокомнатную квартиру. Любчик оценила это и пригласила Георгия Васильевича на новоселье. Почему-то получилось так, что Белоштан оказался единственным гостем: намек был более чем прозрачный — с того вечера Георгий Васильевич стал почти ежедневно проводить молодого специалиста. Честно говоря, иногда у Белоштана возникала мысль круто поломать жизнь и совсем перейти к Любчику, но, поразмыслив, они условились пока не делать этого — жизнь сложная и непредсказуемая, все может случиться, даже конфискация имущества, а до Любчика у прокуратуры и милиции руки не дотянутся.

Так окончательно и решили. Любчик, правда, проплакала тогда пол-

ночи, однако быстро успокоилась. Тем более что Георгий Васильевич через какой-то месяц устроил вселение в новую и престижную квартиру. Пришлось прописать и родителей Любчика, но мать с отцом приезжали редко, они жили недалеко в живописном селе на берегу реки, и Белоштан приступил там к строительству двухэтажной комфортабельной виллы с террасой, выходящей на луговой простор.

Виллу построили ударными темпами — за год. Считалась она собственностью родителей Любчика, хотя они, как и раньше, ютились в старом, темном помещении — и не потому, что Георгий Васильевич запрещал переселяться, наоборот, родителям была отведена большая комната на первом этаже, к тому же старая, невзрачная халупа на одном дворе с нарядной виллой раздражала Белоштана, однако старики почему-то упрямылись, и Георгий Васильевич в конце концов смирился, отгородившись от деревенского домика густо посаженными кустами сирени.

В тот день, когда Белоштана вывели из кабинета в наручниках, все на фабрике с любопытством поглядывали на Любчика — ее отношения с директором были секретом Полишинеля, — но она мужественно выдержала эту пытку и дала волю чувствам только дома. Однако горе не подкосило ее, когда-то они с Жорой обговорили и такую ситуацию, и Любчик, памятуя наставления Белоштана, стала действовать. В конце концов, сделать надо было не так уж и много. Из девяноста тысяч наличными, которые хранились дома, оставила только тысячу, остальные в тот же вечер отдала подругам — кто его знает, может, милиции удастся добиться разрешения на обыск ее квартиры — зачем раздражать следователей? Убрала из стенки несколько хрустальных ваз, подаренные Жорой дорогие статуэтки севрского фарфора и была довольна — ни осталось ничего, за что мог бы зацепиться придирчивый глаз.

Сидоренко пришел к Любчику, когда она уже решила, что все обошлось и милиция не докопалась до ее отношений с Белоштаном. Случилось это в субботу утром — Любчик только что встала и бродила по квартире в халате. Еще неделю назад они с Жорой в это время ехали к родителям или уже купались в реке. Как правило, выезжали в пятницу вечером или в субботу на рассвете: полтора часа быстрой езды — и на месте. Мать готовила на завтрак Жорину любимую печень, а она прихлебывала кофе с тоненьким кусочком нежирной ветчины — надо следить за фигурой, деревенская еда не для нее.

Любчик заглянула в «глазок», увидела мужчину — высокий, темно-волосый, скуластый, внешне симпатичный, — застегнула халат, только после этого поинтересовалась, что нужно незнакомцу. Тот ответил, что из прокуратуры и хочет поговорить. Любчик пожалела, что не успела навести марафет, с досадой взглянула в зеркало и впустила гостя.

Мужчина вынул удостоверение и назвался Сидоренко. Любчик посадила его в гостиной, сама же прошла в спальню привести себя в порядок. Надела скромную белую юбку и закрытую кофту, подкрасила губы и, убедившись, что выглядит более-менее прилично, вышла к следователю. Тот сидел в низком удобном кресле, вытянув ноги. Увидев Любчика,

сделал попытку встать, но она, протестуя, махнула рукой и устроилась в таком же кресле напротив. Короткая юбка не закрывала колени, Любчик попробовала одернуть ее, но круглые колени все же выглядывали предательски, и Любчик решила, что в конце концов сойдет и так. Она кивнула на журнальный столик, где лежала распечатанная пачка сигарет, предложила Сидоренко закурить, он отказался, и тогда Любчик сказала просто:

— Не так уж сложно догадаться, что именно привело вас ко мне. Хотите знать что-то о Белоштане?

Сидоренко, насколько позволяло кресло, выпрямился. Произнес:

— Разговор наш, Любовь Антоновна, неофициальный, хотел бы предупредить: вы можете не говорить всего. Правда, тогда придется вызывать вас в прокуратуру.

Любчик замахала руками:

— У меня нет никаких секретов, и я попытаюсь ответить на все ваши вопросы.

— Надеюсь на это... Скажите, Любовь Антоновна, в каких отношениях вы были с Белоштаном?

— В дружественных. Я бы сказала, больше, чем в дружественных. Если хотите, я была любовницей Георгия Васильевича и не стыжусь этого. Теперь, учитывая ситуацию, многие отрекутся от Белоштана, а я никогда. Считаю его человеком умным, энергичным и верным. Он — настоящий мужчина, и любая женщина была бы счастлива с ним. Конечно, размах и щедрость!.. За это только можно поклониться...

— Ну,— вставил осторожно Сидоренко,— Георгий Васильевич мог быть щедрым. В наших условиях не каждому мужчине удастся демонстрировать размах.

— Вы можете сказать: у нас зря не арестовывают и следствие имеет против Белоштана неоспоримые доказательства...

— Да, имеем.

— А я в них не верю! — воскликнула Любчик, будто и на самом деле была честной.

— Я только следователь, а последнее слово за судом.

— Возможно, вы верите в судебную справедливость, а я не уверена в ней.

— Оставим это. Я пришел к вам совсем для другого разговора.

— Ничего плохого о Георгии Васильевиче не скажу.

— В этом я не сомневался. Есть данные, что на вашей квартире соби-
ралась компания Белоштана.

— Разве это запрещено? Георгий Васильевич был директором фабрики и видным человеком в Городе. Был до последнего времени, пока его не оклеветали. А вы, вдруг вырвалось,— поверили в подлую клевету! Знаете, какие у нас люди? Перегрызают горло друг другу, не могут пережить, если хоть кто-нибудь выделяется из общей массы, возвышается над другими. А Георгий Васильевич как раз и возвышался. Поскольку был талантливым и неординарным. Таких руководителей у нас днем с огнем не найдешь!

«Жил сам и другим давал,— добавила уже мысленно.— В цехе на

Индустриальной женщины зарабатывали по четыреста и больше рублей в месяц, они молились на Жору, но разве ты поймешь это?»

«Бандит твой Белоштан,— чуть не сорвалось с языка у Сидоренко,— обыкновенный вульгарный преступник, возможно, и с внешним блеском, на самом же деле — жулик, шулер, сукин сын, одним словом».

— Не надоели вам Белоштановы друзья? — спросил.

— А я женщина компанейская,— парировала Любчик,— и мне было приятно принимать их.

— Хотите подчеркнуть: люди собирались достойные и уважаемые?

— Раз или два в неделю Георгий Васильевич устраивал пульку. Вы играете в преферанс?

— Не дал бог разума.

— А ко мне приходили люди смышленные...

— И достойные?

— Куда уж достойней! Сам мэр города Пирий, еще Мокий Петрович с Хмизом...

— Директор базы, которого убили?

— Степана жалко,— погрузнела Любчик совсем искренне, потому что действительно симпатизировала Хмизу: самый младший из всех Жориных приятелей, наверное, самый порядочный, без откровенного цинизма, которым отличались Пирий и Псурцев.

— Жаль,— сказал Сидоренко.— У Хмиза вся жизнь была впереди. Кто был заинтересован, чтобы убрать его? — спросил, не сводя глаз с Любчика.— Может, слышали чьи-нибудь предположения на этот счет?

Тут Любчик вспомнила, как пришел к ней Белоштан — это случилось в тот вечер, когда убили Степана. Она узнала об убийстве на другой день — в Городе пошли слухи о случае на двадцать третьем километре, ей позвонила Ольга Перепада, от нее ничего не скроешь, первая в городе сплетница, так вот, Ольга позвонила и без злорадства, зная, что Хмиз иногда бывал у нее в гостях, сообщила: кто-то застрелил Степана. А накануне вечером к ней приехал Жора, был он какой-то взвинченный и нервный, налил полстакана водки и выпил не закусывая, как алкаш в подворотне. Она предложила ему бутерброд с балыком или икрой, но Жора посмотрел на нее отсутствующим взглядом, налил еще полстакана и вынул одним глотком, водка только булькнула в горле. Шлепнулся в кресло: закрыл глаза и пробормотал:

— Вот и все...

— Что — все? — не поняла Любчик.

— Ничего...

— Ты никогда так не пил!

— Черт с ним! — внезапно вырвалось у Жоры.— Собаке собачья...— Он замолчал, внимательно посмотрев на Любчика, вымученно улыбнулся и приказал: — Выпей и ты.

— Неприятности? — поинтересовалась она, но Жора отделался какой-то шуткой и попросил чего-нибудь горячего — печенку или, в крайнем случае, яичницу.

«Как же он сказал тогда? — вспомнила Любчик.— Да... Собаке собачья... Слово «смерть» он не произнес, но и так было ясно».

Тогда вечером она не придавала этому значения, однако сейчас до нее дошел смысл этих слов — выходит, Жора уже тогда знал о Степином конце. А может?..

«Да, исключено, — повторила про себя Любчик, хотя никогда не была убеждена в противоположном. Наконец пришла к выводу: — Жора никогда и ничего не делал зря, следовательно, так было надо, и о Хмизе не стоит вспоминать. Забыть и поставить точку...»

Пожала плечами и ответила, не пряча глаза:

— Кто же мог угрожать Степану? Такой славный человек... Мы так переживаем его смерть...

— Георгий Васильевич хорошо играл в преферанс? — неожиданно спросил Сидоренко.

Любчик пожала плечами:

— Откуда я знаю...

— Проигрывал или выигрывал?

Любчик наморщила лоб.

— Лучше всех играл Пирий: все называли его профессором. Выигрывал чаще всех.

— Много?

«Так я тебе и расскажу, — подумала Любчик, — что и Губа, и Хмиз, и сам Жора фактически сознательно проигрывали Пирию... За вечер — две-три тысячи, сама видела, как рассчитывались».

— Не знаю, не женское это дело.

— От любопытного женского глаза ничего не скроется, — возразил Сидоренко.

— После преферанса мужчины пили водку и закусывали, а я готовила ужин...

— А Псурцев играл? — вдруг спросил следователь.

— Нет, он приходил позже, — вырвалось у Любчика. Но сразу пожалела, что слова уже слетели с языка. — Вы не подумайте плохое, выпивали немного, по две-три рюмки, больше разговаривали.

— И о чем же?

«О цехе на Индустриальной, — в мыслях зло улыбнулась Любчик, — и о квартире в новом здании за десять тысяч...»

— О чем могут говорить мужчины? — махнула рукой. — О футболе, киевском «Динамо», как оно обставит «Спартак»... Это мы о тряпках говорим, а у них футбол и перестройка, перестройка и футбол.

«А она не так проста, как кажется», — подумал Сидоренко и перевел разговор на другое:

— Белоштан помогал вам обживаться в этой квартире? Кооперативная или государственная?

— Знаете, сколько сейчас кооперативные стоят? — с испугом округлила глаза Любчик. — Где я такие деньги возьму? Квартира государственная, тут отец с матерью прописаны, летом они в деревне, осенью снова ко мне...

— Три комнаты на троих?

— Растет народное благосостояние! — нагло улыбнулась Любчик. — Партия выдвинула лозунг: до двухтысячного года каждой семье отдельную квартиру.

— Но у вас же была отдельная...
— Однокомнатная, а родителям в деревне трудновато.
— И поэтому они возвели в Дедовцах двухэтажный дом?
— Да...— вздохнула Любчик, спрятав в глазах злые огоньки,— мы решили не покидать Дедовцы. Там похоронены предки. Родители взяли у государства ссуду, кажется, десять тысяч, одолжили еще у соседей, я тоже помогла, вот и построились. А что, извините, нельзя?

— Да,— кивнул Сидоренко,— нельзя за счет государства незаконно улучшать свои жилищные условия. Знаете, какая на фабрике очередь?

— Не знаю и знать не хочу!

— Воспользовавшись знакомством с Пирием, вы обошли других.

— А вы, прежде чем делать такое безответственное заявление, спросите у самого Кирилла Семеновича, обращалась ли я к нему?

— Конечно, Пирий не подтвердит этого.

— Между прочим, нас трое в трехкомнатной, а в таких квартирах живут и по два человека.

— Свинство.

— А я считаю: свинство то, что люди по десять лет квартиры ждут. Говорим о правах человека, из дефицита не вылезаем...

— Но вас, думается, миновала чаша сия...— обвел глазами комнату Сидоренко.— Живете с комфортом.

«Увидел бы ты мой фарфор...— Любчик мысленно показала Сидоренко фигу.— Но не дотянутся у тебя до меня руки».

А Сидоренко подумал почти о том же:

«Не подкопаешься... Однако, проклятая баба, как все обставила. Родители ссуду взяли — под те десять тысяч сорок можно истратить, и ничего не докажешь. Чисто сделано...»

И впервые пожалел, что миновало сталинское время. Тогда можно было и не считаться с законом: за ушко да на солнышко... Но сразу же осудил себя. Ну выскользнула у него из рук эта несчастная женщина, ну нет статьи, на основе которой можно было бы возбудить против нее судебное дело. Нет так нет, пусть существует... Если и дальше будет идти по белоштанскому пути, обязательно где-нибудь споткнется...

* * *

Сохань сидел в кабинете Гусака, понуро опустив плечи, и старался не смотреть ему в глаза.

— Дали мы маху с Хусаиновым,— сказал Гусак.— С чем выйдем на суд? Пшик, а не дело.

Сохань зажал руки между коленями, согласился:

— Нет убедительных доказательств. Хотя и твердо убежден...

— Думаете, мне хочется отпускать этого мерзавца? — поморщился Гусак.— Я тоже уверен, что Хусаинов убийца. Но что из этого?

— Давайте обобщем Филину квартиру еще раз.

— Думаете, что-нибудь недосмотрели? Хусаинов не такой дурак, чтобы давать нам козыри.

— Это наш последний шанс.

— Последний, — согласился Гусак. — Только вот что: мобилизуйте самых лучших следователей.

— Какие уж есть... — махнул рукой Сохань. Он не был уверен, что повторный обыск что-нибудь даст, но других предложений пока не было.

Жена Филина встретила их враждебно.

— Менты проклятые, — не удержалась. — Чтоб вы все передохли!

Лейтенант Рыбчинский, всегда улыбающийся парень с открытым добродушным лицом, рассмеялся:

— Только после вас, тетенька.

Женщина смерила его ненавидящим взглядом, села в углу, уставилась в книгу, хотя — Сохань видел — не читала ее.

— С богом, — скомандовал он ребятам, и те снова приступили к выстукиванию пола, стен и подоконников...

Работали до вечера — жена Хусаинова так просидела три часа, будто неживая, только изредка бросала на Соханя злые взгляды.

Наконец Сохань и на этот раз признал себя побежденным.

— Ничего существенного, — констатировал с сожалением. Подумал и приказал: — Сейчас — в гараж!

Неизвестно, за какие заслуги, но Хусаинов добился права построить гараж вблизи дома — здесь пристроились три кирпичных гаража с металлическими воротами и заасфальтированными дворниками перед ними.

Рыбчинский вооружился миноискателем, прослушивал им стены, а другой эксперт спустился в погреб, чтобы детальнее обследовать его. Сохань, спиной ощущая равнодушные взгляды понятых, осматривал полки. Разное барахло: старый аккумулятор, ржавый кардан, помятые, но еще пригодные канистры из-под бензина и масла. А над полками все стены заклеены цветными вырезками из иностранных журналов. Сплошь красавицы полураздетые и вообще обнаженные, блондинки и брюнетки, негритянки, японки, китайки... На любой вкус и в любых позах. Одна из них, стройненькая, беленькая, почти целый час смотрела на Соханя — с издевкой и, кажется, даже подмигнула.

«А хороша, — невольно подумал Сергей Аверьянович, — дрянь, а красивая, и фигура классическая. Очевидно, для Фили подобные девчонки не были проблемой».

Лейтенант Рыбчинский закончил свои манипуляции с миноискателем — развел руки и поставил прибор возле ворот. Но другой эксперт еще находился в погребе, и Сохань присел на табурет возле обшарпанной тумбочки. Он уже покопался в ее содержимом, но от нечего делать опять выдвинул ящик. Та же картина: несколько магнитофонных кассет, кусок мыла, испорченный будильник, вата, бинт и несколько ключей. Один из них, пожалуй, был от гаражного замка — длинный и круглый. Сохань погладил ключ, какая-то подспудная мысль мелькнула у него — взял ключ и попробовал отомкнуть им замок в воротах. Ключ свободно вошел в отверстие замка, но не поворачивался, как Сохань ни старался: ключ был явно не от этого замка.

Но от какого? И зачем хранит его Хусаинов? Сохань ткнул ключ

в отверстие замка стоящего рядом гаража — не подошел. На воротах третьего гаража висел амбарный замок. Сохань задумчиво свистнул и повернулся к понятым, спросив их:

— Видели, как я достал этот ключ из тумбочки?

Понятые согласно закивали, Сохань на всякий случай зафиксировал этот факт в протоколе, положив ключ в портфель. Опечатав гараж, вернулись в прокуратуру.

* * *

Филя-прыщ уселся на стул, подтянув штанину джинсов, и спросил вызывающе:

— Долго я еще здесь буду торчать, начальник?

— Все зависит от обстоятельств, — объяснил терпеливо Сергей Аверьянович. — Следствие не закончено.

— Вы можете тянуть и год, но я-то при чем тут?

— Вы, Хусаинов, подозреваетесь в убийстве Хмиза, и мы вынуждены содержать вас в следственном изоляторе.

— Незаконно, я буду жаловаться в Москву.

— Ваше право, Хусаинов. — Сохань покопался в ящике письменного стола и вынул гаражный ключ. Увидев, как испуганно блеснули Филины глаза, взвесил его на ладони. — Этот ключ, Хусаинов, в присутствии понятых обнаружен в вашем гараже. Но он не подходит к замку. Чей гараж открывается этим ключом?

— Ключ?.. — пробормотал Филя, и Сохань увидел, как потемнели у него глаза. Наглая улыбка сменилась гримасой, глаза запали и забегали. — Может, от старого замка... Да разве мало барахла в гараже? Не успел выбросить...

— Когда меняли замок?

— Разве помню? Года два-три назад...

— Замок, конечно, выбросили?

— Зачем он мне, если испортился?

— А ключ почему сохранили?

— Так, завалялся...

— Может быть и такое, — согласился Сохань. — Все бывает в нашей жизни. — Он вызвал конвоира и приказал отвести Хусаинова в камеру. А сам пошел к Гусаку.

Выслушав Соханя, прокурор оживился.

— Говорите, увидев ключ, Хусаинов испугался?

— Переменился в лице, побледнел весь.

— Считаете, у Хусаинова есть еще один гараж? Сомнительно. Город наш не такой уж маленький, но спрятать концы в воду трудно. Особенно с гаражом.

— Есть несколько вариантов, Сидор Леонтьевич. Первый: у Хусаинова есть еще один гараж на подставное лицо. Где-нибудь на окраине, в кооперативе — прекрасное место для сборища преступников... Как-то мне пришлось побывать у одного знакомого. У него под гаражом подвал с бочками и рядом комнатка — сиди хоть неделю, все будет шито-

— Удобно, — кивнул Гусак.

— Далее. Кто-то из Филиных друзей дал ему ключ от своего гаража. Ускал куда-то или машину продал. Может ставить машину.

— Сомнительно, у Хусаинова свой же гараж под боком.

— Но возможно. Наконец, Хусаинов мог тем временем пользоваться чьим-то гаражом, оставив ключ у себя или изготовив дубликат. Оборудовал в том гараже тайник...

— Где ключ? — с нетерпением спросил Гусак.

Сохань извлек ключ из кармана и протянул его прокурору. Тот стал внимательно разглядывать.

— На экспертизу, — решил. — Немедленно на экспертизу. Похоже, самоделка. Конечно, самоделка, простым глазом видно.

Сохань рубанул рукой воздух.

— Надо срочно обратиться к населению по радио. Пусть сообщат, кто разрешает Хусаинову пользоваться своим гаражом. И дать запрос через газету...

— Можно, — согласился Гусак. — Я позвоню редактору, пусть тиснет в ближайшем номере.

★ ★ ★

Секретарша, некрасивая, сухая, плоскогрудая, но надменная, на лице которой будто застыло неуважение к посетителям, узнав, кто пришел в приемную, смягчилась и даже сама открыла перед Сидоренко обитые кожей двери.

Пирий сидел за большим полированным столом, опершись на него локтями, — постукивал пальцами правой руки о пальцы левой и невозмутимо смотрел на Сидоренко. Иван Гаврилович полез за удостоверением, но Пирий покачал головой:

— Не нужно, мне доложил о вашем посещении городской прокурор.

— Моя фамилия Сидоренко. Иван Гаврилович Сидоренко — следователь по особо важным делам республиканской прокуратуры.

— Какое же важное дело привело вас в исполком?

— Нами арестован директор трикотажной фабрики Белоштан...

— Знаю... — Ни один мускул не дрогнул на лице Пирия — оно оставалось таким же невозмутимым, каменным.

— А знаете ли вы, что на протяжении многих лет на глазах у общества и за пять кварталов от исполкома существовал и работал на полную мощность левый цех?

Сидоренко показалось, что насмешливая искорка мелькнула в глазах Пирия, но тот ответил спокойно, даже как-то отчужденно:

— Без причин вы не арестуете. Гусак информировал меня, и, честно говоря, я в недоумении. От кого, от кого, но от Белоштана не ожидал. Одни из лучших руководителей, выбрали членом горкома партии. Обвел нас вокруг пальца...

— Кажется, вы были приятелями с ним?

— Приятельскими наши отношения назвать трудно: иногда играли в преферанс.

— У Белоштана?

— У Георгия Васильевича больна жена — не беспокоили ее. Белоштан устраивал игру на квартире у одной из своих работниц. Как ее? — сделал вид, что вспоминает. — Любовь Антоновна, извините, фамилии не знаю.

— Сулима.

— Возможно. Очень симпатичная и гостеприимная женщина.

— Любовница Белоштана.

— Неужели? Я бы не сказал...

— Это не бросалось в глаза? А Любовь Антоновна не скрывает.

— Думаю, что вы пришли ко мне не для того, чтобы уточнять отношения...

— Из-за такой мелочи не отважился бы отнимать ваше драгоценное время. Просто хочется уяснить некоторые нюансы ваших отношений с Белоштаном. Вы ведь не только играли с ним в преферанс, но и пили водку, то есть общались не как коллеги по горкому, а значительно теснее. Кстати, по сколько играли? Ставки вашей игры?

— Говорите уж прямо: хотите знать, не поддавались ли мне партнеры? — Пирий мгновенно прикидывал варианты: Белоштан — кремень, он знает, что и как говорить, от Губы тоже ничего не узнают. А Хмиза уже нет. Сказал твердо: — Должен разочаровать: копеечные игры. Конечно, в пультке все бывает, но партнеры собирались солидные и опытные. Самый большой проигрыш — рублей тридцать, да и то очень редко.

«Если бы ты только знал, — подумал не без злобы, — что выкладывали мне ребята почти по десять тысяч в месяц. Дураки, делали вид, что проигрывают случайно. Даже Жора делал веселую мину при плохой игре. Проницательный, мудрый и опытный Жора! Жаль Жору, ну да мы за него еще поборемся».

— Что тянется за Белоштаном? — спросил подчеркнуто безразлично, будто этот вопрос не очень интересовал его.

— Идет следствие, Кирилл Семенович, и я, к сожалению...

— Пока я один из руководителей Города, думаю, имею право быть в курсе всех городских дел.

— Извините, но мы проинформируем вас после окончания следствия.

— А не много ли вы берете на себя? — Все же Пирий немного сорвался, и Сидоренко сразу засек это.

— Закон!.. — объяснил.

— Согласен, — Пирий переплел пальцы, сжал их. — Я и так знаю: левая пряжа, левая продукция... Весь город гудит как улей. Но мне сообщили, что в рамках фабрики создан кооператив.

— Создан, да слишком поздно.

— Раньше мы почему-то по-иному относились к частнособственной деятельности... И только сейчас сообразили...

— Белоштан обращался к вам с просьбой утвердить кооператив «Красная Шапочка»?

— Это прерогатива моего заместителя.

— Значит, не обращался?

- Нет.
- На исполкоме этот вопрос не стоял?
- Сейчас кооперативы возникают как грибы в добром лесу. Попробуй запомнить все...

— Согласен, Кирилл Семенович. Оставим это. Пока что. Наверное, у нас с вами в связи с делом Белоштана состоится еще не один разговор.

- Говорите так, как будто угрожаете!
- Ни в коем случае. В делах трикотажной фабрики еще много запутанного и непоясненного.

— Тем более.

Сидоренко почувствовал, что Пирий облегченно вздохнул и расслабился. Сказал:

— Еще один вопрос, Кирилл Семенович. Вчера мы задержали вашего шофера Микитайло.

— Мне уже доложили, но я завертелся и не смог позвонить в милицию. Что выкинул Василий? Хулиганил или левый рейс?

— Хуже, Кирилл Семенович, боюсь, что и у вас придется брать объяснения.

— Отдаете себе отчет, что говорите?

— Конечно, но Микитайло дал показания, что вы, Кирилл Семенович, именно вы, устроили его любовницу в Городе и дали ей отдельную двухкомнатную квартиру.

Пирий огорченно покачал головой.

— Ну и ну... Нельзя людям добро делать! Я к Микитайло как к родному относился. Моя Нина Ивановна чаем угощала, а он... Выдумать такое!

— Мы проверили: действительно, гражданка Пуговица Наталья Лукинична, то есть любовница Микитайло, без всяких на то оснований переведена из райцентра в Город и ей выделена без очереди отдельная двухкомнатная квартира.

— Безобразие! — сузил глаза Пирий. — Черт знает что! В наш жилищный голод... Разберемся и накажем виновных.

— А Микитайло еще утверждает, что в ваших ногах валялся, только бы Пуговицу в Городе устроить.

— Впервые слышу. Скажите хоть, кто она такая, эта мифическая Наталка Пуговица?

— Обыкновенная медсестра.

— Ну вот... Не могли ее перевести в Город — профессия не дефицитная, и я согласен с вами — нелепо. Да и вообще не может такого быть: беспрецедентно в обход очереди дать квартиру какой-то медсестре...

— О ней официально просил заведующий областным отделом здравоохранения Шарий.

— Иногда мы делаем исключения — учитываем просьбы областных организаций. Может, Шарий обратился в инстанции...

— Письмо, подписанное Шарием, было направлено лично вам?

— Не помню... Не могу я все помнить, товарищ Сидоренко. Таких писем...

— На этом письме резолюция вашего заместителя.

— А вы утверждаете: я выдал жилье какой-то Пуговице...— Пирий мысленно послал Сидоренко ко всем чертям: дело сделано чисто, он посоветовал Микитайло взять письмо от Шария, где-то в компании намекнул Шарию, чтобы не возражал, подмахнул бумагу, а потом этот документ как бы провели через исполком и заместитель написал постановление.— Да я про нее впервые слышу.— Покачал головой и произнес в отчаянии: — Не ожидал такого от Микитайло, считал его честным человеком.

— И ошиблись.

— Теперь на самом деле вижу.

— Дело в том, Кирилл Семенович, что Микитайло в своих показаниях ссылается на вас.

Сказав это, Сидоренко почувствовал, что Пирий впервые за час их беседы пошатнулся. Почти ничем не показал этого, но злоба и гонор сползли с него. Он стал казаться даже меньше. Но, наверное, следовательно недооценил Пирия, так как тот взял себя в руки и спокойно произнес:

— Такая уж наша доля. Чуть что — кто виноват? Мэр Города, а ну, подать сюда Ляпкина-Тяпкина! На ковер его!

— По моим данным, не так уж часто вызывали вас на ковер, Кирилл Семенович.

— Ибо стараюсь честно тянуть свое ярмо.

— Микитайло придерживается противоположной мысли.

— Разве что Микитайло... Хотя именно от него это удивительно слышать. У меня должность такая: всем не угодишь. Пошел навстречу Иванову, Петренко недоволен... Удовлетворил Петренко — Степанову не понравилось...

— Понятно. И я понимаю всю сложность вашей жизни. Но все же хочу еще задать вам несколько вопросов.

— Задавайте... Если уж пришли, задавайте.. Но учтите...— Пирий выразительно посмотрел на часы.— Возможно, в приемной ждут люди.

— Скажите, Кирилл Семенович, если бы я попросил у вас квартиру, к примеру, для моего племянника, трехкомнатную квартиру в центре города, вы дали бы?

— Смеемся?

— Вполне серьезно.

— Кто-кто, а прокуроры должны знать, что в стране существует очередь на жилплощадь. И большая. Поворачивай обратно ваш племянник. И чем скорее, тем лучше.

— Второй вопрос, Кирилл Семенович. Знакома ли вам фамилия Гофман. Гофман Розалия Исааковна?

— Впервые слышу.

— А вот Микитайло показывает, что, получив от гражданки Гофман десять тысяч рублей, девять из них передал вам. За трехкомнатную квартиру в Житном переулке.

— Десять тысяч? А почему не все пятнадцать?

— Не нужно иронизировать, Кирилл Семенович. Потому что была та-

кая такса: десять тысяч — трехкомнатная, семь — двухкомнатная квартира.

— Жаль, что мы говорим с глазу на глаз — без свидетелей. — Глаза у Пирия стали колючими. — Я бы подал на вас в суд за клевету... — Встал и указал пальцем на дверь. — Вон! Я не позволю чернить меня!

— Забываете, кто сидит перед вами... — нисколько не смутился Иван Гаврилович: привык и не к таким театральным сценам. — Я могу уйти, но придется официально вызвать вас в прокуратуру повесткой.

И опять Пирий как-то сразу стал меньше. Понял, что зашатался, и сказал примирительно:

— Ну ладно, выкладывайте, что вы там раскопали... Смешно, но что поделаешь!

— Я спрашивал о гражданке Гофман...

— Не знаю я никакой Гофман и знать не хочу.

— Понятно, почему не хотите. Однако на ее заявлении ваша резолюция, Кирилл Семенович. Об оформлении трехкомнатной квартиры.

— Знаете, сколько таких резолюций приходится накладывать?

— Догадываюсь. Но дело в том, что документы, которыми оперировала Гофман, фальшивые. Мы установили, что вы незаконно вселили ее в комфортабельный дом в Житном переулке.

Пирий приготовил блокнот, сделал пометку. Сказал:

— Итак, какая-то Гофман получила квартиру по подложным документам. Разберемся.

— Что ж тут разбираться. Девять тысяч вам, тысяча Микитайло за посредничество — не так уж и плохо.

— Поймите меня! — вдруг еще раз повысил голос Пирий. — Не могу я контролировать все справки. Для этого существует аппарат. Сказал: разберемся и накажем виновных.

— Кроме того, — сказал Сидоренко спокойно и даже монотонно, — получили столько же от граждан Заровского, Хорошиловой и Шульженко. О них также есть письменное свидетельство Микитайло. Установлено: все названные граждане получили жилплощадь незаконно.

Пирий мгновенно перебрал в памяти все эти фамилии. Хорошилову и Шульженко помнил — тут не зацепиться, письменных доказательств не осталось — он распорядился по телефону пойти навстречу этим гражданам, а вот с Заровским? Черт его знает, сколько их было, всех не припомнишь... Да, наверное, и с Заровским все в порядке.

Сказал, уставив взгляд во что-то над головой Сидоренко:

— Я отбрасываю ваши инсинуации. Категорически и решительно. Наговорил ваш Микитайло глупостей, а вы, ответственные работники прокуратуры и милиции, как младенцы, уши поразвесили. Я не позволю! Не позволю шельмовать себя, поняли?! Какие-то тысячи, десятки тысяч... Смешно... Пошла мода — мафия, коррупция... Рашидовщина вам покоя не дает. Лавров захотелось. Орденов и медалей. Фига вам будет, а не ордена. Ногою под зад из прокуратуры. Это же надо, чернить кадры! Руководящие советские кадры, на которых держится государство. Потому что мы дело делаем, мы эту власть укрепляем и сами — власть, народ нас выбрал, и мы служим ему, а тут выползает какая-то проку-

рорская вошь, что только и знает сосать кровь у трудящихся. Но со
вшами и блохами у нас один разговор — нещадно давить! Как парази-
тов!

«А в нем пропадает неплохой оратор,— думал Сидоренко.— Если
бы был честным и порядочным... Организатор, энергичный, но что поде-
лаешь — преступник... Ну и демагог! Слова какие произносит, на митинге
такому и поверить можно...»

Встал и сказал:

— Ухожу, пока вы не раздавили меня, как блоху. Однако мы еще
встретимся, и не обещаю, что эта встреча будет приятной. Для вас,
конечно.

Он направился к двери.

Глава V

МАРАФОН

(Окончание)

В дверь без стука заглянул коротко стриженный человек в роговых
очках. Смерил Соханя любопытным взглядом, сказал:

— Меня направили к вам.— Зашел в кабинет, отрекомендовался: —
Лукьян Петрович Марчук. Откликнулся на ваш запрос по радио.

«Вот и первая ласточка...» — обрадовался Сохань и почему-то вспом-
нил поэта, пропел в мыслях: «Что день грядущий мне готовит, его мой
взор напрасно ловит...»

Сергей Аверьянович вышел из-за стола, подал гостю стул, сел напро-
тив, приготовился слушать.

— Значит, услышал я радио,— сказал Марчук,— вчера вечером, а се-
годня отпросился с работы...

— Мы дадим вам справку,— перебил Сохань, но гость, возражая, по-
качал головой:

— Нет необходимости. Надеюсь, не задержите? Так вот, говорили по
радио про Хусаинова и гараж. А я как раз и дал ему ключ. Не жалко, я в
гараже только по субботам и воскресеньям бываю, работа, знаете, уста-
ешь...

— Где работаете? — поинтересовался Сохань.

— Выходит, не слыхали? — удивился Марчук.— А обо мне в газетах
пишут и по радио... Заслуженный строитель.

Сейчас Сохань вспомнил и осудил себя: как он мог забыть, о Марчуке
газеты действительно писали...

— Откуда вы знаете Хусаинова? — спросил.

— Его племянник со мной на строительстве — вот так и познако-
мились. Сколько раз выпивали, а потом, когда я новую машину брал,
то занял денег у Филиппа. Дал, не задумываясь, целую тысячу. Потом
ключ от гаража попросил: у меня гараж что надо — бар в подвале, и,
думаю, Филя туда с девкой заглядывает. Жена у него строгая и Филиных
поклонниц не выносит.

Сохань достал из ящика ключ.

— Ваш?

— Мой, точно мой, попросил соседа-токаря, тот и выточил. А то в мастерской такие ключи не делают. А почему вы ко мне обратились по радио?

Сохань решил все рассказать.

— Хусаинов подозревается в преступлении. Кажется, что именно в вашем гараже он оборудовал тайник. Надо, Лукьян Петрович, найти его. Если не возражаете.

— Зачем возражать. Идите. Это же надо, — пожал плечами Марчук. — Филя и вдруг преступник? Никогда бы не поверил. Пижон, это точно, да с девушками валандается... Говорили, правда, сидел, но не злой и деньги мне одолжил...

Сохань не стал обсуждать с Марчуком Филины достоинства — вызвал машину и опергруппу, и через полчаса они уже открывали гараж.

Не зря Марчук слыл знатным строителем — гараж больше напоминал уютный домик: тщательно оштукатуренные и побеленные стены, деревянная лесенка в подвал, где стоял длинный дубовый стол и такие же лавки. У стены приличный диван и рядом шкаф из импортного гарнитура. Дверь около лестницы вела в кладовку с полками, уставленными банками с прошлогодними соленьями и компотами.

Сохань сел на лавку у стола, а Марчук открыл банку с компотом из черешни, налил две полные кружки, пристроился рядом, с интересом наблюдая за работой оперативников. Лейтенант Рыбчинский почти ползал по покрытому линолеумом полу, выстукивая его, а Лукьян Петрович заметил:

— Напрасно стараешься, парень. Я этот пол для себя клал, в нем нет ни одной щели.

Рыбчинский залез под резную деревянную лестницу и вскоре осторожно поднял руку. Постучал по линолеуму, прислушался и почти растянулся на полу.

— Отвертку или стамеску, — попросил. Засунул отвертку под плинтус — тот отошел легко, и Рыбчинский отвернул линолеум. Сел и растопыренными пальцами пригладил взлохмаченные волосы.

— А вы уверяли... — с укором посмотрел на Марчука.

— Что-что? — не понял тот.

— Не «что-что», а тайник, — объяснил Рыбчинский.

Сохань с шумом отодвинул лавку и метнулся к тайнику.

— Понятых сюда! — приказал.

Вместе с лейтенантом они подняли линолеум — под ним был вмонтирован и накрыт фанерой тайник. Подняли фанеру, под ней обнаружили сверток, упакованный в целлофановый мешок.

— Понятых попрошу подойти поближе, — пригласил Сохань и только после этого вынул мешок. Положил его на стол, достал что-то завернутое в белую полотняную тряпицу — понятые склонились над пакетом. Сохань развернул его: на полотне лежали пистолет и пачки денег.

Марчук удивленно свистнул, а Сохань устало опустился на скамью, кажется, на этот раз ему повезло.

— Ого! — потянулся к деньгам один из понятых. — Сколько же здесь? Сохань разложил пачки на полотне: всего четыре пачки, накрест заклеенные бумажными лентами. В одной, как было обозначено карандашной пометкой, было десять тысяч, а в трех остальных — по семь.

— Тридцать одна тысяча! — испугался понятой. — И пистолет. Вот так находка!

Сохань почувствовал, как у него стали чесаться руки. Он бережно завернул все обнаруженное в полотняную тряпку.

Через два часа эксперты сообщили: на рукоятке отпечатки пальцев Хусаинова, и пуля, какой был убит Хмиз, выпущена из этого пистолета.

* * *

Псурцев приказал секретарше не тревожить его и закрылся в кабинете. Вытянулся на диване, не снимая обуви. Все еще пребывал под впечатлением неприятного разговора с Пирием. Они встретились в обкомовской столовой, присели за отдельный столик, и Пирий, убедившись, что никто не услышит их разговор, сказал почти шепотом:

— «Важняк» из Киева копает глубоко. Собирает на меня компромат, арестовал моего шофера Микитайло, и тот развязал язык. Микитайло сидит у тебя в следственном изоляторе. Нужно принять меры и остановить эту болтовню. Чтобы замолчал — и навсегда. А также отрекся от прежних обвинений.

Псурцев лишь покачал головой: Пирию легко приказывать, а вот как укоротить язык Микитайло? Не так просто... Нет у него своих людей в следственном изоляторе. Есть, правда, старший лейтенант Макуха, который заглядывает ему в рот и давно хочет стать капитаном. Если продвинуть его, он выполнит все приказы, но на крутом повороте может и продать...

— Как хочешь, так и поступай. Не понимаешь? Если сгустились тучи надо мной, значит, и над тобой. Кровь из носа, а Микитайло должен замолчать!

Теперь Псурцев, лежа на диване, разрабатывал план действий. Наконец встал, одернул мундир и вызвал машину.

Старший лейтенант внутренней службы Макуха вытянулся перед полковником и преданно ел его глазами.

— Жалобы поступили на тебя, Макуха, — сказал Псурцев, — будем разбираться...

Старший лейтенант переменился в лице.

— Тут такой народ, товарищ полковник, — стал оправдываться, — что с ним только так и можно! — поднял сжатый кулак.

— В стране перестройка, — не похвалил Псурцев, — и мы должны соблюдать законность. Ты мне эти штучки брось — ишь, кулак показывает... Тащи списки арестованных.

Псурцев обосновался в маленькой комнатке, которая служила Макухе кабинетом, туда он и потребовал приводить арестованных для беседы. Микитайло, увидев Псурцева, оживился, улыбнулся даже — сколько

раз возил полковника с Пирием на пикники и считал его добрым знакомым.

Псурцев не предложил Микитайло сесть. Подошел к нему почти вплотную — один шаг разделял их, — постоял, внимательно вглядываясь в улыбающуюся рожу, и вдруг резко и сильно влепил ему громкую пощечину. Микитайло отпрянул, поднял руки, защищаясь, и тогда Псурцев со всей силы ударил его в солнечное сплетение. Тот пошатнулся и медленно сполз на пол. Полковник хотел поддать еще сапогом, но удержался — наклонился к Микитайло и закричал:

— Это только цветочки, свинья! За то, что мелешь своим поганым языком, понял?

Микитайло, заслонившись руками, смотрел сквозь пальцы затравленным зверем.

— Не буду, — пробормотал. — Я больше не буду...

Псурцев пнул его сапогом, поднял за воротник.

— Предупреждаю! — зло выдохнул в лицо Микитайло. — Если будешь еще болтать лишнее, сгинешь в тюрьме. Это точно, до суда не доживешь. А Кирилл Семенович велел передать: если будешь молчать, вытянем, годом или двумя отделаешься.

— Все! — поднял руки Микитайло. — Все понял и буду молчать.

— Следователю скажешь, что оклеветал Кирилла Семеновича. И знай, я за каждым твоим шагом буду следить. Попробуй только пожаловаться. Ногами вперед вынесут!

Когда Микитайло вывели, Псурцев посидел, сжав руки, облегченно вздохнул и поднял глаза на человека, которого конвоир втолкнул в кабинет.

— Садись, Горбунов, — сказал, — и слушай меня внимательно. У тебя сколько за плечами? Семь лет, кажется. Итак, жук ты опытный и воровские законы знаешь.

— Кто же их не знает, начальник? Настоящий урка и во сне их помнит.

— За что сейчас посадили?

— Мелочи, начальник, погорячились за поллитрой, потом одному фрайеру морду набил.

— Три года светит.

— А если я искренне покаюсь?

— Все равно три года. Учитывая твоё славное прошлое.

— Однако, начальник, в стране перестройка, и законы, спасибо, смягчают.

— Не для тебя, Горбунов. Тебе сейчас за все на полную катушку дадут. Хотя могу подвести тебя под мелкое хулиганство: пятнадцать суток, и гуляй, Вася...

— Богу молиться буду за тебя, начальник.

— В бога я не верю, Горбунов. Но сделаешь вот что. Дружки в камере есть?

— Здесь?

— А где же еще?

— В камере все подо мной ходят. Как скажу, так и сделают.

— Это хорошо, Горбунов. Сегодня вечером прижми немного Микитайло. Он в вашей камере.

— Есть у нас такой фрайерок. Куркуляка проклятый...

— Ребра ему посчитайте... Только не очень сильно, чтобы только запомнил. Скажешь: языком трепаться будет — хана...

— Скажу, начальник. У меня на Микитайло у самого руки чешутся. Но не забудьте — через две недели...

— Выйдешь, Горбунов, в райотделе протокол перепишут, я прикажу.

— Все сделаем, как велели, начальник!

Горбунов ушел, и в комнату заглянул Макуха. Тревожные огоньки светились в его глазах.

— Все в порядке, Макуха,— сказал Псурцев.— Я тобой доволен. Буду ставить вопрос о присвоении тебе капитанского звания.

— Рад стараться, товарищ полковник! — вытянулся Макуха.— Видите, у нас порядок!

— Полный порядок,— подтвердил Псурцев, потому что и сам придерживался такой мысли.

* * *

— И откуда только такие берутся? — полушутя-полусерьезно спросил Фома Федорович, буравя Сидоренко сквозь очки пронизывающим взглядом.

— Из республиканской прокуратуры,— отшутился Иван Гаврилович.

— Наслышан о тебе,— сказал Фома Федорович. Снял очки и произнес утомленно: — Докладывай.

— Сколько у меня времени?

— А ты докладывай — посмотрим.

— Наша группа имела задание расследовать положение дел на трикотажной фабрике. В ЦК пришло письмо, и прокурор республики дал указание проверить факты.

— Знаю.

— Работники республиканского управления БХСС во главе с подполковником Кирилюком установили факты злоупотребления на фабрике и особую причастность к ним директора Белоштана. Его арестовали, и ведется следствие.

— Могли бы посоветоваться со мной.

— Однако же, Фома Федорович, факты бесспорные и поразительные.

— Ты знаешь, кто я здесь? — Фома Федорович повертел очками.— Я — первый, и отвечаю за все. За все — понятно? За тебя тоже, пока ты находишься на территории области.

— Я считал, что подчиняюсь прокурору республики.

— С одной стороны...

— Согласен, Фома Федорович. У Белоштана был левый цех по производству дефицитной трикотажной продукции. Он возглавлял целую шайку расхитителей социалистической собственности — в компании с ним были заведующие промтоварными магазинами и другие работники.

— Конечно, были. Краденое надо было продать. На барахолку не понесешь же...

— Думаю, преступники оперировали весьма крупными суммами.

— Точнее.

— Скорее всего, миллионами.

— Откуда у Белоштана миллионы? Не преувеличиваешь?

— Приблизительные суммы убытков, понесенных государством, устанавливает следствие. Точную цифру, наверное, выяснить не удастся.

Фома Федорович произнес как-то странно:

— Ну и проходимец этот Белоштан! В партийных органах работал, мы его на хозяйственную работу выдвинули — вот и отблагодарил!

— У Белоштана, наверное, были консультанты. И очень ловкие помощники и сообщники.

— Стыд какой! — произнес Фома Федорович. — Резонанс на всю республику. До сих пор за нами только мелкие дела числились — как у всех: квартирные кражи, хулиганство и подобное другое. Убийство считалось чрезвычайным происшествием. А здесь — кража в особо крупных размерах! К тому же выявленная не нами самими, а республиканскими органами!

— Мы не претендуем на лавры.

— Ты не претендуешь. А как быть мне? Мне прокуратуру и милицию на ковер вызывать надо. Как это так, на глазах у общества такие махинации делались!

— Преступники действовали точно.

— Не скажи — целый левый цех! Наша милиция сама могла Белоштана за руку схватить.

— Могла, — согласился Сидоренко, — вот тут и закавыка.

— На что намекаешь?

— Скажу прямо: кое-кто из милиции опекал Белоштана.

— Конкретнее.

— Следствие продолжается, остальных данных огласить не могу, но нити тянутся к Псурцеву.

— Говори, да не заговаривайся.

— Я, Фома Федорович, готов нести ответственность за свои слова. Тем более что подозрение вызывает и сам Пирий.

Фома Федорович медленно надел очки, посмотрел сквозь них на Сидоренко, пристально и внимательно.

— На кого руку поднимаешь? — спросил строго. — Я тебя вызвал только потому, что поступила жалоба: превышаешь полномочия. Кто тебе позволил самого председателя горсовета допрашивать?

— А я его не допрашивал, просто был на приеме и пристрасно поставил несколько вопросов.

— Ты свои шуточки брось. Здесь тебе кабинет первого секретаря и экивоками не отделаешься. Что у тебя против Пирия?

— Арестован его шофер, и он дал показания против Кирилла Семеновича.

— Не допускаешь, что по личным мотивам? Пирий мог прищучить шофера, а тот мог отомстить.

— Следствие не отбрасывает и такой вариант. Кстати, шофер на последнем допросе отказался от своих первоначальных показаний.

— Знаем мы таких субчиков: сегодня одно, а завтра другое — на сто восемьдесят градусов... Мы, скажу прямо, в особых условиях работаем. То есть наша номенклатура. Многие злобствуют, с говном бы смешали. Ты представлешь, какая должность у Пирия? Одному в квартире отказал, другому машину не дал, третьего на исполкоме пропесочил...

«Представляю,— мысленно добавил Сидоренко,— у одного за квартиру десять тысяч взял, у другого тоже... А Белоштан сколько ему носил? Должно быть, по тысяче...»

— Следствие продолжается,— ответил уклончиво.— И пока можно делать только предположения.

— Пирия ты не знаешь,— сказал Фома Федорович.— Работник с размахом и разумный. На нем Город держится.

«С размахом — это точно,— опять мысленно добавил Сидоренко,— двухэтажную дачу на тещу оформил, с подвалом и бильярдной. А вас, Фома Федорович, почему-то туда не пригласил. Скромный, не хочет хвастаться».

— И все же некоторые нити тянутся к Пирию,— сказал упрямо.

— Пирия я тебе не отдам,— сказал Фома Федорович раздраженно.— Мне тут виднее — кто есть кто. Шерстить партийные и советские кадры никому не позволим, даже прокуратуре. Знай, сверчок, свой шесток.

— Закон для всех одинаков.

— Газеты читаешь? — уничтожающе спросил Фома Федорович.— И я их читаю... Ты мне сейчас еще о перестройке расскажи, о гласности и демократии. Да, законы для всех пишутся, но в нашей практике в каждом конкретном случае на них трудно опираться. Тоже мне, законник нашелся! Для народа наши законы, и ты это лучше меня знать обязан. Закон людей защищает, а Пирий, повторяю, не просто человек, а мэр города, и его шельмовать я не позволю. Ты его во взятках подозреваешь, а за руку поймал?

— По свидетельству гражданина Микитайло...

— Сам только что сказал, что нет свидетельств у Микитайло. За что его хоть задержали?

— Прописал в Городе любовницу, которая незаконно получила квартиру.

— Разве Микитайло — начальник паспортного стола, он, что ли, прописывает?

— Четверо граждан подтвердили, что именно через Микитайло давали взятки Пирию и получили без очереди квартиры.

— Значит, так,— Фома Федорович глянул на Сидоренко поверх очков,— вижу, что доказательств у тебя против Пирия — никаких. Одни предположения и клевета Микитайло. Так вот, держи язык за зубами. Если по Городу пойдут слухи о Пирии, только от тебя. Ты со своей командой — единственный источник. Так вот, если слухи пойдут, привлечем тебя к партийной ответственности. Знаю, не подчиненный ты мне и в Киеве на партучете. Но у нас Центральный Коми-

тет и партийный контроль есть. Там по головке за клевету не погла-
дят.

— Вы не дослушали меня, Фома Федорович, — Сидоренко закусил уди-
ла, и сейчас остановить его было трудно. — Пирий — это еще не все. От
Белоштана нити тянутся и к Псурцеву, и к заведующему торгом Губе, и
к убитому директору базы Хмизу. Не считая уже других, мелких сошек...
Здесь коррупцией пахнет, Фома Федорович.

— Доказательства?

— Вот их и собираем.

— Итак, нет доказательств... — Фома Федорович, поглаживая гладкую
поверхность стола, как бы раздумывая, продолжал: — А еще следователем
по особо важным делам считаешься! Говно ты, а не следователь, скажу
прямо. Тебе размах подавай, коррупцию и мафию, на них карьеру хочешь
сделать, знаем мы таких... А я свои руководящие кадры шельмовать
не дам! Заруби себе на носу. Может, и меня к своей мафии приплюсу-
ешь?

«Нет, — подумал Сидоренко, — против вас, Фома Федорович, нет
данных. А вот спросить бы вашу жену, дорогую Марию Евгеньевну, от-
куда у нее норковая шуба? За какие такие шиши приобретена? Есть у нас
сведения, что подарил ей эту шубу сам Белоштан, и на этот счет есть у
меня неопровержимые доказательства. Но козыри свои он пока не раскры-
вает, рассчитывает на снижение сроков приговора. Мария Евгеньевна,
говорят, многое может, и областные чиновники ходят перед ней на цы-
почках».

Однако ничего не сказал Сидоренко, только скрипнул зубами. Поси-
дел молча, собираясь с мыслями, и произнес:

— Я предупредил вас, Фома Федорович, что дело Белоштана не
такое уж простое, требует тщательного изучения. И могут быть раз-
личные аспекты его. Моя партийная совесть велит мне довести его до
конца. Как ни трудно, но клубок надо распутать.

Фома Федорович встал.

— Много о себе думаешь, — сказал весомо. — Считай, что ты не пе-
реубедил меня. Прощай, следователь, возвращайся в Киев, хватит тебе
в Городе ошиваться.

* * *

На следующее утро Сидоренко позвонил начальник следственного
управления республиканской прокуратуры Волошко. Поинтересовался де-
лами, выслушал Ивана Гавриловича не перебивая и сказал:

— Есть соображение, что поработали вы хорошо. Блестящий результат:
вскрыта шайка расхитителей социалистической собственности. В особо
крупных размерах. Поздравляю вас, Иван Гаврилович, и передаю поздрав-
ления самого... Итак, закругляйтесь, дорогой, там уже без вас закончат,
ждем вас послезавтра в Киеве.

— Как так? — оторопел Сидоренко. — Дело только начинается... Кор-
рупция здесь, Юрий Кондратьевич, и невооруженным глазом видно.

— Это только ваши предположения, — сказал Волошко жестко. —
Безосновательные предположения.

— Юрий Кондратьевич, вы же опытней меня, поверьте, не имею я права бросать все так!

— Есть приказ самого...— Сидоренко уловил в тоне Волошко безнадежность.— Он отзывает вас — есть очень важное дело и некому, кроме вас, поручить его.

— Важнее этого не может быть!

— Иван Гаврилович,— в голосе Волошко появились интимные нотки,— поймите нас... Насколько мне известно, звонили из дома... Ну, Большого, естественно... и есть мнение... Короче, Иван Гаврилович, послезавтра жду вас в Киеве!

Л. Сеедин

Шесть пуль

Стоял один из тех весенних вечеров, когда, казалось, дышать было нечем: раскаленный за день воздух, лишенный движения, напоминал парилку — люди задыхались и истекали потом. Узкие кривые улочки небольшого райцентра быстро погружались в вечерние сумерки. Старший лейтенант милиции Гасанов молча сидел рядом с водителем оперативной машины, в душе радуясь, что изнурительный день прошел без происшествий.

«Часа за два,— подумал он,— успею проверить посты, дождусь возвращения своих коллег — и домой. А если задержусь, то отдохнуть вряд ли придется».

...Неприятности в районе начались, как только сошел снег: в неделю одна, а то и несколько краж. Уводят коров, овец, а несколько дней назад с колхозной фермы исчезли четыре бычка.

Все работники райотдела милиции были подняты на ноги. Ночами почти не бывали дома, устраивали засады, но напасть на след воров, найти хотя бы малейшие улики не удавалось. Нераскрытые кражи не давали покоя Рустаму Гасанову — заместителю начальника по оперативной работе. Он караулил воров в одном месте, а они угоняли скот в другом. Он проверял всех, кто, с его точки зрения, был способен на такие дела, искал перекупщиков мяса, но их в районе не оказалось. Время шло, а кражи продолжали будоражить местных жителей.

Рустаму доставалось и от своего начальства, и от республиканского. Стали даже поговаривать, что он не оправдывает возложенных на него обязанностей.

Недавно руководителя райотдела и его, Гасанова, вызывали на сессию райсовета, где потребовали в кратчайший срок положить конец этому воровству.

Пришлось привлечь дополнительные силы и средства. План, разработанный Гасановым, утвердили, сегодня в полночь райцентр и прилегающие к нему селения будут взяты под контроль милиции и дружинников...

— Давай в райотдел,— сказал он водителю, когда они объехали все посты.

В кабинете было душно. Рустам распахнул окно. Одетые в розовый наряд цветущие абрикосовые деревца протягивали тонкие ветки. Еще днем они были наполнены тонким и дружным жужжанием пчел, перелетающих с одной ветки на другую, а сейчас тихо — уgomонились неустанные труженицы. Гасанов любил пчел, даже сам собирался завести несколько ульев. В свободное от службы время отправлялся к старику соседу, у которого было с десятков семей, и подолгу наблюдал за ними. Ему даже приходило на ум, что, если бы все люди трудились так, как пчелы, на земле давно было бы изобилие.

Он поделился своими раздумьями со старым пчеловодом. Тот долго молча смотрел на Рустама, потом, вздохнув, сказал: «Эх, милый, у пчел-то тоже разбойники есть. Так и норовят забраться в чужой улей да готовый медом поживиться. Недаром в каждом лотке охрану выставляют пчелиные власти: ни одной чужой не пустят».

Вернувшись к столу, Гасанов пододвинул к себе стопку тоненьких папок. То были дела о нераскрытых кражах. Их и делами-то не назовешь. В каждой папке было по несколько бумажек. Заявление потерпевшего, протокол осмотра... Ни свидетельских показаний, ни примет преступников. Воров никто не видел.

Открыл верхнюю. Она начиналась с заявления сторожа Джафарова:

«Я находился в телятнике. Около трех часов ночи услышал во дворе шум, вышел и сразу ощутил удар по голове, затем связали, рот заткнули тряпкой, бросили на землю. Нападали сзади. Преступников не видел, но почувствовал, что здоровые, сильные. Не видел, как вывели бычков, слышал, как загудела машина и уехала. Когда пришла Фатма, развязала меня и вызвала милицию».

Из протокола осмотра места происшествия было известно, что воры воспользовались грузовой машиной, ожидавшей их в сорока метрах от ворот фермы. На сухом асфальте отпечатков протектора обнаружить не удалось... Бычков, очевидно, погрузили живыми, следов крови нигде не было.

Гасанов прошелся по кабинету. Высокий, худой, с осунувшимся усталым лицом, на вид ему под сорок, на самом деле всего тридцать два. Утром жена опять просила оставить милицию и уйти на любую работу в колхоз. Говорила, что детьми он не занимается, хозяйство запустил, является ночью, дом только на ней и держится. Он тогда отмахнулся, а потом все же подумал: а может, и верно уйти? В колхозе немного подучиться — и на пасеку. Или взять подряд на откорм бычков? Вон Осупов — вместе учились в школе, служили в армии, сейчас ездит на «Жигулях», на семейном подряде денег скопил. Говорит, на будущий год дом поставит. А его, Рустама, зарплата до копейки уходит на хозяйство: жена не работает, третьего ждут. Но уйти — значит, расписаться в своем бессилии... Признаться, что спасовал. А как же дядя Октай? Он тогда, в сорок шестом, отстоял свой аул, на который навалились бандиты. Не отступил. Смертельно раненный, задержал банду на подступах, пока не подошло подкрепление. А был-то всего-навсего участковым. Гасанов знал о его подвиге с чужих слов, но, поступая в милицию, у обелиска Октая дал клятву служить, как он. И вот теперь уйти? Как же потом людям в глаза смотреть,

что рассказать детям, когда подрастут? Выходит, сбежал, испугался трудностей, опозорил род Гасановых?

Рустам знал, что после окончания войны в их горах пряталось много всякого сброда — дезертиры, уголовники, те, кто прислуживал фашистам. Они сходились в группы, убивали, нападали на дома, что побогаче, грабили магазины, склады. Забирали ценности, деньги, продукты и распользовались по своим норам, а кое-кто отсиживался у пособников где-нибудь на чердаках или сеновалах. А потом снова в налет. Особенно зверствовала банда, которой верховодил Мансур. Он объявил свою банду карающим мечом Мухаммеда. Беспощадно уничтожал всех иноверцев. Еще до войны был осужден за грабеж православного храма. В сорок пятом его освободили по амнистии, и он вернулся в родные края. Собрал старых подручных, вооружил их до зубов и... Первое время «во славу аллаха» обшаривал жилища и карманы «неверных», забирал все ценности. А вскоре стал нападать и на единоверцев, если у них было чем поживиться. Зверски расправлялся с активистами и работниками милиции. Прежде чем убить, подолгу мучил, чтобы люди страдали перед смертью.

Рустам запомнил фотографии жертв. На одной — истерзанная женщина и двое замордованных детей, старушка с разрубленной головой — это семья заведующего школой, русского, убитого бандитами возле его дома. На другом снимке — трупы двух милиционеров, наравшихся на бандитскую засаду. На спинах кровавые звезды.

Банда переходила из одного района в другой, укрывалась у своих пособников. Обзавелась лошадьми и строго конспиративно готовила нападение на мирные аулы. Незадолго до появления банды возле аула Октаю Гасанову тайно сообщил пастух Ахмет, что она уже идет по ущелью. Октай успел найти только трех помощников, местных активистов — бойцов истребительного взвода. Одному поручил по тревоге собрать остальных и сообщить по телефону в район, а сам схватил ручной пулемет, несколько дисков и с двумя бойцами бросился навстречу банде. Он хорошо знал окрестности и торопился, понимая, что единственная возможность задержать бандитов — это не дать им выйти из расщелины. Выход в том месте настолько узок, что арба, груженная стеблями кукурузы, проходит, цепляясь за отвесные стены гор. И успел.

Установил пулемет за валуном, помощников, вооруженных винтовками, разместил по бокам. Ждать пришлось недолго. Послышался цокот копыт. Бандиты ехали медленно, винтовки, а у некоторых автоматы, лежали на луках седел. Октай с первого взгляда узнал главаря — бородатого Мансура, закутанного в бурку. Рядом с ним низкорослый всадник — скорее всего, это Адыготаит, самый кровожадный в банде. Подпустив бандитов на полсотни шагов, участковый дал короткую очередь по отвесной скале, выбив из нее град камней, осыпавших всадников, и крикнул, чтобы сдавались. Но они решили прорваться.

А когда Мансур и Адыготаит были рядом, выпустили почти половину диска. Падали раненые лошади, и за ними прятались бандиты, открыв бешеную стрельбу.

Мансур стрелял из маузера, и Октай краем глаза увидел, как один из его бойцов, уронив винтовку, упал. Он сменил диск пулемета, пере-стрелка стала жаркой. Бандит поднялся и бросил гранату. Но за миг до

взрыва Октай послал в него очередь. Граната рванула рядом, и участковый почувствовал удар. Правое плечо сразу стало мокрым и онемела рука. Переложив приклад пулемета к левому плечу, он продолжал бить бандитов короткими очередями.

Наконец подоспела помощь из аула. Командир взвода с четырьмя бойцами подполз к валуну, и Октай велел им обойти бандитов, чтобы отрезать путь к отступлению. Вскоре он услышал, как гулко заработал пулемет взводного, и бандиты перенесли огонь на пополнение. Бандиты стали отползать. Теперь они были без лошадей: одни были убиты, другие, вырвавшись, умчались прочь.

Преодолевая боль, участковый переставил сошники пулемета и поймал в прицел главаря. После очереди тот распластался на дороге. Но тут настигла и его пуля. Она раздробила приклад пулемета и ударила в грудь. Октай Гасанов уже не слышал, как примчался кавалерийский взвод солдат, не узнал, что банда была разбита и только двое, оставшихся в живых, захвачены в плен.

Давно покончено с теми бандитами, но в уголовном розыске, как всегда, напряженно. Нет, Рустам не имеет права уходить из органов. Это было бы равносильно предательству по отношению к дяде Октаю. Нужно найти преступников во что бы то ни стало.

Раскрыл другую папку — о краже у Фаруса Мирзоева. Рустам был на месте происшествия и все отлично помнил. Большая смиренная корова в крупных черных пятнах давала в день почти три ведра молока. Районная рекордсменка. Местные коровы, словно козы, лазающие по горам, дают пять-шесть литров, а эта — одна за пятерых. Фарус купил ее на Ставрополье. Полмесяца добирался с ней до дома. С женой просто не могли нарадоваться. Какое молоко! Какая сметана! Хвастался на весь район. И вот рекордсменку увели со двора. Хозяева чуть с ума не сошли. Гасанов представил, как темной ночью воры подошли к сараю, накинули веревочную петлю на шею буренки и вывели на улицу. Сначала корова, видимо, не очень упиралась, ведь шла по знакомой улице, по которой каждый день отправлялась на пастбище, а потом, когда свернули на пустырь, забеспокоилась. Но ее погоняли, и она шла вперед. В придорожной канаве у шоссе, где стояла машина, с ней и расправились.

Осматривая место преступления, Рустам прошел весь путь от дома Мирзоева до канавы, в которой остались внутренности и кровь от разрубленной на части туши. Воры, не сняв шкуры, увезли мясо. Но как они отыскиали в поселке единственную крупную чистопородную корову? Раз пришли именно к Мирзоеву, значит, знали, зачем и к кому идут. Подсказал кто-то или среди преступников есть местный? Кто? Не знал Гасанов и куда увозили мясо. Правда, на него сейчас везде спрос, но вряд ли его сбывают в развес. Скорее всего где-то есть оптовик, скупающий все сразу... Через их район проходила автомобильная трасса, пересекающая республику, и воры могли двигаться в любую сторону. Как говорится, у преступников одна дорога, у него, Рустама, десятки.

Гасанов отправил запросы во все соседние районы Азербайджана, просил искать воров и мясо, почему-то верил, что преступники не из их райцентра. Обращался в республиканский уголовный розыск, но ему советовали самому работать активнее. Теперь надежда на ночную опера-

цию, хотя и тут оставались сомнения. Вдруг преступники не появятся? А если среди местных жителей есть их родственники? Тогда ворам быстро станет известно, что районный отдел бросил все силы на их поиск. Налеты, конечно, прекратят или переключатся на соседние районы.

Рустам знал, что встреча с преступниками может быть опасной. у них наверняка есть оружие, хотя до сих пор его не применяли. Надо принять меры предосторожности, на инструктаже обратить особое внимание сотрудников, чтобы были готовы к сопротивлению — в операции участвуют и такие милиционеры, которые еще ни разу не сталкивались с вооруженными преступниками. Он просмотрел список оперативных групп, убедился, что во главе каждой из них стоят опытные офицеры.

Сержант милиции Камал Мадатов сменился с дежурства. Заправил закрепленный за ним газик и ушел из райотдела со спокойной душой человека, добросовестно выполнившего все свои обязанности. Шагая по кривым улочкам городка, он любовался цветущими деревьями, зеленой травой, что поднялась по обочинам тротуаров. По пути заглянул в магазин, перекинулся словом со знакомыми, купил ирисок детям. А когда вышел, заметил старушку, нагруженную двумя сумками с продуктами. Он знал, что она живет недалеко от него, и подхватил ее покупки. Старушка, довольная неожиданной помощью, шла и благодарила, объясняя, что все ее родичи на работе. Поставив на крыльцо сумки, Мадатов собрался уходить, но старушка попросила подождать, торопливо вошла в палисадник и вернулась с тремя гиацинтами. На толстых зеленых стеблях красовались по десятку крупных синих и лиловых колокольчиков. Протягивая сержанту цветы, сказала, что это для его Ширин.

За родной калиткой его встретила вся семья: жена в белой кофте с младшим на руках, дочка, чувствуя себя взрослой, как-никак шестой год, тащила за руку трехлетнего братишку, а тот шел степенно, как и подобает настоящему мужчине. Камал взял у жены ребенка, передал ей цветы и, усевшись под развесистой чинарой, достал ириски. Даже самый маленький протянул ручонку за красивой оберткой, досталась пара конфет и бабушке, что вышла из дома.

Камал поиграл с детьми, починил забор, предложил жене, после того как уложат детей, сходить на последний сеанс в клуб. Шел новый фильм, о нем в поселке только и было разговоров. Когда выдавался свободный вечер, Камал сам укладывал сына, рассказывал ему сказки, иногда напевал какую-нибудь песенку, а мальчик, радуясь отцу, через силу таращил слипающиеся глазенки, стараясь продлить эти редкие минуты.

Камал надел выходной костюм и завязывал галстук, а жена заканчивала причесываться, когда у калитки остановился мотоцикл и появился милиционер Агирзоев. Он лихо доложил сержанту, что тот должен к двадцати двум часам явиться в райотдел.

— Зачем? — удивился Камал.

Но Агирзоев только пожал плечами.

К своему удивлению, в отделе сержант Мадатов застал всех сослуживцев. Старший лейтенант Гасанов рассказал о засаде, предупредил

об опасности, просил всех действовать осмотрительно, объяснил, кто с кем и куда направляется патрулировать.

Мадатов обрадовался, когда узнал, что будет действовать вместе с участковым инспектором Алы Джафаровым, опытным работником.

Газик бежал быстро, дома вдоль улицы примолкли, заснули, их белые стены серебрились. Мелькнули и остались позади последние фонари. Луна откуда-то сбоку неярко высвечивала ленту асфальта, и Камал включил дальний свет.

— Как дома? Жена, дети? Здоровы ли? — закуривая, спросил участковый.

— Все нормально, а как у вас?

— У меня ведь четверо! — с гордостью ответил лейтенант. — Старший уже помощник. Да и доченьки обе с матерью — и приберут, и постирают, за младшими присматривают. Славные ребята растут.

— Мы сегодня вечером с женой в кино собирались...

— Ничего, завтра сходите. А мне днем нужно в райисполком. Помнишь Ахметовых, тех, что возле школы живут? Дом у них старый, крыша худая, а хозяин никак материал на кровлю купить не может. Вот и пообещал поговорить в исполкоме. А еще насчет спортивной площадки для ребятишек.

Остановились в первом селении возле колхозной фермы. На шум машин из конторки осторожно выглянул сторож, держа наготове дробовик, встал у ворот, да так, что из-за забора поблескивал только один ствол.

Джафаров вышел из машины, задержался в свете фар, чтобы было видно форму, объяснил, что они из райотдела с проверкой. Сторож заверил, что все спокойно, его предупредил заведующий фермой, чтобы смотрел в оба и обходил весь скотный двор, а на всякий случай вот прихватил ружье. И тут же поинтересовался, не нашли ли воров, что скот уводят. Джафаров угостил сторожа сигаретой, сел в машину, и они отправились дальше.

В соседнем селении также проверили скотный двор, побывали возле гаража, узнали от сторожа, что нескольких машин на месте нет, потому что некоторые шоферы на ночь оставляют их возле своих домов. Участковый записал фамилии этих шоферов, номера автомашин и велел сержанту об этом беспорядке утром доложить начальству.

— Ведь тут как? Раз машина дома, езжай, куда хочешь.

Они выбрались на шоссе Агджабеда-Барда. Горы расступились, вдоль дороги начались лесопосадки, за которыми тянулись виноградники.

— Еще метров триста — и будет Верхне-Карабахский канал, дом сторожа шлюзового хозяйства. Поговорим с ним, покурим, и назад. Конец нашего патрульного участка, пора в райотдел, — спокойно сказал сержант и вдруг воскликнул: — Смотрите, лейтенант, самосвал!

Он притормозил и медленно подъехал к большому автомобилю, стоявшему у съезда на проселочную дорогу. Сержант пригляделся:

— Номер бакинский...

Алы Джафаров вышел из газика, передвинул на поясе кобуру, чтобы была под рукой, и направился к самосвалу. Сидевший в кабине человек, увидев милицейскую форму, отодвинулся в угол, подальше от руля.

— Что вы здесь делаете?

— Ехал домой, устал, решил немного поспать.

— Документы! — потребовал лейтенант.

— Документы! — удивленно переспросил шофер. — Какие документы? Дома забыл, — парень нагло вато усмехнулся. — А может быть, здесь, — и потянулся к перчаточному ящику.

Сержант, внимательно наблюдавший из машины за каждым движением своего товарища, понял, что не все ладно. Заглушил мотор, быстро выпрыгнул из кабины, подошел и рывком открыл дверь самосвала — на него чуть не вывалился водитель. Мадатов решительно обшарил карманы незнакомца, оружия не оказалось.

Лейтенант открыл «бардачок». Вспыхнувшая внутри маленькая лампочка осветила обрез двустволки. Участковый забрал его, повертел в руках, нашел защелку замка, обрез переломился — в стволах два металлических патрона.

— Откуда оружие? — решительно спросил участковый.

Парень, сжав губы, бросил на них злобный взгляд. Джафаров с помощью сержанта надел наручники на неизвестного. Тот не сопротивлялся, принял как должное, когда его затолкали в кабину и захлопнули дверцу.

— Вот что, Камал, отгони газик в посадку, а по радиации передай о задержании с обрезом. И беги сюда. Покараулим. Может, кто еще придет. Недалеко ферма, но на машине туда не добраться.

Мадатов выполнил распоряжение и, оглядевшись, увидел проселок, который шел через лесопарковую посадку и поднимался на косогор. Камал понял, что если появятся дружки задержанного, то они пройдут именно по этой дороге.

— Сержант, смотри за шофером, не дай ему своих дружков предупредить, крик поднять. А я в середине лесопарка подожду, вон за теми кустами. Если появятся, путь им отрежу. На всякий случай оружие приготовь. Кто знает, как все получится.

Лейтенант зашагал в сторону от шоссе и скрылся в орешнике.

Камал вернулся к самосвалу, сел за руль, заговорил с задержанным шофером:

— Ну что, где твои друзья?

Тот в ответ попросил закурить.

Камал зажег сигарету, всунул ее в рот шоферу, хотел закурить сам, но подумал, что два вспыхивающих огонька будут видны через стекло, и воздержался. Шофер докурил, сплюнул на пол окурков и стал просить отпустить его, предлагая деньги. Потом пошли угрозы:

— Не отпустишь, друзья пришибут вас обоих. Зачем молодому погибать? Молодому лучше жить.

— Ты сам-то откуда?

— Далеко живу, отсюда не видать, — ухмыльнулся парень. — Как зовут, как фамилия, совсем забыл.

Оба замолчали. Где-то вдалеке залаяли собаки. Из общего собачьего хора выделялся голос злобный, переходящий в визг. Собака ненадолго смолкла, а потом залилась снова.

— Отпусти, три куса дам!

— Где же ты их возьмешь? — усмехнулся сержант. — Я же шарил в твоих карманах, знаю, что пусто.

— Отпусти. Завтра принесу, куда скажешь. Или положу, где хочешь. Мое слово крепкое. Аллахом клянусь.

Пока шел этот торг, лейтенант, расположившись поудобнее в кустарнике возле проселка, вслушивался в собачий лай, думал, что шум на ферме поднялся не зря, наверное, подкрадываются дружки шофера. Сколько их? Двое? Трое? Все равно они с Камалом не дадут им уйти. Ну что ж, придется стрелять... «Подожди, подожди, Алы, — сам себя останавливал лейтенант, — а может быть, действительно шофер остановился отдохнуть? Был у друзей, выпил, ехать дальше побоялся, вот и прижался к обочине. А мы его — в наручники... А обрез заряженный? Зачем портить охотничью тулку и делать из нее бандитское оружие?»

Размышления лейтенанта прервала треснувшая неподалеку ветка. Понеслись чьи-то шаги. Казалось, приближалось не меньше пяти-шести человек. Что делать? Алы решил: пропустить их к машине, скомандует не шевелиться, уложит на землю, свяжет, если, конечно, это преступники, а не какие-нибудь подгулявшие люди. Шум приближался, шаги становились все более отчетливыми.

А в самосвале продолжался разговор:

— Последний раз предлагаю. Пять кусков! Ты садишься в свою коробку, забираешь мента, и оба сматываетесь. Придут ребята, живыми вам не вырваться... Что молчишь? Соглашайся...

Сержант решил проверить, как работает двигатель самосвала. Включил и тут же выключил свет, прислушался к наступающей тишине. И вдруг оба услышали шаги.

— Ну вот, наша торговля закончилась, сейчас будешь расплачиваться! — воскликнул шофер.

Камал потихоньку открыл дверцу. На дороге, что просматривалась сквозь лесопосадку, видел медленнодвигающуюся темную толпу. Достал пистолет, поставил его на боевой взвод. Предупредив задержанного шофера, что, если тот попытается бежать, он будет стрелять без предупреждения, Камал спрятался за кабину.

К самосвалу медленно шел рослый человек, тянувший за веревку трех коров, второй, чуть пониже, — сзади, палкой подгоняя животных. Они миновали кустарник, в котором засел участковый, и приблизились к машине, за плечом рослого виднелся ствол ружья. Задержанный нервозно завожился в кабине, пытаясь ногой открыть дверь, и вдруг во весь голос заорал:

— Легавые нас окружили, Магерраш!

В тот же миг сухо щелкнул выстрел, из кустов выскочил Джафаров, дважды выстрелил вверх, крикнул:

— Ложись!

Животные в испуге бросились врассыпную, свалили высокого и потащили его по земле, так как веревки были у него намотаны на руку. Второй отпрыгнул в сторону и начал стрелять из пистолета по участковому.

Сержант выстрелил в него дважды, участковый тоже стрелял, но почему-то лежа. А первый, оказавшийся поблизости от Камала, наконец рас-

путался, поднялся и, скинув с плеча винтовку, не замечая сержанта, выстрелил в участкового. Камал вскинул пистолет, и бандит, выронив оружие, опустился на шоссе. Задержанный сполз с сиденья на пол грузовика и от страха замер.

Стрельба прекратилась. Сержант, подбежав к высокому, выдернул из его брюк пояс и им крепко связал руки. Обернувшись, увидел, что другой бандит лежит на дороге без движения. Не шевелился и участковый. Камал бросился к нему, приподнял. Части лица у него не было, ее снесло пулей. Он хотел послушать сердце, потом сообразил, что это ни к чему. Камал вытер о землю руки, сунул пистолет лейтенанта в карман и направился ко второму. Он лежал на животе и не подавал признаков жизни. Когда до преступника оставалось шага три, тот, не поднимаясь, выстрелил в Камала раз, второй, третий... Мадатову обожгло грудь, плечо, ногу... Но он сумел ответить. С трудом добрался до газика, вскарабкался в машину, включил рацию и захрипел в микрофон:

— Сержант Ма-да-тов... бандиты убили лейтенанта, помогите...

Попытался добраться до самосвала. Когда наступал на раненую ногу, темнело в глазах. Доковылял до высокого, связанного ремнем, подобрал лежавший рядом старый кавалерийский карабин. Налегая на приклад, как на костыль, упираясь стволом в землю, дотащился до грузовика.

Задержанный водитель, скрючившись, сидел в кабине на полу. От страха его била дрожь. Он повернулся к Камалу. Увидев направленное на него оружие, запричитал:

— Не стреляй, я все скажу!

Сержант, стиснув зубы, морщась от боли, сел на подножку, заметил, что высокий пытается подняться, прохрипел:

— Лежать! Иначе пристрелю!..

С надеждой посмотрел в сторону райцентра, и ему почудилось, что помощь уже близко — далеко на шоссе разлились проблески света. Но Камал не мог разобрать, что это — свет луны или автомобильные фары. На мгновение все потускнело в темноте, выпал из рук пистолет, и от стука упавшего оружия он пришел в себя. Тупая боль в груди не давала покоя. Огляделся, высокий притих и лежал на боку, а вдали появился свет фар. Два светящихся глаза. Подумалось: свои или сообщники этих? А может быть, просто случайная машина?

Камал засунул пистолет за пояс, оперся о винтовку и с трудом заковылял к высокому, его надо было оттащить к обочине — не дай бог, раздавят.

Медленно подошел, судорожно ухватил за телогрейку и поволок бандита, преодолевая боль. Он совсем выбился из сил, сел на обочину рядом с лежащим бандитом.

Огни приближались. Они исчезали, когда шоссе сбегало с пригорка, а потом, взобравшись на гребень, светились ярче. Где-то вдали появились еще светляки фар, и Мадатов подумал, что одна из машин наверняка спешит к нему. Он прилег было на песок, но тут же страшным усилием воли заставил себя подняться, силы покидали его...

Рустам Гасанов зашел в кабинет, надел куртку, достал из сейфа пи-

столет, сунул его в карман, на всякий случай взял запасную обойму, заглянул в комнату оперуполномоченных уголовного розыска. Старший оперативный уполномоченный и два милиционера, оставленные в резерве, играли в шашки. Он направил их в дежурную часть, чтобы быть ближе к рации и под рукой дежурного, а сам решил проверить работу патрульных групп. Разбудил дремавшего шофера, и они выехали на тракт. Рацию держали включенной. По пути им попадались патрульные группы, они заезжали на колхозные фермы, беседовали со сторожами. Одна из групп обеспечивала охрану на заготовительном пункте.

В два часа десять минут поступило сообщение от сержанта Мадатова о подозрительном самосвале и о водителе с обрезом. Слышали, как дежурный по райотделу скомандовал оперативной группе выехать на место.

Гасанов прикинул расстояние до Верхне-Карабахского канала и решил, что опергруппа доберется туда минут за тридцать — сорок, ведь от райцентра до шлюзов около двадцати километров. Сам он не успеет раньше, поскольку находится в противоположном от места встречи Мадатова с подозрительными людьми конце района. Он велел шоферу возвращаться в РОВД.

Подъезжая к райотделу, услышал второе сообщение Мадатова. Схватил телефон, пытаюсь что-то еще услышать в эфире — тишина. Гасанов вызвал оперативную группу. Старший оперуполномоченный доложил, что, желая сократить путь, они свернули на проселочную дорогу и застряли в пятнадцати километрах от райотдела.

— Сейчас вытащим машину и... к шлюз приедем...

Гасанов от гнева едва не выругался. Вызвал дежурного по РОВД, приказал направить к шлюзовому хозяйству помощь по шоссе.

— Поворачивай! — приказал шоферу. — Гони на предельной скорости!

Через двадцать минут фары высветили самосвал и у обочины фигуры людей. В одной узнали сержанта, неестественно скорчившегося у канавы. В его руке неожиданно блеснул пистолет. Гасанов заметил Мадатова, пытавшегося целиться в них. Он выпрыгнул из машины и направился к раненому, повторяя:

— Это я, Камал, я, Гасанов.

Сержант неимоверным усилием воли попытался встать, но уронил пистолет на землю и со стоном опустился на колени.

Старший лейтенант подхватил его. Вместе с шофером-милиционером они осторожно перенесли Камала к своей машине, хотели уложить на сиденье, но Мадатов судорожно ухватился за дверцу, чуть выпрямился, прохрипел:

— Как же быть? Джафарова убили... а днем ему надо в райисполком... В кабине самосвала преступник. Пять тысяч предлагал... Вечером мы с Шириной пойдем в кино... обещал... Он бредил.

Яркий свет вспыхнул в операционной, и хирург Гаджиев склонился над раненым сержантом. Трудная операция длилась всю ночь. Шесть пуль были извлечены из его тела...

И почти непрерывно в приемном покое звонил телефон. Сослуживцы интересовались ходом операции, состоянием здоровья своего товарища, предлагали свою кровь. Свершилось чудо, молодой крепкий организм победил.

* * *

Снова наступила весна, стоял знойный вечер, улочки городка погружались в сумерки. Лейтенант Мадатов собирался на свое очередное дежурство.

Оно как будто бы обещало быть спокойным.

Содержание

К читателю	5
----------------------	---

ФАКТ

Анатолий Безуглов. ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ. документальная повесть	9
Виктор Пронин. В ЗОНЕ РИСКА. документальная повесть	71
Октем Эминов. СЧИТАТЬ ПОДВИГОМ. документальная повесть. <i>Перевод с туркменского В. Ашуева</i>	112

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Юрий Пшонкин. СЛЕДЫ В ТУМАНЕ. повесть	159
Василий Шукшин. ОХОТА ЖИТЬ. рассказ	206
Валентин Федоров. ИНОК БЕЛОЙ ПУСТЫНИ. повесть	221

ДЕТЕКТИВ

Виктор Пронин. С УТРА ДО ВЕЧЕРА ВОПРОСЫ. повесть	281
Ростислав Самбук. КРИМИНАЛЬНЫЙ МАРАФОН. повесть. <i>Перевод с украинского И. Захорошко</i>	366
Леонард Фесенко. ШЕСТЬ ПУЛЬ. рассказ	467

Составитель
Леонард Павлович Фесенко

ФАКТ. ПРИКЛЮЧЕНИЕ. ДЕТЕКТИВ

Редакторы
С. М. СУША, Ю. Д. КОКОРИН

Художественный редактор
Д. В. ОРЛОВ

Технический редактор
Г. Д. КАЛМЫКОВА

Корректор
С. Б. БЛАУШТЕЙН

ИБ № 7956

**Сдано в набор 24.04.91. Подписано к печати 17.10.91.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Таймс».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 37,60. Тираж
100 000 экз. Заказ № 286.**

**Ордена Дружбы народов издательство «Советский писа-
тель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская
типография Государственного комитета СССР по печати,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 109**

Ф 18 Факт. Приключение. Детектив.: Сборник.— М.: Советский писатель, 1991.— 480 с.

ISBN 5—265—02063—2

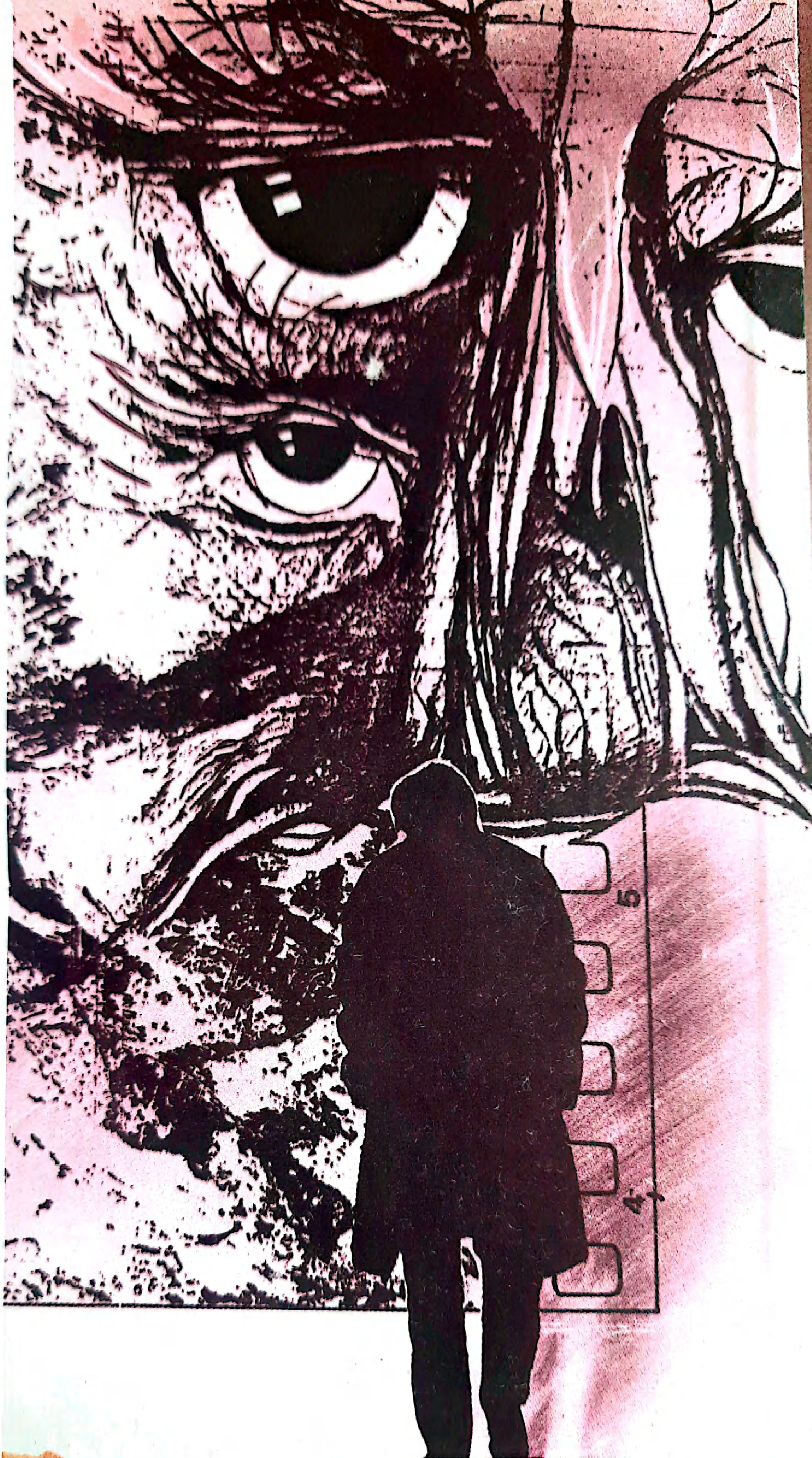
Сборник открывает новую серию книг, в которых авторы указывают на острые, злободневные проблемы: взяточничество, спекуляцию, уголовщину, беспощадную эксплуатацию природы. Некоторые романы, повести, рассказы, представленные в сборнике, написаны на основе реальных событий, произошедших в наше время. Книга рассчитана на массового читателя.

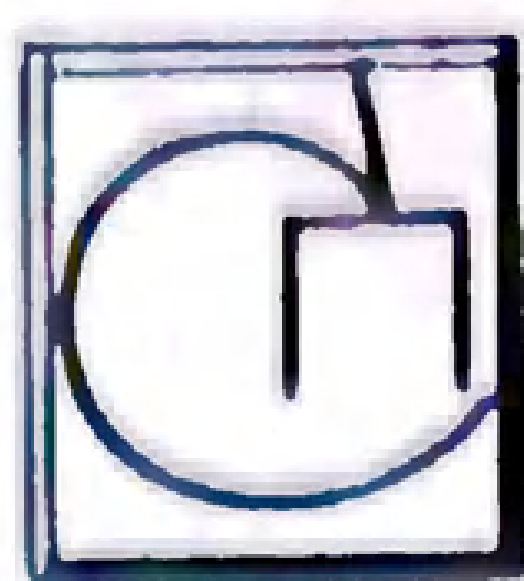
4702010201—332
Ф ————— 365—91
083(02)—91

ББК 84 Р7

„СУМЫКНИГА“
Новая цена 20 з
Подпись _____

В следующий выпуск сборника «Факт. Приключение. Детектив» предполагается включить повести Н. Крамного «Четвертый раунд», Х. Лайпайк «Операция «Волчье лыко», Нодара Думбадзе «Кукарача», роман Рауля Мир-Хайдарова «Двойник китайского императора», рассказы В. Астафьева «Людочка», В. Гойтана «Эхо ночных выстрелов», очерк Н. Булгакова «Подвиг патриарха», эссе А. Гурова, В. Рябинина и другие произведения.

